

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2013 № 2 (54) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2013 № 2 (54) T. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republic of Serbia, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimov, L. S. Starikova, V. P. Dolgih
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.

Тел.: (3842) 58-13-01

Факс: (3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес сайта:

http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.

Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39

Fax: (3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 7 *Ильина М. Г., Лушникова Г. И., Николаева Л. А., Рябова М. Ю., Шишигин К. А., Фомин А. Г.* Научная жизнь кафедр факультета романо-германской филологии
- 11 *Прохорова Л. П.* О конференции «Концепт и культура» в КемГУ

ФИЛОЛОГИЯ

- 14 *Аникеева Е. С.* Визуальная поэзия как интермедиаальный текстовый феномен
- 19 *Бадер О. В.* Глагольные единицы речевого этикета в современном идише, выражающие благопожелание
- 24 *Баишкатова Ю. А.* Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах
- 28 *Гаранина Э. Ю.* Оценочность в жанре кино-рецензии
- 32 *Гуныашова Г. А.* Категория времени в репрезентации концепта Familie
- 36 *Дашкова С. Ю.* Риторический вопрос в структуре аргументативного высказывания (в научно-учебном тексте)
- 40 *Евпак Е. В.* Лингвоперсонология Н. О. Лосского (на материале дружеских писем)
- 45 *Евтушенко Е. В., Прохорова Л. П.* Ценностная составляющая лингвокультурного типажа kidult (на материале опроса респондентов)
- 50 *Желудкова Е. Г.* Роль стереотипов в дискурсе самопрезентации во французских объявлениях о знакомстве
- 56 *Ильина М. Г.* Прагматические и структурно-организующие функции вводных компонентов (на материале французского языка)
- 61 *Исламов Р. С., Фомин А. Г.* Роль программ с элементами искусственного интеллекта в жизни человека в XXI веке (на примере программ машинного перевода)
- 64 *Катышев П. А.* Коммуникативное консультирование как направление прикладной лингвистики
- 67 *Керимов Р. Д.* Концептуальная метафора болезни в немецком политическом дискурсе
- 75 *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Метафоризация библеизмов в немецкой социальной коммуникации
- 81 *Колесов И. Ю.* О языковом моделировании знания о зрительном восприятии
- 87 *Колмогорова А. В.* Гносеологический потенциал концепта *constraint* в современном англоязычном научном дискурсе

RESEARCH ACTIVITY

- 7 *M. G. Ilina, G. I. Lushnikova, L. A. Nikolaeva, M. Y. Riabova, K. A. Shishigin, A. G. Fomin.* Faculty of romance and Germanic philology: research activities of the departments
- 11 *L. P. Prokhorova.* On the conference “concept and culture”

PHILOLOGY

- 14 *E. S. Anikeeva.* Visual poetry as literary phenomenon of intermediality
- 19 *O. V. Bader.* Verbal blessings formulas in modern Yiddish
- 24 *Yu. A. Bashkatova.* Body metaphor in English and Russian linguocultures
- 28 *E. Yu. Garanina.* Evaluation in the genre of film review
- 32 *G. A. Gunyashova.* The category of time in the representation of the concept Family
- 36 *S. Yu. Dashkova.* Rhetorical questions in the structure of argumentative statements (in scientific and academic texts)
- 40 *E. V. Evpak* Linguistic personology of N. O. Lossky (friendly letters studies)
- 45 *E. V. Evtushenko, L. P. Prokhorova* Value component of lingvocultural type kidult (based on respondents survey)
- 50 *E. G. Zheludkova.* The role of stereotypes in the discourse of self-presentation in French personal
- 56 *M. G. Ilina.* Pragmatic and structure-organizing functions of parenthetical elements (as revealed in written French texts)
- 61 *R. S. Islamov, A. G. Fomin.* The role of programs with the elements of artificial intelligence in the life of humanity in the XXIst century (based on the example of machine translation programs)
- 64 *P. A. Katyshev.* Communicative counseling as a direction of applied linguistics
- 67 *R. D. Kerimov.* The conceptual metaphor of disease in the German political discourse
- 75 *R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina.* Metaphorization of biblical names and events in the German social communication
- 81 *I. Yu. Kolesov.* On lingual construal of the knowledge of vision
- 87 *A. V. Kolmogorova.* Gnoseological potential of the concept *constraint* in modern English scientific discourse

- 92 **Коломиец С. В., Медведева Е. В.** Интертекстуальные маркеры культурно-семиотического кода в художественном дискурсе (на примере жанра фэнтези)
- 98 **Константинова Н. А.** Морфо-семантическая характеристика немецких эмотивных глаголов, выражающих эмоцию печали
- 101 **Кузнецов Д. В.** Временные отношения в произведении искусства: взгляд наблюдателя
- 106 **Лушникова Г. И., Якищенко Е. А.** Лексические средства выражения эмоции возмущения (на материале англоязычных художественных текстов)
- 110 **Мельник Е. А.** Идишские глаголы с префиксом *unter-*: валентность и корреляции разных уровней описания и представления
- 113 **Мещерякова Е. А.** Роль междометий в реализации категории персональности (на материале английских художественных произведений)
- 117 **Омеличкина Е. О., Рябова М. Ю.** Номинативная характеристика лингвокультурного типажа «герой-борец» во французском художественном дискурсе
- 122 **Омеличкина С. В.** Проблема трансляции детских речевых искажений в художественном дискурсе
- 127 **Пименова М. В.** Типы концептов и этапы концептуального исследования
- 132 **Писаренко А. В.** Лингвокультурные характеристики лексико-семантического поля «held» в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе
- 136 **Письмак Т. Г.** Неконтролируемость и темпоральность
- 139 **Рабкина Н. В.** «Конец света» 21.12.12. в демотиваторах и карикатурах российского и англоязычного Интернет-пространства
- 144 **Ресенчук А. А., Рябова М. Ю.** Формулы речевого этикета в эпистолярном романе
- 148 **Романова И. В.** Языковые способы выражения эмоций во французском художественном тексте (на материале романа Амели Нотомб «Катилинарии»)
- 152 **Савельева И. В.** Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в Интернет-среде
- 157 **Серова Л. Ф.** Юмор абсурда и лингвистические приемы его выражения в детских рассказах Клода Буржеса
- 161 **Смирнова А. Г.** Гендерный подход в исследовании оценки качеств человека
- 165 **Старцева Т. В.** Прозаические текстовые включения как механизмы когнитивного моделирования лингвокультурного типажа *emigrant*
- 92 **S. V. Kolomiets, E. V. Medvedeva.** Intertextual markers of cultural-semiotic patterns in art discourse (the case of fantasy)
- 98 **N. A. Konstantinova.** Morphological and semantic features of the German emotive verbs expressing the emotion “sadness”
- 101 **D. V. Kuznetsov.** Temporal relations in a work of art: in the eye of the beholder
- 106 **G. I. Lushnikova, E. A. Yakishchenko.** Lexical means expressing indignation (on the basis of the texts of English fiction)
- 110 **E. A. Melnik.** Yiddish verbs with prefix *unter-*: valence and correlations of different description and representation levels
- 113 **E. A. Meshcheryakova.** The role of interjections in the realization of the category of personality (on the basis of the texts of English fiction)
- 117 **E. O. Omelichkina, M. Y. Riabova.** Nominative characteristics of the linguo-cultural type «hero-fighter» in the French literary discourse
- 122 **S. V. Omelichkina.** Translation of child contaminated speech in literary discourse
- 127 **M. V. Pimenova.** The types of concepts and the way of conceptual structure analysis
- 132 **A. V. Pisarenko.** Lingual-cultural characteristics of the lexico-semantic field «held» in the modern German newspaper-journalistic discourse
- 136 **T. G. Pismak.** Uncontrollability and temporality
- 139 **N. V. Rabkina.** The end of the world 21.12.12. in Russian and English internet demotivators and caricatures
- 144 **A. A. Resenchuk, M. Y. Ryabova.** Etiquette formulae in epistolary novel
- 148 **I. V. Romanova.** The methods of emotion expression in the novelry (based on the novel of Amelie Nothomb “Les Catilinaires”)
- 152 **I. V. Savelyeva.** The perception strategies of political discourse by the authors of Internet - comments
- 157 **L. F. Serova.** Linguistic means of absurdity humour explication in Claude Bourgeyx’s stories for children
- 161 **A. G. Smirnova.** Gender approach to study of assesses of human qualities
- 165 **T. V. Startseva.** Prosaic intexts as the mechanisms of cognitive modelling linguocultural type emigrant

- 172 **Тупикова А. М.** Некоторые особенности структуры гипертекста немецкоязычной рекламы товаров для детей
- 178 **Тупикова А. М., Каменева В. А.** Идеологическая деконструкция немецкоязычной рекламы для детей с позиций гендерного стереотипизирования
- 184 **Шабалина А. Н.** Проблема синонимии через призму пропозициональной организации семантической структуры семьи однокоренных слов
- 188 **Шарикова Л. А.** Концептуализация мира в текстах медийной самопрезентации Европейского Союза
- 195 **Шишигин К. А.** Глаголы с префиксом *avek-* в языке идиш: когнитивно-семантическая классификация
- 199 **Шишигина О. Ю.** Репрезентация социальных признаков концептов «man» и «woman» в современном американском варианте английского языка
- 204 **Шкуратова Е. А.** Коммуникативные стратегии и тактики передачи сообщений о военном конфликте
- 209 **Шербаков К. Ю.** Эмоции через призму фразеологизмов

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- 214 **Борисенко Е. Н.** Концептуальная модель педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов
- 220 **Зникина Л. С.** Лингводидактические основания профессионально-коммуникативной компетенции
- 224 **Константинова Н. А.** Домашнее чтение как одна из форм самостоятельной работы студентов при изучении немецкого языка
- 228 **Коняева Л. А.** Дискуссионный метод как способ формирования коммуникативной компетенции студентов
- 233 **Николаева Л. А.** Межкультурная компетенция как фактор успешного межкультурного взаимодействия студентов
- 238 **Перевалова А. А.** Стабильность будущего педагога. Статья 1. Уточнение сущности понятия устойчивости: междисциплинарный подход
- 244 **Информация для авторов**
- 246 **Подписка на «Вестник КемГУ»**

- 172 **A. M. Tupikova.** The structure of German internet advertising hypertexts for children
- 178 **A. M. Tupikova, V. A. Kameneva.** Ideological deconstruction of German advertising for children from the point of gender stereotyping
- 184 **A. N. Shabalina.** Issue of synonymous relations regarded on basis of propositional structure of semantics of family of cognate words
- 188 **L. A. Sharikova.** World-conceptualization in texts of European union media self-presentation
- 195 **K. A. Shishigin.** Yiddish prefixed verbs with *avek-*: a cognitive-semantic classification
- 199 **O. Yu. Shishigina.** The representation of social dimensions of the concepts «man» and «woman» in modern American English
- 204 **E. A. Shkuratova.** Communicative strategies and tactics in statements describing military conflict situations
- 209 **K. Y. Shcherbakov.** Verbal expression of emotions in phraseology

PEDAGOGICS AND LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY

- 214 **E. N. Borisenko.** The concept model of the educational support of students social competence formation
- 220 **L. S. Znikina.** Linguodidactic aspect of the professional communicative competence
- 224 **N. A. Konstantinova.** Home reading as a form of independent work of the students studying German
- 228 **L. A. Koniaeva.** Panel method as way of formation communicative competence of students
- 233 **L. A. Nikolaeva.** Intercultural competence as a factor of successful students intercultural interaction
- 238 **A. A. Perevalova.** Professional stability of future teachers. Article 1. Defining the notion “stability / consistency”: interdisciplinary approach
- 244 **Information for authors**
- 246 **Subscribe to Bulletin of KemSU**

Выпуск «Вестника КемГУ» посвящается 50-летию юбилею факультета романо-германской филологии КемГУ, празднование которого состоялось в ноябре 2012 г. В издании публикуются научные работы профессоров, доцентов и аспирантов факультета, а также коллег с других факультетов КемГУ и вузов-партнёров, активно сотрудничающих с факультетом РГФ.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ КАФЕДР ФАКУЛЬТЕТА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

М. Г. Ильина, Г. И. Лушникова, Л. А. Николаева, М. Ю. Рябова, К. А. Шишигин, А. Г. Фомин

FACULTY OF ROMANCE AND GERMANIC PHILOLOGY: RESEARCH ACTIVITIES OF THE DEPARTMENTS

M. G. Ilina, G. I. Lushnikova, L. A. Nikolaeva, M. Y. Riabova, K. A. Shishigin, A. G. Fomin

В 2012 году факультет романо-германской филологии Кемеровского государственного университета отпраздновал свой 50-летний юбилей. Факультет дает качественное фундаментальное филологическое образование и обеспечивает подготовку на всех ступенях высшего профессионального образования – бакалавра, специалиста, а также в магистратуре и аспирантуре. Важное место в работе факультета занимают научные исследования. Главными целями научно-исследовательской деятельности на факультете являются: повышение научной квалификации преподавателей, организация научных исследований студентов в качестве составной части учебного процесса, а также интеграция научных результатов и учебных программ подготовки специалистов в области зарубежной филологии, переводоведения и методики преподавания иностранных языков. В состав факультета входят шесть кафедр, сотрудники которых активно вовлечены в научные исследования.

2012 год стал юбилейным для двух кафедр факультета: исполнилось 20 лет со дня основания кафедр английской филологии № 1 и английской филологии № 2. Научные исследования, проводимые сотрудниками **кафедр английской филологии № 1**, в основном продолжают традиции Санкт-Петербургской научной лингвистической школы, так как диссертационные исследования ведущих ученых кафедр были защищены под руководством известных ученых в Санкт-Петербургском государственном университете (канд. диссертация М. Ю. Рябовой) и в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена (докт. дис. М. Ю. Рябовой, докт. диссертация Л. П. Халяпиной, канд. диссертация С. П. Тиуновой). Под руководством этих преподавателей были открыты аспирантуры: по специальности «Теория языка» у С. П. Тиуновой (защитилось 7 аспирантов, из них О. Е. Березняк в Санкт-Петербургском госуниверситете и Е. М. Горожанкина в университете Великого Новгорода), у М. Ю. Рябовой по специальности «Теория языка» и «Германские

языки» (защитилось 13 аспирантов), у Л. П. Халяпиной по специальности «Методика преподавания иностранных языков» (защитилось 2 аспиранта), у В. А. Каменевой (защитилось 2 аспиранта), у Е. Д. Мариновой (защитился 1 аспирант). Под руководством профессоров кафедры защитили кандидатские диссертации преподаватели: Д. В. Кузнецов, Н. В. Рабкина, К. Ю. Щербаков, О. В. Валько, В. А. Каменева, которые тематикой своих работ продолжили научные традиции своих научных руководителей, т. е. традиции Санкт-Петербургской научной школы.

В настоящее время кадровый состав кафедры представлен 3 докторами наук, профессорами, 9 доцентами, кандидатами наук (Е. Д. Маринова, Д. В. Кузнецов, Р. С. Полесюк, К. Ю. Щербаков, О. В. Валько, О. Ю. Шишигина, С. П. Тиунова, Л. А. Коняева, Н. В. Рабкина); М. Ю. Рябова – член корреспондент Сибирской академии наук высшей школы.

Научные исследования на кафедре английской филологии № 1 осуществляются в рамках 4 научно-исследовательских инициативных тем, развивающих общую факультетскую тему «Диалог языков и культуры»:

1-я тема – «Язык и речевая деятельность в когнитивной парадигме» (рук. М. Ю. Рябова);

2-я тема – «Современные технологии организации самостоятельной работы студентов в условиях кредитно-модульного обучения» (рук. Л. П. Халяпина);

3-я тема – «Статика и динамика пространства» (рук. С. П. Тиунова);

4-я тема – «Дискурсивные исследования» (рук. В. А. Каменева).

Преподаватели неоднократно выигрывали гранты российских и международных научных фондов: Н. В. Рабкина (гранты 2007 и 2008 гг. от Nederlandse Taalunie); Н. В. Рабкина, Д. В. Кузнецов (грант КемГУ 2013 на разработку электронного учебника); В. А. Каменева (грант губернатора КО 2009, 2013 гг.); М. Н. Сотникова (2008 г. грант программы Fulbright на изучение английского языка в США); М. Ю. Ря-

бова (2006 грант Fulbright Scholarship Program на проведение научных исследований в США) и др.

На кафедре под руководством профессора М. Ю. Рябовой работает научная школа «Теория языковой коммуникации», зарегистрированная в КемГУ в 2010 году. В рамках школы защищены 13 кандидатских диссертаций, проводятся научно-практические конференции (например, в 2011 г. научная конференция на тему: «Проблемы языка и культуры» с международным участием; на 2013 г. запланирована вторая международная конференция по теме: «Проблемы языка и культуры: мультикультурализм и полилингвальность»), издаются научные монографии и учебные пособия. Кафедра продвигает свои научные исследования на международном уровне, преподаватели участвуют в международных научных конференциях и форумах за рубежом (Л. П. Халяпина, М. Ю. Рябова – в Финляндии и Испании в 2010; Л. П. Халяпина – в Лондоне, Ирландии, Италии в 2011, 2012 гг.; Л. А. Коляева – в Словакии, Украине; К. Ю. Щербаков – в Чехии, Украине и др.). Кафедра гордится своими выпускниками, которые защитили докторские диссертации в зарубежных вузах (Е. С. Трибушнина, работает в Амстердамском университете, Нидерланды; Н. В. Рожина – в Швеции), продвигая таким образом достижения научной школы кафедры.

Кафедра поддерживает и развивает научное сотрудничество с ведущими научно-исследовательскими центрами России и мира: с СПбГУ и РГПУ (г. Санкт-Петербург), с АлтГПА (г. Барнаул), НИ ТПУ (г. Томск), ИГЛУ (г. Иркутск), с университетом г. Лок-Хевен (США), с Высшей школой переводчиков (Антверпен, Бельгия), с НИ НГУ (Новосибирск) и др.

Научные тенденции **кафедры английской филологии № 2** были созданы выдающимся профессором, замечательным человеком Надеждой Васильевной Феоктистовой, которая приехала в Кемерово из Санкт-Петербургского госуниверситета и работала на кафедре более 20 лет. Преподаватели кафедры чтят память о Н. В. Феоктистовой и стараются сохранять и развивать научные традиции, заложенные ею. Ныне на кафедре работают три доцента, защитившие кандидатские диссертации под её руководством – Е. Н. Ермолаева, Н. С. Соколова, С. А. Власова, другие преподаватели также считают себя её учениками и продолжателями её идей.

В настоящее время на кафедре работают один профессор, доктор филологических наук, семь доцентов, кандидатов филологических наук, кандидат культурологии. Научное направление кафедры: интертекстуальность как лингвокультурный диалог. В рамках данного направления защищены одна докторская (Г. И. Лушникова) и четыре кандидатские диссертации (Н. А. Баева, Ю. А. Башкатова, Л. П. Прохорова, Т. В. Старцева), опубликованы четыре монографии (Г. И. Лушникова – 2, Н. А. Баева, Л. П. Прохорова), три учебных пособия (Г. И. Лушникова, Н. А. Баева, Ю. А. Башкатова).

Ведутся исследования и в других областях лингвистики: теория перевода (С. В. Омеличкина), когнитивная лингвистика (Е. Ю. Афанасьева, Ю. А. Башкатова, С. А. Власова, Е. Н. Ермолаева, Н. С. Соко-

лова, Т. В. Старцева), интерпретация текста (Н. А. Баева, Г. И. Лушникова, Л. П. Прохорова), культурология (Т. Я. Костюченко). Ю. А. Башкатова работает над докторской диссертацией, является докторантом кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ.

На кафедре открыта аспирантура, научные руководители Г. И. Лушникова, Н. А. Баева, Л. П. Прохорова, Е. Н. Ермолаева осуществляют руководство аспирантами и соискателями КемГУ и других вузов и образовательных учреждений г. Кемерово, Новокузнецка, Ленинск-Кузнецкого. Под руководством Г. И. Лушниковой защищено восемь кандидатских диссертаций, пятеро из защитившихся работают на кафедре, Т. А. Корнеева заведует кафедрой иностранных языков Ачинского филиала Красноярского госуниверситета, А. В. Колегаева работает в Калифорнии, США.

Преподаватели кафедры принимают активное участие в работе научных конференций разного уровня в Российских вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Барнаула, Иркутска, Кемерово и др., а также в конференциях зарубежных вузов. Г. И. Лушникова принимала участие в научных конференциях в университетах: Реддинг, Дарем, Портсмут (Англия), Ландау (Германия), Дюбаи (ОАЭ), Сфакс (Тунис); Л. П. Прохорова – в научных конференциях университета Глазго, Каледонского университета (Шотландия), Анже (Франция), Чичестер (Англия), где также читала лекции для студентов и преподавателей; Т. Я. Костюченко выступала с научными докладами и в качестве рецензента по дипломной работе в университете Лок-Хейвен (США).

Силами кафедры организованы и проведены пять международных научных конференций «Концепт и культура» (2003, 2006, 2008, 2010, 2012 гг.). По материалам данных конференций опубликовано пять сборников научных статей. Сопредседатели оргкомитета конференций и соредакторы сборников Г. И. Лушникова, Л. П. Прохорова.

Кафедра сотрудничает с филологическим факультетом КемГУ, с вузами г. Кемерово и области и другими вузами России. Данное сотрудничество проявляется в совместных научных мероприятиях, в участии в работе конференций и научных школ, в рецензировании и оппонировании кандидатских и докторских диссертаций, написании отзывов на авторефераты диссертаций, рецензировании монографий и сборников научных статей.

С целью обмена научными знаниями приглашаются преподаватели из Российских и зарубежных вузов, которые проводят семинары и читают лекции по актуальным проблемам лингвистики. Среди приглашённых были д-р филол. наук, профессор Иркутского лингвистического университета Ю. М. Малинович, д-р филол. наук, профессор Новосибирского госуниверситета С. Г. Проскурин, д-р филол. наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии И. Ю. Колесов, а также наши зарубежные коллеги из Англии, Шотландии, Бельгии, США.

Преподаватели кафедры неоднократно выигрывали гранты для участия в научных мероприятиях раз-

ного уровня (А. В. Колегаева, Т. Я. Костюченко, Л. П. Прохорова, Е. В. Евтушенко).

Перспектива научной работы видится в дальнейших изысканиях в области лингвистики, написании и защите кандидатских и докторских диссертаций, в разработке научных проектов, имеющих грантовую поддержку.

Преподаватели **кафедры французской филологии** ведут исследовательскую работу по следующим направлениям: социокультурный компонент в обучении межкультурной коммуникации, влияние национальной культуры на формирование речевой компетенции в межкультурном общении, актуальные проблемы этнолингвистики.

Ведущие доценты, аспиранты и соискатели кафедры изучают роль и место социокультурных компонентов в языковой картине мира, выявляют особенности межкультурного общения, анализируют содержание образов языкового сознания носителей языка и изучающих иностранный язык, исследуют явления интерференции в процессе изучения иностранного языка и влияние иноязычной культуры на родную речь и т. д.

Результаты исследовательской работы преподавателей кафедры французской филологии регулярно отражаются в научных статьях и апробируются на конференциях разного уровня.

Кафедра подготовила и провела ряд научных конференций (20 – 21.09.2007 – Международная научно-практическая конференция «Междисциплинарные лингвистические исследования», 25 – 26.10.2007 – Международная конференция «Экономика – Образование – Многоязычие» совместно с Центром немецкого языка и культуры КемГУ, 29.04.2009 – Международный научно-практический семинар «Россия и ЕС: как подобрать слова», 20.10.2009 – Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация и преподавание иностранного языка»), а также организовала работу секции «Межкультурная коммуникация: русско-французский диалог» в рамках научной конференции с международным участием «Русское слово в историко-культурном контексте» 22.10.10, организованной КемГУКИ, подготовила к изданию сборники материалов конференций.

Совместно с посольством Франции в России в ноябре 2009 г. был проведен франко-российский научно-методический семинар «От специализированной школы к двуязычию» для учителей французского языка общеобразовательных и школ и школ с углубленным изучением иностранных языков Западной Сибири.

В 2009 – 2012 гг. преподаватели кафедры совместно с коллегами Свободного Института М. Аппс реализовывали российско-бельгийский проект «Повышение компетенции в области международных отношений (отношения между Россией и ЕС)», финансово поддержанный Французским сообществом и Валлонским регионом Королевства Бельгия. Цель проекта – выявление специфики терминологии в области международных отношений в процессе перевода текстов разнообразной тематики; анализ лексиче-

ских единиц терминологического характера, отображающих реалии современного международного сотрудничества и направления научно-технического прогресса.

Кафедра немецкой филологии занимается изучением многообразных связей языка, мышления, культуры, механизмов концептуализации и категоризации действительности в различных языках. Основными направлениями исследований преподавателей кафедры являются: *когнитивные и концептуальные исследования* (кандидаты филол. наук, доценты: Г. А. Гуняшова, Р. Д. Керимов, Р. М. Скорнякова, Л. И. Федянина, Л. А. Шарикова); *семантика, прагматика, морфосинтаксис* (канд. филол. наук, доц. Н. А. Константинова, канд. филол. наук, доц. К. А. Шишигин, канд. филол. наук Т. В. Титаренко); *политическая лингвистика* (канд. филол. наук, доц. Р. Д. Керимов); *гендерная лингвистика* (канд. филол. наук, доц. А. Г. Смирнова, соискатель А. М. Тупикова); *лингвокультурология* (канд. филол. наук, доц. Л. А. Шарикова, канд. филол. наук А. В. Писаренко); *методика преподавания немецкого языка* (кандидаты филол. наук, доценты: Г. А. Гуняшова, Н. А. Константинова).

Если названные тематики и направления разрабатываются на материале *немецкого языка*, то в последние годы молодым для кафедры направлением стала *идишистика*, в рамках которой проводятся когнитивные, концептуальные, когнитивно-семантические и морфосинтаксические исследования на материале *языка идиш* (зав. кафедрой, канд. филол. наук, доц. К. А. Шишигин; соискатели: Е. А. Мельник, О. В. Бадер, Е. О. Щербинина).

Огромный, неоценимый вклад как в развитие кафедры немецкой филологии в целом, так и в ее научное становление, в подготовку научных кадров внес доктор филологических наук, профессор Евгений Александрович Пименов (1947 – 2011), двадцать пять лет возглавлявший кафедру. Евгением Александровичем были подготовлены 19 кандидатов наук, абсолютное большинство которых работают в КемГУ, в кузбасских и других сибирских вузах.

Профессор Е. А. Пименов являлся основателем и соруководителем научной школы «Кемеровская лингвистическая школа концептуальных исследований», которая, как отмечалось в одной из статей, посвященных памяти Е. А. Пименова, объединила «молодых и энергичных ученых факультета романо-германской филологии и факультета филологии и журналистики КемГУ...». По его инициативе кафедра немецкой филологии начала активную публикационную деятельность: Е. А. Пименов был редактором и соредактором сборников научных трудов серий «Этногерменевтика и этнориторика» и «Филологический сборник», организатором и соорганизатором четырех международных научных конференций.

Кафедра немецкой филологии продолжает заложенные профессором Е. А. Пименовым научные традиции.

1. Ведется подготовка соискателей:

– с 2005 г. подготовлено 5 кандидатов наук (научный руководитель канд. филол. наук, доц. Л. А. Ша-

рикова – 4 человека; научный руководитель канд. филол. наук, доц. Р. М. Скорнякова – 1 человек);

– в настоящее время канд. филол. наук, доц. К. А. Шишигин ведет подготовку трех соискателей.

2. Продолжается публикация научных работ, о чем свидетельствуют представленные в данном – посвященном 50-летию факультета романо-германской филологии – номере «Вестника КемГУ» статьи, а также сборники научных трудов, издаваемые сотрудниками кафедры и при их непосредственном участии, например, следующие изданные за последние пять лет:

– Лингвистика. Герменевтика. Концептология: сб. науч. трудов, посв. 60-летию юбилею проф. Е. А. Пименова / отв. ред. **Р. Д. Керимов**. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.

– Концепт и культура: сб. статей (V Междунар. науч. конференция, Кемерово, 8 – 10 октября 2012) / отв. ред. Г. И. Лушникова, отв. ред. Л. П. Прохорова, ред. коллегия: С. В. Омеличкина, **К. А. Шишигин** и др. – Кемерово: КемГУ, 2012.

3. В 2012 году в рамках V Международной научной конференции «Концепт и культура» проводился междисциплинарный научный семинар «Немцы, славяне и евреи: диалог языков и культур», в котором наряду с сотрудниками кафедры немецкой филологии приняли участие ученые других кафедр КемГУ, университетов Биробиджана, Кемерово, Москвы и Израйля.

Кафедра теории и практики перевода была создана под руководством д-ра филол. наук, профессора М. Ю. Рябовой в рамках программы TEMPUS/TASIS в июне 1997 года на факультете РГФ в Кемеровском государственном университете. Партнерами университета были: Институт Мари Апс (г. Брюссель, Бельгия), Католическая высшая школа (г. Антверпен, Бельгия), Институт перевода (г. Страсбург, Франция). Целью основания кафедры являлось предоставление студентам факультета РГФ возможности получения современной и перспективной специализации, актуальной в мире растущих международных контактов, – переводчик. В настоящее время заведующим кафедрой ТиПП является доктор филологических наук, профессор А. Г. Фомин. На кафедре работают 1 доктор наук, 4 кандидата наук, а также специалисты – практики (переводчики) и высококвалифицированные преподаватели, прошедшие стажировки по переводу в ведущих образовательных центрах и университетах Европы (Антверпена, Брюсселя, Страсбурга) и США.

При кафедре действует аспирантура по направлению 10.02.19 «Теория языка». В настоящее время обучается 6 аспирантов и 3 соискателя, защищено 3 кандидатские диссертации.

Научная работа преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры связана с дискурсивными исследованиями в психолингвистическом аспекте, включает рассмотрение национально-культурных особенностей вербальной коммуникации, проведение экспериментальных исследований в русле этнопсихолингвистики. Многие научные исследования связаны с изучением проблем перевода как акта межкультурной коммуникации, касаются вопросов методики и

технологии его преподавания. Общая методология исследований базируется на теоретических достижениях ряда научных направлений, а именно: русской психолингвистической школы, рассматривающей текст как результат речевой деятельности его продуцента и реципиента; когнитивно-дискурсивного подхода; логического анализа языка; лингвистических концепций «целого текста». Все перечисленные подходы распространяются на любые типы текста, что обеспечивает целесообразность их использования как методологической базы для решения исследуемых проблем.

Выигранные преподавателями кафедры гранты направлены на реализацию научных исследований в русле научного направления кафедры:

1. В. Ю. Гейер – грант: стипендия Института им. Гёте «Обмен педагогическим опытом, методика и дидактика преподавания иностранного языка» (Unterrichtshospitation und Methodik/Didaktik) в Институте им. Гёте в г. Швебиш Халль, ФРГ.

2. А. Г. Фомин – грант для проведения научного исследования в рамках международного проекта «Вербальная агрессия в ситуации конфликта: сравнительный анализ речевого поведения русских и американских студентов» (Совместный проект ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» и Университета Лок-Хейвен (Пенсильвания, США). Руководитель – А. Г. Фомин и Steven Granich.

3. Певнева Инна Владимировна – грант Губернатора Кемеровской области «Особенности речевого поведения старшеклассников в ситуации конфликта (по данным психолингвистического эксперимента с учащимися школ г. Кемерово)», руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Андрей Геннадьевич Фомин.

4. Торчакова Наталья Владимировна – грант CHINA GOVERNMENT SCHOLARSHIP COUNCIL. College of International Education (Китай).

5. Лашкова Анна Сергеевна – грант в рамках проекта New Volunteers with New Ideas make Prevention More Efficient.

На кафедре реализуется магистерская программа «Теория и практика перевода», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Андрей Геннадьевич Фомин.

Кафедра иностранных языков проводит научно-исследовательскую работу в области педагогики, педагогической технологии и методики обучения иностранным языкам. Основным направлением научной работы кафедры является «**Научно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов неязыковых факультетов в обучении иностранному языку в условиях многоуровневого компетентностного высшего профессионального образования**».

Решение проблемы повышения качества отечественного высшего профессионального образования связано с модернизацией содержания образования, поиском наиболее оптимальных способов и технологий организации образовательного процесса. Внедрение компетентностного подхода в высшее профессио-

нальное образование России является результатом его гармонизации с европейской образовательной системой, где в последние десятилетия произошла переориентация содержания образования на освоение ключевых компетенций. Все учебные дисциплины цикла «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» призваны вносить свой вклад в формирование компетенций студентов, но «Иностранный язык» (для неязыковых специальностей) занимает особое место в их ряду, поскольку эта дисциплина способствует подготовке будущих специалистов, отвечающих требованиям современного работодателя к выпускникам вузов: эффективное использование коммуникативной иноязычной компетенции выпускником вуза в сфере его профессиональной деятельности.

Владея не только совершенными знаниями предмета «Иностранный язык», но и общей педагогикой, современной дидактикой высшей школы, методикой преподавания своего предмета, педагогической психологией, преподаватели кафедры: *Е. Н. Борисенко, Т. М. Белова, О. Н. Гринвальд, О. А. Игнатенко, С. В. Коломиец, Л. А. Николаева, А. А. Первалова, Н. В. Тунёва* активно принимают участие и делятся своим опытом на конференциях различного уровня, всероссийских и областных научно-методических семинарах.

На кафедре иностранных языков издаются современные учебные и учебно-методические пособия по

иностранным языкам на базе английского, немецкого и французского языков для студентов различных уровней и направлений.

Ежегодно на базе кафедры иностранных языков проводится олимпиада по иностранным языкам для студентов-нефилологов. Под руководством доцентов *Е. Н. Борисенко* и *Л. А. Николаевой* студенты КемГУ неоднократно занимали первые места в областной олимпиаде по английскому и немецкому языкам, за что были отмечены Благодарственными письмами администрации области.

В рамках традиционной Апрельской студенческой конференции преподаватели кафедры привлекают студентов различных факультетов к самостоятельным и совместным с преподавателем научным исследованиям в контексте межкультурного пространства с последующим опубликованием результатов этих исследований.

Таким образом, преподаватели кафедры иностранных языков не только мотивируют изучение иностранных языков студентами университета, но и содействуют развитию способности студентов рефлексировать свою и чужую культуру, пополнять знания о ней, адекватно воспринимать различные ценности «иных культур», что является конечной целью дисциплины «Иностранный язык».

О КОНФЕРЕНЦИИ «КОНЦЕПТ И КУЛЬТУРА» В КЕМГУ

Л. П. Прохорова

ON THE CONFERENCE "CONCEPT AND CULTURE"

L. P. Prokhorova

8 – 10 октября 2012 года в Кемеровском государственном университете была проведена V Международная научная конференция «Концепт и культура». Организаторы (кафедра английской филологии № 2, факультет романо-германской филологии) посвятили её двум юбилейным датам: 50-летию юбилею факультета романо-германской филологии и 65-летию со дня рождения основателя научной школы концептуальных исследований на факультете, декана факультета РГФ, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента САН ВШ Евгения Александровича Пименова.

В конференции приняли участие очно и заочно (стендовый доклад, публикация в сборнике) 113 преподавателей и аспирантов из стран дальнего и ближнего зарубежья (из них 18 профессоров, 40 доцентов) – Англии, Франции, Израиля, США, Кыргызстана, республик Российской Федерации – Адыгеи, Мордовии, Татарстана, и из таких городов России, как Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Архангельск, Смоленск, Самара, Челябинск, Новосибирск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий и др.

В своих докладах учёные представили анализ лингвокультурных феноменов, который проводится на разнообразном лингвистическом, литературном и историческом материале, включающий факты английского (в том числе, его канадского и новозеландского вариантов), а также ирландского и шотландского диалектов), немецкого, французского, турецкого, болгарского, японского, калмыцкого, итальянского, русского, китайского, татарского, кабардинского языков, а различные языковые процессы и явления изучаются как в рамках одной культуры, так и в сравнительно-сопоставительном ракурсе, как на современном, так и на ранних этапах развития науки о языке.

В рамках конференции для преподавателей и студентов факультета романо-германской филологии прошли лекции и семинары приглашенных докладчиков: английского поэта Энди Крофта (Англия); Мелани Маркусич, начальника международного отдела университета г. Эшланд (США); профессора РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург) Галины Васильевны Елизаровой.

История организации и проведения конференций «Концепт и культура» связана с именами двух вы-

дающих профессоров, внёсших большой вклад в становление и развитие факультета. Музой конференции организаторы по праву считают Надежду Васильевну Феоктистову, первая конференция была посвящена её юбилею. Это был своеобразный подарок всеми любимому педагогу с большой буквы, доктору филологических наук, первому профессору факультета романо-германской филологии КемГУ, известному филологу-германисту, одному из крупнейших специалистов в области исторического языкознания, человеку, сыгравшему огромную роль в развитии факультета, а также в укреплении научного потенциала нашего региона. Приехав в Кемеровский госуниверситет из Санкт-Петербургского университета в 1986 году, Н. В. Феоктистова посвятила 20 с лишним лет служению Кемеровскому государственному университету в качестве заведующего, а затем профессора кафедры английской филологии. Профессор Евгений Александрович Пименов являлся основателем и соруководителем школы концептуальных исследований в Кемеровском госуниверситете, которая объединила ученых-когнитологов и молодых соискателей и аспирантов факультета романо-германской филологии и факультета филологии и журналистики КемГУ. Евгений Александрович был также вице-президентом Кемеровского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российская Ассоциация лингвистов-когнитологов» с момента его создания на базе Кемеровской концептуальной школы в 2003 г.

Опыт проведения первых четырех международных научных конференций «Концепт и культура» (2003, 2006, 2008 и 2010 гг.), а также доклады, представленные на конференцию 2012 года, свидетельствуют о неослабевающем интересе к концептуальным исследованиям культурно-языкового пространства.

Подробный отзыв о состоявшейся в октябре 2012 года юбилейной конференции «Концепт и культура» предоставил участник конференции **Игорь Юрьевич Колесов**.

В октябрьские дни – с 8-го по 10-е, – еще не по осеннему теплые и ясные, но неизменно теплые по гостеприимству, факультет романо-германской филологии Кемеровского государственного университета организовал работу V Международной научной конференции «Концепт и культура», ставшей юбилейной – пятой в серии научных дискуссий на темы, актуальные для лингвистики последних десятилетий. Такими проблемами для нынешней конференции стали «Концептуальная и языковая картины мира», «Концепт в лингвокультурологическом освещении», «Текст в коммуникативном пространстве культуры: интерпретация и перевод», «Интертекстуальность как диалог культур», «Дискурсивные исследования», «Теоретические и прикладные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации», «Формирование речевой компетенции в межкультурном общении», «Немцы, славяне и евреи: диалог языков и культур».

Представительность участников и их докладов и публикаций позволила вести научный разговор всем заинтересованным – профессорам и доцентам, преподавателям и аспирантам из российских городов и ре-

гионов и из зарубежных стран: Великобритании, Израиля, США, Франции, Кыргызстана, республик Российской Федерации – Адыгеи, Мордовии, Татарстана, из Архангельска, Барнаула, Иркутска, Калининграда, Кемерово, Красноярска, Ленинска-Кузнецкого, Новокузнецка, Новосибирска, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска, Челябинска, Читы и др.

Несомненно яркими событиями стали пленарные заседания и доклады известных ученых и специалистов высшего образования: выступление профессора РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), декана факультета иностранных языков доктора педагогических наук Галины Васильевны Елизаровой об изменившихся условиях учения в вузе в свете современных требований – новых технологий, международных стандартов, и новых типов студентов; исключительно тонкие наблюдения о нашей отечественной культуре прозвучали в стихах английского поэта Энди Крофта (Англия), прочитанных автором и переведенных выпускницей факультета романо-германской филологии; современный взгляд на семиотику и прагматику языка древнего права был представлен доктором филологических наук профессором Новосибирского национального государственного исследовательского университета (НГУ) Сергеем Геннадьевичем Проскуриным. Примечательно, что, как и последняя конференция, так и четыре предшествующие международные научные конференции, проходившие под знаком концепта и культуры в 2004-м, 2006-м, 2008-м и 2010-м годах, собирали немало выпускников факультета РГФ – и сегодня выпускники Галина Васильевна Елизарова и Сергей Геннадьевич Проскурин представили свои идеи участникам научной дискуссии.

Выступления гостей из Англии, Франции и США так же не оставили равнодушных в зале ученого совета КемГУ, где проходило открытие конференции и пленарное заседание. Мелани Маркусич, начальник международного отдела университета (г. Эшланд, Огайо, США) раскрывала стратегии подготовки педагогических кадров для различных ступеней образования, которые непосредственно отражают явления современности, в частности, мультикультурность как факт современной жизни, образовательного процесса и цель обучения.

Культурная специфика концептов современных языков в их метафорической языковой репрезентации была представлена в докладе одного из ведущих ученых-концептологов, доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой общего языкознания и славянских языков КемГУ Марины Владимировны Пименовой.

Всегда интересен взгляд коллег-лингвистов, изучающих русский язык в парадигме современных западных лингвистических научных «трендов»! Представленный ученым из университета Сорбонны Франком Бюро (Франция) доклад об изучении русских глаголов местоположения через призму когнитивной лингвистики и энунциативного подхода показал новые аспекты в семантике ситуаций, которые сопровождают выбор говорящим нужной лексической единицы. И совершено даже не мифические, а глубоко-

ко реальные – подтвержденные современным процессом обучения языкам – прозвучали выводы и примеры в докладе доцента кафедры французской филологии КемГУ кандидата филологических наук Язгара Рифовича Хайдарова об одновременном обучении нескольким иностранным языкам.

Этот неполный перечень прозвучавших больших докладов (а еще была работа в секциях, объединивших специалистов по изучению проблем картины мира, межкультурного общения, дискурса, диалога языков культур немцев, евреев и славян, и др., а также знакомство со стендовыми докладами), тем не менее свидетельствует о том, что концептуальные и лингвокультурологические исследования вызывают неослабевающий интерес научной общественности. Пожелаем успеха всем организаторам в продолжении славной научной традиции – вузу, факультету (декан Лариса Петровна Прохорова, кандидат филологических наук, доцент), кафедре английской филологии № 2 (заведующая кафедрой Галина Игоревна Лушникова, доктор филологических наук, профессор).

*Доктор филологических наук, доцент
Алтайской государственной
педагогической академии
(г. Барнаул)
И. Ю. Колесов*

Ниже приводятся отзывы других участников конференции

Конференция «Концепт и культура» наилучшим образом продемонстрировала высокий уровень научной деятельности коллектива. Современный формат конференции и ее системный характер были подтверждены такими характеристиками события как участие признанных российских ученых, многочисленных зарубежных коллег и, главное, преемственностью и развитием идей и подходов, характерных для работы научной школы факультета.

Любое «разовое» мероприятие можно блестяще организовать, если мобилизовать много людей и приложить много усилий. Конференция к таковым не относится. В ходе конференции эффективно и многогранно взаимодействовали очень разные по возрасту, исследовательским приемам, научным ценностям и подходам участники; сопряженно и взаимосвязано обсуждались лингвистические проблемы разной природы; заинтересованно, увлекательно и глубоко велись дискуссии, в ходе которых оппоненты пытались понять точку зрения друг друга и посмотреть на соб-

ственные исследования глазами коллег. Все эти факторы подтверждают тот факт, что суть научного форума состоит в постоянной (не эпизодической) мобилизации исследовательской мысли, в настрое на постоянное накопление научного опыта и его изменение в зависимости от реальных результатов исследований, и в постоянной готовности к критическому отношению к собственным достижениям. Это редкие и весьма ценные признаки зрелого, но динамичного научного сообщества.

*Доктор педагогических наук,
профессор, декан факультета
иностранных языков РГПУ
им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
Г. В. Елизарова*

Dear students, faculty and staff.

It is with great excitement that I send to you my well wishes and congratulations for your department's 50 th anniversary. Seldom have I experienced such hospitality and enthusiasm in the classroom as when I had the pleasure of presenting to you in the classroom and during the conference. It was a great honor to visit Kemerovo State University and to get to know and learn more about the city and the university in general. Thank you again, and I hope to see many of you again!

*Director of International Student & Scholar
Services at Ashland University (USA)
Melanie N. Markusic*

Dear Colleagues and Friends,

I am happy to send you my warmest congratulations on the occasion of the Faculty's 50th jubilee. In recent years I have visited the Faculty on a number of occasions, most recently for the 'Culture and Concept' conference last month. Every time I have been amazed by the brilliance of your students, their fluent and idiomatic command of English, their cultural curiosity and their wide knowledge. Thank you all for the great conference! I had the best of times. It is always a real pleasure to work with you, and it was an honour to be able to contribute to the conference.

*Writer and poet,
Middlesbrough (UK)
Andy Croft*

УДК. 82-1/29

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ ФЕНОМЕН

Е. С. Аникиева

VISUAL POETRY AS LITERARY PHENOMENON OF INTERMEDIALITY

E. S. Anikeeva

Активная интеграция интермедийной художественной практики приводит к слоому традиционной парадигмы, желанию поэта преодолеть границы традиционных форм и жанров и оформить свое сообщение читателю при помощи знаков других семиотических систем. Введение визуального компонента в структуру вербального поэтического текста приводит к развитию визуальной поэзии, нового литературного жанра в рамках интермедийности. В данной статье представлены различные подходы в понимании визуальной поэзии и ее места в литературном пространстве современности. Намечена стратегия интерпретации синтеза вербального и визуального компонентов. В практической части работы представлены анализы двух поэтических текстов, в структуре которых доминирующим является визуальный компонент.

Active integration of intermedia literary technique results in a paradigm shift as well as in poet's intention to overcome traditional forms and genres and represent the message by means of other semiotic signs. The incorporation of the visual component into the verbal poetic structure ensures the development of the visual poetry – a new genre of intermediality. The article reviews the most common understandings of the visual poetry and its place in the contemporary literature. It suggests a particular strategy for the interpretation process of the verbal and visual components. The author also presents the analysis of two poetic texts with the dominant visual component within their structure.

Ключевые слова: визуальная поэзия, новый жанр, интермедийность, вербальный компонент, визуальный компонент.

Keywords: visual poetry, new genre, intermediality, verbal component, visual component.

В связи с развитием информационных технологий в литературном пространстве наблюдается ситуация схождения «на различных уровнях понятий “граничного”, “полупериферийного”, “промежуточного” и “второго ряда”». Активная интеграция интермедийной художественной практики приводит к снижению значимости пространственного и временного различия. Вследствие чего, мы наблюдаем введение в литературный текст смежных понятийных рядов, радикальное совмещение которых способствует «высвобождению понятий и составных элементов от привычных для них пространственных ареалов» [3]. Увеличивается количество экспериментов с визуальным изображением, а также наблюдается их непосредственное инкорпорирование в литературный текст. Слово перестает быть информационным центром, и, как следствие, начинает утрачивать свои позиции, постепенно уступая их визуальному образу.

Особое место в литературном пространстве современности занимает визуальная поэзия, которая олицетворяет собой слом традиционной парадигмы авторского сознания и его переход на качественно новый уровень. «Видимость поэзии дает поэтам свободу композиционного использования» [19, с. 157]. Подобные эксперименты со структурой поэтического текста стирают границы дозволенного и, тем самым, расширяют авторские возможности в построении своего произведения, образуя десятки новых поэтических форм.

Соответственно, наиболее важным вопросом в изучении и исследовании визуальной поэзии является ее жанровая принадлежность – является ли она от-

дельным жанром или все-таки вариантом, допустимым традиционной жанровой системой? На этот вопрос уже давно пытаются ответить теоретики, критики, лингвисты, изучающие данное литературное явление. Одной из основных причин неоднозначности мнений является господство «той или иной парадигмы, подкрепленной большим количеством перцептуальных наблюдений, частных признаков, недифференцированных критериев, которые в итоге противостоят друг другу... Сложность подобной дефиниции, прежде всего, заключается в том, что симбиоз визуальных и семантических, логических и эстетических критериев трудно анализируется, как целостность» [6, с. 13 – 15]. Но, несмотря на это, все исследователи визуальной поэзии сходятся в понимании её как размытого культурного феномена, находящегося в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами.

По мнению А. П. Квятковского «для литературы XIX – XX вв. характерна тенденция к смешению жанров, особенно в лирике и к развитию промежуточных жанров» [7, с. 109]. Синтезируя литературные и художественно-изобразительные стратегии, визуальная поэзия долгое время считается маргинальной формой литературного процесса, не укладывающейся в рамки жанровой системы. В результате чего формируются десятки подходов касательно данного явления. Наиболее известными являются три подхода к вопросу жанровой отнесенности визуальной поэзии: отдельный жанр, смешенная техника или новаторское искусство.

У. Бон, Ю. Гик, Костелянец, В. Кулаков и многие другие исследователи рассматривают визуальную поэзию как отдельный жанр на основании использования визуального компонента в вербальном тексте для передачи определенного концепта автора.

Определение Ю. Гика, прежде всего, позволяет разграничить визуальную поэзию от традиционной и отображает наиболее общий аспект данного явления: «визуальная поэзия – синтетический жанр, находящийся на стыке между визуальными искусствами и литературой» [4]. Подобное стыковое положение объясняется, прежде всего, тенденцией литературного пространства к интермедальности. Авторы намеренно водят в текст произведения другую семиотическую систему для удвоения пространства поэтического текста. Визуальный образ, инкорпорированный в вербальный текст, дополняет его и усложняет его структуру, то есть приводит к увеличению каналов восприятия и прочтения.

Профессор У. Бон трактует визуальную поэзию как жанр литературы, в которой роль читателя совмещена с ролью зрителя, а в самом поэтическом тексте продемонстрирован отказ от «прямолинейной» структуры и пластичности. «Сочетание визуальных и вербальных элементов не столько обращено к интеллекту читателя, сколько к его взгляду» [18]. Визуальное восприятие поэтического текста опережает его прочтение, так как фактурность текста, запечатленного на бумаге, обращает на себя пристальное внимание со стороны читателя-зрителя. Поэтому вне зависимости от того, «образуют ли визуальные элементы рудиментарную или сложноустроенную структуру, они трансформируют поэтический текст в картину» [18]. Согласно Дж. Адлеру «в визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, причём создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности» [1, с. 16].

Непрерывность традиции визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов [1]. Следовательно, в отличие от других поэтических жанров, визуальная поэзия всегда требует зрительного восприятия.

А. Бубнов, Вс. Некрасов считают, что визуальная поэзия – это тот жанр, в котором фактурность достигается путем функционального использования пространственных образов [2; 13, с. 39].

Интересным представляется мнение М. А. Сухотина, который рассматривая визуальную поэзию как отдельный жанр, считает, что она уже успела «изжить» себя, «мимикрировала, рассеялась в сильно ... вербализованном изобразительном искусстве, не исключая рекламу, комиксы и т. д.» [16, с. 54 – 58]. В данном случае наблюдается смешение понятия собственно визуальной поэзии и тенденции использования визуального образа и минимизированного вербального компонента в коммерческих целях (реклама, комикс и т. д.). Подобное коммерческое использование визуального и вербального компонента нельзя относить к литературному пространству, так как их функции и назначения отличны от поэтического дискурса.

Рассмотрение подобной практики уместно в рамках рекламного или коммерческого дискурсов. В данной работе мы исследуем только те тексты, которые принадлежат поэтическому дискурсу и не ставим своей целью анализ коммерческого использования синтеза образов разных семиотических систем.

Многие исследователи придерживаются мнения, что визуальная поэзия представляет собой отдельный жанр не в литературном пространстве, а в искусстве в целом: К. П. Денкер, С. Сигей, Т. Назаренко, Ф. Мон, Т. Хархур и другие.

Так, Франц Мон утверждает, что «деление на жанры вообще изживает себя, если принять во внимание интермедийные текстовые феномены, со временем играющие все более важную роль, например, тексты, соотносящиеся с областью изобразительного искусства, которые могут быть описаны понятиями этих дисциплин, так же как и понятиями поэтики» [11, с. 40].

К. П. Денкер ставит также под сомнение суждение о целостности феномена визуальной поэзии, объясняя это тем, что «литературоведы и искусствоведы до сих не могут выдвинуть единого теоретического обоснования, которое было бы в силах охватить все многообразие жанровых проявлений визуальной поэзии...» [6].

Основным критерием, которым руководствуется Т. Хархур при выделении визуальной поэзии в отдельный вид в искусстве, является «невозможность изображения последовательной череды событий в живописи и неспособность поэзии охватывать все явление в его целостности» [17]. Следовательно, компенсаторная способность данного вида искусства открывает «необозримые возможности для творчества», так как «на психолингвистическом уровне, создаваемые в визуальных текстах параллельные смыслы ведут к активизации обоих полушарий головного мозга, что, в свою очередь, приводит к увеличению семантической емкости произведения и, соответственно, повышению информативности текста. Кроме того, зрительный образ поэтического текста играет немаловажную, а зачастую и основополагающую роль при формировании поэтического сознания поэта. Введение визуального элемента в поэтический текст создает самостоятельный структурный уровень, который не может быть выражен ничем иным кроме него самого» [17].

Т. Назаренко относит визуальную поэзию, как и конкретизм, леттризм, графемную живопись, недискурсивную или вакуумную поэзию, прежде всего, к визуальному искусству, основываясь на принципе визуализации и собственно визуальности [12].

С другой стороны, немало современных исследователей считает визуальную поэзию составной частью смешанной техники или поэтической формой других литературных жанров: мультимедийной литературы, Cyber-Poetry и других.

Этер де Паньи трактует визуальную поэзию как конвенциональную форму, в создании которой важная роль отводится графеме. «Графемы и текст могут смешиваться. Текст может быть выполнен в форме графемы. Графема – это графический знак по Барту» [5]. Тем самым, Этер де Паньи смешивает визуальную по-

эзию и графическую. Под графической поэзией здесь понимаются произведения, воспринимаемые как поэтические, замысел и воздействие которых нельзя передать только через их текстовую составляющую, и таким образом объединяет термины «фигурные тексты», «графические тексты», «визуальная поэзия», «конкретная поэзия», которые развивались в различные эпохи. В этих произведениях нельзя отбросить визуальную сторону, в отличие от «обычного» текста, который, хоть и проявляется в письменной, и, следовательно, графической форме, эту составляющую не акцентирует.

Ввиду «возможности отнесения каждого из взятых в отдельности произведений одновременно к нескольким жанрам», А. Очертянский рассматривает ее как смешанную технику [14]. В своем суждении под «смешанной техникой» он понимает «синтетическое искусство», которое согласно суждению Артура Лурье, представляет собой «синтез, взаимоотношение и взаимодействие слова, звука и цвета, и наконец, органическое взаимодействие искусств (не механическое их соединение), представляющее собой естественный, непринужденный переход с чистого языка одного искусства на язык другого» [10, с. 165].

Другой проблемой в определении жанровой принадлежности визуальной поэзии является проблема ее разграничения от других литературных феноменов. Это связано, прежде всего, с отсутствием точного определения данного явления и с существованием достаточно большого количества различных литературоведческих подходов.

Известный визуальный поэт и исследователь авангарда Ричард Костелянец (США) в "Словаре авангарда" отделяет визуальную поэзию от конкретной, от *poesia visiva* и от фигурной поэзии [20]. Визуальный поэт Мэри Эллен Солт (США) в заключении книги «Конкретная поэзия: поэты мира» (1970) не дает определения даже конкретной поэзии, считая, что это означает «триумф новых экспериментальных форм» [21]. В. Кулаков разграничивает в свою очередь конкретную поэзию и поэзию визуальную, основываясь, прежде всего на свойстве визуальности, которое он считает имманентным для конкретной поэзии [9, с. 28 – 34].

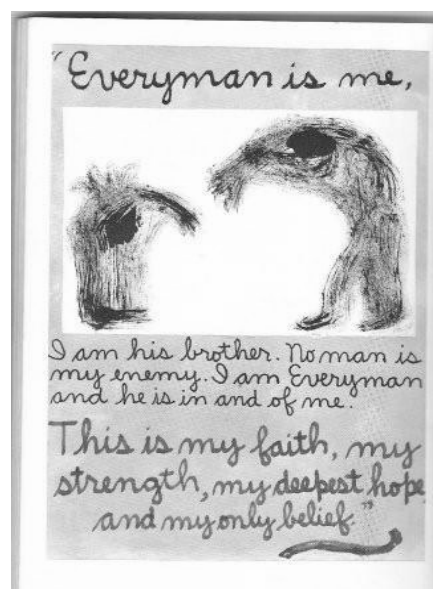
В данной работе мы рассматриваем визуальную поэзию как особый жанр литературы, включение визуального ряда в котором, позволяет «подняться на уровень созерцания, наблюдения, являясь источником и своего рода протоформой всякого познания» [8, с. 9]. Использование визуального компонента, представленного в виде рисунка, первоначально связано с задачей поэта, которая «сводится к попытке выразить себя, свою идею в минимальном языковом пространстве, не потеряв при этом информативности текста» [17].

Следует отметить, что введенный в поэтический текст визуальный компонент занимает в нем доминирующее положение. В классическом поэтическом тексте подача информации осуществляется только по одному каналу связи, то есть через написанный текст. В визуальном стихотворении с введением визуального компонента добавляется второй канал связи – зрительный. За счет этого, вербальная часть текста со-

кращается, так как ментальный образ, сформированный в сознание поэта, может быть выражен с помощью визуальной составляющей (рисунки).

В качестве примера для лингвистического анализа были выбраны поэтические тексты Кеннис Патчен "Everyman is me", "Come now, my child" [22; 23].

Стихотворение "Everyman is me" является ярким примером визуальной поэзии, так как состоит из двух частей – вербальной (естественный язык) и визуальной (рисунок, то есть компонент другой семиотической системы).

Everyman is me,

I am his brother. No man is
My enemy. I am Everyman
and he is in and of me.

This is my faith, my
strength, my deepest hope
and my only belief".

Следовательно, говоря о данном жанре поэзии уместно использовать термин поликодовый текст, под которым мы понимаем тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы [15, с. 115 – 123].

Вербальная составляющая данного стихотворения представляет собой утверждение лирического героя о том, что он обычный человек. "Everyman is me". Последующая строка представляет интертекстуальную ссылку на Библию ("I am his brother. No man is my enemy"). Аппеллятивная функция данного интертекста ориентирована на самого читателя, который выступает обычным человеком, и в некоторой степени она сливается с фатической функцией, что, в свою очередь, представляет собой установление отношения между автором и читателем по типу свой/чужой. "I am Everyman and he is and of me". Если читатель согласен с суждением автора о том, что все люди братья, то мы можем говорить об установлении общно-

сти их семиотической и культурной памяти. После того, как эта общность установлена, можно считать, что коммуникация между автором и читателем состоялась, так как вслед за мыслями лирического героя, читатель приходит к подобному выводу: *"This is my faith, my strength, my deepest hope and my only belief"*.

Визуальный компонент в данном поэтическом тексте представлен рисунком, на котором изображена достаточно абстрактная фигура человека. Подобная абстрактность изображения подчеркивает смысл вербального сообщения. Размытые фигуры представляют собой обычных людей, о которых идет речь в поэтическом тексте. Отсутствие четкой фигуры, лиц и каких-либо деталей, свидетельствующих о расовой, классовой принадлежности человека внутри социума, напоминают читателю о библейской истине, обо всем, что хранится в памяти всего человечества и эмоциях при ее восприятии. Автор не стремится показать читателю какого-то конкретного человека, индивида, он уравнивает всех в своем тексте, следуя библейскому закону о равенстве людей.

Таким образом, вербальный и визуальный компоненты данного поэтического текста тесно взаимосвязаны между собой, интерпретация одного без учета другого невозможна. Визуальный компонент выступает в качестве своеобразного медиатора, через который проходит вся информация, выраженная вербально. Интенции автора раскрываются в полной мере перед читателем через тесную взаимосвязь с рисунками.

Второй поэтический текст К. Патчен *"Come now, my child"*, выбранный для анализа, показывает степень зависимости вербального сообщения от визуального образа, являющегося частью поликодового текста.

Come now, my child
If we were planning
to harm you, do you think
we'd be lurking here,
beside the path
in the very darkest
part of

the forest?

Вербальная часть представляет собой разговор вымышленных, фантастических существ с ребенком, что становится очевидным из названия, построенного в форме обращения: *"Come now, my child"*. О том, кто обращается к ребенку, мы узнаем с помощью визуального компонента (рисунка), на котором изображены два фантазмагорических существа. Темные краски помогают читателю понять, что они являются источником опасности для ребенка. Темные тона и оттенки влияют на ассоциативное восприятие читателя, помогая воссоздать атмосферу опасности и напряжения. Ребенок изображен светлыми красками, что создает явный контраст с существами, подстерегающими его. Они словно заманивают ребенка в лес. *"If we were planning to harm you, do you think we'd be lurking here beside the path in the very darkest part of the forest?"* Весь поэтический текст представлен одним вопросительным предложением. Ответ на него должен дать сам читатель, так как по авторской интенции именно он представляет самого ребенка, который по мере прочтения вербального компонента «заманивается» автором в тот самый темный лес. Фантазмагоричные существа – аллегорический образ опасностей, которые подстерегают читателя в жизни, ожидая своего часа. Они точно также заманивают человека в жизни, как и в поэтическом тексте, стараясь внушить ему псевдочувство безопасности своим появлением.

Таким образом, введение визуального элемента в последовательный текстуальный ряд снимается ограничение, проистекающее из самой природы поэтического языка. Обычно такими ограничителями служит грамматика, определяющая систему правил правописания, и фонология, ограничивающая язык определенным набором фонетико-смысловых сочетаний. «Без подобных ограничений язык терял бы свою основную функцию – средство коммуникации. Однако накладываемые на язык ограничения, как известно, понижают его информативность, что является следствием избыточности текста» [17]. Визуальный компонент, намеренно внесенный в текстовое пространство поэтического произведения, позволяет читателю интерпретировать те интенции, которые невозможно передать посредством естественного языка. Изображение, входящее в состав поэтического текста, решает проблему семантической ограниченности конкретного слова, придавая ему определенную многоплановость, приводящую к увеличению семантической емкости текстового компонента.

Возникновение параллельных смыслов в сознании читателя увеличивает возможность успешной интерпретации авторского замысла и, как следствие, осуществление эффективной коммуникации автор-читатель. Благодаря визуальному компоненту из множества смыслов, возникающих в результате прочтения вербального компонента, остаются наиболее близкие к первоначальным интенциям автора. А это, в свою очередь, повышает перлокутивное воздействие на адресата. Особенность визуальной поэзии как интермедияльного текстового феномена заключается в том, что, в сознании читателя возникают параллельные смыслы благодаря введению визуального компо-

нента в структуру текста. Автор изображает свои интенции посредством визуального образа в определенном последовательном развитии. Эта последовательность его формирования в сознании читателя определена процессом изложения, с которым сопряжены потери смыслообразующих деталей. Введение

визуального компонента не только дополняет и заменяет потерянные детали с целью достижения объемности смысла визуализированного вербального текста, но и зачастую воплощает в себе и сам концепт, выраженный кодом другой семиотической системы.

Литература

1. Адлер, Д. Квадратные стихи, кубы, лабиринты, решетки и фигурообразные / Д. Адлер // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы; под ред. Д. Булатова. – Кенинсберг, 1998.
2. Бубнов, А. «Классики XXI Века» и «ВВП» (прогулка ПО...)» / А. Бубнов. – Режим доступа: http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=4&sub_id=94&leng=ru&show_mat=196&find=195 (дата обращения: 28.07.2012).
3. Булатов, Д. ПРИ-ГОВОР И ПО-СЛУШАНИЕ / А. Булатов. – Режим доступа: http://glukhomania.nccakaliningrad.ru/pr_sonorus.php3?blang=rus&t=0&p=1 (дата обращения: 27.11.2012).
4. Гик, Ю. Визуальная поэзия в России. Тенденции / Ю. Гик. – Режим доступа: http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=4&sub_id=94&leng=ru&show_mat=102&find=194 (дата обращения: 15.06.2012).
5. Де Паны, Э. Последняя деконструкция / Э. Де Паны // Черновик. – 2001. – Вып. 16.
6. Денкер, К. П. Визуальная поэзия: свободы и проблемы жанра / К. П. Денкер // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы; под ред. Д. Булатова. – Кенинсберг, 1998.
7. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
8. Крючкова, В. А. Антиискусство. Теория и практика авангардистских движений / В. А. Крючкова. – М.: Изобраз. искусство, 1984.
9. Кулаков, Вл. Визуальность в современной поэзии: минимализм и максимализм / Вл. Кулаков // НЛЮ. – 1995. – № 16.
10. Лурье, А. На распутье (культура и музыка) / А. Лурье // Стрелец. – 1919. – Вып. 3.
11. Мон, Ф. Думая о пиле / Ф. Мон // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы; под ред. Д. Булатова. – Кенинсберг, 1998.
12. Назаренко, Т. Визуальная поэзия / Т. Назаренко. – Режим доступа: http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=5&leng=ru2005:35 (дата обращения: 02.09.2012).
13. Некрасов, Вс. Объяснительная записка / Вс. Некрасов // Справка; под ред. Вс. Некрасова. – М., 1991.
14. Очертянский, А. Современная русская поэзия и визуальные искусства / А. Очертянский. – 2010. – Режим доступа: http://www.chernovik.org/main.php?nom=26&main=t_p&id_tp=10&first=25 (дата обращения: 21.10.2012).
15. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6.
16. Сухотин, М. А. О двух склонностях написанных слов / М. А. Сухотин // НЛЮ. – 1995. – № 16.
17. Хархур, Т. Слияние поэзии и живописи / Т. Хархур. – Режим доступа: <http://limb.dat.ru/No12/essay/-harhur2.shtml> (дата обращения: 14.05.2012).
18. Bohn, W. Modern Visual Poetry. Associated Press, Inc / W. Bohn. – 2001. – 325 p.
19. Griffiths, K. Writing Essays about Literature: A Guide and Style Sheet. 7-th ed. Cengage Learning / K. Griffiths. – 2006.
20. Kostelanetz, R. Dictionary of the Avantgardes. Chicago: Chicago Review Press, Inc / R. Kostelanetz. – 1993. – 708 p.
21. Solt, M. E. Concrete poetry: a world view. Indiana: Indiana University Press / M. E. Solt. – 1970. – 311 p.
22. Patchen, K. Everyman is me / K. Patchen – Режим доступа: <http://library.ucsc.edu/book/export/html/1566> (дата обращения: 18.04.2012).
23. Patchen, K. Come, my child / K. Patchen. – Режим доступа: <http://www.concentric.net/~lndb/patchen/kpc04.-htm> (дата обращения: 24.08.2012).

Информация об авторе:

Аникеева Екатерина Сергеевна – соискатель кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 89236062585; brilly08@mail.ru.

Ekaterina S. Anikeeva – post-graduate student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ ИДИШЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

О. В. Бадер

VERBAL BLESSING FORMULAS IN MODERN YIDDISH

O. V. Bader

В настоящей статье производится анализ единиц речевого этикета современного языка идиш, выражающих благопожелание, с учетом ситуации, коммуникативных ролей, признаков ситуации, культурных фактов и тематического класса глагола. Это позволяет проследить, с какими действиями, процессами и состояниями носители идиша ассоциируют добро и кто или что может выступать в качестве его носителя, получателя или источника.

This paper focuses on the analyses of blessing formulas in modern Yiddish including such characteristics as situation, communicators' roles, situation signs, cultural facts, and thematic verb classes. This approach enables to examine with what actions, processes or states the native speakers of Yiddish associate welfare as well as who or what can be its bearer, recipient or source.

Ключевые слова: идиш, единица речевого этикета-благопожелание, ситуация, коммуникативные роли, признак ситуации, культурный факт, тематический класс глагола.

Keywords: Yiddish, blessing formula, situation, communicators' roles, situation signs, cultural facts, thematic verb class.

Понятия добра и зла являются ключевыми элементами еврейской культуры, ведь уже изначально «этический характер еврейского монотеизма связан с утверждением... примата добра над злом. В книге Бытия каждый из актов творения сопровождается оценкой: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:4, 10, 12, 18, 21, 25); «И увидел Бог все, что Он создал, и вот весьма хорошо» (Быт. 1:31). Добро утверждается в качестве атрибута творения» [4].

В настоящей статье производится анализ единиц речевого этикета современного языка идиш евреев Восточной Европы, выражающих благопожелание (далее – ЕРЭБ), важными для которых представляются следующие параметры.

1. *Ситуация* как «отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании» [1, с. 7], то есть в конкретной ЕРЭБ.

2. *Коммуникативные роли элементов ситуации* благопожелания, где возможно выделить:

а) адресат пожелания (А) – главный участник ситуации, получающий пожелание;

б) предмет пожелания (О) – собственно желаемое;

в) квазипредмет пожелания (Q) – желаемый образ, а именно предмет или лицо, по отношению к которому адресату в ситуации, описываемой в данной ЕРЭБ, желается совершить действие либо в связи с ним испытать процесс или состояние [о термине «квазипредмет» см.: 12, с. 100 – 102];

г) каузатор (С) – лицо, предмет или сверхъестественная сила, выступающая в качестве источника или причины действия, процесса или состояния адресата;

д) модус (М) – способ достижения адресатом желаемого;

е) субъект пожелания (S) – участник ситуации, выражающий пожелание адресату.

3. *Признаки ситуации*, при выделении которых мы опираемся на выводы, приведенные в статье

В. И. Карасика «Эмблематический концепт «благополучие», в которой автор определяет содержательный минимум концепта «благополучие» и выделяет следующие его признаки: 1) состояние человека, 2) спокойствие, 3) счастье, удовольствие, 4) отсутствие нежелательных явлений, 5) материальная обеспеченность [5].

4. *Культурные факты* (еврейские вообще и ашкеназские в частности), учет которых во многих случаях необходим для интерпретации конкретных ЕРЭБ и описываемых ими ситуаций. Так, например, в связи с пониманием добра и зла в еврейской культуре интересно одно из толкований, «...почему Тора начинается с буквы *бет* и слова «*береши*» («в начале»): «...поскольку с буквы *бет* начинается слово «*браха*» («благословение»), а с буквы *алеф* начинается слово «*арур*» («проклятие»), Пресвятой выбрал букву *бет*, чтобы начать Тору» [13, с. 17] (в идишском произношении слова читаются, соответственно, как «*брэй-ишэс*», «*брохэ*» и «*орэр*»).

5. *Тематический класс глагола*, реализующегося в ЕРЭБ: так как «тематический класс объединяет слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре» [8, с. 42] и, тем самым, в смысловой структуре высказывания, в данном случае – рассматриваемых ЕРЭБ.

Исследование было проведено путем анализа ЕРЭБ, отобранных методом сплошной выборки из сборника И. Гури [3], в котором представлены выражения, взятые из произведений идишских писателей, в частности классика еврейской литературы на идише Шолом-Алейхема, а также из одного из базовых словарей «Сокровищница идиша» Н. Стучкова [15].

Исходя из целей исследования и основываясь на результатах изучения фактического материала, была составлена следующая тематическая классификация глаголов, реализующихся в идишских ЕРЭБ (транс-

крипция примеров в соответствии с правилами Института еврейских исследований ИВО [17]):

I. Акциональные глаголы:

- 1) занятия (*trog* «носить», *dinen* «служить»),
 - 2) движения (*geyn* «идти», *kumen* «приходить»),
 - 3) снабжения (*gebn* «давать», *baglikn* «осчастливить»),
 - 4) возмездительного действия (*helfn* «помогать», *shtrofn* «наказывать»),
 - 5) деструктивные (*tseraysn* «порвать», *opsheydn* «отделить»),
 - 6) речи (*zogn* «сказать»).
- II. Процессуальные глаголы:
- 7) восприятия (*hern* «слышать», *zen* «видеть»),
 - 8) естественных процессов (*lebn* «жить», *shaynen* «светить»),
 - 9) изменения состояния (*geshen* «случиться», *vern* «стать»).

III. Стативные глаголы:

- 10) состояния (*zayn* «быть», *lign* «лежать»),
- 11) обладания (*hobn* «иметь», *farmogn* «обладать»),
- 12) знания (*visn* «знать»).

Анализ тематических классов представляется важным, поскольку он, исходя из вербоцентрической теории предложения [16] (а каждая ЕРЭБ в языке идиш представляет собой именно одно предложение), позволяет выявить следующее:

- с какими действиями, выражаемыми глаголами, носители идиша ассоциируют добро и благо;
- какие участники видятся носителям языка в ситуации благопожелания и как распределяются их роли, в том числе с учетом культурных фактов.

Так, ЕРЭБ с акциональным глаголом в качестве центра предложения связывают (часто образно) добро и благо адресата с действиями самого адресата в отношении других участников описываемой ситуации, а также других участников по отношению к адресату и в связи с ним, а ЕРЭБ с процессуальными и стативными глаголами – с определенными процессами, в которые адресат вовлечен и нередко не контролирует, что более подробно рассматривается ниже с учетом параметров, названных в начале данной статьи.

1. ЕРЭБ с акциональными глаголами.

ЕРЭБ с акциональными глаголами в качестве центра предложения условно можно разделить на три модусные группы, то есть группы ЕРЭБ, в которых разными глаголами, а также другими языковыми единицами, актуализующими разное взаимодействие участников, описывается способ достижения адресатом желаемого (модус):

- 1) действие адресата пожелания в отношении предмета или квазипредмета пожелания,
- 2) действие каузатора в отношении адресата пожелания,
- 3) бездействие каузатора в отношении адресата пожелания.

1.1. Действия адресата в отношении предмета или квазипредмета пожелания описываются в следующих примерах с глаголами занятия:

(1) *Kreplekh* (Q) *zolstu* (A) *esn*. «Чтоб ты ел креплах» (здесь и далее дается перевод, приближенный к дословному).

(2) *Trog* [*es* (O)] *gezunterheyt*. «Носи на здоровье».

(3) *Zolst besholem iberkumen*. – Чтобы ты с миром выстоял.

В ЕРЭБ (1):

– личное местоимение *du* «ты» (в форме *-tu* – морфологическое слияние с оптативным глаголом *zoln*) указывает на адресата пожелания;

– существительное *kreplekh* «креплах» называет квазипредмет пожелания;

– глагол *esn* в словосочетании *esn kreplekh* «есть креплах» актуализует модус.

Поскольку пища в еврейской (иудейской) среде подлежит строгим регламентам в соответствии с кашрутом, то глагол *esn* должен занимать особое место в языковой картине мира евреев, в том числе идишговорящих. С учетом же того, что креплах (пельмени с мясом, творогом, крупой или фруктами) едят на праздники, в ЕРЭБ (1) в образной форме осуществляется пожелание частого праздничного, радостного настроения, которое и является собственно предметом пожелания.

В примере (2) реализуется глагол *trog* «носить» и факультативно при помощи местоимения *es* «это» (которое отсылает к разного рода одежде) предмет пожелания, а указание на адресат инкорпорировано в побудительной форме глагола. Кроме того, здесь появляется и дополнительный, при этом часто используемый в идишских ЕРЭБ усилительный элемент – наречие *gezunterheyt* «на здоровье».

В ЕРЭБ (3) адресат инкорпорированно актуализуется оптативным глаголом *zoln*, а глагол движения *iberkumen* «выстоять» (букв.: «перейти») концептуализует ситуацию благопожелания как «преодоление физического препятствия путем движения» (за счет префикса *iber-*, эквивалентного в данном случае русскому *пере-*); само же препятствие, то есть предмет или квазипредмет пожелания (в зависимости от ситуации и контекста), эксплицитно не выражается. Данная ЕРЭБ лишь концептуализует ситуацию как «движение», но в действительности является добрым напутствием или пожеланием удачи перед сложным, серьезным, иногда недобрым событием [3, с. 27].

В ряде ЕРЭБ встречаются также деструктивные глаголы, где адресат получает пожелание добра через пожелание не встретиться с недобрым, которое в предлагаемой в данной статье терминологии следует рассматривать как квазипредмет пожелания, то есть это своего рода «непожелание зла»:

(4) *Opgesheydt zol er* (Q) *zayn*. «Чтобы он был отгорожен».

Данное пожелание говорится при упоминании покойного (референт личного местоимения *er* «он»): «...чтобы не вмешивался в дела живых и не являлся во сне» [3, с. 25], и глагол *opsheydn* «отделять, отгораживать» описывает ситуацию разрушения потенциально единого пространства живых и мертвых, его разделения. Согласно иудейской традиции, «...кладбище... должно было отстоять на расстоянии не менее 50 локтей... от ближайшего дома поселения...; участок, отведенный под кладбище, следовало огоражи-

вать» [6]. Таким образом, через непожелание зла адресату, формулируемое в ЕРЭБ (4), осуществляется пожелание спокойствия и отсутствия нежелательных явлений [ср. 5].

1.2. Действие каузатора в отношении адресата пожелания. В качестве каузатора может выступать человек или Бог, как в следующих ЕРЭБ с глаголами снабжения:

(5) *Ir* (A) *zolt baglikt vern*. «Чтобы вы были осчастливлены».

(6) *Got* (C) *zol gebn mazl un brokhe* (O). «Чтобы бог дал удачи и благословения».

В примере (5) при глаголе *baglikt* «осчастливить», употребленном в безличном пассиве, каузатор не актуализуется, но подразумевается, и в качестве такового может выступать любая живая или сверхъестественная субстанция; адресат пожелания актуализуется посредством личного местоимения *ir* «вы».

В примере (6) при глаголе *gebn* «давать» актуализуются каузатор (существительное *got* «бог») и предмет пожелания (субстантивный УСК *mazl un brokhe* «удача и благословение»).

Обе ЕРЭБ формулируются не через описание пожелания адресату каких-либо активных действий с его стороны, но через пожелание адресату счастья в результате действия иных лиц и сил. В качестве таких сил (каузатора) чаще называется бог (*got*), или всевышний (*der eybershter*), и в подобного рода благопожеланиях часто используются глаголы снабжения, как в примере (6), а также глагол возмездительного действия *helfn* «помочь», например:

(7) *Zol mir azoy got / der eybershter helfn*. «Чтобы бог/всевышний мне помог так же».

1.3. Бездействие каузатора в отношении адресата пожелания. ЕРЭБ, описывающие ситуацию бездействия каузатора в отношении адресата пожелания, выражают пожелание избежать зла и нежелательных явлений. Это ряд ЕРЭБ с глаголом речи *zogn* «сказать» или глаголом возмездительного действия *shtrofn* «наказать», имеющие структуру «отрицание *nit* «не» + предложное дополнение + пассивный инфинитив глагола или причастие II/», например:

(8) *Nit oyf mir* (A) *gezogt gevorn*. «Не про меня будь сказано».

(9) *Got* (Caus) *zol mikh* (A) *nit shtrofn far di reyd*. «Чтобы бог не наказал меня за эту речь».

В подобного рода ЕРЭБ, представляющих собой так называемые «мало-фугитивные формулы» [14, с. 43 – 44], особым образом описывается модус ситуации: пожелание добра, точнее – непожелание зла – осуществляется через пожелание бездействия каузатора.

2. ЕРЭБ с процессуальными глаголами

ЕРЭБ с процессуальными глаголами в качестве центра предложения описывают происходящие с адресатом ситуации-процессы, вызванные каузатором и напрямую не зависящие от адресата. Данные ЕРЭБ, представляющие собой пожелания общего блага [ср. 11, с. 77], также можно условно разделить на три модусные группы, а именно:

- 1) процесс, вызванный имплицитным каузатором,
- 2) процесс, вызванный эксплицитным каузатором,

3) естественный процесс.

2.1. Процесс, вызванный имплицитным каузатором. В качестве примера здесь можно привести главную ЕРЭБ из сборника И. Гури [3]:

(10) *Lomir* (A) *hern gute psures* (O) / *Lomir* (A) *hern psures toyves* (O). «Чтоб нам слышать только добрые вести» (букв.: давайте слышать добрые вести).

Здесь при глаголе восприятия *hern* «слышать»:

– актуализуется адресат пожелания, отсылка к которому инкорпорирована в синкретичной побудительной глагольной форме *lomir* «давайте»;

– называется предмет пожелания *gute psures / psures toyves* «добрые вести»;

– каузатор же процесса, обозначенного глаголом *hern*, остается имплицитным, поскольку в качестве такового может выступать любой предмет (в широком смысле), способный вызвать у адресата ощущение счастья и удовольствия, что, исходя из данной ситуации, не зависит напрямую от воли и действий адресата.

К анализируемой модусной группе можно отнести также следующую мало-фугитивную ЕРЭБ:

(11) *In keyn yidisher shtub* (A) *zol men* (A) *dos nit zen*. «Чтобы ни в одном еврейском доме этого никто не видел», которая посредством глагола восприятия с отрицанием *nit zen* «не видеть» формулируется через пожелание «отсутствия нежелательных явлений» [5] в доме еврея. Каузатор-источник блага, или каузатор-источник нежелательных явлений в данной ЕРЭБ не эксплицируется.

Подобного рода ЕРЭБ могут также содержать глаголы естественных процессов, например:

(12) *Ir* (A) *mazl* (O) *zol laykhtn / shaynen vi di shtern in himl*. «Чтобы ее счастье сияло/светило, как звезды на небе».

В данной ЕРЭБ актуализуются предмет (за счет существительного *mazl* «счастье») и адресат пожелания (посредством притяжательного местоимения *ir* «ее»).

2.2. Процесс, вызванный эксплицитным каузатором. В качестве каузатора, актуализующегося эксплицитно, в ситуациях, описываемых подобными ЕРЭБ, выступает божественная сила, например:

(13) *Vos du vintshst dir* (O), *zol dir* (A) *der eybershter* (C) *tsuheren*. «Чтобы то, что ты себе желаешь, услышал всевышний».

В данной ЕРЭБ с глаголом восприятия *tsuheren* «услышать, прислушаться» каузатор актуализуется существительным *der eybershter* «всевышний», а на адресата пожелания указывает личное местоимение *du / dir* «ты / тебе», предмет же актуализуется придаточным предложением *vos du vintshst dir* «что ты себе желаешь».

К данной модусной группе целесообразно, как представляется, отнести и следующую ЕРЭБ:

(14) *S'zol geshen a nes* (Q) *vi mit yidn in mitsraim*. «Чтоб свершилось чудо, как с евреями в Египте».

В данном примере с глаголом изменения состояния *geshen* «свершиться, случиться» каузатор не актуализуется, но тем не менее он вполне «эксплицитен» и известен, поскольку исход евреев из Египта – одна из существеннейших глав еврейской истории и мифологии, во многом повлиявшая на мировосприя-

тие еврейского этноса: «История Исхода из Египта... описана в *Торе*... Ее пересказывали из поколения в поколение. Ее анализом занимались лучшие умы еврейской традиции на протяжении тысячелетий. ...отметим только несколько важных выводов: ...

– евреи вышли из Египта по приказу Всевышнего, а сам Исход стал выполнением древнего пророчества, данного *Аврахаму*...

– выход евреев из Египта сопровождался прямыми чудесами, полностью сокрушившими египетскую империю; чудеса эти... стали проявлением воли Всевышнего и продемонстрировали всему миру, что Его сила превосходит мощь земных царей;

– каждый народ из существующих сегодня сначала жил на своей земле как группа людей, а затем уже стал народом; евреи же стали народом при выходе из Египта – на пути к своей земле;

– не все евреи вышли из Египта; но только потомки тех, кто вышел из Египта, – остались евреями» [2].

Таким образом, эксплицитным каузатором в ЕРЭБ (14) является Бог.

2.3. Естественный процесс

ЕРЭБ данной модусной группы содержат, как правило, глагол естественного процесса *lebn* «жить» или производный от него префиксальный *derlebn* «дожить» и являют собой в разных вариациях пожелание адресату долгих лет жизни, например:

(15) *Hundert mit tsvantsik yor* (Q) *zolstu* (A) *lebn*. «Чтоб ты жил сто двадцати лет».

Это одно из традиционных еврейских пожеланий, уходящее своими корнями в Библию, согласно которой «...Бог положил пределом человеческой жизни 120 лет... Библия рассматривает долголетие... как благословение» [10].

В следующем пожелании:

(16) *Ir* (A) *zolt derlebn meshiekh* (Q). «Чтобы ты дожился до прихода мессии».

Весьма важная роль отводится:

– модусу (который актуализуется при помощи глагола *derlebn* «дожить»), то есть способу достижения блага долголетия путем дожития, а также,

– квазипредмету пожелания – Мессии, который актуализуется существительным *meshiekh*. «Сущность идеи Мессии выражает вера пророков Израиля... в наступление времени, когда сильный духом вождь, обладающий земной властью, принесет полное политическое и духовное избавление народу Израиля на его земле, а также мир, благоденствие и моральное совершенство всему роду человеческому» [7].

3. ЕРЭБ со стативными глаголами

ЕРЭБ со стативными глаголами в качестве центра предложения описывают ситуации-состояния адресата, в которых ему желается находиться и которые при этом обычно не зависят от его воли и действий. Данные ЕРЭБ, представляющие собой пожелания общего блага [ср. 11, с. 77], также можно условно разделить на три модусные группы, а именно:

1) состояние адресата пожелания,

2) обладание предметом или квазипредметом пожелания,

3) отсутствие негативного предмета пожелания.

3.1. Состояние адресата пожелания

Одна из самых распространенных идишских ЕРЭБ – это формула, используемая при прощании:

(17) *Zay gezunt! / Zayt gezunt!* «До свидания!»

В дословном переводе данная ЕРЭБ означает «Будь здоров! / Будьте здоровы!». Тем самым адресату, отсылка к которому инкорпорирована в императивную форму глагола *zayn* «быть», желается обладать здоровьем как состоянием-признаком, что одновременно можно считать признаком ситуации.

Следующая ЕРЭБ относится к разряду малофугитивных:

(18) *Oyf keyn gutn-ort* (Q) *zolstu* (A) *nit shteyn*. «Чтобы ты не стоял на кладбище».

Данная ЕРЭБ описывает нежелательное, или не желаемое адресату состояние – находиться (что описывается глаголом состояния с отрицанием *nit shteyn* «не стоять») на квазипредмете (который актуализуется существительным-эвфемизмом *gut-ort* «кладбище»), то есть представляет собой пожелание того, чтобы адресату «...не приходилось хоронить родных и близких» [3, с. 6].

3.2. Обладание предметом или квазипредметом пожелания

В качестве предмета или квазипредмета пожелания могут выступать как объекты материального блага, так и объекты абстрактные. Материальным благом могут быть богатство и роскошь, например:

(19) *Farmogt azoy fil toyznter* (O). «Имейте так много тысячных».

(20) *Di vog gold* (Q) *zol ikh* (A) *hobn*. «Чтоб я имел воз золота».

В данных ЕРЭБ с глаголами обладания *farmogn* «обладать, иметь» и *hobn* «иметь» актуализуются предмет пожелания «деньги» (существительным *toyznter* «тысячные») и квазипредмет «золото» (существительным *gold*).

Однако, вопреки распространенному стереотипу, идишские ЕРЭБ чаще выражают пожелание обладать не материальными, но абстрактными благами, то есть не всегда реализуют признак ситуации «материальная обеспеченность» [ср. 5], например:

(21) *Di mos mazl* (O) *zol ikh* (A=S) *hobn*. «Чтоб я имел так много счастья».

(22) *Di gute yorn* (O) *zol ikh* (A=S) *hobn*. «Чтоб я имел добрые годы».

Обе ЕРЭБ по своей структуре идентичны приведенной выше ЕРЭБ (20), но предметом пожелания в них выступают счастье (существительное *mazl*) и добрые годы (словосочетание *gute yorn*), обладать которыми желается синкретичному адресату-субъекту (личное местоимение *ikh* «я»), то есть субъекту, который высказывая адресату пожелание, имеет в виду также самого себя или обращает пожелание только самому себе, что зависит от ситуации и контекста.

Встречаются в данной группе также благопожелания в адрес умершего, например:

(23) *A likhtikn gan-eydn* (O) *zol er* (A) *hobn*. «Чтоб он имел светлый рай».

Данная ЕРЭБ представляет собой пожелание адресату (актуализуемому личным местоимением *er* «он») упокоения души в раю (существительное *gan-eydn*).

Интересным с точки зрения параметра «культурные факты» представляется следующий пример:

(24) *Zolst hobn nakhes* (O) *fun dayne kinder* (C). «Чтобы ты имел радость от своих детей», где актуализуются:

– предмет пожелания: за счет существительного *nakhes* «радость»,

– при этом конкретизируется каузатор, то есть источник радости, а именно: дети адресата, названные словосочетанием *dayne kinder* «твои дети».

Здесь необходимо иметь в виду, что «чадолюбие стало одной из наиболее характерных черт еврейской национальной психологии» и что, «согласно библейскому предписанию, деторождение – основная цель брака. Библия видит в детях благословение Божье...» [9].

В ЕРЭБ данной модусной группы реализуются только два глагола обладания *hobn* «иметь» и *farmogn* «обладать», и наиболее общим пожеланием, употребляющимся в отношении как материальных, так и абстрактных предметов, является следующее:

(25) *Mir* (A=S) *megn dos beyde* (A=S) *hobn / farmogn*. «Чтоб мы оба/обе это имели».

3.3. Отсутствие негативного предмета пожелания

В данную модусную группу входят только малофугитивные ЕРЭБ, в них используется только глагол знания *visn* «знать» с отрицанием, и они являются, так сказать, «непожеланием знания о негативном предмете», например:

(26) *Me* (A) *zol nit visn derfun* (O). «Чтобы не знать об этом».

(27) *Ir zolt shoyn nit visn fun keyn shum tsar* (O). «Чтобы вы не знали совершенно никакого горя».

В примере (26) на негативный предмет указывает местоименное наречие *derfun* «об этом», а в примере (27) негативный предмет актуализуется при помощи

существительного *tsar* «горе», употребленного с усилительным отрицательным элементом *keyn shum*. Непожелание знания о негативном предмете есть, как представляется, пожелание отсутствия данного предмета, и именно по этой причине подобного рода ЕРЭБ были выделены в отдельную модусную группу.

Анализ фактического материала позволяет, таким образом, констатировать четкую корреляцию между модусной группой соответствующей ЕРЭБ и тематическим классом реализующегося в ЕРЭБ глагола, что показано в нижеследующей таблице.

Предложенный в настоящей статье подход к анализу формул-пожеланий позволяет проследить, с какими действиями, процессами и состояниями, выражаемыми, соответственно, акциональными, процессуальными и стативными глаголами, носители языка ассоциируют добро и зло и кто или что может выступать в качестве их носителя, получателя и источника. Так, в приведенных ЕРЭБ четко прослеживается следующее:

а) активное стремление человека (адресата) к благому языку идиш связывает с активными действиями по отношению к лицам и предметам, с движением и перемещением, с разрушением недоброго или ненужного, что описывается, соответственно акциональными глаголами занятия, движения и деструкции;

б) пассивное ожидание блага адресатом ассоциируется с обращением к божественной или чьей-либо иной помощи, что описывается посредством акциональных глаголов снабжения и возмездительного действия;

в) пожелание адресату общего блага связывается с определенными процессами и состояниями, и это описывается формулами-благопожеланиями с процессуальными и стативными глаголами.

Модусная группа ЕРЭБ	Тематический класс глагола
Действие адресата в отношении предмета или квазипредмета	<u>акциональные</u> : занятия, движения, деструктивные
Действие каузатора в отношении адресата	<u>акциональные</u> : снабжения, возмездительного действия
Бездействие каузатора в отношении адресата	<u>акциональные</u> : речи, возмездительного действия
Процесс, исходящий от имплицитного каузатора	<u>процессуальные</u> : восприятия, естественных процессов
Процесс, связанный с действиями эксплицитного каузатора	<u>процессуальные</u> : восприятия, изменения состояния
Естественный процесс	<u>процессуальные</u> : естественных процессов
Состояние адресата	<u>стативные</u> : состояния
Обладание предметом	<u>стативные</u> : обладания
Отсутствие негативного предмета	<u>стативные</u> : знания

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Гейзель, З. Еврейская традиция / З. Гейзель // Мидраша.net. Народ Израиля. Земля Израиля. Тора Израиля. – Режим доступа: <http://www.midrasha.net/article.php?id=2630>
3. Гури, И. Чтобы нам слышать только добрые вести: добрые и злые пожелания в идише / И. Гури. – Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2004. – 171 с.
4. Добро и зло // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11447&query=%C4%CE%C1%D0%CE>
5. Карасик, В. И. Эмблематический концепт «благополучие» / В. И. Карасик // Philology.ru. Русский филологический портал. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/karasik-10.htm>

6. Кладбище // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12113&query=%C4%CB%C0%C4%C1%C8%D9%C5>
7. Мессия // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12735&query=%CC%C5%D1%D1%C8%DF>
8. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608. с.
9. Родители и дети // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13548&query=%C4%C5%D2%C8>
10. Старость // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13940&query=%D1%D2%C0%D0%CE%D1%D2%DC>
11. Шатилова, Л. М. Актуализация лингвокультурологических категорий эксплицитности и имплицитности как концептуальных доминант в немецкой и русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук / Л. М. Шатилова. – М.: МГОУ, 2011. – 415 с.
12. Шишигин, К. А. Семантика и прагматика индексальных единиц в немецком рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук / К. А. Шишигин. – Кемерово: КемГУ, 1998. – 221 с.
13. Яков бен Ицхак Ашкенази. Цэна-у-Рэна. Пять книг Торы с комментариями. Берешит / Яков бен Ицхак Ашкенази; под общ. ред. Б. Б. Котлермана. – М.: Мосты Культуры, 2012. – 474 с.
14. Matisoff, J. A. Blessings, Curses, Hopes, and Fears: Psycho-Ostensive Expressions in Yiddish / J. A. Matisoff. – Stanford; California: Stanford University Press, 2000. – 167 p.
15. Stuchkov, N. Der oytser fun der yidisher shprakh / N. Stuchkov; red. M. Vaynraykh. – New York: YIVO, 1950. – XLI z. – 933 s.
16. Tesnière, L. Grundzüge der strukturalen Syntax / L. Tesnière. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. – 400 s.
17. Yiddish Alphabet/Alef-Beys // YIVO Institute for Jewish Research. – Режим доступа: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275

Информация об авторе:

Бадер Оксана Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачёва, +7-903-907-8209, Bader_oksana@rambler.ru.

Oksana V. Bader – senior teacher, Department of Foreign Languages Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

УДК 81'23

ТЕЛЕСНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ю. А. Башкатова

BODY METAPHOR IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Yu. A. Bashkatova

Данная статья посвящена выявлению этнокультурной специфики функционирования телесной метафоры в разноструктурных языках – английском и русском. Согласно когнитивной теории, мыслительные способности человека обусловлены биологической природой его мозга, тела и телесным опытом. Однако анализ языкового материала указывает на необходимость учета культурных факторов образования телесных метафор.

The article focuses on the identification of ethnocultural peculiarities of body metaphor functioning in different-structure languages – English and Russian. According to cognitive theory, human reason arises from the nature of our brains, bodies, and bodily experience. Language material, however, suggests the necessity of taking into account cultural factors of body metaphor formation.

Ключевые слова: телесность, телесная метафора, лингвокультура, соматизм, этнокультурная специфика.

Keywords: embodiment, body metaphor, cultural linguistics, somatism, ethnocultural peculiarities.

Тема телесности является одной из наиболее актуальных проблем в современных социальных и филологических науках. До недавнего времени неприемлимые антиномии тело – душа или плоть – дух, унаследованные от иудео-христианского образа мира, не давали философской мысли сосредоточиться на теле как на достойном предмете осмысления вне его связи с духовным началом мира [5, с. 5]. На протяжении XX века из всех гуманитариев наибольший интерес к телу проявляли философы (М. Мерло-Понти,

Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, М. М. Бахтин) и психоаналитики (З. Фрейд, К. Юнг). С начала 70-х годов тема телесности заинтересовала историков, антропологов и литературоведов. В последние полтора десятилетия к телу как предмету исследования приковано пристальное внимание психологов, социологов, культурологов и лингвистов.

Классическое противопоставление души и тела в современной социокультурной ситуации не является настолько категоричным, как это было в прошлом.

Дело в том, что в условиях секуляризированной культуры классическое разделение культурного времени души и физического времени тела, их субстанциальное различие выявило свою несостоятельность. Эти два понятия обрели равноправность, взаимную суверенность и нашли консенсус в разрабатываемой универсальности телесного [9, с. 41 – 42].

В отечественной науке возникновение понятия «человеческая телесность» связано, прежде всего, с именем А. Ф. Лосева, который в своих трудах использовал его для характеристики социальных качеств человеческого тела. Тело как таковое – это объект естествознания, средоточие действия законов органического мира. Человеческое тело, помимо действия общих законов жизни, подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые, не отменяя первых, существенно модифицируют их проявление [3, с. 2].

Современная философская рефлексия телесности склоняется к рассмотрению ее в качестве особого типа целостности человека, имеющей особую бытийственность и пространственные измерения. При этом телесность понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления.

Постмодернизм (М. Фуко, Ж. Л. Нанси, Ж. Деррида и др.), выдвинув программу деперсонализации субъекта, обратил внимание на сопряженность чувственности и мысли, на телесность сознания, которая не позволяет использовать оппозицию «внешнее-внутреннее» и апеллирует к аффективным сторонам человеческого бытия, прежде всего к сексуальности и негативным аффектам (садомазохизму, жестокости и др.). «Тело-без-органов» – это не тело-объект, если оно существует, то по другую сторону от общепринятого представления о телесной реальности, вне собственного образа и телесной схемы (пространственно-временных и топологических координат), вне анатомии и психоматического единства [8, с. 33].

И. М. Быховская выделяет три ипостаси человеческой телесности – природное, социальное и культурное тела человека. Под «природным телом» ею понимается биологическое тело, подчиняющееся законам существования, развития и функционирования живого организма. «Социальное тело» – результат взаимодействия естественно-данного человеческого организма («природного тела») с социальной средой. И, наконец, «культурное тело» – продукт культуросообразного формирования и использования телесного начала человека, являющийся завершением перехода от «безличных», природнотелесных предпосылок к собственно человеческому, не только к социально-функциональному, но и личностному бытию телесности [2, с. 464 – 465].

В нашем исследовании речь пойдет о человеческом теле как об основании для метафорического переосмысления действительности, иначе говоря, о том, как воспринимается тело в русской и английской традиции, какие значения приписываются его частям, и как данные культурные смыслы отражены в соответствующих языковых картинах мира.

Термин «телесная метафора» был введен в лингвистическое научное описание представителями когнитивного направления в языкознании М. Джонсоном и Дж. Лакоффом [16]. Согласно когнитивной теории, метафора – один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя, таким образом, классификацию реальности. Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. Затем они применяются к абстрактным понятиям. Называние таких абстрактных сфер и происходит при помощи телесной метафоры, которая играет роль отсылки к знакомому, всем известному: *рукой подать* (недалеко), *не видеть дальше своего носа* (не обладать прозорливостью); *to have one's back to the wall* (to be in defensive position).

Таким образом, согласно данному подходу, концепт «тело» является сферой-источником (source domain) метафорического переноса. Однако тело может стать сферой-мишенью (target domain) в том случае, если для описания самого тела, его частей, органов или функций применяется другая сфера-источник: глаза – *зеркало души*, *сердце не камень*; *heart of gold*. Отдельную группу составляют метафоры, лежащие в основе концептуализации эмоций через их соотнесенность с определенными частями тела. Данные концептуальные метфоры основаны на тесном переплетении метафорических и метонимических отношений, и поэтому их трудно отнести к первой (тело – сфера-источник) или второй (тело – сфера-мишень) группе: *to break one's heart*, *My blood boiled*, *Сердце петухом запело*.

Рассмотрим подробнее каждую группу метафор.

1. Тело – сфера-источник

Тело человека издревле является источником познания и осмысления мира: знания и наблюдения человека о себе самом переносятся на окружающую действительность. Наименования частей человеческого тела, специфичные для них свойства, характеристики, которые, помимо «называния», несут в себе значимые для культуры смыслы, и образуют соматический код культуры. Самая многочисленная группа соматизмов использовалась для концептуализации неодушевленных предметов окружающего мира, например:

– *the arm of a chair; the leg of a table; the foot of the mountain; head of the table/a sail/a nail/a letter/a river/a coin; the neck of the bottle; the eye of the typhoon/needle; an ear of grain/corn; the heart of a lettuce; a banana skin/tomato skin/sausage skin; face of cloth/leather/a mountain/a clock/a watch,*

– *ножка стула/стола/дивана/гриба; игольное ушко; горлышко бутылки; головка лука/чеснока; ручка чашки/двери; глазок яблони/картофеля/дверной глазок; спинка кресла/дивана/стула/платья; кожица стебля/персика/помидора/колбасы; зубья пилы/шестерни.*

В современном английском языке характеристики тела часто переносятся на такие более абстрактные

области, как компьютеры и механизмы, сообщества (города, нации, команды) и коммуникация [13, с. 37].

В большинстве современных языков компьютеры представлены как живые существа со сложной нервной системой, интеллектом, памятью, языком (*language, brain, memory*); их может поразить вирус (*virus*).

Если же разобрать компьютер на запчасти, то получим **мозг** в виде процессора, блок питания в качестве **пищеварительной системы**, совмещенной с **кровеносной**, корпус – **скелет**, монитор в виде **лица**, мышь и прочие порты – в виде **органов чувств** (остается признать, что от рождения любой компьютер обладает только одним чувством – алфавитно-текстовым, хотя чаще всего еще обладает и тактильным (мышь/тачпад), остальные же органы чувств, как-то USB-порты и т. д., даются ему опционально, как и **органы речи** [6].

*In fact Intel, an American company, produced all the microprocessor chips (the **brain** of the computer) for every Amstrad personal computer, and until recently most other manufacturers too* [11].

Нации, страны, города, политические партии и прочие сообщества часто определяются с помощью антропоморфных или телесных метафор:

*The central plank of your political philosophy – putting Britain at the **heart** of **Europe** and making sterling the Deutschmark of the Nineties – has collapsed* [11].

Но тогда, в нищезей, голодной, зажатой в огненном кольце наступающей со всех сторон контрреволюции **Советской России**, в самом её **сердце**, в красной **Москве**, в центре Москвы, против главного Почтамта, в общежитии Вхутемаса это сверхреволюционное направление буйно процветало [6].

Pauwels и Vandenberghe описывают метафорическое представление речевого поведения на английском языке с использованием соматизмов в качестве сферы-источника. Они проводят различие между частями тела, которые на самом деле вовлечены в акт говорения (*mouth, tongue, throat*) и использованием в подобных метафорах названий других частей тела. В первом типе метафор происходит метафорический перенос с актов поглощения пищи и дыхания на речь: *thrust something down someone's throat; chew the fat; eat one's words or waste one's breath* [17, с. 36 – 37]. Второй тип метафор, упоминаемый Pauwels и Vandenberghe, включает лексемы, называющие другие части тела, а также телесные функции такие, как невербальная коммуникация и чувственное восприятие: *pat on the back; poke one's nose into something* (прим. автора: *Подробнее о метафорическом использовании лексем рот – mouth см. [1]*).

Важно заметить, что когнитивному картированию в вышеперечисленных метафорах подвергается не все тело целиком, а отдельные его части, причем в разных пропорциях: соматизмы *сердце-heart, голова-head, глаза-eyes* используются довольно часто, тогда как некоторые части тела или органы редко или никогда не подвергаются метафорическому переосмыслению.

2. Тело – сфера-мишень

Чаще всего тело становится мишенью для метафорического переноса при описании телесных функ-

ций, таких как болезнь, умственная деятельность и др., как, например, в русском языке: *Горит, как свечка. Не горит, а плавает (а гаснет)* (о болезни); *котелок варит* (про умного человека), *шарики за ролики заехали* (о сильном умственно утомлении) [10].

Интересно, что в современном английском языке мозговые процессы часто описываются с помощью метафоры электричества, с использованием таких понятий, как проводка, цепь, выключатель (*wire, circuits, switches*):

*He stood under the TV, arms crossed, and his worry-lined forehead tripped some **wire** in Shauna's **brain** that said friendly* [12].

Болезнь нередко представлена в терминах войны: *The CIA and Defense Department are about to harness some of their most sensitive technologies against a new **enemy: cancer*** [12].

Широкомасштабное развитие технологий, способствующих преобразованию человеческого тела (пластическая хирургия, трансплантология, генная инженерия) привели к тому, что тело человека стало восприниматься как механический предмет, который можно разобрать на составные части, заменить пришедшие в негодность детали, собрать по кусочкам после аварии [18, с. 188]. Метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – МАШИНА (КОМПЬЮТЕР) становится ведущей во многих языках, в том числе русском и, особенно, английском:

*Его жизнь рассчитана по минутам. В **голове** – **компьютер*** [6].

*In Scene 5, Hugo says that **people, like machines**, can be broken* [12].

*Last week's FDA decision sharply reduces the options for women seeking to **augment or rebuild their breasts*** [12].

С одной стороны, век развития электроники и компьютерных технологий породил новый всплеск использования телесных метафор для объяснения этих сложных явлений. С другой стороны, и само тело подвергается ответному переосмыслению.

3. Тело (душа) – источник и мишень эмоций

Концепт «тело» используется при концептуализации эмоций, как в английской, так и в русской лингвокультурах. Однако в данной сфере не всегда бывает ясно, выступает ли тело в качестве источникового или целевого домена. Помимо того, наблюдается взаимное наложение метафорических и метонимических отношений. Базовые метафоры, описывающие эмоциональные состояния, были впервые подробно проанализированы Золтаном Кевечесом (Kövecses). Он выделил следующие основные метафоры, описывающие эмоциональные состояния: эмоция как контейнер, как сила природы, как оппонент, как объект [14].

Рассмотрим примеры телесной метафоры в английском BODY (ITS PARTS) IS A CONTAINER. Среди различных типов концептуальных метафор, метафора CONTAINER является одной из самых продуктивных. Основываясь на метонимическом отношении Целое (BODY) – Часть (PARTS OF THE SELF/BODY), преобразуем представленную выше метафору – PARTS OF THE SELF/BODY ARE CONTAINERS

FOR EMOTIONS. Проиллюстрируем данную метафору:

HEART IS A CONTAINER FOR EMOTIONS: *from the bottom of one's heart, in one's heart, half-hearted, heart overflowing with an emotion, to fill my heart with an emotion, openhearted, to open one's heart, pour out one's heart, close one's heart to smb;*

EYES ARE CONTAINERS FOR EMOTIONS: *in one's eyes, eyes are full of love, eyes are overflowing with emotions;*

OTHER BODY PARTS ARE CONTAINERS FOR EMOTIONS: *have butterflies in one's stomach, pain in the neck, to feel in one's guts/bones, jump out of one's skin, stick in one's throat* [4, с. 28].

Приведем примеры использования телесной метафоры для концептуализации эмоций в русском языке. Традиционно, в русской языковой картине мира, местом образования эмоций служат сердце, грудь и душа (в русской культуре – «невидимый орган чувств и предчувствий, находящийся где-то в груди человека» [7]):

СЕРДЦЕ – ВМЕСТИЛИЩЕ ЧУВСТВ: *Последняя радость – удовольствие любви – исчезло в глазах моих, в моем сердце; а горесть везде оставила следы свои! Она проникла его намерение – и злоба закипела в ее сердце. С бледностью на лице, с тоскою в сердце встал он при первом появлении зари. Отец Марии скоро заметил страсть, восплававшую в сердце дочери, и сокрушался в душе своей: от его пронизательности не укрылось, что Евгений был ветренник, готовый обольстить невинность* [6].

ДРУГИЕ ЧАСТИ ТЕЛА – КОНТЕЙНЕРЫ ЧУВСТВ: *Теперь, сейчас сознай, предупреди – И будешь ты хозяином движенья. С отвагой в мыслях и огнем в груди. Огонь – в моей груди, огонь – в моих костях... Как цельно сжалась и как сильно разыгралась ревность, эта жгучая спутница любви в страстной душе негра! Страха он не испытывал, но в животе потягивало от смутного беспокойства и*

ничем не обоснованного, необъяснимого стыда. Нет, я скажу, положив руку на сердце: злобная, плебейская радость охватывает меня, счастлив я до мозга костей. Ненависть стремительно сгустилась в голове [6].

Анализ телесных метафор позволяет выявить интересную проблему: не существует единого домена «тело» (также как нет неоднородного домена «любовь», «гнев» или «дом»). Вместо этого, отдельные аспекты телесности (отдельные соматизмы) используются для концептуализации различных явлений с помощью метафор первого типа, в то время как во втором типе метафор акцентируются другие аспекты телесного. Метафоры эмоций представляют собой наиболее сложный тип, в котором не всегда четко видно, является ли тело сферой-источником или мишенью. Все это наводит на мысль, что домен «тело», лежащий в основе телесной метафоры, является сложным концептуальным полем, состоящим из отдельных элементов – соматизмов.

Принимая тезис когнитивной лингвистики о базовой опосредованности мышления телесным опытом, необходимо отметить, что при анализе телесных метафор важно учитывать социальный, культурный, исторический, научный опыт. Необходимо понимать, что систематическое использование телесных метафор в речи не всегда отражает индивидуальный опыт говорящего, а может свидетельствовать о нормативном, конвенциональном словоупотреблении. Базовый телесный опыт является универсальным для большинства культур. Однако данные лингвистического анализа указывают на существующие различия в метафорическом использовании соматизмов в разных лингвокультурах. Таким образом, концепт «тело» является не абсолютным основанием человеческого опыта, а сложным конструктом, сочетающим в себе как телесный (биологический, природный), так и культурный опыт.

Литература

1. Башкатова, Ю. А. Сопоставительный анализ соматических концептов «рот» и «mouth» в этнокультурном аспекте / Ю. А. Башкатова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1(49).
2. Быховская, И. М. Телесность как социокультурный феномен / И. М. Быховская // Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997.
3. Жаров, Л. В. Двадцатилетний опыт изучения проблемы человеческой телесности (взгляд врача и философа) / Л. В. Жаров. – Ростов н/Д., 2001.
4. Заячковская, О. О. «Тело как улика», или концептуальная метафора Body Is the Site of Emotions / О. О. Заячковская // Язык и межкультурная коммуникация: сб. ст. I Международной конференции (23 января 2007 г., г. Астрахань); сост. О. Б. Смирнова. – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2007.
5. Кабакова, Г. От составителей. От русской души к русскому телу? / Г. Кабакова, Ф. Конт // Тело в русской культуре: сб. ст.; сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
6. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ». – 2003. – 1487 с.
8. Розин, В. М. Как можно помыслить тело человека, или на пороге антропологической революции / В. М. Розин // Философские науки. – 2006. – № 5.
9. Румянцев, О. Культура как место и время человека / О. Румянцев // Творение – творчество – репродукция: исторический и экзистенциальный опыт. – СПб., 2003.
10. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Режим доступа: <http://slovari.-yandex.ru/dict/dal/>
11. British National Corpus. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

12. Corpus of Contemporary American English. – Режим доступа: <http://corpus2.byu.edu/coca/>
13. Goshler, J. Embodiment and Body Metaphors / J. Goshler. – Режим доступа: <http://www.metaphorik.de> 09/2005.
14. Kövesces, Z. Emotion Concepts / Z. Kövesces. – New York: Springer-Verlag, 1990.
15. Kövesces, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövesces. – Cambridge, 2003. – 244 p.
16. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
17. Pauwels, P. S. Body parts in linguistic action: underlying schemata and value judgements / P. S. Pauwels, A.-M. Vandenberghe // Goossens, Louis/Pauwels, Paul/Rudzka-Ostyn, Brygida/Simon-Vandenberghe, Anne-Marie/Vanparys, Johan (edd.): By word of mouth: metaphor, metonymy and linguistic action in cognitive perspective. – Amsterdam/Philadelphia, 1995.
18. Škara, D. Body Metaphors – Reading the Body in Contemporary Culture / D. Škara // Coll. Antropol. 28 Suppl. 1 (2004).

Информация об авторе:

Башкатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2, докторант кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ, +7-906-985-05-26, stbua@mail.ru.

Yulia A. Bashkatova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University; doctoral student.

УДК 81-114.4

ОЦЕНОЧНОСТЬ В ЖАНРЕ КИНОРЕЦЕНЗИИ

Э. Ю. Гаранина

EVALUATION IN THE GENRE OF FILM REVIEW

E. Yu. Garanina

В данной статье рассматриваются история развития жанра кинокритики, его особенности, а также способы выражения оценочности как жанро- и текстообразующей категории кинокритики. Выявлен преобладающий коммуникативный регистр кинокритики – реактивный регистр. Статья содержит примеры выражения оценочности на различных языковых уровнях.

The article deals with the development history of the genre of film review, its peculiarities and the ways of expressing evaluation – the category forming film review genre and text. The reaction register being the dominant communicative register of film review is revealed. The article contains some examples of the expressing evaluation on different linguistic levels.

Ключевые слова: кинокритика, рецензент, оценочность, оценка, кинокритика.

Keywords: film review, reviewer, evaluation, value, film criticism.

Критический жанр кинокритики родился вместе с кино. В 1907 году американский еженедельник «Variety» («Варьете») опубликовал первую в истории кинокритику на французский фильм «Émouvant voyage de pose» («Захватывающий медовый месяц»). С тех пор популярность жанра неуклонно росла, ведь из-за огромного числа новых фильмов зрителю перед просмотром нужна была оценочная информация и помощь в выборе.

Оценочность – формирование ценностного отношения – является жанро- и текстообразующей категорией кинокритики. Оценочность не тождественна оценке, а представляет собой только её конкретную реализацию. Оценочное значение вбирает в себя разноплановые связи – психологические, онтологические, коммуникативные, деятельностные. Оценка принадлежит одновременно областям реакций и стимулов [1, с. 137 – 142]. Оценочное высказывание под-

разумеет наличие трёх компонентов – объекта, субъекта и основания оценки, претерпевающих постоянные исторические изменения.

Так, в начале века в кинокритике оценивались возможности развития кино как нового вида искусства и технического чуда. С 1912 года с выходом первых полноценных художественных фильмов процесс написания кинокритик заинтересовались профессиональные театральные критики [5, с. 8]. С появлением звукового кино в 1927 году резко возросло число отрицательных рецензий, так как считалось, что звук мешает зрительному восприятию. В 1935 году та же участь постигла и цветное кино, а затем и широкий экран, синерamu, стереозвук, 3D-технологии. В 1930-е годы с признанием кино видом искусства (как правило, начиная с работ Д. У. Гриффита) внимание кинокритиков сосредоточилось на художест-

венной ценности фильмов, а не на их технологическом исполнении [2, с. 48].

Новые технологии влияют не только на содержание рецензии, но и на её формы. С 1907 года отзывы кинокритиков на тот или иной фильм размещались в популярных газетах и журналах, вскоре начали выходить и специализированные издания о кино. Со второй половины XX века кинорецензии появились на радио и телевидении, хотя особой популярностью не пользовались. Американский кинокритик и телеведущий Роджер Эберт ввёл моду на мини-рецензии для широкого круга почитателей кино, до него были распространены только критические статьи и объёмные рецензии.

С появлением Интернета возросло число кинорецензий и их авторов – профессионалов и любителей. С 1996 года рецензии о фильмах размещаются на специализированных сайтах (первый сайт – «Ain't It Cool News» Гарри Ноулза), сайтах периодических изданий, в профессиональных и любительских блогах и социальных сетях. Центром отзыва стала не объективная оценка самого фильма, а субъективное мнение рецензента. Рациональная оценочность, учитывающая нормы социума и основывающаяся на логике, сменяется эмоциональной.

Интернет дал толчок развитию любительской кинорецензии. Профессиональные кинорецензии разделились на искусствоведческие и рассчитанные на широкую аудиторию. Для рецензий, рассчитанных на широкую аудиторию, характерны высокий уровень оценочности, соотнесение с усреднённым зрителем, сниженный стиль, молодёжный сленг, социо-политическая направленность. Для искусствоведческой рецензии, согласно исследованию Л. А. Земцовой, характерны ориентированность на профессионала в области искусства, объективность критериев оценки, использование терминологии, профессионального жаргона, эстетическая насыщенность и возвышенность, глубина анализа, философские размышления, привлечение дополнительного материала, стилистическая отстранённость [3, с. 111 – 174]. Основные конститутивные признаки искусствоведческой кинорецензии сводятся к оценочной персуазивности, интерпретативно-аттрактивной информативности и эстетической рекреативности. Искусствоведческая рецензия служит основой для рецензий, рассчитанных на широкую аудиторию, и любительских рецензий.

В Интернете наиболее распространёнными являются кинорецензии на английском языке, что неудивительно, ведь доля англоязычного Интернет-трафика составляет более пятидесяти процентов. Крупнейший сайт о кинематографе – изначально англоязычный «IMDb» («Internet Movie Database»), аналогом которого является русскоязычный «КиноПоиск». К сожалению, профессиональные кинорецензии, в отличие от любительских пока не получили в русскоязычном Интернете такого широкого распространения, как в англоязычном. Исследование категории оценочности в кинорецензиях наиболее актуально на англоязычном материале.

Для выявления особенностей выражения оценочности было проанализировано около 150 англоязычных кинорецензий сайта «IMDb». В исследовании ис-

пользовались положительные, отрицательные и нейтральные кинорецензии различных рецензентов-профессионалов, пишущих для широкой аудитории.

Современная кинорецензия выполняет две основные функции – оценивание фильма и влияние на мнение читателя. Г. Штегерт отмечает полифункциональность как основное свойство кинорецензии [6, с. 24 – 38] и перечисляет её функции – информационную, оценочную, рекламную, мотивационную. Для успешного функционирования в кинорецензии должны присутствовать следующие элементы содержания: информация о фильме; анализ художественного и технического исполнения фильма; аргументированная оценка автора рецензии на основе проведённого анализа; воздействие на решение читателя смотреть или не смотреть фильм и его мнение о фильме; реклама и антиреклама.

Следует отметить, что не каждый текст кинорецензии может содержать все выделенные элементы.

В соответствии с функциями кинорецензии автор использует тактики убеждения: 1) общие – цитирование, привлечение читателя, параллелизм, пересказ, использование чужого мнения; 2) специальные – прямую и косвенную оценки.

Во всех рассмотренных профессиональных кинорецензиях авторы придерживались одной и той же структуры:

- 1) заголовок, привлекающий внимание читателя;
- 2) начальный абзац, кратко и ярко выражающий мнение рецензента о данном фильме и дающий минимально необходимую информацию о фильме;
- 3) основной текст рецензии, разделённый на короткие параграфы:
 - анализ и критика нескольких аспектов фильма (замысла режиссёра, сценария, сюжета, стиля, саундтрека, спецэффектов и так далее);
 - сравнение с предыдущими работами режиссёра, с другими фильмами, как лучшими, так и худшими, с источником сценария;
 - выделение наиболее удачных или неудачных моментов;
- 4) заключение, включающее заключительную оценку фильма и совет зрителю (смотреть или не смотреть данный фильм).

Стоит также отметить, что положительные кинорецензии, как правило, начинаются с краткого обзора слабых сторон фильма, а отрицательные – с признания удачных моментов. Более того, общая оценка рецензента (которая всегда субъективна) в начале и конце рецензии может противоречить основному тексту рецензии, содержащему объективный анализ.

Рецензент проявляется в тексте не только как индивидуальность, но и в самих способах организации текста [7, с. 93]. Используя классификацию коммуникативных регистров Г. А. Золотовой [4, с. 29], в проанализированных кинорецензиях можно выделить все пять типов: репродуктивный (воспроизведение наблюдаемого), информативный (донесение информации до читателя), реактивный (оценивание), генеративный (обобщение информации), волюнтивный (воздействие на поведение читателя) регистры.

Функции и регистры во взаимосвязи образуют текст кинокритики.

По данным проведённого исследования, преобладающий реактивный регистр кинокритики выражен на лексическом уровне, в основном, качественными прилагательными («The most powerful movie of all time»), глаголами переносном значении («I see the point of the film»), абстрактными существительными («his artistic imagination runs wild»). На синтаксическом уровне реактивный регистр выражен, в основном, составными именными сказуемыми («He is the driving creative force»). Генеративный и волюнтивный регистры представлены в текстах кинокритики в наименьшем объёме.

В англоязычных кинокритиках используются многообразные способы выражения оценочности. Встречаются как общеоценочные, так и частнооценочные аксиологические значения. Общеоценочные слова передают итоговую, холистическую оценку, взвешивая все отрицательные и положительные стороны объекта («good», «bad»). При этом положительная оценка вовсе не означает, что у объекта есть одни только достоинства; она означает лишь то, что достоинства перевешивают недостатки. То же можно сказать и об отрицательной оценке. Субъективная система паритетов для установления общей оценки включает как численное соотношение достоинств и недостатков, так и индивидуальную иерархию ценностей.

Частнооценочные слова характеризуют объект лишь с одной стороны, и поэтому весьма разнообразны. Для характеристики частных оценок была использована классификация Н. Д. Арутюновой [1, с. 198]:

- гедонистические (сенсорно-вкусовые), являющиеся максимально индивидуальными («tasty»);
- психологические оценки – рационализированные и осмысленные («stupid», «nerd»);
- эстетические – объединение гедонистических и психологических оценок («magnificent», «amazing»);
- этические («kind»);
- нормативные («common»);
- утилитарные («useless»);
- телеологические («lucky»).

Обще- и частнооценочные значения передаются по-разному синтаксически. Так, частные оценки выступают, в основном, в роли предиката («amazing film»). Общие оценки могут выражаться как предикатами («bad screenplay»), так и модальными операторами, в том числе и в пропозиции («I think it's good that...»).

Рецензии и отзывы, имеющие целью выведение общей оценки, предполагают аксиологическую маркированность и поляризацию любых утверждений текста. При этом используются аксиологические операторы: «Advantages to being a screenwriter...», «it is a disadvantage...», «It's better...» и др. Читатель, которому может быть неясна оценка, вправе спросить, хорошо или плохо то, что взялся оценить автор.

Н. Д. Арутюнова сравнивает оценку с натуральным рядом чисел, ведь она основана на представлении о количестве [1, с. 141]. Механизм выведения общей оценки можно сравнить и с процедурой взвешивания, когда на одной чаше весов – отрицательные, на другой – положительные характеристики объекта

оценки. При этом общая положительная оценка не исключает недостатков.

На лексическом уровне для более точной передачи возникающих от просмотра эмоций рецензенты придумывают окказионализмы-прилагательные (к примеру, «power-funny» – «супер-смешной»). Довольно часто встречаются заимствования из других языков: например, французские «Tour de Force» («чудо мастерства») и «l'amor fou» («безумная любовь»), русское «babushka» («бабушка»), китайское «Mo lei tau» (особый вид юмора Гонконга), немецкое «fantastisch» («фантастический»), итальянское «bellissimo» («прекраснейший»). Используются и общеизвестные латинские оценочные выражения: «a priori» («изначально»), «ad absurdum» («до абсурда»), «status quo» («статус-кво»), «versus» («против»).

Во всех рассмотренных рецензиях встречаются кинематографические термины: например «story-board» («раскадровка»), «best boy» («помощник осветителя»), «cameo» («камео»). Термины других областей знаний используются при анализе сюжета. Так, в рецензиях на фильм «The Social Network» («Социальная сеть») найдено около 20 терминов из области информационных технологий: «cache» («кэш»), «cyberspace» («киберпространство»), «web-server» («веб-сервер»). В кинокритике встречаются и примеры профессионального жаргона: «warez» (от «software» – «программное обеспечение»), «nerd» («продвинутый пользователь»). Использование терминов придаёт оценке автора основательность, объективность, повышает доверие читателя к рецензенту.

Несмотря на то, что рецензии пишут профессиональные критики, довольно распространены просторечия: «gonna» (от «going to» – собираться что-либо сделать), «wanna» (от «want to» – хотеть что-либо сделать), «wannabe» (от «want-to-be» – «поклонник»), «уер» («да»), «норе» («нет») и другие. Встречаются и нетипичные сокращения: «'bout» («about»). Данный пласт лексики придаёт оценочности общедоступный характер: автор желает подчеркнуть неоспоримость, «демократичность» оценочного высказывания. Некоторые рецензенты используют архаизмы: «Hear Ye!» («Слушайте!»). В 34 рецензиях из 100 исследованных были выделены сленговые слова и выражения: «antsy» («дёрганый»), «rat race» («мышьяная возня»), «laddish» («развязный»), «pig-out» («обжираться»). Сленг, как правило, позволяет выразить крайнюю степень раздражения.

Самая распространённая часть речи среди оценочных слов – прилагательное, что объясняется самой описательной функцией этой части речи: «snobbish» («снобистский»), «great» («великий»), «magic» («волшебный»). Не так часто встречаются оценочные существительные: «geek» («чудак»), «fool» («дурак») и междометия («hurray» – «ура»). Глаголы («enjoy» – наслаждаться) и наречия («well» – хорошо) практически не используются для выражения оценочности в кинокритике.

В целом, самыми популярными (встретились в 50 рецензиях из 100) оценочными словами и выражениями в рассмотренных кинокритиках являются: «delightful» («восхитительный»), «powerful» («сильный»), «worthy addition» («существенное дополне-

ние)), «gollicking» («беззаботный»), «hodgepodge» («неразбериха»), «family-friendly» («для всей семьи»), «feel-good» («оптимистичный»), «laugh out loud» («смеяться вслух»), «exhilarating» («освежающий»), «too cute» («весьма остроумно»), «thought-provoking» («наводящий на размышления»), «must see» («то, что обязательно к просмотру») и даже непереводаемое «motherfucker» (что-либо в высшей степени отвратительное или, наоборот, превосходное). Положительные оценочные суждения преобладают в большинстве отзывов кинокритиков, хотя изредка встречаются и категоричные отрицательные.

На синтаксическом уровне оценочность выражается, в основном, использованием однородных членов предложения: «I am laughing at everything that's politically incorrect, crass, rude, vulgar, disrespectful» («Я смеюсь над всем, что политически некорректно, бестактно, грубо, вульгарно, неуважительно»). Вводные обороты не только выражают оценку, но и указывают на её источник: «To be quite frank» («Честно говоря»), «It goes without saying» («Само собой разумеется»).

Текст рецензии выстраивается как монолог, но для доказательства объективности авторской оценки зачастую цитируются диалоги из рецензируемого фильма: – «It's turkey time!» – «Huh?» – «Gobble, gobble!» (– «Время индейки!» – «Да?» – «Кулдыкать!»). Рецензенты также приводят мнения других кинокритиков или популярных личностей для подтверждения или опровержения своей точки зрения, что позволяет создать иллюзию плюрализма оценок: «Washington Post boss Katharine Graham loved the film...» (Катарине Грэхэм, главе Вашингтон Пост, понравился фильм...).

Самыми популярными стилистическими приёмами выражения оценочности в киорецензиях оказались эпитет («amazing film» – «потрясающий фильм»), сравнение («as powerful as» – «такой же мощный, как»), гипербола («She repeated it a thousand times!» –

«Она тысячу раз это повторила!»), повторение («again, again, again» – «опять, опять, опять»). Реже используются клише («Live and learn» – «Век живи – век учись»), инверсия («funny am I» – «смешон я»), метафоры («He is a rock» – «Он – скала»), пословицы («All that glitters is not gold» – «Не всё то золото, что блестит»).

Для придания оценочному высказыванию особого статуса часто используется графическое выделение курсивом, жирное начертание, подчёркивание: «THANK GOD I DIDN'T» («Слава Богу, я не сделал этого»), «a pleasant surprise» («приятный сюрприз»), «constant avalanche» («непрерывная лавина»).

Для оценочного высказывания в рассмотренных киорецензиях характерны несколько типов контекста: 1) выбор, голосование («this is the best way out»); 2) рекомендация, инструкция, совет при положительной оценке («All you can do is go and see for yourself», запрет при отрицательной оценке («Don't waste your time watching this movie»); 3) похвала, активное одобрение («It's powerful, captivating»); 4) вердикт («It's an Academy Award-winning film»); 5) эффективность («Captivating light and special effects»); 6) навыки профессионала («the best film critics»).

Текстовая категория оценочности существует на всех языковых уровнях киорецензии: лексическом, морфологическом, синтаксическом, композиционном. Набор способов выражения оценочности индивидуален и зависит от установок, целей, адресата киорецензента. Оценочные высказывания позволяют киорецензии осуществлять функции информирования, просвещения, оценки, воздействия и рекламы.

Проявления оценочности могут быть связаны не только с индивидуальным восприятием киноискусства, но и с национальной картиной мира, что может быть выявлено в англо- и русскоязычных киорецензиях при сравнительном анализе оценочности как одной из форм национального восприятия.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Беленький, И. В. Лекции по всеобщей истории кино: годы беззвучия / И. В. Беленький. – М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина (ГИТР). – 2008. – 416 с.
3. Земцова, Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Земцова. – Волгоград, 2006. – 205 с.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. – М.: МГУ, 1998. – 528 с.
5. Holopirek, J. A. Online Journalism: The Transformation of the Film Review / J. A. Holopirek. – Cambridge: ProQuest, 2007. – 172 p.
6. Stegert, G. Filme rezensieren in Presse, Radio und Fernsehen / G. Stegert. – Munchen: TR-Verlagsunion, 1993. – 245 s.
7. Text and Genre in Reconstruction: Effects of Digitalization on Ideas, Behaviours, Products and Institutions. – Cambridge: OpenBook Publishers, 2010. – 245 p.

Информация об авторе:

Гаранина Элина Юрьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода КемГУ, учитель английского языка МБОУ «Лицей № 62» г. Кемерово, 89049609731, elfinelk@gmail.com.

Elina Y. Garanina – post-graduate student at the Department of Interpretation and Translation, Kemerovo State University; English teacher at Lyceum № 62, Kemerovo.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА FAMILIE

Г. А. Гунышова

THE CATEGORY OF TIME IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT FAMILIE

G. A. Gunyashova

Предметом исследования в данной статье является категория времени в репрезентации социального концепта «СЕМЬЯ» в немецкой языковой картине мира на материале текстов словарного нормативного и публицистического дискурсов. Анализируются разнотипные языковые средства со значением темпоральности, отражающие важные культурно значимые смыслы семьи и трансформацию концепта в представлениях немецкого этноса.

The paper researches the category of time in the representation of the concept *FAMILIE* in the German linguistic picture of the world, and is based on the dictionary and publicistic discourses. The author analyses the linguistic devices with temporal meaning which reflect the value of cultural aspect and transformation of the concept *FAMILIE* in the German culture.

Ключевые слова: лингвокультурология, концептуализация, концепт, языковая картина мира, дискурс, категория времени.

Keywords: linguistic culturology, conceptualization, concept, linguistic picture of the world, discourse, category of time.

Время наряду с пространством относятся к фундаментальным категориям науки, эти категории называют системой координат, при помощи которых люди воспринимают и создают мир. Представления о мире в своей основе складываются из представлений о пространстве и времени. Философы утверждают, что время – это жизнь, воплощение пространственно-временного континуума человеческого существования.

Категория времени в восприятии концепта *FAMILIE* осмысливается в тесной связи с человеком, его жизнью. Семья в немецкой языковой картине мира (далее – ЯКМ) воспринимается как закон человеческого существования, человеческой природы в пределах временной оси человеческой экзистенции: *Es liegt in der Natur der Sache: eine Familie wird im Laufe der Lebensgeschichte irgendwann gegründet und irgendwann aufgelöst* [2, с. 33]. Время в восприятии жизни человека понимается как вместилище событий (т. е. пространственно), время жизни человека проходит под знаком событий: *Beruf, Heirat, das erste Kind, hießen früher die Stationen hin zur eigenen Familie* [21, с. 3]. Важнейшие этапы в жизни человека: рождение – собственное существование (жизнь) – старость – смерть – в представлениях немецкого этноса оказываются тесно связанными с концептом *FAMILIE*: *Das Erste, das der Mensch im Leben vorfindet, das Letzte, wonach er die Hand ausstreckt, das Kostbarste, was er im Leben besitzt, ist die Familie* [13, с. 24]. Концепт *FAMILIE* является, таким образом, важной составляющей мегаконцептов ЖИЗНЬ и ЧЕЛОВЕК.

Создание семьи ассоциируется в немецком языковом сознании с достижением определённого возраста человеческой жизни, объективированного в языке лексемой *Heiratsalter*: *das Heiratsalter erreicht haben* [4]. Понятие брачного возраста осмысливается в двух аспектах, правовом и реальном. Реальный возраст вступления в брак оценивается в сравнении с правовым возрастом и вербализуется в языке обозначениями *sehr junge Paare* – вступление в брак сразу после достиже-

ния брачного возраста; *die Späthei* – вступление в брак людей, давно перешагнувших брачный возраст. Собственная семейная жизнь человека приходится на средние взрослые фазы жизни: *Familie ist ein Spezialfall des Lebenszyklus und umfaßt dessen mittlere Phasen* [16, с. 171]; *Die Ehe umfaßt praktisch das ganze Erwachsenenalter* [20, с. 32].

Реализация темпорального культурного кода при концептуализации семьи отражается в восприятии семейной совместной жизни как процесса, состоящего из различных этапов, связанных (1) с созданием семьи (*Familiengründung*), и (2) с протеканием семейной жизни (*Familienleben führen*). Создание семьи – как формы жизни родителей и детей (*Kleinfamilie*) – в представлениях немецкого этноса представляет собой некий сценарий в виде своеобразной динамической цепи последовательно сменяющихся событий, протекающих во времени и пространстве. Как и любой процесс, семья имеет своё начало – это стремление найти себе пару. Концепт *PAAR SEIN* органически связан с ядерным смыслом концепта *FAMILIE*, напрямую коррелирует с ним. Начало семьи долгое время в сознании немецкого этноса ассоциировалось с браком, который делал союз мужчины и женщины легитимным и который мыслился на всю жизнь как *lebenslange Gemeinschaft* – „bis daß der Tod Euch scheidet“ (‘пока смерть не разлучит нас’). Примеры из словарного нормативного дискурса (далее – НД) хранят следы этих представлений в обозначениях брачных союзов, актуализирующих признак ‘союза на всю жизнь’: *ewiger Bund, Bund fürs Leben, Lebensbund, die Lebensgefährten*. Длительность совместной жизни культурно значима и сегодня для немецкого народа, она залог успешной реализации главной функции семьи – рождения и воспитания детей: *Familie aber braucht vor allem eines: Langfristigkeit, denn nur sie garantiert das Urvertrauen in den anderen* [6, с. 81]. Признак продолжительности совместной жизни объективируется в языке разнотипными языковыми

средствами со значением темпоральности: *dauernhafte Partnerschaft; langjähriges Zusammenleben; Dauernbeziehung; langdauernde Beziehung; auf lebenslange Dauer angelegt sein*; прилагательными *jung/alt* в темпоральном значении: *eine junge Ehe; Altersehe; junge Familie; ältere Familie*. Метафоры *silberne, goldene, diamantene Hochzeit* (НД) также актуализируют признаки различной продолжительности совместной жизни через обозначения времени совместной жизни драгоценными металлами. Положительная оценка восприятия долгой семейной жизни выражается выбором драгоценного металла: ценность металла возрастает пропорционально вместе прожитым годам.

В бюргерском обществе создание семьи являлось итогом последовательно следовавших друг за другом этапов: ... *mit selbstverständlicher Reihenfolge der Stadien (Kennenlernen, Einverständnis der Eltern, Verlobung, Heirat, Beginn des gemeinsamen Haushalts)* [2, с. 68]. Сегодня 'путь в семью' совсем другой. Некоторые этапы обязательные в бюргерском обществе сегодня факультативны или вообще отсутствуют: например, согласие родителей, помолвка, брак, совместное ведение хозяйства. Тем не менее, процессуальность в создании семьи сохраняется. В самом общем виде сценарий выглядит сегодня следующим образом: выбор пары – развитие отношений – совместная жизнь – рождение детей // *Paarwahl – Paarbeziehung – Lebensgemeinschaft – Kinder*. Необходимость брака и долгосрочность союза в силу многих факторов экстралингвистического характера ставятся под сомнение, переосмысливаются и как следствие – новые языковые обозначения семейных отношений. Трансформация концепта FAMILIE в представлениях немецкого этноса заключается в изменениях восприятия семьи, брака как явления на всю жизнь. Долгосрочные брачные союзы на всю жизнь сегодня воспринимаются скорее как курьёз: „Doch die *althergebrachte Ehe* erscheint heute vielen wie Kohlsuppe in der Sushi-Bar. Der feierliche Vertragsabschluss *über lebenslanges Zusammenbleiben* erscheint jungen Liebenden so zeitgemäß wie *Pergament*“ [17, с. 86]. Временной характер союзов – принцип „Solange es gut geht“, „Bis auf weiteres“ – становится определяющим признаком отношений между мужчиной и женщиной сегодня и вездесущий язык тут же предлагает вербальные средства их номинаций – семья как транзитная фаза в жизни человека, как *временная* общность людей: *befristete Bindungen*; „Familie wird zur *transitorischen Lebensphase*, ja zur *Teilzeitgemeinschaft*“ [2, с. 56].

Протекание семейной жизни в немецкой ЯКМ также процессуально: In der Realität ist die Ehe aber nicht ein Zustand, sondern ein *Prozeß* [20, с. 31]. Этот процесс описывается глаголами движения и отглагольными существительными: *verlaufen, Verlauf der Ehe, im Laufen einer Ehe, im Laufen des Familienlebens; ablaufen, Ablauf, funktionieren, durchlaufen*. Интерес представляет лексема *Familienzyklus*, которая актуализирует признаки циклических процессов семейной жизни: *vom Ehepaar ohne Kinder über Ehepaar mit Kinder zum Ehepaar ohne Kinder (nach Selbständigkeit derselben)* [18, с. 171]. Примечательно, что определяющим критерием выделения циклов в развитии се-

мьи являются дети. Жизненный цикл семьи, выстраивание отношений пары в семейном союзе описывается временными отрезками, объективируемыми в языке лексемой Phase: *Der Lebenszyklus einer Familie* wird in folgenden *Hauptphasen* gesehen [14, с. 88]. Примеры из публицистического дискурса (далее – ПД) реализуют в языке признаки начальной, срединной и заключительной стадии семьи, объективируемые существительными и глаголами с соответствующими значениями: *Zu Beginn der Ehe* tritt ferner leicht Angst auf ... [20, с. 37]; *Heiraten* war nicht der *Anfang* des Glücks, es war sein *Ende* [15, с. 58]. Динамичность процесса подчёркивается лексемами с темпоральным значением *Entwicklung, Geschwindigkeit, intensiv*: ... dass jede Ehe einem *Entwicklungsprozeß* unterliegt [20, с. 61]; *Dynamik der Familienentwicklung* [2, с. 35]; *Lebensphasen* in den Intensiv-Phasen der Familie [2, с. 93]; *Familiengründung* in Höchstgeschwindigkeit [2, с. 17]. Конец семьи в немецкой ЯКМ ассоциируется со смертью или разводом: ... wie wird sie beendet, durch *Tod oder Scheidung* [2, с. 34]. Продолжающиеся после развода семейные связи между родителями и детьми, некоторые новые формы семейных отношений (в ситуациях раздельного проживания родителей) актуализируют темпоральные признаки именно с точки зрения осмысления временных отрезков совместного/раздельного существования членов семьи: *Wochenendfamilie* – семья вместе бывает только по выходным; *Trennungstage* – дни, когда члены семьи проживают отдельно от семьи; *Papa-Tage; Mama-Wochenendtage* – дни, которые дети проводят вместе с папой или мамой (в ситуациях развода); *Kindertag* – день общения разведённых родителей со своими детьми. Соответственно номинируются и члены разведённой семьи, обозначения актуализируют временной аспект: *Alltags-Elternteil, Wochenend-Elternteil; Wochenendpapa gegen Alltagsmama* [1, с. 44].

В современных представлениях немецкого этноса семья актуализируется как процесс возобновляющийся, повторяющийся, выбор всегда индивидуален: wie viele gründen noch eine Familie, wie viele lassen es so bleiben, wie viele *gründen mehrere Familie nacheinander* [2, с. 34]. Вербальным признаком возобновления семейной жизни с другим партнёром/партнёршей являются атрибут *neue*, а также числительные: *eine neue Familie; Umbruch und Neuanfang; Neustart, Erst-, Zweitfamilie*.

В немецкой ЯКМ время линейно и необратимо, эта модель времени актуализируется в описании семейной жизни и концептуализации семьи как сообщества родственников. Семья как совокупность родственников концептуализируется как движение по оси времени из прошлого через настоящее в будущее, как смена поколений во времени: In der *Generationsabfolge* wird wiederum eine individualistische Botschaft vermittelt [2, с. 54]. Признаки прошлого и будущего вербализуются через приставки с пространственно-временным значением *vor* и *nach* в обозначениях родственных связей: *Vorfahre, Vorväter, Vorkomme* – предки: досл. 'те, кто были раньше'; *Nachkomme, Nachfahre* – потомки: досл. 'те, которые будут потом'. Лексемы *Geschlecht, Generation* имплицитно содержат признак линейного времени: *Generation – einzelnes*

Glied der *Geschlechterfolge*, bei der Großeltern, Eltern, Kinder, Enkel unterschieden werden; das vererbt sich von *Geschlecht zu Geschlecht* [4].

В представлениях немецкого этноса совместная семейная жизнь – это не просто вместе прожитое время, измеряемое линейными временными отрезками – днями, месяцами, годами, жизнью. Концепт актуализирует признаки относительного времени, которое в осмыслении семейной жизни несёт важные культурно значимые смыслы. Семейная жизнь может оцениваться через время, вербализованное в языке лексемой *die Zeit* во множественном числе с оценочными атрибутами: *Ich will mich bewusst dafür entscheiden, unsere guten Zeiten und Seiten zu feiern* [15, с. 58]. *Es gab Zeiten, da fühlte ich mich zu Hause wie ein Fremder* [17, с. 89]. Слова, которые в своём первичном значении обозначают отрезок времени – в порядке переноса по смежности – обозначают события, происходящие на данном отрезке времени: *Die schwierigsten Zeiten des Tages sind der Morgen und der Abend*, wenn alle Familienmitglieder Termine haben [14, с. 134]; *Diese Stunden des sich Trennens und des sich wieder Zusammenfindens nennen manche Familienforscher treffend die „Arsenstunden“* [14, с. 135]. Вербальным признаком относительного времени является также лексема *Familienzeit* (семейное время), осмысляемая как время, проведённое в семье и для семьи. Понятие «семейное время» включает, прежде всего, заботу о детях, их воспитание и конкретизируется в языке композитами *Erziehungsurlaub*, *Mutter-*, *Vaterschaftsurlaub*, *Kindererziehungszeit*. Это время противопоставляется профессиональной деятельности: *Während dieser Familienzeit, für die Eltern eine dreijährige Auszeit vom Beruf nehmen können ...* [8, с. 7]. Семья в представлениях немецкого народа требует времени: *Was Familien brauchen, ... ist Zeit* [8, с. 8]; *... und Nadin nimmt sich Zeit fürs Familienleben* [9, с. 38]; ей нужны запасы времени: *Familien brauchen Zeitressourcen*, denn man weiß nie wofür man plötzlich einmal Zeit braucht [12, с. 74]. Время в кругу семьи – это то, что позволяет семье нормально функционировать, сплачивает семью и является залогом счастливой семейной жизни: *Die Zauberformel für ein geglücktes Familienleben lautet: „Mehr Zeit“* [16, с. 68]. Семейное время ассоциируется также с общением в кругу семьи (родственников), с совместными делами, совместно проведённым свободным временем. Этот культурно значимый для немецкого народа смысл репрезентируется в языке словосочетанием *gemeinsame Zeit* (совместное время) и сложными словами с первым компонентом *Familie-* и различными обозначениями времени: *Familienzeit*; *-tag*; *-woche*; *-freizeit*; *-ferien*; *-urlaub* и др. Примечательно, что композит *Familienzeit* не зафиксирован в НД. Во времена бюргерских идеалов семьи это понятие было не столь релевантно для немецкого сознания: женщина в семье не работала и полностью посвящала себя семье. Сегодня ситуация такова, что не только всё больше женщин хотят работать, но и должны работать. Но как объединить работу и семью (детей) на одном временном отрезке? Эта тема постоянно дискутируется в обществе, печати, на телевидении. Идеал бюргерской семьи, который предписывал женщине временную последовательность этапов –

сначала семья, а потом работа: ein *zeitliches Nacheinander* von Familie und Beruf [14, с. 166] – сегодня трансформируется в новую временную формулу организации семейной жизни: ein *zeitliches Nebeneinander* von Familie und Beruf [14, с. 165]. Осознание необходимости нового подхода к организации семейной жизни не снимает, однако, трудностей в его практическом осуществлении и постулируется во фразе – *Vereinbarkeit von Familie und Beruf* (объединение семьи и работы). Профессиональная деятельность родителей противопоставляется семье в немецкой ЯКМ, она значительно сокращает время ‘на семью’: *Und die gemeinsame Zeit wird immer weniger* [14, с. 156], что в конечном итоге имеет далеко идущие последствия для немецкого общества: *Und er fragt sich, ob der totale Einsatz für die Firma den Preis – keine Zeit für die Familie, Entfremdung von den Kindern, Spannungen in der Partnerschaft – gelohnt hat oder lohnt* [14, с. 159]. Самый частотный образ для передачи несовместимости этих двух понятий, прежде всего для женщины, связан в немецком языковом сознании с метафорой ‘шпатага’: *„...während dort, wo Beruf und Familie nur im Spagat unter einen Hut zu bekommen sind – in Spanien, Italien und Deutschland – der Nachwuchs fehlt“* [11, с. 30]; и с метафорой ‘западни времени’: *Junge Paare sitzen in einer Zeitfalle* [17, с. 86]. Лексемы *Familienpause*, *Mutterurlaub* означает временную остановку в профессиональной деятельности, как правило, женщины в связи с рождением ребёнка: *Ich wollte nie etwas anderes machen als diesen Beruf und keine lange Familienpause* [14, с. 25]. В лексическое пространство немецкого языка входят новые слова-реальности, вербализующие изменения сознания немецкого этноса в сфере семьи и семейных отношений, связанных с перераспределением социальных ролей в семье и ‘времени на семью’: *Familie mit Hausmann* (семья, в которой мужчина не работает и посвящает всё своё время семье), *Väter in Elternzeit*, *Vaterurlaub* (отцы в отпуске по уходу за ребёнком), *Männer mit Vätermomonaten*, *neuer Vater* (новый отец, имеется в виду его новая социальная роль в семье. Время, посвящённое семье, противопоставляется в немецкой ЯКМ личному, свободному времени членов семьи, прежде всего родителей. В языке это вербализуется лексемой *Auszeit* в значении перерыв, тайм-аут: *... nehmen sich die Eltern manchmal eine Auszeit* [3, с. 15]; *sie erlauben meinem Freund Auszeiten vom Familienleben* [9, с. 71].

Концепт *FAMILIE* актуализирует признаки настоящего, прошлого и будущего, осмысляемые на разных уровнях абстракции.

1. На конкретном уровне восприятия *времени жизни* отдельно взятой семьи: *Wer in der Vergangenheit seiner Familie sucht, lernt viel über die eigene Partnerschaft* [7, с. 64]. Die Basis dafür ist die *gemeinsame Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft*: ein unsichtbares Band, das alle, die dazu gehören, ein Leben lang verbindet [5, с. 23]; *Da unsere Familie im Moment finanziell von mir abhängt ...* [14, с. 33].

2. На более высоком уровне абстракции – осмысление семьи как способа существования человека, как формы совместного человеческого проживания, как универсального закона развития жизни, обеспечивающего, прежде всего, воспроизводство населения.

Семья как форма жизни прошла долгий путь развития. Признаки прошлого реализуются в номинациях исторических типов семьи, которые имплицитно отражают неразрывную связь семьи с определённой исторической эпохой развития человечества, её зависимость от общества, от объективных условий производства и материальной жизни: Gruppenfamilie, Paarungsfamilie, Monogamie (monogame Familie), Bigamie, Polyandrie, Polygamie (polygame Familie), Vielehe (Vielweiberei) vorindustrielle Familie; bürgerlich-patriarchalische Familie; Großfamilie, Kleinfamilie. Появление огромного количества новых форм совместной жизни вызывает в обществе широкие дискуссии и споры о тенденциях развития семьи, об её настоящем и будущем. Многочисленные примеры из ПД, большое количество книг, газетных и журнальных статей, проводимых исследований, сайтов в Интернете подтверждают озабоченность немецкого общества проблемами настоящего и будущего семьи. Говорят об её исчезновении ('Verschwinden'), закате ('Untergang'), конце ('das Ende der Familie'). Под сомнение ставится даже вопрос о её необходимости, говорят о новом поколении, поколении одиночек – 'Single-Generation' [13, с. 65], о переходе общества в новое качество, в общество одиноких людей – 'Single-Gesellschaft' [13, с. 82]. Оксюморон „postfamiliale Familie“ [2, с. 20] для

обозначения многообразных современных форм семьи через префикс post- актуализирует признак нового времени, как бы заложенного в капсулу прошлого. Самыми частотными вербальными репрезентантами трёх временных плоскостей семьи являются наречия früher, damals для прошедшего времени; настоящего – наречия: heute, jetzt, словосочетания: in der Moderne, moderne Familie, будущего – Zukunft der Familie, morgen; дихотомии alt – neu; früher – heute.

Самым частотным признаком современной семьи является признак изменение (перемена) объективируемый лексемами Wechsel, Wandel, Wendepunkt, Umbruch, Neuanfang: Alles ist unsicher geworden, alles ist in Bewegung geraten. Nichts ist mehr so, wie es war; Familie im Wandel [2, с. 47].

Таким образом, категория времени в репрезентации концепта FAMILIE отражает представления немецкого этноса о семье как о динамическом процессе, протекающем в соответствии с линейной моделью времени, от прошлого к будущему. Через темпорально-процессуальные характеристики происходит познание и осмысление важного сегмента концепта FAMILIE – совместной жизни. В концептуализации семейной жизни категория времени актуализирует важные культурно значимые смыслы семьи, а также трансформацию концепта в немецкой ЯКМ.

Литература

1. Allein mit Kind: Wochenendpapa gegen Alltagsmama // ELTERN for family. – 2005. – № 2.
2. Beck-Gernsheim, E. Was kommt nach der Familie? / E. Beck-Gernsheim. – 2., durchgesehene Aufl. – Orig.-Aus. – München: Beck, 2000. – 196 s.
3. Deine, meine, unsere Kinder // ELTERN for family. – 2005. – № 11.
4. Duden. Das grosse Woerterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Bänden [elektronische Version]. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Duden Verlag, 2000.
5. Eilert-Overbeck, B. Lieben – das ist heute anders! / B. Eilert-Overbeck // Frau im Leben. – 2005. – № 7.
6. Gattenburg, A. Unter Wölfen / A. Gattenburg, M. Matusse, M. Wolf // Spiegel. – 2006. – № 10. – 6. März. – S. 76 – 84.
7. Giesler, R. Die Ehe meiner Eltern / R. Giesler // Frau im Leben. – 2004. – № 6. – S. 64 – 66.
8. Kahlweit, C. Familie im Mittelpunkt / C. Kahlweit // Deutschland. – 2002. – № 3.
9. Klein, H. Allein mit Kind / H. Klein // ELTERN for Family. – 2005. – № 10.
10. Klink, S. Er war schon mal verheiratet – zum Glück! / S. Klink // Laura. – 2004. – № 15. – S. 38 – 39.
11. Kümmel, P. Wie man in Deutschland als Paar lebt? / P. Kümmel // Die Zeit. – № 8, 12. Februar. – 2004. – S. 53 – 55.
12. Leistner, M. Unsere starke Familie / M. Leistner // Frau im Leben. – 2004. – Juni.
13. Martenstein, H. Neue Generation im Kommen / H. Martenstein // Die Zeit. – № 41. – 6. Oktober. – 2005.
14. Papstein, P. von. So finden wir die Kinderbetreuung, die zu uns paßt / P. von Papstein, H. Zimmermann-Seitz. – Düsseldorf; Wien: ECON Taschenbuch Verlag GmbH, 1996. – 361 s.
15. Rein, A. Wenn Ehen nicht ewig dauern / A. Rein // Family. – 2006. – № 3. – Juni-August.
16. Schmidt Renate. Post aus Berlin / R. Schmidt // ELTERN for family. – 2005. – № 1.
17. Sehnsucht nach ewiger Liebe // Stern. – 2005. – № 24. – 9. Juni.
18. Soziologie-Lexikon / Soziologie-Lexikon. – 4. Ausgabe. – R. Oldenbourg Verlag; München: Wien. – 2000. – 378 s.
19. Weber Margot. Familie ist, wo Kinder sind // ELTERN for family. – 2005. – № 3. – S. 78 – 84.
20. Willi, J. Die Zweierbeziehung / J. Willi. – Hamburg: Rowolt Taschenbuch Verlag, 2004. – 290 s.
21. Woher komme ich? Das Familienheft // Fluter. – 2003. – № 6.

Информация об авторе:

Гуняшова Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 89235100536, gunjaschowa@mail.ru.

Galina A. Gunyashova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС В СТРУКТУРЕ АРГУМЕНТАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(в научно-учебном тексте)
С. Ю. Дашикова

RHETORICAL QUESTIONS IN THE STRUCTURE OF ARGUMENTATIVE STATEMENTS
(in scientific and academic texts)
S. Yu. Dashkova

В статье исследуется эмотивно-экспрессивная функция риторических вопросов в структуре аргументативного высказывания на материале научно-учебного текста. Использование риторического вопроса в таком тексте выполняет прагматическую функцию: привлечения внимания, активизация восприятия информации, убеждения. Особенность аргументации в научно-учебных текстах заключается в том, что речевое воздействие связано с апелляцией не только к рациональным, но и к эмоциональным структурам человеческого сознания. Таким образом, аргументация в научно-учебном тексте носит аксиологический характер.

This article studies the emotive and expressive function of rhetorical questions in the structure of argumentative statements used in scientific and academic texts. The rhetorical question in this type of texts has a pragmatic function of attracting attention, activating the perception of information and persuading. Argumentation in scientific and academic texts is characterized by its appeal not only to the rational, but also to the emotional structures of the human consciousness. Therefore, argumentation in this type of texts is axiological by nature.

Ключевые слова: теория аргументации, риторический вопрос, прагматические средства аргументации в научно-учебном тексте.

Keywords: argumentation theory, rhetorical question, implication, pragmatic means of argumentation in scientific and academic texts.

Древняя мудрость гласит: в споре рождается истина. И действительно, практика научных дискуссий дала много образцов коллективной познавательной деятельности, направленной на прояснение меры истинности и меры ложности различных тезисов. Но, с другой стороны, есть достаточно много примеров того, как в споре побеждает сила, авторитет. И поэтому великий оратор античности Марк Тулий Цицерон рекомендовал не считать голоса в споре, а взвешивать мнения, особенно в научном споре.

Если следовать традиции, идущей от Аристотеля, то искусство спора (диалектика в первоначальном смысле этого слова) выражается в единстве аналитики (логики), топики (учения о тактике спора) и риторики (философии красноречия). В этом ключе научная аргументация рассматривается как форма коммуникации, общения, способ мотивации поведения, имеющая целью достижения соглашения, побуждения к действию, принятия точки зрения аргументатора. Понимание природы аргументации и ее основных понятий связано с анализом субъективной структуры этого вида деятельности. Это обусловлено тем, что в процессе аргументирования осуществляется как обмен между субъектами аргументации такого вида действиями, какими служат доводы-аргументы. То есть мы можем утверждать, что аргументативный дискурс является формой социальной практики в социально-культурном контексте, поскольку она направлена на другого человека или других людей [1, с. 84 – 99].

Аргументация может быть состязанием, игрой, ритуалом, в котором определяющим будет выполнение правил, конвенций, кодексов. Все зависит от того, какая цель у аргументирующего и как он хочет воздействовать на слушающего. Научная аргументация в большей степени теоретизирована, в большей степени

подчинена логическим законам. Но в научно-учебном тексте присутствует и такой тип аргументации, как риторический. Выбор средства аргументации зависит от интенции автора научного произведения. Ведь от того, насколько и как аргументированы выделяемые автором, ученым идеи и тезисы, зависит прагматический эффект научной аргументации, а именно воздействие на реципиента (читателя) с целью принятия его тезисов, изменения точки зрения, убеждения.

Способом теоретической аргументации является дедуктивная аргументация. Это рассуждение, в котором некоторое утверждение вытекает, то есть логически следует, из других утверждений [13]. Главная особенность дедуктивных рассуждений состоит в том, что заключение в них следует из посылок по правилам дедукции, или логического вывода. В логике понятие «дедукция» соответствует понятие «доказательство». Очень широко дедукция используется в научно-технических текстах, особенно в математике и математической физике.

В зависимости от того, насколько широко используется дедуктивная информация, все науки принято делить на дедуктивные и индуктивные [7], в которых такая аргументация играет вспомогательную роль, а на первом месте стоит эмпирическая аргументация, имеющая индуктивный, вероятностный характер. Индукция имеет специфический признак, характерный только для индивидуального рассуждения, в отличие от других правдоподобных рассуждений: движение мысли здесь совершается от частного к общему.

Иначе говоря, наблюдая ряд предметов, явлений, человек вычленяет и анализирует свойства познаваемых предметов, строя умозаключение. При этом в посылах умозаключения вскрываются общие и существенные признаки именно этих наблюдавшихся

предметов, явлений, а в заключении делаем вывод о том, что те же самые признаки присущи всем предметам, явлениям данного рода.

В дидактических целях в учебниках и учебных пособиях применяется и такой способ аргументации, как **риторическая** или контекстуальная аргументация. Выделяют разнообразные риторические аргументы: к традиции, реальности, факту, логике, аудитории, цели и необходимости и пр. [4]. Проведенный анализ показал, что авторы научного произведения, стремясь воздействовать не только на логическую сторону мышления, но и на эмоциональную, чаще всего использует следующие риторические приемы: аргумент к традиции и авторитету. Данный факт объясняется, прежде всего, тем, что автор учебника, желая сохранить максимальную объективность изложения, подтверждает правоту своей точки зрения трактовкой, цитированием авторитетных мнений, формулированием итогов уже проведенных ранее исследований.

Речевую организацию текста научно-учебного подстиля определяет и степень проявления авторской личности в приемах композиционного построения научного произведения и в приемах речевого оформления высказывания. В аргументации научно-учебного текста особая роль принадлежит речевым средствам, которые способствуют выражению авторской позиции и отражению творческой индивидуальности автора. Эмоциональная личностная позиция неизбежно присутствует в научно-учебном тексте и является одним из важнейших воздействующих факторов в прагматическом аспекте.

Форму речи, которая содержит и передает это состояние, определяют как фигуру [5; 9]. Античная риторика, разрабатывая теорию словесного оформления речи, отводила фигурам особое место. Употребление фигур, под которыми понималось не только украшение речи, но и приемы возбуждения эмоций у аудитории, отличало ораторскую речь от обыденной, необработанной. Украшение речи преследовало не только эстетические, сколько прагматические функции. Стилистическая обработка сводилась к задаче «улаживать и волновать, чтобы убедить» аудиторию, то есть завоевать расположение, чтобы облегчить восприятие нужной мысли.

Риторические фигуры, представленные в научно-учебном тексте, подразделяются на те, которые образуются путем прибавления и повтора слова, пропуска слов, противопоставления. Все речевые конструкции, относимые к фигурам, объединяются стоящей за ними категорией субъекта речи. Такое понимание существа фигур позволяет относить к их разряду и традиционно выделяемые фигуры слова, такие как градация, инверсия, повтор и пр., и такие смысловые фигуры, как восклицание, сентенция, сомнение, наглядность, которые выделялись античными риториками [5]. Подобные средства помогают усилить прагматический эффект аргументации. Они воздействуют в большей мере и являются более убедительными.

Мы обратили внимание на такой риторический прием аргументативной организации научно-учебного текста, как **вопрос**. В традиционной грамматике вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается

стремление говорящего узнать что-либо или удостоверить в чем-либо. Вопросительные предложения, таким образом, информируют о том, что хочет узнать говорящий [14]. Однако, признается, что, реализуясь во вторичной функции, такие предложения не обязательно показывают запрос информации. Говорящий не ждет ответа, когда информация ему известна, когда некому ответить или же вопрос он задает самому себе. Вопросительное предложение может использоваться в функции повествовательного или побудительного предложения, он ориентирован не на получение ответа, а на передачу информации, – всегда экспрессивно окрашенной [6; 14]. Наиболее характерный случай – это риторический вопрос.

Риторические вопросы (РВ), представляют собой «пограничное» явление на стыке между вопросительными и повествовательными предложениями [10]. В лингвистической литературе для обозначения подобных вопросов используются термины «обратно-вопросительные» и «отрицательно-вопросительные» предложения, «псевдовопросы». Как известно, РВ – это утверждение или отрицание, облеченное в форму вопроса. РВ содержит ответ в себе самом, поэтому не предполагает однозначного ответа типа «да» или «нет». Он вызывает определенные вербальные и невербальные реакции (мнения, суждения, чувства, эмоции), повышает экспрессивность речи, придает ей эстетическую ценность.

Главная цель прагматически ориентированного текста вообще и научно-учебного текста, в частности, – речевое воздействие, которое выполняется с помощью осуществления ряда промежуточных целей: привлечения внимания, установление контакта, поддержание его, создание атмосферы доверия к новой информации и ее источнику. В этом мы видим особенность аргументации в научно-учебных текстах, которая заключается в том, что речевое воздействие связано с апелляцией не только к рациональным, но и к эмоциональным структурам человеческого сознания. Таким образом, логический и психологический аспекты не могут быть отделены друг от друга. Проведенный анализ подтверждает тезис о взаимовлиянии логико-семантического и прагматического компонентов. Для автора научного произведения, для того чтобы отстаивать истину и справедливость посылок, сделать их достоянием читающих, недостаточно соблюдения правил логики и знания предмета речи. Он должен уметь представлять эти знания в доходчивой форме, определенным образом воздействовать на чувства читателя. Данное замечание как нельзя лучше характеризует аргументацию в научно-учебном тексте, где необходимо убедить и научить.

Подтверждение данной мысли мы находим у многих исследователей. Безусловно, роль РВ в процессе аргументирования, т. е. в процессе воздействия на модель мира адресата с целью убеждения его в принятии решения, важна, поскольку цель РВ – активизировать восприятие аудитории, предоставить возможность самим «домыслить», с тем, чтобы подказанный довод стал собственным утверждением [11, с. 40]. А. Н. Баранов говорит, что «РВ – это специфический способ подачи тезисов или аргументов» [2, с. 36]. Сходную мысль высказывает Г. Валимова: «РВ

– фигура мысли, ориентированная на аргументацию. РВ задается не для выяснения неизвестного, а для более сильного, яркого изображения вещей или событий, безусловно, известных, либо для привлечения внимания слушателей» [3]. Она считает, что в РВ ничего не утверждается и не отрицается, однако в логике РВ можно рассматривать как суждение. Иную точку зрения высказывает Е. В. Ключев, относя РВ не к группе фигур мысли, а к «несобственно тропам, предполагающим прямую адресацию к слушателям и задающим специфическую линию (при паралогическом использовании) по отношению к критериям искренности говорящего» [12, с. 220]. Е. В. Ключев предлагает определить РВ не как вопрос, на который не требуется ответа, а как «вопрос, ответ на который всем хорошо известен» [12, с. 221]. Такой риторический подход в изучении функционирования РВ является прагматическим, он определяет уровень воздействия на систему знаний и представлений аудитории, на формирование намерения, на эмоции, чувства, на сферу иррационального в человеке.

В составе риторических конструкций выделяют несколько типов:

1. Собственно-риторические вопросительные предложения.
2. Несобственно-риторические вопросы [8; 15].

Данная типология опирается на определение риторического вопроса как вопроса, основная функция которого состоит в том, чтобы передать какое-либо сообщение, информацию. К собственно-риторическим вопросительным предложениям относятся такие, которые посредством «обратной констатации» выражают суждение-ответ. При этом положительные конструкции содержат скрытое имплицитное отрицание, отрицательные – утверждение. Таким образом, обнаруживается интенция говорящего: побудить слушающего к самостоятельному поиску ответа, заинтересовать его, подсказав тут же единственно правильное решение, а также убедить собеседника в достоверности передаваемого сообщения. Прагматическая цель использования адресантом собственно-риторического вопроса заключается в усилении их воздействия на адресата по сравнению с синонимичными повествовательными высказываниями. Пособием собственно-риторического вопроса автор привлекает читателя к мыслительному и речетворческому процессу, предоставляя ему более активную роль в коммуникации и лучшее усвоение передаваемого ему сообщения.

Второй тип риторических предложений – несобственно-риторические вопросы – включает в себя такие вопросно-ответные единства, где говорящий задает вопрос не для получения ответа: он сам обязательно отвечает на вопрос, чтобы привлечь внимание слушающего к своему сообщению. В составе несобственно-риторических вопросов можно выделить еще одну разновидность риторических вопросов. Это такие вопросы, которые не дополняются ответом, но предполагают имплицитный ответ [10].

В научно-учебном тексте авторы прибегают к вопросительному предложению, являющемуся средством привлечения внимания, воздействия и убеждения.

Таковыми предложениями обычно начинают новый абзац, переходят к следующему этапу объяснения:

– Si, transgressant les interdits, c'est de psychanalyse que je vais parler, – à écouter quelqu'un dont vous savez qu'il est incapable de produire le titre qui autoriserait votre créance **que faites-vous ici?**

Ou bien, si mon sujet n'est pas de psychanalyse, – vous qui reconduisez si fidèlement vos pas vers cette salle pour vous entendre être entretenus des problèmes relatifs au champ freudien, **que faites-vous donc ici?**

Que faites-vous ici vous surtout, Mesdames, Messieurs les analystes, vous qui avez entendu cette mise en garde, à vous tout particulièrement adressée par Freud, de ne pas vous en remettre à ceux qui de votre science ne sont pas les adeptes directs, à tous ces soi-disant savants, comme dit Freud, à tous ces littérateurs qui font cuire leur petit potage sur votre feu sans même se montrer reconnaissants de votre hospitalité? (Jacques-Alain Miller La Suture: Éléments de la logique du signifiant <http://cchiers.kingston.ac.uk/vol01/cpa1.3.miller.html> c. 37).

Вводя своих читателей в курс проблемы, автор текста обращается к ним с помощью личного местоимения второго лица множественного числа «**que faites-vous ici?**». Таким образом, он привлекает внимание собеседников и делает их своими оппонентами. Повторяя свой вопрос трижды, прагматически усиливая его частицей «же»: «**que faites-vous donc ici?**», автор настраивает читателей на восприятие материала, делает соучастниками научного процесса. В этом примере нет ответов на вопросы, поставленных автором во введении. Предполагается, что ответом на них будет прочтение всего труда. Таким образом, несобственно-риторический вопрос в тексте помогает достичь прагматической цели автора – донести знания, убедить в их истинности.

Но чаще в научно-учебном тексте встречается такие несобственно-риторические вопросы, когда автор научного произведения как бы предугадывает возможные вопросы аудитории, пытается их сформулировать и сам же на них отвечает. Этот факт объясняется тем, что в научно-учебном тексте мы не наблюдаем выраженной дискуссии, столкновения мнений. Автор учебного пособия может сам, рассуждая, предложить несколько мнений, дать наиболее интересные определения известных исследователей.

В следующем речевом фрагменте автор текста рассуждает о прагматических особенностях французского языка. Используя несобственно-риторические вопросы, О. Дюкро интригует читателя и побуждает дочитать до конца:

– Y a-t-il un sens à comparer la force de deux arguments dirigés dans les directions inverses? Sur quel mesure se fonder pour cela? Tout ce que je peux répondre, c'est que des phrases comme la suivante sont, dans l'usage habituel du français, considérées comme sensées (p. 17 O. Ducrot Analyses pragmatiques / Communications http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/comm_05888018_1980_num_32_1_1481).

За вопросами следует ответ самого автора. Создается эффект присутствия: автор будто проникает в мысли читателя, который рассуждает вместе с ученым.

В следующем примере:

– Existe-t-il alors une stratégie gagnante pour l'un des joueurs? Si oui, comment le prouver? On peut penser à priori, que le premier joueur est avantagé, comme dans les jeux N 1 ou, par le fait que c'est lui qui commence, et qu'il peut donc choisir la situation vers laquelle il s'engage (Jeux 1. Les jeux et les mathématiques. Publication de l'APME. 1982. № 44. – 184 p.: 42), объясняя правила игры, автор пытается избежать непонимания стратегий игроков, задавая вопросы: «existe-t-il alors une stratégie?». По мнению автора, подобные вопросы ему бы задали потенциальные игроки. Таким образом, читающий вовлекается в процесс деятельности ученого. Автор предвидит возможный вопрос и отвечает на него сам.

В научно-учебном тексте субъективная структура аргументации соответствует процессу однонаправленного характера по схеме: аргументатор – адресат, то есть автор научного произведения – учащиеся, студенты, читатели научного пособия. В указанной схеме аргументатор является субъектом аргументации, а адресат – ее объектом. Стороны аргументативного процесса отличаются по степени активности: аргументатор – активен, адресат – пассивен. Такая разновидность аргументации, как мы увидели в процессе исследования, не дает образца борьбы мнений, конфликта, игровой ситуации, и основой аргументирования служит не взаимодействие, а однонаправленный процесс передачи информации. Поле аргументации остается неизменным, ибо определяется не ситуацией, не конвенцией сторон, не конфликтом мнений по поводу спорного положения, а структурой исходного текста, программой, заранее поставленными познавательными целями и т. п. А целями данного вида аргументации будут обучение, передача информации, опыта, коммуникации, обзор.

Цели научных текстов разнообразны – информирование, обучение, пополнение знаний; но все эти цели подчинены одной «сверх цели» – убеждению в истинности знания. Учащиеся, студенты, читающие

учебные пособия, должны понять и принять выдвигаемое положение, принимая и понимая его через аргументативную структуру. Причем, следует сказать о доли принуждения в процессе обучения: у читающего научно-учебный текст нет выбора – принять или не принять предлагаемые аргументы. Школьники и студенты вынуждены принимать и усваивать тот материал, который им предлагается программой. Поэтому на автора учебника ложится большая ответственность: он должен сделать новую информацию понятной, доступной, удобочитаемой и интересной. В этом, как мы доказали нашим исследованием, огромная роль отводится аргументации: дедуктивным и индуктивным умозаключениям и, в дидактических целях, риторическим аргументам. Каждый из типов аргументации выполняет свою функцию, но, в сущности, они помогают осуществить педагогическое воздействие над обучающейся личностью.

Аргументатор также стремится воздействовать и на чувства аудитории, особенно детской, каковой являются школьники. Для усиления воздействия на чувства аудитории аргументатор – автор научного пособия, использует различные средства прагмалингвистики. Чтобы добиться согласия аудитории, слушателей, читающих не только с выдвигаемыми общими тезисами и решениями, но и теми аргументами, или выводами, которые их обосновывают и подтверждают, автор прибегает к риторической аргументации. Риторические приемы аргументации, ориентированные на чувства, не являются аргументами в чистом виде, но они помогают организовать аргументативный акт, оформить высказывание воздействующей речи, хотя часто именно риторический аргумент является эффективнее в обучении. В научно-учебном тексте большая роль отводится риторическим вопросам, которые воздействуют не только на разум читающего, но и на его образное мышление, чувства. Таким образом, мы заключаем, что аргументация в таких текстах носит аксиологический характер.

Литература

1. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Баранов // Ин-т русск. яз. АН СССР. – М., 1990. – 48 с.
3. Валимова, Г. В. Риторический вопрос / Г. В. Валимова. – Режим доступа: <http://personnel.uapa.ru/cours.asp?id=126&show=dict>
4. Волков, А. А. Виды риторических аргументов / А. А. Волков. – Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37420.php?ELEMENT_ID=37420&PAGEN_2=2
5. Волков, А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – Режим доступа: <http://www.klikovo.ru/db/book/-msg/2832>
6. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
7. Горский, Д. П. Исследования по логике научного познания: материалы Международного симпозиума (ноябрь 1984) / Д. П. Горский. – М.: Наука, 1990. – 204 с.
8. Григорьев, В. А. Семантико-прагматические функции риторических вопросов во французском языке: дис. ... канд. филол. наук / В. А. Григорьев. – Кишинев, 1987.
9. Калачинский, А. В. Аргументация публицистического текста / А. В. Калачинский. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1989. – 120 с.
10. Кильмухаметова, Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) / Е. Ю. Кильмухаметова. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/kil-muhametova_e._yu.77.82.4.55.2006.pdf

11. Корнилова, Е. Е. Искусство публичных выступлений. Путь к успеху / Е. Е. Корнилова. – М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2007. – С. 40.
12. Ключев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Иллокуция) / Е. В. Ключев. – М.: ПРИОР, 2001. – 220 с.
13. Морозов, Е. И. О некоторых методологических вопросах теории умозаключения / Е. И. Морозов. – Ростов н/Д.: Ростовский педагогический государственный институт, 1973. – 86 с.
14. Русская грамматика. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/2591-2640.html>
15. Терешкина, Л. З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. З. Терешкина. – М., 1971.

Информация об авторе:

Дашкова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент КемГУ; 83842583497; dachks@mail.ru.

Svetlana Y. Dashkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК 81 42:82 – 96 Лосский Н. О.

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ Н. О. ЛОССКОГО (на материале дружеских писем)

Е. В. Евпак

N. O. LOSSKY'S LINGUISTIC PERSONOLOGY (friendly letters studies)

E. V. Evpak

В статье рассматривается лингвоперсонологическая проблематика в дружеских письмах известного русско-го эмигранта, философа Н. О. Лосского.

The article deals with the letters by the famous Russian emigre philosopher N. O. Lossky within the framework of the linguopersonological hypothesis.

Ключевые слова: персонология, лингвоперсонология, письма, дружеские письма, языковая личность.

Keywords: personology, linguistic personology, letters, friendly letters, linguistic personality.

Лингвоперсонологический подход к анализу особенностей идиостиля Н. О. Лосского подразумевает обращение к его эпистолярному наследию. Теоретический дискурс о персонологичности письма представляет наиболее "лингвоперсонологичную" область его проявления. На это указывают учёные из разных областей гуманитаристики. А. Н. Алексеев отмечает, что "приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика частных писем чрезвычайно информативна для социокультурной, психологической и лингвистической характеристики их авторов" [2, с. 41 – 42]. Из этого следует, что персонологический характер бытия невозможно описать без осмысления его письменного кода. По мнению Г. Л. Тульчинского, "определить бытие может только его участник, который непосредственно переживает бытие, осваивая его как собственную судьбу и как собственное время" [15, с. 79]. По М. Хайдеггеру, существование человека – Dasein и есть его личностное время, определения которого представлены в переживаниях человеком своей судьбы. Говоря на языке философа, как выявить – явить себе и миру "вещество существования"? Первым средством такой фиксации стала традиция, дающая человеку укорениться в бытии, вписать его в некие рамки, привязать к опреде-

лённым точкам пространства и времени, придавая, тем самым, смысл его существованию. В конечном счёте, такая традиция – ни что иное, как миф – базовый способ осмысления человеком мира, себя, своего места в мире [15]. Таким мифом является нарратив, письменная фиксация своего существования, выразившаяся в письме.

С открытием скрипторики письменная фиксация бытия получила исключительные возможности. Скрипторика – наука новая, находящаяся в стадии активного становления и развития. «Скрипторика» – от латинского «scriptor» (от scribere, писать) – пишущий, писец, переписчик, писатель. Скрипторика – наука о человеке пишущем, о письме и письменной деятельности, как образе жизни и способе отношения к миру. Главный вопрос скрипторики: кто пишет и зачем? [16, с. 124 – 125]. Вопрос несущественный с точки зрения грамматики (по Деррида – «науке о письме, о предмете, которого нет» Ж. Деррида) [6, с. 7]. Скрипторика отстаивает тезис о том, что письмо не является меньшим свидетельством о пишущем, чем речь – о говорящем. Просто это иного рода свидетельство – и иной масштаб и уровень субъекта. Исчезая в качестве эмпирического присутствия, пишущий заново возникает в письме, но это уже Другой Субъект, способный проявлять себя в формах своего отсутствия. Это сверхсубъект, способный умирать в своём предикате, как писатель умирает в письме, а актёр умирает в персоне. Это процесс жизни, которая умирает, чтобы возродится в формах своего более значимого и могу-

щественного отсутствия. Скрипторика – это антропология, психология и персонология письма, именно в его радикальном отличии от речи, в его «нефизичности» и «не-метафоричности» [16, с. 128 – 129]. Скрипторика, по мнению учёного, отправляется ровно оттуда, где грамматология устанавливает радикальное отличие письма от речи и утверждает письмо как форму отсутствия, точнее стирания (и пишущего, и "писуемого", т. е. предметного содержания письма. Но именно такое самостирание, самопреодоление и составляет бытие пишущего. То, что письмо представляет себя в отсутствии пишущего, есть не менее живое и мощное свидетельство о нём, отсутствующем, чем то, что предъясняется посредством голоса и жеста. Текст в скрипторике, в отличие от устного слова существует в отрыве от автора и постоянно готов ему измениться с тем, кто ему в данный момент ближе: с читателем, критиком, интерпретатором. Отсутствие человека в письменном тексте не менее значимо и человечески, чем присутствие говорящего в говоримом. Человек – это создаваемые им формы самоотсутствия, формы самовыражения и самостирания [16, с. 133]. Вместе с антропологической сущностью письма есть ещё психологическая мотивация. Так, Л. С. Выготский, следуя за В. Вундтом, подчёркивает принципиальное отличие письменной речи от устной: "...Письменная речь в существенных чертах развития несколько не есть также простой перевод устной речи в письменные знаки... Она есть алгебра речи, наиболее трудная и сложная форма намеренной и сознательной речевой деятельности" [16, с. 136]. В алгебре отсутствуют конкретные числа, единицы исчисления, а возникают некие условные символы, на место которых можно подставить любое число. Точно также письмо отвлекается от конкретной ситуации устной речи, от наличия означаемых и самого говорящего. Ситуация письменной речи есть ситуация, в которой тот, к кому обращена речь, или отсутствует вовсе, или не находится в контакте с пишущим... ситуация, требующая двойной абстракции [17, с. 136]. Интересные наблюдения о сущности письменной речи были сделаны в своё время выдающимся психологом, изучающим различные аспекты проблемы языка и сознания, А. Р. Лурия. Он пишет: "Особенность письменной речи состоит именно в том, что весь процесс контроля над письменной речью остаётся в пределах деятельности самого пишущего, без коррекции со стороны слушателя ...письменная речь не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных средств выражения. Она не предполагает ни знания ситуации адресатом, ни симпрактического контакта, она не располагает средствами жестов, мимики, интонации, пауз, которые играют роль "семантических маркеров" в устной речи, и только частичным замещением этих последних являются приёмы выделения отдельных элементов излагаемого текста курсивом или абзацем. Таким образом, вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развёрнутых грамматических средств языка. Отсюда письменная речь должна быть максимально синсемантична и грамматические средства, которые она использует, должны быть полностью достаточными для выражения передаваемого сообще-

ния" [14, с. 270]. Письменная речь по своему происхождению и по психологическому строению отличается от устной речи. Письменная речь включает в свой состав ряд уровней, которые отсутствуют в устной речи: фонематический – поиск отдельных звуков, их противопоставление, кодирование отдельных звуков в буквы, сочетание отдельных звуков и букв в целые слова. Она в значительно большей степени, чем это имеет место в устной речи, включает в свой состав и лексический уровень, заключающийся в подборе слов, в поиске подходящих нужных словесных выражений, с противопоставлением их другим лексическим альтернативам. Письменная речь включает в свой состав и сознательные операции синтаксического уровня, который чаще всего протекает автоматически, неосознанно в устной речи, но который составляет в письменной речи одно из существенных звеньев. Как правило, пишущий имеет дело с сознательным построением фразы, которая опосредуется не только имеющимися речевыми навыками, но и правилами грамматики и синтаксиса. Письменная речь является существенным средством в процессах мышления. Включая, с одной стороны, в свой состав сознательные операции языковыми категориями, она протекает совсем в ином, значительно более медленном темпе, чем устная речь, с другой стороны, позволяя многократное обращение к уже написанному, она обеспечивает и сознательный контроль за протекающими операциями. Всё это делает письменную речь мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса. Известно, что для уяснения мысли лучше всего попытаться написать, выразить эту мысль письменно [14, с. 273 – 274]. Всё это свидетельствует о том, что эпистолярный дискурс как объект нашего исследования определяется именно этими признаками, а "языковая личность" в контексте письменного означивания, становится в какой-то мере "заложником" письменного дискурса. Письмо может рассматриваться как форма социальной коммуникации. Письмо в контексте социальной коммуникации представляется в виде "идеального" типа текста, характеризующегося своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Письмо личностно; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию, письмо может быть сугубо "информационным", "исповедальным" или "поучающим"; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо "реактивно", т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата ("переписка"); оно может быть "целевым" и совершенно спонтанным, а также "ритуальным" (поздравительные открытки). К специфике письма относятся пространственно-временная разделённость участников коммуникации, обозначенная адресованность сообщения и т. д. [2, с. 32]. Заметными на этом фоне являются высказывания самих лингвистов. "С появлением письменности перед нами открылась реальная перспектива не растерять свой опыт, от чего он не был застрахован прежде, поскольку не хватило бы памяти для сохранения всего того, что человек узнал за время своего сущест-

ования" [1, с. 142]. Письменный вид коммуникации в дополнении к устному значительно умножил творческие потенции человека, появились тексты культуры. А. В. Курьянович отмечает, что: "являясь уникальным материалом для лингвоперсонологических исследований в целом, эпистолярные тексты разных типов видятся ценной эмпирической базой для изучения языковой личности авторов – носителей разных типов речевой культуры. Критерий дискурсивной компетентности, проявляемой участниками общения в коммуникативном пространстве эпистолярия, "универсуме письма", оказывается в достаточной степени весомым для дифференциации языковых личностей в зависимости от принадлежности к какому-либо типу речевой культуры" [10, с. 77].

Лингвоперсонология (как наука об языковой личности, проявляющейся в текстах и порождающая персонотексты как речевая индивидуальность) на основе письменных свидетельств (писем), пытается преодолеть стереотип эпохи – письмо является меньшим свидетельством о пишущем, чем речь о говорящем.

Верифицируем данную гипотезу на материале эпистолярного дискурса (частных дружеских писем Н. О. Лосского к Глебовой-Михайловской (1947 – 1957). Дружеское письмо мы определяем как "частное неофициальное письменное средство общения лиц (автора и адресата), характеризующихся достаточной содержательной свободой, наличием "ритуальных" эпистолярных элементов (обращение, подпись, а также дата, место написания) и ориентированное, как правило, на получение ответа или само являющееся ответом. Для дружеского письма характерно ощущение автором письма личности адресата, "домашность" материала, его автобиографизм: оно представляет собой опосредованный личностью ориентированный (персональный) характер общения и предназначено для строго определённого адресата. Характерными особенностями дружественного письма являются:

- 1) наличие обязательной реализации коммуникативно-прагматической оси "Я-ТЫ",
- 2) диалогизация,
- 3) политематичность,
- 4) полифункциональность,
- 5) синтез элементов различных функциональных стилей,
- 6) отражение особенностей речевого этикета,
- 7) специфическая структура, формализованная границами, фиксирующими начало и конец письма [3, с. 14].

Обозначенные признаки являются постоянными, обязательными для данного типа письма и составляют его структурно-семантические особенности. "Эти признаки являются интегральными по отношению к дружеским письмам при всём их многообразии и их вариативности, и в то же время дифференциальными, отличающими дружеское письмо от других типов писем, т. е. данные признаки выполняют классификационную функцию" [3, с. 83]. Кроме того, выделенные признаки могут рассматриваться как персонологические маркеры искомых текстов. В контексте лингвоперсонологической гипотезы особую значимость приобретают формулы речевого этикета, которые одновременно эксплицируют диалогичность данного

типа писем. Этикетные формулы рассматриваются нами как ритуальные формулы речевого поведения, выраженные особыми языковыми средствами, которые в своей совокупности образуют формуляр дружеского письма. Используемые клишированные модели являются специфическими средствами эпистолярной коммуникации, в основе которой лежит исторически сложившаяся национально-культурная традиция оформления данного вида письма (Фалина). Этикетные формулы, выполняя функции контактоустановления и размыкания контакта, представляют собой особые формы ведения эпистолярного диалога. Выбор тех или иных формул, участвующих в организации эпистолярного дискурса во многом определяется личностными характеристиками и интенциональными установками адресанта, а значит, могут рассматриваться в качестве лингвоперсонологических маркеров. Так, в корпусе проанализированных нами эпистолярных текстов маркером лингвоперсонологического означивания служит концовка письма – *Душевно преданный Вам Н. Лосский / Искренне преданный Вам Н. Лосский*. Например, в письме от 7.VI.47. New Haven: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Душевно преданный Вам Н. Лосский*. См. также письмо от 10.III.57. New Haven: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Искренне преданный Вам Н. Лосский*]. Отметим, что графическое подобие писем, по возможности, нами сохранено. Характерным семантическим маркером дружеского эпистолярия Н. О. Лосского является форма обращения на Вы. Частотное обращение на Вы в текстах дружеских писем является, по нашему мнению, лингвоперсонологическим маркером субъекта, определяющим его речевую культуру, а также принадлежность к определённому типу личностей "университетского сословия". Однако в отличие от концовки письма – подписывании, данная лингвоперсонологическая особенность не является доминирующей.

Ещё одной характерной особенностью дружеского письма является его политематичность [3, с. 14]. Эта черта в письмах Н. О. Лосского проявляется с особой выразительностью. В контексте политематичности мы можем обнаружить его концептуальные темы (искусство, литература и др.), которые красной нитью проходят через всё его творчество и, не изменяя творцу своего бытия, переносятся в его повседневный быт. Например, в отрывке из письма от 16.03.51. Los Angeles прослеживается тема о погоде, затем автор эпистолярного текста развивает диалог о киноискусстве: *"Дорогая Анна Николаевна! ...Надеюсь, что у Вас начинается уже весна. У нас даже в январе и феврале температура не опускается днём ниже 52° F (= 11° C); правда, нечто несколько раз было 39° F (= 40° C). А теперь, в марте на днях несколько дней было днём 87° F, т. е. 30° C! Не удивительно, что здесь в течение всей зимы появляются всё новые цветы, напр. розы... Вы пишете, что есть фильм о Мусоргском и всей "могучей кучке". Я надеюсь, что он появится и в Нью-Йорке, и тогда я надеюсь увидеть его зимою. Я жду ещё фильма, который в настоящее время создаётся в Бразилии в таких лесах Амазонки, где живут племена, не видевших ещё белых...* (графический рисунок эпистолярного текста сохранён в его начальной версии).

В стилистическом отношении, дружеские письма можно рассматривать как жанр соответствующего функционального стиля, если учесть, что в различных типах писем актуализируются разные системы языка, что обусловлено прежде всего такими особенностями дружеского письма, как политематичность и полифункциональность [3, с. 30]. Так, в дружеских письмах Лосского к Глебовой-Михайловской обнаруживаются элементы разговорного стиля, научно-публицистического. Вместе с тем, говоря о разговорной стихии в рассматриваемых нами письмах, как маркере жанровой спецификации дружеских писем, отметим для них особый статус разговорности, детерминированный элитарностью типов коммуникантов, в отличие, например, от рядового носителя, обладающего обыденным языковым и коммуникативным сознанием. Думается, что речь здесь идёт скорее об особом типе разговорного стиля элитарной языковой личности определенной эпохи, отличающимся относительной свободой и минимальной спонтанностью.

Ещё одним жанрообразующим признаком дружеского письма, а также его лингвоперсонологическим маркером служит его графический формат. А. В. Курьянович указывает на то, что "наличие в эпистолярном тексте "графемного инвентаря" позволяет говорить о чётко представленном визуальном образе как жанрообразующем свойстве данного типа. Каждый эпистолярный текст имеет свой неповторимый индивидуальный графический образ [10, с. 223]. Эти графические текстовые единицы квалифицируются как маркеры эпистолярной коммуникативной универсалии, согласно которой графические способы репрезентации авторских установок в эпистолярном тексте, не утрачивая своего исходного предназначения, начинают выполнять ряд других функций [9]. Всё это превращает эпистолярный текст в антропотекст [4, с. 4 – 9]. Графемный инвентарь в письмах Н. О. Лосского обнаруживается в виде, "иноязычных вкраплений", типологически свойственных языковому сознанию эмигранта (в зависимости от страны пребывания). Однако в эпистолярных текстах Н. О. Лосского они проявляются одновременно, как рефлекс культурного, так и приобретённого «двуязычия». Во Франции, например, предпочтение отдаётся французскому слову, так прочно и, наверное, основательно вошедшему в русское языковое сознание «эмигранта-интеллектуала»: «Во второй половине XVIII и в первой половине XIX веков образованные круги России пользовались французским языком, как языком «высшего общества». В дворянско-помещичьей среде французский язык считался более «элегантным». Неудивительно, поэтому, что в русский литературный язык проникло некоторое количество французских слов. Но французский язык был проводником не только французских словарных элементов. Значительная часть греко-латинских терминов и вообще «европеизмов» попала в русский литературный язык через французский языковой фильтр» [9, с. 76]. Например, фрагмент письма от 14.II.58, Paris, France. Н. О. Лосский к А. Н. Глебовой-Михайловской: "...Начну с печального известия. 8-го февраля мы получили на пароходе от Ирины радиogramму "Vladimir decederé" (Владимир скончался)...". Другой пример: фрагмент

письма от 10.VI.57, Los Angeles Н. О. Лосский к А. Н. Глебовой-Михайловской: "...Мы в этом году не поедём в New Haven для пользования Библиотекою Yale University или фрагмент письма от 16.III.1951 Los Angeles: Дорогая Анна Николаевна!... У нас даже в январе и феврале температура не опускается днём ниже 52° F (= 11 °C); правда, нечто несколько раз было 39° F (= 40° C). А теперь, в марте на днях несколько дней было днём 87° F, т. е. 30° C! Н. О. Лосский демонстрирует хорошее знание местных реалий страны пребывания, например, принятой в США системы измерения температурного режима, особенностей географических названий и др. Всё это является сознательным выбором Лосского, который всю свою жизнь стремился к знаниям. Примечателен в этой связи фрагмент из его мемуаров: "Вернувшись в Петербург, мы с женой поступили в школу Берлица и взяли там тридцать уроков английского языка. У нас был план поехать следующим летом из Машука на месяц в Англию. Большое удовольствие доставил нам энергичный живой метод преподавания в школе. После тридцати уроков язык у нас развязался для произнесения коротких, житейски необходимых предложений. После школы Берлица мы продолжали занятия английским языком у мисс Джексон, которая несколько спустя учила и наших детей, Володю, Борю и Марусю. Занятия дополняли чтением рассказов Конан-Долья и Уайльда... Готовясь к поездке, я прочитал "Краткую историю Англии" Грина и том географии Рекмо, посвящённый Великобритании" [12, с. 174]. Интерес в семье Лосских к языкам описывает в своих воспоминаниях Б. Н. Лосский: "Вспоминается тоже и наши первые впечатления от чешского языка, поначалу показавшегося нам смешным из-за расхождения смысла слов, построенных на общеславянских корнях, вроде *позор* (внимание), *черствы* (свежий), *рыхлы* (быстрый), *запах* (вонь), *вунь* (запах), от неё *вонявки* (духи) и т. д. [13, с. 11]. В нашем контексте обращает на себя внимание и следующая цитата из мемуаров Б. Н. Лосского, когда он описывает встречу Лосских с супругами Крамаржами: "Также не установилось близкого общения и с супругами Крамаржами ...и его властной супругой, происходившей из московской купеческой семьи Абрикосовых. Бабушке от неё в какой-то форме и мере попало за новую орфографию в советских школах и довелось слышать суждения вроде "ять – такая душка!" [13, с. 11]. Отметим, что особая полемика в эмигрантской среде развернулась по поводу введения советами орфографической реформы. Однако, согласно исследованиям Т. М. Григорьевой, точкой отсчёта в проведении реформы русской орфографии, долгое время считавшейся исключительной заслугой советского правительства, следует признать дооктябрьские события: "Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 (24) мая 1917 г. (с 13-ю пунктами упрощения и историческими комментариями к каждому из них); и два циркуляра Министерства народного просвещения при Временном правительстве к проведению реформы в школе с 1 сентября 1917 года: от 17 мая и 22 июня 1917 г." [5, с. 53 – 62]. Как свидетельствуют материа-

лы открывшихся фондов, за короткий период до октябрьских событий уже сложился значительный опыт издания журналов, книг и учебной литературы по новой орфографии. Сложился серьёзный опыт её преподавания в школе. В Советской России орфографическое упрощение стало одной из первостепенных акций советского правительства. В дополнение к предыдущим, были изданы дополнительные руководства к проведению реформы, но уже от имени советского правительства. Декрет Наркомпроса от 23 ноября 1917 г. с теми же 13-ю академическими пунктами упрощения, но без исторического комментария. Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. с 11-ю пунктами упрощения (2 пункта исключено), где новые правила правописания заявлены от имени Народного комиссариата просвещения, и последовавшее за ним постановление Высшего совета народного хозяйства "Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии" (от 14 ноября 1918 г.), в соответствии с которым неподчинившиеся подвергались штрафу в 10 тыс. рублей. В обстоятельствах революционного диктата именно эти три документа стали руководящими, и, несмотря на широкий размах в осуществлении реформы в начале, в завершении своём она была проведена, вопреки замыслам реформаторов, декретивным путём. Исключённые буквы были изъятые из обращения, и это, во-первых, обозначило жесткую грань между старым, дореформенным, и новым, реформированным, правописанием и, во-вторых, заслонило собой дооктябрьские события, поставив в фокус внимания акции советского правительства [5, с. 54]. Для большинства эмигрантов отказ принять новую орфографию означал их решимость сохранять русский язык в чистоте и неприкосновенности. Некоторые писатели-эмигранты, например И. А. Бунин, З. Гиппиус, неизменно настаивали на том, чтобы их произведения печатались только в соответствии с правилами старой орфографии. Это послужило своего рода причиной некоторой обособленности И. А. Бунина от так называемой «молодой поросли», а также тех печатных изданий снисходительно относившихся к тем, кто пользовался новой графикой. Утверждалось, что новые правила не способствуют исправлению произношения, вводят весьма

спорные нормы написания, которые нельзя обосновать ни этимологически, ни исторически. Этот конфликт был в конце концов разрешён: упрощённые правила находили всё большее распространение, а доступность книг, изданных в Советском Союзе по правилам новой орфографии, побуждала всё большее число авторов и издателей принимать её. Н. О. Лосский в этой связи адаптировался к новой орфографической реформе, поскольку не желал таким образом окончательно утратить связь с Россией. Тем не менее «орфографический» консерватизм в среде культурной эмиграции, мотивирующий элементы прежней языковой компетенции на уровне «сознательного-бессознательного», а также «группового-индивидуального» просуществовал достаточно долгое время. И молодое поколение, как бы парадоксальным это не казалось, продолжало писать согласно старым орфографическим нормам вплоть до конца XX в. [7, с. 197 – 205].

Позиционирование себя в языке, что включает «знание языка» и «знания о языке» [11, с. 50 – 51] эксплицируется адресантом в разного рода примечаниях, пояснениях, поправками, переводом и толкованием иноязычных вкраплений. Подобного рода включения Ю. М. Лотман называет «шумом», новой структурной подсистемой, которая не разрушает старую, а функционирует одновременно с ней в качестве фона. А. Вежицкая называет их «метатекстовыми нитями», проясняющими «семантический узор» основного текста, или элементами метаязыка. Последний, по мнению Н. Бора, Р. Якобсона, А. Вежицкой, является не специализированным языком, а частью естественного языка, в котором «практическое употребление каждого слова находится в комплементарном отношении к попыткам дать ему точную дефиницию» [7, с. 197 – 205].

Таким образом, обращаясь к эпистолярным текстам Н. О. Лосского, мы попытались раскрыть его языковую уникальность. Наше исследование всецело отвечает требованиям современной науки в свете последних тенденций лингвистической персонологии – "всестороннее изучение конкретных языковых личностей во всём многообразии их реального бытования" [8, с. 137].

Литература

1. Абелева, И. Ю. Речь о речи. Коммуникативная система человека / И. Ю. Абелева. – М.: Логос, 2004. – 304 с.
2. Алексеев, А. Н. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации / А. Н. Алексеев // Философские науки, 2008.
3. Белунова, Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2000.
4. Голев, Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания): материалы Всероссийской конференции; под ред. Н. Б. Лебедевой, Е. А. Косых. – Барнаул: БГПУ, 2004в.
5. Григорьева, Т. М. Русская орфография в эмиграции / Т. М. Григорьева // Русистика сегодня. – 1998. – № 1 – 2.
6. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М., 2000.
7. Евпак, Е. В. Языковое и метаязыковое в письмах русских эмигрантов-интеллектуалов / Е. В. Евпак // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник статей. – Кемерово; Барнаул, 2008.

8. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 160 с.
9. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – Ч. 1 / А. В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1954.
10. Курьянович, А. В. Прагматика графического образа эпистолярного текста (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции первой половины XX века) / А. В. Курьянович // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 1(116).
11. Лебедева, Н. Б. Структура языкового сознания / Н. Б. Лебедева // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции. – Кемерово, 2006. – Вып. 1.
12. Лосский, Н. О. Воспитания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский. – Munchen, 1968.
13. Лосский, Б. В русской Праге (1922 – 1927) / Б. Лосский // Минувшее. Исторический альманах. – М.; СПб, 1994. – Вып. 16.
14. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.
15. Тульчинский, Г. Л. Скриптизация бытия как проблема и жанр философствования / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2008. – № 8.
16. Эпштейн, Н. Homo scriptor: введение в скрипторику как антропологию письма / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2008. – № 8.
17. Эпштейн, М. Н Общие категории и личные коды. Личность как субъект и предикат / Н. Эпштейн // Философские науки. – 2009. – № 9.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 89059151479, jevpak.72@mail.ru.

Evgeny V. Evpak – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics, Kemerovo State University.

УДК 81'322.4

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *KIDULT*

(на материале опроса респондентов)

Е. В. Евтушенко, Л. П. Прохорова

VALUE COMPONENT OF LINGUOCULTURAL TYPE *KIDULT*

(based on survey)

E. V. Evtushenko, L. P. Prokhorova

Данная статья посвящена выявлению ценностной составляющей лингвокультурного типажа *KIDULT* в американской лингвокультуре путем анализа ответов респондентов. В результате полученных данных были выявлены основные положительно и отрицательно маркированные черты, а так же нейтральные характеристики лингвокультурного типажа *KIDULT*, что свидетельствует о высокой степени аксиологизации и о важности данного типажа в рамках американской лингвокультуры.

The article focuses on revealing value component of lingvocultural type *KIDULT* in American culture by analyzing the answers of the respondents. As a result of the analysis, the main positively and negatively marked features and neutral characteristics of lingvocultural type *KIDULT* have been revealed, which proves its high degree of cultural value in American society.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, ценностная составляющая, антропоцентризм, аксиология, ассоциативный эксперимент.

Keywords: linguocultural type, concept, value component, anthropocentrism, axiology, associative experiment.

Антропоцентрический подход к изучению языковых явлений является главной доминантой современной лингвистики. Внимание, которое уделяется человеку в актуальных филологических исследованиях, объясняется, прежде всего, признанием современной наукой тесной связи языка и человеческого фактора. Именно посредством языка человек имеет возможность наиболее ярко и образно выразить свое отношение к окружающей действительности во всем ее мно-

гообразии, то есть выразить ее оценку. Оценка, следовательно, относится к антропоцентрическим категориям, поскольку ориентирована на отражение интересов человека и не существует в отрыве от них. Иными словами, как справедливо отмечает А. А. Шмелева, «когда речь идет об оценке, на первый план выступает человеческий фактор» [14, с. 109]. Достаточно долгое время категория оценки рассматривалась исключительно с позиций аксиологии, однако в последние

десятилетия она стала значимым объектом многих лингвистических исследований. При этом четко выраженная антропоцентрическая направленность лингвистики предопределяет и формирует так называемый «аксиологический подход к языку», рассматривающий язык как зеркало базовой системы ценностей социума (в ее вариантах, свойственных различным социальным, идеологическим, возрастным и прочим стратам и группам) и важнейший источник информации о ней [6, с. 56].

Учитывая значимость категории оценки, большинство исследователей предлагают определять ее через философско-логическое понятие ценности, поскольку именно система ценностей, по справедливому утверждению А. К. Абишевой, составляет осевую смысл бытия человека в мире, его смысловой центр [1, с. 14]. При этом по отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям [10, с. 47]. В этом смысле наиболее общее определение оценки предлагает В. И. Банару, в чьем понимании оценка – это аксиологический термин, отражающий результирующий аспект процесса установления отношения между субъектом оценки и ее предметом; причем в класс предметов оценки включаются не только ценности, имеющие для субъекта положительную значимость, но и нулевые и отрицательные ценности, что доказывает общую относительность этого понятия [2, с. 14].

Человек, посчитав некоторый объект хорошим или плохим, полезным или вредным, красивым или безобразным, дает оценку. Иными словами, он приписывает ценность или антиценность некоторому объекту путем выражения положительной или отрицательной оценки. Таким образом, оценка становится возможной, если имеется объект оценки (т. е. объект, которому приписывается та или иная ценность в широком смысле), субъект оценки (лицо, выражающее позитивную или негативную оценку) и основание оценочного маркера (позиция или доводы субъекта при одобрении или порицании). Наиболее же убедительным можно признать определение, предложенное Р. М. Якушиной, где оценка понимается как «отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» [15, с. 6]. При этом несомненным представляется то, что подобная ценностная ориентация субъекта проявляется в высказываемых им оценочных суждениях, рематические элементы которых содержат оценочные понятия.

Понятие «культура» включает универсальное отношение человека к миру, через которое человек создает мир и самого себя, и в основе любой культуры лежит система ценностей. Ценности лежат в основе оценки, каких либо предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, события, качества. Не существует ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы связан с процедурой оценивания. Мы согласны с В. И. Карасиком, отмечающим, что в

этом смысле представляется оправданным разделить ценности на внешние и внутренние, имея в виду то обстоятельство, что между внешними, социально обусловленными, и внутренними, персонально обусловленными ценностями нет четко очерченной границы [8, с. 167]. Те предметы, события и явления, которые играют в жизни человека большую роль, которые значимы для него, будут обладать определенным набором ценностей.

А. А. Ивин выделяет оценку как отдельную (шестую) языковую функцию – «использование языка для выражения положительного, отрицательного или нейтрального отношения к рассматриваемому объекту» [7, с. 10]. Е. Н. Старикова и С. Н. Колесник связывают аксиологическую категорию оценки с номинативной функцией языка (поскольку оценка может быть выражена лексическим значением слова или словосочетания), а также с коммуникативной языковой функцией [12, с. 56]. Такая принципиальная важность оценки для различных языковых функций еще раз подчеркивает ее языковую универсальность.

Как уже указывалось выше, в языке оценка материализуется в виде определенных оценочных суждений, при этом они обычно содержат как собственно выражение (субъективной) оценки, так и некоторые качественные характеристики оцениваемого объекта. Соотношение субъективного и объективного в рамках одного оценочного высказывания, их тесное взаимодействие привлекли самое пристальное внимание со стороны лингвистов. Ряд исследователей считает субъективное начало первичным в оценочном суждении. Так, Н. П. Сучкова полагает, что оценка не является внутренним, природным свойством каких либо вещей и явлений, а приписывается им людьми в зависимости от того, как они относятся к этим вещам и явлениям – считают ли их приятными, нужными, полезными и наоборот. Такие понятия как «мнение», «суждение», «отношение», часто встречающиеся в различных дефинициях оценки, прямо указывают на естественность, изначальность субъективного фактора в оценке [13, с. 12]. Именно личностный аспект или так называемая личностная интерпретация по линии «субъективное – объективное» формирует базис для исследования оценки в эмоционально-экспрессивном контексте [10, с. 47], оценка субъективна по своей сути [3, с. 84]. Однако следует уточнить, что субъективный фактор при всей его важности и значимости не существует в отрыве от фактора объективного.

Е. М. Вольф указывает на то, что всякое оценочное суждение в равной степени предполагает субъект суждения (то есть лицо, от которого исходит оценка) и его объект (то есть тот предмет, индивид или явление, к которому оценка относится), но при этом подчеркивает, что противопоставление субъекта и объекта в структуре оценочного высказывания и субъективности и объективности в значении оценки – это не одно и то же. И субъект, и объект предполагают сосуществование обоих факторов – субъективного и объективного. Так, субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки, а с другой стороны, на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок,

на которой расположены присущие объекту признаки. В то же время в оценочном объекте сочетаются субъективные (отношение субъект – объект) и объективные (свойства объекта) признаки [4, с. 22, 23].

Е. М. Вольф особо подчеркивает зависимость оценки от норм, принятых в том или ином обществе или его части на определенном отрезке времени [4, с. 67 – 71]. Для каждого человека значима прежде всего своя собственная оценочная шкала, а она представляет собой результат совмещения внешних (общих, социально обусловленных) ценностей и системы внутренних, сугубо индивидуальных оценок. Этим и объясняется тот факт, что оценки, как вербальные реакции носителей языка, имеют широкий диапазон лингвистического варьирования. Таким образом, выражение оценки, с одной стороны, подготовлено социолингвистическим фоном высказывания (различием между положительным и отрицательным, релевантным для носителей данной культуры), а с другой стороны, индивидуальными экстралингвистическими характеристиками субъекта (собственным отношением к объекту, социальным статусом, психическими особенностями, образованием, воспитанием, профессией, возрастом, даже настроением в конкретный момент вербализации оценки).

Достижения лингвоконцептологии и лингвоперсонологии послужили основой для выделения особого вида концепта – концепта типизируемой личности – и становления нового направления в лингвистике, теории лингвокультурных типажей [5, с. 174; 16, с. 46]. Типаж являет собой узнаваемый образ представителя той или иной культуры, типизированный на основе социокультурных критериев, а также определенных специфических характеристик вербального и невербального поведения. Лингвокультурный типаж представляет особую важность для аксиологического направления в лингвистике, поскольку отражает в себе закрепившиеся в социуме ценности, с одной стороны, и служит основой для формирования новых ценностных ориентаций в обществе, с другой [8, с. 85].

Являясь разновидностью концепта, лингвокультурный типаж имеет понятийную, образную и ценностную составляющие. Понятийный компонент может быть исследован с помощью анализа словарных и иных дефиниций, позволяющих установить конститутивные признаки понятия. Образные и ценностные доминанты актуализированы в языке в виде апеллирующих к типу языковых единиц и могут быть выявлены с помощью интерпретативного анализа прецедентных текстов, текстов произведений художественной литературы и дискурса СМИ, а также опроса респондентов. Согласимся с А. Н. Приходько, что «ценностная составляющая концепта суть коллективное подсознательное, формируемое с участием социодискурсивного фактора, задаваемого жизненным миром человека вместе с коммуникативной культурой общества, представителем которого он является» [9, с. 68].

В рамках настоящей работы анализируется лингвокультурный типаж *kidult*. Лексема *kidult*, как ключевой репрезентант в языке исследуемого типажа, является контаминантом, образованным из двух английских слов *kid* и *adult* путем слияния основ. Как видно,

первый элемент вошел в состав новообразования полностью, тогда как второй был усечен с начала (-dult). На первый план выходит однослоговая сема *kid* (которая уже не может быть усечена), а не *adult*. Мы можем предположить, что *kid* является своего рода определением к слову *adult*, которое подчеркивает детскую сущность взрослого человека, а не взрослые черты, присущие ребенку.

Для понимания сущности лингвокультурного типажа *kidult* необходимо привести данные социологического характера. В августе 2004 года газета *Sunday Times* сообщала об исследовании, проведенном Британским Советом экономического и социального развития: в ходе исследования выяснялось, сколько 30-летних американцев, британцев и австралийцев проходят «три теста на зрелость: окончание образования, уход из дома и финансовая независимость». В результате исследования оказалось, что таких людей меньше трети. Автор статьи цитировал доктора Эльзу Ферри, автора исследования, которая утверждает, что задержка в достижении зрелости становится все заметнее и заметнее. Согласно данным американской переписи населения 2000 года, 25 % американцев в возрасте между 18 и 34 годами продолжают жить с родителями. Эти и многие другие факты современной действительности наглядно демонстрируют причины появления в языке лексемы, которая бы описывала новый социальный слой населения [17].

Язык живо реагирует на изменения в обществе, отражая их в своём словарном составе. Так, в конце пятидесятых для поколения подростков акселератов придумали слово «тинейджеры», отражавшее принципиально новую культурную и социальную реальность. В шестидесятых годах для более старшего поколения понадобился термин *young adults* («молодые взрослые»). В восьмидесятых новые модели поведения породили термины *thirtysomethings* («тридцатые») и, позже, *twentysomethings* («двадцатые»).

В ранних девяностых появились *tweens* («двенашки» – дети в возрасте от 8 или 10 до 13 лет), – как принципиально новая категория самостоятельных потребителей массовой культуры. Однако именно последнее десятилетие взорвалось в подавляющем большинстве языков развитых стран десятками терминов для определения новых возрастных категорий, знаменуя начало мучительного поиска нового полноценного языка для описания новых жизненных реалий. Примечательно, что в 2004 году словарь Merriam-Webster's Learner's Dictionary опубликовал статью, посвященную лексеме *kidult*, и дал следующую расширенную дефиницию, включающую и информацию о первом упоминании её в прессе:

A kidult is a "grown-up" person who enjoys being a part of youth culture and doing things that are usually thought as more suitable for children, for example, playing with toys or video games, reading comic books, watching cartoons, sleeping in a blanket sleeper or with a stuffed animal. A kidult may also dress like and/or have a hairstyle like that of a teenager or younger child.

The word is a portmanteau of kid and adult.

The term was first used by Jim Ward-Nichols on the campus of Stevens Institute of Technology in Hoboken, NJ

in late 1980 and is believed to have first appeared, in print, in *The New York Times* on August 11, 1985 in an article by Peter Martin:

And in the background, on a much less lavish scale, is LBS Communications, which doesn't own its own stations but provides a lucrative stream of kidult – children, teenager and young adult – programming to independents. Kidults are not necessarily socially immature (i. e. irresponsible, narcissistic, or dependent on a caregiver) [18]. Вышеприведенное определение подчеркивает, что *kidult* является взрослым человеком, которому нравится быть частью молодежной культуры и заниматься вещами более свойственными детям, такими как игра в компьютерные приставки, чтение комиксов и просмотр мультфильмов. Этот термин был впервые использован Джимом Вордом Николсоном на кампусе Технологического Института Стивенсона в Хобокен, Нью-Джерси, США в конце 1980 года и, как полагают, впервые появился в печати в Нью-Йорк Таймс 11 августа 1985 года в статье Питера Мартина, который подчеркнул что *kidult* необязательно социально незрелый и безответственный.

В рамках данной работы мы сфокусируем внимание на ассоциативном эксперименте как методе концептуального анализа, целью которого является выделить ценностные составляющие лингвокультурного типажа *kidult*.

Ассоциации являются эффективным способом изучения содержания сознания: изучение ассоциаций дает возможность раскрыть содержание сознания таким образом, который невозможен при других способах, использующих язык. Ассоциативный эксперимент является эффективным инструментом для исследования памяти, лексикона, механизмов порождения и восприятия речи, изучения национально-культурной и ценностной специфики языкового сознания.

Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является то, что он прост и удобен в применении, может проводиться с большой группой испытуемых одновременно, «дает надежную лингвистическую и психологическую информацию», являясь «удобной формой для выявления ассоциативных группировок, особенностей культурной, профессиональной, социальной дифференциации языка, инструментом социологического, социально-психологического исследования» [11, с. 56]. Ассоциации, полученные в результате массового эксперимента, представляют собой богатейший материал для исследований в области лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и психологии.

В рамках данной работы был проведен ассоциативный эксперимент, позволивший более полно описать образно-перцептивные признаки типажа *kidult* в индивидуальном сознании носителей американской лингвокультуры. Для этого американским респондентам было предложено написать короткое сочинение на тему “*Who is kidult, and what is your attitude to this kind of people*” («Кто такой *kidult*, и каково ваше отношение к подобному рода людям»). Участникам анкетирования предлагалось выделить положительные и отрицательные типажа, дать ему свои характеристики, сравнить с кем-то из известных людей, а также выразить собственное отношение к данному феномену.

В эксперименте участвовали 200 информантов, женщины и мужчины в пропорции примерно 40 % и 60 % соответственно. Сбор информации проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых. Было опрошено 150 американских студентов. Остальные 50 ответов были получены путем заполнения онлайн анкеты на сайте SurveyMonkey. Результаты опроса показали, что исследуемый типаж хорошо известен американцам. На оценочном уровне *kidult* представляет собой аксиологически полярный концепт.

Если характеризовать полученные ответы-реакции с лингвистической точки зрения и рассматривать их формально грамматические особенности, стоит отметить, что при описании образа, который кодирует лингвокультурный типаж *kidult* в сознании, респонденты использовали несколько типов реакций: реакции-словоформы (отдельные лексические единицы), реакции-словосочетания, а также реакции-предложения, что говорит о разнообразной форме вербализации исследуемого типажа.

В результате исследования были установлены следующие факты:

1. 35 % опрошенных респондентов выявили позитивно маркированные характеристики лингвокультурного типажа *kidult*. По их мнению, обладать детскими чертами не плохо, и даже порой необходимо. Свое положительное отношение к лингвокультурному типуажу *kidult* опрошенные выразили следующими высказываниями: *everyone needs some kid in them* – все нуждаются в ребенке внутри себя; *everyone has an inner-child* – у всех есть ребенок внутри; *being young at heart isn't always a bad thing* – быть молодым сердцем не всегда плохо; *these people can be fun to hang around* – с этими людьми весело проводить время без дела; *act like a kid is acceptable in some occasions, for example, if they have children themselves* – вести себя как ребенок допустимо в некоторых случаях, например, если у них у самих есть дети; *these people have every right to still enjoy the things they used to* – эти люди имеют право все еще наслаждаться теми вещами, к которым они привыкли; *it's acceptable to be “kid at heart”, “child at heart”, young at heart* – это допустимо быть «ребенком в сердце», «молодым сердцем»; *it's ok if the man is successful* – это нормально, если человек успешен; *it's fine to have “child-like” interests* – это не плохо иметь детские интересы; *they are normal people who like to watch cartoons* – это нормальные люди, которые любят смотреть мультфильмы; *it's a positive thing if dealing with fun activities* – это хорошо, если связано с весельем.

Согласно вышеприведенным примерам, *kidult* – это человек, который не стареет душой и сердцем, любит веселиться и не является проблемой для общества. Данный признак вербализован в дискурсе рассматриваемого лингвокультурного типажа с помощью определенного набора языковых единиц: существительных (*kid, child, inner-child*), прилагательных (*good, fine, child-like*), словосочетаний (*kid at heart, child at heart, young at heart*), конструкциями (*not a problem, not a bad thing*).

2. В отличие, например, от модельной личности, лингвокультурный типаж не только менее ярок, но

может иметь и отрицательную оценку. Если модельной личности стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение.

В проведенном опросе наряду с положительными оценками 50 % респондентов отметили такие отрицательные черты: *annoying* – раздражающий, *immature* – незрелый, *unreliable* – ненадежный, *unmotivated* – немотивированный, *wrong* – несправедливый, *infuriating* – приводящий в ярость, *weird* – странный, *destructive* – разрушающий, *irresponsible* – безответственный, *pathetic* – жалкий, *rash* – безрассудный, *irrational* – неразумный, *odd* – чудоковатый, *a little strange* – немного странный, *a little creepy* – немного пугающий, *developmentally stunted* – с задержкой в развитии, *so-phomore* – второкурсник, *lazy* – ленивый, *frustrating* – разочаровывающий. Свое негативное отношение к лингвокультурному типуажу *kidult* опрошенные выражали следующими выражениями: *don't like these people* – не люблю этих людей; *it's bad* – это плохо; *it creeps me out* – это меня ужасает; *tend to have a negative opinion of these people* – склонен иметь негативное отношение к этим людям; *find them to be very annoying people* – нахожу их очень раздражающими людьми; *they are not responsible, I do not agree with them* – они безответственны, я не согласен с ними; *find them frustrating* – нахожу их разочаровывающими; *this term has a negative stigma in American culture* – этот термин имеет отрицательную коннотацию в Американской культуре; *they show mental disability or abnormality* – они проявляют психическую неполноценность; *it's negative when the manchild cannot switch over to adult mode when an issue arises* – это неправильно если взрослый мужчина с детскими чертами не может переключиться на взрослое поведение, когда того требует ситуация; *they can't take care of themselves* – они не могут позаботиться о себе; *it's sad* – это грустно; *it makes me pity them* – это заставляет меня жалеть их; *have no jobs / poor social skills* – не имеют работы / недостаточные навыки общения; *these men are often made fun of in movies and jokes* – таких людей часто высмеивают в фильмах и шутках; *it's negative thing* – это отрицательное явление; *they suffer from Peter Pan syndrome* – они страдают синдромом Питера Пэна; *this term is usually used in a negative connotation* – этот термин обычно используется с негативной коннотацией; *lacks mature social skills* – не хватает зрелых социальных навыков; *can't support themselves* – не могут обеспечивать себя сами; *lack of work ethic – indiscipline – low motivation – overweight* – отсутствие рабочей этики – недисциплинированность – низкая мотивация – избыточный вес; *they are judged in a negative way* – о них судят негативно.

3. 15 % респондентов давали нейтральную или амбивалентную оценку типуажу с преобладанием позитивно либо негативно маркированных характери-

стик. Рассмотрим следующие реакции-словосочетания и реакции-предложения на лингвокультурный типаж *kidult*: *it can be positive or negative. They can be moochers (like if they're still at home)* – это может быть и хорошо и плохо. Они могут быть бездельниками (если все еще живут с родителями); *I think the behaviour is okay, but it can get a little extreme* – я думаю их поведение нормальное, но может достигать некоторых крайностей; *so being a kidult is great for connecting with students but bad for dealing with adults. They see him as immature* – быть взрослым ребенком хорошо для общения со студентами и плохо при взаимоотношениях со взрослыми. Они воспринимают их незрелыми; *I think everyone should embrace some childlike qualities, like playing games and reading comics, but if someone is not supporting themselves or are in the workplace then it becomes a problem* – я думаю каждый должен иметь качества присущие детям, подобно увлечением компьютерными играми или чтением комиксов, но если кто то из них не может содержать себя сам или находится на рабочем месте, тогда это может стать проблемой; *I think if it is done in proportion then it is alright. If they are not responsible then I do not agree* – я думаю, если это происходит в разумных пределах, тогда все нормально. Если они безответственны, тогда я не согласен; *I don't have a problem with them* – они не доставляют мне никаких проблем; *I have no issue with people like that* – я не имею никаких дел с такими людьми; *my opinion of this is indifferent. If they enjoy partaking in such things, then it is their business* – мое мнение безразличное. Если они наслаждаются участием в подобных делах, тогда это их дело; *It's nothing wrong* – в этом нет ничего плохого; *I do not mind people who act like that* – я не против людей, которые ведут себя подобным образом; *I have nothing against kidults* – я ничего не имею против взрослых детей.

Результаты опроса показали, что исследуемый типаж хорошо известен американцам. У каждого из 200 опрошенных представителей американской лингвокультуры лексема *kidult* вызвала яркие ассоциации.

Согласно проведенному опросу оценочные характеристики лингвокультурного типажа *kidult* неоднозначны: к числу его положительных качеств относятся веселье, непринужденность и вечная молодость; вместе с тем ему приписываются такие отрицательные качества, как незрелость, безответственность, лень, безрассудность, ненадежность, отсутствие мотивации. В ответах информантов преобладает отрицательная оценка, но в целом, все суждения сводятся к признанию права за взрослыми детьми вести себя подобным образом, что соответствует признанию права личности на индивидуальное самовыражение, характерное для системы ценностей американской лингвокультуры.

Литература

1. Абишева, А. К. О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3.
2. Банару, В. И. Оценка, модальность, прагматика / В. И. Банару // Языковое общение: единицы и регулятивы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1987.

3. Близнюк, Н. А. Понятие и структура оценки в системе языка / Н. А. Близнюк, Н. А. Сергиенко // Теоретические и прикладные аспекты лингвистических исследований: межвуз. сб. науч. тр. – Сургут: Сургут. гос. ун-т. 2001.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
5. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград: ВГПУ, 2007. – 307 с.
6. Залесова, Н. М. Понятие и место категории оценки в языке / Н. М. Залесова // Вестник Амурского гос. университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – Вып. 20.
7. Ивин, А. А. Теория аргументации / А. А. Ивин. – Режим доступа: <http://www.bolshe.ru/book/id=2454-amp;page=3> (дата обращения: 27.06.05).
8. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
9. Приходько, А. Н. Системная организация концептосферы / А. Н. Приходько // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сб. ст.; отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – (Славянский мир; вып. 3).
10. Самигуллина, А. С. Языковая периферия концепта «оценка»: введение в проблематику / А. С. Самигуллина // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики: сб. ст. – Кн. 2. – М.: РАН: Институт языкознания, 2005.
11. Сахарный, Л. В. "Контекстное" и "не контекстное" в восприятии лексико-семантической стороны слова / Л. В. Сахарный // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
12. Старикова, Е. Н. К вопросу о категории оценки в языке / Е. Н. Старикова, С. Н. Колесник // Вестник Киевского университета. Серия: Романо-германская филология. – 1988. – Вып. 22.
13. Сучкова, Н. П. Функционирование категории оценочности в английской разговорной речи / Н. П. Сучкова. – Горький: Горьковский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1989. – 12 с.
14. Шмелева, А. А. Оценочность в прагматике высказывания / А. А. Шмелева // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. – Бирск: Бирский гос. пед. ин-т, 2004.
15. Якушина, Р. М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. М. Якушина. – Уфа: БГУ, 2003. – 24 с.
16. Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
17. The Sundays Times. – Режим доступа: <http://www.thesundaytimes.co.uk>
18. Webster's Online Dictionary with Multilingual Thesaurus Translation. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/home/htm>

Информация об авторах:

Евтушенко Елена Валерьевна – соискатель кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-951-160-6160, evtushenkoelena8@mail.ru.

Elena V. Evtushenko – post-graduate student at the Department of English Philology of № 2, Kemerovo State University.

Прохорова Лариса Петровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии КемГУ, 8(3842)583497, larpro@rambler.ru.

Larisa P. Prokhorova – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.133.1'42

РОЛЬ СТЕРЕОТИПОВ В ДИСКУРСЕ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ О ЗНАКОМСТВЕ

Е. Г. Желудкова

THE ROLE OF STEREOTYPES IN THE DISCOURSE OF SELF-PRESENTATION IN FRENCH PERSONALS

E. G. Zheludkova

В статье анализируются объявления о знакомстве во французских газетных и Интернет ресурсах с целью выявления стереотипов и их роли в формировании дискурса самопрезентации. Рассматривается связь стереотипного высказывания с его успешностью в воздействии на адресата.

The articles focuses on the analysis of the personals found in French newspapers and Internet sources. The role of stereotypes in the production of the discourse of self-presentation is studied. The connection between the stereotypical statement and its impact on the addressee is described.

Ключевые слова: дискурс, стереотип, самопрезентация.

Keywords: discourse, stereotype, self-presentation.

В век новых технологий, Интернета, бешеных скоростей, жизнь современного человека все больше регулируется нормами и правилами, не только внешними, но и внутренними, обусловленными культурными и социальными особенностями. Последние, в качестве модераторов социального взаимодействия, регламентируют и речетворческую деятельность. Даже в случаях, когда должна проявляться индивидуальность, что напрямую способствовало бы успеху отдельного человека, мы сталкиваемся с весьма ограниченным и предсказуемым выбором, совершаемым человеком, в том числе в процессе коммуникации. Нас интересует в данном случае стереотипность речи в таком, казалось бы, индивидуальном виде речетворчества, как дискурс самопрезентации в объявлениях о знакомстве.

Материалом для исследования послужили объявления во французских печатных СМИ, а также на французских сайтах знакомств. Обращаясь к данному материалу, мы ставим перед собой ряд целей. Во-первых, выяснить какие стереотипы присутствуют в дискурсе объявлений о знакомстве для поддержания стратегии самопрезентации, и какими средствами они передаются. Во-вторых, сопоставить обнаруженные стереотипы по гендерному принципу. И, в-третьих, проанализировать степень успешности дискурса самопрезентации, опираясь на частотность используемых стереотипов.

Дискурс самопрезентации в текстах объявлений о знакомстве организован так, чтобы, с одной стороны, представить его автора, с другой стороны, вызвать положительную реакцию у адресата данного текста. Мы понимаем дискурс как стратегически организованную речемыслительную деятельность субъектов коммуникации, представляющую совокупность процесса порождения речевого или текстового произведения и результата этого процесса – текста или речи, учитывающей прагматические, социолингвистические и экстралингвистические параметры коммуникации [10, с. 50 – 56]. Стратегии, которых придерживается субъект дискурса, обусловлены как внешними социально-культурными факторами, так и его личными убеждениями и намерениями.

Доминирующий способ организации дискурса самопрезентации в объявлениях о знакомстве – «энонциативный» (*énonciatif* по определению П. Шародо [3]), его основной целью является формирование высказывания. В его структуре присутствуют как говорящий-высказывающий, так и адресат-воспринимающий. Посредством такого высказывания адресант вступает в социальное взаимодействие с потенциальным адресатом, которое тем успешнее, чем стратегически точнее он строит высказывание. С другой стороны, объявление о знакомстве – это вид медиадискурса [7], так как тексты, в которых реализуется данный тип дискурса, являются формой рекламы. По-

этому помимо личных стратегий, нацеленных на демонстрацию личных характеристик и интересов, в них присутствуют стратегии более широкого спектра, направленные на создание положительного образа субъекта дискурса.

Действительно, тексты объявлений о знакомстве имеют целью представление их автора как возможного партнера для любви, для жизни, времяпрепровождения. Особой чертой этих текстов считается краткость, а также то, что их содержание в большей или меньшей степени навязано тем ресурсом (газетой, интернет-сайтом), который их публикует. Тем не менее, в отличие от рекламных текстов, текст объявления о знакомстве пишется не профессионалом в сфере журналистики или коммуникации, поэтому такие тексты можно считать индивидуальными, передающими образ мира, сформированный в сознании автора.

В дискурсе самопрезентации в брачных объявлениях представлены адресант и адресат, однако, их соотношение не симметрично. Адресант объявления – это реальный человек, с определенными моральными, психологическими и физическими характеристиками, субъект социума, который, вступая в ситуацию коммуникации, становится основным действующим лицом дискурса. Кроме того, адресант объявления – это полифонический субъект. С одной стороны это реальный говорящий человек, а с другой стороны субъект дискурса, который говорит от имени реального субъекта, однако не абсолютно идентичен ему. Он более свободен в выборе, как средств выражения, так и собственных образов. Адресат же не только удален от адресанта во времени и пространстве, но и имеет, как правило, только одну известную адресанту составляющую, – это представитель противоположного пола, все остальные характеристики не принадлежат какому либо реальному человеку, а существуют только в воображении автора объявления. В таком контексте организация дискурса, отвечающая стратегии повлиять на возможного адресата объявления, заинтересовать, убедить в выборе именно его среди других «кандидатов», основывается не на реальных знаниях адресанта об адресате, а на стереотипных представлениях о реакциях людей на те или иные послы, об общепринятых тактиках убеждения, о речевых приемах, которые могли бы привести к успеху (в данном случае у противоположного пола). Стереотипы, будучи элементами построения смысла, сокращают затрачиваемое время и усилия на понимание высказывания, свидетельствуя об общем культурном и языковом пространстве, и способствуют более эффективному воздействию на адресата, т. е. усиливают персуазивную функцию высказывания.

Адресант же принимает на себя определенную роль, и в рамках этой роли представляет на суд потенциальных адресатов презентацию себя самого и желаемого партнера. Действительно, самопрезентация

относится к социальной функции, связанной с установлением контакта, но также к функции языка, названной Р. Якобсоном [5] конативной, связанной с воздействием говорящего на адресата. Это также и особое функционирование языка, имеющее собственные средства выражения. Как «дискурс лжи» или «дискурс иронии», дискурс самопрезентации, как жанр, демонстрирует потребность говорящего субъекта в создании собственного имиджа, с одной стороны правдоподобного, а с другой, – привлекательного и выигрышного.

Так, стремясь создать себе рекламу, автор следующего объявления прибегает к созданию поэтической формы своего высказывания. Аллюзия на стихотворение Жака Превера "pour faire le portrait d'un oiseau" позволяет адресанту скомпоновать общеизвестные и стереотипные характеристики удачного союза, такие как нежность, согласие, спокойствие, а также время и случай в поэтический образ:

Comment composer les éléments d'une relation harmonieuse?

Pour commencer, j'essaierai bien un dosage de douceur, complicité, sérénité,

Sans oublier une dose de temps... et de hasard! [Meetic. fr].

Субъект этого объявления одновременно «я», оперирующий элементами реальности и чувств, но в то же время это «поэт», и этот статус, а точнее диссоциация субъекта дискурса от реального автора, придает новизну стереотипному набору характеристик. Именно читателю, а точнее читательнице этого объявления предоставляется право разгадать эту двойственность.

Прежде чем приступить к более подробному описанию конкретных примеров, необходимо, на наш взгляд, охарактеризовать стереотип как предмет изучения. Термин стереотип был употреблен впервые американским журналистом В. Липпманном, который заметил, что человек, воспринимая объекты, использует образы уже сформированные в его сознании. Речь идет об уже готовых представлениях, предварительно сформированной совокупности культурных образов, с помощью которых индивид фильтрует окружающую его реальность. Стереотипы могут отражать реальные характеристики объектов и групп, но чаще всего они представляют собой квинтэссенцию субъективности одних групп в отношении других. Стереотипы могут иметь положительный или отрицательный характер, но все их объединяет тот факт, что они создают ограниченный образ другого, основываясь на культурных знаниях и компетенциях субъекта к ним прибегающего, а также на коллективном воображаемом. В связи с этим логично данное Лейенсем & со [6, с. 11] определение стереотипа как разделяемых другими убеждений в отношении личных свойств какой-либо группы людей, как правило, черт личности, но также и поведенческих черт.

Среди свойств стереотипа Т. Стефаненко [11] отмечает их эмоционально-оценочный характер, устойчивость к новой информации, единство представления среди членов одной группы.

В социологии изучаются, прежде всего, этнические стереотипы, характеризующие этнические груп-

пы. Существуют также исследования представлений Другого в литературе, получившие название «Имагология». Межэтнические отношения рассматриваются в подобных исследованиях не на уровне реальности, а на уровне воображаемого автором. Что касается лингвистики, она охватывает ряд парадигм, так или иначе сталкивающихся с понятием стереотипа. В частности, изучаются устойчивые выражения, клише, топики, как убеждения, общие для определенного сообщества по определению О. Дюкро [2, с. 86]. С точки зрения семантики, стереотип понимается как составляющая значения, соотношенная с общепринятым мнением, выраженном в слове в конкретной культуре [9, с. 98 – 114].

Стереотипу присваивается дискурсивный характер, так как он конкретизируется, вербализируется в дискурсе, который одновременно является представлением о мире и процессом формирования этого представления. В этом процессе стереотип объединяет один дискурс с другими. Именно поэтому мы согласны с Д. Менгено [1, с. 108], в том, что любой дискурс пронизан многочисленными формами, напоминающими об уже сказанном или выраженном в образах. Всякий дискурс вписывается в общий механизм, который навязывает ему определенное распределение ролей и сценографию, заимствованные в определенной культуре. Стереотип, таким образом, как подчеркивает Молине [8], является одним из этапов доступа к общему знанию, который позволяет упростить окружающее нас пространство, предоставляя дескриптивные категории, позволяющие индивидам обрабатывать все большее количество информации. В этой связи, в ходе исследования мы столкнемся с реалиями, отсылающими к культурным ценностям, отражающими картину мира носителей французского языка и культуры, подчиняющимися дискурсивным стратегиям и тактикам говорящего, которые способствуют формированию дискурсивных стереотипов.

Стереотипизация дискурса объявлений о знакомстве наблюдается на различных уровнях. Ее можно проследить на синтаксическом уровне, в структурировании высказывания и общепринятом построении предложений:

(1) «Cécile, la vingtaine, jolie *lolita* sexy et libérée».

(2) «Claire, infirmière romantique au physique d'Angélique» [ParuVendu, № 1475 le 9 mars 2009, p. 23].

Для краткости сообщения, свойственного печатным источникам, применяется определенный шаблон объявления, заполняемый соискателями, который обезличивает сообщение. Стереотип структуры высказывания негативно сказывается на объявлении в целом, не позволяя субъекту заявить о себе. Практически в одном предложении адресант сообщает и о своем возрасте, и о статусе, и о личностных качествах.

На лексическом уровне дискурс объявлений также не отличается большим разнообразием. Как правило, женщины для представления себя предпочитают семантическое поле красоты и молодости:

(3) «Menue, longs cheveux châtain aux yeux verts, aux formes généreuses et coquines».

(4) «Un joli visage, de longs cheveux blonds, des yeux bleu-vert, aux courbes généreuses».

(5) «Brune au teint mat, de beaux yeux marrons, une jolie silhouette».

(6) «1.70 m, yeux claires, cheveux mi longs, silhouette élancée, menue, blonde, sportive, vous serez séduit par son allure moderne et jeune» (F. 52 ans) [Paru Vendu, № 1475 le 9 mars 2009, p. 23].

Выбор эпитетов, описывающих цвет глаз (yeux verts, yeux bleu-vert, yeux claires), длину и цвет волос (longs cheveux châains, cheveux mi longs), оттенок цвета кожи (au teint mat), привлекательность силуэта (formes généreuses, silhouette élancée, menue, courbes généreuses), отражает стереотипное представление о женской красоте. Причем, возраст может компенсироваться молодой походкой (6), а выбор эпитета-эвфемизма généreux (3, 4) для описания крупного телосложения или полноты подчеркивает тенденцию приукрашивать достоинства и скрывать недостатки, а существительное courbes в значении «изгибы тела» придает объявлению легкую чувственность. Краткое описание внешности по типу волосы, глаза, фигура, лишает образ адресанта индивидуальности, то этот недостаток компенсируется использованием стереотипных масок. Для краткого описания своего физического и морального портрета, что можно рассматривать как одну из стратегий самопрезентации в рамках печатных СМИ, женщины, например, прибегают к тактике выбора персонажей, одно упоминание которых создало бы емкий образ. Так, для подчеркивания сексуальности используется образ Лолиты (1). Персонаж Владимира Набокова особенно укоренился как стереотипный во французской культурной среде, где этот автор считается культовым, и где был впервые опубликован роман писателя. Юное создание, способное вызвать страсть мужчины, – таков стереотип роковой женщины, привлекающий французов. Следует обратить внимание и на орфографию слова lolita, написанного со строчной буквы. Оно стало именем нарицательным, аккумулирующим в себе набор определенных личностных черт. Другой не менее говорящий образ, – это образ Анжелики (2), соотносимый с чувственностью и красотой. Но в этом списке есть и исключения, как например использование образа Золушки.

(7) «Cendrillon ss son prince charmant» [Paru Vendu, № 1475 le 9 mars 2009, p. 23].

Стереотип бедной трудолюбивой девушки не только рисует моральный портрет адресанта, но и подкреплен клише prince charmant (в русской версии «принц на белом коне»), налагая, таким образом, обязательства соответствия на представителей противоположного пола.

Использование описанной выше тактики требует от читателей таких объявлений определенной компетенции, общего культурного багажа, однако их использование значительно экономит время и место для самопрезентации адресанта, так как аккумулирует несколько личностных черт, создавая целостный образ.

Мужчины в меньшей степени сконцентрированы на внешности, их объявления изобилуют моральными характеристиками, как правило, самыми положительными.

(8) «courageux, sérieux et généreux»,

(9) «une élégance tant physique que morale, très cultivé»,

(10) «ce séduisant médecin élégant et plein d'humour»,

(11) «courtois, intelligent, responsable et ambitieux...»,

(12) «drôle et séduisant, doux et attentif»,

(13) «bcp de dialogue et de dynamisme» [Paru Vendu, № 1478 le 12 mai 2009, p. 19].

В представлении мужчин о самих себе смешиваются семантическое поле мужественности, которое включает типично мужские черты, такие как смелость (courageux), ответственность и амбициозность (11), и черты, которые желали бы видеть в мужчинах женщины, то есть ум, обходительность (11), чувство юмора, нежность и внимательность (12). В более оригинальном варианте все характеристики адресанта представлены как общие места в дискурсе:

(14) De nature calme et discrète, réservé, ordonné et autonome, attentionné et a l'écoute de ceux que j'apprécies, mais attention, j'essaie aussi me lâcher avec les bons amis. J'apprécie la bonne humeur, les fous rires, le calme, la campagne, le soleil, les vieilles pierres, les grands espaces, la déco, l'artisanat, le romantisme, les diners aux chandelles et bien sûr mon p'tit garçon ... hummmkissou mon coeur, zet'adoreeeee" [meetic. fr].

Самопрезентация от 1-го лица в этом объявлении свидетельствует о том, что его автор ассоциирует себя с адресантом сообщения, что вызывает больше доверия со стороны читателя (о 1-м лице см.: [10]). Синтаксис объявления простой, ограничивается перечислениями качеств адресанта, что типично для объявлений о знакомстве. На лицо масса характеристик, как внешности, так и моральных качеств: спокойствие, скромность, организованность и самостоятельность, внимательность и умение слушать, способность ценить хорошее настроение, смех, солнце, старые камни, народное творчество, романтические ужины и т. д. Однако, это джентельменский набор современного французского мужчины, который мог бы сразу завоевать сердце любой женщины. Это те черты, которые чаще всего встречаются в популярных французских психологических тестах, статьях, и потому утрачивают свою исключительность, а становятся своего рода гендерными клише. Адресант не боится преувеличить в количестве характеристик. Понятно, что в данном объявлении любая женщина найдет интересующую ее черту. Оригинальность этого объявления заключается лишь в последних словах, воспроизводящих речь предполагаемой «половины» адресанта. Именно здесь излагается основное «требование», завуалированное в прямую речь с элементами звукоподражания: чтобы быть «любимым малышом». Это пожелание сочетается с заявленным выше умением «расслабляться с друзьями» и, пожалуй, в данном объявлении является самым важным, так как демонстрирует стремление автора к охране собственной территории.

Как уже отмечалось выше, автор объявления заинтересован в том, чтобы его объявление заметили и им заинтересовались. Однако пути к «популярности» адресанты выбирают различные. Автор следующего объявления без сомнения сделал ставку на оригинальность. Его объявление стилизовано под теат-

ральную пьесу. Здесь мы встречаем персонажей классических драматических текстов. Во вступлении автор, беря на себя сначала роль рассказчика, объясняет, что часто люди говорят о чем угодно, кроме любви. Он же считает, что сделать это в данном объявлении вполне уместно. Далее в беседу вступают персонажи псевдо-пьесы.

(15) Un homme glorieux et ingrat disait à propos de son amante non moins illustre mais plus charmante: "Nous parlions d'amour de peur de parler d'autre chose." C'est amusant mais ce n'est qu'un mot. Bien souvent, au contraire, on parle de tout pour ne pas parler d'amour. Ici, aumoins, c'est, paraît-il l'endroit. Je vais donc en parler sous forme d'un petit dialogue imaginaire (toute ressemblance avec des personnes réellement existantes ne saurait être que fortuite).

– Hysteria: je cherche l'inaccessible étoile. Jamais je ne la vois. C'est l'absente de tout ciel. Comme tout est couvert! Je sens venir l'orage.

– Meilcour: "orages nondésirés, éloignez-vous!" Je n'ai pas la vocation d'homme foudroyé.

– Antiope: la chasse à l'homme voilà le plus divin des plaisirs. Quoique l'amour libre...

– Meilcour: Je décline l'honneur de faire partie de votre tableau de chasse. D'ailleurs, je n'ai pas de goût pour cette pratique ni côté chasseur, ni côté gibier. Ici, Antiope, vous êtes au rayon des amants réguliers.

– Echo: Narcisse, miroir, mon beau miroir, comme j'aime me contempler en toi.

– Meilcour: En aucun cas. Le paradis, c'est les autres.

– Priscilla: Mon amour, livrez-le moi en pièces détachées: socialiste, d'accord mais tendance Delanoë; les Têtes Raides, indispensable, mais en version acoustique uniquement.

– Meilcour: une fiche anthropométrique n'épuise jamais un être. C'est quand on l'a trouvé qu'on comprend qui on cherchait.

– Céleste: mais alors, Meilcour? Qu'est-ce que c'est une vraie rencontre?

– Meilcour: un beau livre dit: "quand deux êtres se rencontrent une douce musique s'élève dans leur coeur".

– Céleste: Allez musique! Alors pour toi c'est une affaire de coeur?

– Meilcour: Mais oui. Le coeur c'est le siège de toute vie et de toutes les qualités que je révère: désir, affection, sentiment, générosité, courage, honneur, intimité [Meetic. fr].

Опубликованное на сайте знакомств, данное объявление не ограничено требованиями сжатой формы и краткости. Первое впечатление об оригинальности, однако, можно отнести только к форме, выбранной автором. В обсуждении темы «Что такое настоящая встреча мужчины и женщины?» участвуют персонажи так или иначе связанные со стереотипами любовных отношений во французской языковой картине мира. Так Meilcour с которым, видимо, себя ассоциирует автор в дальнейшем, – это главный герой романа Клода Кребийона «Заблуждения сердца и ума», написанного в 1736 – 1738 году. Этот роман получил в свое время скандальную славу, так как проповедовал свободную любовь. Юный Мейкур получает в этом романе уроки соблазнения от знатных учителей, они внушают ему, что в любви главное не любить, а быть любимым.

Другие герои или псевдо-герои из разных эпох придают беседе характер классических диалогов. Здесь мы встречаем Антиопу, скорее всего ту, что воспета Гомером в трагедии «Антиопа», а Эхо подражает голосу Нарцисса (любопытно, что эти же имена имеют и космические астероиды, не даром Hysteria, единственный из псевдо-классических персонажей в этом разговоре, упоминает звезды, среди которых ищет возлюбленного). Несмотря на оригинальность формы, выбранной для объявления о знакомстве, его дискурсивные стратегии в плане самопрезентации стереотипны. Они читаются в репликах Мейкура, прибегающего, чтобы сформулировать свою точку зрения, к синтаксическим, получившим в риторике название «общее место». Так, мы встречаем такие формулировки, как «Le paradis, c'est les autres» (рай – это другие люди), «une fiche anthropométrique n'épuise jamais un être» (антропометрические данные – не все в человеке), «C'est quand on l'a trouvé qu'on comprend qui on cherchait» (понимаешь, кого искал, когда находишь). Эти и другие изречения нравоучительного характера, которыми изобилует данное объявление, видимо должны, по мнению автора, создать ему привлекательный образ. В этой связи интересно наблюдение антрополога Клиффорда Гиртца, описанное Катрин Госн [4, с. 161 – 168]. Согласно этому наблюдению «общие места» отвечают пяти критериям: естественность в представлении очевидных фактов без субъективного отношения к ним, практичность, вызывающую к здравому смыслу и опыту, простота выражения, незначительность довода и информативная открытость. Все эти критерии мы можем наблюдать в вышеперечисленных изречениях, которые, демонстрируют общий порядок вещей. В заключении же беседы перечислены стереотипные характеристики отношений между мужчиной и женщиной, заключающиеся в желании, чувстве, привязанности, щедрости, смелости, уважении и близости. Это объявление в целом нельзя отнести к успешным, так как вместо четких формулировок читатель сталкивается с обилием текста, не подкрепленного содержанием, однако благодаря синтаксическим, демонстрирующим общий культурный опыт, дискурс самопрезентации прочитывается.

В заключение интересно взглянуть на своего рода анти-объявление, то есть объявление об отсутствии объявления. Насыщенный знаками препинания, эллиптическими конструкциями, текст не отличается ни логической связанностью, ни содержанием. Это фиктивный диалог между адресантом и потенциальным адресатом.

(16) oup's !! pas d'annonce !!! tiens !! étonnant !! alors "quoi y fait la " celui la !! depuis le temps que je patiente dans cette chambre noir, j'entend qu'on s'amuse et qu'on chante au bout du couloir ! quelqu'un a poussé le verrou? et meme si tous n'est que futilité s'il n'y a pas d'amour pas de vin! et moi je suis comme un italien quand il sait qu'il aura ...petite precision!! je m'absente pour deux mois je part pour des aventures australes retour le 03 avril avec plein d'images. venez prendre de mes nouvelles!! a tout bientôt ...peut être (орфография сохранена) [meetic. fr].

Сначала автор ставит себя на место читательницы, которая открывает его страницу на сайте зна-

комств, выражая удивление по поводу отсутствия какой-либо информации о нем. Затем высказывает свое ощущение человека, находящегося в темной комнате и ожидающего, что кто-то повернет ручку его двери. А затем делает два, видимо, магистральных заявления, соответствующих стратегии самопрезентации. Первое: даже если всё пустяки, без любви нет вина! А второе: я как итальянец, когда он знает, что получит... – дальше текст обрывается, видимо, читательницы должны знать, что чувствует итальянец и что он при этом получает. Автор заключает свое сообщение предупреждением о своем временном отсутствии на сайте и приглашением заходить на его страницу за новостями. Стратегией подобного объявления, на наш взгляд, является совершенно не продуктивная с точки зрения знакомства демонстрация независимости и даже незаинтересованности во внимании претендентов. Такое объявление подошло бы больше для публикации в социальных сетях, чем на сайте знакомств. Однако с точки зрения стереотипов оно интересно. Действительно, автор прогнозирует реакцию в форме любопытства читательницы, которая открыв его страницу, не увидела бы никакой информации, кроме текста представления. Однако, это скорее ложный прогноз, ведь как говорит статистика подобных сайтов, чем больше информации сообщает о себе человек, тем больше доверия и интереса он вызывает (хотя вопрос достоверности такой информации остается открытым). С другой стороны, налицо попытка программирования поведения читателя репликой *quoi u fait la" celui la* (а этот что здесь делает?), вложенной в уста вероятной читательницы, то есть наблюдается попытка создания поведенческого стереотипа: «если нет информации, то нужно заинтересоваться». Автор данного объявления, как и автор предыдущего, продемонстрировал свой интеллектуальный уровень, прибегнув к очередному изречению «*pas d'amour pas de vin*» (нет любви – нет вина), которое, видимо, должно означать важность для него любви в человеческих отношениях, хотя мы оставляем на суд адресатов данных сообщений все возможные интерпрета-

ции. Данное объявление в меньшей степени, чем другие, опирается на стереотипы, оно скорее побуждает к коммуникации, чем содержит намерение представить адресанта.

Нашей задачей в данной статье было на конкретных примерах увидеть, какую роль играют стереотипы в реализации стратегии самопрезентации. В результате анализа этих примеров, можно констатировать ряд закономерностей. Следуя правилам жанра самопрезентации, все авторы стремятся создать позитивный образ либо говоря о себе в 1-м лице и символизируя тем самым единство автора и субъекта дискурса. Однако чаще авторы прибегают к использованию определенного образа, маски, которая как носитель культурного кода, аккумулирует в себе определенный набор черт. Такой заимствованный образ становится стереотипным для представителей одной культуры (а иногда и общекультурным, как Золушка). К такому механизму прибегают в основном женщины. Другим важным с точки зрения самопрезентации механизмом является стереотипный выбор характеристик, свойственных представителем различных гендерных групп. Женщины, как было отмечено, выбирают для себя эпитеты, характеризующие внешность, а мужчины характер. Хотя нужно заметить, что такая тактика работает на создание образа среднестатистического носителя данных характеристик, а не рисует индивидуальный образ. Стремление к оригинальности же, как было отмечено в примерах (15), (16), не способствует удачной самопрезентации.

Не делая на данном этапе глобальных выводов о роли стереотипов в формировании дискурса самопрезентации, следует отметить, однако, что они помогают адресанту более эффективно структурировать свое высказывание. Можно отметить также, что стереотипы являются своеобразным стержнем в дискурсе самопрезентации, так как демонстрируют общую семантическую компетенцию, что способствует более успешной интерпретации дискурса самопрезентации носителями французского языка и культуры.

Литература

1. Amossy, R. *Stéréotypes et clichés. Langue, discours, société* (3-ème édition) / R. Amossy, P.-A. Herschberg. – Armand Colin, 2011.
2. Anscombre, J.-C. *Théorie des topoï* / J.-C. Anscombre. – Éd. Kimé, 1995.
3. Charaudeau, P. *Grammaire du sens et de l'expression* / P. Charaudeau. – Hachette livre, 1992.
4. Ghosn, C. *Le stéréotype stratégies discursives dans le journal télévisé de France 2* / C. Ghosn // *Le stéréotype: usages, formes et stratégies: actes du 21-e Colloque d'Albi langages et signification*. – Toulouse: Université de Toulouse-le Mirail, 2001.
5. Jakobson, R. *On language* / R. Jakobson. – Harvard University Press, 1995.
6. Leyens, J.-Ph. *Stéréotypes et cognition sociale*. trad. G. Schadron / L.-Ph. Leyens, V. Yzerbyt, G. Schadron. – Mardaga, 1996.
7. Maingueneau, D. *L'Analyse du discours en France* / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1997.
8. Moliner, P. *Images et représentations sociales* / P. Moliner. – Grenoble: Presses Universitaires, 1996.
9. Putnam, H. *Signification, référence et stéréotypes* / H. Putnam // *Philosophie*. – 1985. – № 5.
10. Желудкова, Е. Г. Изучение дискурса в рамках антропоцентрического подхода / Е. Г. Желудкова // *Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы конференций*. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – (Серия 3; вып. 2)
11. Стефаненко, Т. Г. *Этнопсихология* / Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320 с.

Информация об авторе:

Желудкова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии КемГУ, 89132870146, jld@rambler.ru.

Elena G. Zheludkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК 81'42:808:81'367.32

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ВВОДНЫХ КОМПОНЕНТОВ
(на материале французского языка)

М. Г. Ильина

PRAGMATIC AND STRUCTURE-ORGANIZING FUNCTIONS OF PARENTHETICAL ELEMENTS
(as revealed in French written texts)

M. G. Ilyina

В данной статье представлен анализ прагматических и структурно-организующих функций вводных компонентов (вводных слов и предложений), а также изучается распределение вводных конструкций по типам речевых актов.

The paper elaborates the analysis of the pragmatic and structure-organizing functions of parenthetical elements (words/sentences) in the discourse; it also discusses the distribution of parenthetical patterns of the sentence according to the types of speech acts.

Ключевые слова: вводные компоненты, вводное слово, вводное предложение, речевые акты.

Keywords: parenthetical elements, parenthetic word, parenthetical sentence, speech acts.

В настоящее время очевидным является тот факт, что невозможно исследовать текст /дискурс без учета определенных прагматических факторов таких, как контекст, субъект, адресат высказывания и т. п.

Интерес языковедов к изучению употребления коммуникантами в речи различных языковых средств, определению их прагматического потенциала [1; 2] определяется ориентацией современной лингвистики на изучение «человеческого фактора» в языке, выдвигание на первое место фигуры и роли говорящего в акте коммуникации.

Наряду с другими языковыми элементами, актуализирующими информацию, в акте коммуникации говорящий использует вводные компоненты, что усиливает воздействие речи говорящего на слушающего и делает их коммуникацию более эффективной. Кроме того, вводные компоненты способны связывать различные части высказывания.

Объектом исследования являются вводные компоненты, под которыми понимаются вводные слова, словосочетания и предложения, рассматриваемые в репликах персонажей художественных произведений французской литературы.

Материалом исследования послужили примеры, содержащие вводные элементы, взятые из художественных произведений французских писателей.

Лингвисты-романисты используют различные обозначения для наименования вводных компонентов: *mots intercalés* и *propositions intercalées* (Е. А. Реферовская, Е. П. Мартынова, J. Dubois); *propositions incidentes* или *propositions incisives*, *incise* (J. Dubois, Н. М. Штейнберг, Л. И. Илия, Л. Теньер, М. Grevisse).

Во французской грамматике выделяются два типа вводных компонентов по структурно-семантическому

признаку: вводные слова и вводные сочетания слов; вводные предложения.

В традиционной грамматике вводные компоненты рассматриваются как грамматически не связанные с членами предложения слова, сочетания слов и предложения, которые в основном служат для выражения отношения говорящего к высказываемой мысли. В предложении вводные слова выделяются паузами, пониженной интонацией и несколько ускоренным темпом [3, с. 81]. Вводные компоненты, как правило, получают свое собственное грамматическое оформление, не зависящее от членов того предложения, в которое они входят. В то же время вводные элементы часто сохраняют за собой свойство отдельного члена предложения, поскольку, включаясь в состав предложения, тем самым они семантически и синтаксически связываются с членами данного предложения, то есть вступают с ними в определенные отношения.

Существуют и нетрадиционные подходы к изучению вводных слов, словосочетаний и предложений. Так, по мнению В. Г. Гака, вводные компоненты (*mots du discours*), являются самыми важными в образовании дискурсивно-коммуникативной рамки, поскольку они касаются техники разговора, внешней стороны акта речи [5, с. 58].

Л. Теньер подчеркивает, что вообще нельзя определять предложение через слово, а только слово через предложение, так как предложение разворачивается в речевую цепочку, а слово – только сегмент этой цепочки [12, с. 158]. То есть понятие «предложение» первично по отношению к слову. Следовательно, вводные предложения, связанные по смыслу, в структурном отношении остаются независимыми, вставля-

ются внутрь другого и интеркалируются таким образом.

Е. П. Мартынова считает, что вводными словами и сочетаниями могут быть:

1. Слова или устойчивые сочетания слов, изолировавшиеся от той или иной категории частей речи или живого типа словосочетаний и выступающие исключительно в функции вводных слов: *premièrement, deuxièmement, finalement* и другие.

2. Слова и сочетания слов, которые сохраняют живые связи с различными частями речи и могут выступать как в функции вводных слов и вводных словосочетаний, так и в функции тех или других членов предложения: *en quelques mots dit, en somme, on dirait que...* [8, с. 18].

Морфологическая природа вводных слов разнообразна; во французском языке среди них есть глаголы личные и безличные, инфинитивы, императивы, предложные формы, именные сочетания, наречия, союзные конструкции и пр. В зависимости от употребления вводных слов с именными частями речи или с глаголом выделяются два типа вводных слов и словосочетаний: именные и глагольные.

Вводные слова и сочетания слов, образованные с помощью существительного, часто строятся по формуле: предлог + существительное. В таких вводных сочетаниях существительное может иметь при себе неопределенный артикль, прилагательное, притяжательное местоимение или определенный артикль, как в сочетании *du reste*: «*Du reste, tu ignores tout ce que le comte vient de te confier sur ta figure*» (Stendhal).

Что касается субстантивированных частей речи, то они встречаются гораздо реже, чем все остальные вводные слова. В основном они употребляются в художественном тексте для передачи оценки автора к сообщаемому факту. «*L'important, c'est qu'on le tient*» [цит. по: 8, с. 8].

Прилагательные могут употребляться с различными предложениями, например, *rouge sur* («конечно»), *par conséquent* («следовательно»), а также с наречиями и разного рода репрезентативами: *c'est sur* («действительно»), *bien sûr* («конечно»). «*C'est ce qui n'est pas possible seulement, c'est sûr...*» (Stendhal). В состав вводных словосочетаний могут входить местоимения, особенно местоимения с предлогами. Они образуются по обычной схеме: предлог + местоимение, где местоимение является также семантически важным. Таковы вводные слова и сочетания: *selon lui* («по его словам») и другие. «*Quant à moi, tu as changé mon caractère avec cette belle équipe...*» (Stendhal). Среди вводных слов и словосочетаний наречного типа различают: 1) собственно наречия, употребленные в функции вводных слов; 2) производные наречия с суффиксом – *ment*; 3) наречия в сравнительной степени (*d'autant plus, plus au moins*); 4) наречия в превосходной степени (*le mieux possible, de son mieux*).

Вводные элементы глагольного типа соотносятся с личными формами глаголов и инфинитивом. «*À vous parler franchement, madame, les voyages m'ont réussi*» (Mérimée). При помощи таких вводных словосочетаний говорящий выражает свое отношение к характеру, способу изложения материала: *disons* («скажем»), *à vrai dire, à vous parler franchement* («по

правде говоря», «честно говоря»), *à tout prendre* («в конечном счете»).

К вводным словам глагольного типа часто относятся и сочетания причастия или деепричастия с другими частями речи, а также *propositions participe absolues*, например: *Toutes reflexions faites, se dit-elle, il faut que je l'épouse* (Stendhal).

Вводные предложения – «это предложения, включенные в другое (основное по отношению к ним) предложение и выполняющие в нем те же функции, что и вводные слова, вводные сочетания слов [3, с. 170]. По своему содержанию они относятся непосредственно к какому-нибудь определенному слову основного предложения, поэтому обычно находятся рядом с этим словом. Если же вводное предложение относится ко всему главному, то оно находится в начале основного предложения, либо в конце.

Наиболее распространенными, по мнению Е. П. Мартыновой, являются следующие формы вводных предложений: 1) личные предложения; 2) безличные предложения; 3) неопределенно-личные предложения [8, с. 16].

В предложениях первого типа подлежащее может быть выражено именем существительным или его субститутом (субстантивированной частью речи, местоимениями), а глагол сказуемое выражает акт мысли, воли, говорения или восприятия. Например: «*Sont-ils bêtes, s'écria l'officier, c'est aussi trop fort!*» (Stendhal).

Личные вводные предложения часто строятся с помощью инверсии. Во вводных предложениях с инверсией глагол отодвинут на второй план, а подлежащее несет логическое ударение. Вводное предложение, следующее после цитаты, указывает на того, кто произносит эту фразу. Очевидно, такая реплика может быть «добавленной», «сказанной», «произнесенной». Глагол в этом случае служит только для выражения и передачи информации. Инверсия делается в том случае, когда подлежащее выражено местоимением в третьем лице или существительным. Обычно инверсия отсутствует, если подлежащее выражено личным местоимением в первом лице, с глаголами мыслительной деятельности: *je crois, je pense, j'en conviens, j'ai l'idée*. Например: «*Tu me fais la moue, je crois, je ne puis t'arracher une parole*» (Mérimée).

Хотя в прямой речи возможно употребление инверсии с личным местоимением в первом лице, особенно при глаголах говорения. Например: «*Oui, dis-je, je passerai certainement par Vittoria*» (Mérimée).

Следует также отметить, что вводные предложения чаще всего являются распространенными, то есть могут иметь различные дополнения и обстоятельства. «*Vous avez eu un accident? dit – il à l'étranger en indiquant sa joie du regard*» (Stendhal).

Иногда личные формы глаголов первого типа вводных предложений могут употребляться с наречиями в сравнительной степени. Это позволяет расширить информативный план высказывания. «*Je dirais plus: ici il faut être sincère...*» (Stendhal).

Заметим также, что глагол вводного предложения может характеризовать способ передачи информации. В таких случаях чаще всего употребляются такие глаголы, как: *grommeler* (ворчать), *murmurer* (шептать),

crier (кричать), dire (говорить), répondre (отвечать), s'écrier (воскликнуть), demander (спросить) и другие, а также faire (делать) в качестве глагола, организующего речевой акт. Например: «Rassourcis-moi les étriers, fit-elle» (Stendhal).

Личные вводные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения часто используются для выражения различного рода обращений к собеседнику. Например: «Et voyez-vous, il y a un mot effacé après...» (Mérimée).

Следующий тип вводных предложений может быть охарактеризован как безличный, поскольку в таких предложениях главный член выражен безличными глаголами со значением восприятия и мысли (paraître, rester, suffire, sembler), оформленными местоимением третьего лица единственного лица. В практической грамматике его принято считать формальным подлежащим [13, с. 61]. Безличные предложения типа: *il ne me reste que...* («мне остается только...») служат для подведения итога сообщению. Предложения с глаголами *sembler*, *paraître* выражают модальные значения, значения предположения, субъективной оценки. Безличные предложения разнообразны по значению и структуре. Они могут быть распространенными, а также составлять простое нераспространенное предложение.

В неопределенно-личных вводных предложениях подлежащее может выражаться неопределенным (*on*) или указательным (*ce*, *cela*, *ceci*) местоимением, при этом глагол-сказуемое стоит в личной форме и обозначает акт мысли или речи. Например: «Comme elle est fort élevée..., dit-on, on l'aperçoit de fort loin au milieu de cette plaine immense...» (Stendhal). Неопределенно-личные вводные предложения выполняют практически те же функции, что и личные вводные предложения, но главной их особенностью является отсутствие указания на источник сообщения. В таком случае конструкции с местоимением *on* переводятся на русский язык как: «говорят», «известно, что...» и другие.

Иногда для создания таких неопределенно-личных конструкций употребляются формы условного наклонения типа: *on dirait que...*, *on aurait dit...* («можно подумать»), («словно»), («как будто»). Например: «C'est parce que je vous aime que je vous propose cette séparation à l'aimable, comme on dirait en France...» (Stendhal). Оттенок предположения несут конструкции типа *on peut dire* («можно сказать»), *si on peut ainsi dire* («если можно так выразиться»).

Таким образом, неопределенно-личные конструкции, занимая различные позиции в предложении, могут служить для выражения уточнений, касающихся формы речи, а также организации речевых ролей говорящих.

Иногда вводные предложения трудно отличить от вводных слов и словосочетаний. Однако вводные предложения, в отличие от остальных вводных компонентов, могут быть дополнены второстепенными членами предложения, они отличаются большей конкретностью содержания и возможностью расчлененности, в то время как вводные слова и вводные сочетания слов являются в известной степени устойчи-

выми сочетаниями с более ограниченной областью применения.

Речевая деятельность человека, как и всякая его деятельность, целенаправленна. Высказывание говорится с определенной целью: выразить свои собственные чувства, отношения и вместе с тем побудить собеседника к определенным действиям, вызвать у него определенную реакцию. Общая цель, на разрешение которой направлено высказывание, называется коммуникативной интенцией.

В соответствии с коммуникативной интенцией формируются типы речевых актов [9; 11], в формировании которых, вводные компоненты играют важную роль.

Основной целью речевых актов, описывающих определенное положение дел, истинность суждения или его ложность утверждения, (репрезентативов) является выражение обязательств, принимаемых говорящим в отношении истинности определенного положения дел. Этот прагматический тип характеризуется выражением убеждения говорящего по отношению к истинности пропозиционального содержания. В примере: «...à la vérité, chaque hiver on était obligé de les (orangers) recouvrir d'un toit» (Stendhal) иллюкутивная цель вводного сочетания «à la vérité» состоит в том, чтобы выразить ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения.

Иллюкутивная цель директивов (аспективы, побуждения к действию) – заставить слушающего сделать что-либо. Они выражают психологическое состояние, потребности, желания, стремления. «Crois-moi, pour toi comme pour moi, ce serait une triste vie que celle d'Amérique» (Stendhal). Иллюкутивная сила директива «*crois-moi*» состоит в том, что он представляет собой попытку со стороны говорящего добиться того, чтобы заставить слушающего совершить некоторое действие (в данном случае – поверить в истинность суждения говорящего).

Для директивного речевого акта особую релевантность имеет социальный параметр ситуации общения, а именно – отношения, устанавливающиеся между коммуникантами. Это, прежде всего, отношения социальной иерархичности, которые содержат оценку социального статуса адресата относительно статуса говорящего. В примере: «Voyez-vous, on a beau ne pas aimer sa vieille s'être fait enrager l'un l'autre, jour et nuit, durant vingt – cinq années» (Rolland) вводное предложение «*voyez – vous*» («видите ли...») призвано привлечь внимание слушающего, вызвать его реакцию. Причем отношения между собеседниками вполне партнерские, говорящий уважает слушающего, поэтому выбирает форму повелительного наклонения 2-го лица. Кроме того, вводный элемент директивного типа подготавливает слушающего к восприятию информации.

Иллюкутивная цель комиссивов заключается в том, чтобы связать говорящего определенными обязательствами по отношению к действию в будущем. Общим смыслом высказываний комиссивного типа является принятие говорящим обязательств по отношению к действию в будущем, причем это действие, по мнению слушающего, может быть направлено как

в пользу слушающего, так и наоборот, что позволяет дифференцировать конкретные речевые акты в пределах функционального типа: обещание, клятва, угроза, предупреждение. Например: «Parole d'honneur, j'aime, sans doute, comme j'ai bon appétit à six heures! » (Stendhal). В данном случае вводные компоненты: «parole d'honneur» (клянусь честью), «sans doute» (без сомнения) усиливают иллокутивную силу клятвы.

Иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания высказывания. Эмоционально-оценочные речевые акты образуются с помощью вводных слов типа «par malheur», «par bonheur», «malheureusement». Например: «Par bonheur, ce jeune domestique était fort rangé dans sa conduite, avare même,...

Заявления типа перформативных высказываний (декларативы) предполагают то, что осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью. Успешное осуществление акта гарантирует действительное соответствие пропозиционального содержания реальности. В иллокутивных актах такого типа вводные компоненты употребляются реже, чем в остальных, так как говорящий может назначать, объявлять, выносить приговор, то есть совершать такой речевой акт, который отличается четкостью и лаконичностью [6, с. 11]. Как правило, в декларативах вводные элементы типа: *premièrement*, *deuxièmement*, *enfin*, *pour finir*, *pour commencer* используются для связывания отдельных частей высказывания, для перехода к другой мысли, а не для выражения модальной оценки.

Особенностью обращения как речевого акта вокативного типа (Д. Вундерлих и Л. П. Чахоли [цит. по: 7, с. 99]) является отсутствие у него пропозиционального содержания и замена его номинативным значением. Единственная цель речевого акта этого иллокутивного типа состоит в том, чтобы привлечь и поддержать внимание адресата. В этом пропозициональном типе реализуется метакоммуникативная функция вводных слов и предложений, направленная на включение/переключение, поддержание и размыкание речевого контакта.

Речевые акты могут быть информативными и неинформативными [5, с. 580]. К неинформативным речевым актам относятся контактоустанавливающие и эмоционально-оценочные. Они не связаны непосредственно с передачей или запросом информации. В контактоустанавливающих речевых актах происходит обмен репликами не для обмена информацией, обозначения того, что между собеседниками имеются определенные социальные отношения: к этому типу можно отнести приветствия, расспросы о здоровье. В контактоустанавливающих речевых актах часто встречаются вводные компоненты типа: «écoutez», «savez-vous...» Например: «Croyez-vous, semblait-elle dire à Fabrice, je trouverai le bonheur dans ce pays somptueux qu'on prépare pour moi» (Stendhal).

Акт речи (высказывание) может быть чисто информативным либо вместе с тем и аргументативным. Часто люди говорят, чтобы не только сообщить информацию, но одновременно и аргументировать свою точку зрения, противопоставить данную информацию возможным другим. Например, на вопрос: «— Qu'en penses-tu, elle t'aime?» герой ответил: «Elle m'aime, sans doute, mais parce que je suis un del Dongo et elle, la fille d'un bourgeois» (Stendhal). Вводное сочетание «sans doute» показывает, что фраза – результат логического вывода, подтверждения определенной невысказанной мысли.

Анализ языкового материала показал, что вводные элементы могут употребляться во всех речевых актах, но с разной частотностью. Наиболее часто вводные компоненты выступают в форме репрезентативов (49 %). Это можно объяснить тем, что в данном классе речевых актов объединено наибольшее количество иллокуций по сравнению с другими классами речевых актов.

Другой полюс – декларативные речевые акты с более редким употреблением в них вводных конструкций (1 %). Данный факт объясняется большой конвенциональностью декларативных речевых актов, господством в них устоявшихся формул, которые регулярно воспроизводятся в обществе.

Вводные компоненты в составе другого предложения формируют второй смысловой план, в котором могут содержаться субъективно-оценочные суждения, дополняющие, поясняющие содержание матричного предложения. Они формируют внешнюю модальную рамку, что более связано с семантикой, а не с синтаксисом, поэтому уместно говорить о вторичной семантической предикативности. Обладающие вторичной предикативностью языковые элементы вводных компонентов ориентированы на речевое воздействие, то есть это элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль.

Различные по структуре вводные компоненты на разных уровнях языка, включенные в дискурс, создают те условия, которые необходимы для цельного осмысления речевого акта.

Вводные элементы обладают различной семантикой, структурой и грамматическими свойствами, они выполняют различную роль в предложении, однако объединяющая их черта лежит за рамками грамматики и заключается в их прагматических и текстообразующих функциях. Вводные элементы могут указывать на степень достоверности сообщения или на источник высказывания, давать эмоциональную оценку излагаемого в предложении факта; могут содержать замечания о стиле высказывания, наконец, они могут обозначать обращенный к собеседнику призыв к вниманию.

Функционально-семантическое исследование вводных элементов показывает, что они способны выполнять следующие прагматические функции: указывать на степень достоверности сообщаемого (*en effet*, *peut-être*, *sans aucune doute*, *en réalité*, *réellement*); характеризовать речь, способы и приемы выражения мыслей (*bref*, *en un mot*, *par exemple*); указывать на источник информации (*comme on sait*, *à ce qu'on dit*, *à mon avis*, *dit-il*); устанавливать контакт с собеседником (*voyez-*

vous, vois-tu, savez-vous); вводить контраргументацию (au contraire, en tout cas, cependant, pourtant); выражать эмоциональную оценку (heureusement, malheureusement, par bonheur).

Эмоциональная оценка, выражаемая вводными компонентами, прямо связана с говорящим субъектом и отражает его личное мнение, его вкусы и интересы. Говорящий при оценивании чего-либо стремится определенным образом воздействовать на эмоциональное состояние адресата с целью вызвать эмоциональную реакцию на сказанное и изменить эмоциональное состояние собеседника, то есть сформировать у собеседника тождественное положительное или отрицательное отношение к объекту оценки.

Включение вводных компонентов в текст представляется необходимым не только в коммуникативном плане (для выразительности сообщения), но и для смысловой целостности, которая обеспечивается за счет объединения всех частей текста вокруг одной темы. Вторичной функцией вводных компонентов является функция связующего элемента в тексте. Текстообразующие функции вводных компонентов как полифункциональных элементов заключаются в реализации таких категорий текста, как когезия (связность), модальность, когерентность (последовательность) и членимость [10]. Вводные слова организуют текст: они могут играть нарративную роль начала, следования, конца высказывания (d'abord, et puis, ensuite, enfin, finalement, pour finir, pour résumer, pour commencer); связывать различные уровни текста и сверхфразовых единств. Причем вводные компоненты способны сохранить связь между событиями на уровне подтекста.

Вводные компоненты участвуют в организации смысловой целостности текстового единства для интенсификации смыслового фона основного высказывания; развития основной линии повествования; снятия двусмысленности основного высказывания; обобщения сказанного и выражения логических отношений между высказываниями и их частями.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Большой энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Советская энциклопедия, 1998. – 685 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига 2007. – 148 с.
5. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 832 с.
6. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.
7. Комина, Н. А. Систематика коммуникативно-прагматических типов высказывания / Н. А. Комина // Прагматические аспекты функционирования языка; отв. ред. А. А. Стриженко и др. – Барнаул: Алтайский гос. университет, 1983.
8. Мартыянова, Е. П. Пособие по синтаксису французского языка / Е. П. Мартыянова. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1962. – 150 с.
9. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 151 – 169.
10. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
11. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195 – 222.

Вводные компоненты необходимы для смысловой целостности текста и в экспрессивном плане. Удаление вводных компонентов из основного высказывания приводит к снижению его экспрессивной насыщенности. Содержательно-фактуальная информация основного высказывания не насыщена экспрессивно настолько, чтобы передать все эти частные смыслы в случае изъятия вводного компонента из текста [4].

Таким образом, вводные компоненты, которые обуславливаются субъективно-объективной природой, творческим замыслом автора, а также функциональным предназначением играют немаловажную роль в создании текста.

Представляя собой резко выделенные интонационно, а соответственно и пунктуационно, вводные компоненты в составе распространенного предложения любой синтаксической сложности, не относятся к конструктивно необходимым элементам предложения. Их употребление, обусловленное содержательными и коммуникативными задачами, увеличивает смысловую емкость и информативный объем высказывания. Типология речевых актов по конечной цели высказывания, взятая за основу в данном исследовании, отражает процесс приспособления говорящей личности к окружающим ее условиям, демонстрирует избирательный характер процесса создания речевого продукта.

Вводные компоненты являются точками проявления индивидуального (субъективного) начала и принимают участие в насыщении текста модальностью, которая неразрывно связана с субъектно-эмоциональным аспектом. Модальная установка, исходящая из сентенции говорящего предопределяет иллокутивную силу высказывания.

Рассмотрение вводных компонентов французского языка в качестве актуализаторов речевого воздействия, расширяет рамки теории речевых актов и вносит некоторую ясность в разработку вопросов, касающихся различных прагматических явлений и явления вводности, в частности.

12. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса; пер. с фр. Г. Б. Степанова / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
13. Шигаревская, Н. А. Новое в современном французском синтаксисе / Н. А. Шигаревская. – М.: Просвещение, 1977. – 102 с.
14. Dubois, J. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois. – Paris: Larousse, 1973. – 516 p.

Информация об авторе:

Ильина Маргарита Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французской филологии КемГУ, 8(3842)583497, verseau2002@mail.ru.

Margarita G. Ilna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК 802.0 – 024

РОЛЬ ПРОГРАММ С ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ (на примере программ машинного перевода)

Р. С. Исламов, А. Г. Фомин

THE ROLE OF PROGRAMS WITH THE ELEMENTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LIFE OF HUMANITY IN THE 21ST CENTURY (based on the example of machine translation programs)

R. S. Islamov, A. G. Fomin

Статья показывает роль программ машинного перевода, как систем, созданных искусственным путем и имитирующих работу человеческого мозга, и их влияние на формирование современной личности человека в XXI веке.

The article demonstrates the role of machine translation programs as artificially developed systems imitating human mental activity and their influence on human personality in the 21st century.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный перевод, письменный перевод, человеческое мышление.

Keywords: artificial intelligence, machine translation, translation, human thinking.

XXI век знаменует устойчивое увеличение масштабов применения искусственных интеллектуальных систем в повседневной жизни человека. Сегодня искусственные интеллектуальные системы используются буквально во всех сферах жизнедеятельности человека и кардинальным образом трансформируют условия его существования. Преобразовывая структуру повседневной жизни, технологии неизбежно изменяют тем самым самого человека. Активное применение систем с элементами искусственного интеллекта существенным образом изменяет современную повседневную реальность и формирует особый тип умонастроения и мироощущения. Примерами таких систем являются системы автономного планирования и составления расписаний для космических аппаратов, системы автономного управления транспортными средствами, системы компьютерной симуляции окружающей реальности (виртуальная среда) робототехника в микрохирургии, системы понимания и распознавания естественного языка и пр.

Что же понимается под термином «искусственный интеллект» и в чем его отличие от интеллекта естественного? Искусственный интеллект, во-первых, это теория создания программных и аппаратных средств, способных осуществлять интеллектуальную деятельность, сопоставимую с интеллектуальной деятельностью человека; во-вторых, это сами программные аппаратные средства, а также выполняемая с их помощью деятельность. Согласно определению Р. Бе-

нерджи, *искусственный интеллект* – это «мир мыслей», воплощенных в техническое устройство. Не будет преувеличением сказать, что в середине XX века произошло необычайно важное для истории цивилизации событие: «мир мыслей» и мир технических средств слились, а также мысль, впервые оторвавшись от человеческого тела, начала действовать самостоятельно [3].

Словарь по кибернетике И. И. Глушкова трактует этот термин следующим образом: «*Искусственный интеллект* – это искусственная система, имитирующая решение человеком сложных задач в процессе деятельности» [4].

Обратимся к термину *естественный интеллект*, который, по определению И. Ю. Алексеевой, обозначает способность человека к логическому мышлению, стремление к приобретению новых знаний, умение делать выводы и принимать творческие решения. На практике искусственный интеллект подразумевает собой совокупность программных и аппаратных средств, в результате использования которых получается тот же самый результат, что и у человека при решении подобного рода задач [1, с. 44 – 53].

Следовательно, поведение создаваемых человеком искусственных систем (искусственного интеллекта) может стать трудно отличимым от поведения систем естественных (интеллекта человека), а значит естественное и искусственное – взаимодополняющие понятия, задающие способы сосуществования человека и окружающего мира. Естественное и искусственное –

это не противопоставление различных качеств, они обеспечивают единство и взаимосвязь человека, продуктов его деятельности и методов познания окружающей действительности.

Здесь хотелось бы обратить внимание на эту взаимосвязь, которая прослеживается в использовании программ машинного перевода в повседневной жизни человека. Мы не станем останавливаться на рассмотрении достоинств, недостатков, качестве их реализации с технической стороны. Нас в первую очередь интересует то, как системы машинного перевода, будучи искусственными интеллектуальными системами, формируют образ мышления современного человека. Как меняются его взгляды на иностранные языки в целом и на представление о том, какую роль играет их изучение в его жизни, на его отношение к переводу и т. д.

Не секрет, что программы машинного перевода стерли практически все языковые барьеры. Количество языков в таких программах как, например Google-Translate или PROMT насчитывает десятки. Скорость обработки текста занимает в среднем от 5 до 10 секунд в зависимости от объема исходного текста и производительности компьютера. Машинный перевод «на лету» позволяет мгновенно переводить веб-страницы и сообщения электронной почты, что значительно упрощает процессы коммуникации в современном мире. Машинный перевод становится характерной чертой повседневного быта современного человека: общение с носителями иностранного языка, доступ к всевозможным иноязычным источникам информации и т. д. Основная задача этих систем – сделать их средством повышения уровня комфорта человека.

Однако в последнее время эти средства делают человека своим заложником. Основная причина – нехватка времени для постоянно растущего объема информации, который так же связан с развитием технологий в современном мире и абсолютной информационной децентрализацией. Эти технологии уже сейчас обладают основными свойствами биологического организма: веб-серверы, электронные библиотеки, базы данных и пр. «заменяют» человеку естественную память. Нет возможности усвоить весь тот объем информации, который они предоставляют. Необходим постоянный доступ к сети и возможность получать информацию на всех языках мира.

Создавая системы с элементами искусственного интеллекта, в частности программы машинного перевода, человек все чаще отдает им право принятия решений в этой области деятельности, тем самым как бы попадая в среду, которая управляется уже не им, а машиной.

Целью нашего исследования является попытка описания представлений о роли программ машинного перевода в современном мире представителями однородной социально-возрастной группы (студенческой) с разграничением респондентов на 2 группы: представителей общественно-гуманитарного направления и технического.

Представления о роли программ машинного перевода выявлены в результате лингвистического эксперимента, который проводился среди студентов 1 – 2 курсов Кемеровского государственного университета. В эксперименте участвовали студенты факультета по-

литических наук и социологии и математического факультета (всего 86 человек). Респондентам было предложено ответить на вопросы разработанной нами анкеты. Вопросы анкеты были следующими: 1) необходимы ли нам программы машинного перевода, если, да, то для каких целей? 2) воспользовались бы вы такой программой, несмотря на их несовершенство?

Результаты проведенного исследования позволяют сравнить, отношение к роли систем искусственного интеллекта, а именно программ машинного перевода, представителей общественно-гуманитарного (группа А) и технического (группа Б) направлений в аспекте выражения индивидуальных особенностей, собственных каждой из групп. Так, ответы респондентов на первый вопрос анкеты выглядят следующим образом (стиль, орфография и пунктуация в суждениях респондентов оставлены без изменения):

А: 1. Думаю, да. Потому что не нужно терять много времени за самостоятельным переводом. 2. Да – это быстрее, чем по словарю. 3. Видимо, необходимы для перевода каких-то отдельных слов. 4. Для того, чтобы узнать значения новых слов. 5. Чтобы взаимодействовать с людьми, чей язык мы не знаем. 6. В экстренных случаях для быстрого перевода. 7. Легче быстро общаться и т. д.

Б: 1. Только для перевода отдельных слов, текст нужно связывать самому. 2. Необходимы для перевода отдельных слов или словосочетаний. 3. Такие проги необходимы тем, кто только начал изучать язык или для перевода большого количества инфы. 4. Для быстрого анализа текста. 5. Да, чтобы экономить время. 6. Да, для студентов. 7. Необходимы, так как вся человеческая деятельность когда-нибудь должна заменена машинами и т. д.

Как показывают результаты, респонденты обеих групп относятся положительно к использованию программ машинного перевода, которые позволяют им: экономить время, получать общие представления об исходном тексте, переводить «непонятные» места, а так же выражать свои мысли, генерируя текст на иностранном языке в обход собственной мозговой деятельности. Считают их использование допустимым для тех, кто не владеет иностранным языком на должном уровне. Кроме этого, современное поколение осознает тесную взаимосвязь не только программ машинного перевода, но и вообще систем искусственного интеллекта с повседневной деятельностью человека.

Второй вопрос анкеты был направлен на использование программ машинного перевода непосредственно самими респондентами. Здесь были получены следующие ответы (стиль, орфография и пунктуация в суждениях респондентов оставлены без изменения):

А: 1. Воспользовался бы, если бы запутался. 2. Да, т. к. любая программа мне кажется хоть на 40 % даст точный перевод. 3. За 11 лет изучения английского и 6 лет изучения французского, ни разу не пользовалась, потому что получается неправильный перевод. 4. Скорее бы нет, потому что я смогу не правильно понять смысл текста. 5. Обязательно. Они нужны для таких ленивых людей как я. Ввел текст, один щелчок мышью и текст готов. 6. Да. Мне упрощает жизнь и тем, кому язык не нужен или не является важным и т. д.

Б: 1. Да, если бы очень хотелось узнать смысл. 2. Такими программами пользуюсь редко, так как они просто искажают структуру текста. 3. Пользуюсь при работе с иностранными сайтами. 4. Нет. Для перевода текста необходимо логическое мышление, а не компьютерные алгоритмы. 5. Стараюсь не пользоваться. 6. Я и так пользуюсь переводчиком. 7. Да и самому подкорректировать и т. д.

Из всех полученных ответов можно сделать вывод, что, несмотря на осознание несовершенства программ машинного перевода, в целом они способны удовлетворить запросы неязыкового специалиста обеих групп. То есть человека, который не будет сталкиваться непосредственно с переводом в своей профессии, не будет или не захочет углубляться в «детали» этого процесса; для которого иностранный язык необходим только на уровне бытового общения или «поверхностного» перевода интересующей его информации.

Однако следует понимать, что достаточная степень автономности и неконтролируемости программ машинного перевода со стороны человека порождает проблемы, связанные с доверием к результатам информационно-перерабатывающей деятельности. В силу невозможности личной проверки принятых машиной решений в области перевода, вызванных недостатком собственных знаний и, следовательно, полного контроля над ее деятельностью, человек в той или иной степени вынужден как бы перекладывать часть ответственности на машину. Следовательно, чем ниже уровень собственных знаний, тем выше доля этой ответственности. Что справедливо не только в области машинного перевода, но и любой другой системе искусственного интеллекта.

Рассмотрим принципиальное отличие естественного интеллекта переводчика от искусственного машинного. Вслед за Д. В. Балагановым, мы полагаем, что важными в восприятии текста на иностранном языке и переводческом процессе для человеческого сознания будут являться определенные факторы, влияющие на адекватную обработку информации. Среди них можно выделить некоторые субъективные (1) и объективные факторы (2): 1) мотивация переводчика, цели, задачи, желания, настроения и пр.; 2) характеристики текста: степень смысловой организованности воспринимаемого материала, зависимость между результативностью осмысления и плотностью смысловой связности предложений в тексте, соотношение ИЯ и ПЯ, графический вид текста, звуковое воздействие, освещение и пр.

К субъективным факторам, влияющим на понимание исходного текста, также относятся такие, как личность самого переводчика, наличие в тексте незнакомых слов, знание реципиентом грамматических явлений, прошлый опыт и знания переводчика. К числу объективных факторов, оказывающих влияние на понимание текстового сообщения, относится группа, связанная с характером исходного текста. В нее входят такие моменты, как структурные и стилистические особенности исходного текста, его специфичность и

сложность для понимания, композиционно-смысловая структура и информационная насыщенность текста, языковая выраженность смысловых отношений. Нельзя исключать и влияние ситуации, в которой выполняется перевод, а именно: психологическую атмосферу, в условиях которой осуществляется данная профессиональная деятельность, наличие справочной литературы и т. д. [2].

Итак, очевидным становится тот факт, что любая мыслительная деятельность человека – невероятно сложный и глубокий процесс, требующий всестороннего изучения. Процесс мышления человека, направленный на решение поставленной задачи, носит алгоритмичный характер. В определенные моменты могут протекать те или иные изменения как в нем самом, так и в порождении новых алгоритмов.

Можно сделать вывод о том, что мышление людей, занимающихся какой-то конкретной профессиональной деятельностью, например, переводческой, основано на применении инвариантных методов воспроизведения и запоминания информации, которые создают условия для практической деятельности и предполагают принятие соответствующих решений.

Программы, имитирующие определенные системные виды умственной деятельности человека, не могут служить базой для создания новых алгоритмов. Например, программа, которая имитирует умственную деятельность письменного переводчика, не способна создать что-то новое в этой области, отыскать принципиально новые подходы и методы перевода. Она может повторить только то, что уже было создано ранее [5].

Таким образом, хотя определенные шаги к воплощению познавательных характеристик мышления в современных системах искусственного интеллекта сделаны, но в целом эти системы еще далеко не владеют комплексом познавательных орудий, которыми располагает человек и которые необходимы для выполнения совокупности функций абстрактного мышления. Чем больше характеристики систем искусственного интеллекта будут приближены к познавательным характеристикам мышления человека, тем ближе будет их «интеллект» к интеллекту человека, точнее, тем выше будет их способность к комбинированию знаковых конструкций, воспринимаемых и интерпретируемых человеком в качестве решения задач и вообще воплощения мыслей.

Однако, несмотря на имеющиеся различия машины и мозга человека, универсальность компьютеров и их способность выполнять целый ряд логических функций не дает оснований не признавать эту деятельность интеллектуальной. Допускается создание искусственного интеллекта или машины, которая будет «умнее» своего создателя. Уже сейчас, как отмечалось выше, искусственные интеллектуальные системы, программы машинного перевода, способны моделировать коммуникационные потребности человека, а так же формировать новые.

Литература

1. Алексеева, И. Ю. Искусственный интеллект и рефлексия над знаниями / И. Ю. Алексеева // Философия науки и техники. – 1991. – № 9.

2. Балаганов, Д. В. Когнитивные процедуры понимания в письменном переводе: дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Балаганов. – М., 2002. – 202 с.
3. Бенерджи, Р. Подход к созданию искусственного интеллекта; пер с англ. С. П. Чеботарев / Р. Бенерджи; под ред. Ю. В. Бурнина. – М.: Мир, 1972. – 431 с.
4. Глушков, И. И. Словарь по кибернетике / И. И. Глушков. – М.: Наука, 1979. – 579 с.
5. Напалков, А. В. Мозг человека и искусственный интеллект / А. В. Напалков, Л. Л. Прагина. – М.: МГУ, 1985. – 280 с.

Информация об авторах:

Исламов Роман Сергеевич – аспирант кафедры теории и практики перевода КемГУ, 89617353903, r.islamov87@gmail.com.

Roman S. Islamov – post-graduate student at the Department of Interpretation and Translation, Kemerovo State University.

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, заведующий кафедрой теории и практики перевода КемГУ, 89039933444, andfomin67@mail.ru.

Andrey G. Fomin – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Interpretation and Translation, Kemerovo State University.

УДК 808.5

**КОММУНИКАТИВНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
П. А. Катышев**

**COMMUNICATIVE COUNSELING AS A BRANCH OF APPLIED LINGUISTICS
P. A. Katyshev**

В статье обсуждается проблематика коммуникативного консультирования. Последнее рассматривается как отрасль прикладной лингвистики, связанная с оптимизацией гоминизаторской (человекообразующей) функции языка и речи. Коммуникативное консультирование предполагает: 1) применение знаний о структуре и функционировании языка для улучшения использования индивидом какого-либо подъязыка или языковой и коммуникативной компетенции личности; 2) совокупность процедур, направленных на помощь человеку в разрешении коммуникативных проблем и на принятие значимых решений в сфере профессиональной, личностной и межличностной коммуникации. В публикации разбираются отдельные направления коммуникативного консультирования.

The article discusses the problems of communicative counseling. The latter is regarded as a branch of applied linguistics, related to the optimization of the hominization function of language and speech. Communicative counseling involves: 1) the application of knowledge about the structure and functioning of language in order to improve the use of a sublanguage or a language and communicative competence of personality, 2) a set of procedures designed to help people in solving communication problems and making important decisions in the field of professional, personal and interpersonal communication. The paper dealt with specific areas of communicative counseling.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, коммуникативное консультирование, гоминизаторская функция.

Keywords: applied linguistics, communicative counseling, hominization function.

Прикладная лингвистика в связи с расширением предметной области дисциплины все больше рассматривается как деятельность по применению научных знаний об устройстве и функционировании языка в нелингвистических научных дисциплинах и в различных сферах практической деятельности человека, а также как теоретическое обобщение такой деятельности [2, с. 7]. Предлагаемый А. Н. Барановым функциональный подход к прикладной лингвистике позволяет определить ее как дисциплину, в которой изучаются и разрабатываются способы оптимизации функционирования языка [там же]. Иными словами, в основу последовательного представления разделов прикладной лингвистики кладется функциональный принцип, позволяющий объединять образцы, преце-

денты, примеры прикладного моделирования в соответствии с тем, на какую функциональную сторону языка оптимизация направлена – на социальную, эпистемическую, когнитивную, информативную или какую-либо другую функцию языка. Не вдаваясь в обсуждение того, насколько оправдано такое выделение разделов прикладной лингвистики, укажем лишь на другую ветвь «эволюционного развития» «частных лингвистик», прототипом которых стала классическая риторика с ее подразделением на общую и частную отрасли культивирования и разработки знаний о возмозможности функционирования языка и выделением сфер повышенной речевой ответственности (речевой престижности) для реализации оптимизационных программ в пределах функционирования отдельного

подъязыка [8, с. 18 – 22]. Как показывает история возникновения и развития оптимизационных программ филологических дисциплин, ни функциональный, ни надсистемный (социоконтекстный) критерии не выступают еще гарантией того, что прикладное описание не остановится на полпути и перейдет с уровня теоретического обобщения на уровень регламентации, культивирования, использования в практических целях представлений о языке и речи.

Взаимодействие прикладной психологии и прикладной лингвистики устанавливает еще одну область, в которой применение лингвистических познаний о функционировании языка и речи оказывается востребованным, причем не только на уровне форм коммуникации с клиентами (пациентами), но и предмета консультативного воздействия – человеческого общения, в котором люди могут испытывать трудности коммуникативно-психологического характера и в котором они могут быть недостаточно компетентны в силу ограниченности наличного опыта. Оптимизация в таком случае не столько направлена на социальную функцию языка, сколько связана с его *гоминизаторскими* возможностями, если под гоминизацией, вслед за П. Тейяром де Шарденом и Г. Гийомом [5, с. 141; 9, с. 147], понимать участие языка (и речи) в прогрессе и возвышении человека, в формировании и предоставлении социально адекватных, приемлемых, одобряемых, престижных и продуктивных моделей социокоммуникативного поведения индивидов. Одну из областей оптимизации гоминизаторской функции языка и речи можно условно назвать коммуникативным, или коммуникативно-психологическим, консультированием. В США, в условиях «риторической демократии», подобная практика привела к появлению разнообразных объединений (ассоциаций, обществ, альянсов), а также консультантов, культивирующих искусство публичного выступления, а также обучающих ему [6, с. 38 – 41].

В понятие коммуникативного консультирования входят идеи о:

1) приложении знаний о структуре и функционировании языка для улучшения использования индивидом какого-либо подъязыка или же языковой и коммуникативной компетенции личности (по аналогии с лингвистическим консультированием; см., например [3, с. 10]);

2) совокупности процедур, направленных на помощь человеку в разрешении коммуникативных проблем и на принятие коммуникативно значимых решений в сфере профессиональной карьеры, совершенствования личности, межличностных отношений и т. д. (по аналогии с психологическим консультированием; см., например [7, с. 9]).

Таким образом, деятельность лингвиста в сфере консультирования имеет дело как с содержанием этого процесса, так и с формой и характером его протекания. В данной публикации обращается внимание преимущественно на содержание коммуникативного консультирования, или иначе – на объект консультативного воздействия. Таковыми могут выступать:

- а) язык и речь клиента,
- б) подъязыки его общения и он сам как их носитель,

в) его психические состояния, связанные с общением.

Из формулировок следует, что объект консультативного воздействия не является строго очерченным (постоянное пополнение тем персонального и группового консультирования может являться ярким тому подтверждением), связан в основном с проблемами личностного роста и развития «нормальных» индивидов. Чтобы проиллюстрировать справедливость данного утверждения, охарактеризуем специальные проблемы коммуникативного консультирования на примере тем *групповых занятий*, касающихся активизации знаний и умений в области делового общения. В основу перечня проблем, с которыми может столкнуться консультант – практикующий филолог, положен мониторинг общероссийского информационного портала «Бизнес-образование России», осуществлявшийся в период с 2010 по 2013 годы. Изучение данного информационного ресурса позволяет установить список наиболее популярных направлений коммуникативного консультирования, предлагаемых *бизнес-сообществу* и априори востребованных им в целях развития персональной и корпоративной речевой эффективности.

Консультирование по вопросам ведения переговоров. Пожалуй, самый распространенный вид коммуникативного консультирования. Специалисту важно помнить о тех основных ожиданиях и интересах, которые мотивируют клиентов посетить подобного рода групповые занятия. Это, прежде всего, усовершенствование навыков, связанных с подготовкой и проведением результативных переговоров, со способностью переносить неблагоприятное манипулятивное воздействие, эмоциональной и позиционной прессинг, с самостоятельным преодолением коммуникативной тревожности во время деловых встреч. Отсюда тот спектр проблем, которые консультанты предлагают решить в рамках проводимых ими мероприятий:

- обучение стратегиям успешного ведения переговоров, причем успешными могут признаваться противоположные по характеру влияния и способу осуществления манеры переговорного общения (как *жесткие*, так и *конструктивные* переговоры), а манипуляция может оцениваться как позитивно, так и негативно в зависимости от того, учат ли ей пользоваться или же на нее реагировать;

- освоение разновидностей переговоров, из которых приоритетными выступают интерактивные формы, выделяемые по партнеру (*переговоры с представителями власти, с поставщиками, с розничными сетями*), каналу (*переговоры по телефону*), содержанию и обстоятельствам (*сложные, нестандартные* переговоры) общения;

- работа над инициальными и ответными репликами в рамках таких фаз и ситуаций переговорного процесса, как *торги, возражения, отказы, промахи*;

- знакомство с компетенцией успешного переговорщика.

Важно отметить, что одной из надежных форм усовершенствования коммуникативных навыков является проведение *переговорных поединков* – интерактивных мероприятий, предполагающих выполнение и исполнение кейсов, направленных на решение

переговорной коллизии и задающих количество, роли и интересы участников.

Консультирование по вопросам ораторского мастерства и презентации. Это один из комплексных видов практической деятельности филолога-консультанта, требующий от специалиста учета самых разнообразных навыков, связанных с подготовкой и исполнением публичного выступления. Мониторинг предложений на оказание услуг по подготовке бизнес-оратора показывает, что консультирование в этой области предполагает работу с несколькими составляющими коммуникативной компетентности – с голосовым, вербальным, жанровым, невербальным, коммуникативно-психологическим, интерактивным аспектами ораторствования. Все они отражают основной интерес потребителя – его намерение создавать мотивирующее, запоминающееся выступление, оставляющее от оратора благоприятное впечатление.

Так, в голосе ценятся выносливость, сила, полетность, артикуляционная четкость, эмоциональная насыщенность, отсутствие единообразия в темпе, тоне, настроении.

В рамках вербального компонента существенное значение имеют жанровые особенности выступления, его выразительные композиционные и стилевые характеристики, алгоритмы подготовки побуждающего текста, учитывающие техники адаптации содержания.

Необходимость владения невербальными составляющими ораторского дискурса – позой, жестами, мимикой, передвижением по аудитории, зрительным контактом со слушателями – в настоящий момент соотносится еще и с умением использовать электронные технологии представления информации, искусное владение которыми требует навыка комбинирования визуального и аудиального элементов в рамках публичного выступления.

Коммуникативно-психологическая проблематика тренингов по ораторскому мастерству касается тем самонастроения оратора до, во время и после выступления, снятия неконструктивного отношения к страху публичного выступления, усиления уверенности, управления ораторскими эмоциями, оперативного реагирования на неожиданно возникающие обстоятельства публичного общения, механизмов мотивации и оживления внимания и интереса аудитории, понимания и запоминания текстовой информации.

Интерактивная часть тренинга готовит участников к более результативному взаимодействию с аудиторией. Это предполагает умение ориентироваться в ее типах и устанавливать соответствующую манеру общения с ней, а также вовлекать слушателей в содержание выступления, умело контролировать их активность (в том числе и в плане задавания вопросов и формулирования возражений), формировать и поддерживать доверительную и доброжелательную атмосферу общения.

Итогом такого консультирования является повышение ораторской энергетики, связанной с выходом участника занятий из «зоны собственного комфорта» [4, с. 181] для осуществления успешных презентаций и публичных выступлений.

Наиболее продуктивно проводить занятия с перерывом в несколько дней (именно поэтому ораторские

тренинги наиболее продолжительны), а отдельные встречи целиком посвящать коммуникативным играм, чтобы почувствовать специфическую манеру публичного общения каждого участника, ее «плюсы» и «минусы», и усилить эффект влияния группы на принятие оратором решения об изменении или же упрочении стиля речевого поведения. Поскольку большинство участников тренинга испытывает в той или иной степени неуверенность, нервозность, и даже страх, разумно предварительно организовать беседу на предмет выявления уровня и особенностей коммуникативной тревожности, в чем отчасти помогает самоотчет о боязни публичных выступлений, разработанный Дж. Макроски [1, с. 269 – 277]. Однако значение самоотчета не следует преувеличивать, поскольку некоторые проявления тревожности в нем не учтены (например, стремление выдавать желаемое за действительное, завышение собственных возможностей, неискренность при оценке утверждений самоотчета), отдельные ее показатели могут не осознаваться клиентами в качестве таковых, а сам страх публичного выступления может, в свою очередь, выступать заместителем объектов первичного беспокойства [7, с. 156]. Кроме того, важный момент, сопровождающий ораторские тренинги, состоит в том, что клиенты с повышенной тревожностью часто не доходят до финиша: заболевают перед каким-либо ответственным коммуникативным мероприятием, находят для себя на данный момент другие, более серьезные, занятия либо просто «пропадают».

Консультирование по вопросам делового общения по преимуществу проводится для корпоративного клиента, т. е. сотрудников одной организации, включенных в систему моделей поведения, действующих на рабочем месте. Заказчик, отправляя своих сотрудников или стажеров к консультанту, пытается ускорить их адаптацию к новой работе либо внутреннюю интеграцию коллектива. Важно понять, что консультант в таком случае лишь инициирует осознанное освоение компонентов корпоративной культуры, частями которой выступают принятая форма лидерства, стили разрешения конфликтов, действующая система коммуникации, положение индивида в организации, принятая символика (лозунги, табу, ритуалы). Востребованными объектами коммуникативного консультирования выступают:

- коммуникативные стандарты поведения, заданные ролью, должностным положением индивида в организации (в этом смысле *помощник руководителя* является одной из популярных фигур консультативного воздействия);

- деловой речевой этикет как совокупность речевых средств и правил их ситуативного использования, имеющая международный, национальный, меж- и внутрикорпоративный характер;

- письменные и устные жанры делового общения (*письмо-извинение, письмо-напоминание, письмо-приглашение, благодарственное письмо и т. д.*), а также коммуникативные формы делового взаимодействия (*совещание, переписка, разговор по телефону*) и даже производственные процессы (*call-центр*).

При освоении форм делового общения важно выяснить должностное положение клиента, круг его обя-

занностей, наиболее типичные формы и жанры, определяют язык его рабочего места. Изменению коммуникативного поведения способствуют тренинговые занятия в форме кейс-игр, в которых оттачиваются бизнес-процессы, воплощенные в речевой форме.

В качестве проблем коммуникативного консультирования также выделяются консультирование по вопросам *телефонного делового общения, речевой манипуляции и противостояния ей, разрешения конфликтов, собеседования, уверенного поведения, работы с клиентами, работы с возражениями, харизмы* (личной притягательности и эффективности).

Итак, развитие коммуникативного консультирования как отрасли прикладной лингвистики, направленной на оптимизацию гоминизаторской функции языка и речи, предполагает решение ряда важных задач. Прежде всего, это – придание коммуникативному консультированию статуса самостоятельной практики, не могущей до конца замещаться практикой любого другого, в том числе и психологического, консультирования. Во-вторых, консультативная деятельность в сфере коммуникативного мастерства способствует

переложению и популяризации общей и частных лингвистических теорий для разработки и внедрения методик формирования эффективного речевого поведения индивида и речевой культуры отдельного профессионального коллектива и организации. В-третьих, последовательное развитие коммуникативного консультирования должно сопровождаться созданием системы центров ораторского мастерства не только как коммерческих организаций, но и как лабораторий при университетах или при каких-либо других учебных заведениях, а также как некоммерческих объединений ученых, профессиональных коммуникаторов, заинтересованных лиц. В-четвертых, продвижение коммуникативного консультирования должно правильно задавать установку на восприятие обществом ценностей успешного общения, которые не состоят исключительно из системы заставших предписаний, запретов и санкций, налагаемых на коммуникацию, а представляют собой условия для эффективного (со)существования и обеспечивают стратегии личностного, социального, политического и экономического выживания субъектов общения.

Литература

1. McCroskey, J. C. Measures of communication-bound anxiety / J. C. McCroskey // Speech Monographs. – Vol. 37. – 1970. – № 4.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
3. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
4. Галло, К. Презентация. Уроки убеждения от лидера Apple Стива Джобса / К. Галло. – М.: Манн: Иванов: Фербер, 2011. – 224 с.
5. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 224 с.
6. Иванов, Л. Ю. Американская риторика / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003.
7. Кочюнас, Р. Основы психологического консультирования и групповой психотерапии / Р. Кочюнас. – М.: Академический Проект: ОППЛ, 2003. – 464 с.
8. Риторика: учебное пособие / под ред. П. А. Катыхова. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 337 с.
9. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

Информация об авторе:

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, katpa@rambler.ru.

Pavel A. Katyshev – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

УДК 811.11.2'1

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА БОЛЕЗНИ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Р. Д. Керимов

CONCEPTUAL METAPHOR OF DISEASE IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE

R. D. Kerimov

В статье представлен структурно-семантический анализ метафор концептуальной сферы-источника «Медицина», функционирующих в немецком политическом дискурсе, с позиций когнитивной лингвистики. Эта группа концептуальных метафор базируется как на узуальных, так и на окказиональных образах и описывает социально-экономическую реальность современной Германии.

The article offers a structural and functional and semantic analysis of metaphors representing the source domain “medicine” which are observed in the German political discourse from the standpoint of cognitive linguistics. This

group of conceptual metaphors, describing the socioeconomic reality of modern Germany, is based on both traditional and occasional images.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная сфера-источник, концептуальная метафора, политический дискурс, языковая картина мира, немецкая лингвокультура.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual source domain, conceptual metaphor, political discourse, language picture of the world, German language culture.

Концептуальная метафора активно участвует в получении и освоении знания и опыта соответствующей лингвокультуры, формируя таким образом в том числе и языковую картину мира. В политическом дискурсе, который обслуживает область общественно-социальных отношений, метафора выстраивает и структурирует социально-политическую реальность сообразно с интересами властной и политической элиты, причем часто она сама достраивает и переинтерпретирует объективную реальность, искажает её [3; 4; 5].

Современная немецкая политическая метафорика представляет собой упорядоченную систему образов, которая основывается на узуальных переносных значениях и развивается в повседневной политической и публицистической коммуникации. Метафорические единицы из исходной понятийной сферы «Медицина» в свою очередь вербализируют различные социально-политические и экономические явления и процессы в современной Германии медицинскими терминами и понятиями, где элементами описания являются болезни, их причины и диагностика, лечение больного (медперсоналом) и возможные исходы болезни.

Болезнь – это нарушение нормальной жизнедеятельности человеческого организма, она проявляет себя в виде определенных симптомов. Соответственно, применительно к сфере политики болезнь означает отклонение от нормального, с точки зрения политиков и партий, или планируемого развития государства, отраслей промышленности, общества, институтов государственной власти. Понятийная сфера «Медицина» структурируется тремя фреймами, каждый из которых отражает прототипическую ситуацию в политической картине мира ФРГ, объединяя переносные значения с соответствующей семантикой.

Фрейм «**Болезнь и ее симптоматика**» включает в себя как обобщённые наименования болезни, так и номинации конкретных (физических, психических и др.) заболеваний, обозначения симптомов, причин и возбудителей заболевания, ситуации получения травм, увечий.

Болезненное состояние может охватить любой объект политического ландшафта, выражая сбой в его нормальной работе: всю политику в целом, политических оппонентов, отдельные институты (например, высшее образование) и т. д. При этом в метафорическом смысле используются однокорневые имена, глаголы („die Krankheit“, „kranken“), сложные слова („der Krankheitsfall“, „das Krankheitssymptom“) и устойчивые словосочетания („im Krankheitsfall zurückdrehen“), как это отражено, например, в следующих случаях [см. список источников представленных примеров в издании: 1]:

– „Misstrauen ist für Sie eine große politische Krankheit unserer Tage“ [Rau, 2001a: 124].

– „Mir scheint für die künftige Entwicklung der Weiterbildung zunächst wichtig zu sein, dass wir einen Fehler vermeiden, an dem unser Bildungswesen bis heute krankt“ [Rau, 2002a: 249].

– „Rotgrün will die Reform der Lohnfortzahlung im Krankheitsfall zurückdrehen, der die Unternehmen in unserem Land eine Kostenentlastung von rund 20 Milliarden DM verdanken“ [Friedhoff, 1998: 4].

– „Die Schattenökonomie ist schneller als Bruttoinlandsprodukt gewachsen. Das ist in der Tat ein Krankheitssymptom. Worauf beruht diese Krankheit? Sie beruht auf einer Überforderung der arbeitenden Bevölkerung oder der Bevölkerung insgesamt durch Steuern und Abgaben, angesichts deren sie sich immer mehr Ausweichen aus der legalen Ordnung in die Schattenordnung begibt“ [Biedenkopf, 1998: 7].

– „Ich nenne nur die Rücknahme der gekürzten Lohnfortzahlung im Krankheitsfall“ [Luft, 1998a: 9].

Лексема „das Symptom“ («симптом») в последнее время активно используется в самых разных сферах социальной деятельности человека, активируя тему «идентификации» проблем, нередко речь идет о «симптомах кризиса» („Krisensymptom“) в политике или экономике, ср., например, следующие контексты:

– „Großes Interesse kann allerdings auch ein Krisensymptom sein“ [Rau, 2001b: 282].

– „Gemessen an der zur Verführung stehenden kurzen Zeit brachten die Anhörungen und die Einblicke, die wir leider nur stichprobenartig vornehmen konnten, ergiebige Hinweise darauf, daß die Vielzahl der Vorfälle mit rechts-extremistischem und ausländerfeindlichem Hintergrund Symptome sind, Symptome für die Fehlentwicklung in den Bereichen der inneren Führung, der politischen Bildung und der Traditionspflege“ [Beer, 1998: 10].

– „Liegen nicht Berichte der Arbeitsgruppen mit zum Teil schon abgestimmten Handlungsempfehlungen – die nicht nur an Symptomen laborieren, sondern bis zu den Ursachen vorgedrungen sind – vor?“ [Lüth, 1998: 13].

Актуальные для политических процессов причины болезней и недугов кроются в трех источниках: инфекции, яды (отравление ядами) и последствия внешнего негативного воздействия. «Инфекция» (вирусы, бактерии) – главный возбудитель болезни. Метафора «вирус» („der Virus“) описывает тоталитарные идеологии (например, национал-социализм), ключевые идеи которых до сих пор остаются популярными в ФРГ: „Sowohl die erweiterte NATO wie eine erweiterte EU sind also gute Medikamente, um den Virus des Nationalsozialismus in Schach zu halten“ [Rau, 2001b: 506].

«Яд» („das Gift“) – вещество, которое при воздействии на живой организм приносит вредные, губительные или даже смертельные последствия. Подобный эффект в политике могут создавать идеологии расизма и национализма по отношению к государству

и обществу, а также высокие налоги по отношению к экономическим реалиям:

– „Genau so wichtig ist es, in den Staaten Europas das öffentliche Bewusstsein für die Notlage der Migranten zu schärfen und das Gift des Rassismus und der Fremdenfeindlichkeit zu bekämpfen“ [Rau, 2002b: 218].

– „Bei der schwierigen Kapitalausstattung gerade der kleinen und mittleren Unternehmen in den neuen Bundesländern wäre diese Steuer für die Wirtschaft in den neuen Bundesländern und für die Arbeitsplätze Gift gewesen. Gegen Ihren Willen mußten wir auch dies in einem schwierigen Verfahren durchsetzen“ [Repnik, 1998a: 3].

– „Es war das Gift des Nationalismus, das dem lange Zeit guten Zusammenleben der Volksgruppen im 20. Jahrhundert weitgehend ein Ende bereitet hat“ [Rau, 2002b: 403].

В узуальном употреблении «яд» представлен в выражении: „darauf kannst du Gift nehmen“ – „das ist ganz sicher; darauf kannst du dich verlassen“ [CUGdR].

Внешнее воздействие на тело может вести к болезненным последствиям. Так, известное выражение „ein Stachel im Fleisch“ (ср. в русском языке: «сидеть как на иголках», «заноза в ...») презентует социальную проблему безработицы, которая требует безотлагательного решения, о которой нельзя забывать, ср.: „Vier Millionen Arbeitslose im Osten wie im Westen unseres Landes sind einfach ein großes, drängendes Ärgernis, sie müssen ein Stachel im Fleisch sein, der keinen ruhig schlafen lassen darf“ [Herzog, 1997: 26].

Номинации конкретных физических болезней, травм, увечий и их последствий также могут создавать традиционные метафорические образы в современном немецком социальном языке. Так, прилагательное „blind“ («слепой») в сочетании с различными именами существительными или прилагательными (в качестве атрибута, предикатива или обстоятельства образа действия) в переносном смысле описывает ментальную сферу, указывая на необдуманные, не подкрепленные никакими фактами или опытом действия (ср. в рус. языке: «слепая вера», «слепой популизм», «слепо действовать», «слепое доверие», «слепое подчинение» и т. д., а также: «политическая/идейная слепота/близорукость»):

– „Blinder Aktionismus und Verdächtigungen von Seiten der Opposition haben vor allem im Heer ein Klima von Unsicherheit und Mißtrauen erzeugt“ [Kossendey, 1998: 11].

– „Mir liegt daran zu verdeutlichen, dass nach unserer festen Überzeugung die europäische Perspektive nicht ein Modell ist, das andere blind übernehmen könnten, sondern sie unsere spezifische Antwort auf die Herausforderungen ist, die mit der Globalisierung verbunden sind“ [Schröder, 2003b].

– „Das ist ganz falsch und kurzsichtig“ [Rau, 2002a: 425].

В политической речи лексема „blind“ может получить развитие и указать на конкретную область, в которой кто-то/что-то чего-то не «видит». Так, рынок, например, не учитывает нравственной и социальной сторон жизни общества, а потому является «слепым к ценностям (морали)»: „Aber der Markt ist wertblind,

und er kann nicht ein Ordnungsrahmen für ein ganzes Gemeinwesen sein“ [Rau, 2002b: 387].

Образ «слепоты» может получать неожиданные авторские интерпретации в словотворчестве видных немецких политиков. Так, по мнению Й. Рау, тот, кто воспринимает систему высшего образования в Германии только как средство получения знаний для экономики и промышленности, «слеп на один глаз», ср., например: „Wer im Wissen nur das Werkzeug sieht und Bildung nur als das Vermitteln von Informationen begreift, der ist auf einem Auge blind“ [Rau, 2001b: 300].

Негативный образ СМИ создается еще одной метафорой из области зрения – „schielen“ («косить глазами»). В переносном значении этот глагол указывает на желание получить определенную выгоду для себя за чужой счет: „schielen“ – „2. (ugs.) b) verstohlen irgendwohin blicken“ [DGWdS]: „Er schielt nach ihrem Geld“ (= hat es darauf abgesehen), см. также:

– „Ein unverzichtbarer Beitrag dazu ist hier in Deutschland der öffentlich-rechtliche Rundfunk, der in seinem Programmangebot nicht in erster Linie auf Werbeeinnahmen und Einschaltquoten schielen muss“ [Rau, 2001b: 159].

Нарушение работы опорно-двигательного аппарата (например, «хромота»), вербализуемое глаголом „hinken“, создает впечатление об отставании в экономическом развитии: „Bei der Innovationsgeschwindigkeit hinken wir hinter den USA, aber auch den europäischen Ländern, die vergleichbar sind, hinterher“ [Schröder, 1999: 21]. „Der oft exemplarisch angeführte Vergleich insbesondere mit den USA hinkt jedoch gleich mehrfach, und zwar auf Grund der kulturellen und historischen Unterschiede“ [Mertens, 1998: 12].

В большом количестве контекстов представлено употребление лексемы „die Wunde“ («рана»), которая функционирует как самостоятельно, так и в сочетании с другими терминопонятиями из медицинской сферы („schmerzende / offene Wunde“, „Wunde schlagen / heilen“, „Wunden und Narben“), развертывающими метафорический образ разделенного на две части во время существования двух Германий Берлина, который был и на начало 90-х гг. XX в. оставался «раной» в представлениях немецких политиков:

– „Berlin war für mich immer mehr als der Ort, in dem ich wohne. Es war eine offene, schmerzende Wunde“ [Weiß, 1999].

– „Daß wirtschaftliche Hilfe für die Region Bonn selbstverständlich ist, braucht genauso wenig betont zu werden, wie die Tatsache, daß Berlin, diese verletzte Stadt, die die Wunden der Teilung noch lange spüren wird, in jedem Fall die Hilfe dieses Staates braucht“ [Iwersen, 1999].

– „Weil das machbar ist, sollte das versucht werden, so meine ich, damit wir Wunden vermeiden können, von denen wir heute nicht wissen, ob wir sie jemals schließen können“ [Kansy, 1999].

– „Aber die Wunde in Berlin wird noch lange, lange spürbar sein“ [Hilsberg, 1999].

– „In den letzten dreißig Jahren ist viel erreicht worden, dennoch stoßen wir immer wieder auch Narben und offene Wunden“ [Rau, 2000b: 270].

– „Zu den wirtschaftlichen Problemen kamen erhebliche innere Konflikte: Es gab viel Misstrauen

zwischen Baden und Württemberg, und der Kampf um den Südweststaat hatte Wunden geschlagen, die nicht so schnell wieder heilten“ [Rau, 2002b: 264].

Эти же смыслы заложены в прилагательном „wund“ («израненный; стёртый до крови; болезненный (при прикосновении)»); „eine wunde Stelle“ («больное место (также перен.)»); „ein wunder Punkt“ («(перен.) больное [слабое, уязвимое] место») [CUGdR].

В толковом словаре немецкого языка [CUGdR] отмечено выражение: „in der Wunde herumbohren [herumwühlen]“ – „j-s unangenehme Situation durch eine Äußerung noch unangenehmer, schmerzhafter machen“.

Интересные случаи метафорического словоупотребления связаны также со словами „das Trauma“ („das Trauma der Vergangenheit“), „behindern“ („sich selbst behindern“), выражающие негативные явления в истории страны и в СМИ, как это представлено, например, в следующих фрагментах:

– „Es ist ihr nämlich gelungen, das Trauma der Vergangenheit zu bewältigen und wieder Ansehen und einen gewissen Stolz zu erlangen, trotz Handicap des geteilten Deutschland, mit dem man eben leben musste“ [Hilsberg, 1999].

– „Das setzt voraus, dass alle Menschen ungehinderten Zugang zu Informationen haben und dass die Berichterstattung selber nicht behindert wird“ [Rau, 2001b: 158].

Понятие «бесплодие» характеризует в переносном смысле неразвивающуюся систему, не способную к созданию какого-либо значимого продукта: „Andererseits aber haben Kunst und Kultur auch immer mit dem Fremden, dem anderen zu tun. Kultur, die nur bei sich selbst bleibt, verodet und wird steril“ [Rau, 2002a: 141 – 142].

Наименования психических отклонений и заболеваний не столь частотны в политической метафорике, как физические болезни. Интересную интерпретацию получило высказывание 4-го федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта (1969 – 1974), которое воспроизвел почти 20 лет спустя его однопартиец по СДПГ президент Й. Рау и в котором содержится образ кратковременного и долговременного психического стресса („der momentane Stress“ / „der Dauerstress“), а также высказывание самого Й. Рау о «бешеной» манере („die Wut“) управления государством в налоговой сфере:

– „Willy Brandt hat gesagt: "Wer wollte bestreiten, dass der momentane Stress erträglicher ist als der frühere Dauerstress des Kalten Krieges““ [Rau, 2002b: 328].

– „Unternehmer brauchen unternehmerische Freiheit, wenn sie erfolgreich sein sollen. Man hört heute viele Klagen darüber – und wir haben sie eben auch wieder gehört –, dass die „Regelungswut“ des Staates diese Freiheit über Gebühr einenge, ja die Initiative sogar ersticke“ [Rau, 2002b: 461].

Одним из внешних проявлений тяжелой психической болезни является неадекватное поведение, злоба, агрессия по отношению к окружающим (глагол „toben“ («бушевать; неистовствовать; свирепствовать; шуметь, буйствовать»)), что в следующем метафорическом контексте передает негативный образ противостояния:

„Der Kalte Krieg zwischen Ost und West tobte in Deutschland besonders zugespitzt“ [Gebhardt, 1998: 2].

К сфере нервной деятельности относится и такой процесс, как «выброс адреналина» („der Adrenalinstoß“), который негативно описывает работу СМИ, постоянно гоняющихся за сенсациями и не отражающих реальную жизнь немецкого общества: „Ich will das veranschaulichen mit einem Beispiel aus einem Brief, den ich kürzlich bekommen habe. Der Absender fragt, was ist eigentlich los in einer Medienlandschaft, die offenbar von Adrenalin stößen lebt“ [Rau, 2001b: 420].

Помимо этого в политике не приветствуются оторванные от практики идеи, которые могут принести пользу только гипотетически, что приравнивается к отклонениям в психике, как это представлено лексемой „das Gedankenspiel“ («игра воображения, игра ума»), ср.: „Doch bieten die westlichen Experten selbst im Augenblick keine überzeugende Vorstellung. Sie denken in den Kategorien der Marktwirtschaft – verständlich, doch untauglich für eine Gesellschaft, die entwickelte Marktverhältnisse nie erlebt hat. Das klinisch saubere Gedankenspiel am grünen Tisch in Harvard muss hier versagen“ (BZ. 1991).

Психофизическое состояние буйства, помешательства при манифестации социально-экономических процессов создают негативный образ: „Amok laufen [fahren]“ – „in einem Anfall von Geistesgestörtheit umherlaufen, umherfahren und blindwütig töten“ [CUGdR]: „Die Dumpinglöhner haben für Zwietracht zwischen den Großunternehmen und den Mittelständlern gesorgt. Jetzt läuft die Branche Amok: Die Allianz zwischen Arbeitgebern und Arbeitnehmern ist aufgebrochen“ (Wirtschaftswoche, 1996).

Во фрейм «Лечебная медицина» включены ситуации (из)лечения пациентов (больных, заболевших), представлено описание занимающихся этим врачей и медперсонала, а также используемых ими при этом лекарственных и других лечебных средств и медицинской профилактики. Основой для метафорического переноса наименования служат механизмы уподобления по внутреннему сходству, по производимому действию и по функции, создавая негативный образ пациента (больного человека) и образ идеального врача, в услугах которого срочно нуждается немецкая экологическая политика (данный образ скорее нейтрален, поскольку он придуман, а не существует в реальной политической культуре).

Резко негативный образ «общественных неудачников» („gesellschaftliche Außenseiter“), «экономических идиотов» („ökonomische Idioten“) создал в одной из своих речей Й. Рау, который говорил о том, что в современной Германии невыгодно заводить семью в ущерб карьере, ибо это ведет к тому, что граждане несут существенные финансовые потери, как бы становясь теми самыми «неудачниками» и «идиотами»:

– „Es liegt in der paradoxen Logik der Gegenwart, dass wir zwar angeblich auf Zukunft und Wachstum ausgerichtet sind, dass sich aber gleichzeitig diejenigen, die sich trauen und zutrauen, ein Kind oder gar mehrere Kinder zu erziehen – und damit eben auch unser aller Zukunft sichern, – heute oft als gesellschaftliche Außenseiter und ökonomische Idioten vorkommen müssen“ [Rau, 2001a: 82].

Врач и терапия – важные составные части начала борьбы с болезнью. Так, например, политика в сфере климата и экологии требует искусного врача, который бы провел нужное лечение, как это описано в следующих контекстах, где морбиальная тематика разворачивается за счет введения и разворачивания большого количества лексем данной сферы, структурируя фреймируемый сегмент социальной реальности очень детально, наглядно и образно, ср.:

– Wir sollten in der Klimapolitik als ein guter Arzt handeln, der einen Patienten mit Fieber vor sich hat, aber im Blutbild keinen der bekannten Erreger feststellen kann. Er darf nicht warten, bis der Tod des Patienten den Beweis der Ernsthaftigkeit der Krankheit erbringt. Ich will damit nicht sagen, dass die Erforschung der Ursachen des Treibhauseffekts vernachlässigt dürfte. Ich plädiere dafür, mit der Therapie nicht auf die Klimakatastrophe zu warten“ [Rau, 2001b: 200].

– „Wir sollten in der Klimapolitik als ein guter Arzt handeln, der einen Patienten mit Fieber vor sich hat, aber im Blutbild keinen der bekannten Erreger feststellen kann. Er darf nicht warten, bis der Tod des Patienten den Beweis der Ernsthaftigkeit der Krankheit erbringt“ [Rau, 2001b: 207 – 208].

Среди наименований способов лечения в сфере немецкой политики используются общее лечение („heilen“) и специальные виды лечения, как «клеточная терапия» („die Frischzellenkur“), «выведение шлаков» из организма („entschlacken“), «санация» („die Sanierung“), например:

– „Wir werden daran gemessen, ob wir nach dieser Debatte wieder die Kraft und die Ruhe dafür aufbringen, uns voll und ganz anderen wichtigen Fragen zu widmen, ob wir uns nach dieser Entscheidung die Mühe machen, der einen wie der anderen Region zu einem Ausgleich zu verhelfen, um damit Enttäuschungen zu heilen“ [Homburger, 1999].

– „In Amsterdam sind nun zum ersten Mal überhaupt seit Bestehen der Verträge obsolet gewordene Bestimmungen gestrichen worden, um die Texte zu entschlacken und damit lesbarer machen“ [Fischer, 1998: 9].

– „Eine grundlegende Justizreform werden wir zügig in Angriff nehmen. Unsere Zivil- und Strafrecht ist heute noch aufgebaut wie vor hundert Jahren. Sie muß entschlackt und sie muß modernisiert werden“ [Schröder, 1999: 16].

– „Grundlage ist die Sanierung des Bundeshaushaltes: Mit dem Ziel, die Neuverschuldung bis zum Jahre 2006 auf Null zu senken, schaffen wir finanzpolitische Stabilität und geben den nachfolgenden Generationen ihre Entscheidungs- und Gestaltungsfreiheit zurück“ [Clement, 2002a: 34].

– „Ich habe versucht, hier deutlich zu machen, dass man einer Gefahr nicht erliegen darf, nämlich, dass die internationalen Finanzorganisationen völlig zu Recht sagen: "Wir brauchen ein überzeugendes Sanierungsprogramm, und wenn Ihr das implementiert habt, bekommt Ihr Hilfe". Die andere Seite, die hiesige, sagt: "Wir können erst dann die politische Kraft zur Implementierung eines solchen Sanierungsprogramms entwickeln, wenn wir zuvor Hilfe bekommen haben“ [Schröder, 2003f].

Стандартной частью лечения является введение лекарства посредством инъекции («укола»). Традици-

онными стали метафоры «финансовая инъекция» и «финансовые вливания» („Finanzspritzen“), то есть предоставление кредитов, привлечение в сектора экономики дополнительных финансовых средств, которые манифестированы, например, в следующем отрывке: „Dabei stehen die klassischen Instrumente, den Konsum und die Investitionstätigkeit durch Subventionen und Finanzspritzen zu stimulieren, nicht mehr zur Verfügung“ [Schröder, 2002: 6].

Похожий смысл передается устойчивым выражением „am Tropf hängen“ (букв.: «лежать под капельницей»), имеющим в политической коммуникации значение „Subventionen bekommen“ («получать дотации; подпитываться чем-либо») [CUGdR], например: „Allzu viel Sorgen brauchen sich die solchermaßen Bevorzugten unter den angeblich Gleichen allerdings nicht zu machen. Nur ein so großes Dritte-Welt-Land wie Indien kann es sich leisten, den Finger auf diesen wunden Punkt zu legen (und damit sein eigenes Interesse an einem ständigen Sitz anzumelden). Die meisten anderen Staaten hängen viel zu sehr am Tropf der internationalen Entwicklungshilfe, als dass sie in der UNO ernsthaft aufmucken (BZ. 1991)“. ... weil die Gemeinden in den neuen Bundesländern bis dahin kaum noch eine Möglichkeit haben, sich selbst zu finanzieren. Sie werden am Tropf hängen“ (BZ. 1991)“. „Tatsächlich aber hängt die Politik des Regierungschefs in wesentlichen Sachfragen am Tropf der SPD“ (BZ. 1992).

К реанимационным мероприятиям относятся «оживление» („wiederbeleben“, „mit Leben erfüllen“, „die Neubelebung“ и „neubelebt“), «возвращение к жизни» („ins Leben rufen“), которые в переносном смысле манифестируют различные социально-экономические ситуации, уже имевшие место в истории ранее:

– „Rotgrün will die Vermögensteuer wiederbeleben und eine Zwangsabgabe für Unternehmen einführen, die nicht ausbilden“ [Friedhoff, 1998: 4].

– „Die Grundwerte unserer Verfassung blieben tote Buchstaben, wenn sich niemand verpflichtet fühlte, sie mit Leben zu erfüllen und sich dort einzumischen, wo es um ein allgemeines Interesse geht“ [Rau, 2001b: 430].

– „Ergänzend habe ich in meinem Hause eine Task Force ins Leben gerufen, die bei Netzzugangsproblemen pragmatische und schnelle Lösungen ansteuert“ [Müller, 2003a].

– „Die deutsch-französische Zusammenarbeit besteht aber nicht allein aus Abkommen und Programmen. Genauso wichtig ist, dass es Menschen gibt, die sie immer weiter ausgestalten und mit Leben erfüllen“ [Bulmahn, 2003b].

– „Der Vertrag von Amsterdam bietet ein Programm zur Lösung dieser Herausforderungen. Was also könnte bürgernäher sein, als ihn mit Leben zu erfüllen?“ [Fischer, 1998: 17].

Композиты „die Neubelebung“ («оживление, возрождение») и „neubelebt“ (в выражении „wir waren wie neubelebt“ («мы как будто ожили»; «мы воспрянули духом»)) по своей внутренней форме передают образ обновления или нового этапа (возрождения) кого-либо (духовно) или чего-либо (материально):

Помимо этого в медицине используется операбельное (хирургическое) вмешательство (операция), в ходе которого могут быть удалены („amputieren“) по-

раженные органы и части тела. Особым случаем является «самоампутация» („Selbstamputation“). На месте ампутированной части тела может появиться «протез» („die Prothese“):

– „Mit unserer Hauptstadt halten wir nicht besser. Wie haben Sie alle hier in Westdeutschland dem amputierten Berlin nachgetrauert, und wie widerstrebend haben Sie sich an die Hauptstadtprothese Bonn gewöhnt!“ [Weiß, 1999].

– „Damit wir auch sehen, welche schreckliche Selbstamputation es gewesen ist, dass wir den Beitrag der Juden zur deutschen und europäischen Kulturgeschichte..., dass wie alles weggeschoben haben“ [Rau, 2000b: 209].

Среди психиатрических способов излечения в политической риторике присутствует «самовнушение» („die Autosuggestion“), например: „Aber was Sie gesagt haben, geht doch weit über die Grenzen der Autosuggestion hinaus“ [Buntenbach, 1998: 6].

Попытку отмены уже принятого решения и возвращения ситуации к прежнему положению дел один из немецких депутатов представил как процесс оживления похороненного трупа („der Leichnam“), который хотят вернуть к жизни посредством уколов („eine Infusion geben“): „Ja, das probieren wir jetzt“, – du hast gesagt, Bonn habe Anspruch auf umfassende Hilfe. Das klingt schon so, als wüßtest du, das hier nachher ein Leichnam zu begraben ist, der mit künstlichen Infusionen aufgepäppelt werden muß. Ich mache das gar nicht mit, nämlich jemanden abzustecken und ihn dann eine Infusion geben zu müssen“ [Titze, 1999].

Ситуация использования лекарственных средств по отношению к немецкой политике актуализируется такими лексемами, как: «лекарство» („die Medizin“), включая мифическое лекарство от всех болезней („das Allheilmittel“), «антидот» („das Gegengift“), «врачебный рецепт» („das Rezept“). «Лекарство» и «рецепт» – это планы по выведению из кризиса государственного института власти или промышленного производства. При этом отмечается, что лекарство может быть «болезненным», «горьким» и т. п., ср.:

– „Wir sagen, was not tut, wenn auch die Medizin manchmal schmerzt“ [Waigel, 1998: 4].

Слово „das Rezept“ в прямом значении относится одновременно к двум разным концептосферам: «Медицина» (врачебный рецепт) и «Гастрономия» (кулинарный рецепт), однако в метафорическом употреблении обе лексемы выражают одно и то же значение («план выхода из определенной ситуации»).

Конкретизация типа «рецепта» (медицинский или кулинарный) представляется возможной только по контексту словоупотребления в переносном смысле, например:

– „Das muss klar gegenüber denjenigen sagen, die als Patentrezept Steuersenkungen, bis der Staat draufzuzahlen ist, anbieten“ [Schröder, 2003a: 18].

– „Der Beschluss zum Zugang der Entwicklungsländer zu patentgeschützten Arzneimitteln ist ein weiterer Beweis für die wirksame Durchsetzung der Interessen der Dritten Welt“ [Eichel, 2003].

– „Verschreiben Sie allen Verantwortlichen auch weiter – so hat Willy Brandt das gesagt – die "gute Medizin der Abrüstung"“ [Rau, 2002b: 336 – 337].

– „Das Rezept kann nur lauten: mehr Einigkeit nach außen, mehr Freiheit nach innen, Beschränkungen auf wichtige Weichenstellungen“ [Herzog, 1999: 3].

– „Also wäre es wichtig, dass die argentinische Gesellschaft versteht – das ist insbesondere Sache der Eliten in diesem Lande – „dass Protektionismus kein Rezept zur Lösung der ökonomischen Krise ist“ [Schröder, 2003f].

Особым, мифологическим лекарством, не существующим в современной фармакологии, является так называемое «лекарство от всех болезней» („das Allheilmittel“) (ср. в русском языке: «панацея от всех бед»), являющееся плодом фантазии некоторых немецких политических деятелей. Под ним подразумеваются универсальные способы разрешения всех проблем:

– „Gerade deshalb sind Nationen und Nationalstaaten heute kein Allheilmittel mehr und deshalb sind größere Gemeinschaften nötig, die sie zwar nicht ablösen werden, wohl aber überwölben: an ihrer Spitze die atlantische Gemeinschaft und die Europäische Union“ [Herzog, 1997: 32].

– „Ein Allheilmittel ist der Markt gewiss nicht“ [Rau, 2002a: 194].

Интересный образ представлен в следующей идиоме, где метафорический образ дополняется игрой слов – название группы витамина одновременно является и аббревиатурой, указывающей на другое понятие:

– „Vitamin B haben“ – „Beziehungen haben“ [CUGdR] («иметь связи, знакомства; иметь блат»).

Медицинские профилактические мероприятия и, в частности, прививка („impfen“) позволяют создать политический «иммунитет» против тоталитарной идеологии, как это, к примеру, объективировано в следующем контексте: „Ich glaube, dass wir nach zwei totalitären Systemen im vergangenen Jahrhundert genügend gegen die Extremisten immunisiert sind“ [Rau, 2001b: 360].

Фрейм «Протекание болезни и ее итоги» является последним сегментом медицинской концептосферы и охватывает описание протекания (появления и развития) болезни, состояния пациента (как правило, тяжелого) и, собственно, итогов болезни (выздоровление или при неблагоприятном стечении обстоятельств летальный исход), представленные в социально-политическом дискурсе метафорическими наименованиями.

Метафорический перенос наименования в данном случае создается на основе уподобления по производимому действию и по актуализируемому внутреннему качеству.

Начало, развитие и протекание болезни описывается стандартным набором медицинских терминов („Fieber“, „Ohnmacht“, „husten“, „frösteln“ и пр.), которые проецируются в сферу социальных отношений для создания ярких и наглядных метафорических образов.

В целом болезнь характеризуется понятием боли, болезненных ощущений. Выражением «болезненные реформы» („schmerzende Reformen“) описываются определенные решения, которые снижают уровень благосостояния граждан, ср., например, о следующем контексте: „Das hat zu schmerzenden Reformen geführt“ [Rau, 2002a: 174] (букв.: «Это привело к болезненным реформам»).

Распространение в мире негативной идеологии (например, империализма в XIX в.) уподобляется распространяющейся эпидемии („grassieren“): „Die Deutschen kamen im 19. Jahrhundert, als das Fieber des „Imperialismus“ unter den Großmächten grassierte, nicht als Kolonialisten nach Sri Lanka“ [Rau, 2001b: 108].

Чувство бессилия, обморока („Ohnmachtsgefühle“), по мнению президента ФРГ, иногда характеризует современную немецкую партийную систему, хотя кое-кто из немецких политиков, наоборот, говорит о большом потенциале и силе Германии („Allmachtsgefühle“), ср.:

– „Die Parteien haben eine Zeitlang den Eindruck gemacht, sie seien zu allem fähig, Allmachtsgefühle, das hat Weizsäcker kritisiert. Inzwischen gibt es an Stelle der Allmachtsgefühle Ohnmachtsgefühle“ [Rau, 2000b: 321].

– „Das ist ein hohes Maß an Vertrauen. Aber es gibt einem natürlich auch gelegentlich ein Ohnmachtsgefühl. Ich habe ohnehin den Eindruck, dass wir in der Politik in den letzten Jahrzehnten zu oft Allmachtsgesten gehabt haben und dass wir jetzt in der Gefahr sind, diese Allmachtsgesten durch Ohnmachtsgefühle zu ersetzen“ [Rau, 2001a: 393].

Тем не менее, президент Й. Рау остерегал граждан от того, чтобы доверять как тем политикам, которые говорили о хороших перспективах «выздоровления» („Heilsversprechungen“) экономики страны, так и тем, кто говорил о «слабости» промышленности Германии („Ohnmachtsgefühle“), например:

– „Gegen alle Heilsversprechungen und gegen alle Ohnmachtsgefühle sage ich: Fortschritt nach menschlichem Maß kennt seinen Wert und weiß um seine Werte“ [Rau, 2001b: 235].

Сильное впечатление о возможных последствиях экономического кризиса для всей мировой экономики создают лексемы «чихать» („husten“) и «знобить» („frösteln“): „Wenn in Tokio oder Kuala Lumpur die Börse hustet, dann fröstelt es nicht nur die Banken in der übrigen Welt“ [Rau, 2001b: 204].

Сильные эмоциональные образы создают ситуации развития болезни при травмах, описание кровотечения, болей и т. п., причем, как правило, эти образы рисуют впечатления немецкого общества и политической элиты о временах «холодной войны», о разделении Германии и Берлина, о разделении Европы на два враждующих лагеря и пр., например:

– „Wie haben sie das gequälte, geschundene, zerrissene Berlin umhert und es 40 Jahre lang für eine bessere Zukunft am Tropf gehalten!“ [Weiß, 1999].

– „Weil dies gelungen ist, möchte ich darum bitten, daß wir nicht ausgerechnet dann, wenn bei einer Stadt, die zunächst einmal das Symbol der Spaltung Deutschlands und Europas war, die blutende Wunde langsam heilt und sie zum Symbol des Friedens wird, nicht mehr an diese Rolle glauben und ihr nicht diese Rolle zurückzugeben, die sie immer gehabt hat“ [Schwarz-Schilling, 1999].

– „Damit kann das zentrale europäische Projekt am Anfang dieses Jahrhunderts – die endgültige Überwindung der schmerzlichen Teilung Europas – erfolgreich abgeschlossen werden“ [Schröder, 2002: 19].

Обострением заболевания является «кризис» („die Krise“), который активно проецируется в разные сферы жизни человека и общества: „die Krise“ – „schwierig-

Lage, Situation, Zeit [die den Höhe- u. Wendepunkt einer gefährlichen Entwicklung darstellt]; Schwierigkeit, kritische Situation; Zeit der Gefährdung, des Gefährdetseins“ [DGWdS]: „eine wirtschaftliche, politische, materielle, finanzielle Krise steht bevor, droht, deutet sich an, wird sichtbar“; „die Krise flaut ab“; „eine schwere, seelische, geistige, moralische Krise durchmachen, überwinden“; „eine drohende Krise voraussehen“ [см. 2].

Это понятие нашло яркое метафорическое проявление в сфере экономики производства и в сфере банковской деятельности. Так, в толковых словарях зафиксированы следующие выражения, описывающие состояние и действие «кризиса» в экономике: „von einer Krise befallen sein“ («переживать (экономический) кризис»); „in die Krise hineingleiten“ («вползть в кризис»); „eine Krise heraufbeschwören“ («вызывать кризис»); „in einer Krise stecken“ («находиться в кризисе»); „eine Krise überstehen“ («выдерживать кризис»); „eine Krise überwinden“ («преодолевать кризис; выходить из кризиса»). С 2007 г. экономика США и ведущих стран мира переживает так называемый «мировой финансовый кризис» („die Finanzkrise“).

Также в экономике в целом и в банковской сфере в частности выделяют разные виды кризисов, как: „abgeschwächte; allgemeine, industrielle, kriegsinflationistische, landwirtschaftliche, latente, nichtzyklische, partielle, zyklische Krise“; „Krise der Überproduktion, der Zahlungsbilanz“ [CUGdR] и т. д.

От существительного „die Krise“ в немецком языке даже появился безличный (!) глагол „kriseln“ в значении „eine Schwierigkeit breitet sich aus“ [CUGdR]: „es kriselt“ („приближается [надвигается] кризис“).

Синонимами „die Krise“ выступают слова „die Krisis“, „die Störung“, „die Schwierigkeit“ и композиты „die Krisensituation“, „die Krisenzeit“, „krisenanfällig“, „krisenhaft“. Помимо этого как первый компонент „Krise-“ встречается в переносном значении в таких словах, как: „krisenabwendend“, „krisenanfällig“, „Krisenelemente“ (Pl.), „die Krisenerscheinung“, „krisenfest“, „die Krisenfestigkeit (der Wirtschaft)“, „die Krisengefahr“ и т. п.

Описание тяжелого состояния больного может метафорически эксплицироваться какой-либо системе (политических органов ЕС; СМИ) и быть обусловлено, например, «инфарктом» („der Infarkt“), ср.:

– „Das führt uns vor Augen, wie sehr die Bedeutung von Orientierungs- und Urteilswissen wächst. Viele sehen sich schon heute vom Informationsinfarkt bedroht“ [Rau, 2001b: 300].

– „Mit Blick auf die Erweiterung ist diese Reform zwingend, um einen institutionellen Infarkt der EU zu vermeiden“ [Fischer, 1999: 15].

В некоторых случаях трудно определиться с тем, возможно ли лечить/спасти больного, что выражается антонимичными словами „heil“ («целый», «невредимый», «здоровый») и „heillos“ («неизлечимый»), ср.:

– „Eine solche Welt ist heillos, wenn es nicht Menschen gibt, die sich gegen diese Gesetze stemmen, und zwar mit ihrem Denken, mit ihrem Reden und mit ihrem Tun“ [Rau, 2000b: 126].

– „Wir dürfen unseren Kindern nicht vorgaukeln, die Welt sei heil. Aber wir sollten in ihnen die Zuversicht wecken, dass die Welt nicht unheilbar ist“ [Rau, 2002b: 308].

Понятия «здоровый» („heil“, „gesund“) и «выздоровление» („die Genesung“) в политическом дискурсе в переносном смысле относятся к нормально функционирующей (или ставшей функционировать) системе, как социально-политической, так и экономической:

– „Ich frage mich, wie wir dieses Vorgehen Angebotspolitik nennen können. Überhaupt rate ich allen, die ökonomisch diskutieren und meinen, in der angebotsorientierten Politik liege das Heil der künftigen wirtschaftlichen Entwicklung, oder die meinen, nur auf der nachfrageorientierten Schiene liege die Zukunft des Arbeitsmarktes, endlich einmal die Scheuklappen beiseite zu lassen“ [Metzger, 1998: 7].

– „Bonn, unsere kleine Stadt, sieht gut aus. Sie sieht heil aus“ [Weisskirchen, 1999].

– „Dann kann es gelingen, dass eine wirtschaftlich gesunde Landwirtschaft auch gesunde Nahrungsmittel produziert“ [Rau, 2002a: 21].

– „Der Handel ist dabei nur ein Aspekt. Investitionen sind eine andere wichtige Stütze wirtschaftlicher Genesung“ [Müller, 2003b].

– „Die mittelständischen Unternehmen sind der Idealtyp einer gesunden Marktwirtschaft“ [Herzog, 1997: 25].

Летальный исход (смерть от болезни) представляет собой самое негативное последствие болезни, оз-

начающее полное прекращение жизнедеятельности организма, что в политике создаёт отрицательный образ какого-либо проваленного дела, негативных результатов работы:

– „Dieses Rahmenkonzept ist der letzte Beweis dafür, daß in der Forschungs- und Technologiepolitik die Rüttgersche Frischzellenkur ein Beitrag zum Exitus dieser Regierung geworden ist“ [Kiper, 1998: 4].

Таким образом, медицинские метафоры, основывающиеся, как показывает корпус проанализированного эмпирического материала, преимущественно на окказиональных, речевых метафорических образах, активно эксплицируются при описании негативных и кризисных явлений в финансовой сфере, в области экономики, а также социально-политической деятельности правительства по их устранению. При этом переосмыслению подвергаются не просто отдельные значения слов и выражений, а развернутые ситуации и фрагменты сферы медицины, создающие благоприятные условия для дальнейшего развития метафорической системы данной понятийной области при её экспликации в современном немецком политическом дискурсе.

Литература

1. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учебное пособие / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 168 с.
2. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: учебное пособие / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 160 с.
3. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 240 с.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 254 с.
5. Lakoff, G. Metaphors and war: The metaphor system used to justify war in the gulf / G. Lakoff // Thirty years of linguistic evolution: Studies in honour of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday; ed. by M. Pütz. – Philadelphia; Amsterdam: Benjamins, 1992. – P. 463 – 481.

Словари и их сокращения

6. CUGdR – Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. – München: Compact Verlag, 2007.
7. DGWdS – Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999.

Информация об авторе:

Керимов Руслан Джаваниширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (384-2) 58-34-97, kerimovrus@rambler.ru.

Ruslan D. Kerimov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина

METAPHORIZATION OF BIBLICAL NAMES AND EVENTS IN THE GERMAN SOCIAL COMMUNICATION

R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina

В статье представлен лингвокультурный анализ библейских антропонимов, топонимов и сюжетов, которые послужили источником метафоризации в немецкоязычной социальной коммуникации. Данные виды библеизмов основываются на узуальных значениях и в полной мере отражают реалии общественно-социальной и политической жизни современной Германии.

The paper is dedicated to the linguocultural analysis of biblical anthroponyms, toponyms and events servig as a source domain for metaphorization in the German social communication. These groups of biblical images are based on usual meanings and fully describe societal and political features of modern Germany.

Ключевые слова: метафора, языковая картина мира, немецкая лингвокультура, библеизм, социальная коммуникация, политический дискурс.

Keywords: metaphor, language picture of the world, German language culture, biblical proper name, social communication, political discourse.

Религия и конфессиональная принадлежность – важнейший социальный признак человека. Религиозная принадлежность человека является важной стратификационной характеристикой в человеческом обществе, даже важнее национально-этнической принадлежности, ибо религия определяет в общих чертах весь уклад жизни человека, его мировоззрение, культуру, язык, манеру поведения и общения с представителями своей и иных конфессий. Помимо этого, религия может выполнять в жизни человека и общества в целом такие функции, как культурно-образовательную, идеологическую, сакральную, функцию морально-этического регулятора и т. д., что находит свое выражение в священных и сакральных текстах, в церковных традициях (праздниках), в ритуалах и т. п.

Немецкий этнос и немецкое общество в силу исторически сложившейся традиции причисляется в целом к христианской церкви (не смотря на постоянный рост в XX в. роли ислама в связи с наплывом в Германию и получением немецкого гражданства выходцев из мусульманских стран, и в первую очередь – из Турции). В связи с этим существенное влияние на немецкую культуру и на язык оказало христианство и в частности Священное Писание христиан – Библия. В своем подавляющем большинстве к христианским конфессиям (католической и протестантской) относятся и немецкие политики (члены правительства и депутаты), что в свою очередь предопределяет проникновение библейских образов в немецкую политическую культуру.

Из данных образов актуальными в современно немецкой политической картине мира представляются в первую очередь библейские антропонимы и топонимы, а также наиболее известные сюжеты, описывающие в переносном смысле социально- и общественно-политические явления, действия и отношения. Так, в языке политики метафоризации подвергаются и сами наименования «Библия», «библейский» и «Завет». Слово „die Bibel“, означающее сакральный текст христианства, в переносном смысле сохраняет сему

«главный труд» / «основополагающий текст», например: „Kapital“ ist die Bibel der Marxisten“ (d. h. „bedeutsames, [unbedingt] maßgebendes Buch, an dem sich die Marxisten orientieren“) [DGWdS] («"Капитал" – это библия марксистов»).

Слово, обозначающее текст христианского святого писания «Завет» (Ветхий, Новый) – „das Testament“, имеет в немецком языке еще одно значение – «завещание» („die letztwillige schriftliche Erklärung, in der jemand die Verteilung seines Vermögens nach seinem Tode festlegt“ [DGWdS]). В следующем метафорическом контексте образ может быть понят двояко: когда депутат от оппозиции говорила о проекте бюджета страны, то, либо она имела в виду, что это последний законопроект правительства Г. Коля (и тогда это будет его «завещание»), либо имелось в виду, что правительство придает слишком большое значение продвижению данного законопроекта и всячески его пробивает, что сродни поклонению своему собственному «Завету», ср. [см. список источников представленных примеров: 1]: „Alles im allen ist das, was die Bundesregierung vorlegt, eigentlich ihr Testament“ [Luft, 1998: 9].

Выражение „das steht schon in der Bibel“ (букв.: «это уже есть в Библии») в немецком разговорном языке получило значение „(ugs.) etwas ist eine alte Weisheit“ [DGWdS]. Прилагательное «библейский» („biblisch“) в свою очередь также апеллирует к «библейской мудрости» во фразах типа: „sich biblisch ausdrücken“; „ein biblisches (= sehr hohes) Alter erreichen“ («библейский (= преклонный) возраст»).

Среди библейских антропонимов большую известность и широкое распространение в метафорическом и метонимическом смыслах получили имена И. Христа, его учеников (апостолов) и персонажей популярных сюжетов. И. Христос и его ученики считаются основателями христианской церкви, а фигуры основателей и ключевых деятелей являются важной частью христианства, они особо почитаются, и с их именами связано множество обрядов, культовых

предметов, праздников. Наименования ключевых мировых вероисповеданий и их приверженцев и последователей часто восходят непосредственно к соответствующим именам их основателей, хотя ввиду долгого использования их этимология уже никем из носителей языка так буквально не воспринимается и напрямую, без обращения к соответствующим источникам уже не прослеживается. Так, имя Иисуса Христа („Jesus Christus“, „Christus“, „Christ“) дало наименование «христианству» („das Christentum“), «христианам» (т. е. «верующим в Христа»), а посредством сложных слов с соответствующими компонентами и прилагательного «христианский» вообще любой реалии, так или иначе связанной с «христианской верой».

Интересно, что слово «христианин» всегда было и является в немецком языке самостоятельным, а производным от фамилии И. Христа оно стало ещё в латинском языке, откуда оно было заимствовано в древневерхненемецкий язык, а в латинский язык слово «Христос» попало из греческого языка, в который в свою очередь оно пришло как субстантивированное причастие второе из (на данный момент уже мертвого) древнеарамейского языка (предположительно, родного языка самого Иисуса Христа), современный потомок которого – арамейский язык, находится сейчас (к сожалению) на грани вымирания.

– „der Christ“ – „[mhd. kristen < ahd. kristani < lat. christianus, zu: Christus = der Gesalbte < griech. christys (subst. 2. Part. von: chrnein = salben) für aram. masoah, Messias]“: „jemand, der sich als Getaufte zur christlichen Religion bekennt; Anhänger des Christentums“ [DGWdS]: „ein gläubiger, überzeugter Christ“; „als [guter] Christ leben, sterben“.

– „die Christin“ – „w. Form zu ¹Christ“ [DGWdS].

Прилагательное «христианский» и «христианство» в свою очередь не были заимствованы, а появились в самом немецком языке в древневерхненемецкий период по соответствующим словообразовательным моделям немецкого языка:

– „christlich“ (Adj.) [mhd. kristenlich] – „a) auf Christus, dessen Lehre zurückgehend“: „die christliche Taufe“; „der christliche Glaube“; „b) der Lehre Christi entsprechend“: „christliche Nächstenliebe“; „Wir sollten nicht christlicher als Christus sein“; „christlich handeln“; „Sie hat die Schokolade christlich mit ihm geteilt (hat ihm das größere Stück gegeben)“; „c) sich zum Christentum bekennt“: „die christlichen Kirchen“; „d) im Christentum verwurzelt, verankert“: „die christliche Kunst“; „die Kultur des christlichen Abendlandes“; e) „der christlichen Kirche entsprechend; kirchlich“ [DGWdS]: „ein christliches Begräbnis erhalten“.

– „das Christentum“ [mhd. kristentuom] – „a) die auf Jesus Christus, sein Leben und seine Lehre gegründete Religion“: „sich zum Christentum bekennen, bekehren“; „b) individueller christlicher Glaube“ [DGWdS]: „ein oberflächliches, orthodoxes Christentum vertreten“; „praktisches (im täglichen Leben verwirklichtes) Christentum“.

От фамилии Христа образуется также антонимичная форма с префиксами „anti-“ и „wider-“ (в русском языке: «антихрист»), имеющая два значения: «противник христианства» (христианской веры) и «искуситель, сатана», причем оба имени существительных

в первом значении склоняются по слабому типу, а во втором – по сильному (или вообще афлексивно), ср.:

– „der Antichrist“ [mhd., ahd. Antikrist < spätlat. antichristus < griech. antichristos] – „1. der Widersacher Christi, der Teufel“: „Sie sah in Hitler die Personifikation des Antichrist“ (Spiegel, 45, 1977, 57). „2. Gegner des Christentums“ [DGWdS]: „er ist ein überzeugter Antichrist“; „als sich in den Gemächern des Vatikans Christ und Antichrist die Hand reichten“ (Spiegel 7, 1967, 70).

– „der Widerchrist“ – „1. Antichrist (1)“: „Joachim von Fiore, so hieß es, habe Konstanze mit einem Dämon schwanger gesehen und bezeichnete nun den Neugeborenen als den kommenden Widerchrist“: „2. (selten) Antichrist (2)“ [DGWdS].

Противоположностью для понятия «христианский» является однокорневой антоним с приставкой „un-“ („unchristlich“) («нехристианский»): „unchristlich“ (Adj.) – „nicht christlich (b)“ [DGWdS], ср.: „unchristlicher Hass“; „sich unchristlich verhalten“.

В истории христианства теологи выделяют «раннехристианскую эпоху» („das Urchristentum“, „urchristliche, frühchristliche, altchristliche Zeit“), когда христианство только начало свое распространение среди других (не только иудейского) народов. Период истории до рождения И. Христа именуется «дохристианским» („vorchristlich“), а современная эпоха (начиная с момента рождения Христова) именуется собственно «христианской» („nachchristlich“). Условная общность всех христиан, христианских церквей, стран с ведущей религией христианством обозначается „die Christenwelt“ (также разнзначным словосочетанием „christliche Welt“) («христианский мир») и „das Weltchristentum“ («мировое христианство»), а также „die Christenheit“ (как совокупность верующих христиан).

Помимо собственно теологических и повседневно-бытовых реалий имя Христа является в современной немецкой политике маркированным, поскольку входит в составное наименование одной из крупнейших и ведущих партий в послевоенной истории Германии – „die Christlich-Demokratische Union“ („die CDU“) (ее официальное название в русском языке: «Христианско-демократический союз» («ХДС»)), которая до 1990 г. действовала только в ФРГ (в ГДР была своя такая партия: „Christlich-Demokratische Union Deutschlands“ („die CDU“) = «Христианско-демократический союз Германии» (сокр.: «ХДСГ»)), а с 1990 г. (со времени объединения) – на всей территории Германии (к ней примкнула, в том числе, и восточногерманская партия ХДСГ), кроме Баварии, где действует своя самостоятельная партия как некий «филиал» «головной» партии: „die Christlich-Soziale Union“ („die CSU“) («Христианско-социальный союз» («ХСС»)) [CUGdR] (в бундестаге ХДС и ХСС всегда образуют единую фракцию «ХДС/ХСС»).

При образовании партии в трех Западных оккупационных зонах сразу же после поражения Германия во второй мировой войне компонент „Christlich“ в названии, как предполагалось ее основателями, должен был указывать на то, что партия ставила в качестве одной из своих задач пропаганду христианской морали и человеколюбия (учитывая печальный опыт немцев в только что ими проигранной страшной войне и

появление реальных данных о преступлениях нацистского режима) (в противоположность Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая традиционно отстаивала права рабочих и рабочего класса), защиту прав крестьянства (в связи с чем даже партийным цветом был избран «черный»), а также социализацию и адаптацию к новой, мирной жизни бывших военнослужащих вермахта, СС и партийных функционеров НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) среднего и низшего звена, которые не попали в поле зрения Нюрнбергского трибунала, а потому с окончанием войны остались без определенного (на тот момент) социального статуса, работы и т. п. (СДПГ не занималась последним напрямую, поскольку ее деятельность в годы нацистского режима была запрещена, а ее лидеры преследовались нацистами, в связи с чем социал-демократическая партия не могла себе позволить защищать интересы бывших нацистов и их приспешников).

Партийные деятели и рядовые члены ХДС и ХСС в немецком языке именуются «христианскими демократами», а что касается партии и ее членов, то указание на них может быть осуществлено относительным прилагательным „christdemokratisch“ («христианско-демократический»):

– „der Christdemokrat“ – „Mitglied einer christlich-demokratischen Partei“ [DGWdS], ср.: „die italienischen Christdemokraten verloren an Stimmen“.

– „die Christdemokratin“ – „w. Form zu Christdemokrat“ [DGWdS].

– „christdemokratisch“ (Adj.) – „die Christdemokraten betreffend, charakterisierend“ [DGWdS].

– „christdemokratische Abgeordnete“ («депутаты от Христианско-демократического союза (ФРГ)»).

В разговорной речи и в политическом жаргоне представители ХДС/ХСС именуются одним общим словом „Unionschrist(in)“:

– „der Unionschrist“ – „(Jargon) Mitglied der Christlich-DEMokratischen oder der Christlich-Sozialen Union“ [DGWdS].

– „die Unionschristin“ – „w. Form zu Unionschrist“ [DGWdS].

В Австрии в 1887 – 1945 гг. действовала «Христианско-социальная партия» („die Christlichsoziale Partei“), преемницей которой в 1945 г. стала «Австрийская народная партия» („die Österreichische Volkspartei“) („die ÖVP“) – одна из ведущих политических партий современной Австрии. Помимо этого имя прилагательное „christlich“ встречается в историческом наименовании Австрии 1934 – 1938 гг.: hristlicher deutscher Bundesstaat Österreich auf berufsständischer Grundlage (Ständestaat)“ («Христианское германское федеративное государство Австрия на сословной основе (Сословное государство)») – это Австрийское государство в 1934 – 1938 гг., когда у власти находились авторитарные политические режимы Э. Дольфуса и К. Шушница.

В целом следует отметить, что в толковом словаре Duden [DGWdS] содержится около 100 словарных статей на производные или составные (часть композита или словосочетания) слова от имени Христа, в которых отражены около 250 словарных значений.

К другим актуальным действующим лицам, представленным в Библии, относятся, помимо прочего: Моисей, 40 лет водивший евреев в поисках Земли обетованной; Давид, победивший Голиафа; «Иуда (Искариот)» („Judas Ischariot“), предавший Иисуса; Фома, ученик Христа (вошедший в христианскую культуру под прозвищем «Неверующий»), а также «левиафан» – библейское (мифическое) морское чудовище, символ хаоса и враждебной Богу силы.

Победа Давида („David“) над Голиафом („Goliath“) символизирует победу хитрости, смекалки, а также победу справедливости или заведомо (апостериори) более слабого над более сильным.

Образ Моисея („Moses“) встречается в окказиональном экономическом понятии „die Soziallehre Moses“ (букв.: «социальное учение Моисея»), которое апеллирует к представлению о земле обетованной, где текут «молоко и мед», ср.: „Das sind ganz materielle Interessen. Sie haben das die „Soziallehre Moses“ genannt. Er hat ja bei der Beschreibung des gelobten Landes auch nicht nur von spirituellen Dingen gesprochen, sondern ein Land verheißen, in dem Milch und Honig fließt“ [Rau, 2001a: 125].

В разговорном немецком языке имя Моисея и других пророков представлено в выражении „Moses und die Propheten“ в значении «деньги, деньжонки, деньжата» (букв.: «Моисей и пророки») [CUGdR]. В морском жаргоне моряки «Моисеем» в шутку называют юнгу и боцмана, а также маленькую лодку на корабле, причем оба эти значения восходят к одному событию – легенде о том, что младенцем Моисей был спасен матерью, которая положила его в корзинку и отпустила плыть по Нилу, поскольку фараон приказал утопить всех новорожденных детей израильтян, чтобы уменьшить их численность; маленького Моисея нашла в этой корзинке дочь фараона, которая пошла купаться, и взяла его к себе на воспитание во дворец фараона, где он и вырос (под «юнгой», «боцманом» подразумевают самого Моисея, а под «лодкой» – его корзинку).

Иуда (Искариот) в свою очередь стал символом предательства: „jemand, der treulos an jemandem handelt, ihn heuchlerisch verrät“ [DGWdS]. С фигурой Иуды Искариота и известным сюжетом о предательстве связан также образ тридцати сребреников – сумма, за которую Иуда продал Христа. В немецком языке этот образ вербализуется композитами „der Judaslohn“ и „das Judasgeld“ (букв.: «вознаграждение / деньги Иуды»), которые в переносном смысле соответственно стали выражать значение «вознаграждение за предательство».

Ставшее распространенным выражение «Фома Неверующий» („ein ungläubiger Thomas“) возникло из соответствующего библейского сюжета, когда один из учеников Христа не поверил в его воскрешение, что в современном языке закрепилось в значении „jemand, der nicht bereit ist, etwas zu glauben, wovon er sich nicht selbst überzeugt hat“ [DGWdS].

Еще один библейские персонаж – «фарисеи» – религиозно-идеологические оппоненты И. Христа – в переносном значении сохраняют негативную оценку и соответствующие коннотации «ханжа, лицемер»:

– „der Pharisäer“ [spätlat. *Pharisaeus* < griech. *Pharisaios* < aram. *pərūšīm* (Pl.), eigtl. = die Abgesonderten; 2: nach Luk. 18, 10 ff.; 3: das Getränk soll den Anschein erwecken, man trinke keinen Alkohol, sondern nur Kaffee] – „1. Angehöriger einer altjüdischen, die religiösen Gesetze streng einhaltenden Partei“. „2. (geh.) selbstgerechter, hochmütiger, heuchlerischer Mensch“ [DGWdS].

Следует отметить, что переносное значение присутствует не только у имени существительного, но и у соответствующего прилагательного („pharisäisch“), а вот у именных суффиксальных дериватов с собирательным значением („das Pharisäertum“, „der Pharisäismus“) в качестве основного (и единственного) отмечено только значение «фарисейство, ханжество, лицемерие».

Имя упоминающегося в Библии римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата („Pontius“) используется в разговорном языке в составе выражения „von Pontius zu Pilatus laufen“ – (ugs.) „in einer Angelegenheit viele Wege machen müssen, von einer Stelle zur andern gehen bzw. geschickt werden (eigtl. = von Herodes zu Pontius Pilatus laufen, nach Luk. 23, 7 f.; später alliterierend umgestaltet nach dem Namen des röm. Statthalters Pontius Pilatus [gest. 39 n. Chr.] im damaligen Palästina“ [DGWdS]: „Er ist von Pontius zu Pilatus gelaufen, um eine Wohnung zu bekommen“.

Библейский антропоним «Абрам» („Abraham“) представлен в идиоме: „wie in Abrahams Schoß“ – (ugs.) „sicher und geborgen; gut aufgehoben (nach Luk. 16, 22)“ [DGWdS]: „Bei mir bist du sicher. Wie in Abrahams Schoß“ (ср. в русском языке: «(жить) как у Христа за пазухой»).

Имя Матфея (автора одного из четырех евангелий Нового завета) встречается (в форме родительного падежа) в идиоме со значением «с кем-либо все кончено; чья-либо песенка спета»: „bei j-m ist Matthäi am Letzten“ – „(ugs.) jemand ist finanziell oder gesundheitlich am Ende (wohl in Anspielung auf das in den letzten Worten des Matthäusevangeliums ausgesprochene Ende der Welt, eigtl. = am Ende des Matthäusevangeliums)“; „es ist Matthäi am Letzten“ – „(ugs.) es ist das Schlimmste zu erwarten“ [DGWdS], где обыгрываются последние слова из Евангелия от Матфея, повествующие о конце света, т. е. в буквальном смысле «в конце Евангелия от Матфея». В современном разговорном языке это выражение используется для обозначения финансовых проблем или физического нездоровья, ср.: [CUGdR]:

– „bei ihm ist Matthäi am letzten“ ((разг.) «у него в кармане пусто, у него все деньги вышли»);

– „mit ihm ist (es) Matthäi am letzten“ ((разг.) «его дела плохи, он недолго протянет, он доживает последние денёчки»);

– „das ist Matthäi am letzten“ ((разг.) «дальше этого нельзя, это крайний срок»);

– „es ist noch nicht Matthäi am letzten“ («не всё ещё пропало»).

В состав нескольких устойчивых выражений с негативной оценочностью входит имя другого персонажа библейских сюжетов – апостола Иакова („Jakob“), получившего в разговорном языке переносное значение «торговец дешевыми товарами»:

– „billiger Jakob“ – „(ugs.) Händler, bei dem die Waren besonders billig sind“ [DGWdS], например: „Auf dem Jahrmarkt war diesmal kein billiger Jakob“; „Feature über Marktschreier, billige Jakobs und andere „Enter-tainer an der Verkaufsfront“ (Spiegel, 14, 1979, 248).

– „den billigen Jakob abgeben“ – „(ugs.) als einfache, oberflächliche Begründung, Entschuldigung dienen“ [DGWdS].

– „das ist [auch nicht] der wahre Jakob“ – „(ugs.) das ist jetzt [auch nicht gerade] das Richtige (wahrscheinlich zurückgehend auf den Apostel Jakobus d. Ä., der der Legende nach in Santiago de Compostela in Spanien begraben liegt, aber von Pilgern oft anderswo an falschen Gräbern gesucht wurde; nach anderer Deutung auf den biblischen Erzvater Jakob, der sich nach 1. Mose 27, 6 ff. für seinen Bruder Esau ausgab, bezogen)“ [DGWdS]: „du bist mir der wahre Jakob!“ («Ты-то мне и нужен!» «Тебя-то я и ждал!»).

Чудовище «Левиафан» („Leviathan“) в политической культуре стало обозначением «тоталитарного государства» (по названию одноименной книги Т. Гоббса). Так, президент Германии Й. Рау (1999 – 2004) считал, что государство должно защищать безопасность граждан, но при этом не ущемлять их прав и свобод, чтобы не превратиться в «левиафана», см.:

– „Ich habe eingangs Thomas Hobbes genannt. Mit ihm verbinden wir das Bild vom übermächtigen staatlichen Leviathan, dessen Schutz und Fürsorge für den Einzelnen leicht zur Bedrohung und Bedrückung werden kann. Für ein solches Monstrum ist in der freiheitlichen Ordnung des Grundgesetzes kein Platz“ [Rau, 2002a: 318].

Помимо сюжетов, связанных с конкретными библейскими персонажами, в повседневной немецкой социальной коммуникации эксплицируются в метафорическом смысле события, описанные в Библии, но не привязанные к определенной фигуре. Так, из представленных в социальной коммуникации библейских сюжетов наибольшей популярностью пользуется история о сорокалетнем странствовании евреев по пустыне и связанными с этим путешествием событиями, из которых в словарь в виде устойчивых выражений попали такие, как, например, «манна небесная», «поклонение золотому тельцу» и пр.

Образ «манны небесной» („das/die Manna (vom Himmel)“) в следующем контексте описывает ситуацию получения чего-то даром, без затраченного труда. Получение, достижение чего-либо своим собственным трудом в контексте может манифестироваться посредством аффирмативной метафоры, ср.: „Wohlstand fällt nicht wie Manna vom Himmel. Wohlstand muss erarbeitet werden“ [Rau, 2002a: 299].

Этот образ получает развитие посредством логического продолжения высказывания авторскими метафорами. Так, в одном из контекстов добытое собственным трудом предстает в виде гастрономической добавки к стандартной «манне» в виде «мяса перепела» („die Wachtel“): „Es werden 40 Jahre Kindernothilfe gefeiert werden. Aber diese 40 Jahre waren nicht Wüste, diese 40 Jahre waren voller Manna und zwischendurch gab es Wachteln“ [Rau 2000b: 128].

«Поклонение золотому тельцу» („Tanz um das Goldene Kalb“, „um das Goldene Kalb tanzen“) выражает в современном языке признание власти денег,

стремление к материальной выгоде: „die Macht des Geldes anbeten, von Geldgier erfüllt sein“ [CUGdR], например:

– „Linksrum ums goldene Kalb – Sie versuchen doch nur, linksrum ums goldene Kalb zu tanzen. Um der Kapitalrendite willen wollen sie andere Ausgaben streichen, etwa die für Transrapid und Jäger 90 alias Eurofighter“ (ND. 1996).

– „Aber von ARD und ZDF bekommt man die gleichen stupiden Erfolgsmeldungen in die Redaktion gefaxt wie von den Privaten. Die Quote ist inzwischen auch für die ARD und das ZDF eine Art Tanz um das Goldene Kalb“ [Rau, 2001a: 358].

Негативный образ богатства, стяжательства развивается и в слове „der Mammon“ («мамон(а), богатство, деньги»), имеющем значение: „(meist abwertend oder scherzh.) Geld als [leidige] materielle Voraussetzung für etwas, zur Erfüllung luxuriöser Bedürfnisse o. Ä.“ [DGWdS], например: „dem Mammon nachjagen“, „Manch alter Ingenieur ist bescheiden geblieben, obwohl er heute in Mammon baden könnte“ (Woche 07.11.97, 19); „er tut alles um des schnöden Mammons willen“. Поскольку в Библии богатство и накопительство осуждаются как одно из олицетворений силы зла: „Man kann nicht zwei Herren dienen, Gott und dem Mammon“ [Matthäi, 24], то слово „der Mammon“ имеет в современном немецком языке негативные коннотации или используется в ироничном смысле [см. подробнее: 2].

Данное слово входит также в состав устойчивых сочетаний с негативной оценочностью [CUGdR]: „der schnöde Mammon“ ((ирон.) «презренный металл»); „der Götze Mammon“ («золотой телец»); „ein Knecht des Mammons“ («служитель мамоны [золотого тельца]»); „dem Mammon dienen [frönen]“ («служить мамоне, поклоняться золотому тельцу»).

Помимо этого с помощью собирательного суффикса (со значением абстрактности) *-ismus* в немецком языке появилось слово „der Mammonismus“ в значении „Geldgier, Geldherrschaft“ [DGWdS] («жажда денег, наживы», «поклонение деньгам»).

Довольно известным является библейский сюжет о строительстве башни в Вавилоне, который попал в язык в виде выражения „der Turmbau zu Babel“ («Вавилонское столпотворение»), получившего переносное значение „ein wirres Durcheinander“ («(страшный) беспорядок, неразбериха, хаос; (ужасная) путаница») [CUGdR]. В одном из контекстов это устойчивое выражение получило авторскую интерпретацию и на базе частичной игры слов (созвучия слов „Babel“ («Вавилон») и „Basel“ («Базель»)) оратор спроецировал ситуацию возможного диссонанса на международном саммите в швейцарском городе Базель в виде выражения «Столпотворение в Базеле», который (диссонанс) для выступающего являлся нежелательным, а потому он в контексте использовал аффирмативную метафору „kein Turmbau zu Basel“, ср.:

– „Die Bundesregierung nimmt die damit verbundenen Sorgen der mittelständischen Unternehmen sehr ernst. Wir setzen uns intensiv dafür ein, dass von den zukünftigen Richtlinien keine negativen Auswirkungen auf die Mittelstandsfinanzierung ausgehen. Was wir brauchen, sind möglichst einfache und überschaubare Regeln, keinen Turmbau zu Basel“ [Müller, 2003d].

К известному библейскому сюжету, связанному с наказанием грешников, восходят названия древних палестинских городов Содом и Гоморра („Sodom“ und „Gomorrha“). В ветхозаветном предании Содом и Гоморра – два города, жители которых погрязли в распутстве и были за это испепелены огнем, посланным с неба. Согласно преданию, жители Содомы были нечестивы и весьма грешны перед Господом. Греху содомскому были подвержены также жители Гоморры и окрестных городов, «подобно им блудодействовавшие и ходившие за иной плотью». «Вопль Содомский и Гоморрский» доносится до Бога, который направляет туда ангелов, чтобы убедиться, действительно ли жители обоих городов поступают так, и истребить их. В более поздней библейской традиции Содом и Гоморра – символ крайней степени греховности, навлекающей на себя божественный гнев.

Название первого города в этом сочетании „Sodom“ стало в переносном смысле означать „die Lasterhaftigkeit“ («порочность, развратность; развращенность; безнравственность, испорченность; греховность») и „die Verworfenheit“ («подлость; порочность, развращенность; отверженность»), а всё сочетание „Sodom und Gomorrha“ – „Zustand der Lasterhaftigkeit und Verworfenheit“ [DGWdS] («крайний беспорядок, полная неразбериха, возня, суматоха»), ср.:

– „Frankfurt, in den Augen des Autors eine infernalische Stadt, ein Sodom“ (MM 03.01.74, 29).

– „Wenn ... sich jeder Unhold an pubertierende Kinder heranmachen könnte, ... hätten wir in kurzer Zeit Sodom und Gomorrha“.

– „Dort geht es zu wie in Sodom und Gomorrha“ («Там просто содом и гоморра»).

Известный библейский сюжет про блудного сына („der verlorene Sohn“), изложенный в Евангелии от Луки, представляет в переносном смысле ситуации, (а) когда кто-то не оправдывает ожиданий своих родителей, не разделяет их идей, взглядов на жизнь, моральных принципов и сильно их разочаровывает, (б) когда кто-то долго отсутствует, и о нем нет никакой информации, а затем это лицо неожиданно появляется (обычно, с повинной):

– „der verlorene Sohn“ – „1. (geh.) jemand, der in seinem Tun und Handeln, seinen Anschauungen o. Ä. nicht den [moralischen] Vorstellungen, Erwartungen seiner Eltern entspricht und deshalb für diese eine große Enttäuschung bedeutet“; „2. „jemand, von dem man lange keine Nachricht hatte, den man lange nicht gesehen hat (nach Luk. 15, 11 ff.)“ [DGWdS]: „Da kommt ja der verlorene Sohn!“

Также в немецком языке сформировалась лексическая группа вокруг слова „der Proselyt“ («прозелит, новообращенный (в учение, в веру); приверженец»), означающее сейчас „der Neubekehrter“, возникшее под влиянием латинского слова „proselytus“ [kirchenlat. proselytus < griech. proselytos, eigtl. = Hinzugekommener], которым в Античности называли язычников, обратившихся в иудаизм (христианство).

Это же слово в сочетании „Proselyten machen“ встречается в Библии (в Евангелии от Матфея), где описывается (неудачная) попытка приобщения Христом фарисеев к христианству, причем в качестве доводов Христос привел возможность (духовного) обо-

гашения вновь обращенных (без попытки убедить их в важности приобщения к вере). Позднее значение этого выражения было генерализировано и стало выражать значение «находить приверженцев», уже безотносительно к конкретному библейскому сюжету и религии вообще. Однако в новом, более широком значении данного выражения сохранился «старый» негативный компонент «попытка быстрого приобщения к чему-либо путем обещания материальных выгод, а не убеждения в правильности данной идеологии», что отмечено в соответствующей стилистической помете и в самом словарном толковании этого выражения, ср.:

– „Proselyten machen“ – „(bildungsspr. abwertend) [mit aufdringlichen Methoden] Anhänger für eine Religion, eine Ideologie o. Ä. gewinnen; j-n rasch bekehren [ohne ihn zu überzeugen] (nach Matth. 23, 15, wo Jesus den Pharisäern zum Vorwurf macht, es komme ihnen nur darauf an, ihre Anhängerschaft zu vermehren, nicht aber wirklich Überzeugte zu gewinnen)“ [DGWdS].

Ситуация «привлечения сторонников» находит свое выражение также и в производных то ключевого „der Proselyt“ словах, означающих как сам процесс вербовки („die Proselytenmacherei“), так собственно и тех, кто этим занимается („der (die) Proselytenmacher(in)“), причем у всех слов в толковом словаре стоит помета „abwertend“ («негативно, снижено»).

Образ чечевичной похлебки („das Linsengericht“), представленный в библейском рассказе о близнецах-сыновьях Исаака, Исаве и Иакове, из которых первый, бывший любимцем отца и считавшийся первенцем, уступил Иакову право своего первородства за похлебку из чечевицы, которой тот накормил его, вошел соответствующим образом в выражение «за чечевичную похлебку» / «за чечевичное варево (продать, уступить что-нибудь)» в значении «за мелкий соблазн», «ценою ничтожной выгоды», ср. в немецком языке:

– „für ein Linsengericht“ – „(geh.) für etwas Geringes, das nur im Augenblick ein Gegenwert zu sein scheint (nach 1. Mos. 25, 29 34)“ [DGWdS].

– „etwas für ein Linsengericht hergeben [verkaufen]“ – „etwas Wertvolles für etwas sehr Geringes hergeben, für sehr wenig Geld verkaufen“ («отдать [продать] что-либо за чечевичную похлебку, продать что-либо за гроши») [CUGdR], например: „Wie wäre es sonst zu erklären, dass die CDU-Generalsekretärin Angela Merkel jetzt sogar bereit ist, für das Linsengericht eines flüchtigen Wahlkampfsvorteils den wichtigsten Reformbeitrag ihrer Partei für eine zukunftssichere Rente, den sogenannten Demographiefaktor, öffentlich ad acta zu legen?“ (Der Tagesspiegel, 1999).

Третью группу библеизмов, служащих источником метафорической экспансии в немецкоязычной социальной картине мира, составляют локации и топонимы, образующие самостоятельные образы, которые не ассоциируются с вполне конкретными событиями (такие топонимы, как, например, Содом и Гоморра, были рассмотрены в группе «сюжетных» библеизмов). В данном случае самыми актуальными являются широко распространенные в культуре образы «рая» („das Paradies“) и «ада» („die Hölle“).

В Святом писании они представлены как места, куда попадает душа человека после смерти. Перенос-

ные значения этих слов традиционно широко используются в немецком языке, в том числе и в языке немецкой политики, где они получают различную дистрибуцию и создают соответствующие образы, воплощающие разные социальные реалии современного немецкого общества, государства в целом (также и других стран), германской экономики и пр.

Номинация „das Paradies“ («рай») традиционно имеет положительную оценку и отражает в переносном значении благоприятные условия для определенных процессов, как социальных, так и экономических, как это представлено, например, в следующих фрагментах политический выступлений президента ФРГ Й. Рау:

– „Der Westen war die Erfindung des Ostens. Unerreichbar und deshalb unzerstörbar war die Illusion einer Welt voller schöner Dinge, die keinen Preis hatten. Ein solches Paradies ist der Westen nie gewesen – es gab längst nicht nur schöne Dinge, und alles hatte seinen Preis“ [Rau, 2001a: 56].

– „An die Brisanz vieler Probleme, zum Beispiel der Entsorgung, hat man zu wenig gedacht und andere hat man sich gar nicht erst vorstellen können. Das sollte uns ein wenig skeptisch machen, wenn neue Technologien das Paradies auf Erden zu versprechen scheinen“ [Rau, 2001b: 226].

Иногда корень „-paradies-“ входит в состав композитов в качестве второго компонента, а первый компонент уточняет, для какой сферы эксплицируются благоприятные условия, например:

– „Noch wichtiger ist, daß er gesagt hat, die große Steuerreform würde aus Deutschland über Nacht ein Investitionsparadies machen. Dem ist eigentlich nichts hinzuzufügen“ [Solms, 1998: 8].

– „Genau so bedeutsam ist sein Anteil am geistigen Haushalt unserer Nation: Wie schon zu den Zeiten Hartmann von Aues und Johannes Reuchlins ist Baden-Württemberg auch heute ein fruchtbarer Boden für Dichtkunst und Gelehrsamkeit. Es ist ein „Orchesterparadies“ genannt worden, und es hat Ballettensembles, Opernhäuser und Sammlungen bildender Kunst hervorgebracht, von denen etliche wahrlich Weltruf genießen“ [Rau, 2002b: 263].

В противоположность «раю» «ад» („die Hölle“), в переносном смысле, – это место, где страдают или гибнут люди, где идут войны или свирепствуют голод, болезни, например:

– „In Ihrem Amt mussten Sie Länder und Orte aufsuchen, wo Menschen anderen Menschen die Hölle auf Erden bereitet haben: Ruanda, Burundi, Sudan, Kosovo und Sierra Leone“ [Rau 2002b: 441].

Компонент „Hölle“ наличествует в выражении „j-m (Dat.) die Hölle heiß machen“ [CUGdR] («задать перцу кому-либо») (букв.: «сделать кому-либо (для кого-либо) ад горячим»).

В религиозной литературе также сакральный смысл имеет река Иордан(ь), образ которой в связи с этим запечатлен в устойчивом выражении со значениями «переходить в небытие, умирать» и «разбиваться, приходить в негодность; пропадать» (эта трактовка обусловлена тем, что переход израильского народа через Иордан в религиозной литературе рассматривался как вступление в Царство Божие, в связи с чем Иордан стал символом смерти; ср. с выраже-

ниями из других сюжетов: «кануть в Лету», «перейти Рубикон»):

– „über den Jordan gehen“ – „(verhüll.) sterben; sein Leben bei etwas verlieren (in der religiösen Literatur bes. des Pietismus wurde der Übergang der Israeliten über den Fluss Jordan oft als Eintritt ins Himmelreich aufgefasst und damit zum Symbol des Sterbens; das den Israeliten versprochene Gelobte Land wird mit dem Himmelreich verglichen“ [DGWdS], например: „Es herrschte regelrechtes Chaos im Spekulanzentrum in der Londoner City. Milliarden gingen bei den Aktienkursen an der Börse über den Jordan“ (BZ. 1981).

В заключение следует отметить, что в различных типах дискурсов широкое распространение получили и другие типы библеизмов (цитаты, изречения, притчи). Библия со времени появления и распространения в мире христианства является ценным источником духовного опыта, мудрости и кодексом поведения для верующих. Помимо этого Библия наложила большой отпечаток на культуру немецкого народа, а библейские образы не только укоренились в узусуальной пласте немецкой лингвокультуры, но и активно эксплицируются в повседневной общественно-социальной коммуникации, донося до нас мудрость и опыт древних времен.

Литература

1. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
2. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.
3. Die Bibel: Nach der Übersetzung Martin Luthers. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1991. – 1294 s.

Словари и их сокращения

4. CUGdR – Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. – München: Compact Verlag, 2007.
5. DGWdS – Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

Информация об авторах:

Керимов Руслан Джаваниширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (384-2) 58-34-97, kerimovrus@rambler.ru.

Ruslan D. Kerimov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

Федянина Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (384-2) 58-34-97, fedianina@inbox.ru.

Lyubov I. Fedyanina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 81'1

О ЯЗЫКОВОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ЗНАНИЯ О ЗРИТЕЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

И. Ю. Колесов

ON LINGUAL CONSTRUAL OF THE KNOWLEDGE OF VISION

I. Yu. Kolesov

В статье раскрываются особенности концептуализации в языковой картине мира знания о восприятии зрением. Рассматриваются модели репрезентации концепта ‘ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ’, совокупность которых позволяет выделить категорию перцептивности, анализируемую в таких ее модусах, как номинативный, структурно-системный, категориально-грамматический, прагматический, коммуникативный и модус презентации (эпистемический).

The paper focuses on the lingual models of representing the concept of vision that serve as constituents of the semantic and epistemic category of perception in English and Russian. As a lingual category, perception is discussed as displaying such its modes as nominational, structural-systemic, categorical-systemic, pragmatic, communicative, and the mode of presentation (epistemic mode).

Ключевые слова: перцептивность, концептуализация, конструирование, когнитивная модель, семантическая категория, эпистемическая категория.

Keywords: category of perception, conceptualization, construal, cognitive model, semantic category, epistemic category.

Изучение языкового картирования мира и человеческого опыта освоения мира является одним из предметов в современной полипарадигмальной лингвистической науке, которая обращена к анализу категоризирующей и классифицирующей деятельности сознания, выявляемых на основании языковых данных [20, с. 3 – 15]. Эта научная программа осуществляется в том числе в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, на основе идеи о деятельностной природе языка, и при рассмотрении языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу [21].

Данная статья продолжает изучение вопросов конструирования картины мира с помощью языка в области категории перцептивности [9, с. 58 – 61; 10, с. 108 – 117; 11, с. 19 – 31; 12, с. 16 – 27; 13, с. 302 – 336; 14, с. 33 – 46; 15, с. 121 – 135; 16, с. 5 – 14; 17] на основе ряда методологических принципов. Принцип включения в лингвистический анализ всех феноменов, имеющих отношение к функционированию языка, предполагает обращение к форме высказывания вкупе с механизмом его порождения и его семантическим представлением, т. е. к содержательной (когнитивной) основы высказывания и к тому, что следует за его актуализацией его восприятию, интерпретации и т. д. На основе связи между концептуальной и языковой структурами в когнитивной лингвистике сформулирован принцип перекодирования содержания концептуальной структуры в семантическое и прагматическое содержание знаков языка и проекционных отношений между концептуальной структурой и языковыми структурами: в ходе актуализации мыслительного содержания при помощи механизмов означивания, которыми располагает язык, осуществляется проецирование концептуальной структуры на языковые структуры. Принцип системности языковой актуализации концептуального содержания связан с тем, что в каждом языке представлены специфические способы символизации, т. е. конструирования с помощью системы языковых знаков смысловой задачи как понятия, которое ориентировано для выражения в коммуникации. Способы языковой символизации системно организованы, т. к. системны результаты этого процесса – языковые категории, классы и формальные и лексические парадигмы, семантическая система языка и синтаксическая структура языковых выражений. Семасиологический и ономазиологический анализ вербализации в языке процесса восприятия и его результатов показал значимость учета психологического феномена противопоставленности фона и фигуры. При изучении языковых знаков (какое значение они выражают) и концептуального содержания (в каких языковых формах оно актуализируется) может быть сформулирован известный в когнитивистике принцип фокусировки (профилирования): при актуализации определенная часть концептуального содержания выдвигается на уровень актуального смысла в результате контрастирования с фоном, т. е. с иными элементами концепта. Содержательно-композиционный принцип языковой актуализации зрительного

восприятия базируется на том, что концептуальной основой языковых выражений, вербализующих зрительное восприятие, является знание о восприятии как процессе и деятельности человека. При актуализации в языке исследуемого концепта происходит репрезентация отобранного для смысловой задачи «пакета информации», определённой части сохраняемого знания о зрительном восприятии.

Рассматриваемые в данной статье особенности моделирования событий (процессов) перцепции в языке принадлежат сфере языкового картирования действительности. Как известно, языковая картина мира (далее – ЯКМ) создается в различных версиях языковой «привязки» концептуальной картины мира (далее – ККМ), частью которой является ЯКМ, – в формах языка, в их функционировании, в устройстве отдельных языковых категорий и подсистем. В процессе моделирования и языковой интерпретации концептов или иных форм мыслительного содержания ведущую роль выполняют когнитивные классификаторы, принадлежащие ККМ и определяющие механизмы экспликации, категоризации и объективации образов мира. Когнитивные классификаторы являются системой определенных областей опыта, значимых для категоризации в конкретном языке [22, с. 19 – 20], – иначе говоря, это категории мышления, выявленные на основе данных языка: «Язык не реконструирует действительность в понятийных формах, но фиксирует когнитивное членение, осуществляемое набором когнитивных классификаторов» [24, с. 88]. Таким образом, ЯКМ строится на принципах членения и классификации, складывающихся в ККМ, которая наряду с национально-культурной спецификой имеет универсальные, общечеловеческие компоненты. Единство языка и способов мышления о мире и принципиальное сходство организации языка и общего знания, т. е. того, как можно подумать о мире, отмечал, в частности, Э. Сепир: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же. <...> Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта» [25, с. 193; курсив автора].

Моделирование в языке знания о зрительной перцепции нами рассматривается на примере тех способов символизации, которые предлагает язык для репрезентации концепта 'ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ'. Эти средства совокупно конституируют категорию перцептивности, содержательным ядром которой выступает данный концепт.

Говоря о перцептивности как категории семантики, мы обнаруживаем ее признаки в ряде номинаций, моделирующих определенные области нашего знания о восприятии, а именно процессы/акты восприятия, участников и обстоятельства данных событий в формах лексикализованных концептов: *зрение, глаз, слух, наблюдатель, вид, свидетель, видеть, глядеть, виднеться, подсматривать, недоглядеть, зоркий, зрительный, зримый, наблюдательный, остроглазый, чутко* и т. п. Изучение модуса номинации перцептивности показывает рекуррентность вербализации таких компонентов когнитивной сцены «Восприятие зрения», как «Субъект/Наблюдатель», «Процесс/Акт вос-

приятия», «Объект-перцепт» и «Способ/Характер события восприятия». Характерно, что среди многообразных номинаций указанного вида, группа «Объект восприятия» проработана многообразно как в английском и русском языках и позволяет выделить такие модели репрезентации знания о восприятии, как «Зрительные образы», «Образы пространственных признаков объектов», «Образы формы», «Цветовые впечатления», «Эффекты освещенности» и т. п. Так на примере глагольной лексики английского и русского языков выявлены варианты разнообразного концептуального моделирования в результате проекции когнитивных структур сознания на семантические структуры языка. Концептуальные признаки, получившие семантизацию в лексических значениях проанализированных английских и русских глаголов, включают следующие:

а) способность, активность, цель восприятия, эмоциональная оценка объекта, размечающие сферу субъекта;

б) направленность, результативность (обнаружение свойств объекта посредством его визуального восприятия), длительность, кратность, совмещенность с ментальной деятельностью, репрезентирующие сферу события зрительного восприятия;

в) появление в поле зрения и топология объекта, описывающие сферу объекта восприятия.

Анализ имен существительных различных групп позволил выделить те модели-конструкты, которые языки вырабатывают в своей систематике, например, имена номинальных классов фиксируют признаки восприятия в формате знания о социально трудовой деятельности (*зритель, очевидец, spectator, stargazer, fireguard*). Оба языка демонстрируют особенности и случаи безэквивалентной семантизации концепта (англ. *clock-watcher* – это тот, кто следит за часами (в ожидании окончания работы, наступления условленного времени и т. д.). Действия и события восприятия семантизируются в соответствующих именах – *взгляд, обозрение, scrutiny, glimpse* и т. п. зачастую с инкорпорацией адвербиальных или объектных сем (*gander, scrutiny, descry*). Группа имен, называющих действия и признаки деятельности, ориентированные на внешних наблюдателей как в русском, так и в английском языке вербализуют когнитивную модель «Действие, направленное на восприятие», например, русск. *выставка, демонстрация, изобличение, маскировка, показ, прикрытие, вывеска, проформа, показушничество*, англ. *camouflage, flaunt, pride, splash, swankiness, show-off* и др. Характер объекта представлен моделью «Динамический объект, пробуждающий отклик или оценку, и разворачивающийся во времени»: *зрелище, коррида, концерт*. Примерами других моделей выступают имена *даль, кругозор* («Устройство поля зрения»), *грушевидность, пластинчатость* («Сравнение форм объектов») и т. п. Модель «Категоризация воспринимаемого пространства» хорошо проработана лексически в английском языке: *cityscape, shorescape, landscape, cloudscape* и т. п., а в русском представлена на уровне словосочетаний с существительным *вид*: *морской/городской вид, вид на облака*, и др. «Положительная/отрицательная оценка объекта по их воспри-

нимаемости субъектом» как когнитивная модель представлена в семантике таких имен, как *невидимка, неуловимость, явь, загляденье, blur, acuity, delicacy, definition, visibleness* и др. Формат статьи не позволяет приводить полные списки лексем, раскрывающих на примере семантизации концепта в словах различных частей речи модели концептуализации знания о восприятии.

Системно-структурный модус категории перцептивности состоит в специфическом преломлении перцептивности в устройстве языка в смысле понятия «мировидения» В. фон Гумбольдта и включает установление говорящим определенных пространственно-временных координат и их соотношение со своей позицией. Эти координаты маркируются формами глагольных грамматических категорий времени, наклонения, вида/аспекта, залога, лица, таксиса, указательными местоимениями, частицами (*здесь, вон* и т. п.), и другими элементами, передающими локативно-темпоральные значения координат говорящего «здесь и сейчас» (*here-and-now words*). Экспериментальная составляющая деятельности коммуникантов регулярно выражается в моделях построения предложения и способах развертывания текста, которые описываются такими понятиями, как дейксис, анафора, личное пространство говорящего, коммуникативные типы (регистры) речи. Облигаторность разграничения в языках статусов говорящего и слушающего, указания на локально-темпоральные координаты как описываемых событий, так и самих участников коммуникации стало универсальным «рефлексом» интерпретации в языковых формах восприятия говорящими пространственно-временных условий своего бытия [18; 19; 26].

В качестве разновидности системно-структурного модуса данной категории в данной работе рассматривается категориально-грамматический модус перцептивности, проявляющийся в том, что перцептивность становится понятийной основой некоторых грамматических значений глагольной аспектуальности. Примерами языковой интерпретации перцептивности могут быть глагольные формы НСВ с признаком «срединного фиксируемого периода» (как в настоящем актуальном: *бежит, снимает, рассказывает* и т. п.), а также категория временного порядка (например, настоящее историческое: *Иду вчера по улице и вдруг вижу, как дорогу перед автобусом перебегают большая собака* [4, с. 519 – 540]. По мнению А. В. Бондарко, интерпретация мыслительных, логических категорий, в частности, перцептивности, происходит в самом языке – этот процесс осуществляется с помощью системно-структурной организации содержательного плана языковых категорий.

Прагматический модус категории перцептивности представлен конструированием пространства наблюдателя. Примерами моделирования пространства наблюдателя выступают такие приемы, как стратегия включения либо невключения говорящего в зону внимания, высказывания. При включении себя в качестве наблюдателя в зону внимания, говорящий сообщает высказыванию вектор интенциональности (высказывания ориентированы на самого говорящего).

Такие высказывания отграничены от нейтральных (не указывающих на говорящего), например, при использовании каузативных и декаузативных структур в описании одной ситуации: *He opened the door quietly / The door opened quietly*. В личном пространстве говорящего точкой отсчета выступает телесный опыт человека, включающий и сенсорику, и его ориентацию в пространственных перемещениях, здесь моделируется восприятие самим говорящим-наблюдателем тех событий, которые являются референцией высказываний [3, с. 212 – 216; 7, с. 30 – 36; 27].

Коммуникативный модус категории перцептивности выражается в регулярности выведения субъекта-наблюдателя «за кадр» семантической структуры высказывания и текста, автором которых он является и в которых представляет содержание своего поля зрения. Средствами моделирования в данном случае могут выступать формы длительного вида глагола в английском языке (прогрессив) и формы НСВ глагола в русском языке с аспектуальным признаком «срединного фиксируемого периода», включающим срединную фазу в протекании действия и период восприятия данной фазы протекания действия наблюдателем (момент речи). Срединная фаза действия является когнитивно определенной «фигурой», которая контрастирует с «фоном» – невыделенными в семантике глагола фазами начала и окончания процесса, т. е. используется не только модель «Наблюдатель – Наблюдаемое», но и модель «Фон – Фигура»:

1. *Через пять минут Степан во весь опор летел на коне в лагерь астраханских стрельцов. Солнце клонилось к западу. Осенней сухой степью в междуречье двигалось войско Разина. Последние медленные, горячие версты ... Родная пыль щекочет ноздри (В. Шукшин).*

В качестве коммуникативной структуры, которая участвует в конструировании образов восприятия в языке, мы рассматриваем репродуктивный коммуникативный регистр развертывания текста. Он служит репрезентации как общей когнитивной модели перцепции «Наблюдатель – Наблюдаемое», так и модели «Фон – Фигура». Блоки репродуктивного (изобразительного) регистра репродуцируют события действительности как непосредственно воспринимаемые органами чувств говорящего-наблюдателя, локализованные в едином с ним хронотопе (реальном или конструируемом) [6, с. 402 – 403]. Высказывания данного регистра могут быть заключены в модусную рамку «Я вижу, как ...», «Я слышу, как ...», «Я чувствую, как ...» [6, с. 29]. Эти параметры выступают «фоном», базисом высказываний, тогда, как сами описываемые в них события репрезентированы как выделенные «фигуры». События, сменяющие друг друга на фоне топохроноса наблюдателя, осознаются по логике когнитивного выделения движущихся фигур, наблюдаемых со стороны. Статус наблюдателя вариативен: это персонаж (2), либо «всезнающий» автор как свидетель денотативной сцены (3):

2. *По улицам с грохотом проносится бронированный автомобиль. Он влетает на площадь, круто разворачивается и, откатившись назад, останавливается против здания, где над подъездом полыхает*

красный флаг. В щелях его амбразур поблескивают на солнце и шевелятся, как усики огромного насекомого, стволы пулеметов. Из автомобиля выскакивают люди в военной форме. Что-то странное и непривычное в облике этих людей. Что именно, – Ленка не успевает сообразить (Л. Пантелеев).

3. *After watching the traffic on the Embankment for a minute or two with a stoical gaze she twitched her husband's sleeve, and they crossed between the swift discharge of motor cars. When they were safe on the further side, she gently withdrew her arm from his, allowing her mouth at the same time to relax, to tremble; then tears rolled down, and leaning her elbows on the balustrade, she shielded her face from the curious. Mr. Ambrose attempted consolation; he patted her shoulder; but she showed no signs of admitting him, and feeling it awkward to stand beside a grief that was greater than his, he crossed his arms behind him, and took a turn along the pavement (V. Woolf).*

Таким образом, перцептивность как концептуально-семантическая категория актуализируется в таких своих модусах, как номинативный, системно-структурный, категориально-грамматический, прагматический и коммуникативный.

Говоря о понятийном или эпистемическом определении категории перцептивности, мы осознаем, что выявление какой-либо категории в языке является одной из труднейших задач – главным образом, потому, что языковые категории не принадлежат исключительно языку, будучи одновременно и категориями мышления. Перцептивность как семантическая категория обнаруживается в лексико-семантической и семантико-грамматической подсистемах языка, демонстрируя свою сущность концептуальной категории, имеющей универсальный логический характер, поскольку она основана на отражении и обобщении онтологии бытия человека и его деятельности. Концептуальные категории данного типа противопоставляются понятийным категориям в языке, обобщающим индивидуальные онтологические признаки языковых объектов, и формирующим лингвистические понятия на этой основе [2, с. 32 – 33]. Перцептивность как эпистемическая (гносеологическая) категория в конкретном языке устанавливает границы возможностей, особенностей и свойств данного языка в передаче внеязыкового содержания на основании перцептивной составляющей опыта человека. Приведем в качестве аналогии фиктивную предметность, отражающую результат языковой категоризации имен существительных, которые могут обозначать как предметы, так и непредметные сущности вследствие того, что функционально-синтаксических потребности языка санкционируют транспозицию семантической предметности в предметность категориально-грамматическую. Языковая категоризация, таким образом, имеет два аспекта, о чем свидетельствует членение лексикона на части речи, которые репрезентируют как сами фрагменты действительности, так и формы их концептуализации и вербализации: «Можно полагать, что материал обобщения проецируется в лексическое значение слова, а форма обобщения – в его категориальное значение <...>. Совпадение материала с формой

его обобщения имеет своим результатом появление слов чистой категориальной семантики, а несовпадение – слов смешанной категориальной семантики: предметно-процессной (*to host*), процессно-предметной (*a think*), процессно-признаковой (*avoidable*), признаково-процессной (*to redder*), признаково-предметной (*simplicity*)» [8, с. 80 – 81]. Так, предметность как гносеологическая категория способна оформлять как предметность не только осмысление *субстанции*, но и «непредметное» концептуальное содержание: *белизна* (качество), *удивление* (состояние и событие), *взгляд* (действие), *умножение* (процесс), *авария* (событие и результат/состояние) и т. д. Примеры «опредмечивания» в английском языке еще более примечательны, они охватывают словосочетания и целые предикативные единицы:

4. *It came to me with something of the unreality, the not-quite-thereness of a fiction (J. Fowles); someone else's umbrella, the heir apparent's name, a week or so's sunshine (Quirk et al. 1982, 93); Old man what-do-you-call-him's house has been painted; A man I know's son has been injured in a railway accident (ibid.).*

Еще В. фон Гумбольдт ввел понятие «форма языка» как способа, особой организации систематически воспроизводимой в языковой субстанции интеллектуальной деятельности говорящих [5, с. 69 – 74]. В частности, он пишет об универсализме в сфере образования слов, где к корням и основам применяются общие логические категории действия, воздействующего, субстанции, свойства и т. д. [5, с. 72]. Языковые категории, таким образом, основаны на приложении к феноменам языка эпистемических (гносеологических) категорий (сформированных в результате познания) в отношении смыслового содержания, которое «ищет» свой путь объективации языковыми средствами. Соответственно, в анализе языка разграничиваются вещи онтологические, т. е. примарные, первородные сущности и вещи эпистемические – познанные признаки онтологических вещей [23, с. 55 – 56].

Таким образом, роль конкретного языка как формы по отношению к мыслительному содержанию, его ориентирующая функция выдвигаются в качестве ведущих факторов языковой вербализации концептуального содержания. Среди многих теоретиков науки Э. Бенвенист и Э. Сепир указывали на роль опыта человека в осмыслении информации и вклад языка в определенную ориентированность в её выражении. По Э. Бенвенисту, говорящий своей речью вновь актуализирует событие и связанный с ним опыт: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации. <...> Передаваемое содержание (или, если угодно, “мысль”) расчленяется в соответствии с языковой схемой. “Форма” мысли

придается ей структурой языка» [1, с. 27]. Э. Сепир акцентирует роль категориального аппарата языка в оформлении смыслового содержания: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным основным концептуальным рубрикам, а некоторые конкретные или полуконкретные значения использовать в функции связующих элементов» [25, с. 87]. Языковые ресурсы имеют границы, тогда как мыслительное, концептуальное содержание целиком не вмещается в языковые формы, о чем также сказал Э. Сепир: «Слово есть только форма, есть нечто определённым образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от “духа” данного языка» [25, с. 49].

Перцептивность гносеологическая, т. е. как категория познания «подводит» под свои содержательные рамки разнородные сущности, например, начало существования (*появился*), движение (*мелькает*), форму (*куполообразный*), функцию (*соглядатай, свидетель, наблюдатель, надсмотрщик*), пространство (*необозримый, безграничный*), местоположение объекта в поле зрения (*Дорога сбегает к морю. There were people singing*), сам процесс восприятия (*Молча уставился и смотрит; He ogled at me; We scanned the newcomer for sometime*) и т. д., способствуя при посредничестве восприятия выражению иных смысловых категорий.

Таким образом, эпистемический статус категории перцептивности выявляется в тех случаях, когда под когнитивную модель восприятия подведены иные концептуальные категории, презентация которых осуществляется при помощи перцептивности, и данный модус категории перцептивности обозначается в нашем исследовании как модус презентации.

Известно, что различные языковые категории предназначены для структуризации концептуального содержания, его делимитации с одной целью – вербально осуществить мыслительный акт. Категория перцептивности, репрезентируемая концептом ‘ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ’, в качестве концептуальной категории служит организации знания о восприятии зрением в жизнедеятельности людей и широко представлена лексикой языка. В качестве эпистемической категории перцептивность существенно повлияла на формирование мышления и языка и вместе с другими категориями познания составила когнитивную основу организации языка.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Болдырев, Н. Н. О категориальном аспекте языковой онтологии / Н. Н. Болдырев // Вопросы романо-германской филологии (прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994.
3. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н. Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000.

4. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
5. Гумбольдт, В. фон. О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Ин-т языкознания РАН: филол. ф-т Моск. гос. ун-та, 2004. – 544 с.
7. Козлова, Л. А. Концепт личного пространства и способы его языковой представленности (на материале английского языка в сопоставлении с русским) / Л. А. Козлова // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1.
8. Козлова, Л. А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке: монография / Л. А. Козлова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 200 с.
9. Колесов, И. Ю. «Лингвистика видения» и «лингвистика видимого» / И. Ю. Колесов // Мир науки, культуры и образования. – 2008а. – № 3(10).
10. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли ментальных моделей в языковых репрезентациях / И. Ю. Колесов // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Серия: Лингвистика. Актуальные проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики. – 2008б. – № 556.
11. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008в. – № 2.
12. Колесов, И. Ю. К вопросу о статусе категории перцептивности / И. Ю. Колесов // Антропологическая лингвистика-2. // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. Серия: Антропологическая лингвистика. – 2006. – № 4.
13. Колесов, И. Ю. Концептуализация субъекта зрительного восприятия: коллект. моногр / И. Ю. Колесов // Когнитивные исследования языка; гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – Вып. IV: Концептуализация мира в языке.
14. Колесов, И. Ю. О значимости некоторых когнитивных моделей в языке / И. Ю. Колесов // Филология и человек. – 2007а. – № 2.
15. Колесов, И. Ю. О репрезентации и концептуальном содержании семантической ситуации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) / И. Ю. Колесов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия 6: Филология. – 2006б. – Вып. 10.
16. Колесов, И. Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знания / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007б. – № 2.
17. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография / И. Ю. Колесов. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 354 с.
18. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 1992. – 210 с.
19. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.
20. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия: Литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2.
21. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
22. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
23. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1(001).
24. Привалова, И. В. Образ мира, языковая картина мира и этнолингвистическое сознание / И. В. Привалова // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Международной научной конференции: в 2 т. – Т. I: (М). – Тамбов, 2004.
25. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
26. Сребрянская, Н. А. Дейксис в единицах языка / Н. А. Сребрянская. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. – 136 с.
27. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

Информация об авторе:

Колесов Игорь Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА), 8(3852) 388-444, 903-0721691, igor.kolesov44@gmail.com

Igor Y. Kolesov – Doctor of Philology, Professor of the English Philology Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical Academy.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА *CONSTRAINT* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

А. В. Колмогорова

GNOSEOLOGICAL POTENTIAL OF THE CONCEPT *CONSTRAINT* IN MODERN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE

A. V. Kolmogorova

На основе лингвистического анализа объективации концепта *CONSTRAINT* в современном англоязычном научном дискурсе по когнитивной науке и когнитивной лингвистике делается вывод о гносеологическом «дрейфе» когнитивной платформы в изучении языковых и мыслительных процессов, наблюдаемом опосредованно через смену языковых репрезентантов ключевых концептов.

Basing on the linguistic analysis of the concept *CONSTRAINT* in the modern scientific discourse on cognitive science and cognitive linguistics, it is argued that the gnoseological platform of these sciences is drifting attracted by some new gnoseological values.

Ключевые слова: научный дискурс, когниция, концепт, гносеологический потенциал, когнитивная лингвистика.

Keywords: scientific discourse, cognition, concept, gnoseological potential, cognitive linguistics.

Введение

Данная публикация посвящена анализу содержания и гносеологических перспектив концепта *CONSTRAINT* в современной лингвистической литературе, публикуемой на английском языке. Отталкиваясь от ряда теоретических допущений, обоснованию релевантности которых будет посвящён один из разделов статьи, мы ставим своей **целью** выявление и описание новой тенденции в развитии современной западной когнитивной лингвистики посредством обобщения наблюдений за объективациями анализируемого концепта.

Таким образом, **предметом** публикации является гносеологический «дрейф» когнитивной платформы в изучении языковых и мыслительных процессов, наблюдаемый опосредованно через смену языковых репрезентантов ключевых концептов и, следовательно, через смену самих этих ключевых концептов. В качестве **объекта** исследования выступает научный дискурс, а **материала** – публикации ведущих исследователей в области когнитивной науки за последние семь лет.

Ведущими **методами** анализа выступают метод когнитивного моделирования, реализующийся посредством использования методик концептуального анализа и концептуально-метафорического анализа, составляющими которых, в свою очередь, являются приёмы компонентного, дефиниционного и статистического анализов.

Актуальность поднимаемой проблемы связана с тем, что когнитивная наука, и когнитивная лингвистика, как одно из направлений последней, являются полипарадигмальными, с одной стороны, и организованными по принципу аттракции – с другой. Последний принцип предусматривает такую структурную организацию многочисленных когнитивно-ориентированных подходов, при которой на определённом временном этапе все они как бы «притягиваются» друг к другу одной методологической доминантой. Наблюдения за англоязычным научным дискурсом в

области когнитивной науки последних нескольких лет позволяют фиксировать происходящую смену методологической доминанты, которая ещё не характерна для русскоязычного «когнитивного» дискурса.

Новизна исследования обусловлена, во-первых, материалом – научные публикации по проблемам когнитивной лингвистики, ещё не переведённые на русский язык, во-вторых, общим методологическим подходом, при котором анализ и описание концепта в рамках профессионального дискурса служит инструментом для моделирования динамических тенденций в недоступной непосредственному восприятию научной картине мира в области когнитивной науки.

Теоретические допущения

1. Наука *a priori* является той сферой деятельности человека, предметом которой является объективация и обеспечение дальнейшей динамики наиболее релевантных для современного этапа развития сообщества результатов когниции [14].

2. Когниция есть распределённый в различных модусах среды социальный процесс, происходящий в интеракции (в широком смысле: с материальной средой, социумом, с собственными внутренними ресурсами и внешним контекстом и т. д.) [6, с. 233 – 244; 7, с. 565 – 591; 8, с. 44 – 55].

3. Дискурс есть вербально контекстуализированная форма интеракции [9, с. 1 – 34].

4. Научный дискурс суть вербально контекстуализированная форма интеракции, в которой происходит объективация и обеспечение дальнейшей динамики наиболее релевантных для современного этапа развития сообщества результатов когниции.

5. Концепт есть когнитивная структура, фиксирующая в концентрированном и редуцированном виде опыт успешного взаимодействия со средой при помощи языкового знака, уже бывший однажды в речезиженной практике данного индивида [1, с. 31]. Это структура, охватывающая специфические состояния активности нервной системы, возникающие в процессе когнитивной деятельности и сохраняющиеся

во времени как единицы опыта/ памяти, в которую обязательно входит репрезентация взаимодействия с языковым знаком [2, с. 94].

6. Анализ использования языкового знака как репрезентанта концепта может быть инструментом доступа к опыту успешного взаимодействия членов научного сообщества, приводящему к достижению согласованности их гносеологических действий, определяющей, в свою очередь, дальнейшее развитие научной лингвистической мысли.

Предпосылки концептуального анализа

Для того, чтобы найти основания для предположения о росте релевантности концепта CONSTRAINT, мы обратились к анализу частотности употребления словоформ лексем *constrain* (verb) и *constraint* (noun) в наиболее популярных изданиях по когнитивной лингвистике. Так, в ставшей классической монографии Вивиан Эванс и Мелани Грин 2006 г. [10] средняя частотность искомых словоформ составила 1 употребление на 26 страниц текста, в то время как в сборнике тезисов III Национальной конференции по когнитивной лингвистике в Хеффордширском университете [4] – 1 употребление на 14 страниц текста. Аналогичная ситуация отмечена в работах по когнитивной психологии: если средняя частотность употреблений словоформ искомой лексики в текстах первой половины первого десятилетия 1 – 1 на 20 – 25 страниц, то в работах некоторых современных известных когнитивных психологов – до 1 употребления на 1 страницу [7; 8].

При этом отметим, что словоформы лексем *constraint* (verb) и *constraint* (noun) в работах когнитологов, придерживающихся идеологии так называемой четвертой волны когнитивной науки, сфокусированной на распределённой в социуме и среде природе познавательных процессов [5, с. 13 – 15], выступают в качестве ключевых лексем, формирующих лексические сети LIFE (пр. 1), BEING (пр. 2), LANGUAGE (пр. 3), EVOLUTION (пр. 4). Так, через данные лексемы определяется природа и суть, как языка, так и познания в целом:

1) *What Wittgenstein calls (1958, S:242) 'agreement in judgments' are necessary to learning to talk. By coming to act consistently with such agreements, babies develop biomechanical constraints necessary to uncultured life (То, что Виттгенштейн назвал «соглашением о мнениях и суждениях», оказывается на самом деле необходимым для того, чтобы научиться говорить. Когда ребёнок начинает последовательно действовать в соответствии с подобными соглашениями, у него формируются подсознательные, имеющие биологическую природу, «ограничители», которые необходимы для адаптации ребёнка внутри культуры) [17];*

2) *A focus on interactivity obliterates any sharp boundary between the biological and the social. First, social normativity informs and constrains our biological being, e. g. by filtering out activities that are judged inappropriate in certain social contexts (e. g. picking one's nose). (Подобное внимание к феномену взаимодействия стирает чёткую границу между социальным и биологическим. Во-первых, социальные нормы форми-*

руют и накладывают ограничения на наше биологическое существование, например, отфильтровывая те виды деятельности, действия, которые считаются обществом неприемлемыми в определённых контекстах (ковыряться в носу, например) [23, с. 2324 – 256];

(3) *Languages are abstractions from languaging, second-order constraints (Языки – это то, что получается при помощи абстрагирования, теоретического осмысления форм речежизненного взаимодействия, это – своего рода, вторичные «ограничители»....) [16, с. 495 – 507];*

(4) *Language and brain co-evolved; language structures adapt (over thousands of years) to human neurological constraints and brains adapt (over hundreds of thousands of years) to the peculiar demands of symbolic communication (язык и мозг эволюционируют совместно; языковые структуры адаптируются (через тысячи лет) к тем ограничениям, которые накладывают на человеческое существование нейронные структуры, а мозг подстраивается (через сотни тысяч лет) к требованиям, порождаемым символическим характером коммуникации [19, с. 15].*

Таким образом, предварительные наблюдения указывают на перспективность возможных результатов концептуального анализа.

Практический анализ

Воспользовавшись традиционной для концептуальных исследований методикой компонентного анализа, используемой, как правило, на инициальном этапе, мы сопоставили дефиниции анализируемых лексем в десяти одноязычных толковых словарях английского языка (британский и американский варианты). Классификационный и сопоставительный анализы позволили нам выявить состав семантических компонентов понятийной составляющей концепта CONSTRAINT – их оказалось 18 (см. табл.). Самыми частотными оказались признаки **limit** и **restriction**, объективирующие идею **границы**; вторыми по частотности – признаки, актуализирующие сферу **социальных отношений**: **behavior**, **control**, **embarrassment**; третьими – признаки, актуализирующие сферу рефлексии социального субъекта, которую можно обозначить как **насилие**: **lack of freedom**, **force**. Также можно выделить семы, объективирующие идеи ЭМОЦИИ (**threat**), ИНСТРУМЕНТА (**device**), ФОРМЫ ПРИНУЖДЕНИЯ (**obligation**, **rule**, **pressure**), ОНТОЛОГИИ (**state**, **action**, **feeling**), ОЦЕНКИ (**not natural**, **allowed**, **necessary**).

Синонимический ряд для лексем-репрезентантов концепта включил в себя следующие языковые единицы: *must, coercion, compulsion, driving, duress, goad, hang-up, impelling, impulsion, motive, necessity, no-no, pressure, repression, restraint, spring, spur, suppression, violence, arrest, captivity, check, circumscription, confinement, constraint, cramp, curb, damper, detention, deterrent, hindrance, limitation, obstacle.*

Понятийные признаки концепта CONSTRAINT

CONSTRAINT	limit	lack of freedom	behavior	control	not natural	embarrassment	force	pressure	feeling	restriction	allowed	necessary	action	rule	state	obligation	device	threat	
MMD	+	+	+	+	+	+													1.
RHD	+	+	+	+		+	+	+		+									2.
CD	+	+	+	+	+		+	+	+	+									3.
OLD	+	+	+	+						+	+	+	+	+		+		+	4.
WNCD			+		+	+	+		+	+					+	+		+	5.
AHDEL	+			+		+	+			+			+		+			+	6.
VC			+	+			+						+		+		+	+	7.
W	+															+			8.
COED	+					+				+									9.
WED		+				+				+			+		+	+			10.
Кол-во	7	5	6	6	3	6	5	2	2	7	1	1	4	1	4	4	1	4	

Семантический анализ единиц синонимического ряда позволил разделить все синонимы на три группы:

1) языковые единицы, в семантике которых доминирует идея ГРАНИЦЫ: *restraint, limitation, obstacle, curb, damper* и др.;

2) языковые единицы, в семантике которых доминирует идея ДАВЛЕНИЯ: *pressure, repression, suppression, spring* и др.;

3) языковые единицы, в семантике которых доминирует идея НАСИЛИЯ: *must, violence, arrest, captivity, check, detention* и др.

Таким образом, можно предположить, что понятийное ядро концепта CONSTRAINT сформировано при помощи следующей образ-схемы, где в качестве траектора (TR) выступает FORCE (СИЛА), в качестве пространственного ориентира (LM) – LIMITS (ГРАНИЦЫ), а наблюдатель (V), находясь внутри границ, оценивает данную ситуацию как LACK OF FREEDOM/PRESSURE (НЕСВОБОДА/ДАВЛЕНИЕ).

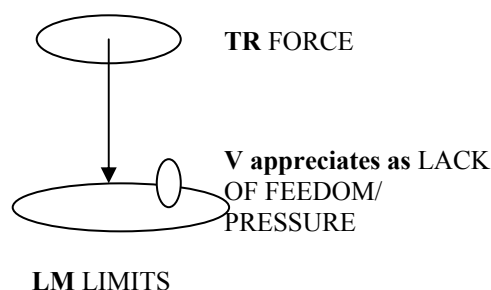

Рис. 1. Образ-схема концепта CONSTRAINT

Анализ интерпретативного поля концепта с опорой на базовые лексемы-репрезентанты концепта *constrain, constraint, limitation, pressure, control* в научном «когнитивном» дискурсе показал, что в качестве СИЛЫ (траектора) могут выступать социум как та-

ковой (пр. 1 – 2), речевой и жизненный опыт взаимодействия с другими людьми (пр. 3), адаптация и коммуникация (пр. 5), нейронная природа мозга (пр. 4), время (пр. 6)

5) *I will show that a) all major types of REL-clauses arise from various paratactic source constructions; b) that all of them arise under the same adaptive – communicative – pressure...* [21, с. 16];

6) *In cases such as these (and there are many others) we confront a characteristic mix of constraints and opportunities, that I'll label the 'basic signature'. The basic signature involves a task that requires the agent to keep track of a situation unfolding in some constraining (absolute) time-frame, so that real timing (not just sequence) is essential to success. And it involves the use, to accomplish the task, of body, motion and world as integral aspects of the problem-solution* [15, с. 66 – 90].

В качестве пространства, на которое оказывается давление при помощи силы, выступают, прежде всего, мысли человека, поведение и его деятельность в целом (пр. 7), речевое поведение, а в качестве налагаемых границ рассматриваются социальные нормы и правила, адаптивные модели коммуникативного поведения, языковые структуры:

7) *A non-existent building cannot act as its own best model, nor can a (merely) proposed route for a new road. Instead, in such cases, the agent must let a model serve as its own best micro-world. In so doing, she creates an arena in which many basic perceptuo-motor strategies (such as just-in-time sensing and binding) can be re-deployed, while at the same time constraining the kinds of thing that can and cannot be done and relaxing some of the most potent temporal constraints on normal world-engaged thought and action* [15].

Анализ концептуальных метафор свидетельствует о том, что когниция всё чаще трактуется через призму концептуальной онтологической метафоры COGNITION is INTERNAL DEEPLY PRINTED BY SOME PRESSURE MECANISM FORM. Данная метафора объективируется в научном дискурсе при помо-

щи лексем *embed* 'to fix something firmly in a surface or object' (частотным является термин «*embedded cognition*» [3; 6; 11, с. 207 – 237]) и *niche* 'a small hole or space in a wall where you can put small objects' (сочетания *cognitive niche*, *ecological niche* также стали терминологичными [14]):

8) *What we find in the two more recent treatments is, precisely, a way of following through on the Rylean argument which fixes genuine points of disagreement with "intellectualist" cognitive science and which paints a very different picture of what matters about minds and persons: a picture in which tools and skills take center stage and in which the primary 'vehicles' of content are the embodied capacities of whole agents embedded in a cultural and ecological niche* [22, с. 443 – 466].

Более частной концептуальной онтологической метафорой, связанной, однако, с предыдущей, реализуемой в научном дискурсе при помощи лексем-репрезентатов концепта CONSTRAINT, является метафора SPEECH/ WRITING is CONSTRAINED SPACE. При этом подчёркивается, что речевое поведение человека формируется, отливаясь в те формы, которые навязывают ему не структуры языка, а нормы культуры (пр. 9), а письменная языковая деятельность ограничена пространственным контекстом, характеристиками самого пишущего, его целью и окружающим контекстом в целом (пр. 10):

9) *At the end of the first year a child starts to derive language from event cognition thanks to an innate capacity to attend to the intentions of others. Following the 'nine month revolution', Tomasello claims, infants use an adaptation for 'seeing' others as like ourselves. Once this gets going, its actions become 'transparent' with respect to goals that others 'have'. The device gives insight into 'hidden forces' that are 'so important in human thinking'. Indeed, without an intention box, a child would understand neither how symbols achieve reference nor how they index perspectives. Speech, then, is constrained less by structure than culture. Taking a holistic view, Tomasello needs invoke no universal cognitive constraints* [18, с. 273 – 299];

10) *The immediate action of writing the letter is definitely "constrained by the present spatial as well as non-spatial characteristics of the agent, the target of the action, and the surrounding context"* [20, с. 17 – 38].

В процессе анализа языкового материала были обнаружены объективации ряда концептуальных метафор, в которых CONSTRAINT выступает в качестве области-мишени в одной из метафор метафорической системы: CONSTRAINT is INSTRUMENT of SCULPTOR (пр. 11) / of JUGGLER (пр. 13), CONSTRAINT is EMPLOYEE CHARGED WITH SOLVING PROBLEMS (пр. 12).

11) *Phylogenetic, ontogenetic, cognitive and historical processes allow baby brain-body systems to use social perspectives and physical constraints in sculpting brains* [22];

12) *In Wittgenstein's sense, Tomasello's view is Augustinian. His adaptation is a device that illuminates the Saint's 'natural language of mankind'. Fitting Augustine's vision, it clarifies how symbolic 'reference' allows evolved constraints to solve the problem of radical indeterminacy* [17, с. 200 – 223];

13) *Can machines self-organize by taking perspectives? To test this we can build devices that use dual control in social learning. We can ask whether, like babies and bonobos, they can use prompts and probes to transform their agency in response to human activity. Like primates, they would produce actions that juggle external and internal constraints to produce what (humans experience as) sense making* [18].

При этом реализация концепта CONSTRAINT происходит в системе метафор, где, например, материальные ограничители, вроде, человеческого тела, материальных объектов среды, языковых структур, служат инструментом скульптора для создания формы человеческого мозга (пр. 11) или конфигурации процесса смыслопорождения (пр. 13). Слова и другие символические формы, будучи помещены в категорию «ограничителей», также оказываются концептуализированы как вспомогательный персонал, санкционированный решать проблемы, составляющие суть когнитивной деятельности человека.

Гносеологические последствия

Результаты проведённого концептуального анализа позволяют сделать ряд выводов гносеологического характера относительно того, в каком направлении «дрейфует» современная когнитивная наука и когнитивная лингвистика, в частности.

Во-первых, налицо переход от, ставшей уже достаточно традиционной, антропоцентрической парадигмы, где точкой отсчёта являлся отдельный человек или человек как некая обобщённая совокупность типовых черт *Homo Sapiens*, к социоцентрической парадигме, в фокусе которой – сеть социальных отношений (см. концепцию социальной сложности Киммо Каски [12, с. 517 – 522]).

Во-вторых, в рамках последней парадигмы хорошо просматриваются динамические, векторные отношения: когнитивия и речевое поведение концептуализируются как гибкий пластичный материал, испытывающий непрерывное направленное и сильное влияние социума, коммуникации в целом, накладывающих на него свои формы – правила, нормы, модели, в границах которых только и формируются когнитивные структуры. Последние, в свою очередь, в этих сформированных границах могут быть, для облегчения процесса их хранения и движения, зафиксированы вторичными материальными формами – собственными языковыми.

Следовательно, изучение исключительно лингвистических единиц, по сути, теряет свою традиционную значимость, а попытки когнитивной лингвистики моделировать внутреннее когнитивное содержание, объективируемое языковыми единицами, получают новое направление развития и новый базис – изучение речевого и шире – социального – поведения, в котором и совершается распределённая в различных видах контекстов когнитивия, поверхностными фиксаторами для сохранения результатов которой выступают слова. Безусловно, данная проблематика требует дальнейшего изучения и конкретизации, но направление, выбранное ведущими школами когнитивной науки, представляется важным и перспективным и для лингвистики.

Литература

1. Колмогорова, А. В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического описания прилагательных-обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках / А. В. Колмогорова. – Новокузнецк, 2006. – 381 с.
2. Кравченко, А. В. Место концепта в соотношении языка, познания и мышления / А. В. Кравченко // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4: Жанр и концепт.
3. Millikan, R. G. Varieties of Meaning / R. G. Millikan. – Cambridge MA: The MIT Press, 2004. – 242 p.
4. Book of abstracts of the Third UK Cognitive Linguistics Conference: Language, Mind and Reality. – Benjamins Publishing Company, 2010. – 141 p.
5. Breunig, S. Conceptual, social and material scaffolding for L2 writers / S. Breunig // Proceedings of the International Conference "Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions: Theoretical and Applied Perspectives". – Irkutsk: BNUEL, 2010.
6. Clark, A. Beyond the flesh: Some lessons from a mole cricket / A. Clark // Artificial Life. – 2005. – № 11(1).
7. Cowley, S. J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition / S. J. Cowley // D. Spurrett (ed.) Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Sciences. – 2004. – № 26/6.
8. Cowley, S. J. Languaging: How humans and bonobos lock on to human modes of life / S. J. Cowley // International Journal of Computational Cognition. – 2005. – № 3/1.
9. Dijk, T. A. van. The Study of discourse / T. A. van. Dijk // Discourse as structure and process. – [S. l.]: Sage Publications, 1997.
10. Evans, V. Cognitive Linguistics: An Introduction / V. Evans, M. Green // Edinburg University Press, 2006. – 812 p.
11. Haugeland, J. Mind embodied and embedded / J. Haugeland // (Y. Hounig and J. Ho, eds.), Mind and Cognition. – Taipei: Academia Sinica, 1995.
12. Model of Community Emergence in Weighted Social Networks / K. Kaski, J. Kumpula, J-P. Onnela [and oth.]. – Computer Physics Communications. – 2009. – № 180.
13. Pinker, S. The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language / S. Pinker // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2010. – № 107.
14. Rosenberg, A. Philosophy of Science: A Contemporary Introduction / A. Rosenberg. – Routledge, 2012. – 300 p.

Список источников иллюстративного материала

15. Clark, A. Minds, Brains and Tools (with a response by Daniel Dennett) / A. Clark // H. Clapin (ed) Philosophy of Mental Representation. – Clarendon Press, Oxford, 2002. – P. 66 – 90.
16. Cowley, S. J. Distributed language and dynamics / S. J. Cowley // Pragmatics & Cognition. – 2009. – № 17(3). – P. 495 – 507.
17. Cowley, S. J. Bridges to history: biomechanical constraints in language / S. J. Cowley // N. Love (ed.) Integrational linguistics and history. – Routledge: London, 2006. – P. 200 – 223.
18. Cowley, S. J. Simulating others: the basis of human cognition? / S. J. Cowley // Language Sciences. – 2004. – № 26/3. – P. 273 – 299.
19. Deacon, T. W. Coevolution, Devolution, and Language / T. W. Deacon // V Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов: в 2 т. – Т. 1 (Калининград, 18 – 24 июня 2012 г.). – Калининград, 2012.
20. Gallagher, S. Understanding others through primary interaction and narrative practice / S. Gallagher, D. Hutto // J. Zlatev, T. Racine, C. Sinha and E. Itkonen (eds). The Shared Mind: Perspectives on Intersubjectivity. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – P. 17 – 38.
21. Givón, T. Syntactic Complexity: A Developmental Perspective / T. Givón // V Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов: в 2 т. – Т. 1 (Калининград, 18 – 24 июня 2012 г.). – Калининград, 2012.
22. Spurrett, D. How to do things without words / D. Spurrett, S. J. Cowley // Language Sciences. – 2004. – № 26/5. – P. 443 – 466.
23. Steffensen, S. V. Human interactivity: problem-solving, solution-probing, and verbal patterns in the wild / S. V. Steffensen // Cowley, S. J., Vallée-Tourangeau, F. (Eds.), Cognition Beyond the Body: Interactivity and Human Thinking. – Dordrecht: Springer, 2013. – P. 234 – 256.

Список и условные сокращения использованных словарей

- MMD – Macmillan English Dictionary. – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com>
 RHD – Random House Dictionary. – Random House, 2013.
 CED – Collins English Dictionary. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>
 OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Режим доступа: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com>
 WNCd – Webster's New World College Dictionary. – Режим доступа: <http://websters.yourdictionary.com/-constraint>

ANDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>

VC – Vocabulary.com. – Режим доступа: <http://www.vocabulary.com/dictionary>

W – Wiktionary. – Режим доступа: <http://en.wiktionary.org/wiki/constraint>

COED – Compact Oxford English Dictionary. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/definition/english>

WED – The Wordsmyth English Dictionary. – Режим доступа: <http://www.wordsmyth.net>

Информация об авторе:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доцент, доктор филологических наук Кузбасской государственной педагогической академии, заведующая кафедрой французского языка и методики преподавания, 8-905-901-03-86, nastiakol@mail.ru.

Anastassia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of French Language and Teaching Methodology, Kuzbass State Pedagogical Academy.

УДК 811.111'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО КОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере жанра фэнтези)

С. В. Коломиец, Е. В. Медведева

INTERTEXTUAL MARKERS OF CULTURAL-SEMIOTIC PATTERNS IN LITERARY DISCOURSE (the genre of fantasy)

S. V. Kolomiets, E. V. Medvedeva

Настоящая статья посвящена явлению интертекстуальности в художественном дискурсе. В фокусе исследования находится отражение социокультурного фона в художественном дискурсе посредством интертекстуальных отношений. Материалом для анализа послужили художественные произведения, написанные в жанре фэнтези.

The given article is devoted to the phenomenon of intertextuality in literary discourse. It focuses on the presence of sociocultural background in literary discourse by means of intertextual relations. Fantasy fiction served as material for the research.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, интертекстуальность, фэнтези, аллюзия, цитата.

Keywords: discourse, literary discourse, intertextuality, fantasy, allusion, quotation.

Одним из самых молодых и популярных направлений в современной лингвистике является исследование дискурса. Проблема эффективности речевой коммуникации вышла на первый план в связи с интенсивным развитием экономических, политических и межкультурных отношений в современном обществе и вызвала необходимость получения глубоких знаний в области коммуникации, как межнациональной, так и межличностной. Как отмечают такие исследователи, как В. Б. Кашкин, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Г. Н. Манаенко и др., перенос научного интереса на языковые единицы потенциально неограниченного объема (дискурсы) связан со следующими тенденциями в современной лингвистике:

1) постепенное увеличение размера языковых составляющих, оказывающихся в фокусе внимания исследователей;

2) попытка изучать язык не только «в самом себе и для себя», но как живой организм, с учетом всех его экстралингвистических факторов.

Понятие «дискурс» остается одним из самых неоднозначных в зарубежной и отечественной лингвистике. Можно предположить, что существующий сегодня терминологический плюрализм в определении дискурса был вызван одинаковым обозначением разных объектов исследования такими учеными как

Эмиль Бенвенист и Зелиг Харрис. Первый употребил этот термин для характеристики речи, присваиваемой говорящим, противопоставляя дискурс объективному повествованию, в то время как для Харриса объектом анализа была последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение.

В 60-е годы Мишель Фуко, развивая идеи Бенвениста, акцентирует внимание на установлении позиции говорящего по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова, а не по отношению к самому порождаемому высказыванию. В дальнейшем французская лингвистическая школа рассматривает дискурс как такой эмпирический объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком, человеком и идеологией.

В ходе дальнейшей эволюции понимания термина «дискурс» в лингвистических исследованиях возникает направление дискурсивного анализа, которое основано на противопоставлении формализма функционализму в лингвистике. Т. ван Дейк одним из первых строит модель дискурса на основе «коммуникативного события» как сложного единства языковой формы, значения и действия. Он направляет анализ дискурса на исследование личностных характеристик говорящих, их намерений, эмоций, предпочтений и т. д. В

результате всего этого дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее процесс создания определенного речевого произведения (текста) и отражающее зависимость данного произведения от экстралингвистических факторов [5].

Суммируя существующие определения понятия «дискурс» Д. Шифрин выделяет три основных подхода к изучению дискурса. Первый подход осуществляется с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики и определяет дискурс – как языковой элемент, находящийся выше уровня предложения или словосочетания – “*language above the sentence or clause*”. Второй подход дает функциональное определение дискурса как любого употребления языка, предполагая обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Третий подход подчеркивает взаимодействие формы и функции (дискурс трактуется как высказывание), подразумевая, что дискурс является целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [27].

Как справедливо отмечает М. Л. Макаров, «само определение такой категории, как дискурс, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [15, с. 85 – 86].

На сегодняшний момент в отечественной лингвистике наиболее часто цитируемым является определение понятия «дискурс» предложенное Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте. ... Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136 – 137]. Данное определение отражает ситуативный характер понимания дискурса, акцентирует внимание на ситуации общения.

Многие современные лингвисты, описывая природу и характер дискурса, красной нитью проводят в своих определениях тесную связь дискурса с коллективным сознанием, ментальностью, картиной мира.

В. З. Демьянков определяет дискурс как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора», подчеркивая тот факт, что содержание дискурса часто концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта [4, с. 32 – 43].

Так, Г. Г. Слышкин утверждает, что как всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи (в том числе и дискурс) может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Дискурс в этом случае будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа [24, с. 38 – 39].

Е. В. Чернявская трактует дискурс как «языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [26, с. 54].

Т. В. Милевская предлагает понимать дискурс как «совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанную с познанием, осмыслением и

презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира продуцента реципиентом» [18].

Наиболее часто современные исследователи рассматривают дискурс как процесс, зафиксированный в устной или письменной форме (тексте).

А. А. Кибрик трактует дискурс как «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта» [9, с. 4]; В. В. Красных понимает дискурс как вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата и обладающую лингвистическим и экстралингвистическим планами [11]; Е. С. Кубрякова делает акцент на то, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [13, с. 164].

Вышеизложенные определения дискурса позволяют рассматривать дискурс как процесс речемыслительной деятельности, а текст как результат данного процесса, как графическую презентацию дискурса.

А. Н. Приходько сравнивая понятия «текст» и «дискурс» выделяет следующие свойства дискурса: антропоцентричность, недискретность, процессуальность / динамичность, континуальность, открытость, цикличность и амбивалентность, противопоставляя им такие характеристики текста как завершенность, дискретность и статичность [23, с. 23].

Многогранность понятия «дискурс» порождает в свою очередь проблему таксономии (классификации) дискурса. Н. И. Клушина говорит о том, что современные лингвисты выделяют типы дискурса произвольно, по разным основаниям: тема; жанр; социально значимая сфера бытования или стиль; коммуникативное событие; интенция; идеология; технические средства производства и презентации текстов. А. А. Кибрик в качестве основополагающего параметра классификации видов дискурса выделяет: модус (устный и письменный); жанр; функциональный стиль; регистр (формальность/неформальность).

А. Н. Приходько рассматривая дискурс как сложное когнитивно-коммуникативное целое процессуально-результатирующего порядка, рассматривает в качестве параметров типологизации дискурса три его основных конститутивных фактора / регистра общения – среда, модус (режим) и стиль общения [9; 10; 23]. В свою очередь В. И. Карасик считает особенно важным противопоставление статусно-ориентированного и личностно-ориентированного дискурсов. Критерием данной классификации дискурса ученый рассматривает общение людей с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации [7, с. 232].

Одним из видов личностно-ориентированного дискурса является художественный дискурс, в котором общение отличается монологичным и развернутым характером и представлено произведениями художественной литературы, философскими и психологическими интроспективными текстами [7, с. 240].

Художественный дискурс как речемыслительная деятельность, представленная единством всех авторских произведений, обладает как собственно лингвистическим, так и лингвокогнитивным планами его порождения и восприятия. Первый связан с языковыми средствами, стилистическими приемами и т. д. создания художественных произведений, второй обуславливает выбор языковых средств и влияет на порождение и восприятие текстов произведений.

Н. С. Олизко определяет художественный дискурс как развернутый, предельно насыщенный смыслами диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и структуры текста, выводящей произведение в безграничное пространство семиосферы [20, с. 164 – 166].

Создавая «возможные миры», художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая многомерность реального мира, читатель преодолевает его пространственно-временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров» [21].

Художественный дискурс – это не только речь, присвоенная автором-субъектом, но и письмо, в котором прочитывается голос другого: принцип диалога позволяет выявить в нем текстуальную гетерогенность (интертекстовое начало) [12]. Е. В. Чернявская трактует интертекстуальность как категорию «разгерметизации» и открытости текста, которая охватывает качественно различные стратегии содержательного построения текста [27, с. 176].

Существуют две концепции интертекстуальности широкая и узкая. Широкая концепция рассматривает предтекстом каждого отдельного произведения все конкретные предшествующие тексты и лежащие в их основе общие коды и смысловые системы. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чувством» существует общее интертекстуальное пространство, включающее в себя весь культурно-исторический опыт личности. В соответствии с более узким подходом интертекстуальность обозначает не свойство текстов, а особое качество лишь определенных текстов (или типов текста). В этом случае под интертекстуальностью понимаются такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам [22, с. 9].

В рамках широкой концепции интертекстуальности интертекстуальность можно рассматривать в семиотическом плане. Е. В. Чернявская пишет «... в семиотическом плане интертекстуальность означает отношение между одной языковой знаковой системой и другой, референциально соотнесенной с первой». Понятие текста в семиотике не обязательно связано только с естественным языком. Любая знаковая система, имеющая целостное значение и связность, является текстом. Поэтому к текстам с точки зрения семиотики можно отнести картины, таблицы, ноты, ритуалы, кино и т. д. [6, с. 10].

Интертекст позволяет автору ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования авторского текста как целого, интертекстуальность, сле-

довательно, выполняет конструктивную функцию. В свою очередь, авторский текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст [25, с. 37 – 38]. Смыслорождающая функция интертекстуальности реализуется в использовании автором интертекстуальных элементов с прагматической интенцией – оказать влияние или изменить сознание адресата / реципиента.

Учитывая вышеизложенное, закономерным становится вопрос о возможностях реципиента увидеть и правильно истолковать проведенные автором интертекстуальные связи. Ведь «именно читатель делает текст (как результат дискурса) полным, реконструируя ту его часть, которая прямо в тексте не выражена, а предполагается известной читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса» [20]. В свое время Р. Барт писал «Текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [2, с. 390].

Учитывая диалог автора и читателя в художественном дискурсе, понятие «маркированность» занимает ключевое место в системе рассуждений о межтекстовых связях. Маркированность подразумевает наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном уровне лингвистических сигналов межтекстового диалога, которые помогают адресату верно истолковать сообщение автора. К маркированным элементам интертекстуальности можно отнести заголовки, эпиграфы, имена персонажей, повтор текстовой формы (структуры, ритма), смена языкового кода, архитекtonика и композиция текста [27, с. 197]. Думается, что указанные маркеры носят скорее эксплицитный характер, так как ярко выражены в тексте графически.

Включение в текст культурного пространства других произведений искусства, которое может осуществляться при помощи использования литературно-художественных стилей, жанров и направлений как знаков определенных веков, как символов определенных нравственно-эстетических категорий. Чаще всего приемами интертекстуальности в художественных текстах выступают аллюзия, цитация, пародирование, реминисценция и др. [16]. Перечисленные приемы интертекстуальности в текстах имеют имплицитный характер и предполагают широкий кругозор читателя.

Рассматривая проявления интертекстуальности в художественном дискурсе, а именно, в фантастике, можно отметить разнообразие используемых средств. В зависимости от художественного замысла, автор использует цитаты и аллюзии, пародирует и подражает уже существующим текстам, перерабатывает сю-

жеты и темы, а также трансформирует языковые единицы на разных уровнях.

А. Азимов в своей серии романов об Академии ("Foundation") включает цитаты из так называемой Галактической Энциклопедии, которые являются подражанием классическим энциклопедическим словарям, в романе "Pebble in the Sky" приводит цитату из Браунинга, а в романе "The Currents of Space" дает разновидность рекламной надписи "Of all the Planets in the Galaxy, Florina is the Most Beautiful" [29]. В этом романе он также использует аллюзию на капитана корабля, который либо должен покинуть корабль последним, либо может остаться на своем корабле до конца. Один из героев, в ходе развития романа берущий на себя ответственность за судьбы людей на планете, которой вскоре суждено погибнуть во время взрыва сверхновой, решает остаться на ней после того, как под его руководством все будут эвакуированы: "When will the last person leave?" "Never, really." "I don't understand." "The Townman has applied unofficially for permission to remain. It's been granted, also unofficially. It won't be a matter of public record." "Remain?" Rik was shocked. "But for the sake of all the Galaxy, why?" "I didn't know", said Junz, "but I think you explained it when you talked of Earth. He feels as you do. He says he can't bear the thought of leaving Florina to die alone" [29].

В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на анализе произведений жанра фэнтези. Г. И. Лушникова при исследовании пародии довольно подробно анализирует построение интертекстуальных отношений в произведениях юмористической фэнтези (Т. Пратчетт), выделяя следующее: использование разных функциональных стилей; семантическая трансформация пословиц и пародия на сам жанр пословиц (употребление в буквальном смысле, видоизменение, эксплицитная критика и опровержение пословиц, создание новых изречений); включение эксплицитных и имплицитных аллюзий, которые на лексическом уровне представлены в виде авторских окказионализмов и каламбуров, а на текстовом – в виде антиклимакса, ведущего к эффекту обманутого ожидания [14].

Одним из наиболее частых приемов создания интертекстуальности в произведениях жанра фэнтези является аллюзия, в основном имплицитная. Так, например, Андрэ Нортон в своих произведениях вызывает в памяти читателя различные социально-исторические и культурные события, факты, явления, используя своего рода коды или символы этих фактов. В романе "Star Born" присутствует аллюзия на стремление человеческого общества избавиться от последствий диктатуры и освободиться от обвинения в дискриминации любого рода, которое зачастую принимает гиперболизированные формы: "The fierce racial and economical prejudices which had been the keystones of the structure of Pax had left their shadow on Terra's thinking. Nowadays a man would better be condemned for murder than for prejudice against another – it was unforgivable crime" [32]. Мы не можем не вспомнить узаконенное рабство в южных штатах американского государства, которое основывалось как раз на расовых и экономических предрассудках, под-

крепляемых большой экономической выгодой, а также такое явление как политкорректность, когда выражение предрассудка или предвзятого отношения к какой-либо социальной группе является совершенно недопустимым. Но, к сожалению, это проявление либерализма остается только внешним, несмотря на страх обвинения: "in spite of the horror of prejudice, Raf could not help but believe that too many Terrans secretly thought of "man" only as a creature in their own general image. ...to be caught out with any claim of prejudice ... Odd – when Pax had ruled ...the cardinal sin was to be a liberal, to experiment, to seek knowledge. Now the wheel had turned – to be conservative was suspect. ...the evil signs of prejudice" [32]. Чтобы выделить данную ситуацию и подчеркнуть ее несколько «странный» характер, автор использует конвергенцию лингвостилистических средств, таких как эпитеты, сравнение, тематическую лексику «преступление», эмфатические конструкции, метафору и т. д. Тема рабства, отношения к другой расе как к животным, а не как к людям возникает и в следующем отрывке, где описывается ситуация допроса потомка землян, который путешествовал с представителем морского народа "mermen": "You travel with beasts – "the alien's accusation came. ..."I know no beasts," Dalgard faced up to that squarely. ...Dalgard did sense the other's almost hysterical aversion. ...Beast friends with beast. As the beasts – so shall you end. It is spoken" [32]. Заключительная фраза приговора напоминает высказывания ярых поборников расизма, обвиняющих защитников индейцев и негров-рабов во время столкновений на почве расовой дискриминации, имевших место на американском континенте.

Другой яркой аллюзией культурного характера является аллюзия на гладиаторские бои, которая отсылает нас к культуре и обычаям Древнего Рима. Автор не называет событие напрямую, она изображает картину, воспринимаемую главным героем, и через его восприятие она дает характеристику и оценку происходящих событий: "Established in what was once a court surrounded by the towers and buildings of the cities was ...arena... The glittering, gaily dressed aliens were taking their places on the tiers of the seats. ...Remembering far-off legends of earlier and more savage civilizations on his own world, Raf was now sure that the lone man below was about to fight for his life" [32].

Таким образом, аллюзия на социально-исторические события и явления в вышеприведенных фрагментах через экспликацию вызываемых ими чувств, переживаний и, акцентируя связанную с ними негативную коннотацию в современном обществе, удваивает эмоциональное воздействие художественного текста, способствует провозглашению идеи гуманизма, принятия Иного, осознанию сущности Добра и Зла.

А. Нортон также использует аллюзии на скандинавские мифы, входящие в корпус прецедентных текстов англоязычной культуры. В романе "Forerunner Foray" при создании топонима *Nornoch* (место, где живет народ моря) автор использует мотивы скандинавской мифологии, так как вероятнее всего данное название образовано от *Norns* (богини судьбы в скан-

динавской мифологии). Одной из функций скандинавских норн было сохранение мирового дерева Иггдрасиль, для чего они поливали его водой из волшебного колодца Урд и заделывали глиной повреждения на его стволе [19; 30]. Миссией жриц Норноча является сохранение безопасности жизни в городе, для этого они укрепляют его стены с помощью вещества, выделяемого фантастическими живыми организмами – *Lurla*. В романе прослеживается и мотив бесконечной борьбы со стихией, которая однажды закончится поражением, что также характерно для скандинавских мифов: “The anger of the sea against Nornoch. Would these walls stand through this storm? And if they did – what of the next and the next -?” [31, с. 168]. В описании фрагмента истории данного поселения прослеживается и элемент мифа об Атлантиде или подобных ему мифов о подводных городах. “Only, the sea was winning; after all these centuries it was winning. Her people held this outpost, and when the Three walls were breached, when the sea came again – they would be swept away, back and down, to become, if any survived, what they had once been; mindless living things of the under-ooze. ...she ...concentrated on what was her mission, to will the walls to hold, to be one with the defense” [31, с. 170]. Кроме этого, в нескольких романах прослеживается миф о существовании морского народа “mermen” [31; 32; 33].

Помимо мифологических аллюзий автор использует аллюзии на племенные обряды и обычаи. Так, в романе “Star Born” герои должны пройти своеобразный обряд инициации – испытания, который заключается в совершении путешествия по опасным территориям, и только после этого они становятся полноценными и полноправными членами племени: “the man-journey which was both his duty and his heritage to make before he took his place as a full adult in the Council of Free Men” [32]. Название Council of Free Men (Совет Свободных Людей) также отсылает нас к системе управления различных племен, например, индейских. В романе “Storm Over Warlock” описывается процесс предсказания – прочтения будущего, похожий на ритуальные жреческие и шаманские обря-

ды: “We shall cast the rods, man-who-thinks-without –a guide. Perhaps then we shall see how strong your dreams are. ...Her hands swayed the bowl from side to side, and there was an answering whisper from its interior as if the contents slid loosely there. Then one of her companions reached forward and gave a quick tap to the bottom of that container, spilling out upon the table a shower of brightly colored silvers each an inch or so long. Shann, staring at the display in bewilderment, saw that in spite of the seeming carelessness of that toss the small needles had spread out on the blank surface to form a design in arrangement and color. All three of the Warlockians bent their heads to study the groups of the tiny sticks” [33, с. 126].

Произведения жанра фэнтези изобилуют символами и мотивами характерными для жанра сказки, с которыми он генетически связан. Так, в романах А. Нортон довольно частотен символ воды (водного пространства), которая выполняет путеводную функцию: “guided by the stream”, “a stream fed into the cove from the west, a guide of sorts”, а также является источником жизни и пути к спасению, будучи переходом в другой мир. Именно в воде (море) героиня романа “Forerunner Foray” Зианта находит ключ к возвращению в свой мир, именно там герой романа “Storm Over Warlock” открывает в себе новые возможности и находит союзников для борьбы с врагами, в воде ищут спасение и жители планеты Астра в романе “Star Born”. Море недоступно человеческому пониманию, это какой-то другой мир – живой и непознанный (“sea green water, opaque, not to be pierced to the depths by human sight”, murky depths of an aquatic world” [33, с. 77]).

Таким образом, можно говорить о том, что интертекстуальные отношения в рамках жанра фэнтези носят различный характер, что обусловлено вариативной природой самого жанра. Однако специфика жанра способствует тому, что на первый план выходят мифологические аллюзии и социально-культурные аллюзии, отражающие значимые события, факты и переживания культурно-исторического наследия человечества.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт: [пер. с фр.]; сост. общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 1989. – 610 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
4. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Елина, Е. А. Семиотика рекламы: учебное пособие / Е. А. Елина. – 2-е изд. – М.: Дашков и К, 2012. – 136 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – М.: Гнозис. – 2004. – 390 с.
8. Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурсов: сб. Концептуальное пространство языка / В. Б. Кашкин. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 337 – 353.
9. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – Вып. 2.

10. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2001. – Вып. 9.
11. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода / В. В. Красных. – М., 1999. – 64 с.
12. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4.
13. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. Гуманит. гос. ун-т, 1995.
14. Лушникова, Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности англоязычной литературной пародии / Г. И. Лушникова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 215 с.
15. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2006. – 280 с.
16. Макеева, М. Н. Интертекстуальность как авторская техника программирования читательского восприятия художественного текста / М. Н. Макеева. – Режим доступа: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1999-1/1999-1-07.pdf>
17. Манаенко, Г. Н. Координаты понятия «дискурс»: коллективная монография / Г. Н. Манаенко // Дискурс, концепт, жанр. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 15 – 35.
18. Милевская, Т. В. Дискурс и текст: проблема дефиниции / Т. В. Милевская. – Режим доступа: <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>
19. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 226.
20. Олизько, Н. С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста / Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 60.
21. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – 2002. – Режим доступа: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1143>.
22. Пономарева, О. А. «Диалогизм» романа «Кысь» Т. Толстой (фольклорный, литературный и историко-культурный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09, 10.01.01 / О. А. Пономарева. – Майкоп, 2008. – 24 с.
23. Приходько, А. Н. Таксономические параметры дискурса / А. Н. Приходько // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК; под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – Вып. 7.
24. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Академия, 2000. – 128 с.
25. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрпункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
26. Чернявская, В. Е. Дискурс / В. Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
27. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
28. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford, Cambridge, Mass, 1994.
29. Asimov, I. The Currents of Space / I. Asimov. – Mode of access: readr.ru/isaac-asimov-the-currents-of-space.
30. Encyclopedia Britannica 2012. – Mode of access: <http://www.britannica.com>.
31. Norton, A. Forerunner Foray / A. Norton. – New York: Ace Books: The Viking Press, Inc., 1973. – 286 p.
32. Norton, A. Star Born / A. Norton. – Mode of access: <http://www.correctenglish.ru/reading/literature/andre-norton>.
33. Norton, A. Storm Over Warlock / A. Norton. – New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1960. – 193 p.

Информация об авторах:

Коломиец Светлана Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 89045721047, kolomsvetlana@yandex.ru.

Svetlana V. Kolomiets – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Медведева Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 89050756256, lmv72@mail.ru.

Elena V. Medvedeva – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

МОРФО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИЮ ПЕЧАЛИ

Н. А. Константинова

MORPHOLOGICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE GERMAN EMOTIVE VERBS EXPRESSING THE EMOTION OF SADNESS

N. A. Konstantinova

Описание морфо-семантических особенностей немецких производных и непроизводных эмотивных глаголов, выражающих эмоцию печали, помогает понять культурную специфику данного явления. Особое место в таких исследованиях занимает анализ словообразовательных элементов (префиксов), принимавшие участие в процессе деривации, их функции и специфики отношений между префиксами и глагольной семантикой.

Description of morphological and semantic features of the German derivative and non-derivative emotive verbs expressing the emotion of sadness helps understand the culture-specific peculiarities of the given phenomenon. In such researches, special attention is given to the analysis of word-building elements (prefixes), which are involved in the derivation process, their functions and specific peculiarities of the relationship between prefixes and verbal semantics.

Ключевые слова: префикс, семантика, производный глагол, эмотивный глагол, деривация, печаль.

Keywords: prefix, semantics, derivative verb, emotive verb, derivation, sadness.

Несмотря на обширную лингвистическую литературу, посвященную изучению эмотивной лексики в разных языках (М. Д. Городникова, 1985; Л. Г. Бабенко, 1989; А. Г. Баранов, 1993; Е. М. Вольф, 1995; А. Вежицкая, 1996; В. Г. Гак, 1998; В. И. Шаховский, 1998), проблема эмоций в преломлении к их отражению в языке считается на сегодняшний день не до конца решенной и требует дальнейшего изучения.

Известно, что эмоции пронизывают ментальную и вербальную деятельность человека, занимают существенное место в построении и развитии социальных отношений. Эмоция трактуется психологами как особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного и неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности [5].

Сфера эмоционально-психической деятельности человеческого сознания обслуживается языком, так как в процессе семантической интерпретации мира человек проявляет своё эмоциональное отношение к отдельным его объектам и их свойствам. Это отношение закрепляется в лексических значениях слов. Следовательно, сами эмоции являются для языка объектом отражения, что также означает связь между эмоциональной и языковой сферой жизнедеятельности человека. По мнению известного французского лингвиста Жозефа Вандриеса «чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда они выражены языковыми средствами» [2, с. 136]. Исходя из данного положения, современные лингвисты считают необходимым изучать собственно языковые механизмы обозначения и выражения эмоций [1].

В языке существуют два основных способа выражения эмоций:

- выразительный способ, когда языковое значение передаёт эмоцию равнозначно ей самой;
- интерпретационный способ, когда эмоция фиксируется как объект познания в понятиях. Сюда относятся соответствующая лексика, объединяющая раз-

ные части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, междометия), фразеологические конструкции и др.

Эмотивная лексика обладает сложным, комплексным значением, поэтому для её анализа требуются не только знания законов языка, но и знания о природе самого денотата. В данной работе предметом исследования являются немецкие глаголы, выражающие эмоцию печали, поэтому в самом начале исследования нам необходимо познакомиться с психологической характеристикой данной эмоции для того, чтобы глубже проникнуть в семантику данной группы эмотивных глаголов.

Эмоция печали считается в психологии базисной, так как является филогенетически первичным, основанным на перцептивных представлениях психическим переживанием человека (страх, радость, гнев, печаль), являющимся психологически универсальным и наиболее релевантным культурным феноменом того или иного этноса [4]. По мнению К. Изард проявление печали носит, как правило, пассивный характер, замедляет не только физическую, но и умственную активность человека. Опечаленный человек разговаривает мало и неохотно, печальные люди не желают действовать и остаются неподвижными [3]. Переживание печали обычно описывают как уныние, грусть, хандру.

Печаль считается продолжительной негативной эмоцией человека. Шкала её интенсивности начинается с легкого уныния и заканчивается глубокой скорбью. Печаль может комбинироваться с другими эмоциями. Из всех возможных интеракций, в которые вступают друг с другом эмоции, самой распространенной является интеракция «печаль-гнев». Печаль является врожденным активатором гнева. Все, кому знакомо чувство уныния, хандры, знают, что оно сопровождается переживанием гнева, – человек сердится на себя или ругает других за свои несчастья [3].

В своей денотативной основе эмотивная лексика ситуативна, поскольку эмоции тесно связаны с субъ-

ектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. По мнению Л. Г. Бабенко для выражения различных эмоциональных состояний из всех частей речи лучше всего подходит глагол, поскольку он ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта [1]. Именно глагол как стилистически и семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения чувств. Эмоции передаются глаголом как состояние (горевать, злиться), как становление состояния (мрачнеть), как отношение (ненавидеть, обожать), как воздействие (сместить, злить), а также как внешнее проявление эмоций (смеяться, стонать, плакать) [1].

В данной работе анализируются немецкие глаголы, выражающие содержанием своего лексического значения состояние печали. Эмотивными здесь считаются глаголы, выражающие эмоцию как процесс и реализующие категориально-лексическую сему “эмоциональное переживание”. Л. Г. Бабенко эмотивным называет такое значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены эмотивные смыслы [1]. Выделяя эмотивные глаголы из массива глагольной лексики, мы в первую очередь опирались на анализ лексического значения слова, поскольку категория эмотивности на уровне лексического значения реализуется в эмосеме, которая составляет ядро значения эмотивных глаголов.

В семантике немецких эмотивных глаголов выделяются базовый и дополнительный идентификаторы эмотивности [1]. Базовый идентификатор эмотивности выражается, как правило, глаголами, передающими общую идею эмотивности. В нашем случае это глаголы *empfinden* ‘чувствовать’, *haben* ‘иметь/испытывать’. Дополнительный идентификатор эмотивности замещается конкретными именами существительными, репрезентирующими содержание эмоции, например, *Trauer* ‘скорбь’, *Kummer* ‘горе’.

В немецком языке существует несколько существительных, номинирующих эмоцию печали, например: *die Trauer* „[tiefer] seelischer Schmerz über einen Verlust od. ein Unglück“ (сильная душевная боль по поводу утраты или несчастья); *der Kummer* “Betrübnis über ein schweres Geschick, das eigene Leid” (печаль о тяжёлой судьбе, личные страдания); *das Leid* „tiefer seelischer Schmerz als Folge erfahrenen Unglücks“ (сильная душевная боль как результат пережитого несчастья); *das Weh* “seelischer Schmerz; Leid” (душевная боль, страдание). Из приведённых примеров следует, что эмоция печали в немецком языковом сознании воспринимается, прежде всего, как душевная боль, страдание и репрезентируется с указанием величины (в основном большой), т. е. *глубокая печаль, сильная душевная боль*.

Исходя из того, каким глаголом представлен базовый идентификатор эмотивности, все немецкие эмотивные глаголы можно разделить на четыре группы:

1) глаголы эмотивного состояния с семами «чувствовать/испытывать какую-либо эмоцию», например: *sich freuen* “Freude *empfinden*” (чувствовать радость)

[7, с. 538], *sich scheuen* “Angst *haben*” (иметь/испытывать страх) [7, с. 1313];

2) глаголы становления эмотивного состояния с семой «прийти в определённое эмоциональное состояние», например: *sich erzürnen* “zornig *werden*” (стать сердитым/рассердиться) [7, с. 463], где глагол *werden* обозначает “in einen bestimmten Zustand kommen” (прийти в определённое состояние) [7, с. 1731];

3) глаголы эмотивного воздействия с семой «привести кого-либо в определённое эмоциональное состояние», например: *beunruhigen* “jmdn. in Unruhe *versetzen*” (привести кого-либо в состояние тревоги) [7, с. 252];

4) глаголы внешнего выражения эмоций с семой «выразить внешне эмоциональное состояние, отношение к кому-либо/чему-либо», например: *jammern* “unter Seufzen und Stöhnen jmdm. seinen Kummer *zeigen*” (вздохами и стоном показывать кому-либо своё горе) [7, с. 786].

Немецкие эмотивные глаголы, передающие эмоцию печали, представлены транзитивными и интранзитивными глаголами. Транзитивным в работе считается глагол, управляющий в предложении дополнением в винительном падеже без предлога [6].

Количественно доминируют интранзитивные глаголы (16 ЭГ), что свидетельствует о том, что в большинстве своём это глаголы эмотивного состояния с семой «чувствовать/испытывать эмоцию» при этом с указанием на внешнее проявление эмоции, например: *trauern* „seelischen Schmerz empfinden und *entsprechendes Verhalten zeigen*” (испытывать душевную боль и показывать это своим поведением) [7, с. 1552]. Другая группа интранзитивных глаголов выражает эмоцию печали с указанием на интенсивность проявления эмоции, например: *sich grämen* „*sich tief betrüben*” (*глубоко* опечалиться) [7, с. 627]; *sich vertrauern* „*heftig trauern*” (*очень сильно* печалиться) [8, т. 6, с. 4247]. Небольшая группа глаголов содержат в своей семантике указание на внешнее проявление эмоции именно через плач, например: *nachweinen* „*weinend nachtrauern*” (печалиться плача) [7, с. 1057].

Анализ семантики транзитивных глаголов (10 ЭГ) свидетельствует о том, что они выражают эмоцию печали как процесс и ориентированы, прежде всего, на сферу объекта, который является причиной данного эмоционального состояния, например: “einen Toten, jmdes. Tod, Schicksal tief *betrauern*” (глубоко печалиться об умершем, по поводу смерти кого-либо, тяжёлой судьбы). Анализ примеров показывает, что причиной печали человека являются, как правило, смерть, потеря кого-либо/чего-либо, трудная судьба и др. Семантический анализ глаголов-синонимов указывает на наличие параметра «интенсивность эмоции», например, глубокая, сильная печаль: “Der Brief hat sie *sehr* betrübt”. “Sie *betrauert tief* seinen Tod”.

Среди транзитивных и интранзитивных эмотивных глаголов можно выделить как непроизводные (*trauern, grämen, weinen, klagen, stöhnen, quälen, jammern, flennen, leiden, greinen* и др.), так и производные глаголы (*beweinen, bekümmern, betrüben, betrauern, bedrücken, nachweinen* и др.).

Морфологически производным в работе считается глагол, в основе которого присутствует первый гла-

гольный компонент-префикс, т. е. «служебная морфема, которая находится перед корнем и выражает словообразовательное и/или грамматическое значение» [6, с. 21]. Префикс может стоять как непосредственно перед корнем, так и перед другим префиксом. Непроизводным считается глагол, лишённый префиксов. Непроизводные глаголы, присоединяя префикс, становятся производными и претерпевают некоторые изменения:

- усложняют свою морфологическую структуру;
- более/менее существенно изменяют своё лексическое значение;
- в некоторых случаях изменяют свои синтаксические характеристики.

Круг значений, которые придаются префиксами в процессе деривации, варьируются от префикса к префиксу [9]. В случае, когда с присоединением префикса производный глагол не выражает нового действия, а обозначает то же самое действие, что и производящий глагол, но при этом добавляется некоторый конкретный смысл к значению глагола, речь идёт о модифицирующей функции префикса. Если же значение производного глагола в процессе деривации меняется существенно, то в этом случае имеет место трансформирующая функция префикса [6].

Транзитивные эмотивные глаголы, выражающие эмоцию печали, представлены одним производным глаголом *quälen* “jmdn. in grossen Kummer versetzen” [8, т. 2, с. 908] и девятью производными глаголами, преимущественно с префиксом *be-* в своём составе (два глагола с префиксом *nach-*), например: *betrüben* “jmdn. traurig stimmen” [7, с. 250]; *nachweinen* “den Verlust, das Nicht-mehr-vorhanden-Sein einer Person od. Sache sehr bedauern, sehnsüchtig an sie zurückdenken” [7, с. 450].

В таблице 1 представлен количественный состав транзитивных ЭГ, выражающих эмоцию печали.

Таблица 1

№	непроизводные ЭГ	производные ЭГ
1.	<i>quälen</i>	<i>beweinen</i>
2.		<i>bekümmern</i>
3.		<i>betrüben</i>
4.		<i>betrauern</i>
5.		<i>bejammern</i>
6.		<i>bedrücken</i>
7.		<i>beklagen</i>
8.		<i>nachweinen</i>
9.		<i>nachtrauern</i>
Всего	1 ЭГ	9 ЭГ

В составе производных транзитивных эмотивных глаголов количественно доминирует префикс *be-*, который является, прежде всего, показателями транзитивности [9], выполняя, таким образом, синтаксическую функцию. Префикс *nach-* придаёт семантике глагола дополнительный оттенок значения «печальное воспоминание», например: *nachtrauern* “den Verlust, das Nicht-mehr-vorhanden-Sein einer Person od. Sache sehr bedauern, *sehnsüchtig an sie zurückdenken*” (горевать о потере, отсутствии человека или вещи и *вспоминать об этом с тоской*) [7, с. 439].

Интранзитивные эмотивные глаголы представлены девятью производными (*weinen*, *leiden*, *trauern* и др.) и семью производными глаголами (*sich betrüben*, *sich bekümmern* и др.), т. е. количественно данные группы практически равны.

В таблице 2 представлен количественный состав интранзитивных ЭГ, выражающих эмоцию печали.

Таблица 2

№	непроизводные ЭГ	производные ЭГ
1.	<i>jammern</i>	<i>aufjammern</i>
2.	<i>weinen</i>	<i>aufweinen</i>
3.	<i>trauern</i>	<i>losweinen</i>
4.	<i>flennen</i>	<i>sich totweinen</i>
5.	<i>schluchzen</i>	<i>sich vertrauern</i>
6.	<i>sich grämen</i>	<i>sich betrüben</i>
7.	<i>sich kränken</i>	<i>sich bekümmern</i>
8.	<i>leiden</i>	
9.	<i>greinen</i>	
Всего	9 ЭГ	7 ЭГ

В составе производных интранзитивных глаголов присутствуют четыре префикса: *auf-*, *be-*, *ver-*, *tot-*, которые придают специфические оттенки значения производным эмотивным глаголам.

Префиксы *tot-* и *ver-* придают значение длительности и высокой степени интенсивности эмоции, например: *sich totweinen* “*lange, heftig weinen*” (долго и сильно плакать); *sich vertrauern* “*sich so sehr in Trauer verzehren, dass man dabei zugrunde geht*” (так сильно впасть в печаль, что при этом даже довести себя до смерти).

Префиксы *be-*, *auf-*, *los-* придают значение начала состояния и указывают на временный характер эмоционального состояния, например: *sich bekümmern* “*über etwas traurig werden*” (опечалиться из-за чего-либо); *losweinen* “*plötzlich laut weinen*” (вдруг громко заплакать); *aufweinen* “*plötzlich für einen Augenblick laut weinen*” (вдруг на мгновение громко заплакать); *aufjammern* “*plötzlich, kurz jammern*” (вдруг, на мгновение заголосить).

В результате морфо-семантического анализа немецких эмотивных глаголов, выражающих эмоцию печали, выяснилось, что данная группа глаголов в равной степени представлена как производными, так и производными глаголами. Печаль, как эмоциональное состояние, характеризуется большой силой своего проявления, что послужило стимулом для процесса деривации и проявилось в выборе соответствующих глагольных префиксов, которые выполняют в данном случае модифицирующую функцию.

Богатая палитра эмоциональных переживаний человека требует от языка соответствующей реакции, в рассматриваемом случае в виде процесса глагольной префиксации, благодаря которой становится возможной передача различных оттенков печали, как эмоционального состояния человека. Исследование эмотивных глаголов представляет собой сложный процесс, вызывающий интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения и требует дальнейшего детального изучения в различных плоскостях.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989. – 190 с.
2. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 410 с.
3. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб, 1999. – 500 с.
4. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
5. Немов, Р. С. Психология. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 4-е изд. / Р. С. Немов. – М.: Владос, 2003. – 688 с.
6. Пименов, Е. А. Типология транзитивированных глаголов / Е. А. Пименов. – Кемерово, 1995.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Dudenverlag, 1989.
8. Klappenbach, R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 1 – 6 / R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag, 1977.
9. Kühnhold, I. Deutsche Wortbildung. I. Hauptteil: Das Verb / I. Kühnhold. – Düsseldorf, 1973.

Список принятых сокращений

ЭГ – эмотивный глагол

Информация об авторе:

Константинова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8-950-273-81-96, konst-nina @yandex.ru.

Nina A. Konstantinova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 81'271

ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД НАБЛЮДАЮЩЕГО Д. В. Кузнецов

TEMPORAL RELATIONS IN A WORK OF ART: IN THE EYE OF THE BEHOLDER D. V. Kuznetsov

Поскольку любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираются они под воздействием антропофактора, т. е. грамматика является личностно обусловленной. Грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира.

As any grammatical category provides variable forms for the author of a speech act, they are selected under the influence of human factor. Thus, grammar is personality dependent. Grammatical scheme of the situation described in speech is determined by the author's picture of the world.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, грамматическое время, ретроспекция, simultaneity, prognostics.

Keywords: linguistic personology, linguistic person, tense, retrospection, simultaneity, prognostics.

Антропоцентрические тенденции в современном языкознании отражаются в появлении все большего числа исследований, фокусирующих внимание на homo ludens – человеке говорящем. Данный процесс не случаен: во всех областях освоения и познания действительности возрастает роль языка – универсального средства овладения миром. Язык, являясь средством накопления, хранения, переработки и передачи информации, становится двигателем прогресса человечества. Индивидуальные речевые характеристики, рассматриваемые через призму типовых, позволяют вскрыть особенности существующей в сознании автора речевого произведения картины мира, а также предполагать закономерности ее формирования.

Связь языка и речи можно представить как находящуюся в отношениях гомоморфизма со связью общества и отдельного человека. Язык как кодирующая система предстает на практике в бесчисленном множестве частных проявлений, так же как социум – собирательное множество – в индивидуальных реализациях. «Языковое сознание нации, формируемое потенциалом языковой системы, позволяет представить языковой коллектив как некую совокупность личностей, наделенных номинально одинаковой способностью речепроизводства» [12, с. 10]. Следует выделить слово «номинально», благодаря которому акцент ставится на неравенстве речевых способностей. Именно благодаря данному различию речь предстает в многообразии вариантов, языковой коллектив – как

группа индивидуальностей, обладающих уникальными характеристиками, ср.: «сущностью языка является человеческая деятельность – деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей – производящего и воспринимающего речь...» [7, с. 4].

В своей работе 1964 г. «О кодовых переходах во внутренней речи» Н. И. Жинкин называет язык «транспортером» мысли, а речь – его реализатором, утверждая, что речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык. Такая информация включает в себя данные о языке, о той части действительности, о которой говорится в речи, и, наконец, о говорящем человеке во многих аспектах. «В языке нет мыслей, они находятся в речи. <...> Проблема состоит в том, чтобы исследовать стык между языком и речью, узнать, в какой форме зарождается у человека мысль и как она реализуется в речи» [8, с. 28]. Продолжая данную мысль, можно отметить, что поскольку именно человек является своеобразным посредником между языком и речью, последняя предстает в виде проекции языка, пропущенного через фильтр индивидуальности, и вобравшей в себя все специфические черты, характеризующие человека как языковую личность.

Как утверждал В. фон Гумбольдт, изучать следует «функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [5, с. 75]. Язык, таким образом, не существует вне человеческого сознания, мышления, которые и должны становиться объектом изучения. Вне человеческого сознания не существует языка; все особенности последнего должны рассматриваться лишь в контексте мыслительных способностей. Ср. также со следующей точкой зрения: «взятый в субъекте (выделено автором), язык выступает в единстве с сознанием, речь выступает в единстве с мышлением. Субъект пользуется языком, т. е. знаковой системой, но его деятельность при этом является не знаковой (символической), а отражательной деятельностью: использование знаковой системы включается в отражательную деятельность [2, с. 44]. Соответственно, рассматривать «как реальную величину» следует «не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления» [3, с. 482].

Э. Бенвенист настаивал на том, что «нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм», т. к. «при подобном подходе за бортом оказывается сам человек, личность, порождающая и воспринимающая речь» [1, с. 104]. Говоря о разнообразии, которым отличается спектр применений языка, автор указывает, что:

– во-первых, за исключением специальных лингвистических исследований, сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным, поскольку мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения;

– во-вторых, мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке.

Мыслимое приобретает форму, лишь материализуясь в речи. Содержание мысли оформляется языком как целостной системой, и не может абстрагироваться от языка, который организуется как упорядоченный набор единиц разного порядка. Эта большая структура, включающая в себя меньшие структуры нескольких уровней, и придает форму содержанию мысли.

Каждый из элементов, входящих в свободные сочетания, образуемые при речевой деятельности, в подавляющем большинстве случаев совпадает со своей традиционной формой, что освобождает нас от запоминания значений бесчисленных комбинаций слов. Каждый элемент речи в отдельности, таким образом, не воспринимается как обособленный, но при этом, в речевом потоке он имеет строго ограниченную функцию, определяемую его синтаксической формой. Тем не менее, комбинаторика элементов речи – прерогатива не только замкнутой, системной структуры языка, но и творческой потенции автора речевого высказывания. О. Есперсен говорил об этом так: «Язык – это совокупность навыков, привычных действий, а каждое слово и каждое произнесенное предложение есть сложное действие со стороны говорящего. Большая часть этих действий определяется тем, что говорящий сам делал в подобных ситуациях, а последнее, в свою очередь, тем, что ему приходилось неоднократно слышать от других. Но в каждом конкретном случае <...> говорящему приходится применять языковые навыки к данной ситуации, чтобы выразить то, что во всех подробностях никогда до этого не выражалось» [7, с. 28]. В каждом речевом акте, таким образом, обязательно присутствуют две стороны: одна, связанная с требованиями системы, вне которой речевой акт стремится к превращению в набор слов, не несущих за собой понятного для собеседника смысла, и другая, позволяющая каждой языковой личности реализовать собственный творческий потенциал в высказывании.

Важной особенностью восприятия является имманентная (имплицитная) позиция наблюдателя, скрыто присутствующая в конструируемом образе. В описании окружающей физической и социальной действительности, событий собственной жизни и жизни других людей имплицитно присутствует позиция наблюдателя, ценностные ориентации, системы мотивов и культурно-исторические формы категоризации которого обуславливают то содержание, которое он способен выделить из многообразия наблюдаемого мира [13, с. 157–160]. Данные наблюдений преломляются через призму сознания человека и преобразуются под влиянием биологических особенностей сенсорных механизмов, жизненного опыта и эмоционального состояния. Время как понятийная категория, являясь представлением человека о смене событий в объективном мире, выступает как отраженная сознанием реальность. Е. Б. Жулина предлагает гипотезу существования трех способов когнитивной категоризации ситуации: 1) непосредственный чувственный опыт; 2) предшествующий опыт; 3) структуральное знание, абстрагированное от первоначального

источника восприятия. Соответственно, устанавливаются три типа коммуникативных ролей, выступающих в качестве источника знания: коммуникант, описывающий непосредственно воспринимаемую ситуацию – наблюдатель воспринимающий; коммуникант, описывающий более не наблюдаемую ситуацию по памяти – наблюдатель вспоминаящий; коммуникант, рассуждающий без опоры на непосредственный или предшествующий чувственный опыт, то есть выступающий как субъект структурального знания – говорящий [9, с. 16].

Таким образом, каждое речевое произведение, так или иначе, несет на себе отпечаток лица производящего – его целеполагания, установки, особенности житейского и социального опыта, языковые и мета-языковые знания неизбежно присутствуют в каждом высказывании. Естественно, что категории, как и человеческое сознание в целом, не являются статичными, им присуще постоянное развитие. А. Я. Гуревич, анализируя в своей работе примеры различий в представлениях европейцев средних веков и современного человека, пишет следующее: «мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [6, с. 15].

Получающий свое воплощение в речевой деятельности образ картины мира непосредственно связан с одним из базовых понятий, которыми оперирует антропологическая лингвистика, понятием языковой личности. Н. Д. Голев определяет языковую личность как носителя «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом. Как следствие такого понимания, в роли главного системообразующего параметра типологии языковых личностей выступает ментально-психологический аспект языковой способности» [4, с. 10]. При такой интерпретации языковая личность не отождествляется с языковой способностью, поскольку структура ее, помимо «изначальной» языковой способности, предполагает наличие приобретенных компонентов:

а) впитанного вместе с усвоением языка коммуникативного опыта в его разнообразных проявлениях (прежде всего социально-коммуникативном и культурно-языковом);

б) индивидуального опыта и преломленного в нем коллективного опыта, который аккумулирован в языке и в известном смысле навязывается носителю языка как индивиду;

в) «багажа», приобретенного в результате обучения и самообучения языковой личности [там же].

Главной задачей лингвоперсонологического исследования выступает выделение параметров, на основании которых могли бы быть сформированы типы языковых личностей и, в дальнейшем, создание типологической системы, позволяющей более или менее четко стратифицировать любой подвергаемый анали-

зу «объект», указав его место в системе. Закономерно и то, что любая такая система не может быть дискретной, поскольку, как было сказано выше, каждый отдельный случай подразумевает наличие как индивидуальных, так и социальных признаков. Тем не менее, можно говорить о неких усредненных, стандартизированных типах, характеризующихся стабильной частотностью.

Люди, пользующиеся одним и тем же языком, мыслят по-разному, так как индивидуальный речевой потенциал каждого носителя языка безгранично вариативен. То, что закреплено нормами в языковом стандарте, вовсе не обязательно служит для отображения одних и тех же мыслей и чувств разных носителей языка. Формирование смыслов, равно как и образование форм, таким образом, является прерогативой языковой личности – единственно возможного творца языка в любой момент его развития. Комплекс условий, влияющих на образование новой семантики и грамматических форм объективации задается индивидуальными характеристиками говорящего, которые находятся в прямой зависимости как от лингвистических (языковая компетенция), так и экстралингвистических (социальных, культурных и пр.) факторов.

Выбор автором, решающим коммуникативную задачу, синтаксических структур и грамматических категорий – результат сугубо личностных предпочтений и (возможно, неосознанных) процессов, формирующих идиолект. Результат взаимодействия того набора черт, что могут считаться значимыми характеристиками языковой личности. Созвучной здесь представляется следующая мысль. Объясняя механизм выхода человека на картину мира через язык, А. А. Залевская указывает, что «в фокусе внимания индивида находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла (в норме) функционируют именно как средства, «инструменты», которые, будучи в достаточной мере освоенными, не замечаются нами до того момента, когда произойдет какой-то сбой или потребуются целенаправленный (специфический) выбор или анализ каких-то средств» [10, с. 12].

Поскольку предметом рассмотрения в данной работе является функционирование форм грамматической категории времени в описании произведения живописи, а исходной презумпцией – лингвоперсонологическая обусловленность реализации грамматических значений в речи, можно предположить следующее:

1. Поскольку грамматические категории обладают имманентной внутренней вариативностью, выбор конкретной формы (совокупности форм) является прерогативой автора речевого произведения и, опосредованно, раскрывает для реципиента авторскую картину мира. Так, видовременные формы указывают на восприятие описываемого в динамическом развитии, либо в режиме стоп-кадр, когда событие изображается как статичная картинка. Совершенно очевидно, что даже в случаях с грамматическими категориями, предоставляющими автору речи гораздо меньшую свободу выбора, имеется возможность варьирования, указывающего на индивидуальные особенности восприятия.

2. С позиций лингвоперсонологии, грамматические парадигмы представляют собой двусторонние

сущности. Во-первых, и это является основой для традиционалистского, систематологического подхода, в парадигмах присутствует отражательность по отношению к ситуации (объективной, коммуникативной). Во-вторых, присутствует и антропо-/персоно-сторона (термин Н. Д. Голева), т. е. выбор формы в некотором смысле существует априори в сознании говорящего, его картине мира. Как частные актуализации, так и нейтрализация парадигм зависят от картины мира априори по отношению к коммуникативному акту. Важным в данном случае является то, что речь идет не о произвольном, возможно осознанном, придании определенной стилистической окраски речевому произведению, а именно о реализации индивидуальной – укладывающейся, однако, в общую типологическую систему – картине мира, что и должна доказать статистика экспериментов.

3. В развитие предыдущего тезиса в ракурсе конкретной грамматической категории – грамматического времени, уместно привести следующее определение темпоральных отношений, широко бытующее в лингвистике: «темпоральность (языковое время) – это своеобразная двуплановая объективно-субъективная категория, которую можно представить как особую форму познания мира, сочетающую в себе свойства реального, перцептуального и индивидуального времени», а «время, передаваемое средствами языка, – это отражение реального времени через посредство времени перцептуального» [14, с. 26 – 27]. Обращает на себя внимание то, что во втором определении индивидуальное время фактически сливается с перцептуальным, граница между ними становится призрачной. Ср. с еще одним определением времени перцептуального как «времени, отраженного в культуре, обществе и индивидуальном сознании...», играющем «исключительную роль среди когнитивных структур и процессов, участвующих в восприятии реального мира. С его помощью реальный мир трансформируется в «проецируемый мир», который и является доступным человеческому сознанию» [там же, с. 24 – 25]. Индивидуальное время, таким образом, уходит на абсолютную периферию, что, однако, противоречит собранному экспериментальным данным. Как раз в формировании языкового времени (и, соответственно, хронотопа речевого произведения) индивидуальное время – картина мира, существующая в сознании автора априори, вне зависимости от конвенциональных норм – играет наиболее выраженную роль.

Перейдем непосредственно к материалу и результатам анализа. В сети Интернет было отобрано 14 наиболее популярных, топовых ресурсов, посвященных описанию картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова». Количественно отобранные сетевые ресурсы делятся ровно пополам: школьные сочинения на заданную/свободную тему [19; 21; 22; 23; 24; 25; 26] и ресурсы, имеющие большее или меньшее отношение к искусствоведению, критике, научному (в данном случае, семиотическому) анализу и претендующие на некую степень энциклопедичности [15; 16; 17; 18; 20; 27; 28]. Сайты, предоставляющие копии текстов, имеющих в отобранных ресурсах, не рассматривались. Первичность публикации текста на том или ином ресурсе не устанавливалась.

Анализ текстов, размещенных на обследованных сайтах, показывает следующее.

1. В описании картины очевидно безусловное преобладание симультанного видения ситуации. Авторы текстов используют глагольные формы настоящего времени и причастные несовершенного вида, концентрируясь на определенных фрагментах картины: «сидит юродивый; сидит Морозова; она обращается к народу» [18], «видим женщину ... полулежащую на саях-розвальнях; В толпе, окружающей сани, мы видим людей разных сословий и положений в обществе. Одни ей сочувствуют, другие – насмехаются; бунтарку везут на допрос; свист мальчика, бегущего за санями» [22], «Действие происходит на одной из московских улиц. Феодосия Морозова одета в чёрный балахон. Одной рукой она держится за сани; Вокруг саней толпится народ; справа стоят женщины с платками в руках – они плачут» [26], «тяжело едут сани, оставляя глубокие следы полозьев» [24]. Немногочисленные указания на события, непосредственно предшествующие изображенной ситуации, осуществляются при помощи причастий совершенного вида «вскинувшая руку; разделившая судьбу» [17], «тепло укутанная от мороза» [23], «руку, сложенную двуперстным крестом» [15]. Как видно из приведенных здесь цитат, использование данных форм не несет собственно таксисного значения, можно говорить, скорее, о семантике результативности.

2. Формы прошедшего времени в описании самой картины единичны и так же результативны по своей семантике, ср.: «Кто-то пришел посмеяться» [22], «народ даже в такой холод вышел из дома» [26], «в отчаянии скрестила руки на груди девушка в вышитой шапке» [27]. Тем не менее, в работах авторов, знакомых с историческим контекстом изображенного сюжета и/или с историей создания картины, претеритные формы используются намного чаще. Описывается, тем не менее, в данных случаях не сама картина: прошедшее грамматическое время задает экскурс в историю, ср.: «Сначала Суриков написал» [27], «на лице каждого Суриков изобразил» [23] и т. д. Большой частью формы прошедшего времени обнаруживаются во второй группе текстов (посвященных искусству, живописи, научному анализу). Важно отметить, тем не менее, что ретроспектива изображенного на картине сюжета никак не озвучена авторами анализируемых текстов. Можно сказать, что «предыстория» запечатленного кистью художника остается незамеченной.

3. Прогностическое прочтение сюжета представлено в 4 источниках в анализируемом массиве материала: «возможно, она тоже староверка, но, скорее всего, ей всё равно, кто победит, – выигравшего она признает правым», «все это её ждёт впереди, ведь она тоже не собирается отказываться от своей веры» [23], «Толпа пропустит ее возок и разойдется», «именно из этой молодежи сформируются будущие революционеры», «он проявит себя в полной красе и силе», «Еще шаг и шальной мальчишка врезается в спокойно стоящую впереди фигуру сверстника <...> сумеет ли он проскочить возникшее препятствие», «народ <...> будет оплакивать ее горемычную судьбу» [28], «Скоро ей придется сменить бархатные чер-

ные боярские одежды на грубое одеянье», «они оба пойдут до конца...», «Сама икона <...> не избавит от гонителей» [24], «Это событие не забудется завтра, оно оставит в душах неизгладимый след» [15]. Следует упомянуть, что перечисленные 4 источника также дают информацию об истории создания картины и историческом контексте изображенного сюжета, вследствие чего здесь задействовано и более значительное число форм прошедшего времени.

Анализ показывает, что формы настоящего времени в рассмотренных описаниях картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» имеют абсолютное количественное превосходство. Авторы описывают сюжет картины как происходящий «здесь и сейчас», и наблюдатель, не являясь включенным, фиксирует детали фрагментарно, фокусируя внимание на различных участках полотна. Попытки ретроспективного анализа единичны, их семантика скорее результативна, чем таксисна. Несколько более частотными, хотя и представленными в ограниченном числе описаний, являются футуральные формы, вносящие элемент прогностического видения.

Представляется интересным сравнить эти данные с результатами эксперимента, в котором использовался текст с открытой темпоральной структурой [11]. Как было выяснено, доминирующим типом темпоральной языковой личности при работе с текстом такого типа является ретроспективный. Следующим, значительно уступающим по частотности, предстает тип с проспективной ориентацией. Наконец, симультанный тип имеет наименьшее распространение. Результаты описываемого в этой работе анализа диаметрально противоположны: наиболее частотным является симультанное «прочтение» произведения искусства как культурного знака, имеющего временную организацию; ретроспективное воссоздание событий, предшествовавших сюжету картины, имеет ничтожный удельный вес. Прогностика, хотя и представлена более значительно, нежели ретроспекция, значительно уступает симультанной модели восприятия. Таким образом, выбор стимула, порождающего речевое произведение, имеет огромное значение при установлении типологической принадлежности языковой личности и создании собственно лингвоперсоналогической типологии.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
2. Богин, Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека / Г. И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1975.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963.
4. Голев, Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности / Н. Д. Голев // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография; под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
5. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.
6. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1958.
8. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26 – 38.
9. Жулина, Е. Б. Категории времени и вида в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Жулина. – СПб, 2006.
10. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002.
11. Кузнецов, Д. В. Грамматическая темпоральность в лингвоперсоналогическом аспекте / Д. В. Кузнецов // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 50 – 59.
12. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2007.
13. Петренко, В. Ф. К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект / В. Ф. Петренко // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. ст. // Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
14. Тарасова, Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков: Основа, 1992.

Источники примеров

15. Боярыня Морозова / Art on Web – художники в сети. – Режим доступа: <http://art-on-web.ru/surikov/-pictures/2658> (дата обращения: 31.01.2013).
16. Боярыня Морозова / Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%8B%D0%BD%D1%8F_%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 31.01.2013).
17. Боярыня Морозова Суриков картина / Арт Планета Small Bay. – Режим доступа: http://smallbay.ru/artrossia/surikov_boyarynya_morosova.html (дата обращения: 31.01.2013).
18. Боярыня Морозова. Описание картины. Картины великих художников / ArtRussia. – Режим доступа: http://www.artrossia.ru/russian/artists/bio.php?rarity=1&about_p=1&pic_id=33&foa=f&list=1 (дата обращения: 31.01.2013).

19. Впечатления от картины в Третьяковской галерее («Боярыня Морозова») / Litra.RU. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/composition/get/coid/00011901184864217265> (дата обращения: 31.01.2013).
20. Картина Боярыня Морозова Суриков В. И. / Art-Portrets.ru. – Режим доступа: http://www.art-portrets.ru/-boyarinnya_morozova.html (дата обращения: 31.01.2013).
21. Описание картины В. Сурикова «Боярыня Морозова» – сочинение / Антисочинение. – Режим доступа: <http://antisochinenie.ru>
22. Описание картины Сурикова «Боярыня Морозова» / Litra.RU. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/-composition/get/coid/00032801184864162588> (дата обращения: 31.01.2013).
23. Свободная тема "Сочинение по картине" – сочинение "Перед картиной В. Сурикова «Боярыня Морозова»" / MYSOCH.ru. – Режим доступа: http://mysoch.ru/sochineniya/svobodnaya_tema/_story/sochinenie_po_kartine/pered_kartinoi_vsurikova_boiarinia_morozova/ (дата обращения: 31.01.2013).
24. Свободная тема "Сочинение по картине" – сочинение "Перед картиной В. Сурикова «Боярыня Морозова»" / Школьные сочинения по литературе. – Режим доступа: <http://sochineny.narod.ru/index-27007.htm> (дата обращения: 31.01.2013).
25. Сочинение по картине. Описание картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» / Детский сад.ру. – Режим доступа: <http://www.detskiysad.ru/art/kartina165.html> (дата обращения: 31.01.2013).
26. Сочинение-описание картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» / Проект Цепковой Евгении. – Режим доступа: http://www.sch1262.ru/words/index_letter_3.htm (дата обращения: 31.01.2013).
27. Суриков. Боярыня Морозова / Художник Илья Клейнер. – Режим доступа: <http://www.ikleiner.ru/lib/-tretyakovka/tretyakovka-0067.shtml> (дата обращения: 31.01.2013).
28. Цагарая В. Василий Суриков – живописец и философ / Анахарсис. – Режим доступа: http://www.-anaharsis.ru/semiot/art_m/sur_7.htm (дата обращения: 31.01.2013).

Информация об авторе:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842) 75-00-39, kuznetsov2610@yandex.ru.

Dmitry V. Kuznetsov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 811.111'1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ ВОЗМУЩЕНИЯ

(на материале англоязычных художественных текстов)

Г. И. Лушникова, Е. А. Якищенко

LEXICAL MEANS EXPRESSING INDIGNATION

(on the basis of English fiction texts)

G. I. Lushnikova, E. A. Yakishchenko

В данной статье рассматриваются средства выражения возмущения в английском языке. Анализ проводится на материале англоязычной художественной литературы. Исследование показало, что состояние возмущения персонажей может быть представлено в речи автора-повествователя при помощи глаголов говорения и наречий, интенсифицирующих их значение.

This article focuses on the means of expressing the emotion of indignation in English. The research is based on English fiction texts. The analysis demonstrates that the personages' emotion of indignation represented in the author's speech by verbs of talking and adverbs, intensifying their meaning.

Ключевые слова: эмоции, возмущение, речь автора, средства выражения, глаголы говорения.

Keywords: emotion, indignation, the author's speech, means of expression, verbs of talking.

На современном этапе развития всех форм общественной жизни представляются наиболее актуальными проблемы, учитывающие человеческий фактор. В лингвистике – это постановка и решение вопросов о том, как в языке отражаются различные аспекты личности говорящих. Мы познаем мир посредством мышления и пользуемся языком для выражения своих впечатлений, мнений, эмоций. Как отмечал Ш. Балли, «одной из самых характерных черт разговорного язы-

ка является... его постоянное стремление к эмоциональному выражению мысли» [1, с. 351].

Эмоции – одна из форм отражения мира. Эмоции отражают не предметы и явления реального мира, а отношения человека к предметам и явлениям, т. е. не свойства предметов и явлений, а их значения для жизни человека. Эмоции являются способом оценки этого значения для конкретного человека и через нее – информацией о состоянии внутреннего «я», его сознания и психики [6, с. 24].

В данной статье рассматривается такая эмоция, как возмущение. Понятие «возмущение» в разных толковых словарях определяется приблизительно одинаково. В Большом толковом словаре русского языка «возмущение» определяется следующим образом: «крайнее недовольство, негодование, гнев» [2, с. 125]; в Словаре русского языка: «сильное раздражение, негодование» [4, с. 97]; в Cambridge Learner's Dictionary: «Indignation – when someone is indignant» [9, с. 337].

Выражение эмоций – их экспрессия, манифестация может быть неязыковой (мимика, жесты, фонация и пр.) и языковой, когда отражение эмоций осуществляется средствами языка, без называния выражаемой эмоции [6]. Следовательно, эмоцию возмущения будет правомерно рассматривать в рамках коммуникативной ситуации. Обычно коммуникативная ситуация возмущения встроена в текст, отражающий конфликты, накал страстей, когда коммуниканты выражают недовольство, раздражение, возражение, осуждение в адрес партнера по коммуникации. Нас в основном интересует речевой акт, который выступает элементарной единицей сообщения [3]. Речевой акт возмущения определяется намерением коммуниканта выразить свое отрицательное отношение к поведению партнера по коммуникации и заключается в том, что он совершает поступки, которые не укладываются в нормы поведения или не отвечают представлениям реактивного лица [5].

Возмущение как эмоциональная реакция на поведение в коммуникации имеет разнообразные языковые средства выражения, которые могут усиливаться разными эмотивными способами. Эмоции выражаются большим количеством лексических средств, грамматических структур, синтаксических конструкций.

В качестве материала для исследования лингвостилистических средств выражения эмоции возмущения представляется возможным использовать тексты художественной литературы, поскольку, по словам В. И. Шаховского, «фиксированный в художественных произведениях разговорный язык выступает в качестве формирующего эмотивный текст» [6, с. 146]. А также вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования [7, с. 3 – 13].

Мы рассмотрели произведения таких англоязычных авторов, как Daphne du Maurier, Irwin Shaw, Harold Robbins, John Cheever, Joanne Harris, Cecelia Ahern.

В первую очередь, при чтении мы обращаем свое внимание на слова автора, потому что очень часто он характеризует эмоциональное состояние героя, его речь, выражение лица и пр. Данные характеристики показывают, с какой интонацией произносится то или иное высказывание героев. В основном в ситуациях возмущения речь автора представлена глаголами со значением «возразил», «возмутился», которые отли-

чаются друг от друга выражением разной степени возмущения.

Анализ исследованного материала показал, что для выражения состояния возмущения наиболее часто используются следующие глаголы говорения:

grumble – protest – growl – snarl – snap – exclaim – explode – shout – yell.

Для характеристики произнесения той или иной фразы глаголы говорения могут сопровождаться наречиями: angrily, harshly, sharply и т. д.

А также встречаются прилагательное «indignant» и существительное «indignation», обозначающие эмоцию возмущения.

В произведении Joanne Harris «Chocolat» дочь знает, что ее отца раздражает, когда она рядом сидит и чего-нибудь ест. Но тут вдруг отцу кажется, что его дочь что-то жует.

'Are you eating something?' I snapped.

'No, pere.' Her voice was almost indignant. 'Eating? Why should I?' [11].

Ее возмутил вопрос отца, потому что в данный момент у нее во рту ничего не было. На ее возмущение автор нам указывает прилагательным «indignant» (возмущенный), с помощью которого он характеризует голос девушки. Ведь, если бы не авторская ремарка, то по речи девушки в вопросительной форме «Eating? Why should I?» (Ем? Почему ты так подумал?) можно было предположить, что она просто удивлена вопросу отца.

В следующем примере девушка рассказывает своему парню, что недавно видела упрямого рыжеволосого мужчину. На что парень ответил, что все одинаково упрямы. Девушку возмутили слова парня, потому что она подумала, что он ее сравнивает с тем человеком, о котором она говорила.

I told her. 'Each as stubborn as the other.'

Armande shot me a look of indignation. 'Me?' [11].

Здесь мы видим употребление существительного «indignation», которое используется для характеристики взгляда девушки «a look of indignation» (возмущенный взгляд).

Но при изучении коммуникативного акта, в котором присутствует эмоция возмущения, мы выявили, что прилагательное «indignant» является менее частотным, чаще всего автор использует глагол «shout» (кричать) для выражения эмоции возмущения у героев.

В произведении John Cheever «The Day The Pig Fell Into The Well» дочь, которой почти 40 лет, хочет остаться на зиму в летнем доме. Но ее отец против этого. Она старается уговорить отца и ведет себя при этом как маленький ребенок. Это выводит отца из себя:

"I want to stay, I want to stay, I want to stay, I want to stay!" she cried.

"Joan, you're acting like a child!" he shouted. "Get up!" [10, с. 134].

Эмоция возмущения может выражаться разными глаголами говорения, но только теми, которые содержат сему «недовольства». Мы расположили их в цепочке по степени возрастания эмоции «недовольство». Следовательно, встретив при чтении какой-нибудь из этих глаголов, мы, читая речь героя, пред-

ставляем себе его поведение, мимику, интонацию и силу голоса при выражении возмущения.

Одна и та же эмоция (или состояние) может обозначаться разными словами. Большая часть эмотивной лексики очень содержательна, информативна. Лексема, называющая эмоцию, передает ее сущность, а уточняющие дифференциальные семантические признаки определяют ее качества, свойства.

В примерах, приводимых ниже, в словах, выражающих возмущение, можно проследить появление нового оттенка значения и заметить, как усиливается недовольство героя, которое переходит к гневу.

Например, в произведении Cecelia Ahern «The Gift» два пожилых человека начали выяснять, сколько ложек кофе можно положить. Старушка предупредила деда, что ему много нельзя, потому что у него может случиться инфаркт. Но он был немного возмущен, недоволен тем, что старушка, с которой он недавно познакомился, учит его жить, и говорит, что ему лучше.

“You should be resting,” she said more quietly.

“The doctor said I was perfectly normal.”

“Then the doctor needs his head checked. You’ve never been perfectly normal.”

“You’ve only known me six months,” he grumbled [8].

Возмущение старика выражено с помощью глагола «grumble» (ворчать), потому что люди в его возрасте чаще всего выражают свое недовольство ворчанием.

В произведении Harold Robbins «The Carpetbaggers» начальник выделяет достаточную сумму денег, один миллион долларов, для выполнения заказа, но его подчиненный говорит, что этих денег мало, и он не сможет выполнить заказ. Начальника это возмутило.

“You’ll get a million dollars,” I said. “You’ll have to make do with that.”

“But, Jonas,” Dan protested. “How do you expect me to make the kind of pictures I want to make if you won’t let us have the money?”

“If you can’t do it,” I sarled, “then get the hell out and I’ll get someone who can” [13, c. 139].

Начальник не просто недоволен, он еще при этом зол. В его возмущении, которое автор подчеркнул словом «sarle» (сердито ворчать), чувствуется нота злости в отличие от предыдущего примера. Также в его речи присутствует сниженная лексика «get the hell out» (иди к черту).

В следующем примере из этого же произведения девушка попросила своего парня купить у неё дом за 100 тысяч долларов. Парень удивился, потому что дом стоил не более 55 тысяч, но девушка сказала, что оставшуюся сумму она потратит на компанию. Его это возмутило.

“I want you to buy the house from me.”

“How much do you want?”

“One hundred thousand dollars.”

“What?” I exclaimed. “It isn’t worth more than fifty-five.”

“I know,” she said. “But I’m throwing in something else – my stock on the Cord Explosives Company” [13, c. 31].

Глагол «exclaim» (воскликать) тоже может выражать эмоцию возмущения, как мы видим в данном примере. На состояние недовольства указывает не только этот глагол, а ещё и тот факт, что у коммуниканта начинает повышаться голос на адресата. Это свидетельствует о том, что герой не может сдерживать свои эмоции.

Когда адресант недоволен, при этом зол и начинает повышать свой голос, то он уже может находиться на грани, он не может контролировать себя. Так девушка забеременела от парня и сделала аборт, вследствие которого у нее началось сильное кровотечение, и родители девушки потребовали деньги у парня. Отец парня сильно возмущен поведением сына, потому что тот после всего происшедшего не сделал никаких выводов и пошел дальше гулять, встречаться с девушками.

Father shouted after me. “Where do you think you’re going?”

I looked back at him. “Back to L.A. You don’t need me to make up your mind. You’re either going to pay them off or you’re not. It doesn’t make any difference to me. Besides, I got a date”

He came around the desk after me. “What for?” he yelled. “To knock up another girl?” [13, c. 16]

Автор показывает, как растёт возмущение отца. Сначала он использует глагол «shout», затем «yell» (вопить), чтобы указать читателю, до какой степени разозлился отец на сына, и что отец уже находится в безвыходном положении и не знает, как объяснить сыну, что тот не прав.

Из представленных примеров мы видим, как один за другим признак прикрепляется друг к другу, и слово становится более эмоциональным. Покажем, какими дополнительными признаками характеризуются глаголы в выделенной нами цепочке:

Be indignant – grumble – protest – growl – sarle – snap – exclaim – explode – shout – yell

Недовольство в голосе + злость, грубость + повышение тона голоса.

В первых трех глаголах присутствует сема «недовольство». В следующей группе глаголов, которые содержат сему «недовольства», присутствует еще сема «злость, грубость». А в последних глаголах, кроме сем, имеющих у предыдущих, появляется сема «повышение голоса».

Также глаголы говорения достаточно часто сопровождаются наречиями, которые характеризуют окраску голоса, определенную интонацию героя, манеру произнесения, свидетельствующие об особом эмоциональном состоянии героя, состоянии недовольства, возмущения. Например, такие наречия как:

harshly, grumpily, shrilly, aggrievedly, angrily, sharply, explosively.

В произведение Daphne du Maurier «Jamaica Inn» девушка была возмущена поведением незнакомца, который без спроса вошел к ней домой, сел за стол и начал пить пиво. В данном примере употребляется наречие «sharply» (жестко).

“What do you think you’re doing?” she said sharply. “You haven’t any right to walk in here and help yourself” [12, с. 71].

В следующем примере из произведения Irwin Shaw «The Top of the Hill» Антуан был возмущен тем, что его лучший друг не поверил ему, что тот может отомстить за него.

“If I’d had a gun I’d’ve shot that little bastard”.

“Hopeless,” Michael repeated.

“Remember,” Antoine said, “I have two weeks.”

“You won’t make it in two years.”

“You’re undermining my confidence,” Antoine said aggrievedly [14, с. 225].

Для того, чтобы подчеркнуть, что Антуан оскорбился, возмущился недоверием своего друга, используется наречие «aggrievedly» (оскорблено).

В следующем примере из произведения Joanne Harris «Chocolat» эмоционально окрашенный глагол exclaim сопровождается наречием shrilly, что создаёт впечатление более сильной степени возмущения, переживаемого героем. Ситуация такова: уже достаточно выпившая компания захотела зайти в кафе, хозяин которого был разозлен тем, что компания не хотела понять, что кафе закрыто.

“It’s my name above the door, and I – say – we’re – closed!” exclaimed Muscat shrilly [11].

Герой разозлен, уже выходит из себя и начинает орать на пьяных посетителей, чтобы они, наконец, услышали его.

Исследуемый материал показал, что речь возмущенного героя чаще всего характеризуется глаголами говорения, содержащими такие оттенки значения, как повышенный голос, особая интонация.

Литература

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли: [пер. с фр.]. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Колшанский, Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения / Г. В. Колшанский // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 1. – С. 10 – 14.
4. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
5. Чапаева, Е. О. Коммуникативная ситуация возмущения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Чапаева. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т., 2010. – 24 с.
6. Шаховский, В. И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
7. Шаховский, В. И. Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5.
8. Ahern, C. The Gift / C. Ahern – Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/135237/Ahern_-The_Gift.html
9. Cambridge Learner’s Dictionary – United Kingdom: The Press Syndicate of The University of Cambridge, 2001. – 767 p.
10. Cheever, J. Selected Short Stories / J. Cheever. – М.: Progress Publishers, 1980. – 344 p.
11. Harris, J. Chocolat / J. Harris. – Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/80090/Harris_-_Chocolat.html
12. Maurier, D. Jamaica Inn / D. Maurier. – USA: Avon Books, 1999. – 303 p.
13. Robbins, H. The Carpetbaggers. Роман на англ. яз. / сокращение и комментарий Н. И. Кролик. – М.: Междер, 2006. – 304 с.
14. Shaw, I. The Top of The Hill / I. Shaw. – USA.: New English Library, 1983. – 320 p.

Информация об авторах:

Лушников Галина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии № 2 КемГУ, 8-903-941-3694, lushgal@mail.ru.

Galina I. Lushnikova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

Якищенко Елизавета Анатольевна – аспирант кафедры английской филологии № 2, КемГУ, старший лаборант кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-908-945-4949, Elizaveta90@mail.ru.

Elizaveta A. Yakishchenko – post-graduate student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

ИДИШСКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *UNTER-*:
ВАЛЕНТНОСТЬ И КОРРЕЛЯЦИИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ОПИСАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
Е. А. Мельник

YIDDISH PREFIXED VERBS WITH *UNTER-*:
VALENCE AND CORRELATIONS OF DIFFERENT DESCRIPTION AND REPRESENTATION LEVELS
E. A. Melnik

В статье рассматривается вопрос о синтаксической валентности идишских глаголов с префиксом *unter-* и дается их морфосинтаксическая классификация, подразделяющая глаголы на акцессивные, рецессивные, эквивалентные глаголы, а также описываются корреляции разных уровней описания и представления.

The paper focuses on the syntactic valence of Yiddish prefixed verbs with *unter-* and provides the morposyntactic classification of prefixal verbs as accessive, recessive and equivalent. The correlations of different description and representation levels are introduced.

Ключевые слова: идиш, валентность, референт, диатеза, акцессивные, рецессивные, эквивалентные глаголы
Keywords: Yiddish, valence, referent, diathesis, accessive, recessive, equivalent prefixal verbs.

Синтаксическая валентность глагола как его способность присоединять некоторое число определенных членов предложения непосредственно связана с тем, что предложение (или словосочетание) актуализирует внеязыковую ситуацию. Следовательно, количество членов предложения будет определяться количеством референтов, действующих в данной ситуации, то есть морфосинтаксический уровень коррелирует с уровнем референтным.

В то же время языковым единицам возможно приписать определенные семантические роли, что дает корреляцию морфосинтаксического и семантического уровней, которая А. А. Холодовичем была названа **диатезой**, под которой понималась "схема соответствия между семантическими и синтаксическими актантами", или "схема соответствия между совокупностью обозначений... участников ситуации, выраженной... глагольной словоформой, и совокупностью обозначений... участников языковой структуры" [6, с. 66].

В настоящей статье диатеза, или корреляция уровней расширенно понимается как соотносительность референта (участника или обстоятельства ситуации, описываемой высказыванием с глаголом) с ролью его имени (языкового обозначения) на семантическом и (морфо) синтаксическом уровнях представления данной ситуации [ср.: 5, с. 100 – 102].

Е. А. Пименовым была предложена синтаксическая классификация глаголов по признакам, характеризующим изменения в синтаксической структуре конструкций с мотивирующим и транзитивированным глаголом (которую можно применить к префиксальным глаголам), где под **изменением синтаксической структуры** глагола (в нашем случае префиксального) понимается "...увеличение или уменьшение валентности глагола, а также изменение синтаксического ранга... дополнений (повышение ранга, например, изменение косвенного дополнения в прямое, или понижение ранга, например, изменение синтаксической позиции подлежащего в косвенное дополнение)" [2, с. 147] в результате префиксации.

Увеличение или уменьшение валентности связано, в свою очередь, с ситуацией, а именно с числом ее участников и обстоятельств, которое может увеличиваться, уменьшаться или сохраняться. При этом соответственно увеличивается, уменьшается или сохраняется валентность описывающего ситуацию префиксального глагола. Таким образом, префиксальные глаголы подразделяются на три синтаксических класса [2, с. 147 – 149]: 1) акцессивные префиксальные глаголы; 2) рецессивные префиксальные глаголы; 3) эквивалентные префиксальные глаголы.

1. *Акцессивные глаголы*

Акцессивные глаголы – это префиксальные глаголы, у которых синтаксическая валентность выше, чем синтаксическая валентность мотивирующего глагола, в высказываниях, описывающих соотносимые референтные ситуации [2, с. 147, 148], то есть префиксальные глаголы, описывающие ситуации, в которых участвует большее число референтов, чем в аналогичных или абстрактно сходных ситуациях, описываемых мотивирующим глаголом.

Увеличение количества референтов наблюдается у некоторых глаголов следующих тематических классов:

а) у мотивирующих глаголов звукопроизводства, которые при префиксации, подвергаются семантической модификации и переходят в тематический класс глаголов речи и информации или социального действия: (1a) *beken* 'блеять': *di shaf* (1) *beket* [3, с. 47] 'Овца блеет'; (1б) *unterbeken* 'льстиво поддакивать' (букв.: *подблеивать*): *er* (1) *beket dem knaker* (2) *unter* [7, с. 694] 'Он поддакивает боссу'.

Обе ситуации представляются соотносимыми на уровне концепта ситуации, так как льстивое соглашательство уподобляется блеянию животного (предположим, что ситуация в примере (1б) – не молчаливое, а деятельное, сопровождающееся речью согласие). При этом если в ситуации блеяния в примере (1a) выступает только производитель действия (звука) – овца (одушевленный референт существительного *shaf*), то в ситуации соглашательства предполагаются, как минимум, два участника – соглашающийся и тот, с кем соглашаются (одушевленные референты личного ме-

стоимения *er* 'он' и существительного *knaker* 'босс', соответственно).

Структуры разных уровней в данных примерах можно представить в виде следующей корреляции:

Таблица 1

	Референт		Семантическая роль		Член предложения	
(1a)	Ref1 (1)	-	Ag (1)	-	П (1)	-
(1б)	Ref1 (1)	Ref1 (2)	Ag (1)	Ben (2)	П (1)	Д _{косв} (2)

где Ref1 – одушевленный референт, Ag – агенс, Ben – бенефициант, П – подлежащее, Д_{косв} – дополнение косвенное.

Здесь и далее корреляции читаются следующим образом: "В примере (1б) одушевленный референт, актуализированный языковым выражением (2) коррелирует на уровне семантических ролей с ролью бенефицианта, на уровне членов предложения с косвенным дополнением" (цифра после условного обозначения референта, роли и члена предложения отсылает к соответствующему языковому выражению в высказывании).

б) у глаголов прямого эффекта и занятия:

(2a) *hahn* 'рубить': *vayter, yingele, iz a giml ... dos ferte os, vos zet oys vi a hekele tsu hahn holts...* [7, с. 203] 'Далее, мальчик мой, идет гимель... четвертая буква, которая похожа на топорик, которым рубят дрова'.

(2б) *unterhahn* 'подрубать': *dem prints vern untergehakt di fis, un er falt mitn kop oyfn vaysn tishtukh...* [8, с. 97] 'Принцу подрубают ноги, и он падает головой на белую скатерть...'

В данном случае для более наглядной интерпретации представляется необходимым моделирование данных высказываний в высказывания с максимально полным набором возможных актантов, а также преобразование инфинитивной группы с определяемым существительным (пример (2a)) в простое предложение, а предложения с глаголом в безличном пассивном залоге (пример (2б)) в предложение с глаголом в активном залоге:

(2в) *a hekele tsu hahn holts* → *dos yingl (1) hakt holts (2) mit a hekele (3)* 'Мальчик рубит дрова топориком'.

(2г) *dem prints vern untergehakt di fis* → *me (1) hakt dem prints (4) unter di fis (2) mit a meser (3)* '[Игрушечному] принцу подрубают ноги ножом'.

Таким образом, смоделированное высказывание (2в) с мотивирующим глаголом *hahn* описывает ситуацию, в которой участвуют три референта:

(1) производитель действия (одушевленный референт существительного *yingl* 'мальчик'),

(2) объект действия (конкретный референт существительного *holts* 'дрова') и

(3) инструмент, при помощи которого производится действие (конкретный референт существительного *hekele* 'топорик').

Смоделированное высказывание (2г) с префиксальным глаголом *unterhahn* описывает ситуацию, в которой участвуют четыре референта:

(1) производитель действия (одушевленный референт неопределенно-личного местоимения *me(n)*),

(2) объект действия (конкретный референт существительного *fis* 'ноги'),

(3) адресат действия (конкретный референт существительного *prints* 'принц') и

(4) инструмент действия (конкретный референт существительного *meser* 'нож').

Структуры разных уровней данных примеров можно представить в виде следующей корреляции:

Таблица 2

	Референт				Семантическая роль				Член предложения			
(2в)	Ref1 (1)	Conc (2)	Conc (3)	-	Ag (1)	Ob (2)	Inst (3)	-	П (1)	Д _{прям} (2)	Д _{пред} (3)	-
(2г)	Ref1 (1)	Conc (2)	Conc (3)	Conc (4)	Ag (1)	Ob (2)	Inst (3)	Pt (4)	П (1)	Д _{прям} (2)	Д _{пред} (3)	Д _{косв} (4)

где Ref1 – одушевленный референт, Conc – конкретный референт, Ag – агенс, Ob – объект, Inst – инструмент, Pt – пациенс, П – подлежащее, Д_{прям/косв/пред} – дополнение прямое/косвенное/предложное.

2. Рецессивные глаголы

Рецессивные глаголы – это префиксальные глаголы, у которых синтаксическая валентность ниже, чем синтаксическая валентность мотивирующего глагола, в высказываниях, описывающих соотносимые референтные ситуации [2, с. 147, 148], то есть префиксальные глаголы, описывающие ситуации, в которых участвует меньшее число референтов, чем в аналогичных или абстрактно сходных ситуациях, описываемых мотивирующим глаголом.

Уменьшение количества референтов наблюдается у префиксальных глаголов, описывающих степень выраженности действия, процесса или состояния.

Особенность данных рецессивных глаголов состоит в том, что при прибавлении к мотивирующему глаголу префикса *unter-* становится излишней эксплицитная актуализация обстоятельственных референтов "времени" и "модуса", поскольку они инкорпорировано актуализируются посредством префикса, например:

(3a) *shpiln* 'играть (на музыкальном инструменте)': ... *shpil im a bisl oyf der piano* [6, с. 17] '...поиграй ему немного на пианино'.

(3б) *untershpiln* 'немного играть (на музыкальном инструменте)': *untershpiln oyfn fidl* [7, с. 802] 'немного поиграть на скрипке'.

Так, при употреблении в высказывании мотивирующего глагола *shpiln* для актуализации обстоятельства ситуации "немного/недолго" требуется эксплицитная актуализация данного обстоятельства посредством наречия, например, *a bisl* 'немного', как в примере (3а). При употреблении же префиксального глагола *untershpiln* эксплицитной актуализации данного референта уже не требуется, как в словосочетании (3б). Следовательно, префиксальный *untershpiln* по отношению к мотивирующему *shpiln* имеет меньшую валентность и рассматривается как рецессивный.

Для наглядной иллюстрации корреляций разных уровней в конструкциях с мотивирующим и префиксальным глаголом здесь также следует прибегнуть к

моделированию высказываний с максимально возможным числом актантов, для чего можно преобразовать побудительное предложение (пример (3а)) и словосочетание (пример (3б)) в повествовательные предложения:

(3в) ... *shpil* im a bisl (Модус) oyf der piano → zi (1) *shpilt* im (2) a bisl (4) oyf der piano (3) 'Она немного поиграет ему на пианино'.

(3г) *untershpiln* oyfn fidl → zi (1) *shpilt* im (2) *unter* oyfn fidl (3) 'Она немного поиграет ему на скрипке'.

Структуры разных уровней данных примеров можно представить в виде следующей корреляции.

Таблица 3

	Референт				Семантическая роль				Член предложения			
(3в)	Ref1 (1)	Ref1 (2)	Conc (3)	Chron (4)	Ag (1)	Adr (2)	Inst (3)	Period (4)	П (1)	Д _{косв} (2)	Д _{пред} (3)	Об _{вр} (4)
(3г)	Ref1 (1)	Ref1 (2)	Conc (3)	Chron (инк.)	Ag (1)	Adr (2)	Inst (3)	Period (инк.)	П (1)	Д _{косв} (2)	Д _{пред} (3)	-

где Ref1 – одушевленный референт, Conc – конкретный референт, Chron – референт «время», Ag – агенс, Adr – адресат, Inst – инструмент, Period – период, П – подлежащее, Д_{прям/косв/пред} – дополнение прямое/косвенное/предложное, Об_{вр} – обстоятельство времени, (инк.) – инкорпорированный референт или роль.

Таким образом, в данных ситуациях принимают участие по четыре референта, при этом в высказывании (3г) один из них, обстоятельственный референт "время", инкорпорированно [1, с. 57] актуализируется посредством префикса *unter-*, в связи с чем при глаголе не реализуется обстоятельство времени. Поэтому префиксальный глагол *untershpiln* целесообразно рассматривать как рецессивный по отношению к мотивирующему *shpiln*.

3. Эквивалентные глаголы

Эквивалентные глаголы – это префиксальные глаголы, у которых синтаксическая валентность равна синтаксической валентности мотивирующего глагола, в высказываниях, описывающих соотносимые референтные ситуации [2, с. 147 – 148], то есть префиксальные глаголы, описывающие ситуации, в которых участвует такое

же число референтов, что и в аналогичных или абстрактно сходных ситуациях, описываемых мотивирующим глаголом, например:

(4а) *zetsn* 'cadumь, сажать': ...er (1) hot... dortn (3)... gezetsn kavenes (2) un dinyes (2)... un shor-yerokes (2)... [8, с. 128] '...он... там... посадил арбузы и дыни и прочую зелень...'.

(4б) *unterzetsn* 'no(д)cadumь': er (1) hot *untergezetsn* dos kind (2) oyfn tepl (3) [8, с. 732]. 'Он посадил ребенка на горшок'.

В обеих ситуациях, описываемых вышеприведенными примерами с мотивирующим и префиксальным глаголом, соответственно, участвуют по три референта. Структуры разных уровней данных примеров можно представить в виде следующей корреляции.

Таблица 4

	Референт			Семантическая роль			Член предложения		
(4а)	Ref1 (1)	Conc (2)	Top (3)	Ag (1)	Ob (2)	Loc (3)	П (1)	Д _{прям} (2)	Об _{мес} (3)
(4б)	Ref1 (1)	Ref1 (2)	Top (3)	Ag (1)	Pt (2)	Loc (3)	П (1)	Д _{прям} (2)	Об _{мес} (3)

где Ref1 – одушевленный референт, Conc – конкретный референт, Top – референт «место», Ag – агенс, Ob – объект, Pt – пациенс, Loc – локатив, П – подлежащее, Д_{прям} – дополнение прямое, Об_{мес} – обстоятельство места.

Несмотря на разницу на референтном и ролевом уровнях (где в двух ситуациях участвуют, соответственно, одушевленный и неодушевленный референты, а языковым единицам приписываются роли объекта и пациенса), данные ситуации, тем не менее, соотносимы, так как оба референта испытывают на себе действие, а семантические роли объекта и пациенса относятся к объектной гиперроли [2, с. 41 – 42].

В целом необходимо отметить, что добавление к мотивирующему глаголу префикса *unter-* лишь в единичных случаях вызывает существенное изменение его синтаксических характеристик. Поэтому абсолютное большинство префиксальных глаголов с точки зрения валентности относится к синтаксическому классу экви-

валентных глаголов, что связано с семантикой префиксальных глаголов по сравнению с семантикой мотивирующих: префикс *unter-* в основном не модифицирует описание ситуации, но конкретизирует то, в каком месте, в каком направлении, в какой степени, в какой стадии или в какой форме имеет место внеязыковая ситуация, которая репрезентируется, прежде всего, посредством мотивирующей глагольной основы.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает тесную взаимосвязь семантического и морфосинтаксического уровней, в частности, в сфере идишских глаголов с префиксом *unter-*, реализующихся в рамках высказывания.

Литература

1. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608. с. (Studia philologica).
2. Пименов, Е. А. Типология транзитивированных глаголов / Е. А. Пименов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 284 с.
3. Русско-еврейский (идиш) словарь / под ред. М. А. Шапиро [и др.]. – М.: Русский язык, 1989. – 720 с.
4. Успенский, В. А. К понятию диатезы / В. А. Успенский // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л.: Наука, 1977. – С. 65 – 84.
5. Шишигин, К. А. Семантика и прагматика индексальных единиц в немецком рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук / К. А. Шишигин. – Кемерово: КемГУ, 1998. – 221 с.
6. Bergelson, D. In a fargrebtter shtot / D. Bergelson. – Режим доступа: <http://mendeley.commons.yale.edu/wp/wp-content/uploads/2010/05/fargrebt.pdf>
7. Mark, Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh / Y. Mark, Y. Yofe. – New York: Komitet farn Groysn verterbukh fun der yidisher shprakh, 1961. – Band I. – 2333 z.
8. Sholem-Aleykhem. Ale verk fun Sholem-Aleykhem / Sholem-Aleykhem. – Band 8. – New York: Morgn Frayhayt, 1937. – 231 p.

Информация об авторе:

Мельник Екатерина Анатольевна – ассистент кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, melnik-ekaterina@mail.ru.

Ekaterina A. Melnik – Assistant Lecturer at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.111'1

РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ (на материале английских художественных произведений)

Е. А. Мещерякова

THE ROLE OF INTERJECTIONS IN THE REALIZATION OF THE CATEGORY OF PERSONALITY (on the basis of English fiction texts)

E. A. Meshcheryakova

Цель данной статьи – показать использование антропоцентрического подхода и важность категории персональности в изучении междометий в английских художественных произведениях. Употребляя междометия, авторы передают чувства их персонажей, личное отношение к реальной и ирреальной действительности. Междометия, как единицы, выражающие категорию персональности, отражают суть антропоцентрической лингвистики как изучение «человека в языке».

The purpose of this paper is to show the relevance of the anthropocentric approach and the importance of the category of personality in studying interjections in English fiction. By using interjections, the authors show us their characters' feelings and personal attitude to the reality. Interjections as the means of realization of the category of personality reflect the essence of anthropocentric linguistics as the study of «the person in language».

Ключевые слова: междометия, антропоцентрический подход, категория, модальность, категория персональности.

Keywords: interjections, anthropocentric approach, category, modality, the category of personality.

История лингвистики есть фактически история изучения языка человека, и лишь во 2-й половине XX века появилась активная тенденция изучать человека в языке. В последнее время внимание лингвистов всё больше привлекает субъективный момент в языке. В этой области известны работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Р. А. Будагова, Б. А. Серебренникова, Д. А. Штелинга, Ю. С. Степанова, Г. А. Золотовой, Э. Бенвениста и др. Этой проблеме посвящены специальные сборники [2; 12] и др. З. К. Ахметжанова, один из авторов последнего сборника, пишет: «...лингвистика переживает переходный период, когда на первый план выходит когнитивная лингвисти-

ка, актуальность приобретают исследования, посвящённые человеческому фактору в языке. В частности, можно говорить об антропоцентризме как основе функционирования языка, когда акт речевого общения может состояться только при условии учёта фактора человека – коммуниканта» [2, с. 12].

Проблема познания человека, его характерных особенностей, системы ценностей, традиций и верований всё больше выдвигается на первый план. Возникают новые научные дисциплины: социолингвистика, лингвострановедение, этнолингвистика и др. Исследователи своё внимание акцентируют на том, что язык антропоцентричен, и вся языковая категори-

зация объектов и явлений окружающей действительности ориентирована на человека.

Исходя из того, что антропоцентризм обусловил возникновение особого интереса исследователей к различным способам выражения личностного, субъективного отношения человека к окружающей действительности (важной составной частью которого является эмоциональный компонент) через призму человеческого мировосприятия и мироощущения, исследование междометий проводится с учётом «человеческого фактора», т. е. обращения к человеку не только как к личности говорящей и мыслящей, но и чувствующей. Кроме того, антропологический характер современной лингвистики предполагает исследование языковых процессов, когда субъект речи и её реципиент включаются в описание языковых механизмов [11, с. 36].

Положение о том, что человек и естественный язык рассматриваются в их объективно существующей взаимосвязи: «человек вне языка не существует, язык вне человека существовать может только как исторический памятник» [6, с. 20], стали обобщением анализа языковой картины мира как многогранного специфического ментального феномена.

В связи с интересом ученых – лингвистов к исследованию вопроса о самосознании, самоопределении человека, его отношении к миру, к самому себе на первый план идея языковой специфики интерпретации внутреннего мира человека.

Внутренний мир охватывает сферу человеческих чувств, страстей, мыслей [8, с. 147], включая общую структуру личности, мнения, представления, желания, намерения, способности, чувства и ощущения [9, с. 7], то есть совокупность всех ментальных феноменов, недоступных восприятию. В данном случае изучение междометий представляет собой изучение внутреннего мира человека со всеми его желаниями, чувствами, мыслями и страстями.

Представление о том, что происходит внутри индивида, отражено в языке, т. к. язык является неотъемлемой частью его сознания [1]. Это дает основание обратиться к изучению так называемой семантики эгоцентрических категорий (интроспективная семантика): «мир семантически дискретных эмоций, желаний, волевых устремлений», в совокупности составляющих семиосферу внутреннего мира человека [7, с. 883].

Исследования ментальных образований, относящихся к области эмоций, приобретают актуальность в рамках современных когнитивных исследований семантики внутреннего мира индивида, так как «эмоции и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются друг с другом» [4, с. 303 – 312].

Внимание современных ученых – когнитивистов к эмоциональным сущностям обусловлено этнолингвистической природой последних. «Нормы бытования социума» определяют их содержание, в них представлены знания о внутреннем мире самого человека [3, с. 36], что требует специального лингвистического изучения. В этой связи представляет лингвистический интерес исследование такой текстовой категории как персональность, а также роли междометий в реализации данной категории.

Являясь выражением «человека в языке», текстовая категория персональности представляет огромный интерес для современного исследования. Это объясняется потребностью углубления и конкретизации лингвистических представлений о принципах и закономерностях использования языка человеком [10].

Категория персональности, по мнению Е. Ю. Стратийчук, имеет статус сверх категории и проявляется в художественных русско- и англоязычных текстах авторского или личностного начала, что объясняется тем, что автор текста организует повествование на основе своей точки зрения на экстралингвистическую действительность. Текстовая категория персональности формирует текст, являясь т. о. и текстообразующей [10].

Средства выражения текстообразующей категории персональности обладают значительным прагматическим потенциалом, что обусловлено языковыми средствами и особенностями речевой реализации данных средств.

Существенными характеристиками средств выражения текстообразующей категории персональности является их оценочность, образность и информативность.

План содержания функционально- семантической категории персональности органически взаимодействует с авторской модальностью, формирующей как антропоцентричность художественного текста, так и его субъектоцентричность, которая реализуется с помощью определённых речевых тактик и приёмов, позволяющих выразить динамику образа персонажа [10].

Исследования категории персональности ведётся преимущественно через посредство текстов как репрезентантов стилей. Существует множество определений текста, исходящих из разнообразия не только в трактовке самого понятия «текст» и его природы, но и в методике изучения. Наибольшую ценность для рассмотрения категории персональности представляют лингвистические определения. Рассмотрев разные определения, мы пришли к выводу, что текст – это единица особого уровня языка и речи (устной и письменной), имеющая свои собственные составляющие – сложные синтаксические целые или сверхфразовые единства.

Сложные синтаксические целые определяются лингвистами как сочетание нескольких предложений, тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически, представляющие собою, по сравнению с отдельным предложением, более полное развитие мысли. Оно обладает смысловой целостностью и внутренней связностью элементов (предложений) и уже само представляет собой микротекст.

Понятие «текстовая категория» вошло в лингвистическую науку в середине 70-х гг., однако до сих пор оно чётко не определено. Категория – это понятие, в котором отражены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов и явлений объективного мира; это отражение двустороннего характера текста, единство формы и содержания, которое может структурироваться. В целом можно сказать, что текстовая категория – это признак, который свойственен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст [10].

Е. Ю. Стратийчук утверждает, что категория персональности занимает главенствующее место в иерар-

хии текстовых категорий и является отправной точкой для таких категорий текста как модальность, темпоральность, последовательность и другие [10].

Она является ведущей текстообразующей категорией. Это обусловлено тем, что текст целиком выстраивается и организуется автором, подчиняясь его замыслу.

Далее автор говорит о необходимости различать понятия текстовой категории и текстообразующей. Если текстовая категория – это категория, которая проявляется на уровне текста, то текстообразующая категория – это категория, участвующая в построении текста. Текстовая категория необязательно и не всегда выполняет текстообразующую функцию, тогда как текстообразующая категория всегда является одновременно и текстовой. Все текстовые категории можно разделить на текстообразующие и нетекстообразующие. К первым относится персональность, темпоральность, локальность, связность, модальность и др., ко вторым – вежливость, количественность – качественность, причинно – следственность и др. Таким образом, категория персональности рассматривается нами не только как текстовая, но и текстообразующая.

Текстообразующая категория персональности рассматривается как категория «образа автора». Образ автора – это организующая сила произведения, объединяющая в единое целое его отдельные части, пронизывающая его единым мировоззрением. Образ автора представляет собой определённое отвлечение от биографической реальности, всегда несколько идеализированное [10].

Модальность в нашем исследовании рассматривается в качестве составного понятия текстообразующей категории персональности. Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению). В данном исследовании нас интересует субъективная модальность – отношение говорящего к тому, что он выражает. Это формирует в своей основе текстовую категорию персональности, формирует текст.

Также интерес для изучения представляет авторская модальность, которую мы рассматриваем как воплощение авторской интенции. Категория авторской модальности реализует коммуникативные интенции автора в категории текстовой модальности. То есть, авторская модальность определяет систему отношений между модальными планами, которые реализуют текстовую модальность. Междометия, на наш взгляд, представляют собой один из способов выражения авторской модальности. В центре внимания оказывается личность автора, психологический и когнитивный аспекты анализа которой являются не менее важными, чем лингвистический, поскольку созданный автором текст и в частности, употребление в нем междометий, отражает его индивидуальные психические и когнитивные особенности. Художественное пространство представляет собой «модель мира данного автора» и является континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие [5, с. 418].

Далее необходимо отметить тот факт, что доминирующий принцип лингвистического анализа – ан-

тропоцентрический – дополняется в настоящее время новым подходом – субъектоцентрическим, когда в центр лингвистической дескрипции ставится не абстрактная языковая личность, а конкретный субъект конкретной коммуникации, текста, дискурса [10].

Под субъектоцентризмом мы будем понимать предложенное определение Е. Ю. Стратийчук, т. е., «факт абсолютизации субъектом художественного произведения своей собственной духовной, мыслительной позиции» [10]. Субъектоцентризм является одним из важнейших условий личностного понимания художественного текста. Он организует всю образную систему текста и воплощает общее художественно – стилистическое значение произведения, определяет использованные в нем авторские тактики. Таким образом, субъектоцентризм является определяющим аспектом художественного текста и выступает в качестве речевого условия репрезентации категории персональности в тексте. В какой бы форме не выражалась авторская позиция в художественном тексте, стоящий «за» текстом автор – творец является «всезнающим» относительно созданного им художественного мира и обладающим даром непрямого говорения [10].

Субъективации повествования в тексте способствует эмоционально-экспрессивная лексика. Основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой действительности, а экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности, его эстетической характеристики. Экспрессивность – это категория, ориентированная на адресата, т. е. имеющая прагматическое значение [10].

На наш взгляд, эмоционально-экспрессивная лексика, к которой мы относим междометия, помогает автору точно и глубоко описать людей, подчеркивая позицию собственно автора текста к представленным персонажам. Тем самым становится очевидным, высказывает ли писатель одобрение или осуждение, касающегося их поведения.

В соответствии со степенью авторского присутствия можно говорить о разной степени субъективации повествования. По мнению Е. Ю. Стратийчук, нейтрализация субъективного авторского присутствия может служить раскрытию художественного замысла не хуже, чем его явное присутствие [10]. Закономерности употребления «я-субъекта» диктуются условиями лингвистического и экстралингвистического планов. Воля, чувства, разум говорящего лежат в основе его когнитивных, проецируемых на язык, то есть отражающих все те невидимые миру виртуальные психические процессы, которые наиболее объективно в высказывании, говоря о себе, может отразить только субъект, то есть говорящий [10].

В исследуемых нами английских художественных произведениях (D. Galsworthy «The Man of Property», R. Kipling «Just So Stories», O. Wilde «The Importance of Being Earnest») авторы для особой выразительности используют междометия с яркой положительной или отрицательной эмоциональной окраской, которые косвенно выражают положительное или отрицательное отношение писателя к герою, давая ему возможность говорить о том, что, по его мнению, плохо или хорошо

не прямо, а завуалировано. Этим избегается прямое «навязывание» своей точки зрения читателю. Воспринимая события, представленные в таком свете, читатель сам приходит к тому же выводу. Например, в романе «The Man of Property» мы можем наблюдать, благодаря употреблению междометия «oh», негативное отношение автора ко всем Форсайтам: To Forsytes that final renunciation of property is hard. Oh! It is hard! [13, p. 306].

Анализ употребления междометий в данных произведениях позволяет говорить об индивидуальных чертах языковой личности автора, которые находят отражение в концептуализации и образе мыслей писателя и выражаются в стиле его письма и выборе языковых средств для характеристики персонажей.

Междометия являются одним из грамматических средств выражения категории персональности в художественном тексте. Они способны выражать модальные значения, передавать то или иное отношение к действительности, эмоционально-этикетную сторону речи, выражающую чувства, отношения и переживания людей. Междометия являются сигналами появления в авторском описании суждений, присущих самому персонажу. При этом они выражают эмоции

различного характера в зависимости от тональности повествования. Так, самая распространенная эмоция в речи героев, исследуемых нами произведений, это удивление. Эта эмоция представлена такими междометиями, как oh! ah! eh? gracious! good heavens! why on earth! oh bother! my winkie! O Bonanas! В соответствии с намерениями автора одно и то же междометие может выражать разные оттеночные значения. Например; «Ah! said the Cat listening», «We won't have beavers or hills this time, eh?»...» [14, p. 35]. «Ah!» said Bosinney sarcastically. «Your wife! She doesn't like the cold?» [13, p. 112]. В первом случае междометие «Ah!» выражает догадку, предположение, а во втором – сарказм, насмешку.

Таким образом, антропоцентрический подход к изучению междометий и их роль в реализации категории персональности очень важны для исследования такого класса слов как междометия. Язык пронизан субъективностью, поэтому субъективный, человеческий фактор все больше и больше перемещается в центр современных лингвистических исследований. Междометия и категория персональности, в данном случае, отражают суть антропоцентрической лингвистики как изучение «человека в языке».

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Ахметжанова, З. К. Об антропоцентрической направленности языков / З. К. Ахметжанова // Принципы антропоцентризма в современной лингвистике. – Алматы, 1997.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
4. Додонов, Б. И. Эмоции в системе ценностей / Б. И. Додонов // Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – (Хрестоматия по психологии).
5. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 704 с.
6. Малинович, Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука / Ю. М. Малинович, М. В. Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – М.; Иркутск: Институт языкознания РАН: ИГЛУ, 2003.
7. Малинович, Ю. М. Семиосфера внутреннего мира человека: проблема семантики эгоцентрических категорий / Ю. М. Малинович // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29 – 31 августа 2006 г.). – Кемерово: КемГУ, 2006. – (Концептуальные исследования; вып. 8).
8. Николаев, Н. И. К уточнению понятий «внутренний человек» и «внутренний мир человека» / Н. И. Николаев // Res philological: ученые записки; ред. Э. Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002.
9. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с. – (Концептуальные исследования; вып. 3.).
10. Стратийчук, Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Стратийчук. – Ростов н/Д., 2006. – 23 с.
11. Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука – 1991.
12. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
13. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. The Man of Property / J. Galsworthy. – М.: Progress, 1997. – 383 p.
14. Kipling, R. Just So Stories / R. Kipling. – М.: Progress, 1992. – 254 p.
15. Wild, O. Selections / O. Wild. – М.: Progress, 1979. – 444 p.

Информация об авторе:

Мещерякова Екатерина Александровна – аспирант кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-903-985-11-58, ekaterina-mesheryakova@mail.ru.

Ekaterina A. Meshcheryakova – post-graduate student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

УДК 811.111'42

НОМИНАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ГЕРОЙ-БОРЕЦ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Е. О. Омеличкина, М. Ю. Рябова

NOMINATIVE CHARACTERISTICS OF THE LINGUOCULTURAL TYPE «HERO-FIGHTER» IN THE FRENCH LITERARY DISCOURSE

E. O. Omelichkina, M. Y. Riabova

Настоящая работа посвящена изучению единиц номинации лингвокультурного типажа «герой-борец» как модельной личности, а также анализу его образно-перцептивных и поведенческих характеристик, объективированных во французском художественном дискурсе. В ходе исследования выявлены культурно-специфические особенности героического сознания.

The paper focuses on the study of units nominating the linguo-cultural type «hero-fighter» as a model personality, as well as his figurative, perceptual and behavioral characteristics which are manifested in the French literary discourse. The paper explores culturally specific features of the heroic consciousness.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, герой-борец, модельная личность, номинативная характеристика, художественный дискурс.

Keywords: linguocultural type, hero-fighter, model personality, nominative characteristics, literary discourse.

Общество с момента своего рождения испытывает перманентную потребность в феномене героизма, в представлениях о людях более высокой природы, отличающихся эталонными качествами, поступками, поведением, образом жизни, и канонизирует их как социальные эталоны. Представления о героях зародились в недрах мифологии, прошли длительную эволюцию и закрепились во всех культурах, поэтому типаж «герой» является архетипическим по своей природе.

Актуальность рассмотрения лингвокультурного типажа «héros combattant» («герой-борец») обусловлена необходимостью изучения особенностей мышления и поведения героической личности как выразителя национального характера и ценностей, принятых в той или иной лингвокультуре, а также как модельной личности, устанавливающей ценностные ориентиры поведения для представителей нации. Вслед за О. А. Дмитриевой [1] и В. И. Карасиком [2], под лингвокультурным типажом понимается разновидность концепта, содержание которого составляет типизируемая языковая личность. Изучение специфики символизации образа героя-борца представляется важным для понимания французской ментальности. «Нация, являясь ключевой инстанцией коллективного самосознания, идентифицирует себя в своих героях» [3, с. 3], которые способствуют укреплению ее национально-культурной идентичности.

Таким образом, содержанием лингвокультурного типажа «герой – борец» является модельная языковая личность как культурный символ – носитель национально-культурных ценностей, принимающий активное участие в военных действиях или борьбе за гражданские идеалы, отличающийся храбростью и способностью к самопожертвованию ради других, реализующий свою нравственную позицию в подвиге, который положительно оценивается обществом.

Особенностью героического сознания во французской лингвокультуре является ярко выраженный моральный, гуманистический характер природы подвига,

который актуализируется в сознательном участии и защите человеческого достоинства, права на жизнь и благоприятную окружающую среду.

Художественная литература является хранилищем информации о национальной культуре, пропущенной сквозь призму авторского восприятия и воплощенной при помощи средств языка. Художественный дискурс совмещает индивидуально-авторскую мысль и набор ценностей и воззрений, составляющих национальное наследие, которыми обладает автор в силу принадлежности к определенной культуре. В художественном дискурсе реализуются представления об изучаемом человеческом типаже, он конкретизируется как персонаж, актант действия.

Материалом исследования послужили текстовые фрагменты, обозначающие и описывающие рассматриваемый лингвокультурный типаж в художественных произведениях французских авторов XX века: А. де Сент-Экзюпери «Ночной полет» и «Военный летчик» [10], Р. Гари «Корни неба» [8], Ж. Жионо «Гусар на крыше» [9], А. Барбюс «Огонь» [7]. Данные произведения вобрали в себя наиболее типичные черты соответствующей эпохи, национального менталитета и героической личности и в то же время оказали большое влияние на французскую культуру, сформировав новую героическую модель поведения, эксплицировав внешние и внутренние параметры, а также оценочные характеристики исследуемого типажа (самоидентификация и оценка окружающих – как положительная, так и отрицательная).

Семантико-понятийные компоненты лингвокультурного типажа «héros combattant», актуализируемые в художественном дискурсе, включают:

1) сема – воин: герой-борец поневоле; герой-борец – вдохновитель;

2) сема – борец: герой-борец – защитник; герой-борец – рыцарь; герой-борец – подвижник.

Выделение набора компонентов типажа обусловлено функциональным аспектом, его целевой установкой: обретение права выбора; донесение высшего

смысла и вдохновение соотечественников на борьбу; следование рыцарскому кодексу чести; защита людей, природного мира и идеалов; самоотверженный труд и выполнение долга.

Дискурсивный и лингвокультурологический анализ выявил ряд номинативных единиц *HÉROS COMBATTANT*, средств вербализации его характеристик и поведенческих особенностей:

Сема – воин:

1. Номинации героя:

А) Первичная номинация: mon frère d'armes (мой брат по оружию), homme (человек), un vainqueur (победитель), un vieillard (старик), le guerrier (воин), un ancien sous-officier (бывший сержант), un sous-lieutenant (младший лейтенант), un soldat (солдат).

Б) Метафорическая номинация: une statue (статуя), un propriétaire d'un équipage de vainqueurs (хозяин экипажа победителей), un bûcheau (палач).

Героическая личность эксплицируется при помощи лексем, указывающих на тип и пол, возраст, род деятельности и статус. Образному переосмыслению подвергается внешний облик героя, его статус и роль. Метафоры носят преимущественно ярко выраженную положительную коннотацию, однако отмечается деструктивная деятельность солдата.

2. Образно-перцептивные характеристики героя:

А) Определения: à la belle face (с красивым лицом), brave (храбрый), malheureux (несчастный), n'est pas touché (не раненый), permanent (постоянный), volontaire (добровольный), courageux (храбрый), prudent (осторожный), préoccupé (озабоченный), infatigable (неутомимый), étouffé (задыхающийся), aveuglé à demi (почти ослепший), soulevé (приподнятый от земли), jeté de côté (отброшенный в сторону), plié (согнутый), attigé (раненый), fort (сильный).

Б) Эпитеты: à la face grave (с величественным лицом), marbré (мраморный), invulnérable (неуязвимый), bâti (слаженный), rude (суровый), achevé (цельный), accablé de pressentiments (угнетаемый предчувствиями), grand (великий), parfait (совершенный), héritier de Dieu (наследующий от Бога), dur (суровый).

Определения и эпитеты характеризуют как портретные особенности героя, так и его человеческие качества. Война деформирует внешность и разрушает телесную оболочку героя, но закаляет героический характер. Обычный человек преображается и находит в себе лучшие качества.

3. Поведенческие характеристики героя:

А) Номинация действия: marcher comme à la fête (идти как на праздник), dissimuler les émotions (прятать волнение), aller à la guerre (идти на войну), subir le devoir (исполнять долг), ne pas tressaillir (не дрожать), garantir le visage (защищать лицо), marcher sous le déchaînement de poings (идти под градом ударов), subir des épreuves (пройти испытания), reléguer le corps au rang de valetaille (не ставить тело ни в грош), se reprocher (упрекать себя), pas laisser qn (не оставлять кого-то), donner tout (отдать все), donner toute leur force (отдать все силы), se donner (пожертвовать со-

бой), faire plus que son devoir (сделать больше, чем это требует долг), faire de la charité, don à l'Homme (проявлять человеколюбие).

Б) Номинация состояния: mourir en riant (умирать смеясь), devenir comme si on n'était pas (как будто не существовал), trembler jusqu'au crâne (дрожать всем телом), se suffoquer (задышаться), avoir une maladie (иметь болезнь), ne savoir rien éclaircir sur soi-même (не уметь объяснить себя), être cette guerre (быть этой войной), dominer leur époque (возвыситься над временем), souffrir (страдать), vieillir (стареть), avoir rien à raconter (ничего рассказать), incarner une haute idée morale (воплощать высокое нравственное начало), se dégager des contingences (освободиться от обстоятельств), passer dans un éclat d'événement (оказаться в урагане событий).

Поступки героя обусловлены самопожертвованием и исполнением воинского долга. При этом действия героя направлены не на разрушение, а на предельную концентрацию физических и моральных сил для преодоления испытаний. Осуществление подвига приводит к качественному ухудшению внутреннего и внешнего состояния героя. Поэтому подвиг становится, прежде всего, моральным выбором и реализуется в жертвенной позиции.

Сема – борец за идею:

1. Номинации героя:

А) Первичная номинация:

– *нейтральная лексика:* un gars (парень), un dentiste (зубной врач), un blanc (белый человек), un individu (субъект), un homme (человек), il (он), un garçon (парень), un spécimen (образчик), un conscrit (новичок);

– *оценочная лексика:* un farfelu (чудак), un type d'homme qui se croit tout permis (тип человека, который считает, что ему все дозволено), un idéaliste (идеалист), un humanitaire (гуманист), un obstiné (упрямец), un simple illuminé (простой фантазер), un desperado (человек вне закона, разбойник), le dernier aventurier blanc de l'Afrique (последний белый авантюрист в Африке), un héros (герой), un militant (борец), un beau jeune homme (красивый молодой человек), un conquérant (завоеватель), se vieux lutteur (этот старый боец), un gallant homme (благородный человек), un rogue (высокомерный человек).

Б) Метафорическая номинация: un éléphant (слон), un anachronisme (анахронизм), un survivant d'une époque géologique révolue (пережиток минувшей геологической эпохи), un doux maniaque (помешанный), une espèce de saint François d'Assise (кто-то вроде Франциска Ассизского), l'homme qui a changé de camp (человек, переметнувшийся в другой лагерь), dernier bandit d'honneur (последний честный разбойник), un berger (пастух), un paladin (странствующий рыцарь), Roland à Roncevaux (Роланд в Ронсевальском ущелье), un chevalier (рыцарь).

Героическая личность эксплицируется при помощи лексем, указывающих на тип, пол, расу, возраст и род деятельности. Оценке подвергается мировоззренческий и поведенческий компонент. При этом полярность оценок (от резко негативных до сугубо положительных) обусловлена экстралингвистическими причинами, а именно наличием гетеростереотипных

представлений о герое. Метафорическая номинация также объединяет противоположные коннотативные значения.

2. Образно-перцептивные характеристики героя:

А) *Определения*: costaud (крепкий), courageux (храбрый), fort (сильный), brutal (грубый), vif (резвый), vite (быстрый), aux yeux étonnants (с удивительными глазами), populaire (народный), brusque (резкий), naïf (наивный), sérieux (серьезный), énergique (энергичный), difficile (требовательный), heureux (счастливый), responsable (ответственный), solitaire (одинок), musclé (мускулистый), las (усталый), le plus attentif (самый внимательный), étranger (чужой), le plus charmant (самый обаятельный).

Б) *Эпитеты*: avec le visage impassible (с бесстрастным лицом), légendaire (легендарный), aux yeux qui crevaient littéralement d'indignation dans les orbites (с буквально выпирающими из орбит от негодования глазами), avec un visage énergique et un peu sombre (с волевым и немного мрачным лицом), fruste (неотесанный), simple (простодушный, простой), aux yeux brûlants (с горящими глазами), aux yeux violents (с яростными глазами), à peu près parfait (почти безупречный), au visage têtue (с упрямым лицом), tout à fait inoffensif (совершенно безвредный).

Образно-перцептивный компонент в репрезентации героя включает его внешние и внутренние характеристики с оценочной составляющей. Небрежное отношение героя к внешнему виду связано с доминированием духовного над материальным, погруженностью в себя. Героя отличает галантность и воспитанность.

3. Поведенческие характеристики героя:

А) *Номинация действия*: donner sa vie pour l'indépendance (отдать свою жизнь за свободу), ne pas capturer qn (не захватывать, не брать в плен), défendre les éléphants contre les chasseurs (защищать слонов от охотников), faire appel à qn (взывать о помощи), défendre les éléphants contre les chasseurs (защищать слонов от охотников), passer du côté des éléphants (перейти на сторону слонов), se livrer à un tenace et dangereux travail de sape (заниматься упорной и опасной подрывной работой), sauver, préserver qn (спасать, сохранять), agir (действовать), ne pas transiger (не идти на уступки), défendre une idée illimitée, grandiose, toute de noblesse et générosité (защищать беспредельную, грандиозную идею, эталон благородства, великодушия), pénétrer dans les villages les plus éloignés (проникать в самые отдаленные деревни), livrer à un véritable baroud d'honneur (вступить в подлинный поединок чести), amener l'opinion publique (взбудоражить общественное мнение), faire ce que classe (делать то, что выделяет среди прочих), exiger de soi (требовать от себя), faire un effort sans repos et sans espérance (совершать усилие без отдыха, без надежды на отдых), servir d'un sabre d'une façon merveilleuse (великолепно владеть саблей), atteindre le but, la liberté (достигать цели, свободы), prendre le maquis contre qn (объявить партизанскую войну), attaquer (напасть), se pencher sur les terres de l'empire (склониться над землей завоеван-

ного края), passer l'arme à gauche (умереть, шагнуть в иной мир).

Б) *Номинация состояния*: faire une idée très haute de devoirs et de responsabilités (обладать очень высоким представлением о долге и обязанностях), disparaître en pleine gloire, en pleine légende (исчезнуть в сиянии славы, в ореоле преданий), soulever un poids très lourd, à bras tendus (держат на вытянутой руке огромную тяжесть), ne pas aimer les hésitations (не любить сомнения), se sentir sûr d'avoir le dernier mot (быть уверенным, что последнее слово останется за ним), croire à la nature, y compris la nature humaine (верить в природу, в том числе, человеческую), croire en qn (верить в кого-то), souffrir d'un besoin déchirant de fraternité (страдать от душераздирающей жажды братства), avoir le goût de la supériorité (обладать чувством превосходства), avoir besoin de déposer les armes (нуждаться в том, чтобы снять доспехи), ne pas voir plus haut et plus loin que l'homme (не видеть ничего выше и дальше человека), faire des pieds et des mains (из кожи вон лезть), ne se décourager jamais (никогда не разочаровываться), faire confiance (доверять), espérer (надеяться), réussir à (удаваться), valoir plus que les autres (стоить больше других), valoir mieux (стоить больше), avoir la terreur de l'affection (бояться лишней эмоции), n'avoir point de repos (не отдыхать), être chargé d'inquiétudes (быть нагруженным тревогами), se sentir las (чувствовать себя уставшим), avoir goût de la floriture et de la gloriole (иметь склонность к приукрашиванию и мелкому тщеславию).

Жизнь героя организована вокруг идеи борьбы, защиты, спасения, исполнения нравственного долга. Действия и состояние героя отличает активность, целенаправленность, страстность, одухотворенность, открытость миру. Нравственная позиция героя носит деятельный характер. Подвиг становится способом реализации мировоззренческих установок.

Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «héros combattant» имеют следующее языковое выражение в художественном дискурсе:

Прямая номинация ценностей: l'avenir (будущее), la liberté (свобода), la vérité (истина), le devoir (долг), l'amour (любовь), la protection de la nature (защита природы), la maison (дом), l'homme (человек), le courage (храбрость) и т. д.

Косвенная, метафорическая номинация ценностей: l'Horloger (часовщик → Бог), les trésors d'amour (сокровища души), le bon bout (нужная ниточка → защита природы), une marge (пространство → свобода, возможности), une splendeur naturelle (чудо природы → слон), c'est Fleming (британский бактериолог, открывший пенициллин и удостоенный Нобелевской премии → социальное признание), des limbes étranges (местопребывание душ праведников, ожидающих искупления → рай) и т. д.

Дискурсивные фрагменты дают более полные образные характеристики изучаемого типажа.

Герой-борец стремится к искренности и правдивости. Он отвергает любое проявление притворства:

<i>Je n'aime pas les images d'Epinal de la guerre. Le rude guerrier y écrase une larme, et dissimule son émotion sous des boutades bourruées. C'est faux. Le rude guerrier ne dissimule rien. S'il lâche une boutade, c'est qu'il pense une boutade</i> [10, p. 20].	Я не люблю лубочных картинок, изображающих войну. На них суровый воин утирает слезу и прячет волнение за ворчливыми шутками. Это вранье. Суровый воин ничего не прячет. Если он отпускает шутку, значит, шутка у него на уме [5, с. 275 – 276].
--	---

В приведенном отрезке присутствует оппозиция: суровый воин, изображенный в красочных журналах, и истинный солдат, каждый день рискующий своей жизнью. Идиома *les images d'Epinal* («эпинальские оттиски» – разновидность лубка, вида изобразительного искусства, которому свойственна доходчивость и емкость образа, растиражированность) содержит в себе имплицитную негативную коннотацию. Так, солдат номинируется словосочетанием *rude guerrier* (суровый воин). Он предстает в стереотипном образе грубого и закрытого человека, вытирающего слезу

(метафора *écrase une larme*), отпускающего мрачные шутки, чтобы скрыть свое волнение. Герой, находящийся в эпицентре военных действий, опровергает подобный стереотип. Для него характерна естественность поведения, искренность и стремление к правде. Герой не скрывает своих истинных чувств и не действует напоказ (*ne dissimule rien*). Язык героя отличает разговорный регистр: *lâcher une boutade* (отпускать шутку).

Герой-борец, преодолевая трудности, становится завоевателем:

<i>Il était semblable à un conquérant, au soir de ses conquêtes, qui se penche sur les terres de l'empire, et découvre l'humble bonheur des hommes. Fabien avait besoin de déposer les armes, de ressentir sa lourdeur est ses courbatures, on est riche aussi de ses misères, et d'être ici un homme simple, qui regarde par la fenêtre une vision désormais immuable</i> [10, p. 171 – 172].	Он был подобен завоевателю, который вечером, после победы, вглядывается в земли завоеванного края и обнаруживает скромное счастье людей. Фабьену хотелось сбросить с себя доспехи, ощутить тяжесть усталого тела – ведь в тяготах есть своя отрада – и оказаться простым человеком, созерцающим в окно своего дома неизменный, застывший пейзаж [6, с. 94].
--	---

Пилот, летящий ночью над спящими городами, сравнивается с завоевателем, покоряющим небо. Самоощущение героя объективируется посредством метафор *un conquérant* (завоеватель), *ses conquêtes* (победы) и *l'empire* (империя). Фабьен выполняет функцию хранителя, оберегающего простое счастье людей (*l'humble bonheur des hommes*). Герой стремится стать одним из них, сбросить бремя завоевателя, почувствовать домашний уют: *avait besoin de déposer les armes, de ressentir sa lourdeur est ses courbatures*. Посредством аллюзии на воина, который вернулся домой после победного сражения, снял доспехи и

ощутил приятную усталость от осознания, что бой закончен, автор показывает другую сторону героя-завоевателя – простого человека (*un homme simple*). Страдание и лишения закаляют героя, делая его непобедимым: *on est riche aussi de ses misères*.

Легенда – атрибут героя-борца. Благодаря легенде герой и его подвиг сохраняются в общественной памяти, становятся социально значимым событием.

Героизм – удел не героев, а простых людей, наделенных совестью, мужеством, умением переносить страдания и лишения:

<i>«Je dois avouer que, dès le premier coup d'oeil, je fus frappé par l'insignifiance de l'homme. <...> Je crois surtout que, malgré moi, je m'étais laissé impressionner par sa légende. Au fond, je m'attendais à rencontrer un héros. Quelqu'un de plus grand que nature, si vous voyez ce que je veux dire. Au lieu de quoi, je me trouvais devant un homme costaud, un peu vulgaire, au visage têtu et renfrongé sous des cheveux désordonnés et collés par la sueur; il avait les joues couvertes d'une barbe de plusieurs jours, et il vous donnait une impression de force et même de brutalité. Mais les yeux étaient assez étonnants – grands, sombres, violents – des yeux qui crevaient littéralement d'indignation dans les orbites. Il y avait aussi en lui quelque chose de fruste, de populaire, une certaine simplicité qui se manifestait surtout par son sérieux, cette mine de croire vraiment à ce qu'il faisait. Il me faisait l'effet d'un de ces hommes dont on nous a tout dit quand on les a qualifiés de 'militants'. Ajoutez qu'il tenait fermement dans sa main une serviette de cuir bourrée de papiers»</i> [8, p. 126 – 127].	«Должен признаться, что меня с первого взгляда поразила невзрачность этого человека. <...> А главное, я, помимо воли, увлекся созданной вокруг него легендой. В глубине души я ждал встречи с героем. С кем-то выше обычных людей, если вы понимаете, что я хочу сказать. А вместо того передо мной стоял совершенно обычный, крепко сложенный человек с упрямым и хмурым лицом под спутанными, слипшимися от пота волосами; давно не бритые щеки заросли щетиной – весь его вид выражал силу, даже грубую силу. Но глаза были удивительные – большие, темные, яростные, они буквально выпирали из орбит от негодования. Было в этом человеке что-то простонародное, какое-то простодушье, проявившееся в той серьезности, с какой он относился к тому, что делает. Он произвел на меня впечатление одного из тех, о ком все сказано словом «борец». Добавьте к тому набитый бумагами кожаный портфель, который он сжимал в руках» [4, с. 115].
---	---

Рождение легенды ведет к трансформации общественного сознания, ожиданий и представлений о герое. Важным свойством легенды является ее способность волновать и увлекать вопреки воле человека (*malgré moi, je m'étais laissé impressionner par sa légende*). Бесчисленные разговоры о праведной мести француза охотникам, о нравственном подтексте его борьбы за спасение животных способствовали возникновению ожиданий его физического совершенства и превосходства над обычными людьми (*de plus grand que nature*). Лексема *héros* номинирует в изучаемом дискурсе героическую внешность. Посредством антитезы и литоты автор показывает степень нереализованности ожиданий (*l'insignifiance de l'homme*). Облик простого и грубого человека из народа, скитающегося по просторам Чада, лишенного всякого изящества и манер (*un homme costaud, un peu vulgaire, au visage têtu et renfrongé sous des cheveux désordonnés et collés par la sueur; il avait les joues couvertes d'une barbe de plusieurs jours, et il vous donnait une impression de force et même de brutalité*) противопоставлен удивительной красоте его глаз и экспрессии взгляда (*les yeux étaient assez étonnants – grands, sombres, violents – des yeux qui crevaient littéralement d'indignation dans les orbites*). Используя повтор лексемы *yeux* и метафору *crever d'indignation*, автор подчеркивает красоту глаз Мореля, приковывающих к себе внимание.

Сен-Дени наделяет Мореля следующими внутренними качествами: неотесанность (*quelque chose de fruste*), простонародность (*quelque chose de populaire*), простодушие (*simplicité*), серьезность (*sérieux*), вера в правильность выбранного пути (*mine de croire vraiment à ce qu'il faisait*). Ключевой смысл в данном фрагменте дискурса выражается лексемой *militant* – борец. Контекстуальная антитеза *militant* – *héros* противопоставляет, соответственно, внутренние и внешние свойства выдающейся личности. Так, Сен-Дени

связывает героизм с безупречными внешними данными, филигранной манерой поведения, а сущность борца – со стойкостью его убеждений и умением сражаться за свои идеалы. Важным атрибутом Мореля является портфель с петициями против охоты на слонов. Подобная оценка выводит борца на уровень деятеля-аскета, отказывающегося от героической оболочки в пользу героическому содержанию.

Как свидетельствует анализ художественного дискурса, герой-борец номинируется рядом лексических единиц, действует по определенным моделям поведения и наделяется разнообразными характеристиками, обусловленными гетеростереотипными представлениями о героической личности. Подвиг, являясь общественно значимым явлением, раскрывается во французской лингвокультуре в виде морального подвига – борьбы со злом, утверждения гуманистических идеалов. Французский герой живет богатой духовной жизнью. Однако в зависимости от контекста проявления героизма – война или мирное время – раскрываются внутренняя и внешняя формы подвига и их взаимозависимость. Герой лишен возможности противостоять разрушительной силе войны, но в ответ находит истину в самопознании, братстве и борьбе за высшую ценность – человека, за его права и достоинство. Герой, сражающийся за высокую идею, одинок и стремится к самореализации, к изменению мира.

Исследование показало, что французское языковое сознание, находящее отражение, в том числе, в дискурсе художественной литературы, обладает определенными механизмами героизации, элементом которой выступает лингвокультурный типаж. Последний вносит компонент идеализации в пространство языковой картины мира культурной цивилизации, транслируемый через каналы коммуникации, в частности, средствами художественной литературы.

Литература

1. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
3. Centlivres, P. La fabrique des héros / P. Centlivres, D. Fabre, F. Zonabend // Éditions de la Maison des sciences de l'homme, Coll. « Ethnologie de la France », cahier 12. – Paris: Ministère de la Culture, 1999. – 336 p.

Список цитируемых источников

4. Гари, Р. Корни неба / Р. Гари: [пер. с фр.]. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 448 с.
5. Сент-Экзюпери, А. де. Военный летчик / А. де Сент-Экзюпери // Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Маленький принц. Цитадель: [пер. с фр.]. – М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2003. – 893 с.
6. Barbusse, H. Le feu / H. Barbusse. – Paris: FLAMMARION, 2009. – 413 p.
7. Gary, R. Les racines du ciel / R. Gary. – Paris: Folio, 2011. – 495 p.
8. Giono, J. Le hussard sur le toit / J. Giono. – Paris: Gallimard, 2010. – 499 p.
9. Saint-Exupéry, A. de. Vol de Nuit. Pilote de Guerre / A. de Sainte-Exupéry // Vol de Nuit. Pilote de Guerre. Книга для чтения на французском языке. – Комментарий Тимаковой Н. М. – М.: Менеджер, 2001. – 256 с.

Информация об авторах:

Омеличкина Елена Олеговна – ассистент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, аспирант университета Верхнего Эльзаса (Франция), elenomel@mail.ru.

Elena O. Omelichkina – Assistant Lecturer at the Department of French Philology, Kemerovo State University; PhD student at UHA (France).

Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, mriabova@inbox.ru.

Marina Y. Ryabova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 811.111'276.3:81'42

ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ДЕТСКИХ РЕЧЕВЫХ ИСКАЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

С. В. Омеличкина

TRANSLATION OF CHILD CONTAMINATED SPEECH IN LITERARY DISCOURSE

S. V. Omelichkina

В статье представлен поуровневый анализ наиболее типизированных отклонений от нормы в детском дискурсе, а также тактики трансляции детской речи на русский язык. Речевая деятельность детей, отраженная в пространстве художественного произведения, репрезентируется лишь отдельными элементами и подвергается авторской стилизации. Качественный перевод контаминированной детской речи на русский язык с целью воссоздания речевого портрета ребенка остается важной проблемой теории и практики перевода.

The paper presents a study of typical deviations from the norm in child speech on various levels of the English language. It is argued that the child discourse in a literary work is represented by only a limited range of specific elements and is subject to the author's stylization. Since speech peculiarities are a crucial constituent of a literary character, an adequate translation of child contaminated speech is still a challenge for both theory and practice of translation.

Ключевые слова: детская речь, контаминация, инновация, художественный дискурс, адекватный перевод, трансформации.

Keywords: child speech, contamination, innovation, literary discourse, translation adequacy, translation shifts.

Изучению лингвистических аспектов детской речи (ДР) посвящена весьма обширная специальная литература на материале различных языков и типов дискурса (Дж. Брунер, А. Н. Гвоздев, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А. Р. Лурия, С. Н. Цейтлин, К. И. Чуковский и др.). Первые целенаправленные описания детской речи начали осуществляться в формате дневниковых записей в середине XIX века. В первой половине XX века в отечественной науке получает развитие психологическое направление изучения ДР, вслед за этим появились разработки психолингвистических и собственно лингвистических методик, которые предложили рассматривать детскую речь как деятельность, отличающуюся использованием специфических средств коммуникации. Современные исследования этапов развития речи и коммуникативного поведения ребенка характеризуются интегрированным подходом, опирающимся на эксперименты и наблюдения из области психологии, физиологии, социологии, психолингвистики, искусственного интеллекта и других наук. Исследуется речь детей в стандартной норме, а также в условиях двуязычия и патологии по различным критериям: возраст, способ речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), влияние экстралингвистических факторов.

Детская речь представляет собой ранний этап онтогенеза речи человека, а, именно, ребенка дошкольного и младшего школьного возраста. Она имеет ряд языковых характеристик, которые обусловлены возрастными свойствами мышления детей: образование нерегулярных грамматических форм по регулярным моделям; своеобразный синтаксис; высокая степень

эмоциональности речи, выраженная частотным использованием междометий, звукоподражаний и иррациональных звукосимволических единиц; окказиональное словопроизводство; диффузность употребления лексем. Важным фактором экспрессивности детского общения являются невербальные средства – интонация, мимика, жесты.

Трактовка феномена детской речи сугубо в лингвистическом плане, по мнению ряда ученых, значительно сужает предмет исследования и не позволяет рассмотреть его в контексте «глубинных» процессов психического развития ребенка: «усвоение детьми языка не есть приспособление слов, их складывание в памяти и оживление с помощью речи, но развитие языковой способности с возрастом и упражнением» (В. Гумбольдт). В рамках психолингвистического подхода к изучению детской речи выявлена принципиально важная закономерность ее развития: формирование грамматических и семантических обобщений в процессе предметной деятельности и общения ребенка, что позволяет очертить 'компоненты языковой способности' – систему иерархически организованных языковых элементов (на фонетическом, лексическом, грамматическом, семантическом уровнях), а также правил их функционального использования [6].

Важнейшую роль в накоплении компонентов языковой способности играет окружающая среда, в которой растет и развивается ребенок. В то же самое время, речевые особенности становятся наиболее яркой составляющей портретной характеристики языковой личности. В связи с этим, интерес представляет изучение особенностей детской речи в художественном

дискурсе. Известно, что речь детей, отраженная в пространстве художественного произведения, «отличается от естественной детской речи тем, что репрезентирует ее не полностью, а только лишь отдельными элементами, иными словами, она подвергается авторской стилизации, что создает впечатление ее реальности, достоверности» [4].

В настоящем фрагменте исследования рассматриваются наиболее типизированные отклонения от нормы в детском дискурсе, а также тактики трансляции детской речи на русский язык. Следует отметить, что такая важная проблема, как качественный перевод ДР на русский язык с целью воссоздания речевого портрета ребенка, все еще остается на периферии переводоведческих исследований. Известно, однако, что детский персонаж является весьма частотной составляющей как художественных, так и аудиомедиаальных произведений (фильмов, спектаклей, рекламы). Понимание его речи, стилизованной автором, может, подчас, представлять трудность даже для носителей языка.

С целью сохранения портретных характеристик перед переводчиком стоит задача не только содержательно точно декодировать речь ребенка, но и адекватно транслировать ее с учетом особенностей видов контаминации в языке перевода. По замечанию авто-

ров книги «Непереводимое в переводе», переводчик, с одной стороны, имеет право выбрать любую форму или синтаксическую конструкцию из нелитературных источников, а, с другой, он всегда подчинен воле автора, он должен дать понять читателю, что в данном случае речь ненормативна, и воссоздать соответствующую атмосферу. Чтобы передать детские окказиональные неологизмы, требуется талант и находчивость переводчика. Исследователи призывают переводчика быть осторожным, экономным и стараться «попасть в тон» с автором: «коверкание» должно соответствовать детскому языку на ПЯ, – малейшее утрирование может погубить эффект» [1].

Рассмотрим способы и языковые средства передачи детской контаминированной речи в пространстве англоязычного художественного произведения С. Cookson "A Grand Man" и фильма "To Grandmother's House We Go" (1992 г.). Систематизация речевых искажений осуществляется в соответствии с иерархической организацией языка, что предполагает поуровневый анализ идентифицированных отрезков дискурса.

Фонетические характеристики речи детей. Среди фонологических отклонений наиболее частотными в изученных отрезках оказались замены гласных/ согласных фонем и звуковая элизия. Ср.:

<i>Mommy, you know we can't <u>wead</u> (GHWG).</i>	Мама, ну, <u>ты же знаес</u> , <u>сто</u> мы не умеем читать.
<i>What's uncle Rudolf <u>weally</u> like? (GHWG)</i>	Какой он, этот дядя <u>Лудолф</u> ?

Выборка также включает случаи фонологической замены типа [f] вместо 'th' (*thing--fing*), [d] вместо 'th' (*then--den*), [t] вместо того звука, с которым у ребенка есть проблемы (*song -- tong*), [w] вместо 'l' (*look--wook*), [d] вместо 'sh' (*ship -- dip*). Как свидетельствуют наблюдения исследователей, наиболее устойчиво произносительная трудность проявляется в отношении сочетания 'th' и буквы 'r' (в среднем, до 6 лет).

Интерес представляет разновидность субституции – случаи так называемой гармонизации (ассимиляции) согласных/ гласных, стоящих по соседству в тесном звуковом ряду: *Give me it -- Gimme it, kittycat -- tittytat, cute pussy -- coote pussy* (ср. также рус. Саша – Шаша).

Весьма распространенным средством репрезентации детской речи в художественном дискурсе является сокращение согласных. Ср.:

<i>I'll slap your face, so I will, if you dare say me <u>da</u> drinks (GM).</i>	Я двину тебе, так и знай, если ты будешь <u>влать</u> , <u>сто</u> мой папа пьяница.
<i>She pushed and '<u>cared</u> 'em, I saw it myself! (GM)</i>	Она толкнула и ' <u>спугала</u> их, я видела собственными глазами!

Последний пример представляет собой, по терминологии С. Н. Цейтлин [5], сокращение кластера, т. е. группы соседних согласных (*scared*). А. Н. Гвоздев также отмечает, что артикуляция двух и более согласных в инициальной позиции дается детям труднее, чем в середине слова, объясняя это тем, что в начале слова согласные входят в один и тот же слог, а в срединной позиции они могут распределяться между двумя слогами, что облегчает произношение [2].

Несомненно, причина фонологической контаминации кроется в недостаточной развитости фонологического слуха и ограниченных артикуляционных способностях ребенка на начальном этапе речевого онтогенеза. Вполне закономерно, что наиболее точно имитируются ударные слоги, т. к. они обладают большей произносительной четкостью.

Специфика фонетического оформления речи детей в произведениях ставит перед переводчиком непростую задачу поиска адекватных переводческих решений. Со-

поставительный анализ показывает, что весьма редко удастся подобрать соответствие, аналогичное речевому искажению оригинала – и по его качеству, и по позиции в слове. В связи с этим, трансляция звуковой контаминации, как правило, сопряжена с трансформациями, предполагающими большую изобретательность переводчика. В приведенных выше примерах преобладающей тактикой является фонологическая замена звуков исходного языка на звуки, типичные для детской речи в языке перевода: 'р – л', 'ж – з', 'ш – с' и т. д. Адекватно перевести случаи сокращения согласных возможно, как правило, посредством переноса данного искажения с одного элемента текста на другой, ср.: *da (dad)* – влать (врать). Попытки сохранить позицию контаминации зачастую приводят к неестественному звучанию речи и ее надуманному построению. В целом, отметим, что подобный орфографический способ экспликации особенностей детской речи в художественном контексте ИЯ и ПЯ пе-

редакт звуковое оформление реального детского дискурса стилизовано и лишь приблизительно.

Лексико-морфологические особенности детского художественного дискурса. Как утверждают исследователи, специфика детской речи определяется, прежде всего, не полным знанием строевых черт родного языка, с одной стороны, а с другой, – слепой наивной верой ребенка в строгую модельность языка. Отсюда творчество ("словообразовательные инновации") по усвоенным моделям [5]. Автор также справедливо отмечает, что причины подобных модификаций – не только свойственная детям любознательность, а, прежде всего, стремление к систематизации языковых фактов, облегчающей их усвоение и запоминание. Такое словотворчество, по сути дела, свидетельствует о потребности ребенка ощущать симметричность знака, при которой форма должна коррелировать с содержанием. В связи с этим, инновационное словообразование является активным процессом в детской речевой деятельности вплоть до школьного этапа и лишь затем постепенно сходит на нет [4]. Отметим и еще одно важное наблюдение лингвистов и психологов – то

постоянство, с которым разные дети одинаковыми способами нарушают одни и те же правила, и они весьма последовательны в своих промахах. По меткому замечанию С. Н. Цейтлин [5], «это значит, что должно существовать правило для нарушения правил».

Осваивая различные уровни в строе языка, ребенок опирается на аналогии моделей, особенно наиболее продуктивных, которые функционируют в языке взрослых. Так, исследуя детские словообразовательные инновации, психолог Т. Н. Ушакова [3] выделяет три основных принципа, по которым дети образуют новые слова в естественном общении: а) часть слова используется как целая единица ("осколки слов"): *chicken nuts :: chicken nuggets*; б) к корню одного слова прибавляется окончание другого ("чужие" окончания): *cute-iful :: cute + beautiful*; в) одно слово составляется из двух ("синтетические слова"): *poorigami :: poor + origami*.

Рассмотрение словообразовательных контаминантов в авторских художественных дискурсах свидетельствует о наибольшей продуктивности словотворчества детей по следующим моделям.

1. Префиксальные образования:

<i>Oh, Sarah, you can't speak that way. That was very un-polite (GHWG).</i>	Боже, Сара, разве можно так разговаривать – ну, совсем пре-невежливо .
--	---

Автор фильма наделяет речь своих героинь новообразованиями, типичными для дискурса пятилетних детей, но не выходящими за рамки актуальных моделей (*un-polite* образовано по аналогии с *unreal, uneasy*, etc.). Вариант перевода представляет собой

формообразующую инновацию (**пре-невежливо**), и, как очевидно, адаптирует речевое искажение в соответствии с традицией переводного языка, используя средство другого уровня (префикс 'пре-' как формант превосходной степени наречия).

1. Суффиксальные образования диминутивной семантики:

<i>Da, where's my bookie? I see no any bookie on me table (GM).</i>	Где моя книзечка , па? На моем столе ничего нету.
--	--

Уменьшительно-ласкательная номинация всегда являлась типичной формой обращения взрослых к детям, и, таким образом, модель такого рода 'на слуху' у ребенка с самого рождения, что делает ее доступным образцом для подражания. В приведенном дискурсивном отрезке, кроме диминутивной суффиксации, наличествуют и другие искажения, коррели-

рующие с иными языковыми уровнями, которые будут рассмотрены ниже. В связи с этим, тактика переводчика состояла не только в использовании фонетической замены (*ж – з*), но и в замене двойного отрицания *no any* просторечным элементом 'нету'.

1. Инновационные единицы, полученные основосложением:

<i>Don't come your hoity-toity with me, Sarah Flanagan. It won't wash (GM).</i>	Подумаешь, какая мадам Фу-Фу нашлась. Воображала – хвост поджала!
--	--

В данном случае речевое творчество героини младшего школьного возраста представлено иррациональной звуко-символической номинацией *hoity-toity*, что, по-видимому, обусловлено ее желанием усилить эмоциональную оценку поведения соперницы. Отме-

тим, что редупликация как разновидность модели словосложения проявляется в актуальной речи детей с самого раннего возраста, в силу легкости воспроизведения и тенденции к фонетической адаптации, о которой говорилось выше. Ср. также:

<i>... we've got three servants and two cars and two itty-bitty steeds... galloping ones (GM).</i>	... а еще у нас есть три слуги и две машины, а еще две масюсенькие лошадки, которые резво скачут...
---	--

Переводческая стратегия в отношении редулированных контаминантов также базируется на технике трансформаций, т. к. нахождение эквивалентов в языке перевода, практически, невозможно. В первом из рассмотренных примеров перевод осуществлен на

уровне цели коммуникации (см. модель В. Н. Комиссарова), когда содержательная составляющая текста оригинала полностью не совпадает с текстом перевода. Наряду с редуликативом (*Фу-Фу*) автор перевода использовал прием на уровне фонемного

сходства – рифму (*воображала – поджала*), что, как представляется, позволило весьма адекватно передать прагматику высказывания. Во втором отрезке дискурса вместо редуцированного прилагательного переводчик вводит диминутив, построенный на фонетиче-

ской гармонизации (*масюсенькие*).

2. Семантическое расширение, т. е. использование лексемы в сферах, коррелирующих с расширенным кругом денотатов [5]:

– <i>I love you bigger.</i> – <i>No way!</i> – <i>Yes way!</i> (GHWG)	– Я тебя люблю большее . – А вот и нет! – А вот и да!
--	--

Фрагмент детского дискурса включает прилагательное (*bigger*), которое в норме не может функционировать в данном контексте в силу сложившихся в языке валентностей данной единицы. Ее использование автором стилизует речь маленькой героини, а последующая тонкая игра слов прагматически маркирует весь диалог сестер, передавая атмосферу дружеского общения, пронизанного легкой иронией и

пониманием друг друга с полуслова. Представляется удачным выбор переводческого соответствия для контаминанта (*большее*), которое имеет словообразовательную аналогию с прилагательным '*сильнее*' и не вызывает сомнения относительно естественности подобного речевого искажения в речи детей.

3. Полные лексические инновации:

<i>Would you like a stot of <u>me</u> ball, Mary Ann?</i> (GM)	А <u>хочете</u> , Мэри Энн, <u>поиграть</u> с моим мячиком?
---	---

Как и в ряде других фрагментов выборки, здесь наличествует не одно речевое искажение, что усиливает эффект стилизации речи персонажа и требует большей изобретательности со стороны исполнителя перевода. Элемент '*stot*' не имеет лексикографической фиксации, и, следовательно, лишен русского соответствия. Кроме того, высказывание содержит неуместное местоимение '*me*' (вместо *my*), что нарушает правила грамматического согласования в языке оригинала. Трансляция данных контаминантов произведена посредством переноса искажения на более типичное слово, часто употребляемое в некорректной форме (*хочете*). Отмечена также замена лексической

инновации в ИЯ на фонетическое искажение (*поиграть*) в ПЯ.

Детские речевые искажения на грамматико-синтаксическом уровне. По мнению О. А. Кобриной, так как морфологические признаки в большинстве своем английским языком утеряны, и часть их функций выполняется синтаксисом, англоговорящие дети начинают овладевать родным языком с синтаксиса. В исследованных источниках грамматические и синтаксические искажения детских персонажей представлены следующими типами.

1. Нарушение правил образования степеней сравнения прилагательных/наречий:

<i>Mike Shaughnessy is working the morrer-overtime till five</i> (GM).	Майк Шонесси должен работать сверхурочнее до 5 часов.
<i>For the moment she felt very happy. Father Owen was the bestest man in the world, next to her da. Eeh. Well, was her da better than the priest?</i> (GM)	На какое-то мгновение она почувствовала себя счастливой. Отец Оуэн – <u>самый-пресамый</u> лучший человек на свете, почти как папочка. Эээ... Почти или лучше?

Сопоставительный анализ показывает, что тенденция в выборе тактики передачи ошибок при использовании степеней сравнения выражена в поиске ближайших аналогий на соответствующем уровне языка перевода. Как представляется, в обоих примерах переводчику удалось сохранить колорит контами-

нации и адекватно транслировать речевую характеристику персонажа.

2. Использование форманта '-s' во всех случаях образования множественного числа существительных:

<i>Lizzie's face darkened. "Those Flannagan womans are so ugly!"</i> (GM)	Лицо Лиззи помрачнело. «Опять эти <u>противозины</u> из семейки Флэннаган!»
--	---

Изученный дискурсивный материал свидетельствует о том, что адекватно обыграть в переводе некорректное употребление грамматического числа удастся лишь в косвенных падежах благодаря системе окончаний (ср.: *ненавижу этих противных женщинов!*).

Попытка стилизации искажения существительного в именительном падеже, как правило, порождает надуманный, неуклюжий вариант перевода.

3. Оформление неправильных глаголов суффиксом '-ed' для выражения прошедшего времени:

<i>Remember I gaved you <u>me</u> thick skipping rope at the weekend, Mary Ann?</i> (GM)	А помнишь, Мэри Энн, я всегда <u>даваю</u> тебе мою прыгалку на выходные?
---	---

4. Некорректное использование глагола 3 лица единственного числа, настоящего времени:

<i>I puts me tongue out at her then</i> (GM).	Тогда я <u>покажу</u> ей язык.
---	--------------------------------

В примерах (3) и (4), наряду с контаминированными формами глагола, наличествует ошибочное употребление личного местоимения *'me'* вместо *'my'*. Отметим, что в ряде случаев целесообразно пренебречь притяжательным местоимением, т. к., в соответствии с нормой русского языка, его трансляция ока-

зывается не всегда уместной (ср.: *'показать кому-то свой язык'* имеет иное значение в сравнении с фразеологизмом *'показать язык'*).

5. Слияние слова и следующей за ним частицы *'to'* или предлога:

– <i>How do you know it's gonna work?</i> – <i>How do you know it's not gonna work?</i> (GHWG)	– Почём ты знаешь, что все получится? – А почём ты знаешь, что нет?
---	--

6. Опускание вспомогательных глаголов в различных синтаксических позициях:

– <i>Why you always have to win?</i> – <i>Because I been a good girl</i> (GHWG)	– С какой стати ты всегда главнее? – Потому как я такая хорошая!
--	---

Фрагменты (5) и (6) иллюстрируют типы речевых искажений грамматико-синтаксического уровня, которые не располагают эквивалентными соответствиями в строе русского языка. В связи с этим, для передачи такого внутрилингвистического феномена, как контаминация, переводчики прибегают к просторечным словам и конструкциям (*потому как, почём* и под.), которые отражают общую модальность разговорного регистра, к которому, в частности, тяготеет детская речь.

Таким образом, наблюдения относительно специфики речевой деятельности детей в художественном дискурсе показали, что персонажи дошкольного и младшего школьного возраста осуществляют слово-

творчество с опорой на частотные речевые модели, которые ими усваиваются из окружающей среды. Общая типологическая картина образцов и шаблонов детского речетворчества, в целом, соответствует языковому узусу и, вследствие этого, получаемые инновации в большинстве случаев декодируемы. Вместе с тем, перед писателем, а, вслед за ним, и переводчиком стоит достаточно сложная задача найти такие лингвистические средства, которые могут максимально естественно и реалистично репрезентировать живой детский дискурс в пространстве художественного произведения.

Литература

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
2. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
3. Детская речь: психолингвистические исследования / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. В. Уфимцевой. – М.: Персэ, 2001.
4. Солнцева, К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Солнцева. – М., 2008.
5. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 220 с.
6. Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. Cookson, C. A Grand Man / C. Cookson. – L.: Time Warner Paperbacks, 1990. – 141 p.

Информация об авторе:

Омеличкина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8(3842) 58-34-97, somel@mail.ru.

Svetlana V. Omelichkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

ТИПЫ КОНЦЕПТОВ И ЭТАПЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Пименова

THE TYPES OF CONCEPTS AND THE STAGES OF CONCEPTUAL STRUCTURE ANALYSIS

M. V. Pimenova

Статья посвящена результатам современных концептуальных исследований. В статье приводятся две классификации концептов: В. И. Карасика и М. В. Пименовой, описываются этапы анализа структуры концепта.

The article deals with the result of modern conceptual investigation of the picture of the world. Two classifications of concepts discussed in the article belong to V. I. Karasik and M. V. Pimenova. The stages of conceptual structure analysis are describes.

Ключевые слова: концепт, знание, классификация концептов, структура концепта.

Keywords: concept, knowledge, classification of the concepts, conceptual structure.

Знания человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, язык является тем единственным средством, при помощи которого мы можем проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Исследование языка сближается с исследованием когний (процедур, связанных с приобретением, хранением, передачей и выработкой знаний). Язык отражает процесс познания, выступая в качестве основного средства выражения мысли. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть в представления людей о мире. В центре внимания современных исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры. Каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет специфические национальные и универсальные черты.

В настоящее время когнитивная лингвистика сосредоточила свое внимание на решение таких основных проблем:

1. Структуры представления различных типов знаний, объективированных в языковых знаках (этим первоначально занималась гносеология – теория познания), и механизм извлечения из знаков знаний, т. е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика). Язык – плод человеческого ума, структура языка до известной степени показывает то, как «работает» ум. Психологический постулат «поведение человека детерминировано его знаниями» в когнитивной лингвистике превращается в постулат: языковое поведение человека детерминировано знаниями, где знания включают в себя не только эмпирические сведения, общефоновые знания (знания о мире), но и культурные знания, в том числе языковые знания (знания о мире, как это запечатлено в языке), знание языка (языковой системы). Другими словами, знания бывают внеязыковыми и собственно языковыми, и изучение структур представления таких типов знания является ключевым вопросом когнитивной лингвистики. Структуры знаний – это «пакеты» информации, обеспечивающие адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций.

2. Способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообществ. Результатом исследований в области когнитологии явилось утверждение о неразрывной взаимосвязи ментальных процессов, т. е. понимание некоторой

новой ситуации происходит через поиск в памяти знакомой ситуации, наиболее похожей на новую. Концептуализация представляет собой двухступенчатый процесс: восприятие (перцептивное выделение объекта познания) и сознание (наделение объекта познания смыслом).

3. Условия возникновения и развития языковых знаков и законы, регулирующие их функционирование. Структура языка отражает известные функциональные критерии, которые основаны на употреблении языка как коммуникативного орудия.

4. Соотношение языковых знаков и культурных реалий, в них запечатленных. Язык – средство общения между членами общества – фиксирует актуальные аспекты данной культуры. Структура языка является порождением двух важных факторов: внутреннего (ум говорящего) и внешнего (культура, общая с другими говорящими на этом же языке). В структурах представления знаний аккумулируются национально-культурные коды, составляющие когнитивную основу языка.

5. Свойства категоризации в естественных языках (включая прототипичность, метафору и когнитивные модели). Категоризация человеческого опыта стала центральной проблемой в отечественной когнитивной лингвистике. Категоризация тесно связана со всеми когнитивными способностями человека, а также с разными компонентами когнитивной деятельности – памятью, воображением, вниманием и др. Категоризация воспринятого – важнейший способ упорядочить поступающую к человеку информацию. Категоризация есть важнейший способ образования концептуальных структур. Концептуальный анализ направлен на выявление концептов в их двойной функции:

1) как оперативных единиц сознания;

2) как значений языковых знаков, т. е. ментальных образований, выраженных в языке.

6. Отношение между языком и мышлением (проблема использования языка как способа интерпретации мира, ограниченного имеющимися в распоряжении говорящего словами и грамматическими конструкциями). Некоторые исследования по когнитивной лингвистике пересекаются с исследованиями по функциональной грамматике, при этом функционалисты фокусируют свое внимание на взаимодействующих коммуникативных факторах, влияющих на структуру языка, когнитивисты сосредотачиваются на факторах ментальной деятельности.

7. Описание пограничной области между синтаксисом и семантикой (исходя из посылки, что значение имеют как лексические единицы, так и грамматические формы, и порядок слов в предложении).

8. Выявление и описание языковой картины мира и ее фрагментов, в том числе определение и интерпретация наивных (обыденных) представлений, сохранивших в языке реликты древних знаний. Особый интерес представляют метафоры, из-за их логической аномальности они считаются сохранившимся пережитком синкретизма мышления древних.

9. Взаимосвязь ментальности и концептуальной системы. Здесь актуально выявление особенностей ментальности народа посредством описания концептуальных подсистем и всей концептуальной системы в целом. Особую ценность представляют собой сопоставительные исследования, позволяющие увидеть этноспецифику ментальности носителей конкретного языка. Определить этноспецифику ментальности народа возможно двумя основными способами: обращаясь к данным одного языка в аспекте диахронии, а также в сопоставлении одного языка с другим. Особый интерес вызывают вопросы национально-специфических прототипов, категорий и культурных реалий. Национальная ментальность формируется конкретными факторами материальной среды бытования этноса (речь идет о природе и климате, пище, пейзаже, уровне природной и социальной адаптации в среде).

10. Интерпретация мира, представленного в языковых знаках. Одним из ведущих направлений когнитивной науки является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения для описания фрагментов мира. Во второй половине XX века когнитивной наукой стала называться та отрасль знания, которая изучает процессы усвоения, накопления и использования информации человеком. Здесь объектом исследования выступает концептуальная картина мира.

11. Выявление и анализ социокультурных стереотипов (авто- и гетеростереотипов). Особенности видения мира отдельным человеком и народом в целом – это результат длительного исторического развития нации. Проблема стереотипов (предвзятого мнения; готовой схемы восприятия) выступает одной из центральных в рамках этнопсихологии и этносоциологии. В каждом языке отражен некий круг стереотипов суждения, которые формируют предвзятое мнение определенного носителя языка. Предвзятое мнение – это чья-либо точка зрения (или угол зрения) на что-либо, кого-либо, которая существует как бы сама по себе, внешне не является объективно мотивированной, и с большими трудностями может быть объяснена носителем определенного языка (как правило, со ссылками на интуицию, на существующее общественное или же общепринятое мнение). Понятие «предвзятое мнение» пересекается определенным образом с понятием «личная пристрастность».

12. Описание концептуальной системы языка. В этом случае объектом исследования выступают концепты. Концептуальные исследования направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке.

Последнее десятилетие в когнитивной лингвистике исследователей при изучении языковых категорий интересуют конкретные принципы выделения концептов, их таксономия и установление иерархии концептов, которые обусловлены языковой категоризацией. Дж. Лакофф [4] выдвинул гипотезу, что категории формируются когнитивными структурами, получившими название идеализированных когнитивных моделей (*idealized cognitive models*), под которыми понимаются особые когнитивные сущности, лежащие в основе языковых категорий. Дж. Лакофф выделяет четыре их типа:

1) пропозициональные модели, определяющие характер элементов категории, их свойства и отношения между ними;

2) образ-схематические модели, отражающие основные образные представления, формирующие категориальные классы;

3) метафорические модели, позволяющие представить некоторую абстрактную область посредством отождествления ее с другой областью, обычно конкретной и доступной эмпирическому изучению;

4) метонимические модели, действующие совместно с тремя первыми типами идеализированных когнитивных моделей и обеспечивающие перенос характеристик одного элемента множества на всё множество.

В лингвистической литературе уже появились работы, где предлагаются различные классификации концептов. Одна из таких классификаций принадлежит В. И. Карасику: «содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. ... Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их автономический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. ... Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент... Класс нерегулятивных концептов весьма своеобразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу ... построены на основе лингвистического (частеречного в своей основе) и когнитивно-психологического критериев. ... Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить **лингвокультурный типаж**» [1, с. 30 – 33].

Представляю свою авторскую – трехчленную классификацию концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации которой, в свою очередь, выступает язык. Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем категориальным классам.

I. Базовые концепты, к этому разряду можно отнести те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космиче-

ские концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты.

II. **Концепты-дескрипторы**, которые квалифицируют базовые концепты; среди них: 1) дименсиональные концепты, под которыми понимаются различного рода измерения (*размер, объем, глубина, высота, вес* и др.), 2) качественные концепты, выражающие качество (*тепло-холод, целостность (холистичность) – паритивность, твердость-мягкость*), 3) квантитативные концепты, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно-недостаточно*).

III. **Концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди них: 1) концепты-оценки (*хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно*), 2) концепты-позиции (*против, вместе, между, впереди-позади (всех), рядом, сверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный*), 3) концепты-привативы (*свой-чужой, брать-отдавать, владеть-терять; включать-исключать*).

Класс **космических концептов** (*небо, земля, планета, солнце, звезда, луна, комета*) включает в себя субклассы: а) метеорологические концепты (*погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, снег*); б) биологические концепты (*человек, птица, зверь, насекомое, змея, рыба, растение, цветок, дерево, куст, трава, ягода, фрукты, овощи*), построенные на понятийных оппозициях «живое-неживое», «съедобное-несъедобное», «рукотворное-природное», «человек-нечеловек», пищевые (*ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня*), соматические (*тело/плоть, голова, сердце, печень*), перцептивные (*зрение, вкус, слух, в наивной картине мира предчувствие, уловление, нюх, чутье* и др.), в) ландшафтные концепты (*поле, лес, луг, роца, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорога*), г) предметные концепты, включая артефактные концепты (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда*).

Класс **социальных концептов** образуют: а) концепты стран (*Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государство*), б) концепты социального статуса (*элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, богатырь, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный, ремесленник (гончар, плотник, кузнец), интеллигент, ученый, хозяин, раб*), в) концепты национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз*), г) концепты власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, воля, анархия*), д) концепты интерперсональных отношений (*влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство; мир, война*), е) моральные (этические) концепты (*честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность*), ж) концепты занятий (*труд, ремесло, лень, игра, образование, праздник, дело*), з) религиозные концепты (*Богоматерь, Бог, святой, икона, мессия, пророк*).

Класс **психических (духовных) концептов** формируют концепты внутреннего мира (*душа, дух*): а) концепты характера (*азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*), б) концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть,*

ликование, страдание, ревность, тоска, тревога), в) ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*).

Еще раз следует повторить, что границы между классами концептов размыты. Так, соматические концепты относятся к классу космических (биологических), при этом часть структур этих концептов представляет их в иерархии концептов внутреннего мира: *сердце* – реально существующий кровеносный орган, при этом *сердце* – воплощение характера (*доброе/злое сердце*), в наивной картине мира *сердце* – орган эмоционального переживания (*сердцем веселиться/радоваться/печалиться*). *Совесть* – концепт из класса социальных (моральных) и при этом – класса концептов внутреннего мира, в наивной картине мира *совесть* – воплощение конфессиональной принадлежности человека (*Менять веру, менять и совесть*) и его национальности (*Душа христианская, а совесть цыганская*).

Концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что человек знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров и есть то, что называется концептом. Концепт – это означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления. Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концептов. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определённой культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления в языке. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может быть получена различными способами восприятия (при помощи зрения, слуха, обоняния, осязания и т. д.). Такая информация формирует особую парадигму концептуальных признаков. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может выражаться в виде вторичной категоризации, что составляет образную группу в структуре концепта.

Концептуальная картина мира представляет собой полную базу знаний о мире (донаучных и научных), накопленную за всю историю существования народа, говорящего на языке. Концептуальная картина мира не совпадает с языковой. Первая сложна по своему строению, отличительным ее качеством является многоуровневость. И если в языке существуют процессы архаизации и десемантизации, то в концептуальной картине мира аккумулируются всё, что когда-то было познано, названо и освоено. Первый уровень в ней образуют знания архаичные, реликтовые (донаучные),

это знания дописьменного периода. Далее появляется уровень знаний, который частично фиксируется в разного рода текстах. Следующие уровни – это знания разных наук, как систематизированные, так и несистематизированные. Язык «запомнил» и сохранил эти знания в своих знаках и категориях (например, к категории живого в русской концептуальной картине мира относятся не только животные (живые!) и человек, но и растения, которые живут и умирают; эта категория связана с категорией одушевленности – наделенности душой).

Концептуальная система – это совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка, находящихся в разных типах отношений между собой. Они реализуются в виде репрезентантов – языковых знаков. Концептуальную систему можно назвать ментальным каркасом языковой картины мира. Концептуальная система – сложное образование: ее формируют концептуальные подсистемы, такие, например, как концепты небесного мира (солнце, звезды, луна, комета, планета, небо и др.), ландшафтные концепты (земля, море, река, луг, лес, тайга, океан, озеро и др.), зооконцепты (птица, зверь, хищник, бабочка, божья коровка, стрекоза и др.), антропоконцепты (властитель, правитель, подданный, воин, путник, музыкант, учитель и др.), социоконцепты (политические концепты, идеологические концепты, интерперсональные концепты, религиозные концепты, этические концепты) и т. д. У каждого народа своя мифология, свой путь в донаучном познании мира, т. е. своя культура. Эти знания тоже отображаются на концептуальной системе.

Методика изучения концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований формировалась постепенно. Первоначально детальному изучению подвергались образные признаки концептов, то, что в зарубежной лингвистике именуется концептуальными метафорами. Оказалось, что «за бортом» анализа остается часть языкового материала, которая постепенно вовлекалась в процесс описания.

В России первой докторской диссертацией, посвященной исследованию концептов, была диссертация М. В. Пименовой «Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)» (2001), основные положения которой были изложены в монографии «Этногерменевтика наивной языковой внутреннего мира» (Пименова, 1999).

В краткой и сжатой форме ниже излагаются основные принципы изучения концепта и концептуальной структуры, принятые в Кемеровской школе концептуальных исследований.

1. Выбор ключевого слова – репрезентанта концепта. У одного концепта может быть несколько слов-репрезентантов (например, *мудрец*, *мудрый*; *луна*, *месяц* и их производные; *sky* и *heaven* и их производные).

2. Сбор фактического материала: в него входят компоненты словообразовательного гнезда, свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом – репрезентантом концепта (в том числе пословицы в широком смысле этого термина), тексты (иногда без узкого ограничения их жанровой специфики, если цель – максимально полно выявить структуру концепта).

Определяются временные границы относительно изучаемых текстов (XX век, XIX – XX вв. и пр.).

3. Исследование этимологии слова-репрезентанта концепта – выявление мотивирующих признаков (это происходит на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей, затем выявляются соответствующие примеры в языковом материале; на этом основании делаются выводы об актуальности/неактуальности этих языковой картины мира того или иного периода).

4. Анализ фактического материала на предмет определения образных концептуальных признаков (определяются группы признаков живой и неживой природы; признаки неживой природы: вещества, стихий, артефактов, пищи; признаки живой природы: вегетативные, витальные (признаки всех живых существ), зооморфные (анималистические, орнитологические, энтомологические, ихтиологические), антропоморфные (индивидуальные: признаки характера, волеизъявления, эмотивные, ментальные, занятий; социальные: религиозные, интерперсональные, этические). Они свойственны всем концептам в той или иной мере. У заимствованных концептов и тех, что появились в концептуальной системе недавно, эти признаки развиты слабо. Особое внимание уделяется концептам внутреннего мира человека. Концепты внутреннего мира по своим типологическим признакам и сходным структурам формируют макроконцепты «внутренний человек», «орган саморефлексии» и «пространство внутреннего мира». Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями [2, с. 62].

5. Выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций (анализу подвергаются все возможные толковые словари). Именно сравнение толкований репрезентантов эквивалентных концептов позволяют определить «пропущенные» в русских словарях семы и семемы, потому что хороших (полных) словарей у нас в русской лексикографии попросту нет! Затем – на основе словарей синонимов – определяются дополнительные понятийные признаки. Далее происходит поиск выявленных признаков среди фактического материала. Определение их частотности, которая является критерием их актуальности для современной русской языковой картины мира. Словарная статья построена (как пишут сами лексикографы) по принципу «от самых частотных к редко употребляемым». Однако фактический материал этот принцип не подтверждает! Фактический материал показывает наличие понятийных признаков концептов, «пропущенных» как нашими толковыми словарями, так и иноязычными (см. монографию о концепте *сердце* [3]).

6. Определение категориальных признаков, среди которых дименсиональные (признаки размера, объема, веса), качественные (качественные признаки), количественные (количественные), пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные признаки (признаки ценности – образные: это признаки имущества, (драго) ценности; собственно-оценочные: общая и частная оценка (хороший/ плохой), рациональная, эмоциональная, бенефактивная и пр. виды оценок). Такие

признаки позволяют определить место исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и отнести его к определенной области бытования.

7. Описание символических признаков (на основе словарей символов, толковых словарей (редко) и анализа фактического материала). Привлекаются мифологические словари, этнографические данные, фактический материал и др.

8. В некоторых случаях исследуются сценарии (например, при анализе концептов князь, богатырь, радость).

9. Описание стереотипов, свойственных той или иной лингвокультуре. Стереотипы связаны не со всеми концептуальными структурами. Стереотипы определены связаны с политическими, идеологическими и иными социальными концептами (см., например, концепты *Сибирь, сибиряк* и др.)

9. Возможен психолингвистический эксперимент (особенно при описании концептов, относящихся к сфере «страна и ее жители глазами жителей другой страны»: концепты Америка, Россия, Германия, Франция, Турция, Китай и др.).

10. Сведение полученных признаков, образующих структуру концепта, и количественных данных в общую таблицу. Описание этой таблицы с позиций частотности признаков, их актуальности в языковом материале, соответствия в сравниваемых концептуальных системах, определение национальной специфики и собственно эквивалентности признаков концептов (в случае сопоставительного анализа).

На всех этапах исследования концептов привлекаются данные из разных научных источников и смежных дисциплин: этнологии, этнографии, психологии, медицины, философии, мифологии и т. д.

Концептуальная структура формируется семью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта (иногда в словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова, когда первичный признак уже забыт и не воссоздается), образными признаками (выявляемыми через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта), понятийными

признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, а также синонимами, функциональными признаками (отображающими функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом), категориальными признаками (дименсиональными, качественными, количественными, ценностно-оценочными, пространственными и временными), символическими признаками – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом – репрезентантом концепта, ироническими признаками (выражающими утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала; ср. концепт тещи). Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены между собой. Эти процессы помогают нам выделить некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками [3, с. 17].

Исследование концептуальной структуры позволяет выявить более глубокие и существенные свойства референта. Такие свойства представляют обобщенные признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для их опознания. Референциальные признаки формируют структуру концепта. Структура концепта – это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом.

Концептуальная система языка сохраняет всё познанное народом. В языке фиксируется картина мира, свойственная определенному народу. Картина мира подвижна, изменчива, она развивается и дополняется новыми сведениями, обусловленными движением человеческой мысли, устремленной к познанию.

Литература

1. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова [и др.]. – М.: Грозис, 2005. – 352 с.
2. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М. В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
3. Пименова, М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе: коллективная монография / М. В. Пименова // Ментальность и язык; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2006. – (Концептуальные исследования; вып. 7).
4. Lakoff, J. Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind / J. Lakoff. – Chicago: L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Информация об авторе:

Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков КемГУ, MVPimenova@yandex.ru.

Marina V. Pimenova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical Linguistics and Slavonic Languages, Kemerovo State University.

УДК 81'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «HELD»

В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. В. Писаренко

LINGUOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD «HELD» IN THE MODERN GERMAN NEWSPAPER DISCOURSE

A. V. Pisarenko

В статье анализируются лингвокультурные характеристики лексико-семантического поля «Held» на материале корпуса современных немецкоязычных публицистических текстов. Автор выделяет и анализирует с помощью лингвокультурного подхода современные культурно-значимые характеристики героя как эталона поведения человека в немецкой лингвокультуре и моделирует лексико-семантическое поле «Held», отражающее особенности современного национального немецкого сознания.

The paper analyses the linguocultural characteristics of the lexico-semantic field «Held» in the corpus of contemporary German newspaper texts. The author sorts out and analyzes the modern culturally relevant characteristics of the hero as a model of human behavior in the German linguoculture using the linguocultural approach and models the lexico-semantic field «Held», reflecting the features of the modern German national mentality.

Ключевые слова: лингвокультурные характеристики, лексико-семантическое поле, дискурс, немецкое национальное сознание.

Keywords: linguocultural characteristics, lexico-semantic field, discourse, German national mentality.

В настоящей статье представлен анализ ЛСП „Held“ на материале современного немецкого газетно-публицистического дискурса. Под дискурсом здесь понимается связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. Газетно-публицистический дискурс является наиболее подходящим материалом для лингвокультурного исследования, т. к. он отличается высокой степенью динамичности и наиболее быстро и точно реагирует на культурные изменения в обществе.

Данный дискурс представлен корпусом современного немецкого письменного языка, основной массив которого составляют газетные статьи.

Принципиальная польза языкового корпуса при проведении практически любого лингвистического исследования неоспорима. Роль данного эмпирического материала оценивается высоко вне зависимости от поставленных задач, выбранной теоретической базы исследования и от сферы практического применения корпуса как материала исследования. Языковой корпус может стать привлекателен для исследователя-лингвиста ввиду своих двух основных качеств: а) каждая языковая гипотеза может быть в полном объеме проверена на практике и б) тезисы каждого исследования могут быть документально подтверждены языковыми фактами [1, с. 155 – 178].

В корпусе «Archiv der gesprochenen Sprache» представлено в общей сложности 49616 контекстов слова «Held» в изданиях печати за 2012 год, из которых в рамках данного исследования в качестве материала исследования отобраны тексты, вышедшие в печать в июне-июле 2012 года, т. к. тексты этого периода представлены в корпусе как наиболее поздние по времени их публикации. Выборка материала исследования представлена конкордансом, состоящим из 332 контекстов.

ЛСП – это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова. По современным представлениям, поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национально-

го языка не только литературного, но и просторечия, диалектов, жаргонов, с обращением к историческим лексическим материалам при ориентации на диахроническое исследование. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности как в синхронном плане (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собою, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в генетическо-диахроническом плане (определенный набор неоднократно реализованных мотивационных моделей, повторяемость словообразовательных моделей, повторяемость производящих этимологических гнезд, порождающих лексику поля). Однако в силу тесной связи с внеязыковыми реалиями поле является незамкнутой единицей организации лексики и поэтому существенно отличается от систем других языковых уровней (фонологического, морфологического) [2].

В целях построения ЛСП Held представлен корпусный анализ данного ядра и выделены лексико-семантические группы, которые отражают наиболее актуальные для немецкой лингвокультуры сферы функционирования данного понятия, а также его культурные характеристики, выраженные в языке.

Согласно DUW, der Held (герой): **1.** (Myth.) durch große u. kühne Taten bes. in Kampf u. Krieg sich auszeichnender Mann edler Abkunft (in den Mythen u. Sagen entstanden sind) – (миф.) человек благородного происхождения, отличающийся великими и отважными поступками, особенно в сражении и войне (в связи с мифами и сказаниями) (пер. зд. и далее автора: *А. П.*); **2. а)** jmd., der sich mit Unerschrockenheit u. Mut einer schweren Aufgabe stellt, eine ungewöhnliche Tat vollbringt, die ihm Bewunderung einträgt – кто-либо, кто идет на выполнение трудного задания с бесстрашием и отвагой, совершает необычный поступок, который приводит к восхищению им; **б)** jmd., der sich durch außergewöhnliche Tapferkeit im Krieg auszeichnet u. durch sein Verhalten zum Vorbild [gemacht] wird – кто-либо, кто отличается необыкновенной отвагой на войне и является (становится) из-за своего поведения образцом для подражания; **3.** <Pl. selten> männliche Hauptperson eines literarischen o. ä. Werks – редко:

главное действующее лицо мужского пола литературного или др. произведения [4].

Таким образом, ядро ЛСП *Held* имеет 3 основных значения: 1) мифический герой; 2) герой как человек, совершивший отважный поступок, подвиг; 3) главное действующее лицо произведения искусства.

Характеристики понятия *Held*, заключенного в ядре ЛСП, выделяются через анализ коллокатов самого понятия, т. е. слов, которые чаще всего встречаются в одном мини-контексте со словом *Held* и выражают его контекстуальные характеристики. Коллокаты (*collocates*) – слова, с которыми анализируемое слово (часто) встречается вместе [3]. Ядро в сочетании с каждым отдельным коллокатом ЛСП представляет собой коллокацию.

Для каждой коллокации (т. е. отдельной пары «ядро+коллокат») существует сильная тенденция ассоциироваться с одним смыслом или значением. Выделение и анализ коллокатов определенного слова позволяет выделить, таким образом, наиболее устойчивые сочетания слов в речи – устной или письменной. Степень близости конкретного коллоката к заданному слову говорит о степени устойчивости данного сочетания. Поэтому, выделяя наиболее частые коллокаты слова, можно эффективно и надежно анализировать его контекстуальные смыслы, которые, в свою очередь, позволяют делать выводы о характеристиках конкретного понятия, отраженных в речи.

В целях выявления наиболее устойчивых коллокативных сочетаний со словом *Held* в немецком газетно-публицистическом дискурсе в данной статье рассматриваются лишь коллокаты, занимающие максимально близкую к данному слову позицию – [-1, 1], т. е. находящиеся непосредственно слева [-1] и справа [1] от анализируемого ядра в контексте.

Анализ корпуса немецкой прессы показал, что самым частотным ближайшим левым коллокатом слова *Held* является слово *tragisch(er)* – «трагический».

Пример 1: Für Menschen wie Vint Cerf ist Alan Turing ein Genie und ein tragischer Held. „Seine mathematischen Entdeckungen retteten Tausende Leben, doch er selbst konnte sich selbst nicht vor der sozialen Verdammung retten“, schreibt der Mitentwickler des modernen Internets in einem Jubiläumssessay auf BBC Online. (Rhein-Zeitung, 23.06.2012, S. 35; Alan Turing: Der Enigma-Codeknacker) – Для таких людей как Винтон Серф Алан Тьюринг является гением и **трагическим героем**. «Его математические открытия спасли тысячи жизней, но он сам не смог спасти себя от общественного осуждения», пишет один из разработчиков современного Интернета в юбилейном эссе на сайте компании BBC».

В данном контексте речь идет об английском математике и криптографе Алане Тьюринге, которого принято считать отцом информатики и первым разработчиком системы искусственного интеллекта. Кроме того, этот ученый разработал теоретическую базу для машины, предназначенной для взлома шифровальной машины Enigma, использовавшейся немцами во время Второй мировой войны и без дешифрования которой союзникам долгое время не удавалось переломить ход войны.

Именно поэтому его называют гением и героем, а трагичность его судьбы заключается в том, что он был осужден за гомосексуальные связи и, по одной из версий, покончил жизнь самоубийством перед перспективой быть стерилизованным или пожизненно оставаться в тюрьме.

Таким образом, частотность употребления коллоката *„tragisch (e/er)“* со словом *Held* указывает на то, что *одной из главных характеристик героя в современной немецкой лингвокультуре является трагичность его судьбы, часто незаслуженная, как результат предрассудков общества*. Герой, несомненно, совершает определенные выдающиеся поступки, однако, не получает награду за них, а, напротив, порицается за свои личностные недостатки. Однако данная характеристика поддается переосмыслению во времени, т. к. то, что произошло с данным человеком в прошлом, оценивается как трагедия в современном контексте. Необходимо отметить, что данная характеристика героя полностью расходится как со словарным значением данного слова, так и общепринятым представлением о герое.

Следующим по частотности коллокатом к слову *Held* согласно результатам корпусного анализа является слово *feiern* в своих нескольких вариантах словоформ: как причастие *gefeiert(e/er)* – прославленный, прославляемый (герой) (в пре- и постпозиции) и как инфинитив в сочетании *j-n als Held feiern* – чествовать кого-либо как героя.

Пример 2: Erst am letzten Spieltag hatten sich die „Falken“ mit einem 5:2 beim Meister Eyüp Sultan die Teilnahme an der Aufstiegsrunde gesichert: Dort schalteten sie die DJK Oberrasbach mit 4:2 aus, ehe der große Triumph nach dem 4:0 über den SV Inzingen perfekt war. Mit drei Treffern war Julian Klose **der gefeierte Held**. (Nürnberger Zeitung, 29.06.2012, s. 25) – Только в последний день игры на чемпионате Ейүп Сультан «Соколы» обеспечили себе со счетом 5:2 участие в круге более высокого класса: Там они обыграли команду «Deutsche Jugendkraft» из Оберазбаха со счетом 4:2, а затем превратили свой результат в большой триумф, победив команду спортивного клуба Инзинген со счетом 4:0. После трех встреч Юлиан Клозе стал **прославленным героем**. Пример демонстрирует, что героем в понимании немцев может стать обычный человек в силу своих профессиональных заслуг. Анализ показал, что все контексты с левым коллокатом *gefeiert* посвящены теме спорта и конкретно футбола. Это указывает на высокую степень значимости данной сферы жизни для немцев. Игрока прославляют за его успехи, превознося его в ранг национального героя.

В составе сочетания *j-n als (wie) Held feiern* данный коллокат встречается в форме инфинитива, и все его контексты указывают на моральный подтекст данного коллоката.

Пример 3.

Der Mann aus der russischen Teilrepublik Nordossetien hatte für seine Tat eine fünfjährige Gefängnisstrafe verbüßt. Kalojew war in Russland für seine Tat zum Teil **wie ein Held gefeiert** worden. Heute ist er Vizebauminister der Teilrepublik Nordossetien. (Die Südostschweiz, 02.07.2012, s. 28) – Мужчина из российской

республики Северная Осетия отбыл за свое преступление пятилетнее наказание в тюрьме. В России многие **чествовали** Калоева **как героя** за его поступок. Сегодня он является заместителем министра строительства российской республики Северная Осетия.

Пример 4: Zu Hause **wie ein Held gefeiert**. Im Februar 2004 reist Vitali Kalojew nach Kloten (St. Galler Tagblatt, 29.06.2012, s. 3) – На родине его **чествуют как героя**. В феврале 2004 Виталий Калоев едет в город Клотен.

В данных примерах сочетание «wie ein Held feiern» относится к знаковому персонажу мировых газетной и общественной хроник первых лет XXI века – Виталию Калоеву, россиянину, уроженцу Северной Осетии, потерявшему в авиакатастрофе над Боденским озером в 2002 году всю семью и в 2004 году, убиравшему за это авиадиспетчера из Швейцарии. По неся наказание за преступление, Калоев вернулся на родину и был восторженно встречен земляками, а с января 2008 года назначен заместителем министра строительства и архитектуры Северной Осетии.

В отличие от варианта *gefeierte/r* (Held), данный коллокат передает явную негативную оценку Калоева. «Чествовать **как героя**» означает относиться к человеку как герою, хотя он таковым не является. Это говорит о том, что европейцы, несомненно, осуждают его поступок и не считают его героическим, одновременно удивляясь, что на родине человека приравнивают к герою. Подтверждается это указанием на конкретное место – родина героя, Северная Осетия, которая в данном контексте противопоставляется другому мировому сообществу. Еще больше это подчеркивается фразой о том, что Калоев теперь занимает высокий пост в правительстве республики.

Данное значение слова Held схоже с одним из словарных значений этого слова – «jmd., der sich mit Unerschrockenheit u. Mut einer schweren Aufgabe stellt, eine ungewöhnliche Tat vollbringt, die ihm Bewunderung einträgt», однако словарное значение не содержит в себе оценки самого героя, которое оно приобретает в определенном контекстуальном окружении.

Так, анализ двух, на первый взгляд, различных форм одного коллоката слова Held демонстрирует, что формальное различие грамматико-синтаксических конструкций свидетельствует о различии оттеночных коннотативных значений у одного слова в зависимости от его контекста.

На основании анализа данного ближайшего коллоката, таким образом, выделены следующие современные характеристики героя в немецкой лингвокультуре: *герой становится таковым в результате личных и общественных достижений в своей профессиональной сфере деятельности (чаще в спорте), но совершая преступление, даже из морально оправданных побуждений, он не может считаться эталоном и героем, а его поведение осуждается обществом.*

Третьим левым коллокатом по частотности употребления в одном контексте со словом Held является причастие *umjubelt*, образованное от глагола *umjubeln* – чествовать кого-либо, ликующ. Контексты, в которых встречается данный коллокат вместе с ядром, также спортивной тематики.

Пример 5: Als Fàbregas' Schuss vom Innenpfosten ins Netz rauschte, schrie er die unbändige Freude mit weit aufgerissenem Mund heraus und sprang Torwart Iker Casillas in die Arme. Fàbregas kennt das Gefühl, **der umjubelte Held** zu sein. Bereits beim 4:2-Erfolg über Italien im EM-Viertelfinale 2008 hatte er nervenstark den letzten Elfmeter verwandelt und die goldene Epoche des spanischen Fußballs eingeleitet. (Mannheimer Morgen, 29.06.2012, s. 3) – Когда мяч от удара Фабрегаса отскочил от боковой штанги ворот прямо в сеть, Фабрегас закричал от радости во весь рот и прыгнул в объятия вратаря Икера Касилласа. Фабрегас уже знает, что это – быть **героем, которого чествуют с ликованием**. Уже в четвертьфинале чемпионата Европы в 2008 году, побеждая Италию со счетом 4:2, он хладнокровно забил одиннадцатиметровый гол и открыл золотую эпоху испанского футбола.

Обычно ликую, встречают победителей войн и национальных героев, но из данного контекста следует, что такого почтения достойны также выдающиеся спортсмены.

Также героизм в спорте выделяется в контексте слова Held в сочетании с правым коллокатом *twittern*. Данный глагол полностью заимствован в немецкий язык из английского и ассимилирован с помощью типичного инфинитивного окончания –n от глагола *to twitter* – щебетать; болтать; оставлять сообщение в социальной сети Twitter. Все контексты с данным коллокатом представляют собой открытые сообщения в указанной сети.

Пример 6: Tommy Haas hat den großen Roger Federer im Finale von Halle geschlagen, und Dirk Nowitzki war einer der Ersten, die ihre Glückwünsche schickten. „Gratulation, mein Junge, Du bist mein **Held**“, **twitterte** der noch amtierende NBA-Champion aus dem fernen Dallas. (Mannheimer Morgen, 18.06.2012, s. 5.) – Томми Хаас победил великого Роджера Федерера в финале турнира в Галле, и Дирк Новицки был одним из первых, кто отправил ему свои поздравления. «Поздравления, мой мальчик, Ты мой **герой**», **такое сообщение оставил** в твиттере действующий чемпион NBA из далекого Далласа.

Из данного контекста следует, что героем человек стал в силу своих профессиональных успехов в спорте. Он прославляется своеобразным способом – объявляется героем в социальной сети. Это полностью соответствует современным тенденциям коммуникации – виртуальный мир сетей полностью заменяет людям всех возрастов и социальных статусов реальное персональное общение вживую.

Корпусный анализ позволил также выделить характеристики, касающиеся масштабов героизма человека. В контекстах они переданы самым ближайшим коллокатом – определением *groß*.

Анализ контекстов, содержащих коллокат *groß*, показал, что масштабность героизма оценивается носителями немецкого языка только относительно спортивных достижений человека.

Пример 7.

Neben dem Torschützen Robert Horvath, der nach 57 Minuten netzte, war Tormann Georg Keglovits **der große Held**, weil er nach der Führung einen Elfmeter parierte (Burgenländische Volkszeitung, 07.06.2012) –

Помимо бомбардира Роберта Хорвата, который забил гол на 57 минуте, вратарь Георг Кегловиц стал **большим героем**, т. к. после ведения мяча отразил одиннадцатиметровый удар.

Данный пример демонстрирует, что степень героизма человека устанавливается в зависимости от его профессиональных достижений.

Это подтверждается и в следующем примере.

Пример 8: Tränen in Havanna, Schock für die internationale Boxszene: Teofilo Stevenson ist tot. **Der große Held** der stolzen Box-Nation Kuba erlag im Alter von 60 Jahren den Folgen eines Herzinfarkts. Stevenson war in den siebziger und achtziger Jahren einer der besten Amateur-Boxer. (Hamburger Morgenpost, 13.06.2012, s. 45) – Слезы в Гаване, шок для международного боксерского спорта: Теофило Стевенсон умер. **Большой герой** гордой кубинской нации боксерского спорта скончался от инфаркта в возрасте 60 лет. Стевенсон был одним из лучших боксеров-любителей в семидесятые и восьмидесятые годы.

Коллокат klein – маленький чаще всего встречается в одном контексте со словом Held при описании возраста человека, совершившего неординарный поступок.

Пример 9: Neunjähriger verscheuchte Einbrecher mit einer Flasche. Für die Beamten ist Milan **ein kleiner Held**. „Er hat alles richtig gemacht, hat umsichtig, clever und vorbildlich reagiert“, lobt Sprecherin Natascha Aust. (Braunschweiger Zeitung, 27.06.2012) – Девятилетний мальчик отпугнул взломщика бутылкой. Для чиновников Милан – **маленький герой**. «Он все сделал правильно, отреагировал осмотрительно, умно и образцово», похвалила мальчика представитель властей Наташа Ауст.

Коллокат «klein» как характеристика героя указывает на то, что героем может стать даже ребенок в повседневной жизни.

Большим же героем может стать только профессионал-спортсмен, т. е. человек, который целенаправленно развивал свои навыки и применял их для поддержания духа нации.

Проведенный анализ ближайших коллокатов слова Held на материале корпуса современного немецкого языка всего лишь за период июня 2012 года позволил выделить следующие лексико-семантические группы характеристик героя в рамках одного поля (таблица).

Судя по приведенным данным в таблице, можно сделать следующие выводы о характеристиках героя в современной немецкой лингвокультуре:

- герой чаще всего имеет трагическую судьбу, несмотря на свои заслуги перед обществом;
- взрослый человек считается большим героем только на основании его профессиональных заслуг;
- героем чаще считается маленький ребенок или молодой человек, совершивший смелый общественный поступок в повседневной жизни, так как еще не имеет возможности реализоваться профессионально;
- герой является не просто эталоном поведения, недостижимым для обывателей, но самостоятельно может влиять на общественное мнение, открыто выражая свои суждения;
- героическое поведение больше свойственно представителям американской нации и в меньшей степени – немецкой. Это свидетельствует о глобализации и американизации немецкого национального сознания.

Таблица

ЛСП „Held“ в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе

Lexikalisch-semantische Gruppen									
Alter		Objektive persönliche Eigenschaften		Eigenschaften nach öffentlicher Meinung		Tätigkeiten		Lokale Beziehungen	
klein	168	groß	361	tragisch	als 709	sagte	109	amerikanisch/	
jung	161	wahr	74	Held gefeiert als	686	meinte	46	Held Amerikas	71
42jährig	3	einsam	32	Held verehrt	94	stirbt	19	griechisch	55
17jährig	3	tapfer	23	umjubelt	85	rettet	13	deutsch	38
10jährig	3	bescheiden	11			dazusteht	10	trojanisch	13
		wortkarg	8			kämpfender	6	Russlands	9
		furchtlos	7			rettender	5	jüdisch	7
		siegreich	7					germanisch	6

Литература

1. Belica, C. Semantische Nähe als Ähnlichkeit von Kookurenzprofilen / C. Belica, A. Abel, R. Zanin // Korpora in Lehre und Forschung. – Bozen-Bolzano University Press, 2011.
2. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев // Этимология и история слов русского языка. – 1998. – Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf.
3. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
4. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH, 2007. – Режим доступа: MSDict Viewer

Информация об авторе:

Писаренко Агата Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, agathaa@mail.ru.

Agatha V. Pisarenko – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.1'37

НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

Т. Г. Письмак

UNCONTROLLABILITY AND TEMPORALITY

T. G. Pismak

В статье рассматривается, как семантика неконтролируемости влияет на употребление глагола в той или иной временной форме.

The paper considers the influence of the semantics of uncontrollability on the use of verbs in different tense forms.

Ключевые слова: семантика, неконтролируемость, действие, глагол, значение, время.

Keywords: semantics, uncontrollability, action, verb, meaning, times.

Неконтролируемость на сегодняшний день представляет собой наименее изученную область в семантических исследованиях. Мнения современных исследователей расходятся в определении ее статуса и объема: многие считают ее отдельной скрытой семантической категорией, другие полагают, что это семантический признак предикатов, третьи выводят неконтролируемость в область чистой грамматики глагола и т. д. Однако всеми лингвистами признается деление языковых действий и/или ситуаций на контролируемые и неконтролируемые: «Если исключить ситуации, которые вообще неуместно обсуждать в терминах контролируемости (природные процессы, абстрактные отношения и т. п.), то все остальные (для которых контроль релевантен) распадаются на два класса – контролируемые и неконтролируемые – независимо от их таксономического типа», – пишет Г. И. Куцова [4, с. 145].

Автор статьи теоретически опирается на положение, согласно которому неконтролируемость является скрытой семантической категорией, имеющей различные средства выражения и способной актуализироваться как на уровне ситуации, так и на уровне отдельно взятой глагольной лексемы [7; 5].

В рамках статьи мы рассмотрим специфику взаимодействия неконтролируемости и темпоральности.

На ограничения предикатов во временной парадигме с семантикой неконтролируемого положения вещей и невольного осуществления в русском языке указывают в своих работах Т. В. Булыгина [3, с. 7 – 83] и Т. И. Стеклова [7].

Категория времени – одна из основных категорий глагола. В русском языке, как известно, три основные временные формы: прошедшее, настоящее и будущее. Количество времен во французском языке исследователями определяется по-разному [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.]. Система этих форм как в русском, так и во французском языке, в составе своих компонентов и в отношениях между ними выражает временной дейктический центр – «сложившееся в данной языковой системе и ее подсистемах отражение внеязыкового

момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессе речи и в речевых произведениях» [2, с. 8]. Собственно говоря, в категориальном значении каждой формы глагольного времени закреплено отношение к временному дейктическому центру: в зависимости от цели коммуникации, коммуникативных установок говорящего, в речевых произведениях используется то одна, то другая глагольная форма. При этом глагольное темпоральное значение синкретично выражает отношение к реальному временному центру (внеязыковому) и системно-языковому дейктическому центру. Если эти центры совпадают, то мы имеем в наличии прямое употребление временной глагольной формы, если нет – транспозицию. Множество временных нюансов глагольные формы оказываются способны выразить потому, что и сами они имеют семантические разновидности [1].

Важнейшей семантической разновидностью настоящего времени является настоящее актуальное, выражающее конкретное действие, протекающее в момент речи. Оно связано с представлением ситуации в ее развитии во времени. Данными признаками в русском языке характеризуются глаголы несовершенного вида, поскольку именно несовершенный вид имеет значение процессности. Семантика имперфективных глаголов, обозначающих контролируемые действия, позволяет им употребляться в данном значении настоящего времени: *Я распечатываю телеграмму и прежде всего гляжу на подпись: от жены* (А. Чехов).

Имперфективные глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, например, внутренние состояния, также способны выражать значение настоящего актуального времени: *Ты вообразил, что твоя пьеса нравится матери, и уже волнуешься* (А. Чехов).

Во французском языке глаголы неконтролируемого действия в форме *présent* способны передавать актуальное настоящее: – *Si vous parlez affaires, madame s'ennuie* (F. Sagan) – *Если у вас деловой разговор, то мадам Сильвенер скучает*; «*Pourquoi riez-vous?*» (F. Sagan) – *Почему вы смеетесь?*

Развитие во времени свойственно, прежде всего, динамическим процессам, таким, как *пьянеть, хмелеть, слабеть, угрюмиться, цепенеть, свирепеть, смелеть, трезветь, хаметь, хохлиться* 2, *хрипнуть, чуметь* 2 и т. п. Данные глаголы тоже способны актуализировать значение настоящего актуального: *Добрее-ет на глазах, становится терпимей и, по-моему, только по инерции выдает свои афоризмы* (Ю. Даниэль); *Он краснеет, крутит головой, старательно исправляет ошибку* (Б. Окуджава).

В примерах типа: *Глянь, он на глазах пьянеет; – Да он задыхается, зови скорее врача!* обозначаемая ситуация сопряжена с ситуацией речи, они образуют единое целое.

Во французском языке данная группа глаголов довольно многочисленна. К ней относятся такие глаголы, как *se griser* (пьянеть), *s'affaiblir* (слабеть, ослабевать), *s'enhardir* (смелеть), *s'abêtir* (глупеть, тупеть), *vieillir* (стареть), *engraisser* (прибавлять в весе), *maigrir* (худеть), *s'affaiblir* (слабеть), *se gâter* (портиться), *roussir* (рыжеть) и др.

Для глаголов, обозначающих мультипликативные неконтролируемые действия, таких, как *кашлять, моргать, зевать, чихать, икать, вздрагивать* и т. п., употребление актуального настоящего также возможно, поскольку данные действия представляют собой процесс, представленный совокупностью отдельных повторяющихся актов.

В русском языке глаголам в форме совершенного вида, а во французском – в формах *passé simple* и *passé composé*, значение процессности не свойственно: «...мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченом, немислима, потому что заключает в себе противоречие. Что я вижу, слышу и т. д. в это мгновение, то не может быть оконченом. Действие окончено я могу представить себе только в прошедшем или в будущем» [6, с. 51]. Поэтому для глаголов совершенного вида в русском и указанным аспектуально-темпоральным французским формам глаголов, выражающим неконтролируемые действия, актуализация этой семантической разновидности настоящего времени невозможна.

Форма настоящего времени неактуального значения используется для выражения повторяющегося, обычного действия. В этом случае в высказываниях появляются спецификаторы: в русском языке – *обычно, всякий раз как, как всегда* и под.; во французском – *d'habitude, chaque fois, chaque soir, tous les jours* и под. Высказывания с исследуемыми предикатами могут актуализировать и этот семантический вариант настоящего времени: *Я хожу к нему вечерами, подолгу сижу рядом, пишу ему целыми страницами об Андерейке, деповских новостях и о чем говорят по радио, а старик кашляет, задыхается и ни слова сказать не может* (В. Чивилихин).

Некоторые глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, способны употребляться в неактуальном настоящем, которое указывает на «вневременность» или обычность (хабитуальность). Хабитуальная ситуация также, как и вневременные качества, не локализована во времени. Предложения с хабитуальным значением обозначают обычную, характерную

ситуацию, которая относится ко всем временам. К настоящему моменту относится само свойство (обыкновенное) [8, с. 29 – 30]. Так, в предложении: – *Всякий, кто вот так безоглядно топает по жизни, рано или поздно спотыкается и падает!* (А. Кучаев) свойство, приписываемое субъекту, в данной ситуации относится к широкому, неопределенному и обобщенному плану настоящего, в котором не выделяется отнесенность именно к настоящему моменту. То же самое можно сказать по поводу предложений с глаголами, обозначающими постоянное свойство, временная отнесенность которого является неопределенной и неограниченной: *Старики болеют гораздо чаще, чем люди среднего поколения и молодежь* (А. Белов). Невершенный вид некоторых глаголов неконтролируемого действия позволяет им употребляться как в настоящем актуальном, так и в настоящем неактуальном. В предложениях с неактуальным настоящим: *По нашим расчетам, десятки тысяч человек ежегодно болеют этой инфекцией.* (Д. К. Львов) ситуация не имеет актуальной соотнесенности с моментом речи, в отличие, например, от ситуаций *Видать, сильно болеют, и денег на лечение нет* (время события люди (2003)) характеризующихся такой отнесенностью.

Однако для глаголов состояния значение «вневременного» настоящего невозможно, поскольку они, в отличие от глаголов качества (свойства), характеризуются признаками локализованности и актуальности. В предложении: *Он, как человек с очень добрым сердцем, сердился редко, но когда сердился и когда у него дрожал подбородок, то, как и знал это Александр Вронский, он был опасен* (Л. Толстой) состояние является локализованным во времени, лексема *редко* указывает на то, что состояние повторяющееся, но в данном высказывании повторяет информацию придаточного предложения о положительном качестве характера персонажа (*как человек с очень добрым сердцем*). Лексема *редко* в какой-то степени нейтрализует отрицательную оценку глагола *сердиться*. В придаточном: *но когда сердился ..., он был опасен* лексема *когда* указывает на локализованность во времени, наблюдаемость состояния очевидна из следующей части высказывания: *и когда у него дрожал подбородок*. Глагол *дрожать* характеризуется семантическим признаком невольности осуществления, что характеризует и высказывание в целом.

Значение запланированного будущего может передаваться как формами настоящего, так и будущего времени. Настоящее в значении запланированного будущего описывает действия, еще не имеющие места в момент речи, но, выполнение которых, планируется говорящим.

В отличие от глаголов, обозначающих контролируемые действия, которые могут быть запланированы субъектом, глаголы, обозначающие неконтролируемые действия не могут быть запланированы, поскольку не поддаются контролю, и не употребляются в форме настоящего в смысле запланированного будущего: Ср. *Ведь мы с ним большие друзья: он мне ни в чем отказать не может; завтра же пишу к нему* (Ф. Ф. Вигель); *Завтра же иду в поликлинику* (А. Болдырев) и *Завтра я грущу, тоскую, радуюсь, спотыкаюсь, теряю, обсчитываюсь* и т. д. Подобные конст-

рукции возможны лишь в том случае, если действие подается под видом случайного, ненамеренного, но в этом случае действие рассматривается как намеренное, контролируемое субъектом. Подобные конструкции с исследуемыми глаголами возможны крайне редко при описании предполагаемых или возможных, но все-таки не зависимых от воли человека событиях: *Завтра я выигрываю это дело, и мы едем в отпуск*. Во французском языке такое употребление является также возможным: *Je vous vois donc demain soir, chez les Cassignac?* (Sagan) – *Значит, я увижу Вас завтра вечером у Касиньяков?*

Во французском языке глагол, обозначающий контролируемое действие, в форме *présent* в плане будущего времени может означать определенное действие, приказ, распоряжение, рекомендацию: *«Je dois aller voir mon oncle, le voyageur, dit Bertrand. Tu viens?»* (F. Sagan) – *Мне нужно повидать моего дядю – путешественника, – сказал Бертран. – Ты пойдешь?*

Если в условном периоде французские глаголы контролируемого действия, будучи в форме настоящего времени, могут выражать угрозу, обещание, неизбежное следствие: *Où, si tu veux, nous allons sur le quai de Bercy voir le lever du jour*» (F. Sagan) – *Или, если хочешь, поедем на набережную Берси, посмотрим восход солнца*, то неконтролируемые действия способны выражать лишь следствие: *Un pas de plus, il tombe*. – *Еще один шаг и он упадет*.

Глаголы контролируемого действия способны выразить запланированное будущее формой будущего времени: *Завтра мы все пойдём на концерт* (С. Спивакова); *Завтра ты позвонишь мне, и мы пойдём...* (И. Кио).

Следует заметить, что любое действие, в том числе и контролируемое, в плане будущего всегда потенциально и утверждать, что оно полностью контролируется, не представляется возможным. Будущее время менее актуализировано. В предложении: *On en parlera demain sérieusement, dit Jean* (F. Sagan) – *Завтра поговорим о серьезных вещах* говорящий употребляет форму простого будущего, чтобы перевести нежелательное контролируемое действие *On parlera* (поговорим) в план нереальности.

В русском языке высказывания с глаголами внутреннего состояния в будущем времени могут передавать значение предположительности: – *Завтра в школе все мальчишки полопаются от зависти, когда меня увидят* (В. Губарев). Данные действия могут осуществиться, а могут и не осуществиться, но в любом случае они не контролируются субъектом.

На уровне языка значение предположения часто эксплицитно выражено с помощью дополнительных лексем, актуализирующих различные модусные смыслы: *Надеюсь, она будет радоваться, когда прочтет это письмо*. *Возможно, он будет злиться, когда узнает об этом*. Во французском языке к таким лексемам можно отнести *peut être, j'espère* и т. п. В предложении *Nous allons nous voir souvent, j'espère...*? (F. Sagan). *Надеюсь, мы будем часто видеться?* данное значение передается глаголом в форме ближайшего будущего (*futur immédiat*). Оно также может выражать предостережение: *Tu vas tomber – Ты сейчас упадешь*.

Глаголы контролируемого действия, употребляясь в форме *futur*, могут выражать приказ или просьбу: – *Tu viendras avec moi, dit Luc, je t'apprendrai à conduire*» (F. Sagan). – *Поедешь со мной, – сказал Люк, – я научу тебя водить*; *Tu me parleras de tout* (F. Sagan) – *Рассказывай мне обо всем*. Для глаголов неконтролируемого действия это не свойственно, что объясняется их семантикой. Довольно частотно употребление глаголов контролируемого действия в будущем времени с оттенком предположения: *Si cet individu est désagréable, je le rosserai. Si non, je t'en dirai du bien* (F. Sagan). – *Если это будет неприятный тип, я его поколочу. Если наоборот, я выражу свое согласие*. В данном употреблении используются и глаголы неконтролируемого действия: *Tu verras*. – *Вот увидишь*.

Использование формы будущего времени для глаголов неконтролируемого действия, как в русском, так и во французском языке, может выражать лишь потенциальную возможность его осуществления, поскольку оно не независимо от воли субъекта: *Сейчас я спокоен, а у него в кабинете я буду волноваться*. Данная грамматическая конструкция может быть использована и для выражения другого смыслового оттенка: *Сейчас я спокоен, а у него в кабинете я буду делать вид, что волнуюсь*. Глагол *волноваться* имеет семантику неконтролируемости, но сочетание с локативом (или обстоятельством времени) снимает ее и порождает семантику намеренности, цели, которая может быть эксплицитно выражена придаточным целевым: *Когда он войдет, я буду волноваться, чтобы он думал, что судьба его дочери мне не безразлична*. В подобных высказываниях субъект – агентс собирается совершить не неконтролируемое действие *волноваться*, а совершенно другое действие сознательное и намеренное – ‘сыграть роль’ волнующегося человека.

Семантика неконтролируемости накладывает ограничения и на употребление будущего времени для глаголов неконтролируемого действия в условных конструкциях: *Если ты придешь на концерт, она будет волноваться*. В данном случае осуществление состояния также является предполагаемым. В высказывании – *Садитесь, меньше будете волноваться* (Л. Толстой) форма повелительного наклонения рассматривается как совет: *Если вы присядете, вам будет легче перенести волнение*.

Настоящее и будущее времена могут употребляться с оттенком угрозы. Действия в этом случае квалифицируются как предполагаемые, субъект которых, как правило, не имеет реального намерения осуществить действие-угрозу. Данный оттенок характерен для глаголов, обозначающих контролируемое действие: *Стой, зарублю!* (М. Шолохов). Глаголы неконтролируемого действия встречаются редко. Так, в предложении *Laissez – moi monter ou je me fâche!* (H. Troyat) – *Пустите, я поднимусь, или я рассержусь!* Глагол *se fâcher* (сердиться) в данном примере следует рассматривать не как глагол, обозначающий внутреннее эмоциональное состояние, а как внешнее проявление этого состояния. Субъект угрожает не тем, что он внутренне будет переживать данное состояние, а тем, что в этом состоянии он будет зол по отношению к адресату и будет предпринимать какие-то действия (не разговаривать, игнорировать и т. п.).

Итак, глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, имеют определенные темпоральные ограничения в плане функционирования, а именно: использование настоящего времени в смысле настоящего актуального, «вневременного» настоящего и запланирован-

ного будущего исследуемых глаголов существенно отличается от функциональных возможностей глаголов с признаком «+контроль». Эти ограничения накладывает исключительно признак неконтролируемости.

Литература

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола. Значение и употребление / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
2. Темпоральность / А. В. Бондарко [и др.] // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990.
3. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина; ред. О. Н. Селиверстова [и др.] // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
4. Кустова, Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г. И. Кустова // Логический анализ языка: модели действия. – М.: Наука, 1992.
5. Письмак, Т. Г. Семантика неконтролируемого действия (на материале русского и французского языков): автореф. ... дис. канд. филол. наук / Т. Г. Письмак. – Кемерово, 2009. – 23 с.
6. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.: Просвещение, 1977. – Т. IV. – Вып. II. – 406 с.
7. Стеклова, Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции / Т. И. Стеклова. – Новосибирск, 2002. – 200 с.
8. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин; отв. ред. А. В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
9. Damourette, J. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française / J. Damourette et E. Pichon. – P., 1968 – 1971.
10. Dubois, J. La nouvelle grammaire du français / J. Dubois, R. Lagane. – P.: Larousse, 1995.
11. Guillaume, G. Temps et verbe / G. Guillaume. – P., 1970.
12. Klum, A. Verbe et adverbe / A. Klum. – Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1961.
13. Monnerie, A. Le français au présent. Grammaire / A. Monnerie. – P.: Allience française. Les Editions Didier, 1987.
14. Wagner, R. L. Grammaire du français classique et moderne / R. L. Wagner, J. Pinchon. – P.: Librairie Hachette, 1967. – 640 p.
15. Wilmet, M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Louvain - la- Neuve, 1997.

Информация об авторе:

Письмак Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии КемГУ, 8-384-2-58-34-97, tgписьмак@mail.ru.

Tatiana G. Pismak – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.111.1'42

«КОНЕЦ СВЕТА» 21.12.12. В ДЕМОТИВАТОРАХ И КАРИКАТУРАХ РОССИЙСКОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА Н. В. Рабкина

THE END OF THE WORLD ON 21.12.12 IN RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET DEMOTIVATORS AND CARICATURES N. V. Rabkina

В статье на примере «конца света 21.12.12.» рассматривается специфика отражения медийных событий в русскоязычных и англоязычных креолизованных текстах Интернет – демотиваторах и карикатурах.

This article discusses the specific ways media events like «the end of the world on 21.12.12» are reflected by creolized Internet genres – demotivators and caricatures – in Russian and English-speaking spheres of the Internet.

Ключевые слова: глобализация, креолизованный текст, интернет-жанр, демотиватор, карикатура, эсхатология.

Keywords: globalization, creolized text, Internet genre, demotivator, caricature, eschatology.

Феномен виртуальных визуально-вербальных текстов сети Интернет притягивает внимание филологов (И. В. Бугаева, Е. А. Нежура, Ю. В. Щурина, А. С. Голиков, Л. В. Ухова и др.) – как объект социолингви-

стики, новый речевой жанр, способ коммуникации и креолизованный текст. В число визуально-вербальных форм современной Интернет-коммуникации входят демотиваторы, Интернет-карикатуры, интернет-

комиксы, мемы (эдвайсы). Одно из преимуществ Интернет-общения заключается как раз в возможности подкрепить вербальное сообщение визуальным образом-картинкой. Современная медиареальность характеризуется проблемой так называемого «визуального загрязнения» [5].

Статус речевого жанра Интернет-коммуникации позволяет считать визуально-вербальное творчество интернет-пространства богатым материалом для исследования лингвокультурных концептов в их развитии, а также концептуализации значимых событий в разных лингвокультурных сообществах. Так, анализ англоязычных и русскоязычных демотиваторов и карикатур, посвященных концу света, якобы предсказанному жрецами племени майя, позволяет сделать ряд интересных выводов.

Для начала, дадим определение такому явлению, как демотиваторы: это особый вид креолизованного текста, включающий в себя расположенное на чёрном или синем фоне изображение (реже – надпись) и лаконичный комментарий-слоган (белым шрифтом, верхняя строка – заглавными буквами) [6]. Сопоставление картинки-иллюстрации и подписи к ней должно вызывать у реципиента то, что исследователи новых видов сетевого искусства определяют как «прикольность» [3, с. 124 – 130]. Однако «классические» (или «настоящие») демотиваторы создаются по аналогии с оригинальными демотивационными изображениями, созданными компанией Despair, лозунг которой – «разрушать мечты суровой правдой жизни» (*crushing dreams with hard truths*) [10]. Такие демотиваторы, как правило, содержат циничные высказывания о несправедливости жизни и являются ответной реакцией на популярную в наши дни методику позитивного мышления.

Следует отметить, что визуальные ряды, вызывающие эсхатологические ассоциации, но не связанные с датой 21.12.12, используются и в классических демотиваторах компании Despair: это изображения руин, падающих метеоритов, пожаров с комментариями типа «OBSTACLE. Some Things Cannot Be Overcome With Determination And A Positive Attitude», «WISHES. When you wish upon a star, your dreams can come true. Unless it's really a meteorite hurtling to the Earth which will destroy all life. Then you are pretty much hosed no matter what you wish for. Unless it's death by meteor». Вероятно, такая популярность картин разрушений вызвана тем, что визуализация энтропии оказывает сильное воздействие на реципиента.

В рунете самая частотная иллюстрация к демотиваторам на тему конца света 21.12.12 – постер к фильму-катастрофе «2012», уже успевший стать прецедентным. Во многих демотиваторах рунета мы наблюдаем положительное отношение к прогнозируемому концу света – люди получили то, что заслужили, некая неопределенная глобальная катастрофа воспринимается как заслуженная кара за все грехи человечества (к примеру, изображение ядерного облака, подпись «И нет больше голода, нищеты, болезней, социального неравенства», или картинка, изображающая пороки человечества, подпись «Мы неумолимо движемся к концу света... и он нам необходим»). В качестве пороков, за которые человечество заслуживает гибели, в визуальной составляющей демотивато-

ра представлено пьянство среди молодежи, падение нравственности, гомосексуализм, пластические операции, передача «Дом 2» (подписи «Дом 3. Happy end. 2012», «Уж лучше конец света, чем знать, что тебя ждет такое будущее», «Скорее бы конец света!», «Общество анонимных гетеросексуалов»).

Глобальная катастрофа приветствуется как радикальный способ пробудить в людях все лучшее (изображение врезающегося в Землю астероида, подпись: «45 СЕКУНД миллиарды поверят в Бога, простят обиды, забудут про невзгоды, обнимут ближнего, вспомнят о душе...»). Впрочем, присутствует и противоположная точка зрения: изображение массовых беспорядков, подпись «СКАЖИ ЛЮДЯМ, ЧТО ЗАВТРА КОНЕЦ СВЕТА И они устроят апокалипсис сегодня».

В англоязычных демотиваторах сайта идея заслуженного наказания воплощается значительно реже. Так, на сайте *demotivators.us* обнаруживаются только три демотиватора с подобным сообщением. На двух из них – изображение горящей планеты с подписью «I'M NOT AFRAID OF THE END OF THE WORLD I'm just afraid that nothing will change» или «THE END OF THE WORLD Could be a good start for mankind». Третий демотиватор связан с экологией: вид задымленного индустриального города с подписью «IN SOME COUNTRIES End of the world had already started».

В рунете распространены демотиваторы, основанные на уникальной для русского языка омонимии «свет»: «В 2012 году конец света? Ну и фиг с ним, без света посидим!»; изображение Бога Отца из Сикстинской капеллы, чья рука тянется не к Адаму, а к выключателю, лаконичная подпись «КОНЕЦ СВЕТА». Более философский смысл приобретает демотиватор с изображением постапокалиптического будущего и подписью «Конец света – это всего лишь начало тьмы». Другой, также довольно распространенный в сети демотиватор, основан на созвучии: «В 2012 году закончится календарь Майя. И начнется календарь Ийюня!».

К знанию российских реалий апеллирует демотиватор с подписью «22 декабря – день энергетика. Конец света переносится на 23 декабря», а также «Короче! Конца света не будет! Будут плановые отключения электричества. Ваши майя».

Следует заметить, что демотиваторов на апокалиптическую тематику в рунете несравнимо больше. Как правило, это своеобразная бравада на почве национальных стереотипов: «11.12.08. День, когда кончилась водка. Так вот ты какой, конец света...».

Подобные демотиваторы апеллируют к таким национальным чертам россиян, как смекалка, невосприимчивость к морозу, знаменитое «авось»: например, изображение странного парового агрегата с подписью «ГУДРОННЫЙ КОЛЛАЙДЕР. Наш ответ концу света», утверждение, что «дед Мазай всех спасет», изображение типичной сибирской зимы с подписью «КОНЕЦ СВЕТА? Сибирякам все равно» (как вариант – человека в противогазе и с винтовкой, сидящего на унитазах посреди заснеженного поля) и т. п. В англоязычных демотиваторах такой «прагматичный» подход к проблеме конца света встречается значительно реже (фотография старого автомобиля, переделанного в бронетранспортер с пулеметом и на гусеничном ходу,

подпись: «ARMAGEDDON Some people are more ready than others»).

Дата 21.12.12 сравнима по своей «медийности» с датой проведения олимпиады в Сочи, что не могло остаться незамеченным российскими пользователями интернета («ОЛИМПИАДЫ В СОЧИ НЕ БУДЕТ? Так вот почему нам так легко досталась победа за место-проведение». «Продолжайте тратить деньги! Олимпиада отменяется». «Сочи 2014. Два года после Апокалипсиса». «Племена Майя предсказали конец света в 2012 году. А Россияне предсказали зимнюю Олимпиаду в Сочи в 2014. Прорвемся!»).

Обыгрываются и уникальная для России особенность празднования нового года по новому и старому стилю: «Россия – единственная страна, где конец света пройдет дважды: по старому и по новому стилю календаря». В связи с этим конец света, в русле циклической модели мира, позиционируется как некий глобальный новый год, начало новой эры: изображение пьяного Деда Мороза, подпись «Декабрь 2013 года. Празднуем первую годовщину конца света».

Противоположное такой «национальной браваре» явление – демотиваторы, изображающие разруху в российской глубинке, алкоголизм и другие пороки, вызванные общей неустроенностью жизни, с подписями «Мы не боимся конца света! Он у нас уже прошел!», «Для кого-то конец света давно наступил», «А что если конец света уже был и мы живем в аду?», «Почему мы так ждем конец света? Просто хоть какие-то изменения к лучшему!» Такое восприятие демонстрирует мифологическому единению макрокосма и микрокосма и позволяет приравнять духовную гибель индивида к гибели целого мира.

Следующая группа демотиваторов, связанных с российскими реалиями, связана с политикой. К примеру, диалогический демотиватор, изображающий обмен репликами между первыми лицами страны: «Что ты будешь делать, когда придет конец света? – Мы в России, он сюда не придет, он отсюда выйдет». Неоднократно обыгрывается коллаж, изображающий гигантскую летающую тарелку над красной площадью с подписью «Наиболее вероятный сценарий смены власти в Кремле» или «Пресс-конференция с Путиным пройдет 20 декабря. Почему? Потому что 21 числа она УЛЕ-ТА-ЕТ!» Широко распространен выбивающийся из правил оформления демотиватор, где вместо картинки – перечень бед, свалившихся на Россию в конце XX – начале XXI вв. (Я пережил кризис 1998, 2008, инфляцию, девальвацию рубля и т. д.), а в качестве подписи – выраженное с помощью обценной лексики равнодушие к прогнозируемому концу света.

Реже апокалиптические демотиваторы рунета относятся к категории собственно юмористических. Это может быть гротескно уродливое изображение «человека будущего по данным британских ученых» с подписью «Лучше бы конец света!»; позирующий на фоне ядерного взрыва человек в остроконечной шляпе, подпись «АПОКАЛИПСИС Даже если ты надел дурацкую шляпу, смеяться уже никто не будет»; астронавт, наблюдающий гибель Земли с поверхности Луны, подпись «Уверен, что тебе повезло?», или классические «пятничные» демотиваторы «Мы все скоро умрем, поэтому можно как следует оттянуться

напоследок» и «Отлично, на работы можно не идти!». Так, юмористический демотиватор, изображающий столкновение грузовика компании Coca-Cola с трейлером, везущим леденцы «Mentos» (подпись «How the world will end»), эксплуатирует так называемую «городскую легенду» о том, что соединение этих двух продуктов взрывоопасно.

Нередко апокалиптические демотиваторы задействуют мемы – распространённые в пространстве Интернета персонажи или же повсеместно применяемые устойчивые выражения [6]. Так, известные герои боевиков 80-х – 90-х (Чак Норрис, Арнольд Шварценеггер и др.), неоднократно спасавшие планету в голливудских блокбастерах, выступают своеобразными мифологическими гарантами существования Земли: пока они живы, планета в безопасности. Визуальный мем подкрепляется использованием фразеологического мема: «Конец света? Не, не слышали!» Как уже было отмечено, для максимально полного понимания заложенного в него смысла важна пресуппозиция [1, с. 3], поэтому один и тот же демотиватор может существовать в нескольких вариантах: для тех, кто в состоянии увидеть содержание, скрывающееся за прецедентным изображением, и для тех, кто не обладает соответствующим культурным тезаурусом. К примеру, демотиватор с кадром из фильма «Назад в будущее» существует как с уже упомянутой подписью «Конец света? Не, не слышали!», так и с поясняющей расшифровкой: «Я знаю, что конца света в 2012 не будет, потому что Марти Макфлай путешествовал в 2015».

Стоит отметить, что визуальный мем «непобедимый Чак Норрис» – общий для всего Интернет-пространства, но вербальный мем «Нет, не слышал(и)», вероятно, непереводаемой. В англоязычном исполнении демотиваторы с Чаком Норрисом содержат менее лаконичные сообщения: «THE END OF THE WORLD NEVER HAPPENED Because Chuck Norris didn't want to stay alone».

Демотиваторы рунета, посвященные 21.12.12, активно задействуют и другие прецедентные конструкции рунета: «А ты вырыл подземный бункер с отоплением на случай взрыва солнца?», «Продлевать будете?», «Конец света, ты пьян, иди домой!».

Еще одна группа демотиваторов рунета направлена на поиск «знаков» приближающегося конца света или его «отмены» в окружающем бытовом пространстве: это могут быть фотографии товаров, чей срок годности истекает 21.12.12, или противоречащий логике вывод «КОНЦА СВЕТА НЕ БУДЕТ! У нас есть банка фасоли, срок годности которой истекает в 2013 году!».

Собственно философских демотиваторов, наводящих на размышления, немного. Это может быть, к примеру, сравнительное изображение врезающейся в Землю кометы и спермотозоида, оплодотворяющего яйцеклетку с подписью «Начало и конец очень похожи», или утверждение «Начинать жизнь с чистого листа надо так, чтобы некому было вспомнить прошлое» на фоне разрушенного города. Традиционная негативная реакция на позитивное мышление выражена в подписи к фотографии андронного коллайдера «Оптимисты верят в счастливый конец света».

Глобализация Интернет-пространства приводит к тому, что англоязычных демотиваторов, эксплуатирующих прецедентные изображения и фразы, которые были бы непонятны русскоязычному пользователю, очень мало. В качестве примера можно привести демотиватор со следующим изображением: перед надгробием с надписью «Hostess Twinkies RIP» стоят тучные мужчина и женщина с цветами, над головой женщины реплика «The Mayans correctly predicted the end of the world in 2012...». Подпись под картинкой «THE END OF THE WORLD as we Know it». Фраза «This is the end of the world as we know it» («Это конец света в привычном нам виде») является названием выпущенной в 1987 году песни рок-группы R.E.M. Благодаря популярности альбома, она быстро перешла в разряд прецедентных текстов и до сих пор активно используется в создании медиа-заголовков. Под «Hostess Twinkies» подразумевается такое прецедентное явление американской поп-культуры, как марка пирожного с кремовой начинкой. Городская легенда, согласно которой пирожные «Twinkies» не имеют срока хранения из-за обилия концентратов, известна всем носителям американской культуры и задействована во многих фильмах: к примеру, в получившем в 2008 году премию «Оскар» мультфильме «WALL-E» пирожное «Twinkies» на 600 лет переживает гибель всех форм органической жизни на планете. Демотиватор является реакцией на прекращение компанией «Hostess Brands» выпуска «Twinkies» в 2012 году. Русскоязычный пользователь Интернет, не обладающий соответствующими фоновыми знаниями, вряд ли понял бы юмористическое сообщение этого демотиватора.

Если рассматривать карикатуры, посвященные 21.12.12, то наблюдается противоположная картина: англоязычных карикатур на эту тему больше, чем русскоязычных. Представляется, что карикатура – более «элитный жанр», чем демотиватор. Последний имеет рутинизированную систему производства: любой желающий, воспользовавшись специальной программой, может скомбинировать взятую из Интернета картинку и придуманную подпись, в то время как для создания карикатуры необходимо обладать художественным талантом. Как и демотиватор, карикатура представляет собой алогичное соединение вербального и иконического компонентов [9, с.82 – 86], но карикатура, в отличие от демотиватора, уникальна и отражает творческую мысль своего создателя. Как пишут сами карикатуристы, «The ability to illustrate makes you an illustrator; not a cartoonist. Only if you can look through the mundane, discover a new angle, and present it visually; you are a cartoonist» [11]. Комическое проявляется в способности отказаться от автоматизма восприятия действительности и посмотреть на обычные вещи под неожиданным углом, но только хороший карикатурист в состоянии передать этот необычный угол зрения так, чтобы свести к минимуму текст подписи и чтобы «воздействие было главным образом визуальным» [9].

Англоязычные карикатуры задействуют реалию, ставшую неотъемлемым визуальным компонентом больших американских городов и знакомую русскоязычному пользователю по многим голливудским фильмам: это неряшливо одетый нищий с плакатом

апокалиптического содержания (как правило «The end is near» – «Конец близок»).

В Интернет-карикатурах образ нищего с плакатом используется для актуализации сложной экономической ситуации: так, на плакате может быть написано «The end of the middle class is near» (Скоро среднему классу придет конец) или «The end is near! Stick around for the credits!» (Конец близок! Торопитесь взять кредит!).

Для понимания карикатур, посвященных значимым медиа-событиям, требуется соответствующая пресуппозиция. К примеру, карикатура изображает двух нищих, один из которых держит типичный плакат с эсхатологическим предостережением («It's the end of the world!»), а другой, читающий газету, комментирует этот плакат следующим образом: «No, just the end of the ANC». ANC – аббревиатура от «Arlington National Cemetery», Арлингтонского кладбища в Вашингтоне, на котором принято хоронить военных. В декабре 2012 года вышел проект приказа о расширении кладбища, что широко обсуждалось в американских СМИ.

Некоторые карикатуры основаны на внеконтекстном прочтении слова «end»: это может быть изображение идущих друг за другом людей, первый из которых несет табличку «The end is near», а последний – табличку «The end», или изображение двух идущих друг за другом проповедников, первый – с плакатом «The end is near», второй – с плакатом «Are we there yet?» (Мы уже пришли?).

Такая плакатная коммуникация, как в последнем случае, не могла не привести к сравнению с интернет-коммуникацией, что нашло отражение в следующей карикатуре, изображающей безмолвный диалог двух уличных проповедников. Первый держит высоко над головой плакат «Today is Doomsday», второй – чуть ниже – держит плакат с контрсообщением «The world will end tomorrow», первый реагирует на это сообщение поднятой чуть ниже табличкой «OH, YEAN?!», на что второй отвечает плакатом «YEAN!!!» Вертикальная структура этого своеобразного диалога и капитализация явно намекает на коммуникацию в чатах и социальных сетях, где сильные эмоции передаются нажатием клавиши «Caps Lock».

В карикатурах рассматриваются всевозможные причины, почему календарь закончился на дате 21.12.12. Как правило, основная идея таких карикатур состоит в развенчании таинственного ореола жрецов майя и снижении того пафоса, с которым история создания календаря воссоздавалась в желтой прессе и на некоторых телеканалах. К примеру, это может быть стилизованное под индейские фрески изображение двух жрецов майя, один из которых занят высеканием календаря на круглом камне, а второй предлагает ему пиво, на что первый реагирует «I'm working on this calendar, but I guess if I don't finish it won't be the end of the world» (Если я не закончу работу над календарем, вряд ли это будет концом света). На других карикатурах у жрецов, как правило, кончается свободное место на камне. Юмористический эффект достигается с помощью анахронизмов: так, календарь останавливается на 2012 г. потому, что со следующего года майя переходят на так популярные в Интернете календари с изо-

бражением кошек или на календарь Дилберта – серию карикатур из офисной жизни, созданную С. Адамсом и доступную в качестве приложения-календаря для сотовых телефонов. Некоторые карикатуры эксплуатируют прецедентную ситуацию в баре, когда бармен утешает пригорюнившегося за стойкой клиента, провоцируя того на исповедь: в данном конкретном случае клиентом выступает индеец майя, а ободряющая ремарка бармена звучит как «Cheer up, pal! It's not the end of the world» (Не горюй, приятель, это еще не конец света!) Другая карикатура, основанная на этой же ситуации, обращается к стереотипу, связанному с американцами, согласно которому представители этой национальности могут подать заявление в суд по любому поводу и на кого угодно. На этой карикатуре клиент сообщает бармену: «I'm spending my money and if the world doesn't end in 2012, I'll make it all back and more by suing the Mayas» (Я потрачу все деньги, а если конец света не наступит в 2012, подам на майя в суд и все верну).

В современной медиарельности объективная реальность и картина мира слились «до неразличимости», а личная и социальная жизнь переплелись с техническими медиа: Интернетом, рекламой, кино, телевидением [7, с. 39]. Такая зависимость современного общества от телевидения также обыгрывается в карикатурах: единственный вопрос, который вызывает предсказание о конце света у рядового американца, это будет ли он транслироваться по телевизору.

Карикатуры рунета, посвященные 21.12.12, менее разнообразны. Здесь, как и в демотиваторах, обыгрывается

многозначность слова «свет», но акцент делается на одном из значений, которое приобретает в сниженном стиле слово «конец» (это может быть, к примеру, изображение лампочки фаллической формы с подписью «Конец света»). Карикатуры, связанные непосредственно с майя, ограничиваются предположением, что жрецам не хватило места на камне или было лень составлять календарь дальше.

Можно сделать вывод, что карикатуры и демотиваторы отражают процесс глобализация Интернет-пространства. Крупные медийные события, наподобие несостоявшегося, но активно обсуждаемого конца света 21.12.12, отражаются приблизительно одинаково в креолизованных текстах всего глобального интернет-сообщества. Тем не менее, вполне закономерно существует ряд социокультурных реалий, не обладающих пенетрационной способностью. Кроме того, присутствуют и количественно-жанровые различия: русскоязычных демотиваторов на тему 21.12.12 значительно больше, чем англоязычных, а русскоязычных карикатур, наоборот, меньше. Считается, что преобладание образной составляющей в модели мира приводит к преобладанию у воспринимающего субъекта более примитивного «конкретного» мышления [4, 5]. Однако, в целом, демотиваторы, в силу элементарности производства и представляют собой более «низкий» Интернет-жанр, чем карикатура, требующая мастерства и оригинальности.

Литература

1. Беляков, И. М. Особенности баннерной Интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. М. Беляков. – М. – 24 с.
2. Бугаева, И. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика / И. В. Бугаева // Style: International Scientific and Scholarly Journal for Linguistics and Literary Stylistics. – 2011. – Вып. 10. – Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
3. Голиков, А. С. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология / А. С. Голиков, А. А. Калашникова // Вестник Харьковского государственного университета. – 2010. – Вып. 16.
4. Дружилов, С. А. Формирование модели мира человека в новой информационной реальности / С. А. Дружилов // Научный электронный архив. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/6189> (дата обращения: 15.01.2013).
5. Колесникова, Д. А. Фотография как способ конституирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. А. Колесникова. – СПб., 2011. – 17 с.
6. Нежура, Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета / Е. А. Нежура // Теория языка и международная коммуникация. – Вып. 12. – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=12> (дата обращения: 9.01.2013).
7. Савчук, В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины / В. В. Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия; ред. В. В. Савчука. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
8. Ухова, Л. В. Язык, речь, речевая коммуникация. Специфика языка пользователей социальных сетей / Л. В. Ухова // Перспективные разработки науки и техники: материалы II Международной научно-практической конференции. – 2011. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/7_93862.doc.htm (дата обращения: 9.01.2013).
9. Щурина, Ю. В. Комические креолизованные тексты в Интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 57.
10. Despair.Inc. – Режим доступа: <http://www.despair.com/demotivators.html> (дата обращения: 9.01.2013).
11. Shafali's Caricatures & Cartoons. – Режим доступа: <http://shafali.wordpress.com> (дата обращения: 9.01.2013).

Информация об авторе:

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, nrabkina@mail.ru.

Nadezda V. Rabkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 808.56

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЭПИСТОЛЯРНОМ РОМАНЕ

А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябова

ETIQUETTE FORMULAE IN THE EPISTOLARY NOVEL

A. A. Resenchuk, M. Y. Ryabova

В статье освещаются отличительные признаки жанра эпистолярного романа, проводится анализ формул речевого этикета в эпистолярном жанре, дается определение речевого этикета. Рассматриваются основные признаки и особенности формул обращения, приветствия и прощания в английском языке на материале романов С. Ричардсона и А. Бена.

The article deals with distinctive features of the epistolary novel genre, speech etiquette formulae are analysed and the definition of speech etiquette is provided. The basic features of address, greetings and farewell formulae in the English language are analysed, the material for analysis being novels by S. Richardson and A. Behn.

Ключевые слова: эпистолярный роман, речевой этикет, вежливость.

Keywords: epistolary novel, speech etiquette, politeness.

Для современной лингвистики характерно изучение языка в совокупности с человеком, его сознанием, мышлением, духовной и практической деятельностью. В этой связи возрастает научный интерес к национально-культурному аспекту исследования языка, к исследованию единиц языка и речи, отражающих явления типичные для лингвокультурной общности носителей языка.

Исследование формул речевого этикета является актуальным направлением современной лингвистики, т. к. комплексный анализ этикетных речевых актов базируется на взаимосвязи экстралингвистических и лингвистических компонентов коммуникации. Изучается социолингвистикой, теорией коммуникации и культурной антропологией.

Речевой этикет, принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний. Известный исследователь речевого этикета Н. И. Формановская дает такое определение: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности». К речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и т. д. Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин [2, с. 53].

В многочисленных исследованиях речевой этикет рассматривается как система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления

речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. В речевом этикете всех народов можно выделить общие черты, так как в любом обществе есть устойчивые формулы приветствия, прощания, обращения и т. д. Однако, как отмечает Ю. Б. Кузьменкова, реализуются эти черты в каждой культуре по-своему и усваиваются настолько глубоко, что воспринимаются языковым сознанием как часть повседневного, естественного и закономерного поведения людей, а незнание этих требований и их невыполнение как желание оскорбить или как невоспитанность. Единицы речевого этикета в конкретный момент организации общения стереотипны для его носителей, так как являются основой их идентификации в данной речевой культуре [6, с. 100].

Любой национальный речевой этикет предъявляет определенные требования к представителям своей культуры, и имеет свои особенности. Само появление понятия «речевой этикет» связано с древним периодом в истории языков, когда каждому слову придавалось особое значение, и была сильна вера в действие слова на окружающую действительность. Появление определенных норм речевого этикета было обусловлено стремлением людей вызвать к жизни определенные события.

Для речевого этикета разных народов характерны также и некоторые общие черты, различающиеся формами реализации речевых норм этикета. В каждой культурно-языковой группе присутствуют формулы приветствия и прощания, уважительного обращения к старшим по возрасту или положению. В замкнутом обществе представитель чужой культуры, не знакомый с особенностями национального речевого этикета, представляется необразованным, плохо воспитан-

ным человеком. В более открытом социуме люди подготовлены к различиям в речевом этикете разных народов, в таком обществе нередко практикуется подражание чужой культуре речевого общения.

Связь речевого этикета с культурой очевидна, потому что именно речевой этикет обеспечивает культуру поведения в обществе. Предполагается, что «развитая языковая личность владеет набором средств речевого этикета как социально-речевой демонстрации уважительности с помощью средств категорий вежливости» [6, с. 95].

Этикетное речевое поведение – сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией; выработка единой стратегии взаимопонимания, восприятия и понимания другого человека. Этикет затрагивает все стороны человеческой деятельности: систему производственных, общественных отношений, а также отражение характера и содержания этих отношений, этикет используется во всех бытовых ситуациях.

Общество представляет собой сложную социальную систему: оно функционирует как единое целое, как система. Оно устанавливает определенные рамки поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся. Можно говорить о трех аспектах норм коммуникативного поведения: общекультурные нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы.

Общекультурные нормы речевого поведения характерны для всей лингвокультурной общности и отражают принятые правила этикетного общения. Речевое поведение – сложное явление, связанное с особенностями воспитания, местом рождения, средой, где человек получает воспитание и образование. Правила поведения обычно связаны с ситуациями общего плана, которые возникают между людьми вне зависимости от сферы общения, деятельности, возраста, статуса. Стандартные ситуации общения: обращение, приветствие, прощание, извинение, благодарность, комплимент, поздравление.

Индивидуальные нормы языкового поведения отражают индивидуальную культуру и языковой опыт индивида и представляет собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности. По тому, как человек пользуется правилами речевого поведения можно судить о его общей культуре, интеллигентности, воспитанности. «Общаясь, мы всегда обнаруживаем себя как личность и всегда находимся в рамках заданного многообразными условиями речевого поведения» [4, с. 4].

Являясь составной частью внешней культуры человека и общества, этикет включает те ее требования, которые приобретают характер более или менее строго регламентируемого церемониала и в соблюдении которых имеет особое значение определенная форма поведения. Иначе говоря, каждый должен соблюдать свои права и обязанности, чтобы адекватно вписаться в общество.

Ведение англоязычной беседы предусматривает достаточно четко очерченные фразы и регламентиро-

ванные правила участия, что прослеживается в структурной организации практически любого разговора и отражает характерную для британцев привычку к линейному мышлению.

Речевой этикет представляет собой развивающуюся систему.

Языковые факторы связаны с изменениями внутри самой системы языка. Этикетные традиции связаны прежде всего с наличием национально специфических этикетных фраз и выражений, входящих в этикетную структуру дискурса.

Рассмотрим речевой этикет в эпистолярном романе.

Под эпистолярным романом традиционно понимают роман, написанный в форме писем, однако объем и содержание этого понятия не определены, и оно может относиться к самым разным текстам. В эпистолярной форме написаны такие крупнейшие европейские романы XVIII века, как: «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса» (1747 – 1748), «История сэра Чарльза Грандисона» (1754) С. Ричардсона, «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Ж. Ж. Руссо, «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771) Т. Б. Смоллетта, «Страдания молодого Вертера» (1774) И. В. Гете, «Опасные связи» П. Шодерло де Лакло (1782). К эпистолярной форме в разное время обращались Б. Фонтенель, П. Мариво, Ш. Монтескье, Р. де Ла Бретон, С. Жанлис, И. К. Ф. Гельдерлин.

Вопрос об эпистолярном романе как жанре принципиален, ибо использование эпистолярной формы, т. е. форм письма и переписки, дает автору возможность показать окружающий его мир совершенно особым, уникальным образом, создает особую модель мира. Не стоит путать эпистолярный жанр и дневниковые записи, так как первый характеризуется обязательным наличием адресата и получателя письма, а для второго это совсем не характерно [2, с. 43].

В Англии эпистолярная литература представила довольно рано и в большом количестве образцы писем, выдающихся простотой, ясностью и индивидуализацией характеристики. Классическими считаются письма Джонатана Свифта, Александра Попа, Дэвида Юма, Уильяма Темпля, Джозефа Адиссона, Джона Локка, Генри Сент-Джона Болингброка, Верне Ораса, Спенсера Горация Вальполя, Филиппа Дормера Стенхопа Честерфильда, Энтони Эшли Купера Шефтсбери, Самюэла Ричардсона, леди Рашель Россель, Мери Монтегю, Лоренса Стерна, Джейн Грея, Самюэла Джонсона, Рене Мельмота, Уильяма Коупера, лорда Байрона, Сиднея Смита, Вальтера Скотта, Т. Арнольда.

Эпистолярный жанр имеет свою историю. Следует сказать, что произошло слово «эпистол» от греч. *epistole* – послание, переписка, которая имеет двусторонний характер и ведется между отправителем и адресатом. Жанр развился из бытовой переписки. Форма писем или посланий (эпистол) позволяет героям в непринужденной, доверчивой беседе раскрыть свой внутренний мир. Кроме того, письма создают эффект документальности, подлинности сообщения и обладают благодаря этому особой убедительностью. Ориентация на адресата, пусть воображаемого, составляет важный характерный признак эпистолярного жанра, отличающий его от дневников. Принято выделять следующие особенности эпистолярного романа: 1) до-

верительная форма изложения внутреннего мира автора; 2) присутствие монологической и диалогической письменной речи; 3) обязательное присутствие адресата и отправителя; 4) письма как форма общения.

Эпистолярный стиль представляет собой стиль речи, используемый при написании писем в частной переписке. Этот стиль может быть составной частью других стилей, например, художественной литературы, публицистики.

Важнейшими структурно-стилистическими признаки эпистолярного жанра являются: сочетание в текстах признаков монологической и диалогической речи, точное обозначение отправителя и получателя, обращение к последнему и подпись отправителя.

В письмах как в эпистолярном жанре особо ценятся ясность и краткость.

Характерные особенности эпистолярного стиля состоят в следующем: определенная роль адресата и адресанта, их точное обозначение, отражение социального положения адресата и адресанта, проявление авторского «Я», индивидуальные речевые специфики, сочетание признаков монолога и диалога, сочетание устно-разговорной и письменной речи, соблюдение речевого этикета письма.

Диалогичность письма обуславливает скрытое присутствие в тексте образа адресата, его имплицитную характеристику.

Основные структурно-композиционные признаки эпистолярного жанра следующие: наличие определенной композиции, начало, содержащее уважительное обращение; головная часть, в которой раскрывается содержание письма; концовка, где суммируется написанное; иногда постскрипtum (P. S. – приписка к законченному письму после подписи) [3, с. 114]. Структурные элементы текста эпистолярного романа могут включать: обращение, вступление, прощание. См. примеры 1 и 2:

(1) «O MY DEAREST FATHER AND MOTHER!

Let me write, and bewail my miserable hard fate, though I have no hope how what I write can be conveyed to your hands!--I have now nothing to do, but write and weep, and fear and pray! But yet what can I hope for, when I seem to be devoted, as a victim to the will of a wicked violator of all the laws of God and man!--But, gracious Heaven, forgive me my rashness and despondency! O let me not sin against thee; for thou best knowest what is fittest for thy poor handmaid!--And as thou sufferest not thy poor creatures to be tempted above what they can bear, I will resign myself to thy good pleasure: And still, I hope, desperate as my condition seems, that as these trials are not of my own seeking, nor the effects of my presumption and vanity, I shall be enabled to overcome them, and, in God's own good time, be delivered from them...

PAMELA» (S. Richardson).

(2) «DEAR PAMELA.

'The passion I have for you, and your obstinacy, have constrained me to act by you in a manner that I know will occasion you great trouble and fatigue, both of mind and body. Yet, forgive me, my dear girl; for, although I have taken this step, I will, by all that's good and holy! use you honourably. Suffer not your fears to transport you to a

behaviour that will be disreputable to us both: for the place where you'll receive this, is a farm that belongs to me; and the people civil, honest, and obliging.

'You will, by this time, be far on your way to the place I have allotted for your abode for a few weeks, till I have managed some affairs, that will make me shew myself to you in a much different light, than you may possibly apprehend from this rash action: And to convince you, that I mean no harm, I do assure you, that the house you are going to, shall be so much at your command, that even I myself will not approach it without leave from you. So make yourself easy; be discreet and prudent; and a happier turn shall reward these your troubles, than you may at present apprehend.

'Meantime I pity the fatigue you will have, if this come to your hand in the place I have directed: and will write to your father to satisfy him, that nothing but what is honourable shall be offered to you, by Your passionate admirer» (S. Richardson).

Обращение представляет собой слово или сочетание слов, называющее того, к кому обращено письмо, то есть оно определяет адресата. По тому, как автор письма обращается к адресату, понятно отношение к человеку. Обращение может стоять в начале, в середине или в конце предложения. Задача обращения – установление контакта с адресатом, чтобы привлечь его внимание, заинтересовать темой письма. В отношении к близким людям и друзьям в английском языке приняты обращения «dear», «darling», «lovely», «charming», «divine», «my adorable», «dear mother and father» и др., то есть такие слова, которые передают привязанность, нежность и любовь к адресату.

Вступление выражает собой формулировку цели письма или объяснение причины его написания. Назначение вступительной части – установить связь между тем, что уже известно адресату и тем, что автор намерен ему сообщить.

В качестве прощания обычно используется указание имени адресанта, например: «J. Arnold»; может содержаться пожелание (прощание) плюс имя, например: «Your faithful friend and servant, Arthur Williams», «Reverend Sir, Your forever obliged, and thankful servant», «Your faithful and affectionate», «Your faithful friend», «The lost Philander» и др.

Например, в функции обращения в эпистолярных текстах были обнаружены следующие формы:

(3) «Though I parted from you resolved to obey your impossible commands, yet know, oh charming Sylvia!» (Aphra Behn).

(4) «Oh I dare not think on, lest my desires grow mad and raving; let it suffice, oh adorable Sylvia!» (Aphra Behn).

(5) «He loved and languished, long before he durst discover his pain; her being sister to his wife, nobly born, and of undoubted fame, rendered his passion too criminal to hope for a return, while the young lovely Sylvia...» (Aphra Behn).

(6) «DEAR PAMELA, Your letter was indeed a great trouble, and some comfort, to me and your poor mother» (S. Richardson).

(7) «MY DEAR FATHER AND MOTHER, I have so much time upon my hands that I must write on, to employ myself» (S. Richardson).

Вступление было представлено такими формулами как:

(8) «We are troubled, to be sure, for your good lady's death, who took such care of you, and gave you learning, and, for three or four years past, has always been giving you clothes and linen, and every thing that a gentlewoman need not be ashamed to appear in. But our chief trouble is, and indeed a very great one, for fear you should be brought to anything dishonest or wicked, by being set so above yourself» (Aphra Behn).

(9) «Did I say that the human might be filed in categories? Well, and if I did, let me qualify – not all humans. You elude me. I cannot place you, cannot grasp you. I may boast that of nine out of ten, under given circumstances...» (Aphra Behn).

Прощание репрезентируется формулами:

(10) «Your careful, but loving Father and Mother, JOHN AND ELIZABETH ANDREWS» (S. Richardson).

(11) «The lost PHILANDER» (Aphra Behn).

(12) «Unfortunate SYLVIA» (Aphra Behn).

(13) «Eternal happy lover and I die to see you PHILANDER» (Aphra Behn).

Используются такие эпитеты как “unfortunate”, “lost”, “ your careful, but loving”, “dear”, “ charming”, “poor”, “adorable”. Эпитеты довольно пафосные, которые в разговорной речи при прощании практически не используются. Для эпистолярного романа в целом характерен пафосный стиль изложения.

Форма эпистолярного романа концентрирует в себе две принципиально разные возможности: возможность создать эффект документальности и в тоже время подчеркнуть литературный характер этой формы, привнести в текст и акцентировать в нем элемент литературной игры. Двойственность, заложенная в эпистолярной форме, является именно исключительной характеристикой, ибо другие разновидности художественных форм с установкой на документальность (например, дневник) не являются суммой текстов в составе целого и не столь явно провоцируют автора на игру со структурой текста и, следовательно, с его семантикой.

Частные письма, имея разное назначение, несут всевозможную информацию: содержат размышления, наблюдения, исповедь, выражают эмоции, чувства, дают бытовые и автобиографические сведения. В письмах проявляется непосредственность мироощущения, ставящего читателя лицом к лицу с мыслью, чувствами, настроениями пишущего. Письма позволяют шаг за шагом пройти с автором жизненный путь, воссоздают черты характера, широкий круг интересов, его личные отношения к событиям. Они отражают изменения в судьбе, взглядах, душевной настроенности автора. В письме пишущая личность выдвигается на первый план, объективное представление уступает место субъективному.

Как и всем разновидностям жанра, письмам личного характера присущи: непринужденность, естественность изложения; свобода выбора средств изложения; заинтересованность, индивидуальность автора, выраженная в тексте явно; определенная (нежесткая) структура; учет “эпистолярных” традиций, принятых пишущими.

В такой жанровой структуре, как эпистолярный роман, проблема подлинности / вымышленности реализуется через элементы заголовочного комплекса, а также такие обрамляющие структуры, как предисловие / послесловие автора, выступающего, как правило, в роли редактора или издателя публикуемой переписки [4, с. 3].

Можно выделить два типа эпистолярного романа: роман, создатели которого стремятся к созданию эффекта документальности и правдоподобия, и романы, авторы которых подчеркивают вымышленный характер публикуемой переписки. Переписка героев может стать формой, составляющей романное целое, только после того, как она закончилась и овеществилась, обрела свое тело.

Особенностью эпистолярного жанра является подчеркнутая вежливость. Вежливость как предмет лингвистического изучения неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (Алпатов, 1973; Lakoff, 1973; Формановская, 1979; Leech, 1983; Brown, Levinson, 1987; Беляева, 1987; Kasper, 1990; Карасик, 1992; Lüger, 1993; Rathmayr, 1997; Erndl, 1998; Плотникова, 2000; Малинович, Карлсон, 2001 и др.). Исследование вежливости в современном языкознании проводится в рамках антропологических, этнолингвистических, прагматических, социо- и психоллингвистических работ. Различные подходы исследуют вежливость в языковой теории и практике, в соотношении с нормативными рамками поведения, культурно-специфическими факторами и фактором ситуации.

Вежливость основывается на понимании языка как важнейшего средства общения. В этом смысле язык является компонентом деятельности: как важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регуляции язык анализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям, к фиксации социальных отношений; как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры. Значимость вежливости для коммуникативного взаимодействия обусловлена системой ценностей и достоинств человека, формирующих социальную личность, структура которой выстраивается на основе понятий «территория», «имидж», «самопрезентация», или на основе понятий Е. Ф. Гоффмана «лицо» (face) (Goffman, 1967), которое поглощает все данные понятия.

Процесс сохранения лица концептуализирует вежливость как индивидуальную потребность. Она реализуется на вербальном уровне посредством стратегий, цель которых заключается в поддержании, сохранении и укреплении социальных связей [5, с. 44].

Итак, основными признаками эпистолярного жанра являются подчеркнутая вежливость и пафосность, строгая форма письма, которая включает начало, содержащее обращение; головную часть; концовку, где суммируется написанное; иногда постскрипtum.

Письма несут богатейшую информацию, они, непосредственные и неподкупные свидетели, воскрешают ушедшие эпохи, их нравы, вкусы и устремления, они мимоходом запечатлевают как мельчайшие

бытовые подробности, так и события исторического масштаба.

Эпоха расцвета эпистолярной литературы проходит. Деловая простота вытесняет условности стиля; письмо развивается вместе с языком, по направлению к большей энергии и сжатости выражения мысли.

Система единиц речевого этикета в эпистолярном жанре представляет собой относительно жесткую структуру, ограниченную единицами определенных тематических групп, куда обязательно включаются формулы приветствия, обращения и прощания.

Литература

1. Кронгауз, М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства / М. А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 2005. – С. 124 – 134.
2. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М., 2002.
3. Leech, G. N. Language and tact / G. N. Leech. – Trier, 1977.
4. Красик, В. И. Этикет и английский язык / В. И. Красик // Иностранные языки в школе. – 1993. – № 2.
5. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров // Из наблюдений над языком современных масс-медиа. – М., 1994.
6. Кузьменкова, Ю. Б. ABC's of Effective Communication (практическое пособие по межкультурному общению) / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Титул, 2001. – 112 с.

Источники примеров

1. 'Clarissa or, the history of a young lady: the most Important Concerns of private life' by Mr. Richardson. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/samuel_richardson/clarissa_or_the_history_of_a_young_lady/
2. 'Love-Letters Between a Nobleman and His Sister' by Aphra Behn. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8409>

Информация об авторах:

Ресенчук Анна Александровна – соискатель кафедры английской филологии № 1 КемГУ, reseanna@yandex.ru.

Anna A. Resenchuk – post-graduate student at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ, mrabova@inbox.ru.

Marina Y. Ryabova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 81'23

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романа Амели Нотомб «Катилинарии») И. В. Романова

WAYS OF EXPRESSING EMOTIONS IN THE FRENCH NOVELRY (based on *Les Catilinaires* by Amelie Nothomb) I. V. Romanova

В данной статье рассматривается эмоциональность художественного текста как основа его связности, приводится классификация эмоций, описываются способы их выражения в художественном тексте. Кроме того, здесь представлены результаты проведенного анализа романа Амели Нотомб «Катилинарии» с точки зрения способов выражения эмоций, определяются наиболее частотные способы, использованные в этом произведении, а также формулируется его эмоционально-смысловая доминанта.

This paper envisages the emotionality of the novelty as the basis of its coherence. The author gives a classification of emotions and describes the ways of expressing emotions in the novelty. The article also provides the results of analysing Amelie Nothomb's novel *Les Catilinaires* from the standpoint of the ways of expressing emotions. The author determines the most frequent ways used in this novel and formulates its emotional and semantic dominant.

Ключевые слова: эмоция, межкультурная коммуникация, эмоциональный смысл, эмоциональный эффект, способы выражения эмоций.

Keywords: emotion, intercultural communication, emotional meaning, emotional effect, expression emotion.

Изучение способов адекватной передачи эмоциональной составляющей языковых единиц, формирующих пространство инокультурного текста, является значимой для оптимизации межкультурного общения в его широком понимании. Текстовое общение выступает одной из форм межкультурной коммуникации, являющейся наиболее доступной для большей части людей. Способность текста оказывать эмоциональное воздействие на слушателя или читателя считается его неотъемлемым свойством. Эмоциональное содержание текста находит отражение на всех языковых уровнях (фонетическом, графическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом); кроме того, доминантный эмоциональный смысл выявляется на уровне семантики текста в целом. Для лингвиста особенно важным представляется умение вычленив и проанализировать языковые средства, с помощью которых тексту придается определенная эмоциональная окрашенность, а также овладеть приемами, с помощью которых создается тот или иной эмоциональный эффект.

Эмоциональность художественного текста представляет собой репрезентацию в нем ведущего мотива, т. е. доминантной эмоции, выраженной различными языковыми средствами. В художественном тексте фиксирована эстетизированная эмоция, т. е. эмоция, соотносимая с эстетическим идеалом автора [1, с. 34].

Основой связности художественного текста является эмоциональность, поскольку эмоциональные процессы мотивируют познавательную деятельность, участвуя в процессах смыслообразования, чем и обеспечивают единство текста.

Многогранность проявления эмоций на различных уровнях отражения и деятельности, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность простой линейной классификации эмоций. Соответственно, существует множество классификаций в зависимости оттого, что автор понимает под эмоциями. Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие считают, что человек конструирует эмоции из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

Однако разные авторы называют различное число базисных эмоций – от двух до десяти. Согласно Полу Экману, базовых эмоций шесть: удовлетворение, интерес, удивление, печаль, гнев и страх. Известный психолог К. Изард включает в мотивационную систему человека 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [2, с. 54].

Кроме этого, можно классифицировать эмоции по такой характеристике, как валентность (тон). Все эмоции могут быть либо положительными, либо отрицательными. При этом количество видов отрицательных эмоций, обнаруживаемых у человека, в несколько раз превышает количество видов положительных эмоций.

Таким образом, можно сделать вывод, что речь идет не о единой классификации, способной описать все эмоции, а об их классификациях, каждая из которых подчеркивает какой-нибудь признак, по которому

эмоции объединяются в группы и в то же время отделяются от других групп. Такими признаками могут быть механизмы появления, причины, вызывающие эмоциональные реакции, знак переживаний, их интенсивность и устойчивость, влияние эмоций на поведение и деятельность человека.

К вербальным способам выражения эмоций относятся: лексические способы, морфологические, грамматические, стилистические, синтаксические, изобразительно-выразительные средства, речевые интонации.

Лексические способы выражения эмоций. В составе эмоциональной лексики выделяют 3 группы:

1. Слова, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику людей. Такие слова не употребляются в переносном значении.

2. Многозначные слова, получившие эмоциональную окраску при переносном употреблении. Так о человеке, определяя его характер, можно сказать: *тряпка, тюфяк* (эмоции пренебрежения).

3. Слова, передающие различные оттенки: (положительные эмоции); (отрицательные).

Эмоциональность лексики нередко передается особо выразительной экспрессивной лексикой. Экспрессивность – выразительность, сила, проявление чувств, переживаний. Например, вместо слова *хороший* в состоянии восторга можно сказать – *прекрасный, замечательный, восхитительный*. По степени эмоционального напряжения слово может иметь несколько экспрессивных синонимов: *несчастье – горе, катастрофа; буйный – безудержный, яростный*.

II. Морфологические способы выражения эмоций

Здесь выделяют: междометие; модальные слова; частицы.

III. Грамматические способы.

К таким способам относят в основном использование грамматических времен для выражения эмоций.

IV. Стилистические способы, подразумевающие использование различных стилистических приемов.

V. Синтаксические.

Выражение эмоций в этом случае возможно через обособленные, вводные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, придаточными обстоятельственными, бессоюзные сложные предложения с обстоятельственным значением.

VI. Речевая интонация.

Художественная речь, вследствие своей эмоциональной образности, требует для раскрытия всех особенностей своего содержания не только правильной расстановки логических акцентов, но и постановки дополнительных акцентов, имеющих эмоционально-выразительное значение. Риторические вопросы, восклицания и обращения делают речь более эмоционально-выразительной. Знаки препинания в предложениях с прямой речью служат для выражения эмоциональной окрашенности слов автора.

Мы проанализировали фрагменты романа Амели Нотомб «Катилинарии» с точки зрения способов выражения эмоций, определили наиболее частотные

способы, использованные в этом романе, а также выявили эмоционально-смысловую доминанту текста.

В ходе прочтения романа на основе анализа языковых средств мы выявили следующие эмоции, представленные в романе: удивление, стыд, вина, страх, гнев, отвращение, презрение. Приведем примеры:

Удивление (найдено 19 примеров)

1. *Je m'extasiai:*

– *Quarante ans ici! Comme vous avez dû être heureux!*

Il ne dit rien. J'en conclus qu'il n'avait pas été heureux et je n'insistai pas.

Я всплеснул руками:

– *40 лет здесь. Как вы должно быть, счастливы все эти годы!*

Cosced промолчал. Я заключил, что он не был счастлив, и не стал настаивать. Синтаксический и лексический способ выражения эмоций. Лексический способ обнаруживается в наречии *comme* (как, насколько), отражающий удивление автора. Синтаксический способ выражения удивления передается через восклицательный знак.

2. *Je fus un rien choqué par l'absence de «merci» et de «madame». Il était clair que les mots «oui» et «non» constituaient l'essentiel de son vocabulaire.*

Меня слегка шокировало отсутствие «спасибо» и «мадам». Было ясно, что слова «да» и «нет» составляют львиную долю его словарного запаса. Лексический способ выражения эмоций. Шок рассказчика в данном случае передается через глагол *choquer*, который ясно отражает эмоцию рассказчика в тот момент времени.

3. *Quelle ne fut pas ma stupeur d'entendre Juliette suggérer d'une voix gentille. Какого же было мое удивление, когда Жюльетта ласковым голосом произнесла.* Интонационный способ выражения эмоций. В данном примере он служит для выражения эмоциональной окрашенности слов автора, для выражения его эмоций.

4. *A ma grande surprise. К моему удивлению.* Лексический способ выражения эмоций. Намек на то, что-то положительное сменяется чередой негативных эмоций.

5. *Je sentais que ma voix sonnait faux. A cause de cela, je ne parvenais plus à contrôler mes paroles. Я чувствовал, что мой голос звучал неискренне. По этой же причине, я уже был не в состоянии контролировать свои слова.* Лексический способ выражения эмоций. Здесь глаголы *sentir*, *sonner*, *contrôler* – передают чувство рассказчика, и свидетельствуют о его переживаниях.

6. *Dès cet instant, Bernadette nous inspira une sympathie pleine de tendresse. С этого момента, мы стали испытывать к Бернадетт симпатию, полную нежности.* Лексический способ выражения эмоций. В данном случае реализуется здесь через эпитет *une sympathie pleine de tendresse*. Во всех смыслах, положительная эмоция, герой здесь выражает искреннюю симпатию по отношению к другому человеку.

7. *Oui oui, monsieur Hazel; embrassez Juliette, me répondit-elle avec un regard d'adieu. Да, да, месье*

Азель; поцелуйте Жюльетту, сказала она, с прощальной улыбкой. Интонационный и лексический способ выражения эмоций. Эмоциональный усилитель. Интонация показывается через постановку знаков препинания, имеющих эмоционально-выразительное значение. Кинема здесь выражается через словосочетание *un regard d'adieu*. Оно показывает нам смешанное чувство жены рассказчика.

Стыд (6 примеров)

1) *Une bouffée de honte m'assaillit. Краска стыда залила мне лицо.* Экспрессивный способ. Употребление метафоры *une bouffée de honte* (краской для) выражения крайней степени стыда.

2) *Silence. Son regard se courrouça. Il plissa les lèvres, comme si je l'avais offensé. Ce mécontentement muet m'impressionna au point de me faire honte. Молчание. Взгляд его стал нервным. Губы сжались в ниточку, словно я его оскорбил. Это безмолвное недовольство произвело на меня такое впечатление, что я устыдился.* Лексический способ выражения эмоций. Показан через психологическое и эмоциональное, и физическое отношение к происходящему. Выразители эмоций здесь: взгляд и губы.

3) *Et moi, misérable vaincu, je m'enfonçai:*

– *Quel est votre prénom, monsieur?*

А я, положенный на обе лопатки, еще усугубил свой позор:

А как ваше имя, месье? Экспрессивный способ выражения эмоций. Через такие приемы, как метафора.

4) *Je ne me sentais pas le droit d'en rire, hélas. Увы, я не считал себя вправе смеяться.* Лексический способ выражения эмоций. Выражения сожаления рассказчика.

5) *Le lendemain matin, je me réveillai nerveux. Je n'osais pas m'en avouer le motif. На следующий день я с самого утра нервничал, сам себе не решаясь признаться, почему.* Лексический способ выражения эмоций. Рассказчик передает негативные, отрицательные чувства, чувство, которое он на самом деле испытывает, нервозность.

Вина (8 примеров)

1) *Elle me parut trop brusque, elle ne pouvait signifier qu'une incitation à partir. Это казалось мне слишком невежливым, тем самым я недвусмысленно указал гостю на дверь.* Синтаксический способ выражения эмоций. Интонационное разделение речи обращает внимание на вину, которую испытывал автор за свою невежливость по отношению к соседу.

2) *Pour la rassurer, j'inventai cette réponse difficile à croire. Чтобы ее успокоить, я выдумал ответ, в который верилось с трудом.* Лексический способ выражения эмоций. Здесь выразители эмоций: глаголы, которые усиливают негативное отношение рассказчика к ситуации.

3) *Mais j'étais angoissé. Но мне было не по себе.* Экспрессивный способ выражения эмоций. Усиление внутренних переживаний.

4) *Je me sentais lâche. Я сознавал свое малодушие.* Экспрессивный способ выражения эмоций. Усиление внутренних переживаний.

5) *Je me retournai dans le lit en souriant, car je venais de comprendre une vérité désolante et drôle, à savoir que le sens était la consolation des faibles.* Я вернулся в постель, улыбаясь, поскольку только что осознал прискорбную, но забавную истерику о том, что разум – утешение для слабаков. Лексический способ выражения эмоций. В одной ситуации одновременно сталкиваются несколько чувств, несколько эмоций, как положительных, так и отрицательных, вступающих в тесное взаимодействие друг с другом.

6) *Je n'avais jamais rien senti d'aussi malsain.* Раньше у меня не возникали столь безнравственные мысли. Лексический способ выражения эмоций, чувство удивления, сменяются чувствами вины, которые призывает автор.

7) *Je me demandai si elle éprouvait des sentiments.* Я спрашивал себя, испытывала ли она какие-либо чувства. Интонационный способ выражения эмоций, рассказчик задает себе риторический вопрос.

8) *Nous n'étions pas malheureux, certes. Nous avons seulement perdu une chose aussi inconnue qu'essentielle.* Конечно, мы не были несчастны. Мы только потеряли что-то важное, то, что не могли осознать. Лексический способ выражения эмоций. Выражение негативных чувств, такие как несчастье и потеря чего-то важного. А также чувство опустошения, непонимания, что же все-таки они потеряли.

Страх (найдено 16 примеров)

1) *J'étais terrifié. Ce qu'il venait de proférer prouvait qu'il n'était pas un dèmeuré.* Я ужаснулся. То, что он произнес, доказывало, что он не идиот. Здесь использовано прилагательное, выражающее крайнюю степень ужаса (terrifié – зд. ужаснулся).

2) *Elle eut l'air apeuré. Je souris.* У нее сделалось испуганное лицо. Я улыбнулся. Лексический способ выражения эмоций. Смешанные чувства: отрицательные и положительные. Выразители эмоций здесь: лицо и улыбка.

3) *C'était ce que je souhaitais, certes. Je n'avais cependant pas le courage* de me conduire comme un rustre. Я то, конечно, только этого и хотел, но на грубость, у меня не хватило мужества. Лексический способ выражения эмоций. Рассказчик осознает собственную слабость, а также, признается в своих желаниях.

4) *J'en fus effrayé.* Я ужаснулся. Грамматический способ выражения эмоций. Временной глагол fus effrayé – Indicatif Passé Simple Actif, выражает весь ужас героя.

5) *Je souris. Pourtant, je redoutais le pire.* Я невольно улыбнулся. Но в душе я, признаться, опасался худшего. Лексический способ выражения эмоций. Смешанные чувства, негативное чувство внезапно меняется на положительную эмоцию.

6) *Juliette parlait seule avec exaltation pendant que le tortionnaire regardait dans le vide.* Пламенная речь Жюльетты была обращена в пустоту, поскольку я видел отсутствующий взгляд нашего мучителя. Лексический способ выражения эмоций. Эмоции показаны здесь через выразители: восторженная речь жены героя, и взгляд в пустоту – соседа.

В выделенных нами примерах мы можем наблюдать и различную степень страха.

Гнев (17 примеров)

1) *Je me rendis compte que j'élevais la voix. Je passais mes nerfs sur ma femme, comme le dernier des médiocres.* Я сам не заметил, как повысил голос. Я сорвался на жену, как последнее ничтожество. Лексический способ выражения эмоций – j'élevais la voix (повысил голос), je passais mes nerfs (сорвался). Повтор местоимения je (я) усиливает гнев, испытываемый героем.

2) *Pardonnez-moi, je suis indiscret.*

L'instant d'après, ce repli me parut ridicule.

Ma question n'avait rien de choquant! C'était lui qui était impoli, en venant nous envahir sans avoir rien à nous dire.

Je réfléchis que, même s'il avait été bavard, son comportement eût été incorrect. Et eussé-je préféré qu'il m'arrosât d'un flot de paroles? Difficile à préciser. Mais comme son silence était crispant!

J'imaginai soudain une autre possibilité: il avait un service à nous demander et n'osait pas. Je lançai diverses suggestions:

Prostите меня, я допустил бестактность.

В следующее мгновение я сам показался себе смешным. С какой стати идти на попятную, что такого неприличного в моем вопросе? Это он невежлив, явившись к нам без приглашения и не имея ничего сказать.

Мне подумалось, что даже будь он болтлив, его поведение все равно бы было некорректным. А предпочел бы я, чтобы он обрушил на меня поток слов? Трудно сказать. Но как же его молчание действовало мне на нервы. Лексический способ выражения эмоций. Смешение чувств, размышление, негативное оценка соседа, все это присутствует в этом эпизоде.

3) *C'était un séjour terrible que le silence de notre voisin. Mes mains devenaient moites et ma langue sèche.* Это чудовищно тяжело существовать в молчании нашего соседа. У меня взмокли ладони, а во рту пересохло. Лексический способ выражения эмоций. Чувство рассказчика, описываются через его физическое состояние.

Радость, ирония (наибольшее количество примеров – 25)

1) *Elles nous firent éclater de rire, en particulier celles qui témoignaient d'une longue attente bredouille devant l'entrée.* При виде них, мы расхохотались, а особенно нас рассмешил утоптаный снег под дверью, свидетельствующий о долгом бесплодном ожидании. Лексический способ выражения эмоций. Оборот éclater de rire (расхохотаться) говорит о радости, которую испытывали герои, обведя назойливого соседа вокруг пальца.

Отвращение (3 примера)

1) *Palamède Bernardin, lui, avait ce courage: il restait assis, ne regardant rien, l'air abruti et mécontent à la fois. Était-il conscient de la grossièreté de son attitude? Comment le savoir? A vot Паламед Бернаден этим мужеством обладал: он сидел, глядя перед*

собой с отупевшим и недовольным видом одновременно. Понимал ли он, что себя ведет крайне невежливо? Как знать? Синтаксический способ выражения эмоции. Рассказчик пытается понять, так ли отвратителен его сосед, как его поведение. Это выражено здесь вопросительными знаками. Лексический способ мы можем наблюдать в прилагательных *abrutí et mécontent* (отупевший и недовольный) и существительном *grossièreté*, отражающих отвращение рассказчика к Паламеду.

Презрение (8 примеров)

1) *La question semblait dépasser les moyens intellectuels de notre hôte. Этим вопрос, похоже, ока-*

зался не под силу интеллекту нашего гостя. Лексический способ выражения эмоций. Рассказчик саркастичен и чувствует презрение к своему соседу, что можно наблюдать благодаря выражению *dépasser les moyens intellectuels* (оказался не под силу интеллекту).

Таким образом, проанализировав роман, мы пришли к выводу о том, что его доминантной эмоцией является эмоция радости, причем в большинстве примеров она связана с неудачами соседа героев, с негативным отношением к нему. Кроме того, мы можем утверждать, что наиболее частотным способом выражения эмоциональной доминанты в проанализированном романе является лексический. В основном автором использованы слова, отражающие отрицательные эмоции.

Литература

1. Кинцель, А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора / А. В. Кинцель. – Бийск: Алтайский гос. ун-т, 2000. – 152 с.
2. Изард, К. З. Психология эмоций / К. З. Изард. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.
3. Nothomb, A. Les Catilinaires/ A. Nothomb. – Е.: Albin Michel, 1995. – 153 с.

Информация об авторе:

Романова Ирина Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент КемГУ, 83842583497, irene.romanova@mail.ru.

Irina V. Romanova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК [81'276.6:32]:004

СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ АВТОРАМИ КОММЕНТАРИЕВ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

И. В. Савельева

THE STRATEGIES OF POLITICAL DISCOURSE PERCEPTION BY THE AUTHORS OF INTERNET COMMENTS

I. V. Savelyeva

В статье рассматриваются особенности восприятия политических текстов авторами текстов-комментариев. Предпринимается попытка выявить типичные модели текстовосприятия адресата – рядового носителя языка.

The paper concerns the peculiarities of discourse perception by those readers of political issues who leave their comments to them. The attempt to represent typical models of discourse perception by the addressee as a native speaker has been made.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, персоноцентрический подход, текстоцентрический подход, интерпретация, рефлексия, Интернет-комментарий, обыденное знание, рядовой носитель языка.

Keywords: linguistic personology, linguistic personality.

В рамках современных тенденций изучения языка с позиций персонологического подхода, ставящего в центр внимания языковую личность, интересным представляется исследование, в основе которого – анализ варьирования языковых средств, а также обыденной парадигмы взглядов, моральных и этических ценностей, идеологических особенностей, сформированных в сознании рядового носителя языка, оставляющего свои отклики в виде комментариев к статьям, обсуждающим вопросы политики и власти,

расположенных на наиболее популярных информационных Интернет-порталах.

Данное исследование, с одной стороны, осуществляется в рамках лингвоперсонологии, изучающей реализацию личностного фактора в языке, а с другой, – входит в систему научных положений обыденной лингвополитологии, – как отрасли научного знания, изучающей обыденное сознание человека, отражение в нем индивидуальных и общественных взглядов на вопросы политики и власти.

Обусловленность варьирования языковых средств субъективными факторами рассматривалась в лингвистических исследованиях в течение долгого периода времени. Так, например, В. фон Гумбольдт полагал, что человеческий дух в значительной мере воздействует на закономерности развития языка и его обогащение новыми средствами [8, с. 47], а последователь его идей Й. Вайсгербер рассматривал необходимость определения места языка в жизни человека для выработки единой основы для исследования, тем самым предопределяя важность постановки в центр языковых изысканий личности, выявления тех факторов, которые детерминируют языковое проявление субъекта [3, с. 31].

Системность в анализе языка сквозь призму особенностей его носителя стала прослеживаться в прошлом столетии при выдвигании на первый план антропоцентрической модели языка. В. П. Нерознак впервые использует термин лингвистическая персонология, говоря о роли личности в динамике языка, отмечая тенденции к персонализации и деперсонализации, ведущие к созданию личностного универсума.

Анализу средств языкового выражения и форм существования языка посвящает свою работу «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов. Он рассматривает языковую личность в уровневом преломлении: на вербально-семантическом уровне происходят процессы актуализации семантизированных ранее единиц языка, как правило, родного языка, выражение национальной принадлежности, складывающееся в портрет национальной личности. На следующем, лингво-когнитивном уровне, происходят процессы осознания языковых реалий, способствующие формированию картины мира. На третьем, мотивационном уровне, языковая личность использует все накопленное знание в реализации своих коммуникативных потребностей, демонстрируя все многообразие языковых средств [9, с. 40].

Данная тенденция привела к выделению отдельного направления в исследовании языка – лингвистической персонологии, или лингвоперсонологии, существенный вклад в становление и развитие которой внесли такие ученые как В. П. Нерознак, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Голев, В. Б. Кашкин, Е. В. Иванцова, Н. В. Мельник, Л. Г. Ким, Н. Б. Лебедева и др. По определению Н. Д. Голева, впервые выдвинувшего гипотезу лингвоперсонологического функционирования языка, язык устроен так, а не иначе потому, что он обслуживает разные типы языковой личности: «между устройством персонологического пространства, образуемого данным языковым коллективом, и устройством языка существуют коррелятивные отношения двух типов: взаимодетерминация и изоморфизм» [7, с. 4]. Данная гипотеза все более и более находит свое подтверждение в растущем количестве исследований, выполненных в русле двух подходов: персоноцентрическом: от внутренних индивидуальных свойств человека к проявлению их в речи и текстоцентрическом: от разноуровневых характеристик текста к созданию речевого портрета его автора [18, с. 110 – 118].

С позиций персоноцентрического подхода, языковая личность в силу своих психофизических

свойств (например, левополушарная и правополушарная, интровертивная и экстравертивная), в силу принадлежности к разным социальным группам (например, профессиональные группы медицинских работников, экономистов, политиков) в процессе коммуникации использует различные языковые средства, в разной степени соблюдает речевые нормы.

При текстоцентрическом подходе, текст рассматривается «в аспекте проявления в нем свойств языковой личности автора и/или адресата» [15, с. 16] с целью выявления стратегий реализации сформированных языковых навыков, принципов построения высказывания, стилистических особенностей, которые могут служить показателями различных типов мышления, и других характеристик автора или адресата, выражающихся при восприятии и воспроизведении текстов, например, на основе прочитанного [19, с. 126 – 130]. Форма и содержание таких текстов, являющихся результатом рецептивно-интерпретационной деятельности, могут сформировать мнение об авторе, помочь в синтезе индивидуального «набора» языковых средств, в описании идиостиля, в формировании речевого портрета. В последнее время можно наблюдать смещение фокуса исследовательского интереса от «элитарной личности» к «простому смертному» [9].

Актуальность исследования. Предметом рассмотрения является текст-комментарий, созданный как речевое реагирование на первичный текст публицистического жанра. Основной целью исследования на данном этапе является выявление типичных моделей текстовосприятия, а также соотнесение персонологических различий с текстовыми категориями. Материалом для исследования послужили комментарии к статьям политической тематики с информационных сайтов snob.ru, forbes.ru, vzglad.ru. Статьи, расположенные на данных сайтах обладают наибольшим потенциалом интерпретационного функционирования, т. е. вызывают наибольшую языковую активность читателей, оставляющих свои комментарии.

В текстах-комментариях проявляется когнитивная деятельность человека, осознание и последующая объективация сложившихся систем ценностей, стереотипов, общественных и национальных, а также то, как он идентифицирует себя в профессиональном, гендерном, социальном и других аспектах. Сознание рядового носителя языка часто вербализирует те ценности, которые были получены им в процессе освоения норм общественной жизни, а также языковых правил и норм.

Интерпретация любого речевого произведения включает метаязыковой компонент. В этой связи, рассматривать процессы, влияющие на формирование языковых способностей рядового носителя языка, было бы односторонне без учета особенностей обыденного метаязыкового сознания. С точки зрения таких ученых, как Ростова, Голев, Гридина, Кашкин и др., обыденное знание – это знание, основанное на практически-чувственном опыте рядовых носителей языка, производимое повседневно в условиях элементарных жизненных ситуаций, обладающее несистемным характером. «Фактически, деятельность наивного пользователя языка включает следующие аспекты:

собственно употребление языка для коммуникации, использование имплицитного (скрытого) знания возможностей языка в соотношении с интенциями пользователя, по преимуществу имплицитная мифология языка и его единиц, эксплицитные прото-теории по преимуществу оценочного типа [10, с. 41]. Многоаспектность проявления обыденного сознания позволяет проводить исследования в различных направлениях, так, в современной научной парадигме выделяются обыденная философия, история, лингвистика. Изучением «использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» занимается лингвополитология [2]. Выделяя одну из наиболее актуальных областей исследования лингвополитологии, Н. Д. Голев обосновывает существование обыденной лингвополитологии, которая направлена на «изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы» [5]. «Политические тексты и лексика предоставляют лингвисту обширные интерпретационные поля и богатейшие возможности для изучения механизмов интерпретации» [5]. Сложившиеся в сознании обыденного читателя образы, мнения и настроения имеют непосредственную репрезентацию в тех откликах, оценках, которые он оставляет в виде комментариев к политическим статьям. С точки зрения Е. В. Кишиной, «общество осознает политику двумя главными способами: через обыденные взгляды, получаемые в повседневном практическом опыте, и через научное знание, являющееся результатом исследовательской деятельности» [12].

В текстах-комментариях отражается рефлексия адресата на информацию, полученную из исходного текста, динамическое видение процессов, протекающих в обществе, формирующее общественное мнение. Комментирующий выступает здесь в роли интерпретатора, оформляющего свое оценочное высказывание, порождающего свой текст на основе исходного. Как пишет Л. Н. Мурзин, «текст не существует вне нашего сознания, вне процессов порождения или восприятия» [16, с. 22]. Таким образом, понимание является частью речемыслительной деятельности. Процесс восприятия текста, его понимания, т. е. декодирования, неразрывно связан с процессом текстопорождения, т. е. кодирования информации, продуцирования собственного высказывания.

Оформляясь как речевое реагирование на первичный текст, комментарии, являясь, по сути, текстами вторичными, представляют вариативно-интерпретационное поле, в центре которого находится первичный текст автора статьи. «Потенциальная множественность вариантов интерпретации текста обусловлена также свойствами субъекта интерпретации, чья рецептивная деятельность носит активный, креативный и продуцирующий характер. Деятельность интерпретатора представляет собой в определенном смысле независимый процесс, характеризующийся собственной интенциональностью и субъективностью. Языковая личность проявляет качественное разнообразие языковых способностей» [11, с. 7]

Попытка типологизировать личность Интернет-комментатора с позиций текстовосприятия, с целью

дальнейшего создания более полной картины личности интернет-комментатора в русскоязычном политическом дискурсе, позволила выделить 2 основных стратегии текстовосприятия, которые коррелируют с противопоставлением элементаристского – холистического восприятия мира. Данные понятия пришли во многие науки из философии. Концепция холизма как учения о целостности была впервые выдвинута и обоснована философом Я. Х. Сматсом. Приоритет элементаристского или холистического подхода обосновывался в разные периоды развития теории рецептивной деятельности. «Элементаризм предполагает, что восприятие строится «снизу вверх», и смысл целого складывается из смысла составляющих его элементов. Холистические концепции во главу угла кладут признание целостности воспринимаемого объекта в качестве неперемennого условия отражения его качественного своеобразия» [11, с. 214]. В процессе анализа были выявлены наиболее типичные способы текстовосприятия Интернет-комментаторов.

1. Восприятие текста статьи в целом

Реципиенты, входящие в данную группу видят проблему «сверху», воспринимая ее масштабно, игнорируя детали и нюансы. В этой группе в свою очередь выделяются несколько подтипов:

а) рефлексия на общую тематику исходного текста с уходом от обсуждаемого вопроса.

В данном случае практически ничего не заимствуются интерпретатором из первичного текста, при его восприятии у него возникают собственные ассоциации, аналогии, впечатления, и текст комментария практически – свое собственное субъективное мнение, скажем, издали затрагивающее содержание статьи. В таких комментариях, как правило, отсутствуют даже ключевые слова из первичного текста, т. к. первичный и вторичный тексты существуют почти независимо друг от друга. Но имплицитную связь установить все же возможно.

Здравствуйте, господа! Не напоминает ли Вам эта творящаяся уже столько времени мерзость нашей жизни сказку о потерянном времени!

Нужно отметить, что первичный текст излагает результаты анализа политических настроений российского населения Центром стратегических разработок, поэтапно освещая аспекты, по которым проводился анализ. Автор комментария эксплицирует свои ассоциации, которые актуализировались в процессе восприятия исходного текста. Он отсылает нас к миру художественной литературы, сравнивая политическую ситуацию в стране со «сказкой о потерянном времени». Но, тем не менее, в данном случае наблюдается связь с первичным текстом, т. к. комментатор с помощью пропозициональной установки «не напоминает ли вам» (т. е. «Я напоминаю») поясняет, что именно прочитанная статья дала почву для рефлексии.

Вот пример того, как простая учительница стала разоблачать директора и депутата в одном лице в подлогах в школе ради вытягивания директором денег из бюджета города.

Автор данного комментария, начиная текст, излагая ситуацию, аналогичную, по его мнению, той, о которой говорил автор статьи «Новая антикоррупци-

онная компания: много шума, мало экономики», никак не выражая связь с исходным текстом. Связь имеется на уровне метасмысла: ситуация похожа на ту, которая описывается в первичном тексте.

б) рефлексия, направленная на общую проблему статьи.

Автор вторичного текста высказывает свое мнение по проблеме, поднятой автором первичного, но никак не рефлексировать на точку зрения автора. Можно утверждать, что в процессе переработки текстовой информации у комментатора формируется свое собственное видение проблемы, данный тип восприятия можно определить как ономастиологический подход к текстовосприятию.

Если поменять «голову», поменяется все. Только сегодня сидели и говорили на эту тему.

Используя определенные лексические и синтаксические средства, в частности, словоформу «голова» с метонимическим переносом «руководитель страны», комментатор интерпретирует основную мысль первичного текста, с одной стороны, отдаляясь от решения вопроса с помощью обобщающей конструкции «все поменяется», с другой стороны, причисляя себя к группе с определенными политическими взглядами в определенно-личном предложении «Только сегодня сидели и говорили на эту тему».

Идут исследования какими-то непонятными фондами, кого-то непонятно кого опрашивают...

Автор цитируемого высказывания выражает свое мнение о результатах исследования, репрезентируя свое несогласие с помощью повтора неопределенных местоимений и отрицательных конструкций с наречием «какими-то, кого-то, непонятно кого», а также безличного предложения с предикативной частью «опрашивают».

Текущие проблемы имеют один корень и одно решение

Комментарий к статье о коррупции в высших эшелонах власти. Используя синтаксическую конструкцию с однородным дополнением, участник дискуссии акцентирует внимание других на единственно возможном выходе из сложившейся политической ситуации, обобщая все вопросы фразой «текущие проблемы», а потом минимизирует концепцию исходного текста «все, текущие» – «один».

То, что в России бардак, согласен.

Интерпретирование по типу глобализации с использованием стилистически маркированной лексики «бардак», наряду с эксплицированным выражением личного восприятия в определенно-личном предложении «согласен».

в) рефлексия на субъективную оценку автора исходного текста.

Данная группа комментаторов, как правило, в первую очередь высказывает свое согласие/ несогласие с точкой зрения автора, а только затем, комментирует саму проблему. Для данной категории очевидна релевантность межличностных отношений, факты и информация, получаемые из первичного текста, вторичны.

По-моему, автор не совсем о том пишет.

Субъект речи в данном случае в вежливой форме «не совсем о том» рефлексировать на авторскую точку

зрения, воспринимая текст в личностном аспекте, текст – как средство проявления политических взглядов создающего, текст – как орудие для реализации прагматических целей.

Николай, если честно, то полностью согласна с Вами только в одном.

Все верно, г-н Малютин. (Обращение к автору статьи).

Автору не мешает отказаться от оценки всех результатов "в деньгах".

2. Восприятие отдельных частей текста

В соответствии со своими психофизическими особенностями в процессе рецептивной деятельности, внимание представителей данной группы направлено на одну или несколько деталей текста. Это может быть определенный фрагмент, высказывание, иногда отдельная фраза. Среди таких комментаторов выделяются следующие подтипы:

а) рефлексия на основе фрагмента.

Количество комментаторов, реагирующих и интерпретирующих лишь отрывок, – значительно, но оно уступает по частоте второму подтипу, который условно назовем «комментаторы – собеседники».

Восприятие отдельных частей текста выражается в интерпретации лишь какого-то единичного факта, или события, остальное, как видится в тексте комментатора, автора не интересует. В данном случае, пользуясь дихотомией семасиологический – ономастиологический подход, можно рассматривать такой подход к восприятию первичного текста, как семасиологический.

«Да большего развала, чем сейчас, Россия за последние десятилетия не знала» (цитата из текста статьи – И. С.) – вообще-то история десятилетиями не измеряется.

Цитата из первичного текста: «все депутаты оказались сегодня рабами на галерах».

Не согласен, что они рабы. У раба выбора нет. У депутатов есть всегда.

Автор или тронулся в натуре, или просто создаёт рабочие места "в области применения международного права" для своих родных и близких.

б) рефлексия на фрагмент, ранее интерпретируемый во вторичном тексте.

Данная группа – самая многочисленная. Ее представители воспринимают не первичный текст, а чей-либо персонотекст, и, по сути, создает, затем свой «третичный» текст, организуя, таким образом, беседу, превращая сегмент Интернет-пространства, отведенный для комментариев, в целый форум. Для такой языковой личности важно мнение среды, мнение виртуальных собеседников, поэтому в результате появляется интерпретация не первичного, а вторичного текста.

Послушать Вас, так Путин – Господь Бог.

У Вас либо шоры на глазах, либо Вы дальше своего носа не видите.

Думаю, что заметка Сержа наиболее полно характеризует действительность. (Серж – никнейм одного из комментаторов).

Я Вам так скажу, Максим. Демагогией заниматься некогда.

После «комментов» Hellsy и Сержа понимаешь, что эту страну ничего не спасет.

В процессе анализа восприятия политических текстов, можно сделать вывод, что языковое оформление текста публицистического характера не всегда являются основным предметом восприятия адресата, наибольшим деривационным потенциалом обладает

проблематичность политического текста. Изучение лингвокреативного потенциала языковой личности комментатора, выявление особенностей его идиостиля, создание речевого портрета субъекта, выступающего в роли интерпретатора политических событий, дает возможность продолжить данное исследование.

Литература

1. Богин, Г. И. Филологическая герменевтика / Г. И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1982. – 86 с.
2. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>
3. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
4. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография; под ред. Н. Д. Голева [и др.]. – Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 7 – 28.
5. Голев, Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://www.testsoch.info/golev-obydannaya-lingvopolitologiya-problemy-i-perspektivy/>
6. Голев, Н. Д. Метаязыковое сознание носителей русского языка как отражение их орфографического поведения / Н. Д. Голев // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2006. – № 1(25).
7. Голев, Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания): материалы Всероссийской конференции; под ред. Н. Б. Лебедевой, Е. А. Косых. – Барнаул: БГПУ, 2004.
8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010 – 264 с.
10. Кашкин, В. Б. Научные теории и бытовые представления о языке: история и перспективы исследования / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул, 2008.
11. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким; науч. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. – 312 с.
12. Кишина, Е. В. «Свой – чужой» как организующий фактор лингвоконфликтологического потенциала обыденного политического сознания / Е. В. Кишина. – Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/-konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/svoj_chuzhoj_kak_organizujushhij_faktor_lingvokonfliktologicheskogo_potenciala_obyennogo_politicheskogo_soznaniya/5-1-0-143
13. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н. Д. Голев [и др.]; под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 384 с.
14. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой [и др.]. – Кемерово; Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006.
15. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник; науч. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: КемГУ, 2010. – 212 с.
16. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – 172 с.
17. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. редактор Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 532 с. – Ч. 1.
18. Сайкова, Н. В. Лингвоперсонологический анализ вторичного текста / Н. В. Сайкова // Филологические науки. – М., 2009. – № 3.
19. Сайкова, Н. В. Лингвоперсонологическое описание вторичных текстов / Н. В. Сайкова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 10 (148). – Вып. 30.

Информация об авторе:

Савельева Ирина Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-904-991-20-10, veterokstekgsm@rambler.ru.

Irina V. Savelyeva – Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University

ЮМОР АБСУРДА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ КЛОДА БУРЖЕКСА

Л. Ф. Серова

LINGUISTIC MEANS OF ABSURDITY HUMOUR EXPLICATION IN CLAUDE BOURGEYX'S STORIES FOR CHILDREN

L. F. Serova

В статье анализируются рассказы современного французского писателя Клода Буржекса, которые представляют собой, в основном, юмор абсурда. Вскрываются лингвистические приемы, служащие для описания нелепых, алогичных ситуаций, среди которых основным является разложение фразеологизмов.

The paper studies some short stories written by a contemporary French author Claude Bourgeyx who represents absurdity literature genre. The focus is laid on various linguistic means employed to describe an irrational, paradoxical situation. The research found that the principal technique is the decomposition of phraseological units.

Ключевые слова: юмор абсурда, детская литература, разложение фразеологизмов.

Keywords: absurdity humour, children's literature, decomposition of phraseological units.

Клод Буржекс, родившийся в 1943 году, является современным французским писателем. В его творческом багаже – романы, повести, рассказы, пьесы для театра. Материалом данного исследования является сборник рассказов для детей «Le fil à retordre. 42 histoires extravagantes». Этот сборник был отмечен Премией Общества литераторов Франции как лучшая детская книга, вышедшая в 1991 году. Книга появилась в серии «Юмор» в издательстве Nathan, специализирующемся на учебной и художественной литературе для детей. Она включает 42 мини-рассказа, которые самым автором в подтире названы несуразными. Ситуации, представленные в них, являются противоречивыми и нелепыми с точки зрения здравого смысла. Произведения такого типа относятся к литературе абсурда.

Существует ряд толкований этой категории текста. В первую очередь, в качестве ее составляющей отмечают логический абсурд, то есть осознанный художественный прием, направленный на рассогласование завязки и развязки действия или рассуждения в тексте; подчеркнутое отсутствие причинно-следственных связей; помещение, «инсталляцию» обычной вещи в необычные контексты, что позволяет найти какие-то новые, неожиданные горизонты смысла; карикатурную демонстрацию бессмысленности и нелепости человеческой жизни [1, с. 7 – 72]. Действительно, сюжеты у Клода Буржекса построены на несообразных ситуациях. Так, герой, пришедший к предсказательнице, может силой мысли сделать так, что она исчезает из реальности. Или человек, прикоснувшийся к другому, прилипает к нему. Даже Джонатан начинает говорить и рассказывает о своей утомительной работе. Учительница же вылетает из класса через окно под удивленные взгляды двадцати пяти учеников.

Книга адресована, как указано на обложке, детям 10 – 12 лет, хотя и взрослые читатели получают удовольствие от знакомства с ней. Она учит находить веселое, смешное в необычных, печальных, абсурдных ситуациях. И происходит это не только благодаря описанным событиям, которые выходят за рамки нормы, в которых нарушен привычный ход вещей, но и благодаря лингвистической составляющей текста.

Известно, что один из способов создания комического, и в частности, такого его вида, как юмор – неожиданность. В ходе лингвистического анализа текстовой ткани рассказов рассмотрим, какими средствами автор добивается этого эффекта.

В первую очередь, бросаются в глаза контексты, в которых фразеологизмы начинают жить новой жизнью, происходит их преобразование, так как персонаж, рассказчик склонен к буквальному прочтению метафор, отождествлению означаемого и означающего. Читатель испытывает странное чувство двойственности смыслов.

Рассказ «Le fil à retordre» повествует о размышлениях мальчика Gégé-la-Flemme (Жеже – Лодырь) над фразой учительницы, которую она произнесла в его адрес, сказав, что «il lui donnait du fil à retordre». Данный фразеологизм означает «наделать хлопот, задать трудную задачу кому-либо». Таким образом, учительница выразила сожаление, что он доставляет ей много хлопот. При буквальном переводе *fil* переводится как «провока», «провод», а *retordre* – как «вить, крутить, перекручивать; снова свивать, снова перекручивать». Размышления ребенка над этой фразой представлены в виде внутреннего монолога, где слова *fil* и *retordre* воспринимаются в прямом значении и употребляются, реализуя свои семантические, лексические, грамматические валентности, которые им присущи. Кроме того, они «перекликаются» с другими лексемами из соответствующей их прямому значению тематической группы. Мальчик, например, не понимает, как учительница может утверждать, что он дал ей проволоку, чтобы ее *снова* перекрутить (*retordre*), хотя он не давал ее и для того, чтобы крутить, вить (*tordre le fil*). Зачем это делать, тогда как в магазине можно купить изогнутую, витую (*tordu*) проволоку и даже колючую (*barbelé*). Вот эту последнюю можно и разогнуть (*détordre*). Ребенок приходит к выводу, что это мозги у учительницы набекрень и закручены почище, чем проволока (*la maîtresse a l'esprit complètement tordu, encore plus que le fil*). Вот здесь бы пригодились кусачки (*tenailles*) и щипцы (*pincette*). Но, конечно же, к учительнице с такими инструментами не подберешься, да и нет их у него (*il n'est pas outillé*).

Жеже-Лодырь и учительница являются также героями рассказа «*Les pieds dans le plat*». Глянув в его тетрадку для домашней работы, она сказала: «*Mon pauvre Gégé, tu pédales complètement dans la semoule*». Значение данного фразеологизма следующее: «ничего не понимать; попусту стараться; с трудом продвигаться вперед». Прямое значение входящих в него элементов, однако, иное: *pédaler* – «работать педалями; ехать на велосипеде», *semoule* – «пшеничная крупка». Ребенок возмущен, услышав слово *semoule* (чаще говорят по названию блюда, где эта крупа используется, – *couscous*), а также потому, что на велосипеде он не просто крутит педали, как какой-нибудь доходяга (*il ne pédale pas, Gégé!*), а гонит изо всех сил (*il sprinte*). Правдивее, по его мнению, была бы фраза «*Tu sprintes dans le couscous*». Но так как он обычно выигрывает (*Gégé, quand il sprinte, il gagne*), справедливее было бы сказать «*Mon brave Gégé, tu gagnes dans le couscous*» (Мой славный Жеже, ты выигрываешь в кускусе). Обиженный ученик представляет учительницу, которая едет на велосипеде в пюре или в рагу (*Et elle, elle pédale dans quoi? Dans la purée ou dans le miroton?*) Она, должно быть, совсем не крутит педали, спускаясь с горки (*Elle prend les descentes et elle se laisse aller*). Рассердившись, Жеже-Лодырь решает как-нибудь отбросить всякое стеснение (...un jour il mettra les pieds dans le plat). Здесь автором используется еще один фразеологизм, который дословно обозначает «поставить ноги в блюдо». Именно в своем прямом значении лексемы этого ФЕ позволяют оценить планы ребенка: пройтись потом везде, чтобы кускус был на полу (... et ensuite il marchera partout, et il y aura du couscous sur le plancher). Учительнице надо будет крепко держаться за руль, чтобы ее не занесло (... la maîtresse aura intérêt à s'accrocher au guidon pour ne pas déraper). А если она упадет, пусть не рассчитывает, что он поможет ей снова сесть на велосипед (*Et si jamais elle tombe, faudra pas qu'elle compte sur lui pour la remettre en selle*).

Ярким моментом данного рассказа является разложение фразеологизма *pédaler dans la semoule*. В размышлениях мальчика второй элемент – существительное *la semoule* – заменяется на другие лексемы – *couscous*, *purée*, *miroton*, а глагол *pédaler* – на *sprinter* и *gagner*, в результате чего образуется несколько окказиональных вариантов выражения. Восприятие, вслед за Жеже-Лодырем, фразеологизмов исходя из прямого значения составляющих их элементов, что поддерживается соответственной тематической лексикой, позволяет читателю с улыбкой оценить ту абсурдную реальность, которую рисует воображение ребенка.

В рассказе «*Mademoiselle Tresse-en-Rond*» (Мадмуазель с короной из косы) действующие лица – те же. Учительница, не глядя в тетрадь Жеже-Лодыря, спрашивает его, почему он не сделал домашнюю работу. И когда тот, пораженный ее пронизательностью, начинает отпираться, она говорит: *C'est mon petit doigt qui me l'a dit* (мой мизинчик мне все рассказал). Данное выражение употребляется в разговоре с детьми. У Клода Буржекса этот фразеологизм также «оживает». Когда мальчик заявляет, что мизинец не разговаривает (*Un petit doigt ne parle pas*), учительница

подзывает его к своему столу, вставляет в его ухо свой мизинец и визгливо спрашивает: «Ну что? Не разговаривает? Ну, Жеже? Что он говорит?» (*Alors, hurle-t-elle, il ne parle pas? Hein, Gégé? Qu'est-ce qu'il dit?*). Боясь, что учительница спятила с ума, и может ему прорвать барабанную перепонку, а то и всю руку в ухо засунет, ученик отвечает: «Кажется, я его слышу... Да, я его слышу» (*Voilà, je crois bien que je l'entends... Oui, je l'entends!*). На приказ доложить о том, что мизинец рассказал, ребенок отвечает, что он не понимает, так как это какой-то иностранный язык, возможно, китайский или японский (*J'y comprends rien, il parle étranger. On dirait du chinois ou peut-être du japonais*).

Учительница отпускает ученика, рассматривает свой мизинец, затем вставляет его себе в ухо. Через пять минут она произносит: «Это яванский язык, кретин» (*C'est du javanais, pauvre crétin*). В тот момент, когда она, устрашающе протягивая палец в сторону учеников, спрашивала, кто из них хочет сам послушать, вдруг под ногтем мизинца учительницы раздался тоненький голосок (*Une toute petite voix qui arrive de dessous l'ongle de l'auriculaire de la maîtresse*), который потом запел что-то приятное, легкое (...son petit doigt fait entendre un chant, quelque chose de mélodieux et d'aérien), отчего мадемуазель счастливо заулыбалась, закружилась, затанцевала и вылетела в окно. Здесь странная с обычной точки зрения ситуация строится, в лингвистическом плане, на использовании глаголов говорения и семантически сочетающихся с ними лексических единиц: *dire, raconter, parler du chinois, du japonais, du javanais, étranger, causer, comprendre, écouter, faire entendre un chant*. Это позволяет в данном контексте принять фразеологическое выражение *Mon petit doigt me l'a dit* в прямом смысле. Таким образом, абсурдная, алогичная история создается как благодаря сюжету, так и лексике, организованной в тематическую группу.

Прием расщепления, разложения фразеологического выражения автор использует и в рассказе «*Le fou de la départementale 20*», где сосед, с которым случилась авария на дороге, излагает суть происшедшего мальчику Жеже: «*Je roulais pépère sur la départementale 20 quand un fou qui venait en face a coupé la route*» (Я спокойно ехал по дороге Д5, когда какой-то сумасшедший, ехавший навстречу, меня подрезал). Ребенок, воспринимая выражение в прямом смысле (разрезал дорогу), задает соответствующие вопросы: чем разрезал? (*avec quoi il l'a coupée, la route?*), хорошо ли машина режет? (*Et la voiture, elle coupait bien?*) Она, видимо, была хорошо наточена? (*Alors, on l'avait aiguisée?*) На сколько кусков тот сумасшедший разрезал дорогу? (*En combien de morceaux il l'a coupée?*) Вдоль или поперек? (*Dans le sens de la longueur ou dans celui de la largeur?*) Своими вопросами он доводит до бешенства своего собеседника и решает, что если и был на дороге сумасшедший, то это его сосед. Для человека взрослого такие вопросы кажутся нелепыми, и это – первая естественная реакция читателей. Но затем, хотим мы того или нет, перед нами рисуются нереальные картины из речи мальчика, и они нас не бесят, в отличие от соседа – персонажа текста, а

веселят, настолько все поставлено с ног на голову. Яркий юмористический эффект объясняется двойной актуализацией лексем фразеологического оборота *couper la route* и его окказиональных вариантов, так как два персонажа в течение всего разговора используют одни и те же выражения, наполняя их каждый своим смыслом.

В следующей ситуации ребенок рассуждает о выражении *le poids des mots* (так назван и сам рассказ), что означает «вес слов». Воспринимая это выражение в прямом значении, он задается вопросом: сколько же может весить слово? 500 граммов или килограмм? К тому же надо учитывать, что у слов разный вес. Существуют слова тяжелые (*lourds*), как *camion* (грузовик) и *indigestion* (несварение желудка), и слова легкие, например, *duvet* (пух) или *soupir* (вдох). С другой стороны, даже легкие слова могут быть *lourds de conséquences* (чреватые, т. е. «отяжелены» последствиями). Интересно, что весит больше: легкое слово, «отягченное» последствиями, или слово тяжелое, но с легкими последствиями? И вообще, как все-таки надо взвешивать слова? Или их нужно отмерять, измерять (*mesurer*), как некоторые говорят. Тут рассказчик опять рассматривает слово *mesurer* («взвешивать, выбирать») в прямом значении. Он задумывается, как измеряется вес слов – в метрах? Почему бы не в литрах? Во всяком случае, несколько слов, по мнению рассказчика, «*ne feront jamais pencher la balance*», то есть – в прямом значении – «не перетянут чашу весов». Параллельно в этом контексте вычитывается и фразеологическое значение данного выражения «склонять в чью-то сторону», что говорит о его двойной актуализации. Рядом со словом «весы» (*la balance*) совершенно естественным образом появляется и слово «гирия» (*le poids*), являющееся омонимом к слову «вес», что создает антанаклазу.

В рассказе «*Les yeux plus grands que le ventre*» Жеже-Лодырь идет с тетей к кондитеру, где выбирает себе пирожное. И, как всегда, она протестует: «Выбери другое, поменьше. У тебя, дружок, глаза завидующие, ты берешь больше, чем можешь съесть» (*Tu as les yeux plus grands que le ventre*). При дословном переводе данного французского фразеологизма на русский язык он означает «у тебя глаза больше живота». Мальчика это обижает. Он смотрит на внушительный живот тети, который уж точно больше ее глаз. Затем думает, что тетя говорит неправду, иначе бы можно было затолкать живот в глаза (*faire entrer son ventre dans ses yeux*). Но он не может этого сделать, как ни старается подтянуть свой живот кверху. Зато он может затолкать глаза в живот. То есть тетя говорит глупости, а порой и колкости, чтобы его достать. Он-то это все замечает, тем более что – и тут появляется еще один фразеологический оборот со словом *les yeux* – «*il n'a pas ses yeux dans sa poche* (видит ясно, не заблуждается), *comme disent les kangourous*», что дословно переводится как «у него глаза не в кармане, как говорят кенгуру». Фразеологизм «*avoir ses yeux dans la poche*» получает свое дополнительное развитие благодаря слову «кенгуру», которое ассоциативно появляется во фразе в силу детского сознания героя.

Очередная абсурдная ситуация появляется в рассказе «*Défense de bronze*» (Загорать запрещается): на пляже установлен стенд высотой в четыре и длиной в 30 метров, на котором написано, что загорать запрещено. И все подчиняются, лежа в его тени. Пляж патрулируется с утра до вечера, и в тех, кто нарушает это указание, стреляют. Поэтому никто более не загорает (*Plus personne ne prend le soleil*). Дословно ФЕ «*prendre le soleil*» можно перевести как «брать, забирать солнце». И причина в том, что однажды его, то есть солнце, кто-то забрал и не возвращал целую неделю (*quelqu'un l'avait pris et l'avait gardé huit jours*). Люди провели все это время во мраке. С тех пор загорать («забирать солнце») запрещается. Но народ все-таки приходит на пляж. Вероятно, чтобы подышать воздухом (*prendre l'air* – «взять воздух»).

Несколько рассказов Буржекс строит на использовании большого количества фразеологических выражений с одним и тем же словом, выстраивая, как всегда, странную, абсурдную ситуацию, в которую они вписаны. Так, в рассказе «*Gégé-La-Mauvaise-Tête*» (Жеже-Сумасброд) им используется несколько фразеологизмов со словом «голова» (*tête*). Начинается все с того, что учительница обозвала Жеже-Лодыря *tête de cochon* (дословно – свиная голова), что означает «упрямый как баран». Придя домой, тот смотрится в зеркало и видит у себя на плечах ... свиную голову. Он в растерянности. Мальчик, отдавшись детским фантазиям, задумывается: а если бы учительница назвала его *tête d'ange*, вместо свиной головы у него бы сейчас была голова ангела? А с *tête à gifles* (мерзкая рожа, физиономия, которая «кирпича просит») он бы ходил со следами пальцев на щеках (*gifle* – пощечина). Имея *tête d'oiseau* («птичью голову», что в переносном значении обозначает «иметь мало мозгов»), он, возможно, смог бы летать. С *tête d'enterrement* (похоронный, мрачный вид) его бы не пустили на свадьбу кузины. С *tête de bandit* он мог бы совершить вооруженную атаку. С головой, за которую назначена цена (*tête mise à prix*), Жеже-Лодырь насобирав бы денег. А если бы он имел *tête d'épingle* (головка булавки), он смог бы «*piquer dans le porte-monnaie de sa mère*». Здесь Буржекс не упускает случая снова поиграть на полисемии: глагол *piquer* переводится и как «колоть, протыкать», и как «воровать». В конце концов, мальчик приходит к убеждению, что он предпочитает оставить себе *tête de cochon*. Доводов несколько: он любит животных; эта голова ему даже идет; можно не мыть уши и пяточек и не стараться есть аккуратно. Это просто мечта! Намного страшнее он смотрелся бы с *tête de mule* (упрямая голова; бестолочь; упрямый как осёл).

В другом рассказе, который называется «*Gino-Passe-Partout*» (Джино-Пройду-Везде), основным является слово «*ouvrir*» (открывать). Главный герой имеет связку ключей, которыми он пользуется в течение дня. Утром он использует ключ для открывания глаз (*pour ouvrir l'oeil*): один оборот ключа для каждого глаза. Если он просыпается с большим трудом, необходимо сделать по два оборота. За столом он использует ключ, с помощью которого вызывает аппетит (*pour ouvrir l'appétit*), поэтому и завтракает

сытно. Отправляясь в школу, он, как и все, пользуется ключом для двери, который ее открывает и закрывает (pour ouvrir, refermer la porte). Чтобы легче пройти в толпе, еще один ключ (pour ouvrir le chemin – перен. – открыть путь к чему-либо). На уроке, чтобы погрузиться в работу, он использует ключ для ума (pour ouvrir l'esprit – развивать ум). Когда же с новыми идеями совсем плохо, на помощь приходит ключ, открывающий горизонты (ouvrir les horizons – показать возможности, раскрыть перспективы). Гораздо реже Джино-Пройду-Везде использует ключ, открывающий сердце (pour ouvrir son coeur – раскрыть свое сердце). Он очень робкий и поэтому использует его, когда влюблен. Очень часто он прибегает к ключу, который открывает огонь (pour ouvrir le feu). Если ему кто-то докучает, он три раза поворачивает этот ключ (а он почти всегда у него в руке) и надоеда уже лежит на земле с тремя замочными скважинами (trou de serrure) во лбу. У Джино-Пройду-Везде не хватает некоторых ключей, например, чтобы открывать скобки (ouvrir la parenthèse) и закрывать кавычки (fermer les guillemets). Но он очень редко использует скобки с кавычками, поэтому считает такие траты неоправданными. В его честолюбивых планах – купить у Святого Петра ключи от рая (les clés du paradis). Для этого он экономит на всем и откладывает деньги в копилку. В копилку, от которой он потерял ключ (perdre la clé de sa tire-lire). В данном рассказе, как и в предыдущем, снова параллельно актуализируются два значения фразеологизмов – прямое и переносное, что придает непередаваемый юмор этим фантастическим ситуациям.

В проанализированных рассказах фразеологическая трансформация выступает как основной, композиционный прием, переплетаясь с сюжетной линией, которую и определяет. Но наряду с этим авторизованный фразеологизм может появляться в художественной ткани текста и в виде отдельной инкрустации. Так, в рассказе «Tiers monde» (Страны третьего мира), где обыденная ситуация преломляется до нелепости, ученик по указанию учительницы подбирает дома старую одежду для посылки детям третьего мира. Он очень увлечен этой благородной идеей и хочет, к ужасу матери, отнести в школу почти все, что у него есть. Он думает о взаимовыручке между народами и надеется ночью увидеть сон, в котором богатые и бедные дети в братском порыве объединяются, проявляют солидарность (se donnent la main, что дословно переводится как «протягивают друг другу руки»). Обычно фразеологизм воспринимается как единое целое в его переносном значении. В данном случае сознание мальчика, благодаря ситуации сбора одежды, вычленило в выражении компонент «рука», который таким образом «ожил» и напомнил о том, что тот забыл про перчатки! Несмотря на усталость, он устремляется к шкафам, чтобы подобрать африканским детям несколько пар.

Другим лингвистическим приемом в рассказах Буржекса является парадоксальное высказывание. Хотя тот факт, что произведения Буржекса вызывают улыбку и смех как реакцию на удивление и даже ужас, отвращение, уже само по себе является парадоксом. Парадоксальные высказывания, как известно,

содержат противоречие, нарушают привычную логику (что выдается автором за своего рода норму) и также, благодаря нелепостям, привносят юмор в художественный контекст [2].

Парадоксальность создается, в частности, утверждением чего-либо, прямо противоположного ожидаемому. Так, в рассказе «La voyante» (Гадалка) герой приходит к предсказательнице, чтобы узнать свое будущее. Та, склонившись над стеклянным шаром, входит в транс и некоторое время спустя вскрикивает: «Votre avenir, c'est pour bientôt!» (Ваше будущее уже скоро!) Пытаясь уточнить судьбу этого же героя, она гадает и на кофейной гуще: «Je vois... Je vois... Je vois... de la chicorée dans ce café!» (Я вижу... Я вижу... цикорий в кофе!)

В рассказе «Riton-La-Malice» (Ритон-Хитрец) персонаж работает журналистом в газете, название которой удивляет – «Petit Echo de Nulle Part» («Хроника ниоткуда»). Под стать ему и еженедельная рубрика, в которой трудится герой, – «Le temps qu'il faisait hier» («Вчерашняя погода»).

Парадоксальным может быть высказывание, в котором нарушены причинно-следственные связи, отчего следствие, вывод не вытекают из посылки, условия. Например, в рассказе «Facteur» (Почтальон) рассказчик, не получая ни от кого писем, решает написать себе сам, чтобы испытать радость от получения почты: «Voilà des années qu'il (le facteur) n'a rien pour moi. Ma boîte est vide. Alors, j'ai décidé de m'écrire une lettre pour connaître, moi aussi, la joie de recevoir du courrier». Письмо потерялось (C'est d'autant plus regrettable que je m'annonçais des bonnes nouvelles. – Жаль, ведь я сообщал себе хорошие новости), и тогда «...pour gagner du temps, j'ai préféré me téléphoner. C'était sans arrêt occupé» (чтобы сэкономить время, я решил себе позвонить. Было постоянно занято.).

Авторские замены в известных, предсказуемых выражениях также могут приводить к парадоксальности. В рассказе «Hauts et bas» (И хорошее и плохое) таким выражением является следующее: «D'ailleurs, elle m'aime. Moi aussi je m'aime. Elle le sait mais elle n'est pas jalouse» (Впрочем, она меня любит. Я тоже себя люблю. Она об этом знает и не ревнует).

Абсурд в художественном тексте – это еще и различные виды игры слов и букв. В рассказе Буржекса «Oeufs de vache» (Коровьи яйца) – это оговорки. Девочка Сюзи гуляет со своей крестной и постоянно задает ей глупые, с точки зрения последней, вопросы. Очередной такой вопрос «Dis, marraine, si les poules étaient des vaches, elles donneraient du lait?» (Скажи, крестная, если бы куры были коровами, они бы давали молоко?) совершенно выводит женщину из себя. От неожиданности и раздражения она начинает путаться в словах, запинаться: «Je ne fréquente pas les poules, je ne fréquente pas les vaches et je suis incapable de te dire ce que ferait une pouche si elle était val... vouche si elle était pâle...» (Я не посещаю кур, не посещаю коров и не могу тебе сказать, что бы делала куро́ва, если бы была куро́цей... коро́ца, если бы была куро́вой...) Услышав очередной вопрос «Et si tu étais une poule, tu pondrais des oeufs?» (А если бы ты была курицей, ты бы несла яйца?), бедная женщина едва

сдерживается: «Cet enfant a été *bien mal* élevée!» (Этого ребенка очень плохо воспитали!) Наречие *bien*, самое распространенное значение которого – «хорошо», в данном случае используется в роли интенсификатора и переводится как «очень». Но в конкретной фразе, где оно усиливает наречие *mal* («плохо»), создается абсурдно-комичная ситуация: два соположенных слова противоречат друг другу (оксюморон).

В заключение хотелось бы отметить, что и оживление фразеологизмов (двойная актуализация входящих в них слов), и парадоксальные высказывания, и

игра слов – все это по своей стилистической направленности составляет единое целое с сюжетом рассказов, создает и поддерживает юмористическую доминанту текста, принадлежащего к литературе абсурда. В своих рассказах Клод Буржекс привлекает внимание к неожиданным сочетаниям слов, оживляет стершиеся в лингвистическом сознании выражения, демонстрирует возможности языкового творчества, что к тому же способствует развитию у юных читателей чуткости к лингвистической ткани текста и деавтоматизированному восприятию языка.

Литература

1. Буренина, О. Д. Что такое абсурд, или по следам Мартина Эсслина / О. Д. Буренина // Абсурд и вокруг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/a/Absurd.html>
2. Грузберг, Л. Парадокс / Л. Грузберг // Филолог: научно-метод., культурно-просв. журнал Пермского гос. пед. ун-та. – 2003. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_3_623
3. Bourgeyx, C. Le fil à retordre. 42 histoires extravagantes / C. Bourgeyx. – Paris: Nathan, 2005. – 188 p.

Информация об авторе:

Серова Любовь Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии КемГУ, avores5@mail.ru

Lubov F. Serova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

УДК 81'42: 811.112.2

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА

А. Г. Смирнова

GENDER APPROACH TO STUDYING HUMAN QUALITIES EVALUATION

A. G. Smirnova

В статье исследуется влияние гендера на репрезентацию оценки в немецкоязычных художественных текстах. На основе исследованного материала автор определяет гендерные оценочные стереотипы, типичные для мужчины или женщины.

The paper researches the influence of gender on the representation of evaluation in German fiction texts. Basing on the researched material, the author defines gender evaluation stereotypes, which are typical for men or for women.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерные стереотипы, оценочные стереотипы, оценка

Keywords: gender studies, gender stereotypes, evaluations stereotypes, evaluation.

Исследования, направленные на изучение человека и его деятельности продолжают по-прежнему оставаться в центре внимания ученых. В филологических исследованиях среди прочих продолжают оставаться актуальными гендерные исследования, т. е. исследования, посвященные взаимосвязи языка как способа общения человека и гендерным полом человека. Продолжают исследоваться гендерные стереотипы на различном материале (Мойсова О. Б., 2010; Алиева Б. П., 2012 и др.), гендерный подход применяется для исследования различных видов коммуникации (Якоба И. А., 2012) и разных типов текста (Курикова Н. В., 2012), в современном научном дискурсе по-прежнему актуальны вопросы гендерного восприятия и формирования «женского»/ «мужского» образа (Янковская И. В., 2011; Войченко В. М., 2012 и др.).

Актуальность и интерес исследователей не меркнет, несмотря на то, что история гендерных исследо-

ваний скоро будет отмечать свой полувек юбилей. Гендерные исследования стали интенсивно разрабатываться в конце 1960-х начале 1970 годов в рамках социологии, психологии, истории, этнографии, историографии. Причем первоначально изучение гендера ограничивалось исследованием поведения мужчины/ женщины в разных исторических эпохах и социальных статусах. Позднее гендерные исследования получили свое развитие в филологической науке.

Несмотря на огромное количество работ авторов, работающих в данном направлении лингвистики все гендерные исследования современной лингвистики можно условно разделить на несколько направлений:

– Биологический детерминизм. «Биотерминистическая теория основана на влиянии различий гормональных систем мужчин и женщин на их речевое поведение» [4, с. 51].

– Феминистические исследования (работы Coates, Trömel-Plötz, Гречушникова). Исследователи, работающие в данном направлении, рассматривают феминистические компоненты языка, обосновывают андроцентричность языка, рассматривают язык как отражение общей картины угнетения мужчинами женщин.

– Лингвокультурологические и этнокультурологические исследования (Кирилина, 2000; Бакушева, 1995; Тихомирова, 1997; Антинескул, 2000 и др.).

В рамках этого направления гендер рассматривается как социально детерминирующий фактор, оказывающий влияние на речевое поведение коммуникантов и языковые формы и устойчивые выражения. Данное направление является наиболее актуальным, именно в русле данного направления проводится сегодня наибольшее количество исследований лингвистической гендерологии (Зыкова, 2002; Коллегаева, 2002; Пименова, 2002; Ефремов, 2011 и др.).

Обобщая многочисленные исследования лингвистической гендерологии, сегодня можно констатировать, что в самом общем плане исследования касаются двух групп проблем: это проявление гендерных различий в языке, с одной стороны, и проявление гендерных различий в речевой коммуникации, с другой стороны. Так рассматривается гендерная дифференциация в языке (рассмотрение грамматического рода, способов лексической репрезентации слов определенных тематических групп) и в речи (особенности коммуникации между мужчинами и женщинами).

Традиционно грамматисты отмечают, что «деление всех существительных на слова мужского, женского и среднего рода не имеет последовательности содержательного осмысления. Род существительного имеет реальную семантику в тех случаях, когда им характеризуется названия лиц или (непоследовательно)» [8, с. 466]. Ряд исследователей считает (Кирилина, 1999; Прокудина, 2002 и др.) что грамматическая категория рода не только соотносилась с естественным биологическим полом, а кроме того сочеталась и сочетается до сей поры с понятийной (семантической) категорией рода. «В связи с этим именам мужского рода приписывалась семантика действия, энергии, а именам женского рода – семантика пассивности, слабости» [7, с. 19]. Так, С. Трёмель-Плётц, исследуя родовую принадлежность некоторых групп слов немецкого языка, отмечает, что, например, в немецком языке большинство слов, обозначающих негативные качества человека, имеют форму женского рода [14, с. 44]. З. П. Пименова при исследовании концептов внутреннего мира замечает тяготение слов, выражающих эмоции в русском, немецком, словацком и французском языке к их принадлежности к женскому роду. «При сравнении родовых признаков слов, обозначающих эмоции, выявляется последовательная закономерность приписывания им признака женского рода» [6, с. 132 – 136].

Определение способов выражения гендерных стереотипов в языке находит выражения в работах авторов, исследующих гендерные особенности фразеологии и метафоризации. И. В. Зыкова после исследования фразеологических единиц приходит к выводу, что «концептуальные основания, участвующие в про-

цессе фразеологической номинации имеют гендерно маркированный характер» [3, с. 145]. О. Ю. Шишгина отмечает, что отобранные ею фразеологические единицы английского языка эксплицитно или имплицитно выражают гендерную семантику [11].

Особенности гендерных отношений, проявляющиеся в коммуникации лиц мужского и женского пола, после ряда фундаментальных исследований (Бакушева, 1995; Таннен, 1996; Gray, 1992 и др.) являются практически доказанными.

Для обозначения вербального поведения мужчины и женщины в зарубежной лингвистике часто используется термин «гендерлект» (genderlekt), который понимается как выражение особого гендерного вербального поведения, «гендерно специфичное варьирование языка» [12, с. 38], когда «каждый партнер действует в рамках иной системы и говорит на своем диалекте пола» [9, с. 427]. Отмечается, что «мужской и женский язык использует те же самые слова, но они употребляются мужчинами, женщинами по разному поводу и используются в разных значениях» [12, с. 77].

Многие исследователи (Бакушева, 1995; Горошко, 1996; Таннен, 1996; Coates, 1986; Grassel, 1991; Rojan, 2000) отмечают различие коммуникативных стратегий мужчины и женщины. При этом отмечается, что «многие различия выводятся из асимметричной формы ролевого взаимодействия, так как, несмотря на равенство социальных прав между мужчиной и женщиной, традиционная система дифференциации половых ролей мало изменилась» [1].

В рамках настоящего исследования гендерный подход используется для изучения оценки качеств человека, в зависимости от его гендерной принадлежности на материале немецкого языка.

Исследование оценки качеств человека представляет собой перспективную область исследования современной гуманитарной науки. Качества человека – врожденные или приобретенные привычки, свойства характера, образ жизни и мышления. Качества человека определяют его способности, стремления, моделируют его поведение, в том числе речевое.

Вслед за М. В. Ляпон в данной работе под оценкой понимается «вербализованный (отображенный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики» [5, с. 24].

Оценка является важнейшей частью познавательной деятельности человека. То есть познавательную деятельность человека условно можно разделить на собственно познание (ощущение и восприятие) и оценку (суждения, умозаключение).

Итак, оценка непосредственно связана с познанием окружающего мира, это один из неотъемлемых элементов познавательного процесса. Рассматривая структуру оценки в целом, Е. М. Вольф вслед за рядом специалистов в этой области определяет ее как своего рода модальную рамку, которая «накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» [2, с. 9].

Оценочное явление естественно предполагает ответы на вопросы: кто оценивает, что, как, по какой причине или мотиву и с каких позиций. В данной работе в качестве основной берется классификация структуры оценки Е. М. Вольф [2], так как она наиболее полно и точно описывает компоненты оценочного отношения.

Итак, говоря о структуре оценки, будем выделять следующие ее составные элементы:

– эксплицитный и имплицитный субъект оценки, которым могут являться как лицо (личность с ее вкусами и мировоззрением), так и социум в целом;

– объект оценки (лицо, предмет или событие – некоторый фрагмент мира);

– сам оценочный элемент – оценочное суждение, в котором выражается то или иное отношение субъекта оценки к объекту оценки; а также аспект оценки, указывающий на признаки объекта, по которым он оценивается (в данной работе – качества человека); оценочные критерии и мотивировки, классификаторы, указывающие на аспект оценки, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы (т. е. слова, предполагающие движение по шкале оценок);

– «точка отсчета», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы.

Оценочные стереотипы – это «часть культурно-исторического наследия, создаваемого в процессе практического освоения мира, которыми субъект оценки вооружен как инструментом оценки, входящим в более сложное орудие оценки – аксиологическое суждение как его часть. Этот инструмент вновь и вновь «прилагается» в практике оценочной деятельности, выступая как своего рода весы, на одной чаше которых – груз практически познанного и оцененного, имеющего статус стандартов, эталонов, норм, а на другой – вновь оцениваемое с учетом познанного и воплощенного в указанных статусах... Стереотипом для *спелый* является представление о плоде, достигшем высшей фазы созревания (ср. *переспелый* с пришедшей этому значению отрицательной оценкой как следствием нарушения этого стереотипа, а также зоны нормы, которая охватывает представление и о зрелом и о поспевшем)» [10, с. 40 – 41]. При этом подчеркивается тот факт, что оценочные стереотипы присутствуют в оценочном значении зачастую размыто или в скрытой форме.

Гендерный подход в исследовании оценочных стереотипов позволяет выявить определенные гендерные стереотипы, типичные исключительно для мужчины или для женщины.

На основании многочисленных исследований авторов (Земская, Горошко, Кирилина и др.), работающих в данном направлении лингвистики, а также на основании репрезентативной выборке материала (750 примеров оценки из немецкоязычной художественной литературы) представляется возможным выделить следующие гендерные стереотипы оценки, которые можно условно разделить на два вида стереотипов.

Первый вид касается разной интенсификации оценки, различной степени её интенсификации. Можно выделить следующие особенности данного вида:

– У женщин заметна тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более всего используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы;

Meine Güte, war dieser Mann ein Prachtexemplar (Kürthy, «Mondscheintarif»).

В этом высказывании адресантом является женщина. Героиня с восхищением отзывается об образе мужчины, экспрессия достигается использованием выражения *Meine Güte* и добавлением слова *Pracht* (которое переводится «великолепие, роскошь, блеск») к слову *экземпляр*, тем самым этот экземпляр (мужчина) становится великолепным.

– Для мужчин характерна большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. А к типичным чертам женской речи относят гиперболизированную экспрессивность (жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов) и более частое использование междометий типа ой!;

“Versuch zu kotzen, du dumme Kuh....” (Mertens, «Ich wollte Liebe und lernte hassen»).

Данный пример является прямой речью мужа, который застал свою жену при попытке самоубийства. Помимо негативной оценки и зооморфизма (*du dumme Kuh*), мужчина использует ругательную сниженную лексику (*kotzen*).

– У мужчин – употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций. У женщин же при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления наблюдается высокая степень проявления эмоций;

Jo ist die tollste Frau, die ich kenne (Kürthy, «Mondscheintarif»).

В данном примере героиня с одобрением пишет о душевных качествах своей лучшей подруги. Оценивая характер своей подруги, героиня употребляет превосходную степень сравнения, тем самым усиливая её оценку.

– У женщин – употребление оценочных высказываний (слов и словосочетаний) с дейктическими лексемами вместо называния лица по имени (этот кобель; эти подонки);

Unmöglich der Gedanke, mir von diesem Gott, diesem Adonis, das untrainierte Bauchgewebe abtasten zu lassen (Kürthy, «Mondscheintarif»).

В данном примере адресант – героиня находится на приеме у врача, в которого она влюблена и восхищается его красотой. Героиня оценивая данного мужчину, употребляет указательное местоимение *dieser* (этот), которое в сочетании со словами Бог, Адонис указывает на высшую оценку его внешности.

– У женщин – интенсификация субъективной оценки, у мужчин – объективной, рациональной оценки;

Du rufst ihn an, um ihm zu sagen, was für ein blödes Arschloch er ist... (Kürthy, «Mondscheintarif»).

В данном примере негативная оценка интенсифицируется, используется прилагательное *blöd* (слабо-

умный, глупый, дурацкий и т. п.) как эпитет к ругательному слову *Arschloch*, причем сама оценка не относится к конкретным объективным качествам характера или внешности, но относится в целом к человеку, определяя субъективное отношение женщины к нему.

Man sollte es nicht glauben, du bist ja strohdumm! (Mertens, «Ich wollte Liebe und lernte hassen»).

Во втором примере отец проверяет дневник сына, и осуждает его плохие оценки, тем самым объективно оцениваются его умственные способности (на основании данных дневника).

Второй вид гендерных стереотипов связан с собственно содержательной стороной оценки: по-разному оцениваются разные качества характера. В данном случае можно говорить о следующих особенностях:

– Мужчины оценивают исходя из объективных предпосылок, тогда как женщины почти всегда субъективны, их оценка часто определяется личным отношением к объекту оценивания, его внешностью, а также интуицией.

Aber von einer hirnlosen Kontaktlinsenträgerin gedommt... zu werden.... (Kürthy, «Mondscheintarif»).

No чтобы меня унизила какая-то безмозглая девица в контактных линзах!

Героиня романа без каких-либо объективных предпосылок негативно оценивает умственные способности женщины только лишь на основании её внешности.

– При описании душевных качеств человека в качестве положительных качеств женщин чаще всего оцениваются доброта, приветливость, отзывчивость и другие «социальные способности»; у мужчин же одобряются такие качества как мужество, готовность к риску и жажда приключений, умение активно взяться за работу, стремление к лидерству, самообладание, холодность проявления чувств;

Die mit dem Abortus ist endlich doch gesprächig geworden, nett, unkompliziert, hilfsbereit.... (Wander, «Leben wär' eine prima Alternative»).

Героиня с одобрением отзывается о соседке по палате, в которой она нашла приятную собеседницу, оценке подвергается её разговорчивость, приятный нрав, простота в общении, готовность помочь.

– При описании умственных способностей мужчин негативная оценка встречается реже, чем при описании умственных способностей женщин, что обусловлено стереотипным представлением о мужчине как о человеке с выраженными техническими и организаторскими способностями, рациональным складом ума;

Denn Sascha ist...ausserordentlich klug... (Kürthy, «Mondscheintarif»).

В данном примере женщиной оцениваются умственные способности мужчины (Саши), которого она называет исключительно умным.

– Наиболее часто оценке подвергается внешность женщины, тогда как для оценки мужчины важнее качества характера;

При описании физических качеств женщин положительная оценка внешнего облика (красоты, элегантности) встречается чаще, чем у мужчин, что подчеркивает факт представления о женщине как «воплощении красоты».

Sie [Praktikantin] war hübsch, was von Frau Runke und Frau Schulz nicht behaupten konnte (Mertens, 223).

В данном примере положительно оценивается внешность практикантки, причём она заметно выигрывает в сравнении с другими женщины (г-жой Шульц и г-жой Рунке), что еще более усиливает важность её приятной внешности.

В исследуемом массиве языкового материала заметно, что если мужчины и критикуется женщиной, критике подвергается, как правило, либо его внешность или сам мужчина в целом, гораздо реже его умственные способности.

Вышеописанные примеры демонстрируют проведенное исследование, данные которого репрезентируют представления о мужчине / женщине в немецкоязычном языковом пространстве. Итак, мужчина не обязательно красив, но скорее умен, силен, его оценка, как правило, основана на объективных предпосылках, в негативной оценке он не откажется от «крепкого словца», но его положительная оценка скупа, реже содержит различного рода интенсификаторы. Тогда как женщина должна быть красива, иначе подвергается резкой критике представителями обоих полов, необязательно умна, очень экспрессивна в выражении оценки, использует избыточные языковые средства, чтобы усилить свою оценку, её оценка часто необъективна, но зачастую обусловлена её личным отношением к объекту оценки. В своей оценке женщина порой прибегает к образам, использует зооморфизмы или прецедентные имена. Кроме внешности существенным признаком в оценке женщины являются её социальные качества: приветливость, готовность помочь.

Таким образом, выявленные оценочные гендерные стереотипы, в полной мере демонстрируют и подтверждают гендерное распределение ролей в современном обществе.

Литература

1. Бакушева, Е. М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Бакушева. – М., 1995 – 16 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
3. Зыкова, И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Зыкова. – М., 2002. – 212 с.
4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина – М: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с.
5. Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон, Ю. Н. Караулов, Т. К. Винокур [и др.] // Язык и личность: сборник. – М., 1989.

6. Пименова, З. П. Образ мужчины и женщины в языке и культуре (на примере текстов французской рекламы) / З. П. Пименова, А. Г. Дульянинов // Язык. Человек. Этнос. – Кемерово, 2002.
7. Прокудина, О. Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности (на материале английской диалоговой речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Прокудина. – Кемерово, 2002. – 19 с.
8. Русская грамматика. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.
9. Таннен, Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / Д. Таннен: [пер. с англ.]. – М.: Вече: Персей: АСТ, 1996 – 432 с.
10. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: 1986. – 143 с.
11. Шишигина, О. Ю. Объективация концепта "женщина" в английской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Шишигина. – Барнаул: Б.и., 2003. – 20 с.
12. Gray, J. Männer sind anders. Frauen auch: aus dem Amerikanischen übersetzt von Matthias Schossig / J. Gray. – München: Goldmann Verlag, 1992. – 318 s.
13. Samel, I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft / I. Samel – Berlin: Erich Schmidt, 1995. – 224 s.
14. Trömel-Plötz, S. Frauensprache: Sprache der Veränderung / S. Trömel-Plötz. – Frankfurt-am-M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – 87 s.

Информация об авторе:

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, amica_anna@mail.ru.

Anna G. Smirnova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.111'42

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *EMIGRANT*

Т. В. Старцева

PROSAIC INTENTS AS THE MECHANISMS OF COGNITIVE MODELLING OF THE LINGUOCULTURAL TYPE *EMIGRANT*

T. V. Startseva

В статье рассматриваются виды прозаических интекстов, выступающих в качестве комплексных механизмов когнитивного моделирования лингвокультурного типажа *EMIGRANT*, а также описывается их функциональная специфика, анализируются языковые средства портретирования эмигрантов в современной ирландской литературе.

The article focuses on the types of prosaic intents that form complex mechanisms of cognitive modelling of the linguocultural type *EMIGRANT* and depicts their functional specifics alongside with the linguistic means of portraying emigrants in modern Irish literature.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, интертекстуальность, ирландская литература XX века.

Keywords: linguocultural type, intertextuality, Irish literature of 20th century.

Говоря о роли внутренней интертекстуальности в процессе когнитивного моделирования, мы акцентируем внимание на композиционно-структурных элементах, выполняющих дескриптивную функцию по отношению к объектам повествования. Элементы могут представлять собой как тексты других произведений с маркированным или немаркированным авторством, так и тексты, отличающиеся тем, что референтом такого знака оказывается не пространство «чужого» текста, а фрагмент действительности, предложенный самим автором. Данная схема служит средством создания множественности интерпретаций, за которой скрывается один и тот же автор.

При анализе текстовых включений прозаического характера был выявлен ряд моделей их функционирования, которые включают следующие типы:

- 1) адресант – текстовый элемент – адресат (письма персонажей);
- 2) адресант – текстовый элемент – аудитория (фрагменты автобиографий, мемуаров);
- 3) текстовый элемент – аудитория (фрагменты газетных статей, заголовки).

В своем исследовании, посвященном методологическим основам функционального исследования языковой деятельности, О. В. Лещак предлагает рассматривать процесс речепроизводства как сложную совокупность повторяющихся, взаимно переплетаю-

щихся и взаимно детерминированных нейропсихологических актов сопоставления и соположения невербальных элементов психики-сознания и элементов языковой системы, имеющих целью выразить некоторую коммуникативную интенцию. При этом содержание данного термина включает в себя коммуникативную и экспрессивную функции, поскольку желание самовыражения всегда сопровождается желанием быть понятым, которое в свою очередь основано на желании выразить некоторую мысль [1, с. 501].

Рассматриваемый текст письма одной из героинь романа Джозефа О'Коннора «Звезда моря», по сути, является эквивалентом ее прямой речи. По этой причине такого рода включения функционируют как языковое воплощение индивидуальной картины мира героини-эмигранта в совокупности с ценностными и оценочными компонентами. Их особенностью является персональная направленность, что подразумевает определенный стиль изложения, выбор языковых средств в зависимости от статуса или характеристик личности, к которой адресовано послание.

В приведенном отрывке обозначены мотивационные факторы переезда посредством суждений об Ирландии (в частности графстве Голуэй) и об Америке, куда героиня отправилась.

<...> *it was hard times I had after my husband and child died. it was the workhouse for me until i couldn't thole it no more. i went all the road to Dublin and lost another child on the way. i had to beg in the street for nigh on a year and do what no woman should ever have to do in that place. i am now a nanny and am going to America. i am working as a nanny for the family of Lord and Lady *****. i will never come back to galway again an i live to a hundred. there is no use in galway for a decent woman* [4, p. 271]. <...> *тяжело мне пришлось после смерти моего мужа и ребенка. Работный дом стал моей участью, покуда я не смогла больше выносить ее. я шла по дороге в Дублин и потеряла другого ребенка в пути. почти год мне приходилось попрошайничать на улице и делать то, чего ни одна женщина не должна делать. сейчас я работаю няней и собираюсь ехать в Америку. я работаю няней в семье Лорда и Леди *****. я никогда больше не вернусь в Голуэй, даже если проживу сотню лет. Голуэй не сулит ничего хорошего порядочной женщине.*

Реальность ирландской жизни выражена такими лексемами, как *hard times*, *workhouse*, *to beg in the street*. Самооценка героини-эмигранта представлена в сочетании *decent woman*, в контекстуальном отношении представляющем собой критерий, по которому оцениваются две культуры, две национальные парадигмы – ирландская и американская: *i am now a nanny and am going to America*. <...> *there is no use in galway for a decent woman*. В приведенном отрывке актуализируется такая характеристика эмигранта, как безграмотность. В письме не всегда соблюдается правило заглавных букв, присутствуют грамматические ошибки, что позволяет предположить низкий социальный статус его автора. Экспрессивный подтекст и отрицательная коннотация лексики описания ирландской жизни в послании, адресованном представителю вла-

сти, в том числе отражает реалии конфликта между Англией и Ирландией.

Письма могут содержать целевую установку эмигранта, как нижеприведенный отрывок письма из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта».

<...> *I need not say that you are travelling ground you cannot afford to have any failures. I rely on your determination to make something of yourself* [3, p. 45]. <...> *мне не нужно говорить, что, если ты переед-жаешь, ты не имеешь права на провал. Я полагаюсь на твоё намерение достичь чего-то в жизни.*

В данном контексте эмиграция (*travelling ground*) рассматривается как стимул к успеху. Так, сочетание модального глагола *can* в отрицательной форме с глаголом *afford* выражает запрет на неудачу, провал (*failures*). Установка на успех определяется устойчивым выражением *to make something of yourself*. Ядерными элементами в указанных выше сочетаниях являются глаголы, формирующие определенную модель поведения адресата, в рамках которой становится возможным достижение целей.

Рассмотрим, как выражается эмоциональное состояние эмигранта на примере письма героя романа Джозефа О'Коннора «Звезда моря».

We feel very cut off here in the middle of the great ocean, I may tell you. Wars and revolutions could have happened back home and we should not know the first thing about them [4, p. 108]. Должен сказать тебе, что мы чувствуем себя совершенно отрезанными от мира посреди этого огромного океана. Дома могут идти войны и совершаться революции, а мы ничего не будем знать о них.

Состояние эмиграции в приведенном отрывке из письма вербализуется как *cut off* (отрезанный). В данном случае речь идет о процессе переезда, который связывается не только с пространственной, но и с информационной оторванностью человека от привычного мира.

Письмо может содержать оценку эмигрантом своего окружения.

Speaking of bores, you can't imagine how many of that species are roaming about First Class: rather like wildbeest wandering the backstreets of Timbaktu, only twice as ugly and thrice as forlorn [4, p. 116]. Кстати о занудах, ты даже не можешь представить, сколько таких образчиков слоняется в Первом Класе: они подобны антилопам гну, блуждающим на задворках Тимбукту, только вдвойне уродливей и втройне несчастней.

В примере по отношению к эмигрантам используются зооморфные сравнения. Так, социальная общность, которую представляют эмигранты, именуется лексемой *species* (вид, род), относящейся к биологическим терминам. А сами люди сравниваются с животными: *wildbeest* (антилопа гну). Лексика оценочного характера носит негативный оттенок: *ugly* (уродливый), *forlorn* (несчастный, одинокий). Выражая в письме оценочные суждения сложившейся ситуации, его автор получает возможность избрать наиболее удобную коммуникативную модель поведения, не обусловленную правилами общения своего окружения, поскольку адресат не является его частью.

Письмо способно соотноситься с тайной стороной жизни персонажа-эмигранта.

My secret plan is to become involved in the building of five houses of the style now becoming fashionable among the nouveau riche of New York [4, p. 111]. Мой секретный план – включиться в строительство пяти домов в стиле, который становится модным в среде нуворишей Нью-Йорка.

Гипотетические действия персонажа-эмигранта в новой стране лексически выражены сочетанием *secret plan*. В содержательном аспекте сочетание является обобщающей единицей языка для слов, номинирующих целевые установки (*become involved in the building*). Сема «тайна» оказывается при этом одним из ключевых элементов. Поскольку в целом письмо представляет собой конфиденциальное сообщение, предназначенное конкретному адресату и не доступное остальному окружению, то его содержание, объективированное в языке, оказывается одной из форм реализации исследуемого типажа, позволяющей рассмотреть его скрытые параметры.

Письмо отражает взгляды и мировоззренческую позицию своего автора, его ценностные категории:

I have also bought sketches and copies of the plans of several other larger Irish houses – Powerscourt, Roxborough, Kilruddery, [illegible] and many more – and hope that soon many Kingscourts an Powerscourts may be adornment to that new city and its environs. I am completely convinced that I will not fail.

I know some say the fashion at New York in the coming decades will be to build upwards into the clouds, but having studied the whole matter at considerable length I am absolutely certain that this is fanciful nonsense. If there is one thing they have in America, it is land. Nor are they attached to it in the ridiculously sentimental old way we are in Ireland. They will always build outward and never up [4, p. 112].

Я также приобрел наброски и копии планов нескольких других крупных ирландских домов – Пауэрскорт, Роксборо, Килраддерри, [нечитаемо] и многих других – и я надеюсь, что вскоре множество Кингсскортов или Пауэрскортов будут украшать этот новый город и прилегающие к нему районы. Я абсолютно уверен, что не проиграю.

Я знаю, что некоторые говорят, будто в ближайшее десятилетие Нью-Йорк будет расти вверх, к облакам, но, изучив ситуацию за продолжительное время, я пришел к выводу, что это все полная ерунда. Если у них в Америке и есть что-то, так это – земля. И они не связаны с ней теми сентиментальными чувствами, как у нас в Ирландии. Они всегда будут строить вширь, а не ввысь.

В приведенном отрывке письма персонажа-эмигранта демонстрируется позиция приехавшего человека по отношению к новому городу и новой стране. Входя в чуждую социокультурную среду, человек рассматривает ее сквозь призму привычных ориентиров. Так, рассуждая об архитектуре Нью-Йорка, эмигрант видит в нем возможность продолжить архитектурную традицию Ирландии, лексически объективирующуюся в топографических наименованиях земельных владений ирландской аристократии и соответ-

ственно одноименных архитектурных сооружений – домов знати (*Powerscourt, Roxborough, Kilruddery*). Для эмигранта они становятся эталонами, способными не только расширить границы города, но и украсить его собой: *soon many Kingscourts an Powerscourts may be adornment to that new city*. Следует отметить, что имена-номинанты ирландских поместий стоят во множественном числе, когда речь идет о строительстве их аналогов в США. Это свидетельствует о желании автора письма заполнить гипотетическое пространство нового мира реалиями привычной для него жизни. Оценка действительности происходит также в соответствии с критериями его родной культуры. Главным аксиологическим компонентом является земля (*land*). С позиции данного критерия происходит как самоидентификация эмигранта, так и оценка им нового мира. Америка ценна для него тем, что богата земельными ресурсами (*one thing they have in America, it is land*). И в этой связи персонаж-эмигрант определяет себя и своих соотечественников как *attached to it [land]* (привязанный к земле). Связь с землей наделяется антропоморфными свойствами – отнесенностью к эмоциональной сфере жизни человека и старым традициям. Лексически данные признаки выражены при помощи следующих единиц: *ridiculously sentimental old way*. Однако в контексте взаимодействия культур это качество ирландца противопоставлено сущности жителя США. Привязанность к земле не характеризует американцев. Этот аспект в понимании ирландца соотнесен с архитектурными тенденциями Нью-Йорка – строительством небоскребов (*to build upwards into the clouds*). Но в то же время такие устремления не находят понимания у эмигранта из Ирландии, для которого остается чуждым и сомнительным принцип вертикального расширения города при наличии достаточного количества свободной земли.

В отличие от писем, мемуары и автобиографии представляют собой осознанное и субъективное изложение человеком событий собственной жизни и описания себя как личности и не предполагают наличие конкретного адресата. Как текстовые включения, они предназначаются и для читателя, и для других героев сюжетной линии произведения, в полной мере отражая высказывание Умберто Эко о тексте-в-тексте как ловком манипулировании-игре.

Некоторые особенности структурирования когнитивной единицы с учетом категории интертекстуальности были предложены А. А. Павловой в исследовании концептосферы внутрисемейных родословных. В частности, автор не считает целесообразным «отождествлять в тексте автора-повествователя («автора сейчас») и автора-персонажа («автора тогда»), так как многие взгляды «автора сейчас», отношение его к определенным событиям, его чувства со временем могли существенно измениться» [2, с. 39]. Но, в отличие от внутрисемейных родословных, автобиографические тексты представляют собой изложение событий прошлого и осмысление себя самого как участника этих событий, предназначенное для широкой аудитории, не ограниченной членами одной семьи. Следует особо подчеркнуть тот факт, что и функцией такого

рода текстовых включений будет являться не только донесение информации, но и формирование у читателей определенных представлений о действительности конкретной эпохи и принадлежащих ей действующих лицах. По этой причине в рамках данного исследования уместно будет говорить об автобиографических текстовых включениях как о моделировании персонажем-эмигрантом собственной личности.

Примеры автобиографии персонажа-эмигранта взяты из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта». Приведем фрагмент, иллюстрирующий воспоминания одного из героев романа.

Like all the Irish, they were well educated and had a deep love of learning. Although English was their main language, they could also read and write in Gaelic. They were unusual in this, as most of the Irish spoke a mixture of English and Gaelic, but couldn't read or write their native tongue. This was not the fault of the British, or the Tallystick, but of the Irish themselves, who wanted their children properly equipped for life. For we were bred for two things: eviction or emigration. <...> In 1869, when I was six years of age, my father was dismissed from his school and my parents decided to test their fortune in the United States. I remember silence and grief, but do not recall if the neighbours gathered for an American wake. This was the custom, as an emigrant left then left forever [3, p. 233 – 234]. Как и все ирландцы, они были хорошо образованы и имели глубокую любовь к познанию. Хотя английский был их основным языком, они могли читать и писать на гэльском. Это было необычно, потому что большинство ирландцев говорили на смеси английского и гэльского, но не могли читать или писать на своем родном языке. Так было не по вине британцев или письменных источников, но по вине самих ирландцев, желающих, чтобы их дети были хорошо подготовлены к жизни. Ибо нас ожидало два исхода: выселение или эмиграция. <...> В 1869 году, когда мне было шесть лет, моего отца уволили из школы и мои родители решили попытаться судьбу в Соединенных Штатах. Я помню молчание и печаль, но не помню, собирались ли соседи на проводы. Это было традицией, если эмигрант уезжал, то уезжал навсегда.

В приведенном отрывке такая характеристика, как владение языком, становится основным мерилем готовности человека к жизни и показателем уровня национального сознания. Хотя образованность и указывается как общенациональная черта (*Like all the Irish, they were well educated*), знание родного языка являлось скорее исключением, чем правилом, поскольку действительность для ирландцев заключалась в двух ипостасях – выселении и эмиграции (*eviction or emigration*) – и подразумевала использование английского языка, а не ирландского. Так как мы имеем дело с текстовым отрывком из мемуаров героя-эмигранта, можно утверждать, что сам он является представителем точки зрения внутреннего наблюдателя. В этом контексте любопытным фактом оказывается позиция повествователя относительно языковой ситуации в Ирландии: падение статуса гэльского языка не вменяется в вину англичанам, напротив, ирландцы сами несут ответственность за то, что язык как часть культу-

ры и самосознания народа в ситуации эмиграции теряет свою значимость. Таким образом, в приведенном отрывке языковое воплощение нашли следующие характеристики ирландского эмигранта как типажа: образованность (*well educated*), незнание родного языка (*most of the Irish spoke a mixture of English and Gaelic, but couldn't read or write their native tongue*).

В отрывке встречается культурная реалия, обнаруживающая, на наш взгляд, необычное языковое воплощение – *American wake*. Слово *wake* по данным словаря имеет значение, присущее ирландскому диалекту: поминки перед погребением, проведение ночи у гроба усопшего. Наиболее релевантным переводом словосочетания *American wake* на русский язык будет вариант «проводы», но семантика компонентов, тем не менее, содержит ярко выраженную отрицательную оценку сущности явления. Уподобление эмигранта усопшему человеку закрепляется, помимо этого, в данной языковой форме: *as an emigrant left then left forever*.

Мемуары представляют собой отсылку к прошедшим событиям, но оценка и осмысление произошедшего осуществляются позднее, в момент их описания.

We took a Cunard Steamer from Cove, then called Queenstown, boarding with lonely young men and women and whole families, leaving for a new world. <...> We all went: O'Regans, O'Reillys, Quirkies, Quilligans and Quinns – often to a fate worse than that which we left [3, p. 234]. Мы отправились из Коув, позже переименованный в Квинстаун, на пароходе компании Кунард, который был заполнен одинокими юношами и девушками, целыми семьями, отправляющимися в новый мир. <...> Мы все уезжали: О'Риганы, О'Рилли, Кворки, Квиллиганы и Квинны – и часто случалось, что там нас ожидал худший удел, чем тот, который мы имели.

В приведенном отрывке обозначено, что эмиграция касалась не только отдельных людей, но и целых семейств. В языковом плане исследуемый типаж объективируется посредством гендерного (*men and women*) и возрастного (*young*) параметров. Социальный аспект обозначен в том, носит ли эмиграция индивидуальный (*lonely*) или групповой характер (*whole families*). Оценочный компонент реализуется посредством оппозиции, в рамках которой сталкиваются идеалистические и мотивирующие представления об эмиграции как о способе обретения лучшей жизни, лексически выраженные сочетанием *new world*, и представления, основанные на реальных событиях из жизни эмигрантов, затрагивающих и автора мемуаров (*fate worse than that which we left*).

Одним из главных факторов оказывается характер эмиграции – вынужденный или добровольный.

O'Neills were not the hungry Irish and travelled with two servants, leaving behind a slate-roofed house. Yet the memory of the Famine had cut deeply into the souls of my father and mother. They talked of what they had seen to the end of their days: whole families barricading themselves in their cottage to await death; children dying by the side of the road; a nation mortally wounded. All of their generation had a deep hatred for the English [3,

р. 234]. О'Ниллы не были голодающими ирландцами и путешествовали с двумя слугами, оставив позади дом, крытый шифером. Хотя воспоминания о Голоде запали глубоко в души моих родителей. Они вспоминали об увиденном до конца своих дней: целые семьи, баррикадирующиеся в домах в ожидании смерти, дети, умирающие на обочине дороги, смертельно раненая нация. Все их поколение глубоко ненавидело англичан.

Для самосознания эмигранта важно то, что эмиграция была осознанным выбором его семьи. Значимость свободы выбора актуализируется в противопоставлении семьи персонажа-эмигранта вынужденным эмигрантам, именуемым *the hungry Irish*. Основой такого выбора является лучшее, по сравнению с другими, материальное положение семьи – наличие слуг (*servants*), хорошего дома (*slate-roofed house*) на фоне экономического краха страны, так называемого Голода (*Famine*). В то время как сам ирландский народ наделяется характеристикой *mortally wounded*. А общенациональной чертой становится ненависть к англичанам (*deep hatred for the English*).

Описывая переезд в США, участник событий акцентирует внимание на том, что результатом этого события явилось разрушение традиционных представлений об Америке.

There was no Lady Liberty to greet us, only grim-faced doctors who made us walk the plank of inspection with our tattered brethren as they searched for the tell-tale signs of consumption which is the curse of our race [3, p. 234]. Нас не приветствовала Леди Свобода, только угрюмые врачи, заставившие нас пройти процедуру осмотра с нашими оборванными братьями, выискивая признаки чахотки, которая является проклятием нашей расы.

Миф о свободе, подпитывающий умы ирландцев, лишенных ее на родине, разрушается. Автор намеренно играет языковыми средствами в приведенном отрывке жизнеописания героя-эмигранта. Его персонаж низводит возвышенную цель – свободу, персонафицированную в образе женщины (*Lady Liberty*), до жестокой реальности, где Леди Свобода предстает в виде врачей (*grim-faced doctors*), которые ограничивают поток эмигрантов. Болезнь выступает в качестве одного из типичных атрибутов, присущих эмигрантам. При этом подчеркивается национальная специфика подобной подверженности определенной болезни: *consumption which is the curse of our race*. По отношению к эмигрантам используется слово *brethren* (братья), относящееся к лексике возвышенного, поэтического стиля. В семантическом плане такая номинация свидетельствует о высокой сплоченности общности, при которой национальный параметр приравнивается к параметру родственности. Но в то же время сочетание данной языковой единицы с прилагательным *tattered* (оборванный) сводит высокий стиль к минимуму, раскрывая ироническую точку зрения автора мемуаров на произошедшие события.

Мемуары представляют собой не только осмысление событий, но и осмысление автором себя как их участника:

Our servants left and we were now poor immigrants, reduced to sharing a house with three other families. From being "The Master" in the old world, my father now found his skills useless, so succumbed to drink and despair <...> We were no longer "the Master's children," but "the scrubwoman's children". <...> Life was hard. Along with the Jews, we Irish were considered as vermin [3, p. 235]. Наши слуги ушли, и теперь мы были бедными иммигрантами, вынужденными делить дом с тремя другими семьями. Если в старом мире мой отец был «Хозяином», то теперь его умения были бесполезны и он пал жертвой пьянства и отчаяния. <...> Мы больше не были «детьми Хозяина», но были «детьми уборщицы». <...> Жизнь была тяжелой. Наравне с евреями ирландцы считались сорбодом.

В примере актуализируется значимость для эмигранта его социального и национального статуса. Изначально высокий социальный статус человека на родине выражен в лексемах *Master*, *Master's children* (хозяин, дети хозяина), однако в другой стране этот статус теряется и эмигрант характеризует себя и свою семью как бедных людей. Выступая одним из основных признаков типажа *EMIGRANT*, бедность объективируется посредством лексем, относящихся к сфере профессиональной жизни человека: наименований непрестижных профессий (*scrubwoman*), невостребованности человека в сфере его деятельности (*his skills useless*); лексем, значение которых включает оттенок виктимности: *poor immigrants*, *succumbed*, *reduced to sharing a house*. Национальная принадлежность является одним из факторов, по которому общество оценивает нового человека. Эмигрант-автор мемуаров подчеркивает отрицательное отношение американцев к ирландцам и евреям: *vermin*.

Дифференциация по национальному признаку сокращала возможности преуспеть в новой стране.

Everywhere you saw the sign: NO IRISH NEED APPLY. But my mother was undaunted by this, telling me that the same words would be written on the gates of Hell [3, p. 235]. Везде были вывески: ИРЛАНДЦАМ ПРОСЬБА НЕ ОБРАЩАТЬСЯ. Но моя мать не страшилась этого, говоря, что те же самые слова будут написаны на вратах ада.

Пример демонстрирует невостребованность ирландцев в профессиональной сфере, основанную на национальной предвзятости. В то же время реакция эмигрантов на такое отношение выявляет один из существенных аспектов носителей ирландской культуры – религиозность. Переосмысление ситуации с христианской позиции делает социальную уязвимость ирландцев залогом божественной награды в загробной жизни, поскольку оценочный компонент фразы «*NO IRISH NEED APPLY*» меняет свой полюс с отрицательного на положительный при переносе из социального контекста в контекст духовный.

Эмиграция в Ирландии была связана не только с социальными и экономическими проблемами. Политические причины, имевшие не меньшее влияние на этот процесс, коренятся в самой истории страны. Борьба за независимость, неоднократные восстания против Британской короны связали жизнь ирландцев

с политикой. Эмигрировавшие в США люди участвовали в политической жизни своей новой страны, видя в этом способ достижения успеха.

The Democratic Party was the party of the poor, and for the Irish the only way up [3, p. 236]. Демократическая партия была партией бедняков и единственной возможностью для ирландца сделать карьеру.

Национальный идентификатор *the Irish* соотносится с социальным идентификатором *the poor*. Исходя из контекста, мы можем утверждать, что одной из характерных черт была ограниченность ирландских эмигрантов в выборе политической партии за счет их собственного низкого материального статуса.

Одной из типических характеристик является заинтересованность ирландского эмигранта в политической жизни его родной страны.

Through the years, I had always kept in touch with the tragic politics of my native land and returned there in 1910 to speak at Wolfe Tone's grave [3, p. 236]. В течение всех лет я всегда оставался в курсе трагичной политической ситуации в моей родной стране и вернулся туда в 1910, чтобы произнести речь на могиле Вулфа Тоуна.

Лексически связь эмигранта с родиной объективируется в виде устойчивого сочетания *to keep in touch* (быть в курсе), а также выводится из контекста описания эмигрантом возвращения в Ирландию, связанного с событиями историко-политического характера. В тексте функционирует прецедентное имя *Wolfe Tone*, значимое для ирландского народа тем, что с ним ассоциируется начало освободительного движения и революционной деятельности в Ирландии. Живя в США, эмигрант, тем не менее, опирается на политические ориентиры своей родины.

Применительно к исследованиям лингвокультурного типажа мы можем отметить, что текстовые вставки в виде отрывков газетных статей, используемые автором для формирования представлений об эмигранте, создают своеобразную проекцию источника дополнительной информации, который автор использует для создания многообразия точек зрения на персонажа-эмигранта в тексте художественного произведения.

В отличие от предыдущих видов внутритекстовых включений, фрагменты и заголовки газетных статей не являются эквивалентами речи героя-эмигранта, стоящего за текстом. Эмигрант оказывается объектом описания, а не субъектом действия. При этом дескриптивные средства могут варьироваться в зависимости от культуры, к которой относится текст. Рассматриваемые ниже фрагменты газетных статей и заголовков взяты из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта».

Приведенный отрывок – вырезка из американской газеты.

He grew up in Brooklyn and later went to Yale University where he studied law. After practising in Connecticut for a time he came to New York and as cousin of "Big Tim" Sullivan took an active part in Tammany Hall politics. He was counsel for "Bald Jack" Rose, the informer against Police Captain Charles Becker in the trial for murder of Herman Rosenthal, the gambler

[3, p. 57]. Он вырос в Бруклине и затем изучал право в Йельском университете. После практики в Коннектикуте он приехал в Нью-Йорк и как кузен «Большого Тима» Салливана принял активное участие в политической деятельности Тамани-холл. Он был адвокатом «Лысого Джека» Роуза, информатора против капитана полиции Чарльза Беккера в судебном деле об убийстве Германа Розенталя, картежника.

Пример представляет собой портрет эмигранта, сделавшего карьеру в политике (*took an active part in Tammany Hall politics*), замешанного в громком судебном деле (*He was counsel for "Bald Jack" Rose*). В тексте примера подчеркиваются, тем не менее, ценности связей членов диаспоры и семьи эмигрантов посредством ссылки на более авторитетное и значимое лицо, достигшее подобного же успеха (*as cousin of "Big Tim" Sullivan*).

Формируя положительный образ персонажа-эмигранта на фоне политических событий, пресса может представлять его как спасителя в кризисной ситуации.

HURRIES TO SANTO DOMINGO

Minister Quilligan O'Neill Hopes to Avert Prolonged Hostilities.

Washington Sept 8 – As a result of a long conference with Secretary Bryan to-day, Marcus Quilligan O'Neill of New York, the new Minister to the Dominican Republic will hurry to Santo Domingo to do what he can toward bringing the revolutionary outbreak to an end [3, p. 47].

СРОЧНЫЙ ОТЪЕЗД В САНТО ДОМИНГО

Министр Квиллиган О'Нилл надеется

предотвратить затянувшиеся военные действия

Вашингтон, 8 сентября. Сегодня в результате длительного совещания с Секретарем Брайаном Маркус Квиллиган О'Нилл от штата Нью-Йорк, новый посол в Доминиканской Республике, в срочном порядке отправится в Санто Доминго, чтобы содействовать урегулированию революционного восстания.

Заголовок и текст статьи концентрируется на лексике описания действий персонажа, представляющего исследуемый типаж. Посредством лексем *hurries* (спешка), *to hurry* (спешить) объективируется такая характеристика, как динамичность. Положительные характеристики дополняет свойство результативности, выраженное следующими языковыми средствами: *to avert* (предотвратить), *to bring to an end* (положить конец).

Эмигрант, добившийся успеха в политике, может быть описан в прессе как влиятельный человек.

<...> It is understood that Minister Quilligan O'Neill will throw the influence of the United States to the support of the President, who was elected last Spring by one of the fairest general elections ever held in the republic [Callaghan, 1996, p. 247]. *<...> Предполагается, что Министр Квиллиган О'Нилл использует все влияние Соединенных Штатов для поддержки Президента, избранного прошлой весной путем самого честного всеобщего голосования, когда-либо проходившего в республике.*

В приведенном примере демонстрируется наивысшая степень ассимиляции эмигранта в новой стране – способность влиять на ее судьбу. Эту специ-

фическую черту воплощает сочетание *influence of the United States*, выполняющее функцию объекта, на который направлено действие, выраженное глаголом *throw* (бросать). То есть лексико-семантический план реализации позволяет нам предположить, что успех эмигранта в новой стране (в данном случае – в политической сфере) предоставлял возможность оперировать ее ресурсами и в полной мере представлять ее интересы.

Типаж *EMIGRANT* объективируется также в заголовках газет, функционирующих в тексте художественного произведения как интекст.

MINISTER O'NEILL DEMANDS FULL INQUIRY [3, p. 48]. *Министр О'Нилл требует полного дознания.*

Семантическая сторона глагола *demand* (требовать) соотносится с активной позицией субъекта действия, согласно которой он может влиять на ситуацию, а не подчиняться обстоятельствам.

Заголовок статьи может выражать одобрение:

QUILLIGAN O'NEILL OK'D BY BALD JACK ROSE [3, p. 48]. *(Квиллиган О'Нилл одобрен Лысым Джеком Роузом).*

В приведенном примере используется слово *OK*, относящееся к слою разговорной лексики. Это слово выполняет функцию глагола, выражающего одобрение, и стоит в форме прошедшего времени, что подчеркивает семантическую завершенность действия. Обращение к данной лексеме позволяет сблизить сферу политики и непосредственно политических деятелей с читательской аудиторией, многие из которой употребляют такую форму выражения одобрения в своей повседневной речи. Подобная формулировка в значительной степени импонирует читателю и создает нужные представления об объекте описания с большей эффективностью.

Пресса может быть не только средством создания положительного имиджа, но и орудием его разрушения.

The whitness denied knowledge of an alleged prize fight where Quilligan O'Neill was said to have decamped with the gate receipts. A letter was read into the record. In it Mr Quilligan O'Neill denied he had gone into the promotion of one boxing match with the idea of raising funds to go to law school [3, p. 48]. *Свидетель отрицал, что знал о предполагаемом призовом бое, когда Квиллиган О'Нилл сбежал с выручкой от проданных билетов. Было зачитано письмо. В нем Мистер Квиллиган О'Нилл отрицал, что участвовал в организации одного матча по боксу с целью присвоения денег для обучения юриспруденции.*

Использование лексического отрицания в виде глагола *deny* (отрицать) не выполняет свою прагматическую задачу – опровержение порицаемых общественными деяниями, соотносимых с персонажем, представляющим типаж *EMIGRANT*. Формально предложение остается утвердительным, что относит позицию человека, обвиняемого в финансовых махинациях и отрицающего обвинения, на второй план, а на первый выдвигает его предполагаемые преступления, объективируемые следующими языковыми средствами: *decamped with the gate receipts; raising funds*.

Газетные заметки могут затрагивать поведенческие особенности человека, выделяющие его на фоне традиционных правил общества.

QUILLIGAN O'NEILL NOT A DRESSY DIPLOMAT

... M Pemberton Parks said that he didn't consider Mr Quilligan O'Neill as an ideal diplomat, not on account of any lack of mental fitness but because he was careless in his personal appearance. "He used to sit about his home in a negligee shirt and suspenders," said Mr Parks, "with trousers larger than the New York tailors would advise one to wear." "How are the Dominicans clad?" asked Mr Farrell. "The officials wear silk hats and Prince Albert coats on the hottest day. They look as well as you and I." As to the story that Mr Quilligan O'Neill received other diplomats in his undershirt, Mr Parks expressed some doubt, but added, "That's a hot country down there, and most people wear as little as they can" [3, p. 49].

КВИЛЛИГАН О'НИЛЛ – НЕМОДНЫЙ ДИПЛОМАТ

... Мистер Пембертон Паркс заявил, что не считает Мистера Квиллигана О'Нилла идеальным дипломатом, не по причине интеллектуального несоответствия, а потому, что он не следит за своей внешностью. «Он имел обыкновение ходить по дому в нижнем белье и подтяжках, – сказал Мистер Паркс, – в брюках более широких, чем советуют носить портные Нью-Йорка». «Как одеваются доминиканцы?» – спросил Мистер Фаррелл. «Официальные лица в самый жаркий день носят шелковые шляпы и пиджаки в стиле Принца Альберта. Они выглядят так же хорошо, как мы с вами». Что касается истории, будто Мистер Квиллиган О'Нилл принимал других дипломатов в нижней рубашке, то Мистер Паркс выразил сомнения на этот счет, но добавил: «Это жаркая страна и большинство людей стараются надевать как можно меньше одежды».

В примере демонстрируется несоответствие внешнего облика героя, представляющего типаж *EMIGRANT*, с шаблоном, принятым в обществе для человека определенного рода деятельности, – *ideal diplomat* (идеальный дипломат). Данному шаблону соответствует ряд характеристик, формирующих представления о дресс-коде: *silk hats, Prince Albert coats*. Положительная оценка такого внешнего вида сопровождается включенностью интервьюируемого и журналиста в число людей, соответствующих принятым стандартам: *look as well as you and I*. Несоответствие традиционному дресс-коду культурно маркировано: *trousers larger than the New York tailors would advise one to wear*. А наименование *ideal diplomat* коррелирует с сочетанием *not a dressy diplomat*, вынесенным в заголовок статьи. Поведение человека оценивается с точки зрения стандарта, принятого в США, несмотря на то, что речь идет о другой стране. Модель эксцентричного поведения включает в себя неприемлемый для общества внешний облик, который описывается соответствующей тематической лексикой: *negligee shirt and suspenders, undershirt*. В целом в приведенном примере механизм создания представлений о человеке основан на столкновении канониче-

ских принципов выбора одежды и индивидуальных принципов, получивших отрицательную оценку.

В заключение отметим, что прозаические включения в рассмотренных произведениях раскрывают эмигрантскую тематику в отрывках из писем, автобиографий эмигрантов, фрагментах газетных статей об эмигрантах. В первых двух случаях текстовые

включения выступают как эквиваленты прямой речи персонажей-эмигрантов, обуславливая процесс моделирования таким персонажем ситуации эмиграции и своей собственной личности. Во фрагментах газетных статей эмигрант оказывается объектом описания и общественной оценки.

Литература

1. Лещак, О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / О. В. Лещак. – Тернополь, 1997. – 528 с.
2. Павлова, А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Павлова. – Белгород, 2004. – 211 с.
3. Callaghan, M. R. Emigrant Dreams / M. R. Callaghan. – Poolbeg Press Ltd., 1996. – 298 p.
4. O'Connor, J. Star of the Sea / J. O'Connor. – Harcourt, Inc., 2004. – 432 p.

Информация об авторе:

Старцева Татьяна Валерьевна – ассистент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-923-490-9168, ultimarioregis@mail.ru.

Tatiana V. Startseva – Assistant Lecturer at the Department of English philology № 2, Kemerovo State University.

УДК 811.111

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ГИПЕРТЕКСТА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ

А. М. Тупилова

THE STRUCTURE OF GERMAN INTERNET ADVERTISING HYPERTEXTS FOR CHILDREN

A. M. Tupikova

В статье освещены вопросы терминологического разнообразия при описании структуры и содержания гипертекстов, а также выявлены структурные и содержательные особенности гипертекстов немецкоязычной рекламы товаров для детей в сети Интернет. Гипертекст состоит из узлов, важнейшим из которых является исходный узел. Чаще всего исходным узлом гипертекста является анимированный баннер, который может иметь «сюжет». Сюжетные баннеры имеют наибольший воздействующий потенциал.

Terminological diversity of hypertext theory and the structure of German Internet advertising hypertexts are viewed and analyzed in the paper. The most important node in a hypertext structure is the entering node. In most cases the entering node appears as an animated banner. This animated banner can have the “plot” which increases the effectiveness of advertisement influence.

Ключевые слова: гипертекст, узел, мультимодальный текст, Интернет-реклама.

Keywords: hypertext, node, verbally and graphically mixed texts, Internet advertising.

Всемирная паутина или WWW состоит не из привычных линейных текстов, а из текстов, связанных между собой нелинейно, т. н. гипертекстов. Идея гипертекста впервые обозначена в работах В. Буша и получила свое развитие у Д. Энгельбарта, Т. Нельсона, Т. Бернерс-Ли. Термин «гипертекст», под которым понималось «нелинейное письмо», был введен социологом Тедом Нельсоном в 1965 году в результате работы над проектом Ксанаду. С целью освободить автора от необходимости жестко регулировать последовательность восприятия единиц информации при чтении текста предполагалось соединение частей электронного документа гиперссылками (гиперссылками). Таким образом, автор создает из общего континуума информации маленькие текстовые единицы и соединяет их ссылками, при этом последовательность

презентации текстовых единиц при чтении определяется читателем. Различное комбинирование текстовых единиц приводит каждый раз к созданию уникального текста [26].

Создание гипертекстовой системы сопровождалось философской разработкой понятия и принципов организации гипертекста. В. Буш предлагал фиксировать данные по ассоциативному принципу, то есть взять за основу процессы, осуществляемые над информацией человеческим мозгом. Д. Энгельбарт, анализируя отношения людей и программ, рассматривает их как некое гетерогенное сообщество, в котором, как в своеобразной цифровой экосистеме, совместно эволюционируют все вовлеченные в эту систему агенты. Так человек меняет гипертекстовую систему, а гипертекстовая система влияет на мышление человека, воз-

никают новые привычки, человек осваивает новые методы деятельности. Тед Нельсон рассматривал гипертекст как мультиагентное сообщество, внутри которого возникают сложные неиерархические отношения между агентами. Тим Бернерс-Ли воспринимал Всемирную паутину как электронную инфраструктуру семиосферы [21; 24; 26]. Таким образом, создатели электронного гипертекста видели в нем организованную в соответствии с принципами работы человеческого мозга мультиагентную дискретную эволюционирующую при взаимодействии с человеком семиотическую систему.

Возрастающая роль гипертекста в современных информационных и коммуникационных процессах и возможно ключевая роль в конструировании уклада жизни человека будущего делает гипертекст объектом исследования ученых. Гипертекст в немецкоязычной научной литературе исследовался Б. Ансель Сутер, Х. Гердес, О. Хубером, Х. Иденсен, А. Шторрер, Д. Унцем и др. Обзоры работ по теме можно найти у Й. Ауэра и Б. Сутер, О. Хубера [22; 25; 26; 27; 29; 32]. Немецкие ученые разрабатывают проблему гипертекста в рамках компьютерного подхода, с позиции психологии обучения и лингвистики. Из немецкоязычных авторов отметим работу, исследующую гипертекст как область информатики Р. Кулена, в работе рассматриваются также вопросы когерентности частей текста гипертекстовой системе [28]. Гипертекст как объект психологии, когнитивной науки и педагогики рассматривается в работах В. Ansel Suter [22], Н. Gerdес [25] (вопрос о когнитивной сверхценности гипертекста). Контрастивное исследование печатного текста и гипертекста с точки зрения поиска информации и навигации по тексту находим у Унца [32]. Теория гипертекста также разрабатывается в исследованиях, посвященных языкам HTML и XML. В рамках лингвистики над теорией гипертекста работают О. Хубер, Х. Бухер, Х. Кордес и Н. Штрайц, С. Фрайслер.

Подробные обзоры русскоязычной литературы по гипертексту разных лет можно найти у А. А. Атабековой, Ю. С. Воронниковой, И. А. Ильиной, Е. С. Ключковой [1; 4; 7; 9]. Здесь отметим лишь работы последних лет А. А. Атабековой, Н. В. Беляевой, О. В. Дедовой, И. А. Ильиной, Е. С. Ключковой, О. А. Левоненко, Н. С. Ларионовой, А. С. Махова, В. В. Негуторова, П. И. Сергиенко, С. А. Стройкова. В этих работах, посвященных разным аспектам функционирования гипертекстов, освещаются общие вопросы теории гипертекста (В. В. Негуторов, Н. С. Ларионова), влияние структуры и формы предъявления гипертекста на усвоение информации (Н. В. Беляева), языковые особенности гипертекстов (А. А. Атабекова) [1], особенности реализации категории связности и диалогичности в гипертексте (Е. С. Ключкова) [9], особенности конструирования языковой личности в электронном гипертексте (О. А. Левоненко) [11], особенности гипертекста как семиотической системы (О. В. Дедова) [6]. Жанровое своеобразие гипертекстов освещалось в работах Н. Ф. Ковалевой (комментарий к тексту), А. С. Махова (художественный текст) [12], С. А. Стройкова (лексикографический текст) [18]. Гипертекст медиа исследован в работе И. А. Ильиной в аспекте поликодовости и гипермеди-

альности, сравнительное исследование гипертекстов различной прагматической направленности предпринято П. И. Сергиенко [16].

Не смотря на большое количество работ, исследователи говорят о недостаточной разработанности теории гипертекста. Поскольку теория гипертекста находится в стадии становления, ее терминологический аппарат еще не устоялся. Лингвистическая терминология формируется из собственно лингвистических понятий, пригодных для описания гипертекста, а также на базе терминологического аппарата других дисциплин, предметом исследования которых является гипертекст. Сложность самого объекта исследований – гипертекста, который находится в постоянном развитии, не способствует терминологическому единству при его описании. Лингвистическая теория гипертекста формируется на базе, прежде всего, компьютерного подхода, поэтому многие базовые термины, описывающие гипертекст, были заимствованы из этой области, например: для описания единицы гипертекста используются термины *окно*, *экран*, *страница*, *модуль*, *узел* [19]. Когнитивное направление теории гипертекста (исследование Н. В. Беляевой) опирается на термины, выработанные теорией обучения и психологической наукой и аппаратом, разработанным в рамках логического направления в языкознании [2]. Семиотический подход используется в исследовании И. А. Ильиной. Концептуальным называет П. И. Сергиенко свой подход к исследованию гипертекста с точки зрения его лингвокогнитивных особенностей. Автор сравнивает англоязычные сайты различной прагматической направленности в аспекте достижения ими прагматических целей, используя для этого категории «концепт» и «фрейм». Автор вслед за Т. И. Рязанцевой [15] оперирует термином гипотекст, под которым понимается «минимально значимая единица, обладающая семантической целостностью, простой текстовой формой и единым неразрывным внутренним содержанием» [16]. Являясь текстами небольшого объема, гипотексты реализуют такие важнейшие текстовые характеристики, как выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. В гипертексте выделяется базовый (инициирующий) текст, его выявление осуществляется на основе случайного выбора читателя или замысла автора гипертекстовой структуры. Прямые ссылки из базового текста создают первый уровень иерархии гипотекстов, ссылки из которого дают второй уровень и так далее [16].

Гипотексты объединены в гипертекстовые структуры, которые представляют собой многомерные текстовые образования и состоят из элементов, не имеющих строго определенной последовательности. Единая прагматическая задача гипертекстовой структуры по передаче единого концептуального смысла решается с помощью ключевых элементов гипотекста. В отличие от традиционного текста гипертекстовая структура обладает характеристиками открытости, гибкости и динамичности, процессуальности, интерактивности и потенциальной креативности [16].

В терминоплатформе исследования И. А. Ильиной входят понятия граф, компонентами которого являются узлы (вершины графа, где хранится и представ-

ляется пользователю информация) и связи. Узел характеризуется типом хранимой информации, вместимостью и объемом хранимой информации. Материал, составляющий содержание узла, описывается понятием «информационная единица – текст в семиотическом смысле, физически отграниченный рамками окна браузера и воспроизводимый одновременно» [7]. Термин «информационная единица» по отношению к минимальной единице гипертекста применяет Е. С. Клочкова. По Ю. С. Воротниковой соотношение информационной единицы и гипертекста указывает на два способа организации информации: текст может быть прочтен линейно или нелинейно, при этом информационная единица сравнима с параграфом или абзацем текста, или текст представляет собой мозаику из небольших законченных текстов, связанных между собой гиперссылками. В первом случае связи устанавливаются между композиционными элементами изначально цельного текста, во втором случае текст невозможно читать линейно, в основу такой организации положена бесконечная возможность интерпретаций. Ю. С. Воротникова отмечает, что в литературе разных авторов для обозначения минимальной единицы можно встретить слова «файл», «узел», «гнездо», «текстон», «модуль», содержащий текст или материалы нетекстового характера. При этом для гипертекста первого вида в качестве информационной единицы может выступать текстон (часть целого текста), а для текстов второго вида подходит термин «модуль» (самостоятельный материал, предлагаемый в дополнение к просматриваемому файлу) [4].

В немецкоязычной традиции существует термин «электронный текст» (нем. «E-Text» термин Д. Циммера, использованный в дальнейшем А. Шторрер), под которым понимается линейно организованный текст, который «вплетен» в сеть гипертекстов, который в остальном с точки зрения семантической связности не отличается от обычного линейно организованного печатного текста [33].

Ильина выделяет в структуре сети также гипертекстовый кластер – гипертекстовая последовательность в пределах одной предметной области и гипертекстовое пространство – это среда существования гипертекстовых построений, структурное образование, где элементы связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями, объединены семантической связью и логическими связями текстовых построений (гипертекстов) [7].

Структура гипертекста подробно освещается в немецкоязычной работе О. Хубера. Предлагается деление гипертекста на единицы информации (термин Воротниковой) или узлы информации (от нем. Knoten – узел). Понятие «единица информации» употребляется в информатике как родовое понятие для терминов, обозначающих конкретное количество информации (бит, байт, килобайт и т. д.), И. А. Ильина разводит понятия «узел» (структурное деление гипертекстов) и «единица информации» (содержание узла) [7]. Каждый узел информации имеет уникальное для данного гипертекста имя, содержание и ссылки. Уникальное имя позволяет идентифицировать узел информации при индексировании узлов (под «индексированием» понимается применяемое для поиска

нужного документа выражение главного содержания текста какого-либо документа в терминах языка информационно-поисковой системы).

С точки зрения функции узла О. Хубер выделяет информационные, структурирующие и навигационные узлы. Информационные узлы сопоставимы с главами книги и содержат информацию по теме гипертекста, структурирующие можно сравнить с оглавлением книги, они содержат информацию о содержании информационных узлов и призваны облегчить пользователю навигацию по гипертексту. Навигационные узлы, или узлы интерфейса, облегчают взаимодействие пользователя с системой и за счет этого способствуют ориентации в гипертексте. Структурно узлы подразделяются О. Хубером на атомарные узлы и мета-узлы. Мета-узлы – это составные узлы, объединенные общим содержанием [26].

Вопрос об отношении информационных узлов требует рассмотрения, пока нельзя определенно сказать, что содержание одного узла дополняет или углубляет содержание другого. Х. Гердес считает проблему оптимального содержания информационного узла центральной проблемой гипертекстовой технологии. Проблема адекватной фрагментации гипертекста текста на узлы предполагает исследования восприятия гипертекстов, каковых еще не достаточно для её решения. Некоторые исследователи касаются этой проблемы, основываясь в своих утверждениях на общих психолингвистических и когнитивных исследованиях восприятия. Согласно исследованиям информационные узлы должны быть не длиннее семи когнитивных единиц, которые могут удержаться в кратковременной памяти. Содержание информационного узла должно охватывать одно высказывание в рамках одной идеи, в то время как периферические высказывания, отражающие ту же идею, должны составлять основу другого информационного узла [25]. Поэтому информационные единицы, по все видимости, не должны быть объемнее. Говоря о дискретности узлов гипертекста, хотелось бы отметить работу А. Тряпельникова, который вслед за О. В. Сергеевой использует термин кибертекст, подчеркивая тем самым идею взаимоприсутствия нескольких текстов в одном. Автор, вслед за Р. Будником, отмечает, что технология фрагментации или дробления информационных файлов на некоторое количество небольших частей привела к возможности оперировать частями файлов и создавать бесконечное разнообразие новых медиафайлов. Так текст, преодолевая свои границы и форму как внешние представления и систему взаимосвязей, утратил свою целостность в киберпространстве и превратился в контент – «оцифрованное, готовое к распространению, не стесненное формой содержание». Любая часть контента с легкостью вычленяется и используется отдельно либо спаивается с другим контентом, образуя новое содержание [3; 20]. Так терминопараметр теории гипертекста пополняется понятиями «киберпространство», «кибертекст», «контент».

Таким образом, существующий массив исследований по гипертексту предлагает ряд еще не совсем устоявшихся терминов, которые акцентируют те или иные характеристики структуры гипертекстов. Об-

щим при описании структуры является деление на гипертекст (родовое понятие) и единицы низшего порядка (узлы, гипотексты, текстоны модули – видовые понятия). Гиперссылки, обнаруживают различные связи внутри гипертекста с помощью различных семиотических систем. Зависимость структуры гипертекста от типа дискурса, в котором он существует, заставляет каждый тип гипертекста описывать при помощи только для него подходящего терминологического аппарата.

Гипертекст немецкоязычной Интернет-рекламы для детей имеет ряд особенностей: общее число узлов гипертекста относительно невелико, каждый узел не предполагает длительного чтения или просмотра. Узлы мультимедийно насыщены (содержат видеофрагменты, анимированные ролики, нередко аудиосопровождение). Некоторые узлы содержат файлы, которые можно сохранить в память компьютера или распечатать. Представляется целесообразным для обозначения содержания узлов использовать термин «контент». Вместе с тем отметим, что отдельные элементы внутри рекламного контента тесно спаяны, их невозможно вычленишь, не обладая особыми навыками. Реклама товаров для детей содержит следующие типы элементов: слово, предложение, текст, изображение в формате gif, jpeg, анимированное изображение (в 2 кадра), анимированный gif- или flash-ролик (3 и более кадров), видеоролик, звуковой эффект, аудиодорожка. В зависимости от типа элемента различаем текстовое наполнение, графический контент аудиоконтент, видеоконтент. Совокупность элементов образуют узел гипертекста.

Логика исследования гипертекста требует анализа на трех уровнях: гипертекст, узел, гиперссылки. Поскольку провести полный анализ всего гипертекстового материала не представляется возможным в рамках данной работы, будут подробно проанализированы только исходные узлы как наиболее важные в структуре рекламного гипертекста, так как от их воздействия на целевую аудиторию зависит переход адресата по ссылке и эффективность имиджевой составляющей рекламы. Под исходным узлом понимаем начальный узел гипертекста, размещенный в том же или в другом окне, который инициирует обращение пользователя к другим узлам гипертекста. В качестве исходного узла выступали баннер или всплывающее окно, размещенные на сайте для детей и имеющие помету «Werbung», «Anzeige» или «Advertisement». Регистрация материала проводилась с 3.11.2011 г. по 9.08.2012 г. путем записи видеоролика с окна монитора. Всего было собрано 118 исходных узлов, из них 17 – всплывающие окна, 101 – баннеры. Всплывающих окон со статическим изображением зафиксировано 7, динамических окон – 10. Статических баннеров зарегистрировано 24, динамических – 77, из них расположенных в центре страницы – 4, справа вертикально – 24, внизу – 33, вверху страницы – 47. Следует отметить, что, в особенности для баннерной рекламы, в рамках рекламной кампании идентичные по содержанию баннеры часто меняют размер и расположение. Для удобства подсчета в данной работе мы фиксировали баннер с одним рекламным содержанием один раз. Если далее тот же баннер появлялся в

другой части страницы, он не был фиксирован и не попал в статистику. Особенностью некоторых рекламных кампаний, например, игры Skylanders, было размещение одновременно верхнего горизонтального баннера, вертикального баннера справа и достаточно большого всплывающего окна в середине страницы. Таким образом, создавалась ситуация, когда почти все поле на мониторе было заполнено рекламным содержанием и являлось кликабельным с переходом на сайт заказчика. Такие кампании, отличающиеся особой агрессивностью, имеют большее манипулятивное воздействие на ребенка-потребителя рекламы.

Большинство рассмотренных нами исходных узлов размещено на развлекательном портале для детей Toggo.de, где одни узлы инициируют переход на рекламные страницы самого портала, тогда эти баннеры, которые размещаются внизу страницы в особом блоке Werbung – реклама. Блок «Реклама» является постоянно действующим подразделом портала. Баннеры, инициирующие переход на сайт рекламодателя, размещаются в верхней или в правой части окна. Они тоже содержат помету «Werbung», но не являются постоянным элементом сайта. При отсутствии рекламных баннеров эти поля страницы содержат нейтральную анимацию. Технологически большинство динамических баннеров, используемых в качестве исходных узлов гипертекстовой рекламы для детей – это gif-баннеры. Встречаются также элементы управления, построенные с помощью технологии Flash, а также статичные баннеры. Наиболее распространенной является технология gif-анимации, так как она проста в исполнении, не предъявляет высоких требований к системам потребителей рекламы. Gif-элементы представляют собой несколько сжатых изображений, которые демонстрируются на экране в определенном порядке. При этом в один gif-элемент можно поместить изначально различные изображения, а можно создать анимированный ролик со своим сюжетом, поместив несколько тематически последовательных изображений в соответствующем порядке, что обеспечивает подвижность картинки и гиперссылку. В тексте рекламы подобные технологии способствуют привлечению внимания потребителя рекламы.

Рассмотрим характер движения картинок и текстов. Движение gif-элементов текста можно охарактеризовать как простую смену одного изображения другим. Последовательно переключая кадры, можно создавать эффект развивающейся во времени истории. Технология Flash, разработанная компанией Macromedia, основана на использовании векторной графики в формате Shockwave Flash (SWF). Элемент в формате flash – это потенциально интерактивный мультимедийный ролик, созданный по принципу кинофильма, где каждый кадр может содержать изображение, вербальный текст, аудиоряд, видеоряд. Поведение объектов задается сценариями, которые содержат координаты движения. Анимационный эффект создается при последовательном движении кадров на основе сценария. Flash-ролик может существовать как самостоятельное приложение или встраиваться в обычный html-документ. Flash-ролик может содержать элементы управления, которые по своим функциям идентичны гиперссылкам html-документа. Программисты от-

мечают, что flash-технология позволяет сделать отличный от других сайтов дизайн и навигацию, а также легко организовать диалог с пользователем. Среди недостатков сайтов такого рода отмечают большой вес, большое время загрузки, отсутствие кэширования при просмотре сайта [14; 17].

Х. Штёкль отмечает, что при исследовании мультимодальной рекламы следует анализировать все знаковые системы, которыми оперирует рассматриваемый объект в совокупности, так как только их взаимодействие приводит к искомому результату [31]. Так как динамические баннеры составляют абсолютное большинство зарегистрированных исходных узлов гипертекста рекламы для детей, то вопрос о том, какие элементы имеют динамику и каков характер движения этих элементов, является ключевым. Мы попытались проанализировать движение в рекламных баннерах, записав посекундно «сюжет» баннера. В баннерах выделим четыре основных элемента: текст, изображение, фон и гиперссылка.

Наиболее статичным элементом является фон, так как изменение фона зафиксировано только в одном баннере из всех рассмотренных. Рекламная кампания леденцов Flic'n'lic приурочена к 10-летию юбилею продукта. Сюжет рекламного баннера леденцов Flic'n'lic имеет двухчастную структуру. Сначала демонстрируется изображение подарочной коробки с бантом на сером фоне. Изображение ленты, завязанной в бант, совершает движение на несколько миллиметров вверх и вниз. Так создатель баннера привлекает внимание к упаковке, в которой обычно приносят подарки юбилярам и именинникам. Таким образом, динамическое изображение баннера работает на основную идею рекламной кампании. Вторая часть «сюжета» – на ярко-зеленом фоне, который имеет создающий перспективу рисунок – два непараллельных отрезка с меньшим расстоянием между концами отрезков в точке, якобы удаленной от пользователя и большим расстоянием в точке, якобы приближенной к пользователю. Из правого, более «удаленного» угла баннера появляются круглые изображения леденцов, которые достигают левого «ближнего» угла баннера, где встречается с изображением пачки леденцов, которое в это время ходит слева направо и, наоборот, по горизонтали. Таким образом, пачка «собирает» для себя леденцы, которые потом купит потребитель. Так в баннере кратко изображен ход промо-игры, которая предлагается потребителю на страничке развлекательного портала Toggo.de, если он кликнет на баннер. Анимация баннера помогает здесь потребителю определить, что его ждет, если он перейдет по ссылке. Пример фона второй части «сюжета» баннера Flic'n'lic является типичным, как фон, конструирующий перспективу, что в купе с анимированным изображением позволяет создать псевдо-трехмерный эффект. Такой прием использован в большинстве зафиксированных баннеров.

Вся площадь баннера является активным элементом управления, который обеспечивает переход на рекламную страничку при нажатии кнопкой мыши на поле баннера. Это означает, что производителям не обязательно помещать в поле баннера кнопку перехода как особый элемент управления. Тем не менее, все

баннеры были снабжены подобными кнопками. Они размещаются чаще всего в нижнем правом углу баннера или внизу в центре. Кнопка перехода может быть статичной, а может появляться вместе с текстом. Чаще всего появление гиперссылки завершает ролик, демонстрируемый с помощью баннера, то есть все рекламное содержание ролика подводит потребителя осуществить переход по ссылке на рекламную страничку.

Текст является динамическим элементом анимированного баннера в подавляющем большинстве случаев. Движение текста разнообразно по характеру и траектории. Под движением мы понимаем как перемещение текстовых элементов по полю баннера, так и смену текстовых элементов другими текстовыми элементами. Были зафиксированы следующие возможные траектории движения текста: сверху вниз, слева в середину, справа в середину, из середины к краям с увеличением размера, снизу вверх, с периферии поля к центру, медленное разнонаправленное движение двух параллельных строк текста, постепенная смена одного элемента текста другим путем плавного движения строк вверх, разворачивание текста на контрастной к фону ленте, которая до этого была свернута, появление середины куска текста мгновенно, а затем постепенное появление остальных букв в обоих направлениях (слева и справа), одновременное разнонаправленное появление текста и изображения, например текст сверху, а изображение снизу или двух частей текста. Эффекты: временное увеличение в размере шрифта для выделения части текста, постепенное появление на фоне, слово в форме волны, длительная демонстрация однонаправленного «пролета» слева направо, постепенное рассеивание.

Изображение является самым частым анимированным элементом в баннере. Движение изображения зависит от того, что изображено: если это средство передвижения, то движется сообразно своему назначению, человек или человекоподобное существо передвигается, используя нижние конечности, животное перемещается в пространстве на четырех лапах. Анимация изображений в целом укладывается в несколько схем:

– одно изображение сменяет другое несколько раз (когда нужно представить ряд продуктов или персонажей),

– одно крупное изображение движется по всему полю баннера, несколько мелких изображений движутся разнонаправлено по всему полю баннера (симуляция промо-игры),

– движение совершают лишь некоторые элементы в целом статичных изображений (мигают глазами, поднимают-опускают руки).

Сюжет в общем смысле – это последовательная смена ситуаций, действий, которые скреплены общей идеей. В общем массиве материала исследования зафиксированы баннеры, которые можно охарактеризовать как «сюжетные», когда явно видна общая идея ролика и пользователь с интересом ждет следующего кадра и не уходит со страницы, чтобы досмотреть ролик баннера до конца. В «бессюжетных» баннерах анимация предназначена лишь для того, чтобы мель-

кающий объект был выделен глазом из другого контента сайта.

Примером рекламного баннера без сюжета может служить баннер игры Knusper-Jagd в рамках кампании Nesquick Knusper-Frühstück. Текст, фон, гиперссылка не анимированы. Фигурка, участвующая в промо-игре, желтая коробка с глазами, улыбкой и руками, отдаленно напоминающая упаковку сухих завтраков, совершает движения на 2–3 миллиметра вверх и вниз, что выглядит так, как будто фигурка прыгает на месте, и часто (5–6 раз в секунду) шевелит руками. Движения рук параллельны: одна рука движется вверх, в это время другая вниз.

Рекламный баннер фильма Star wars отнесем к группе баннеров «с минимальным сюжетом». Фон (звездное небо), текст и изображение статичны. С интервалом 1 с. появляется изображение молнии в правом нижнем углу и изображение летательного аппарата, которое движется из верхнего правого угла в нижний левый, далее следует пауза 3,5 с., и ролик начинается снова.

Примером баннера «с сюжетом» является, например, баннер, созданный в рамках рекламной кампании газированной воды Punica, которая предполагала выдачу призов – стикеров, светящихся в темноте. На черном фоне в разных частях баннера поочередно появляются и исчезают три пары мигающих глаз (глаза промо-персонажей сайта). Затем появляются три светящиеся картинки (тоже изображения промо-персонажей). Далее появляется логотип кампании и текст «NEU! Jetzt: 27 Leuchtbilder», все элементы образуют композицию, которая держится на экране 2,5 с. Далее элементы в правой части баннера уступают свое место вееру из бутылок газированной воды, в центре появляется текст «Eines auf einer Flasche!» и кнопка перехода «Zum Sammelposter». Такая композиция демонстрируется 4 с. Затем все элементы исчезают, и на черном фоне снова появляется изображение глаз.

Эффект «сюжетности» баннера создает совокупность вербальных и изобразительных элементов, последовательная демонстрация которых вызывает у адресата эффект «внутреннего диалога»: адресат строит предположения о содержании баннера и со следующей сменой изображения получает новую информа-

цию, которая либо подтверждает его догадку, либо подталкивает к дальнейшему анализу. Так происходит до тех пор, пока смысл демонстрируемого не станет адресату понятен. В противном случае интерес побуждает адресата кликнуть по баннеру в поисках дальнейшей информации. К инструментам создания подобных баннеров можно отнести текст, где одна часть предложения в одном кадре, а другая – в другом, вопрос в одном кадре – ответ-призыв в другом, постепенное появление элементов изображения.

В рамках данной статьи была предпринята попытка анализа структуры и содержания исходных узлов гипертекста Интернет-рекламы товаров для детей. Философское осмысление понятия гипертекст сети Интернет обнаруживает сложное, находящееся в постоянном развитии, явление современной действительности. Семиотическая природа гипертекста позволяет изучать его с позиций лингвистики. Реклама товаров для детей в сети Интернет представляет собой мультимодальные тексты со сложной структурой, при чтении которых адресат не привязан к одному заданному автором пути, что позволяет рассматривать тексты рекламы в терминах теории гипертекста. Теория гипертекста находится в процессе своего становления, поэтому не обладает устоявшимся терминологическим аппаратом. Видовое понятие по отношению к родовому понятию «гипертекст» имеет в настоящее время множество названий, чаще всего употребляется термин «узел гипертекста». Исходный узел, с которого, как правило, начинается чтение гипертекста, является ключевым в структуре гипертекста рекламы, так как от его воздействия зависит, достигнет ли вся информация гипертекста своего адресата и, соответственно, зависит эффективность воздействия рекламы. Большинство исходных узлов гипертекста рекламы товаров для детей в сети Интернет – это динамические баннеры, созданные с помощью gif- и swf-форматов. Баннеры отличаются по количеству предъявлений и наличию «сюжета». «Сюжетные» баннеры более эффективны при передаче информации и обладают большим воздействующим потенциалом, так как при их восприятии активируются когнитивные процессы, вступая в диалог с личностными интерпретациями предъявляемой информации.

Литература

1. Атабекова, А. А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / А. А. Атабекова. – М., 2004. – 356 с.
2. Беляева, Н. В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Беляева. – Тверь, 2010. – 208 с.
3. Будник, Р. Контент в киберпространстве / Р. Будник. – Режим доступа: <http://www.rbis.su/article.php?article=650>.
4. Воротникова, Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. С. Воротникова. – СПб., 2005. – 212 с.
5. Головач, В. В. Дизайн пользовательского интерфейса. Искусство мыть слона / В. В. Головач. – 2010. – Режим доступа: <http://uibook2.usethics.ru/uibookII.pdf>
6. Дедова, О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста: на материале русскоязычного Интернета: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / О. В. Дедова. – М., 2006. – 253 с.
7. Ильина, И. А. Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / И. А. Ильина. – М., 2009. – 232 с.

8. Ключкова, Е. С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. С. Ключкова. – Самара, 2009. – 180 с.
9. Ключкова, Е. С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. С. Ключкова. – Самара, 2009. – 22 с.
10. Ларионова, Н. С. Гипертекст как модель современной культуры: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Н. С. Ларионова. – М., 2005. – 188 с.
11. Левоненко, О. А. Языковая личность в электронном гипертексте: на материале экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. А. Левоненко. – Таганрог, 2004. – 158 с.
12. Махов, А. С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. С. Махов. – М., 2010. – 204 с.
13. Негуторов, В. В. Гипертекст как феномен современного общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. В. Негуторов. – Краснодар, 2003. – 151 с.
14. Разработка сайтов в технологии flash. – Режим доступа: <http://alzar.ru/info/dev/osobennosti-flash-saitov>
<http://alzar.ru/info/dev/osobennosti-flash-saitov/>
15. Рязанцева, Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом / Т. И. Рязанцева. – М.: Академия, 2008. – 208 с.
16. Сергиенко, П. И. Лингвокогнитивные особенности электронного гипертекста: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / П. И. Сергиенко. – М., 2009. – 194 с.
17. Статический и динамический сайт. – Режим доступа: http://www.webcorp.ru/page/static_vs_dynamic.html
18. Стройков, С. А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста: на материале словаря-энциклопедии "The Free Dictionary": дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Стройков. – Самара, 2008. – 180 с.
19. Тидвелл, Дж. Разработка пользовательских интерфейсов / Дж. Тидвелл. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.
20. Тряпельников, А. В. Медиа-образ русского языка в учебных пособиях по РКИ: на основе материалов по истории и культуре России из ресурсов Интернета (Цифровой формат в обучении РКИ). – Режим доступа: ip2012.it-edu.ru/upload/files/article_1139.doc
21. Буш, В. Как мы можем мыслить. Конспект и перевод работы "As we may think" Евгения Патаракина / В. Буш, Е. Патаракин. – Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/vbush.ru.html>
22. Ansel Suter, B. Hyperlinguistics. Hypertext-Lernumgebungen im Akademischen Kontext: Eine Fallstudie / B. Ansel Suter. – Zürich, 1995. – 203 с.
23. Auer, J. Kommentierte links zu hypertext und hyperfiction / J. Auer, B. Suter. – Режим доступа: http://www.netzliteratur.net/links_du.php
24. Berners-Lee, T. Information Management: A Proposal / T. Berners-Lee. – Режим доступа: <http://www.w3.org/History/1989/proposal.html>
25. Gerdes, H. Lernen mit Hypertext (Aktuelle psychologische Forschung 18) / H. Gerdes. – Berlin u.a., 1997. – Режим доступа: <http://www.perzept.de/hypertext/Geolog.htm>
26. Huber, O. Ein Textlinguistisches Analysemodell für Hypertexte. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie / O. Huber. – Mtinchen, 2003. – 249 s.
27. Idensen, H. Hypertext, Hyperfiction, Hyperwissenschaft? Gemeinschaftliches Schreiben Im Netz / H. Indensen. – 1993. – 287 с.
28. Kuhlen, R. Hypertext. Ein nicht lineares Medium zwischen Buch und Wissensbank / R. Kuhlen. – Berlin, 1991.
29. Storrer, A. Was ist "hyper" am Hypertext / A. Storrer. – Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/grammis/storrer/hyper.pdf>
30. Storrer, A. Digitale Wörterbücher als Hypertexte: Zur Nutzung des Hypertextkonzepts in der Lexikographie / A. Storrer. – Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/grammis/storrer/wobu.pdf>
31. Stöckl, H. Multimodale Werbekommunikation – Theorie und Praxis / H. Stöckl. – Режим доступа: stoeckl-sbg.ac.at
32. Unz, D. Lernen mit Hypertext. Informationssuche und Navigation / D. Unz. – Münster, 2000. – 354 с.
33. Zimmer, D. Web-Literatur: Realität? Gerücht? Verheißung? Sackgasse? / D. Zimmer. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/1997/46/titel.txt.19971107.xml>

Информация об авторе:

Тупикова Анна Михайловна – ассистент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8-923-616-5884, ann_t83@mail.ru.

Anna M. Tupikova – Assistant Lecturer at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ПОЗИЦИЙ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПИЗИРОВАНИЯ

А. М. Туникова, В. А. Каменева

IDEOLOGICAL DECONSTRUCTION OF GERMAN ADVERTISING FOR CHILDREN FROM THE STANDPOINT OF GENDER STEREOTYPING

A. M. Tupikova, V. A. Kameneva

В данной статье дискурс рекламы рассматривается как дискурс власти и как средство социализации подрастающего поколения в вопросах гендерной идентификации. Анализ контекста употребления гендерно-маркированных лексем позволил осуществить моделирование стереотипов-представлений о мужской и женской гендерных группах, насаждаемых в рекламе для детской целевой группы.

In this article discourse of advertising is viewed as discourse of power and as means of the rising generation socialization in terms of gender identification. Context analysis of gender-marked words enabled us to model the gender stereotypes propagated in the advertising aimed at children.

Ключевые слова: реклама, дискурс, гендер, гендерные стереотипы.

Keywords: advertising, discourse, gender, gender stereotypes.

Долгое время внимание исследователей привлекало изучение того, как правящий класс, политическая/экономическая элита через средства массовой информации и особенно прессу имеет возможность формировать общественное мнение, навязывать идеологически корректные стереотипы по отношению к социальным группам, выделяемым по гендерной, расовой, национальной принадлежности, религии, социальному статусу, состоянию здоровья [7; 9; 22]. Изучалось, как структурированные политической элитой представления о мире воспринимались большинством людей как реальность [17; 19], что способствовало неосознанному принятию того статуса и социальных «ярлыков», которые давались социальным группам правящей элитой, и согласию с приписываемыми стереотипными чертами представителям тех или иных групп.

Путем идентификации и анализа идеологических механизмов выявлялось, как правящая элита, преподавая «политически/идеологически ангажированные» знания как нейтральные, получает возможность оставаться незамеченной для большинства граждан и избегать критического анализа [24]. Вслед за Н. Фейерклу, критический анализ языка нами понимается как анализ, призванный выявить взаимосвязи, которые скрыты от большинства людей, такие как взаимосвязь языка, власти и идеологии [20].

Принимая во внимание тот факт, что реклама также является мощным институтом власти и как таковая играет значимую роль в порождении и структурировании социальных установок по отношению ко всем социальным группам, можно говорить об актуальности проведения идеологической деконструкции данного дискурса власти с позиций гендера или гендерной стереотипизации. Материалом для проведения анализа были выбраны немецкоязычные тексты рекламы для детской целевой группы. Выбор указанного материала был обусловлен тем, что реклама на сегодня, помимо прочего, выступает мощным источником социализации подрастающего поколения. Соответственно анализ того, какие стереотипы навязываются посредством рекламы современным детям, в определенной мере может определить то, какие стереотип-

ные гендерные представления будут доминировать в немецкоязычной среде в ближайшем будущем.

Как известно, с когнитивной точки зрения социальный стереотип-представление – это некое ментальное образование, содержащее определенным образом структурированный, оценочный образ социального объекта, события или явления [9]. Данные стереотипы функционируют как когнитивные категории – схемы, которые обуславливают не только процесс восприятия, интерпретации поступающей информации о данных категориях, позволяя экономить усилия при ориентировании в социуме, но и влияют на поведение людей в обществе [9, с. 48]. Активация социальных стереотипов может осуществляться при помощи вербального и/или невербального кодов.

Как указывает С. В. Коломиец, «при восприятии и интерпретации письменного и устного дискурсов, слова-стимулы способствуют запуску той или иной схемы (стереотипа) и дальнейшая обработка информации идет под ее управлением. При восприятии графической информации те или иные признаки человека или объекта действительности активируют схемы (стереотипы). При категоризации по гендерной принадлежности процесс носит аналогичный характер. То есть дискурсно объективированные вербальные и невербальные единицы, актуализирующие гендерные стереотипы, служат отправной точкой в интерпретации дальнейшей информации в соответствии с заданными параметрами» [10].

Вследствие ограниченного объема работ подобного плана, мы обратимся в рамках данной статьи лишь к анализу действия механизма «контекстуальная корректировка» [9] на языковой аспект гендерной стереотипизации.

Язык и власть, а точнее, «язык и борьба за власть всегда тесно взаимодействуют» [5, с. 85 – 89]. Игнорирование функции языка создавать, творить и мифологизировать оценку социальной действительности и факта неравного доступа к символическим средствам, а значит, и неравных возможностей влиять на лингвистический аспект воспроизводства власти, приводит к имплицитному «обоснованию» тех или иных социальных стереотипов. Вероятно, не следует недооценивать утверждение о том, что язык не только

определяет, как мы видим мир, но и как мы существуем, кто мы есть [12; с. 143 – 183; 5]. «Не только социальный порядок влияет на язык, но и сам язык оказывает обратное влияние. Влияние языка на социальный порядок проявляется и в том, что именно язык способствует цементированию, идентификации и дифференциации социальных групп» [1].

При рассмотрении социальных стереотипов в обществе следует принимать во внимание тот факт, что языковое сознание зависит от социальных стереотипов, функционирующих в обществе [21; 23, с. 7 – 8]. Каждый речевой акт, совершаемый нами, либо поддерживает существующий порядок, либо изменяет реальность [18].

Это может означать, что, если в обществе человек в зависимости от расовой, гендерной, национальной, возрастной принадлежности, вероисповедания и т. д. занимает подчиненное положение, то это не просто фиксируется языком, это формируется в процессе структурирования дискурса. Дискурс выступает инструментом по воспроизводству выгодного для правящей элиты распределения власти между социальными группами путем навязывания определенной оценки того или иного социального явления или объекта.

Как известно, употребление слова постоянно воздействует на его значение [6]. Постоянное употребление слова в определенном контексте способствует установлению и закреплению соответствующих ассоциативных связей и формированию соответствующих созначений. Тематика контекста играет одну из главных ролей в этом процессе.

Восприятие слов порождает ассоциативные реакции. «Слово никогда не всплывает в нашем сознании одиноко» [там же, с. 176]. При восприятии слова всегда вызывают в памяти читающего, слушающего синонимы [11, с. 135 – 138; 16, с. 31 – 39]. Кроме того, важным фактором является и то, что при восприятии любого сообщения индивид также обращается к прошлому опыту, и актуализация одного из звеньев цепи, связанных между собой повторными совместными появлениями в прошлом опыте, вызывает мгновенную актуализацию всех следов. Иными словами, слово-стимул вызывает не изолированную реакцию, а определенную систему семантических связей [8, с. 169 – 178; 13, с. 27 – 63].

Таким образом, восприятие слов зависит и от тематики контекста и от оценочной лексики, содержащейся в нем. Контекст может способствовать установлению новых ассоциативных связей слов, помогая формировать их коннотации. Изменение типичного контекста слов, по-видимому, может способствовать корректировке их сформированных и закреплённых коннотаций и наоборот. В этом и заключается действие механизма контекстуальной корректировки [подр. см. 9]. В данном исследовании коннотация не приравнивается к принятой в языковом коллективе оценке объекта действительности [2, с. 348 – 388; 14, с. 32 – 35]. Мы рассматриваем коннотацию как совокупность стандартных, устойчивых ассоциаций, которую вызывает в языковом сознании носителей языка употребление того или иного слова в данном значении [3; 4].

Как представляется, употребление гендерно-маркированных единиц для номинации обеих групп в

типичном контексте рекламных текстов может привести к тому, что при восприятии у адресата данного сообщения (в данном случае ребенка) будут формироваться или закрепляться определенные ассоциации с той или иной гендерной группой, и все это будет стимулировать процесс оформления определенных социально-одобряемых гендерных стереотипов-представлений в сознании ребенка и закрепление социально-желаемых поведенческих моделей в социуме для обеих гендерных групп.

Обратимся к материалу исследования. Для анализа были отобраны рекламные кампании линеек конструкторов для мальчиков и для девочек. Гендерная ориентированность продукта зафиксирована на страничке Википедии, посвященной линейке конструкторов. Конструктор LEGO Friends ориентирован преимущественно на девочек 6 – 12 лет (по данным сайта Amazon.com), LEGO Ninjago – на мальчиков 6 – 14 лет. Обе линейки конструкторов появились недавно – в 2011 и 2012 году. Сходная возрастная ориентированность и дата появления на рынке позволяет сконцентрироваться на гендерном факторе при выявлении различий в рекламных материалах.

Гендерно-маркированные единицы употребляются в рекламе конструктора для девочек 68 раз, среди них – обозначения профессий с женским суффиксом – in – 16 примеров, гендерно-маркированное обозначение Freundin в единственном и во множественном числе – 9 употреблений, женские имена, называющие юных посетительниц сайта (раздел «Передать привет») – 29, женские имена героинь – 5, женские имена, называющие любимых животных героинь – 6, субстантивированные прилагательные – 3 (например: meine Süße, die Beste).

Гендерно-маркированные единицы в рекламе для мальчиков встречаются реже: 27 употреблений, из них – обозначения лиц/фигур мужского пола с суффиксом – er – 20, употребление обозначений мужского пола без морфологических признаков мужского рода, например: Vater, Lord, Samurai, Kumpan, General, Sohn, Feind – 7. Обилие женских имен в структуре гендерно-маркированной лексики рекламы для девочек можно объяснить наличием на сайте раздела «Передать привет подруге», где отредактированные приветствия посетительниц сайта служат дополнительным аттрактором и свидетельствуют о популярности продукта. Отсутствие мужских имен в рекламе для мальчиков можно объяснить тем, что данная линейка конструкторов, как и большинство игрушек для мальчиков, переносит детей в выдуманный мир, где выдуманные имена героев подкрепляют нереальную историю.

Самым частотным способом гендерной маркировки показал себя суффиксальный способ словообразования, при котором от существительного мужского рода образуется существительное женского рода с помощью суффикса – in. Подобный способ маркировки очень распространен в современном немецком языке, где стараются избегать именования референтов женского пола именами мужского рода. Довольно многочисленна группа существительных мужского рода, которые не могут быть использованы для именования лиц женского пола всегда (исходя из дефиниции: Vater, Lord, Samurai, Sohn) или в данном кон-

тексте (Kumpan, Feind), так как среди персонажей конструктора для мальчиков есть только один женский образ. Немногочисленные гендерно-маркированные субстантивированные прилагательные для обозначения лиц женского пола (meine Süße, die Beste) содержат эмоционально-оценочный компонент, о нем более подробно будет сказано ниже.

Как указывалось, на восприятие гендерно-маркированных слов влияет тематика контекста, который их окружает. Уже по названию линейки конструкторов для девочек видно, что основная тема, актуализируемая во время игры – это тема дружбы. Гендерно-маркированная единица Freundin употребляется в сочетаниях «терять подругу; быть всегда доступной для подруги; лучшая подруга; лучшая подруга в целом мире; я очень-очень сильно тебя люблю; я люблю всех своих подруг; ты просто СУПЕР-подруга; организовать вечеринку». Гендерно-маркированные единицы могут быть заменены на местоимения, при этом гендерно-маркированное слово подразумевается, и в подобных случаях также действует принцип контекстуальной корректировки. Выделим контексты «оставайся такой же классной; какая ты есть; я тебя люблю; я очень по тебе скучаю; надеюсь, мы скоро встретимся; удачи на соревновании по футболу; приятного времяпрепровождения в школе».

Интересен для интерпретации особый раздел сайта – анкета героя, которая является контекстом для гендерно-маркированного имени героини. С помощью этого раздела можно напрямую сделать выводы о социально-желаемых поведенческих моделях женщины в социуме. Разделы анкеты: цвет волос, любимая еда, любимое животное, я люблю, что я еще умею, мои подруги говорят, что я ..., мой девиз, что я никогда не сделаю. По данным анкеты получаем следующую информацию о желательных гастрономических предпочтениях женщины: бутерброды, вегетарианская еда, приготовленное на гриле, маффины и шоколад, пицца, овощи, фрукты, кисленькое, молочный коктейль. Желательные интересы: писать песни и тексты, разрабатывать одежду и украшения, мастерить что-то своими руками, декорировать, езда на лошади с барьерами, спорт, забота о животных, плавание на каноэ, езда на лошади, отдых в палаточном лагере, планировать и организовывать вечеринки, играть в мяч, праздновать, ходить в походы, фотографировать, история, любить природу, любить подруг, ориентироваться по звездам.

В разделе «Что я еще умею» находим общественно одобряемые занятия женщины: петь, танцевать, играть на сцене, красиво одеваться, накладывать макияж, печь, играть в компьютерные игры, заниматься гимнастикой и борьбой, дрессировать животных, заниматься спортом, играть на барабанной установке, чинить предметы, сочинять истории, ориентироваться по звездам. Раздел «Что бы я никогда не сделала» описывает общественно порицаемые поступки для женщин: забыть сделать домашнее задание, т. е. пренебречь своими обязанностями, забыть о дне рождения подруги, сжечь маффины, выбросить мусор в неположенном месте, раздавить жука, навести беспорядок в своем шкафу, пропустить концерт любимой группы или любимое телешоу.

Ответы на вопрос «Кем я хочу стать» могут дать представление о типично женских профессиях: композитор/певица, дизайнер, руководитель приюта для животных, ветеринар, исследователь, инженер, писатель, организатор вечеринок. Раздел «Мой девиз» может рассказать о положительных качествах характера женщины. К ним относятся: деловитость, организаторские способности, трудолюбие, лидерские качества, иногда возможность уступить («Все за работу!», «Все под контролем ... ну, почти все»), целеустремленность, желание найти ответ на сложный вопрос, любознательность («Это так просто! Надо только найти решение!»).

Таким образом, по данным анкеты складывается социально-одобряемый образ современной женщины: она предпочитает легкую пищу, любит побаловать себя сладким, реализует себя в творческих и социально-ориентированных профессиях, имеет разносторонние интересы, увлекается спортом, уважительно относится к природе, любит животных (эрзац материнского начала), ценит дружбу и имеет много друзей, следит за собой, она целеустремленна, хороший организатор.

Контекст употребления гендерно-маркированных наименований в рекламе конструктора для мальчиков более сложен для интерпретации, так как действие происходит не в реальной жизни, а в выдуманном мире Ниндзяго. Там проживают ниндзя и клан змей, которые находятся в постоянной вражде друг с другом. На стороне ниндзя сражаются семь бойцов: Ния, Кай, Джей, Коул, Зейн, Самурай под предводительством Сэнсэя Ву. Они олицетворяют светлые силы. На стороне темных сил 18 змей под предводительством Лорда Гармадона – четырехрукого брата Сэнсэя Ву, который был изгнан в преисподнюю. Его цель – вернуть свое могущество и встать во главе Ниндзяго. Вокруг борьбы этих двух сил и разворачивается действие игры. Задача ребенка собрать спиннер – особую вращающуюся платформу, которая позволяет развивать скорость, или модель, более похожую на современные транспортные средства: тачку, вертолет, корабль. На сайте на момент опубликования статьи представлены описания 9-ти спиннеров и 10-ти моделей из 41 вида оружия. Описания задают нам контекст, в котором употребляются гендерно-маркированные имена.

Среди контекстов встречаем: «Закрути свой спиннер и побеждай вместе с Кендо Коулом!», «следовать за отцом на тропе тьмы», «побеждать», «одолевать», «или Ниндзяго будет в самой большой опасности, чем когда-либо еще», «С силой молнии ты разобьешь самую сильную змею!», «Помоги Каю проверить новое Кендо-снаряжение!», «...чтобы получить оружие», «Справься с заданием и награди Кендо Кая 6 видами оружия!», «Используй силу огня и удиви врагов Ниндзяго как никогда раньше», «Лаша – воин клана змей Веномари, всегда готов сразиться с ниндзя!», «Совершенствуй свой спиннер, установив на него красную верхушку!», «Кендо Зейн готов к тяжелым тренировкам и еще более тяжелым сражениям против угроз миру Ниндзяго!», «Снэппа – член клана змей Фэнгпайе, ему не терпится попробовать свои силы в бою! Сможет ли он, наконец, дать почувствовать этим ниндзя силу своих клыков?» «Это зависит от тебя! Совершенствуй свой спиннер!», «В глубине тайного

Храма Веномари, Зейн должен найти загадочный, золотой жезл племени с противоядием. Когда он пробирается к жезлу, осторожно избегая ядовитую змеиную слизь, две мини змейки набрасываются на него», «Сможет ли Кай противостоять гипнозу Раттла и вовремя задействовать лезвия мотоцикла? Всё зависит от тебя!», «Джей стремительно мчится по небу в своём сверхзвуковом штормовом истребителе в поисках золотого жезла Фэнгпайе и мощного противоядия».

Таким образом, контекст в рекламе конструктора для мальчиков эксплуатирует тему войны, завоевания, деятельности, оружия, убийства, добычи, силы, самостоятельности в принятии решений, решающей роли в сражении, чрезмерного усилия, тайны, препятствия, долга, поиска, надвигающейся угрозы. Представляется, что регулярно обрамляя гендерно-маркированные слова лорд, отец, сын, приятель и др., «военный» контекст сообщает эти смыслы гендерно-маркированным именам, которые в свою очередь влияют на формирование представления ребенка о типично мужском, что закрепляет в обществе социально одобряемые поведенческие модели. То есть контекстно оформленные гендерно-маркированные слова рекламы конструкторов могут способствовать активации стереотипного представления о женщине как о творческой, любящей, заботливой, дружелюбной, и о мужчине как войне, борце и оказывать влияние на поведение детей, а затем и взрослых. Восприятие лексики зависит не только от тематики контекста, но и от оценочной лексики, содержащейся в нем.

Реклама конструкторов изобилует лексикой с положительной оценкой, что типично для любого рекламного продукта. Приведем несколько примеров. Реклама конструкторов для девочек содержит положительную оценку дружбы как явления и подруги, некоторых напитков, животных цветов: *die beste Freundin* – лучшая подруга, *meine Süße* – моя сладкая, *Du bist einfach eine SUPER Freundin!!!* – Ты просто СУПЕР-подруга!!!, *die Beste* – лучшая, *ich mag meine Freundinnen* – я люблю своих подруг, *ich hab euch ganz doll lieb und mag euch echt* – я тебя обожаю, и вы мне очень нравитесь, *du bist die Beste, die es gibt*. HDGDL – ты – лучшая из всех, я тебя обожаю, *Lieblingstier* – любимое животное, *Lieblingsfarbe* – любимый цвет, *Lieblingessen* – любимая еда, *ich mag meine Freundinnen* – я люблю моих подружек, *Häschen Daisy* – зайчонок Дэйзи.

Реклама конструктора для мальчиков содержит оценочную лексику применительно к действиям и характеристикам ниндзя и змей. Акцент делается на положительной оценке качеств воина, силе оружия, награде после сражения. Оценочная лексика, применяемая для описания характеров и снаряжения змей, не всегда негативна. Они предстают достойными по силе соперниками, но большинство оценок характеров негативны: злой, дурной, ядовитый, покрытый слизью.

Приведем несколько примеров: *Jetzt kannst du deine Spinner besser denn je und ganz individuell bestücken: Nutze die Macht des Feuers und überrasche die Feinde von Ninjago wie nie zuvor.* – Теперь ты можешь сам сконструировать свой уникальный спиннер. Используй силу огня и удиви врагов Ниндзяго как никогда раньше. *Seine scharfen Zähne* – его острые зубы; *Dreh den Spinner, bis er zum Spinjitzu-Meister*

wird! Закрути свой спиннер, чтобы он стал мастером Кружитцу; *gegen den Schlangenschwanz* – против змеиного хвоста; *Belohne Kendo Kai mit insgesamt 6 Waffen!* – награди Кендо Кая 6 видами оружия!; *Kendo Zane ist bereit für ein hartes Training und noch härtere Auseinandersetzungen gegen die neuesten Bedrohungen für die Welt von Ninjago!* Кендо Зейн готов к тяжелым тренировкам и еще более тяжелым сражениям против новых угроз миру Ниндзяго!; *setzt seine scharfen Zähne ein* – использует свои острые зубы; *Wird es ihm gelingen, die Ninjas zu besiegen* – удастся ли ему победить Ниндзя; *um den Ninjas bei der Abwehr der bösen Schlangen zu helfen* – чтобы помочь отразить удар злых змей; *seine wahre Identität gibt er jedoch nicht preis* – но он не предаст своих истинных друзей; *schick die Schlangen nach Hause!* – заставь змей отправиться туда, откуда они появились!; *zögert keine Sekunde* – не медлит ни секунды; *seine üblen Kumpanen gegen diese lästigen Ninjas zu verteidigen* – защитить своих дурных товарищей от назойливых ниндзя; *Kämpfe mit Cole ZX im verbesserten Ninja-Anzug und dem raffinierten Rattla vom Stamm der Hypnokobras!* Сражайся с Коулом ZX, коварным членом клана змей Гипнобрай, в новом костюме Ниндзя или Раттла!; *der böse Lord Garmadon* – злой Лорд Гармадон; *doch können sie der mächtigen Knochenfaustschleuder ausweichen und den starken Kiefern auf der Vorderseite des Trucks entkommen?* смогут ли они увернуться от огромных челюстей бомбометателя и бежать по передней стороне установки?; *Lord Garmadon und seine bösen Skelett-Ritter* – Лорд Гармадон и его злые рыцари; *die ultimative Spinjitzu-Waffe* – бесподобное оружие Кружитцу; *der furchteinflößende Feuerdrache* – внушающий страх огнедышащий дракон; *muss sich Zane den geheimnisvollen goldenen Stab der Giftnattern und das darin enthaltene Gegengift holen* – Зейн должен добыть секретный золотой жезл Фэнгпайе и противоядие, которое спрятано внутри; *durch den giftigen Schlangenschleim* – ядовитая змеиная слизь; *Kann er ihren rasierscharfen Fängen und ihrem säurehaltigen Speichel ausweichen* – он может увернуться от их острых, как бритва, лап и слюнной кислоты; *in seinem superschnellen Donner-Jet* – в своем супербыстром штормовике; *zischt Jay in seinem superschnellen Donner-Jet durch die Lüfte* – несется Джей в своем супербыстром штормовике; *der aufmerksame Wächter der Beißvipern* – внимательные стражи гадюк; *eine Furcht erregende Schlange vom Stamm der Beißvipern* – внушающая страх змея из клана гадюк; *spezielle goldene Sichel und seine besondere Kendo-Schutzrüstung* – особый золотой сундук и уникальная защитная амуниция Кендо.

Таким образом, гендерно-маркированные слова и оценочная лексика в контексте рекламы конструкторов для мальчиков и девочек 6 – 12 лет, вероятно, способствует закреплению структурированных, оценочных образов мужчины и женщины у детей. Мужчина предстает воином, сражающимся с врагами, искусно владеющим оружием. Женщина – социально ориентированной, любящей природу и творческой. Так реклама способствует выработке схем, которые в дальнейшем структурируют восприятие ребенка. Со-

ответственно, с одной стороны, формируется некая оценочная шкала для гендерной самоидентификации. С другой стороны, представители гендерных групп, качества которых не подпадают под заданные параметры, будут восприниматься ребенком негативно или немужественными/неженственными.

Итак, в ходе исследования была предпринята попытка деконструкции социальных стереотипов-пред-

ставлений на материале современной немецкоязычной рекламы конструкторов для детей. Для подробного анализа гендерных стереотипов, насаждаемых рекламой, следует обратиться к информации, кодируемой визуально.

Литература

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языкам: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 896 с.
4. Беликов, В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 436 с. [1].
5. Беркнер, С. С. Язык как инструмент власти / С. С. Беркнер // Эссе о социальной власти языка; под общ. ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж, 2001.
6. Вандриес, Ж. Язык: (лингвистическое введение в историю) / Ж. Вандриес: [пер. с фр.]. – 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 408 с. [2]
7. Дейк, Т. А. ван. Расизм и язык / Т. А. ван Дейк; АН СССР, ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1989. – 76 с.
8. Дридзе, Т. М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании / Т. М. Дридзе // Гак В. Г. Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М., 1971.
9. Каменева, В. А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы): монография / В. А. Каменева. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. – 236 с.
10. Коломиец, С. В. Лингвистические средства объективации гендерного дисплея в институциональном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Коломиец. – Кемерово, 2010. – 167 с.
11. Кубракова, Н. Ю. Употребление слов, связанных таксономическими отношениями «общее-частное», в газетных текстах / Н. Ю. Кубракова // Некоторые проблемы германской филологии: сб. науч. тр. – Пятигорск, 2000.
12. Лакан, Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда / Ж. Лакан // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда: [пер. с фр.]. – М., 1997.
13. Лурия, А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виноградова // Гак В. Г. Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М., 1971.
14. Радзиховская, В. К. Оценка как способ определения семантических полей / В. К. Радзиховская // Семантика языковых единиц: докл. V Международной конференции. – М., 1996. – Т. 1.
15. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко; сост., пер. с фр., коммент., послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 446 с. [1].
16. Цараева, М. Р. Эвфемизмы как лингвистическое явление: (на материале современного английского языка) / М. Р. Цараева, О. И. Реунова // Некоторые проблемы германской филологии: сб. науч. тр. – Пятигорск, 2000.
17. Baradat, L. P. Political Ideologies. Their Origins and Impact / L. P. Baradat. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. – XIV. – 337 p.
18. Cameron, D. Feminism and linguistic theory / D. Cameron. – 2-nd. ed. – New York: St. Martin's Press, 1992. – 247 p.
19. Dolbeare, K. M. American Ideologies Today: shaping the New Politics of the 1990s / K. M. Dolbeare, L. J. Medcalf. – 2-nd. ed. – New York: McGraw-Hill, Inc, 1976. – XII. – 239 p.
20. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London; New York: Longman, 1989. – 259 p.
21. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 614 p.
22. McLoughlin, L. The language of magazines / L. McLoughlin. – London; New York: Routledge, 2000. – 115 p.
23. McMinn, M. R. Does sexist language reflect personal characteristics? / M. R. McMinn // The journal of research. – Ludhiana [India], 1990. – Vol. 23.
24. Roberts, C. Language and Discrimination: a study of Communication in Multi-ethnic Workplaces / C. Roberts. – London; New York: Longman Group UK limited, 1992. – XVII. – 422 p.

Информация об авторах:

Тупикова Анна Михайловна – ассистент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8-923-616-5884, ann_t83@mail.ru.

Anna M. Tupikova – Assistant Lecturer at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8-951- 616- 6518, russia_science@mail.ru.

Veronika A. Kameneva – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 81'373

ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ

А. Н. Шабалина

THE ISSUE OF SYNONYMOUS RELATIONS REVEALED THROUGH PROPOSITIONAL STRUCTURE OF COGNATE WORDS FAMILY SEMANTICS

A. N. Shabalina

С развитием лингвистики происходит расширение применения понятия синонимии к языковым единицам разных уровней, с одной стороны, и вовлечение в сферу семантического сравнения и сопоставления разно-оформленных единиц, как простых, так и комплексных, с другой стороны. Проблема близости или тождества значения рассматривается применительно к единицам морфологического, лексического, словообразовательного и синтаксического уровней. Развитие когнитивного подхода к изучению языкового материала позволяет реконструировать те структуры знания, которые находятся на глубинном уровне семантики. Применение метода пропозиционно-фреймового моделирования к группе слов, объединенных одним корнем и общей семантикой, позволяет восстановить описание ситуации действительности, акцентируя внимание на семантических ролях участников, подвергшихся номинации. Рассмотрение проблемы синонимии через призму пропозициональной организации семантической структуры семьи однокоренных слов вскрывает глубинные основания для именования одного и того же события различными языковыми средствами.

The development of linguistics results in the broadening of meaning of scientific terms applied to language units. The article discusses synonymous relations involving into the sphere of semantic analysis both simple and complex language units of different language levels. Morphological, lexical, word-formation and syntactical units are regarded from the point of their meaning equality. The development of cognitive approach to language studies allows reconstructing the structures of knowledge which are considered as deep levels of semantics. Applying the frame-propositional modeling method to a group of words united by one stem and common semantics allows restoring the situation description of the real world, specifying the semantic roles of the nominated participants. Regarding the issue of synonymous relations on basis of propositional structure of cognate words family semantics reveals the basic reasons for naming the same event with the help of different language means.

Ключевые слова: синонимия, пропозиция, семантическая структура, семантические роли, семья однокоренных слов.

Keywords: synonymous relations, proposition, semantical structure, semantic role, cognate words family.

Традиционные учебные пособия рассматривают проблему синонимии как вопрос совпадения или близости значений отдельных слов [9, 11]. Современные исследования указывают на возможность применения данной категории не только к единицам лексического уровня, но и синтаксического [10], морфологического [6] и словообразовательного [2, с. 70 – 80; 12] уровней языковой системы. И. А. Сиддикова пишет о синонимии синтаксических конструкций: словосочетания и предложения, используя традиционный аппарат лингвистических терминов: синонимичный ряд, доминанта, формально-содержательная асимметрия, семантическое поле. В. Н. Немченко, описывая синонимичные морфемы, указывает на полное либо частичное совпадение их семантики, подчеркивая широкую распространенность стилистических морфемных синонимов. А. Н. Тихонов описывает случаи

словообразовательной синонимии – однокоренные производные слова, обладающие одинаковым или близким словообразовательным значением, которое в них выражается при помощи различных аффиксов, например, *волч-их-а* – *волч-иц-а*, *отправл-ениј* – *отправ-к-а*, *слесар-и-ть* – *слесар-нича-ть*, *проказ-и-ть* – *проказ-нича-ть*. Л. А. Араева разрабатывает проблему синонимии словообразовательных типов [3, с. 154].

Словарные статьи «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова содержат не просто ряды синонимичных слов, а целые синонимичные поля, включая аналоги, когипонимы, гиперонимы, гипонимы, конверсивы, перифразы ключевого глагольного слова, в которых участвуют его актантные и синтаксические дериваты, фразеологические единицы, типичные сочетания доминанты ряда с

другими словами, а также приставки, суффиксы, союзы, передающие значение заглавного слова. А. А. Шумилова замечает, что самостоятельные ряды синонимов сливаются между собой, образуя вместо ряда сеть, распахнутую в систему всего языка по принципу постепенного добавления новых сем, при подключении новых ценностей, связанных с рассмотренными [14, с. 81]. Современное состояние лингвистики, позволяет расширение понятия синонимии, а именно, его применения к языковым единицам разных уровней, с одной стороны, и вовлечение в сферу семантического сравнения и сопоставления разно-оформленных единиц, как простых, так и комплексных, с другой стороны.

А. А. Шумилова впервые анализирует словообразовательно-пропозициональные синонимы, определяя их как слова, которые обладают общим лексическим значением, называют один объект действительности, но различаются на уровне пропозиций [14, с. 96]. Приведем пример словообразовательно-пропозициональных синонимов с доминантой **яичница**: *глазница, глазена, жарёнка, запеканка, кокольная, кокошница, насковородник, сковородница, целуха* [14, с. 113]. Автор приходит к выводу о том, что выстроить строго ограниченный синонимический ряд невозможно, так как каждое из рассмотренных слов способно как вступать, так и не вступать в синонимические отношения, что обусловлено конкретной речевой ситуацией и семиосферой, в которой это слово «живет» [14, с. 104]. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что понятие синонимического ряда подвижно и изменчиво: речевая ситуация способствует актуализации либо нейтрализации отдельных сем слов, вступающих в отношения семантического сходства и взаимозаменяемости.

О. В. Покровская акцентирует внимание на том, что «целью изучения синонимии в современной лингвистике должно стать объяснение существования большого количества синонимических номинаций в том или ином языке, а также когнитивное объяснение различий синонимов определенного синонимического ряда» [8: 9]. Решая задачу исследования языкового образа человека, репрезентируемого синонимами, О. В. Покровская принимает «широкое» понимание синонимии, что позволяет включить в синонимический ряд больше единиц, и как следствие, получить более полную информацию о репрезентации образа человека как наиболее значимого фрагмента языковой картины мира [8, с. 9 – 10].

Когнитивная лингвистика исходит из того, что одно и то же событие может быть осмыслено альтернативными способами [5, с. 36 – 40], что ведет к порождению синонимичных языковых средств: морфем, лексических единиц, словообразовательных типов, синтаксических конструкций. Говорящий человек может по-разному описывать одно и то же событие экстралингвистической действительности. Возможность различной интерпретации исходного события познающим и категоризирующим сознанием индивида ведет к тому, что одно и то же реальное событие может быть выражено разными языковыми средствами [4, с. 200 – 206]. В рамках когнитивного подхода язык становится уже не объектом, а инструментом иссле-

дования, позволяющим нам реконструировать те структуры знания, которыми оперирует мозг человека.

Наша работа предлагает один из приемов лингвистического описания, в основе которого находится метод пропозиционально-фреймового моделирования, применяемый к анализу семантической структуры комплексной единицы словообразовательного уровня языка – гнезда однокоренных слов. Теоретические основы, техника и методология разрабатываемого моделирования подробно изложены в [7, 13]. Основными операциональными единицами описания являются фрейм, пропозиция и лексикализованная ситуация. Под ситуацией мы понимаем сложную семантическую единицу, которая коррелирует с определенным фрагментом мира (действительности) и с обработанным мыслью фактом сознания. Пропозиция является схемой организации пространства ситуации, отражая ментальный способ восприятия, хранения и воспроизведения информации о человеческой деятельности. Фрейм выступает более сложной, комплексной единицей анализа, объединяя несколько пропозиций-ситуаций. При структурировании ситуации выделяются восемь основных составляющих: субъект, характеризующийся активным началом (*S*), предикат, обозначающий действие (*P*), объект, на который направлено действие (*O*), инструмент, при помощи которого осуществляется действие (*I*), процесс протекания действия (*R₀*), результат или цель действия (*R*), локатив или место, где происходит действие (*L*) и время протекания действия (*T*).

Выстраивая пропозициональные отношения между однокоренными словами, мы, с одной стороны, восстанавливаем описание ситуации действительности, акцентируя внимание на значимости участков, подвергшихся номинации, с другой стороны, объективируем языковыми знаками глубинные уровни семантики и отношений между словами. Наличие разных слов для описания единого события свидетельствует о разных смыслах, стоящих за этими словами. В каждом случае высвечивается тот или иной наиболее актуальный для человека смысл, значимость которого определяется условиями ситуации. Рассмотрим данное положение на примере лексем **барыш** и **прибыль**, которые соотносятся в значении «денежный доход, сумма, полученная от предпринятого дела, сверх затраченных средств». Реконструкция человеческого опыта, связанного с описываемыми объектами действительности, приводит к восстановлению ситуаций, участники которых определены родственными по корню и смыслу словами:

Фрейм БАРЫШ

I) **барышник** (*устар. тот, кто занимается перепродажей ради барыша*) (*S*) – **барышничает** (*P*) – в процессе **барышничества** (*занятие барышника*) / **барышнического** (*промысла*) (*R₀*);

II) **барышник** (*устар.*) (*S*) – **выбарышничал/набарышничал/сбарышничал** (*P*) – **барыш** (*разг. прибыль, материальная выгода*) (*R*);

III) (*X*) некто (*S*) – **побарышничал** (*занимался перепродажей*) (*P*) – какое-то время (*T*).

Фрейм ПРИБЫЛЬ

I) **прибыльное** (дело, предприятие)/ которое характеризуется **прибыльностью** (*S*) – приносит (*P*) – **прибыль** (*З*) *денежный доход: сумма, составляющая разницу, на которую доход превышает затраты*)/ **сверхприбыль** (*прибыль, значительно превышающую среднюю прибыль*) (*R*);

II) **бесприбыльное** (дело, предприятие)/ которое характеризуется **бесприбыльностью** (*S*) – не приносит (*P*) – **прибыль** (*O*);

III) **убыточное** (предприятие, торговля)/ которое характеризуется **убыточностью** (*S*) – приносит (*P*) – **убыток** (*R*).

Постепенное развертывание ситуаций фрейма ПРИБЫЛЬ позволяет детально описать все возможные варианты реконструируемой деятельности, связанной с исследуемым объектом: получение **прибыли** и **сверхприбыли**, ее отсутствие, и ее отрицательный вариант – **убыток**. В I пропозиции **прибыль** функционирует в семантической роли результата действия (*R*). Во II пропозиции **прибыль** выполняет функцию объекта действия (*O*). В рамках отрицательной ситуации **прибыль** приобретает смысл *не достигнутой цели* и, следовательно, говорить о **прибыли** как о результате уже не возможно. В III пропозиции лексическая единица **прибыль** замещается своим антонимом – **убытком**, что хотя и не является целью, но, тем не менее, становится результатом действия. Ситуации можно обозначить как «деятельность с приращением капитала», «деятельность без приращения капитала», «деятельность с потерей капитала». Таким образом, деятельность «с барышом» представлена только в первой ситуации.

В отличие от ситуаций фрейма ПРИБЫЛЬ реконструированные ситуации фрейма БАРЫШ не рассматривают возможность отсутствия прибыли, акцентируя внимание на процессуальном (*R₀*), результативном (*R*) и временном (*T*) аспектах деятельности, связанной с исследуемым объектом. В подобных аспектах фрейм БАРЫШ коррелирует с фрагментом фрейма ТОРГОВЛЯ, в котором II пропозиция воспроизводит ситуацию *перепродажи*, XI пропозиция актуализирует значимость временной ограниченности производимого действия, XIII и XIV пропозиции подчеркивают результативность события, а именно получения денег (**выторга, наторгованного**):

II) **торговец** (*торгует своим товаром, частник*)/ **торговка** (*торгует мелочью*) (*S*) – **переторговывает** (*торгует ранее купленным товаром*) (*P*) – в процессе **переторжки** (*R₀*);

XI) **торговец/ торговка** (*S*) – **поторговал** (*торговал некоторое время*)/ **проторговал** (*в течение какого-л. времени*) (*P*) – какое-то время (*T*);

XIII) **торговец/ торговка** (*S*) – **выторговал** (*1. торгуя, заработал*) (*P*) – **выторг** (*деньги, полученные от торговли чем-л.*) (*R*);

XIV) **торговец/ торговка** (*S*) – **наторговал** (*2. торгуя, выручил 2. продал товар на какую-л. сумму*) (*P*) – в результате у него/ нее есть (*X*) нечто **наторгованное** (*R*).

Таким образом, мы можем говорить о ситуационной соотнесенности субъектов **торговец** и **барышник**, предикатов **переторговывает** и **барышничает**, **поторговал** и **побарышничал**, **выторговал** и **выба-**

рышничал, **наторговал** и **набарышничал**, процессуальной составляющей ситуации **переторжка** и **барышничество/ барышнический** (промысел), результата деятельности **выторг/ наторгованное** и **барыш**. Синонимичными являются отдельные лексемы, выполняющие семантические роли в рамках фрейма, а также целые лексикализованные ситуации, описывающие единое событие.

Следует обратить внимание на отсутствие объективации актанта субъекта (*S*) во фрейме ПРИБЫЛЬ, в отличие от ситуаций фреймов БАРЫШ и ТОРГОВЛЯ, в которых называется активный источник осуществляемого действия, что объясняется глобализованным, масштабным описанием события в первом случае и индивидуальным, частным вариантом – во втором. В современном русском языке наблюдается тенденция к меньшему употреблению слов, представленных во фреймах БАРЫШ и ТОРГОВЛЯ, для описания ситуаций, связанных с получением прибыли. Уходят в прошлое **барышник**, **торговец** и **торговка** как представители индивидуального труда, частной торговли. Их место занимает массовый производитель, обезличенный продавец (торговый дом, торговый центр), который не несет ответственности за качество продаваемого товара и не заинтересован в его выгодной продаже. Отдельный продавец, как физический исполнитель функции торгующего субъекта, получает фиксированную заработную плату и не мотивирован на более успешное осуществление деятельности. Именно поэтому более современные по своему функционированию лексические единицы, представляющие комплекс ситуаций, связанных с ядром **прибыль**, объективируют три возможные версии деятельности, в то время как устаревающие по своему употреблению однокоренные лексемы, объективирующие ситуации, соотносимые с семантическими центрами **барыш** и **выторг/ наторгованное**, не рассматривают вариантов отсутствия прибыли. Данное наблюдение указывает на специфику ментальности русского народа-торговца, нацеленного своей деятельностью на получение результата труда. Постепенное изменение ментальности находит отражение в более частотном употреблении «экономического» слова, за которым стоит целая история осмысления экономической деятельности, результат которой может быть различным.

Развертывание ситуаций фрейма БАРЫШ провоцируется результатом деятельности, именно он становится смысловым центром и точкой отсчета мыслительной и категоризирующей активности сознания номинирующего/ говорящего субъекта. Ролевая семантика ядерной единицы фрейма ПРИБЫЛЬ характеризуется вариативностью, изменчивостью: являясь целью деятельности, **прибыль** может актуализироваться в результат, может оставаться нереализованной целью. Развитие фреймового потенциала ТОРГОВЛЯ идет за счет расширения семантики предиката: приставочные глагольные формы вносят дополнительные оттенки значения и способствуют объективации дополнительных ситуаций. Отдельное слово имплицитно целый комплекс ситуаций, связанных именно с этим корнем и смыслом. Выбор того или иного синонима в процессе речевой деятельности определяется

целевой установкой говорящего: желает ли он сообщить об акте торговли (**выторг, наторгованное**), акцентировать внимание на прибыли (**барыш**) или показать вариативность, изменчивость результата деятельности (**прибыль**).

Таким образом, рассмотрение проблемы синонимичных единиц через призму пропозиционально-фреймовой организации отношений между однокоренными словами, реконструирующими опыт человека, позволило сделать следующие наблюдения: синонимичные единицы занимают одинаковые семантические позиции при восстановлении лексикализованных ситуаций; синонимичные единицы провоцируют развертывание синонимичных ситуаций. Специфику синонимичных единиц можно увидеть при восстановлении целого фрейма: являясь синонимами при сотнесении с единым денотатом или понятием, функционируя в одной и той же семантической роли, порождая тождественные по семантике высказывания, тем не менее, близкие по смысловому содержа-

нию слова имеют свою когнитивную историю – историю осмысления воспринимаемой реальности в различных ракурсах и с различных точек зрения. Именно рассмотрение синонимичных единиц в рамках целого комплекса ситуаций, объективированных однокоренными словами, позволяет увидеть их глубинную специфику: раскрыть ту совокупность понятий, представлений и стереотипов носителя языка, которая стоит за словом и определяет тот или иной выбор синонима.

Синонимы появляются в результате поиска соответствующего словесного материала для адекватного выражения мыслей, чувств, описания реалий. Реконструкция человеческого опыта, связанного с синонимичными именами или предикатами, основанная на пропозициональном анализе отношений между однокоренными словами, описывающими семантически целостную ситуацию действительности, позволяет вскрыть глубинные основания для различного именования одного и того же события.

Литература

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1994.
2. Араева, Л. А. К вопросу о словообразовательной синонимии / Л. А. Араева // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1991.
3. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994.
4. Генералова, Л. М. Транспозиционные преобразования в системе семантических предикатов как средство альтернативной концептуализации события / Л. М. Генералова // Язык. Культура. Коммуникация: мат. Междунар. науч. конф. – Волгоград, 2006.
5. Кураков, В. И. Грамматика как система ментальных структур и категорий концептуализации познанного мира / В. И. Кураков // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 2006.
6. Немченко, В. Н. Словообразование и вариативность слова в русском языке (к соотношению словообразования и лексики) / В. Н. Немченко // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка: материалы Областной научной конференции. – Омск, 1988. – С. 57 – 60.
7. Осадчий, М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2007.
8. Покровская, О. В. Языковой образ человека в синонимических репрезентациях: опыт разработки частной теории (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Покровская. – Кемерово, 2008.
9. Рахманова, Л. И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебное пособие / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
10. Сиддикова, И. А. Критерии выделения синтаксических синонимов в английском языке / И. А. Сиддикова // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 2006. – С. 59 – 64.
11. Современный русский язык: учебник. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Лань, 1999.
12. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990.
13. Шабалина, А. Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли: дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Шабалина. – Кемерово, 2008.
14. Шумилова, А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка): дис. ... канд. филол. наук / А. А. Шумилова. – Кемерово, 2009.

Информация об авторе:

Шабалина Альбина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель Беловского политехнического колледжа, 8(38452) 6-41-50, joyforever2008@yandex.ru.

Albina N. Shabalina – Candidate of Philology, Lecturer at Belovo Polytechnical College.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ТЕКСТАХ МЕДИЙНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Л. А. Шарикова

WORLD CONCEPTUALIZATION IN THE TEXTS OF THE EUROPEAN UNION'S MEDIA SELF-PRESENTATION

L. A. Sharikova

Концептуализация мира и себя как части этого мира отражается в обновленной жанровой форме самопрезентации, что позволяет сегодня понять официальную составляющую саморефлексии субъекта концептуализации – Европейского Союза. Понимание возможно при выделении основных концептуальных зон, которым соответствуют основные концептуальные смыслы, содержащиеся в текстовой форме медийной самопрезентации ЕС.

World conceptualization and conceptualization of oneself as a part of this world is reflected in the updated genre form of self-presentation that allows to understand the official component of the self-reflection of the European Union as the subject of conceptualization. The understanding is possible at allocation of the main conceptual zones, to which correspond the conceptual meanings contained in the EU's media self-presentation texts.

Ключевые слова: концептуализация мира, концептуальные смыслы, медийная самопрезентация, саморефлексия, Европейский Союз.

Keywords: world conceptualization, conceptual meanings, media self-presentation, self-reflection, the European Union.

Термин «концептуализация» в современной лингвистике, как, впрочем, и в других науках, менее встречаем в отличие от термина «картина мира». Он называет понятие, которое в рамках современной антропоцентрической исследовательской парадигмы следует считать самым актуальным, поскольку оно именует деятельность сознания человека и отражает эту деятельность в процессуальном аспекте [11, с. 158]. Именно восприятие мира как перманентная деятельность сознания порождает картины мира в разных социальных, профессиональных сферах, в разнообразных жанровых формах, отдельных людей или целых объединений человеческих ресурсов, различающихся друг от друга количественно, по социальному или политическому статусу, по принципам объединения и структурно. Процесс концептуализации как деятельности сознания выделяет смыслы, которые рождаются посредством общей технологии корреляции (кто – что; процесс – действие – состояние – деятельность; я – не-я; старый – молодой, там – здесь, тогда – сейчас – потом и т. д.) и в дальнейшем проверяются гносеологической и коммуникативной практикой неоднократно [10, с. 137 – 138]. При этом человеком как субъектом концептуализации получаемые смыслы определяются по степени их значимости и ценности. Сами смыслы, по определению, состоят из качеств, качественных характеристик, которые подвергаются иерархизации (что или кто более или менее значимо/значим и ценно/ценен?) [12, с. 201 – 205].

Настоящая статья посвящена исследованию концептуальных особенностей самопрезентации современной конфедерации как жанра медийного дискурса. *Источником языкового материала* исследования послужили тексты, размещённые на немецкоязычной версии официального сайта Европейского союза <http://europa.eu>. *Объектом* исследования являются особенности самопрезентации как жанра медийного дискурса. *Предмет* исследования составляют дискурсивные, терминологические, когнитивные и прагмати-

ческие характеристики жанра самопрезентации в медийном дискурсе.

Цель работы состоит в том, чтобы раскрыть механизм концептуального оформления жанра самопрезентации в медийном дискурсе; провести исследование медийного жанра самопрезентации по выявлению концептуальных смыслов текстового полотна на основе материала конфедерации – сайта Европейского союза.

Конец XX и начало XXI веков характеризуется стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и таким же стремительным полиаспектным процессом их интеграции в современную социальную жизнь [15; 16]. В течение последних двух десятилетий Интернет занял одну из ключевых позиций во всех сферах жизни современного общества, став одним из основных элементов развития цивилизации [1; 2]. В связи с интенсивным внедрением в жизнь общества компьютера и Интернета формируется особый тип дискурса – медийный дискурс [17, 18, 19, 20, 21]. Медийный дискурс, являясь сравнительно молодым типом, «стал своеобразной жанропорождающей средой, которая способствует как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только этой информационной среде, жанров, в которых реализует как общие, так и индивидуальные свойства, характерные для данного типа дискурса» [5, с. 165 – 175].

Одним из таких жанров является самопрезентация. На современном этапе понятие самопрезентации рассматривается в основном с позиции социальной психологии и теории коммуникации (А. Адлер, Г. В. Бороздина, Е. Л. Доценко, Ю. М. Жуков, Т. А. Кубрак, Е. В. Михайлова, М. Ю. Рябова, E. Goffman, R. Harre, J. T. Tedeschi, M. Riess, T. A. Dijk, J. Waite, R. F. Baumeister, A. Steinhilber). На сегодняшний день исследователи не пришли к единому определению этого понятия, так как существует множество подходов к его изучению. По мнению Д. Майерса, самопрезентация

(self-presentation) – это «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [6, с. 129]. В настоящем исследовании самопрезентация понимается как совокупность вербальных и паравербальных средств, используемых субъектом для моделирования представления о себе в условиях конкретной прагматической ситуации общения. Самопрезентация, являясь, по сути, одним из самых старых речевых жанров, в настоящее время находится в стадии формирования в среде медийного дискурса, что способствует появлению, наряду с традиционно сложившимися, новых её особенностей [9, с. 226]. Их анализ, описание и систематизация, а также соответствие общей установке современной лингвистики на антропоцентричность, общим направлениям научных изысканий в области анализа дискурса и теории жанров, таким образом, обуславливают *актуальность* работы.

Как новое средство массового распространения информации Интернет становится мощным дополнительным содержательно и функционально богатым инструментом информационного воздействия и коммуникативного взаимодействия для политических организаций [21]. В настоящее время практически каждая организация имеет свой официальный сайт, который соответствует её имиджу, целям и задачам. Официальный сайт – это «лицо» организации, одно из эффективных средств информирования, создания мнений о ней, отражения представлений о себе и других. Отличительной чертой самопрезентации на официальном сайте является возможность предоставления информации непосредственно «из первых рук», что, в свою очередь, позволяет практически полностью управлять впечатлением о себе [14; 19]. Кроме того, Интернет, выступая демократичным средством коммуникации, доступным всем заинтересованным лицам [13, с. 51 – 56], обеспечивает воздействие на максимально широкую аудиторию.

1. Характеристика конфедеративной организации Европейский союз

Европейский Союз (Europäische Union, EU) – объединение европейских государств, участвующих в процессе европейской интеграции [3; 7]. На сегодняшний день в ЕС входят 27 государств-участников, среди них: Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Великобритания и др. ЕС является одним из трех основных и наиболее развитых центров современного мира, наряду с Соединенными Штатами Америки и Японией. Это – крупнейшая мировая торговая зона, на него приходится почти четверть мировой торговли. На ЕС приходится и основная доля помощи развивающимся странам. В целом ЕС поддерживает дипломатические отношения более чем со 130 странами мира.

На сегодняшний день ЕС является не единственной конфедерацией, есть и другие (например, СНГ). Однако от прочих существующих конфедеративных объединений ЕС существенно отличается несколькими классификационными параметрами:

1) всеобъемлющей федеративно-конфедеративной сферой приложения своих интересов, отраженных в основных целях объединения;

2) разветвленной, четко продуманной и функционирующей структурой своих органов управления, где также отражена контаминация двух ведущих принципов интеграции;

3) «открытой» политикой членства в ЕС, когда на государство-члена ЕС не накладываются запреты выхода/ неучастия в деятельности других сообществ;

4) на сегодняшний день обширной сетью отношений разного характера с большинством стран и сообществ, что позволило ЕС создать так называемое «глобализованное» пространство, как результат интеграции стран, блоков, сообществ, выходящей далеко за рамки Европы, что и помогло создать ЕС неофициальный (незадокументированный), но работающий статус международного сообщества. Такой имидж сообщества позволяет говорить о ЕС как о новом уникальном типе конфедерации.

ЕС имеет собственную официальную символику – флаг и гимн.

ЕС не имеет официальной столицы: члены ЕС являются по очереди председателями Сообщества в течение полугода согласно латинскому алфавиту.

К основным провозглашенным целям ЕС относятся следующие:

1) введение европейского гражданства;

2) обеспечение свободы, безопасности и законности;

3) содействие экономическому и социальному прогрессу;

4) укрепление роли Европы в мире.

«При анализе политики ЕС можно выделить три основополагающих направления («три опоры»):

– «первая опора» – экономический и валютный союз (ЭВС). Охватывает: внутренний рынок, в том числе условия труда и безопасность товаров; конкурентную политику; экономическую и монетарную политику; торговую политику; сельское хозяйство; рыболовство;

– «вторая опора» – общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ), в которой все больший вес получает военная составляющая – Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО); охватывает все области внешней политики и политики безопасности путем: определения принципов и основных ориентиров ОВПБ; принятия решений по общей стратегии; усиления систематического сотрудничества между государствами-членами в проведении их политики;

– «третья опора» – сотрудничество государств-членов в области внутренних дел и правосудия. Решения по этим вопросам принимаются на основе межправительственного сотрудничества стран Союза по следующим направлениям: политика предоставления политического убежища; контроль над внешними границами ЕС; иммиграционная политика; таможенное сотрудничество; сотрудничество в области гражданского и уголовного права; сотрудничество национальных полицейских служб, создание Европейского полицейского ведомства» [8, с. 65 – 66].

Итак, по характеру своей компетенции ЕС выступает как надгосударственная (наднациональная) организация политической власти, в пользу которой государства-члены добровольно ограничили свой суверенитет. ЕС сегодня – это государственно-подобное образование, постепенно эволюционирующее в сторону полноценной федерации. В то же время сегодня ЕС еще сохраняет ряд общих черт с международной (межправительственной) организацией и конфедерацией государств.

Для реализации своей политики ЕС имеет разветвленную институциональную структуру, элементы которой формируются двумя способами: одни институты состоят из лиц, действующих в качестве официальных представителей государств-членов; другие – из лиц, предлагаемых национальными правительствами, но действующих от имени всего Сообщества. В настоящее время главными органами управления ЕС являются: Европейский совет, Совет ЕС, Европейская комиссия, Европейский парламент и Суд. Имеются также вспомогательные и консультативные органы: Экономический и социальный комитет, Комитет регионов и Счетная палата (или Палата аудиторов). В организационную структуру ЕС входят также Европейский центральный банк, Европейский инвестиционный банк, институт Европейского омбудсмена, занимающегося жалобами граждан относительно плохого управления какого-либо института или органа ЕС, а также 15 специализированных агентств и органов (например – Европейский мониторинг центр по борьбе с расизмом и ксенофобией, Европол, Евроюст).

Таким образом, ЕС – уникальное международное объединение: он сочетает признаки международной организации и государства, однако формально не является ни тем, ни другим. ЕС – это конфедеративная институция, сфера деятельности которого распространяется на разноплановые и полиаспектные области. ЕС состоит из отдельных институтов – каждый со своими собственными функциями, однако работающих для достижения единых целей [там же, с. 66 – 67].

2. Характеристика медийной самопрезентации конфедерации

Медийный дискурс, являясь деятельностью, осуществляемой субъектом массовой коммуникации, мотивирован определённой целью, в зависимости от которой он приобретает специфичное содержание. Полиинституциональная сущность Евросоюза как конфедеративного образования находит своё отражение в его медийной самопрезентации [9]. Разветвлённая система институтов репрезентируется на текстовальном уровне стратификацией рассматриваемого дискурса на различные субдискурсы, каждый из которых представляет определённую сферу деятельности конфедерации, то есть медийный дискурс контаминирует в себе дискурсивные характеристики различных субдискурсов. Каждый субдискурс выражается соответствующими предметно-терминологическими областями, вербальной основой которых выступают монокомпонентные и/или поликомпонентные специальные единицы – термины. Поскольку сфера деятельности

конфедерации охватывает широкий спектр вопросов (административно-политическая сфера, куда входят оборона, юстиция, внешние сношения и пр., и социально-культурная сфера – здравоохранение, наука, культура, образование и пр.), то в медийном дискурсе конфедерации сосуществуют следующие субдискурсы, для каждого из которых характерна соответствующая терминология: 1) административно-политическая сфера, куда входят оборона, юстиция, внешние сношения и пр. и социально-культурная сфера (здравоохранение, наука, культура, образование и пр.), в данном медийном дискурсе сосуществуют следующие субдискурсы:

1) экономический: *der Binnenmarkt* – внутренний рынок, *finanziell* – финансовый;

2) дипломатический: *das Gipfel(treffen)* – встреча на высшем уровне, *die Eskalation* – эскалация (агрессии);

3) юридический: *die Menschenrechte* – права человека, *die Verfassung* – конституция;

4) социологический: *die Gesellschaft* – общество, *die Bürgerinitiative* – гражданская инициатива;

5) военный: *die Munition* – боеприпасы;

6) общеполитический: *das Parlament* – парламент, *der Präsident* – президент.

Однако границы каждого из этих субдискурсов достаточно сложно определить. Наряду с узкоспециальными терминами, характерными исключительно для какой-либо определённой области, существуют термины, которые являются «своими» для нескольких областей знания и могут использоваться для обозначения разных понятий в различных дискурсах. Например, термин *die Justiz* является несомненным маркером юридического дискурса, *die Inflation* – термин экономического дискурса (банковское дело и пр.). В отличие от них, например, термин *die Abstimmung* обозначает различные понятия в зависимости от области применения: в экономическом и банковском дискурсе – «сверка», «выверка», «согласование», в политическом дискурсе – «голосование». Таким образом, субдискурсы накладываются друг на друга в пределах одного дискурсивного поля, вследствие чего происходит контаминация смыслов и мегасмешение терминов.

«Содержательно-концептуальная» [4, с. 26 – 50], иначе – передающая глубинный смысл, информация текста является контентообразующей, то есть относящейся к основной идее, замыслу текста. Контентообразование медийного текста, как показывают исследования, обнаруживает свойство технологичности. Речь в данном случае идёт о технологиях, посредством которых автор целенаправленно воздействует на адресата и целенаправленно внедряет в его сознание ту или иную концептуальную информацию. Данные технологии понимаются как информационная система использования совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией. Таким образом, понимаемые контент-технологии предполагают порождение текстов, содержательно-концептуальная информация которых сводится к набору определённых смыслов. Ориентация на целенаправленное управление восприятием адресата достигается посредством дискурсивных практик, то есть систем действий в рамках дискурса, направленных на

реализацию соответствующих целей, – использование определённых метафорических моделей, стереотипов, структурное своеобразие текстов медийного дискурса, система номенологических, аксиологических и риторических средств.

Медийный дискурс является особым социальным продуктом и одной из его особенностей можно назвать то, что внутри него реализуется противоборство двух противоположных политико-социальных тенденций. С одной стороны, медийный дискурс не может не отражать стремления к глобализации, которое характеризует современное общество. С другой стороны, любой медийный текст создаётся представителем того или иного лингвокультурного сообщества и не может не отражать ценностные установки этого сообщества, его культуру. Даже задачи глобализации, обуславливающие сильнейшие интеграционные силы, не могут окончательно справиться с тенденциями, которые способствуют передаче этнокультурной специфики. Таким образом, эти две тенденции – к глобализации и к интеграции – являются на настоящий момент определяющими для существования медийного дискурса.

Выше сказанное относится и к содержанию сайта ЕС, поэтому мир в самопрезентации всегда отражается как часть ее субъекта: мир – это ЕС, и все прочее в мире различным образом вертится вокруг этого коллективного (в других случаях, возможно, индивидуального) субъекта. Кроме того, существенным лингвокультурным компонентом самопрезентации ЕС можно считать лингвокультурное удобство использования информации на сайте ЕС:

1) контент самопрезентации ЕС предлагается в нескольких языковых вариантах (на исходной странице предложен выбор 23 языков, на которых можно ознакомиться с данной информацией);

2) весь контент самопрезентации ЕС или его паритив можно перевести на более чем 50 языков мира (языковые сервисы на сайтах институтов ЕС).

3. Концептуальные смыслы в текстах медийной самопрезентации ЕС

Медийный дискурс конфедеративной организации (то есть ЕС – политическая организация) отличается от других типов дискурса. Одной из его особенностей является направленность на результат, на достижение цели. Целью обычно является попытка внушить, навязать адресатам «нужное» мнение, «правильный» способ интерпретации некоего события и в долгосрочной перспективе – достижение и удержание власти. Успех в достижении этой цели в немалой степени зависит от концептов, которыми интерпретатор дискурса манипулирует. Концепт является не только интерпретационным инструментом, но и основой любого дискурса. Дискурс выступает как инструмент для организации смыслов, продуцируемых в результате мыслительной, эмоциональной и мирозерцательной деятельности человека, и как средство передачи этих смыслов от одного коммуниканта другому.

Жанр самопрезентации предполагает трансляцию адресатом определённых концептуальных смыслов,

которые, в первую очередь, являются результатом самооценки. Именно поэтому их выявление представляет интерес для исследования. Анализ текстовой самопрезентации конфедерации позволил выявить следующие концептуальные смыслы:

1) концепты, репрезентирующие общечеловеческие ценности: человек, семья, здоровье, природа, благополучие, безопасность, возможности;

2) концепты сферы политики: защита, влияние, уникальность, толерантность, сплоченность, свобода, власть, благосостояние, стабильность, мир, закон, космос, окружающая среда, демократия, права, соседи, помощь, поддержка, политика, технологии;

3) концепты, несущие явно негативную информацию: враг, нарушение, война (таблица).

На основе вышесказанного, можно сделать вывод, что самопрезентация направлена на то, чтобы вызвать у адресата положительные эмоции и ассоциации, ее контент апеллирует к глубинным слоям сознания.

На основании таблицы можно выделить наиболее значимые/ частотные концепты в текстах медийной самопрезентации конфедерации. Как известно, частотность употребления концепта прямо пропорциональна его значимости для конкретного текста/ дискурса: чем чаще употребляются номинации концепта, тем более значимый смысл вкладывает в него адресант. Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что наиболее значимыми для исследуемого текста являются концепты: *das Recht* (право), *das Gesetz* (закон), *die Demokratie* (демократия), *die Freiheit* (свобода). Данные концепты совпадают с основными установками и «девизом» ЕС. Более того, можно сделать вывод, что многократным повтором номинаций определенных концептов адресант сознательно пытается донести их до сознания адресата, чтобы они там «закрепились», создавая тем самым определённый образ себя: ЕС как организация, для которой закон, демократия, права и свобода (человека, в данном случае) превыше всего. Вторую группу представляют менее часто номинируемые, однако, более интересные с исследовательской точки зрения концепты: *die Politik* (политика), *die Macht* (власть), *die Hilfe* (помощь), *der Mensch* (человек). Эти концепты как бы скрыты, «завуалированы» первой группой. Концепты *die Politik* и *die Macht* как раз выражают основную цель самопрезентации: презентация своих возможностей, полномочий, в итоге – презентация власти и её удержания. Однако эти концепты не могут быть выражены открыто, как первая группа, так как открытое их навязывание может вызвать реакцию отторжения и недоверия у реципиента. Более того, по количеству номинаций они находятся примерно в одном ряду (но всё же выше) с концептами «человек», «помощь». Таким образом, борьба за власть приобретает «человеческое лицо», приобретает положительную мотивацию: эта власть готова прийти на помощь человеку, «эта власть функционирует ради человека».

Таблица

Концептуальные смыслы в текстах медийной самопрезентации ЕС

№	Концептуальные смыслы	Количество репрезентаций в тексте / ед.
1	das Recht (право)	780
2	das Gesetz (закон)	670
3	die Demokratie (демократия)	601
4	die Freiheit (свобода)	567
5	die Politik (политика)	461
6	die Macht (власть)	450
7	der Mensch (человек)	435
8	die Hilfe (помощь)	431
9	die Technologien (технологии)	364
10	die Stabilität (стабильность)	361
11	die Unterstützung (поддержка)	329
12	die Zusammenarbeit (сотрудничество)	327
13	die Nachbarn (соседи)	311
14	der Frieden (мир)	274
15	der Wohlstand (благополучие)	258
16	die Verteidigung (защита)	212
17	die Toleranz (толерантность)	201
18	die Sicherheit (безопасность)	189
19	die Familie (семья)	123
20	die Einheit (единство)	100
21	die Gesundheit (здоровье)	99
22	die Einzigartigkeit (уникальность)	92
23	die Umwelt (окружающая среда)	82
24	der Krieg (война)	57
25	der Feind (враг)	65
26	die Verletzung (нарушение)	43

Названные концепты образуют «ядро» медийного контента конфедерации. Остальные концепты (*die Technologien* (технологии), *die Stabilität* (стабильность), *die Unterstützung* (поддержка), *die Zusammenarbeit* (сотрудничество), *die Nachbarn* (соседи), *der Frieden* (мир как состояние без войны), *der Wohlstand* (благополучие), *die Verteidigung* (защита), *die Toleranz* (толерантность), *die Sicherheit* (безопасность), *die Familie* (семья), *die Einheit* (единство), *die Gesundheit* (здоровье), *die Einzigartigkeit* (уникальность), *die Umwelt* (окружающая среда)) являются периферийными (второстепенными), отражающими дополнительные характеристики. Они апеллируют к сознанию адресата, вызывая у него образы организации, готовой оказать поддержку соседним странам или более слабым государствам; организации, нацеленной на плодотворное сотрудничество; организации, гарантирующей безопасность, защиту и стабильность свои членам; организации, которая заботится о здоровье людей и об окружающей среде; уникальная организация, признающая идентичность своих членов.

Наименее употребительными и представленными самой малочисленной группой являются концепты с явно негативным значением: *der Krieg* (война), *der Feind* (враг), *die Verletzung* (нарушение). Эти концепты составляют дальнюю периферию. Они, в противопоставлении с остальными, реализуют дихотомию «свое-чужое». «Свое» – это члены ЕС, которым гарантированы определённые блага, «чужое» – это враг, потенциальный зачинщик войны, от которого требуется защита. Так же к категории «чужой» относится тот член, который не выполняет принятых правил (*die Verletzung* (нарушение)). Прагматическое назначение

данной бинарной оппозиции – укрепить созданный положительный образ в сознании адресата, используя контрастное противопоставление. Помимо этого, адресант ещё раз подчёркивает преимущество быть «своим». Таким образом, вся концептосфера подчинена главной задаче – презентация своей власти, на пути к достижению которой стоят успешная самопрезентация и, как её следствие, завоевание доверия аудитории.

Итак, Интернет является передовым средством коммуникаций, средством получения и передачи разнообразной информации, касающейся всех отраслей знаний и деятельности общества. Интернет занимает одно из ведущих мест в структуре связей с общественностью (PR) ввиду его доступности каждому пользователю, оперативности получения и предоставления информации, интерактивности.

Самопрезентация представляет собой синкретичный информативно-оценочный медиа-контент, поскольку в его рамках сочетается сообщение автором информации о себе, самооценка и воздействие. Самопрезентация представляет собой определённый способ представления субъектом речемыслительной деятельности самого себя путем дискурсивного моделирования образа в прагматической ситуации общения. Особенности медийной самопрезентации являются ритуализованность, определённое построение текста и расположение информации, оперативность и актуальность предоставляемой информации, удобная навигация, наличие гиперссылок, доступность любому человеку, имеющему доступ в интернет, технологичность.

К основным особенностям деятельности ЕС следует отнести следующие:

1) ЕС на сегодняшний день является одним из самых перспективных участников мировой социально-экономической и политической интеграции;

2) ЕС демонстрирует новую форму конфедерации, уникальную с точки зрения степени контаминации двух основных принципов интеграции, а также уникальную по степени интеграционной перспективности и высокого мирового имиджа;

3) указаны факторы итоговой степени перспективности ЕС на мировой политической арене и на экономическом рынке: четкая и четко работающая разветвленная структура конфедерации, обеспечивающая возможность ЕС проявлять себя в практически мировой сфере деятельности на всех основных уровнях жизнедеятельности любого сообщества: экономическом, внутри- и внешнеполитическом, социальном, правовом, финансовом уровнях;

4) кроме названных выделены и другие позитивные принципы функционирования ЕС: непротивление участию государств-членов ЕС в деятельности других сообществ, демократический принцип в работе институтов ЕС, а также доступность информации о них в интернете;

5) национальные правительства теряют одни, в то же время сохраняют другие важные рычаги влияния на социально-экономическое развитие своих стран. Возможно, в облике данного регионального союза возникает некое новое образование, своеобразный гибрид национального и наднационального регулирования: он поддерживает оптимальное функционирование национальных хозяйственных систем при унифицированном законодательстве и единой кредитно-денежной политике.

Такая многоплановая и многоаспектная деятельность конфедерации подробно (включая обзор исторических вех в создании и развитии ЕС) представлена в текстовом варианте самопрезентации ЕС в интернете. Этот текст отличается следующими особенностями: 1) полиинституциональностью конфедеративного субъекта (European Council 'Европейский Совет', Council 'Совет ЕС'=Совет министров, European Commission 'Европейская Комиссия', European Parliament 'Европейский Парламент', Court of Justice of the European Communities 'Суд Европейских Сообществ', Court of the First Instance 'Суд Первой инстанции', The Court of Auditors 'Счетная Палата', Economic and Social Committee 'Экономический и Социальный комитет', Committee of the Regions 'Комитет Регионов', Европейский центральный банк, Европейский инвестиционный банк, институт Европейского омбудсмена); 2) полидискурсивностью информации; 3) соответственно, смысловой мегаконтаминацией; 4) терминологическим мегасмещением; 5) четко организованной информацией, своей структурой интегрированной в новый жанр медиатекста – самопрезентация, своей прагматикой обуславливающей многоаспектность информации о субъекте.

Контент медийной самопрезентации обладает рядом специфичных характеристик: одни из них являются традиционными, другие – приобретенными вследствие развития Интернет-технологий. Традици-

онными можно назвать ритуализованность: жанр диктует структуру и содержание, определенное расположение информации, лаконичность, доступность. Информация текста самопрезентации располагается в порядке релевантности для адресанта – на первое место он ставит то, что считает наиболее важным донести до реципиента. Однако эта информация должна быть релевантна, понятна и доступна реципиенту. С развитием Интернета жанр самопрезентации получил множество дополнительных инструментов воздействия – графические, аудио-визуальные, медиа-лингвокультурные элементы, но самое главное – гипертекст. Благодаря этому текст приобрел наиболее удобную форму: каждый реципиент может сам выбирать последовательность ознакомления с информацией. Также ввиду доступности Интернета каждый пользователь может получить интересующую информацию в любой момент и максимально быстро.

Жанр самопрезентации предполагает трансляцию адресатом определенных концептуальных смыслов, которые, в первую очередь, являются результатом самооценки. В результате концептуального анализа было выявлено 26 наиболее частотных, а следовательно, наиболее значимых концептуальных смыслов: ЕС представляет себя как надежную, сильную конфедеративную организацию, для которой концептуально значимы права человека и демократию как оптимальную систему управления государством. ЕС хочет внушить адресату, что он является защитой, опорой и поддержкой для соседей, для людей. Страны-члены ЕС гарантировано получают блага: комфорт, стабильность, уважение, толерантность.

Медийный контент ЕС предполагает обращение к особо значимым или привычным для того или иного социума концептам. Предметная область включает в себя концепты, образующие его тематическое и смысловое «ядро»: *das Recht* (право), *das Gesetz* (закон), *die Demokratie* (демократия), *die Freiheit* (свобода); *die Politik* (политика), *die Macht* (власть), *die Hilfe* (помощь), *der Mensch* (человек); к периферийным концептам относятся: *die Technologien* (технологии), *die Stabilität* (стабильность), *die Unterstützung* (поддержка), *die Zusammenarbeit* (сотрудничество), *die Nachbarn* (соседи), *der Frieden* (мир как состояние без войны), *der Wohlstand* (благополучие), *die Verteidigung* (защита), *die Toleranz* (толерантность), *die Sicherheit* (безопасность), *die Familie* (семья), *die Einheit* (единство), *die Gesundheit* (здоровье), *die Einzigartigkeit* (уникальность), *die Umwelt* (окружающая среда); *der Krieg* (война), *der Feind* (враг), *die Verletzung* (нарушение). В контенте медийной самопрезентации конфедерации актуализируется дихотомия «свое-чужое», выполняющая свое прагматическое назначение – усилить положительное впечатление об адресанте посредством противопоставления. На своем сайте за счёт определенных лексических и синтаксических средств ЕС создаёт атмосферу, как будто каждый человек интересен организации. Однако при концептуальном анализе выявляется основная цель Союза – презентация своих полномочий, своей власти.

Интенсивное развитие информационных технологий продолжается, порождая всё новые жанры и их возможности, изучение которых представляется весь-

ма интересным с точки зрения концептуализации действительности.

Литература

1. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Ахренова. – М., 2009. – 28 с.
2. Бабаева, Р. И. К вопросу о дискурсивных словах в немецком языке / Р. И. Бабаева // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. – М., 2006. – Т. 2. – 400 с.
3. Борко, Ю. А. Что такое Европейский Союз / Ю. А. Борко. – М.: Деловая литература, 2000. – 76 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Эдиториал, 2008. – 144 с.
5. Горошко, Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. – Орел, 2006. – Вып. 4.
6. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – М., 2002. – 310 с.
7. Потемкина, О. Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы / О. Ю. Потемкина. – М., 2002. – 79 с.
8. Шариков, А. А. Европейский Союз как новая форма конфедерации: «опоры» функционирования политического института / А. А. Шариков // Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции. – Одесса: УКРНИИМФ: Одесский национальный Морской ун-т, 2011. – Т. 16: Юридические и политические науки.
9. Шариков, А. А. Смысловая контаминация в интернет-самопрезентации конфедерации (ЕС) / А. А. Шариков, Л. А. Шарикова // Вопросы филологии – спецвыпуск: тезисы докладов VI Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (22 – 25 сентября 2011 г.). – М.: РАН: РАЛН: МИИЯ, 2011.
10. Шарикова, Л. А. Восприятие мира как поиск смыслов / Л. А. Шарикова // Вопросы филологии – спецвыпуск: тезисы докладов VI Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (22 – 25 сентября 2011 г.). – М.: РАН, РАЛН, МИИЯ, 2011. – С. 137 – 138.
11. Шарикова, Л. А. Концептуализация мира в сознании человека: методика исследования концепта / Л. А. Шарикова // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 4.
12. Шарикова, Л. А. Verbalisierung sozialer Sinne beim Konzipieren der Welt / Л. А. Шарикова // Личность – слово – социум: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Минск: Паркус плюс, 2009. – Ч. 1.
13. Юдина, И. Г. Избирательное распространение информации на базе веб-сервисов: обзор Интернет-ресурсов / И. Г. Юдина // Библиосфера. – 2008. – № 1.
14. Becker, B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments / B. Becker. – Режим доступа: <http://duplox.w2-berlin.de/docs/panel/becker.html>
15. Breure, L. Development of the Genre Concept. Available on / L. Beure. – Режим доступа: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html>. – 2001.
16. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge, 2001. – 272 p.
17. Matheson, D. Media discourses / D. Matheson. – England: Open University Press, 2005. – 206 p.
18. O’Keeffe, A. Investigating media discourse / A. O’Keeffe. – L.; New York.: Routledge, 2006. – 193 p.
19. Reid, E. Electropolis: Communication and Community on the Internet Relay Chat / E. M. Reid // 1991 Honours Thesis, University of Melbourne. – Режим доступа: <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/index.html>
20. Talbot, M. Media Discourse: Representation and Interaction / M. Talbot. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 198 p.
21. Taylor, P. A. Critical theories of mass-media: then and now / P. A. Taylor, J. L. Harris. – L.: Open University Press, 2008. – 208 p.

Информация об авторе:

Шарикова Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, charikova@kemcity.ru.

Ludmila A. Sharikova – Candidate of Philology, Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *AVEK-* В ЯЗЫКЕ ИДИШ:
КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
К. А. Шилигин

YIDDISH PREFIXED VERBS WITH *AVEK-*: A COGNITIVE SEMANTIC CLASSIFICATION
K. A. Shishigin

В статье предлагается когнитивно-семантическая классификация глаголов с префиксом *avek-* в языке идиш, которая учитывает пространственную этимологию префикса и рассматривает префиксальные глаголы с точки зрения приобретаемых за счет префиксации сем, а также с учетом описываемых ими ситуации и концепта ситуации.

This article introduces a cognitive-semantic classification of Yiddish prefixed verbs with *avek-*. It takes into account the spatial etymology of the prefix and considers the prefixed verbs from the standpoint of the semes acquired by virtue of the prefixation and from the standpoint of the described situation and situation concept.

Ключевые слова: идиш, когнитивная семантика, ситуация, концепт ситуации, префикс, префиксальный глагол, ось, координаты, граница, сема.

Keywords: Yiddish, cognitive semantics, situation, situation concept, prefix, prefixed verb, axis, coordinates, limit, seme.

Настоящая статья представляет собой практическое продолжение предыдущих публикаций автора [3, с. 100 – 106; 4, с. 244 – 248], в которых был предложен когнитивно-семантический подход к описанию префиксальных глаголов на материале языка идиш и где говорилось о целесообразности рассматривать идишские префиксальные глаголы в рамках описываемой ими ситуации, причем необходимо различать:

– **ситуацию**, которая представляет собой «отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании» [1, с. 7],

– **концепт ситуации** как обобщенно-абстрагированный, обусловленный наивными представлениями носителей языка о мире способ репрезентации высказыванием с глаголом определенного фрагмента внеязыковой действительности.

Кроме того, важными параметрами ситуации и концепта ситуации являются:

- **наблюдатель**, то есть точка отсчета ситуации;
- **координаты**, под которыми понимается пространственная или временная локализация предмета относительно наблюдателя;
- **ось**, то есть направление действия или процесса или местонахождение/состояние предмета;
- **граница** – пространственный или временной предел действия, процесса или состояния.

В связи с тем, что языковая репрезентация ситуации нередко существенно отличается от того, как дело обстоит в реальной действительности, целесообразно различать:

– **эквивалентные** концепты ситуаций, где ситуация концептуализуется в полном соответствии тому, как она выглядит в реальной действительности и где можно говорить (условно) о «совпадении» ситуации и концепта ситуации, причем эквивалентными являются, как правило, только концепты ситуаций конкретно-пространственных и реже абстрактно-пространственных, но не абстрактных (что будет показано ниже);

– **неэквивалентные** концепты ситуаций, где исконно этимологическая пространственность префикса (которую также необходимо учитывать при анализе) и

префиксального глагола усматривается лишь при значительной степени абстракции.

Данные положения иллюстрируются далее на примере глаголов с отделяемым префиксом *avek-*.

Идишский префикс *avek-*, как и немецкий *weg-*, развился из сочетания существительного с предлогом *in wes* «в путь» средневерхненемецкого периода и, подобно английскому наречию *away* (др.-англ. *on weg* «в путь»), в редуцированной форме сохранил исконно присутствовавший в нем предлог *in* [5, с. 918].

Префикс *avek-* частично – при актуализации эквивалентных ситуаций, а именно ситуаций конкретно-пространственных, – сохраняет свою наречную природу, локализуя действие следующим образом:

– на удалении от наблюдателя (координаты и ось соответственно),

– причем наблюдатель находится в начале оси (граница).

Данные ситуации и эквивалентные им концепты ситуаций можно представить в виде следующей схемы (стрелка указывает ось направления действия, круглое начало стрелки – местонахождение наблюдателя):

Схема 1. Ситуация и эквивалентный концепт ситуации «Удаление от наблюдателя»

В следующем примере описывается пространственная ситуация, концептуализуемая в соответствии с данной схемой (в примерах далее используется практическая транскрипция Идишского научного института ИВО [http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275]):

(1) *avekgeyn* «уходить»: *volt men khotsh dem zak farshlosn ergets in a shafe. Geyen zey* (Субъект) *ale avek un lozn mikh* (Наблюдатель) *iber aleyn mitn zak* [7, с. 72]. «Хоть бы заперли мешок куда-нибудь в шкаф. А то все уходят и оставляют меня одного с мешком».

Здесь представлена ситуация удаления субъекта, на которого указывает личное местоимение *zey* «они»

от наблюдателя, который актуализируется посредством личного местоимения *ikh* «я» (в аккузативной форме *mikh*).

Как показывает анализ идишских глаголов с префиксом *avek-*, эквивалентный концепт ситуации – явление достаточно редкое и имеет место при префиксации мотивирующих глаголов движения (как в вышеприведенном примере) и прямого эффекта.

Ниже предлагается когнитивно-семантическая классификация глаголов языка идиш с префиксом *avek-*, подразделяющиеся на две группы (римские цифры), которые, в свою очередь, делятся на под-

группы (кириллические буквы), состоящие из классов (арабские цифры). При этом:

– признаком группы является **архисема**, то есть интегральная сема высокого уровня абстракции [2], общая для всех подгрупп и классов данной группы [3];

– признаком подгруппы – **интегральная сема**, под которой понимается родовая сема, общая для глаголов всех классов и не выполняющая различительные функции в пределах соответствующей подгруппы;

– признаком класса – **дифференциальная сема** как видовой уточнитель семантики данного класса.

Таблица

Когнитивно-семантическая классификация идишских глаголов с префиксом *avek-*

Группа, подгруппа, класс	Сема	Концепт ситуации
I. Пространственная удаленность от наблюдателя:	АС «Далеко»	
А. Фронтальное удаление от наблюдателя:	ИС «Удаление», «Фронтальность»	
1. Удаление субъекта	ДС «Удаление», «Движение субъекта»	Э
2. Удаление объекта	ДС «Удаление», «Перемещение объекта»	Э
3. Отделение части от целого	ДС «Отделение»	Н
4. Удаленное местонахождение субъекта/объекта	ДС «Далеко», «Местонахождение»	Н
Б. Латеральное удаление от наблюдателя:	ИС «Удаление», «В сторону/в стороне»	
5. Действие/процесс, направленный в сторону	ДС «В сторону»	Н
6. Действие, направленное наружу	ДС «Наружу»	Н
7. Дистрибуция объекта	ДС «Распределение/рассредоточение»	Н
8. Ликвидация объекта	ДС «Ликвидация/разрушение»	Э, Н
II. Степень ситуации:	АС «Степень»	
В. Темпоральные характеристики ситуации:	ИС «Время»	
9. Начало	ДС «Начало»	Н
10. Продолжительность	ДС «Долго»	Н
11. Результативность	ДС «Продолжительно», «Результат»	Н
12. Моментальность	ДС «Недолго»	Н
Г. Качество ситуации:	ИС «Качество»	
13. Интенсивность	ДС «Интенсивно»	Н
14. Эксцессивность	ДС «Чрезмерно/много»	Н
15. Дефективность	ДС «Недостаточно/плохо»	Н

Пояснения к таблице: АС – архисема, ИС – интегральная сема, ДС – дифференциальная сема, Э – эквивалентный концепт ситуации, Н – неэквивалентный концепт ситуации.

В примере (1), таким образом, реализуется префиксальный глагол, относящийся к когнитивно-семантическому классу 1 «Удаление субъекта», где концепт ситуации эквивалентен ситуации. Как видно из таблицы, эквивалентный концепт имеет место также в классе 2 «Удаление объекта» и в ряде случаев (см. ниже) в классе 8. Ниже данная классификация подробнее иллюстрируется на примере классов 1, 2, 8, 9, 10, 11 и 14.

Класс 2 «Удаление объекта»

Глаголы данного класса образуются путем добавления префикса *avek-* к мотивирующим глаголам прямого эффекта и описывают конкретно-пространственные ситуации, например:

(2) *avekgebn* «отдавать»: *oyf itlekhs glezl kvas* (Объект) *vos ikh* (Наблюдатель=Субъект) *gib avek umzist, dergis ikh tsvey glezer vaser* [7, с. 52]. «На каждый стакан квасу, который отдаю даром, я подливаю два стакана воды».

В данном примере описывается ситуация, которая концептуализуется эквивалентно, но несколько конкретизируется, что показывает следующая обобщенная схема (круглое начало стрелки указывает местонахождение наблюдателя, ромбовидный конец – окончание перемещения объекта):

Схема 2. Ситуация и эквивалентный концепт ситуации «Удаление объекта»

Как видно из схемы 2, объект (референт существительного *kvas* «квас») имеет границу перемещения, то есть переходит из сферы обладания наблюдателя, который в примере (2) совпадает с субъектом (референт личного местоимения *ikh* «я»), во владение закадрового – неактуализованного, не выраженного синтаксически – бенефицианта.

Класс 7 «Ликвидация объекта»

Данный класс глаголов, описывающих как конкретно-пространственные, так и абстрактные ситуации, интересен как в семантическом, так и в морфосинтаксическом плане тем, что образуются они в основном от мотивирующих глаголов занятия, которые в результате префиксации становятся глаголами прямого эффекта и облигаторно транзитивируются, например:

(3) *avekpletn* «разгладить»: *avekpletn di kneytshn* (Объект) *fun malbesh* [6, с. 106]. «Разгладить складки на платье».

(4) *avekhhkire[nel]* «разрушить/устранить полемику», *avekpshetlen* «разрушить/устранить мудрствованием»: *faktn redn zeyer eygene shprakh* (Объект), *vos keyne pshetlekh oder khkires konen nit avekhhkiren oder avekpshetlen* [6, с. 84]. «Факты говорят своим языком, который нельзя уничтожить никакой полемикой и никакими мудрствованиями».

В обоих примерах транзитивные глаголы с префиксом *avek-* образованы от интранзитивных мотивирующих глаголов занятия *pletn* «гладить» и *khkiren* «философствовать/полемизировать», и обе ситуации описывают устранение объекта (референт существительных *kneytshn* «складки» и *shprakh* «язык» соответственно) способом, называемым мотивирующей основой, хотя в примере (4) ввиду наличия модального глагола с отрицанием *nit konen* «не мочь, нельзя» речь идет – точнее – о невозможности ликвидации объекта.

На уровне ситуации действия, естественно, отличаются, но на уровне концепта ситуации (если предположить потенциальную возможность устранения объекта под названием *shprakh*) они сводимы к единому обобщенному представлению: полемизирование с целью устранения проблемы концептуально может быть уподоблено глажке одежды с целью устранения складок. Поскольку обе ситуации трудно изобразить схематично, проиллюстрируем следующей схемой только их концепт:

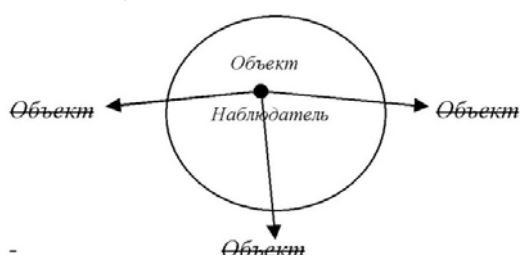

Схема 3. Эквивалентный и неэквивалентный концепт ситуации «Ликвидация объекта»

В данной схеме круглое начало стрелок обозначает место наблюдателя, в котором также сосредоточен подлежащий ликвидации объект, сама стрелка обозначает действие (ликвидация), а треугольный конец стрелки – результат действия (ликвидация объекта). Для ситуации разглаживания складок концепт представляется эквивалентным ситуации, а для абстрактной ситуации уничтожения языка фактов – неэквивалентным, именно ввиду ее абстрактности. В целом схема 3 отображает всю совокупность концептов си-

туации «Ликвидация объекта», которую описывают ряд идишских глаголов с префиксом *avek-*.

Подгруппа В «Темпоральные характеристики ситуации»

Данная подгруппа префиксальных глаголов, образующихся от акциональных, процессуальных и статальных мотивирующих глаголов, – самая многочисленная, несмотря на то, что по степени абстракции они наиболее далеки от этимологически обусловленной семантики префикса *avek-*. Глаголы, относящиеся к этой подгруппе, могут при этом иметь антонимические значения, которые снимаются в контексте. Так, *avektrinken* в зависимости от контекста может означать начало или результат ситуации питья:

(5) «запить/запьянствовать»: *er hot avekgetrunken und kon nit oyfhern* [6, с. 87]. «Он запил и не может остановиться» (класс 7 «Начало»).

(6) «выпить»: *avektrinken dos gantse krigl* [6, с. 87]. «Выпить всю кружку» (класс 11 «Результативность»).

В свою очередь *avektien* в зависимости от контекста может обозначать продолжительное тление или завершение ситуации:

(7) «долго тлеть»: *untarn ash hot avekgetliet a kleyn fayerl* [6, с. 86]. «Под пеплом все еще тлел небольшой огонек» (класс 10 «Продолжительность»).

(8) «перестать тлеть»: *der letster funk hot avekgetliet* [6, с. 86]. «Перестала тлеть последняя искра» (класс 11 «Результативность»).

Неэквивалентные концепты подобных ситуаций можно представить в виде следующих схем.

Схема 4. Неэквивалентный концепт ситуации «Начало»

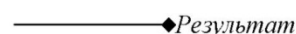

Схема 5. Неэквивалентный концепт ситуации «Результативность»

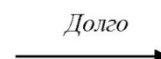

Схема 6. Неэквивалентный концепт ситуации «Продолжительность»

На схеме 4 стрелка обозначает действие как таковое (в примере (5) питье/пьянство), а круглое начало стрелки – момент начала действия. Таким образом, префиксальные глаголы с *avek-* класса 7 концептуализуют ситуацию как имеющие начало, но стремящиеся к бесконечности.

На схеме 5 стрелка обозначает действие или процесс (в примерах (6) и (8) питье и тление, соответственно), ромбовидный конец стрелки – результат этого действия, которое, продлившись некоторое время, подходит к завершению и приводит к определенному результату (опорожнению кружки и исчезновению искры соответственно), и момент начала в данном случае представляется нерелевантным.

Стрелка на схеме 6 обозначает стремящийся к бесконечности процесс (тление), начало которого не релевантно.

Класс 14 «Экссессивность»

Глаголы с префиксом *avek-*, относящиеся к данному классу, описывают ситуации с излишней или крайней степенью действия, процесса или состояния, например:

(9) *avekroyen* «*сильно напоить (алкоголем)*»: *avekroyen* emetsn, er zol nit kenen aynshteyn oyf di fis [6, с. 103]. «Сильно напоить кого-то, чтобы тот не мог устоять на ногах».

(10) *avekshvengern* «*слишком долго быть беременной*»: *nokh ir khezbn kumt oys, az zi hot avekgeshvengert* kimat tsen khadoshim [6, с. 117]. «По ее подсчетам, она была беременной почти десять месяцев».

(11) *aveklign* «*слишком долго лежать, пролежать*»: *ikh... ken shoen-lang aveklign in bod oyf der eybershter bank, beshas der grester hits* [6, с. 92]. «Я... могу часами лежать в бане на верхнем полке, где больше всего жарит».

Во всех трех ситуациях, описываемых префиксальными глаголами с *avek-*, степень действия (в примере (9) угощение алкоголем), продолжительность процесса (в примере (10) вынашивание ребенка) и продолжительность состояния (в примере (11) лежание в парилке) выходят за пределы границы. Неэквивалентный концепт данных ситуаций иллюстрирует следующая схема:

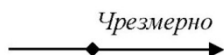

Схема 7. Неэквивалентный концепт ситуации «Экссессивность»

Стрелка на схеме 7 обозначает действие, процесс и состояние, ромб посередине стрелки – границу, за которую выходит ситуация. Момент начала и конца ситуации при этом представляется нерелевантным.

В целом семантика идишских глаголов с префиксом *avek-* с учетом этимологии префикса сводимы к архисеме «Далеко», поскольку все семы, указанные в вышеприведенной таблице когнитивно-семантические

ской классификации, с определенной долей абстракции и условности можно истолковывать как «далеко». Так, например, дифференциальную сему «Чрезмерно» в значении префиксального глагола класса 14 «Экссессивность» можно интерпретировать как «удаление от приемлемой временной границы», а дифференциальную сему «Ликвидация» как «удаление объекта из личной сферы наблюдателя или от абстрактной точки отсчета». Тем самым ситуации, описываемые префиксальными глаголами с *avek-* всех классов, обобщенно можно представить в виде следующей схемы:

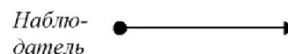

Схема 8. Обобщенно-абстрактная схема ситуаций, описываемых идишскими глаголами с префиксом *avek-*

Таким образом, ситуация, описываемая глаголами с префиксом *avek-*, исконно имеет только начальную границу – точку, в которой находится наблюдатель, относительно которого происходит конкретно-пространственное или абстрактное удаление, а действие развивается, как правило, по горизонтали. Однако на уровне концептов ситуаций (особенно у процессуальных и статальных глаголов), как было показано на примере выше, происходит следующее:

- концептуально появляется конечная граница (классы «Удаление объекта» и «Результат») и срединная граница (класс «Экссессивность»);
- концептуально исчезает начальная граница (классы «Продолжительность» и «Экссессивность»);
- однонаправленная горизонтальная ось концептуально превращается во множественную разнонаправленную (класс «Ликвидация объекта»).

В заключение необходимо отметить, что потенциально неограниченное количество ситуаций, описываемых глаголами с разными префиксами, сводимо к определенному набору концептов ситуаций, которые могут быть проанализированы посредством подхода, предложенного в настоящей статье на примере глаголов языка идиш с префиксом *avek-*.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Стернин, И. А. Лексическое значение слова как структура / И. А. Стернин. – Режим доступа: http://www.-nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/slovo/ste_art0
3. Шишигин, К. А. Когнитивно-семантический подход к описанию и классификации префиксальных глаголов языка идиш / К. А. Шишигин // Знак – свідомість – знання: зб. наук. пр.; відпов. ред. В. І. Теркулов. – Горлівка: Вид-во ГДППМ, 2011. – Вип. 2.
4. Шишигин, К. А. Когнитивно-семантический принцип описания префиксальных глаголов языка идиш / К. А. Шишигин // Вестник КемГУ. – 2012. – Вып. 4(52). – Т. 4.
5. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. – 960 s.
6. Mark, Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh / Y. Mark, Y. Yofe. – Band I. – Nyu-York: Komitet farn Groysn verterbukh fun der yidisher shprakh, 1961. – 2333 s.
7. Sholem-Aleykhem. Motl Peyse dem khazns / Sholem-Aleykhem. – Yerusholaim: Magnes, 1997. – 366 s.

Информация об авторе:

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии КемГУ, +79039849936, schischigin-ka@rambler.ru.

Kyrill A. Shishigin – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.111

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТОВ «MAN» И «WOMAN» В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О. Ю. Шишигина

THE REPRESENTATION OF SOCIAL DIMENSIONS OF THE CONCEPTS «MAN» AND «WOMAN» IN MODERN AMERICAN ENGLISH

O. Yu. Shishigina

Настоящая статья посвящена выявлению, систематизации и сравнительному анализу социальных признаков концептов «man» и «woman», объективируемых субстантивными словосочетаниями, построенными по модели «adjective+man/woman», в корпусе современного американского варианта английского языка. В исследовании учитывается абсолютная частотность употребления словосочетаний, номинативная плотность соответствующих концептуальных признаков, а также коэффициент взаимной информации, являющийся мерой семантической связанности между компонентами словосочетания. На основе анализа семантики атрибутивных репрезентантов концептов выявляются культурно-национальные коннотации признаков.

This article presents some results of a corpus-based study to identify and classify some social dimensions of the concepts 'MAN' and 'WOMAN' represented by collocations of the lexemes 'man' and 'woman' with attributive adjectives in the Corpus of Contemporary American English. The findings are based on the frequency of occurrence and the 'nominative density' of the conceptual features, as well as the Mutual Information Score indicative of a 'semantic bonding' between the collocates. The semantic analysis of the adjectives helps to identify 'cultural and national connotations' of the conceptual features they represent.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, концептуальные исследования, языковой корпус, номинативная плотность, культурно-национальная коннотация, коэффициент взаимной информации.

Keywords: concept, conceptual feature, study of concepts, language corpus, nominative density, cultural and national connotations, mutual information score.

Настоящая статья посвящена выявлению, классификации и сопоставительному анализу социальных признаков концептов «man» и «woman», объективируемых атрибутивными прилагательными в сочетании с ключевыми лексемами-репрезентантами данных концептов в современном английском языке. При проведении исследования использовался метод семантико-когнитивного анализа, состоящего в анализе семантики языковых единиц, объективирующих концепт (признаки концепта), и когнитивной интерпретации полученных данных с целью выявления содержания концепта (признаков концепта) [2, с. 9].

Аналізу было подвергнуто 167 атрибутивных прилагательных, сочетающихся с лексемой *man*, и 193 прилагательных, сочетающихся с лексемой *woman*. Источником материала исследования послужил корпус современного американского варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English, далее корпус СОСА). Общее количество употреблений проанализированных словосочетаний с лексемой *man* в данном корпусе составляет 32627 примеров, с лексемой *woman* – 26363 примера.

В контексте данного исследования важным представляется то, что, по мнению лингвистов-когнитологов, атрибутивные прилагательные, как правило, выражают постоянные признаки («stable, inherent properties») объекта, в то время как предикативные при-

лагательные выражают временные признаки, обусловленные обстоятельствами («temporary, circumstantial properties») [4, с. 455].

Сопоставительный анализ социальных признаков концептов «man» и «woman» проводился с учетом двух основных показателей, а именно: номинативной плотности того или иного признака и частотности его вербализации в корпусе. Термином «номинативная плотность», введенным в метаязык концептуальных исследований В. И. Карасиком, обозначается количество номинаций (номинантов, репрезентантов) того или иного концепта или концептуального признака в языке. Номинативная плотность может рассматриваться в системе культурно-ценностных координат: многостороннее обозначение в языке получают именно те предметы, процессы или явления внеязыковой действительности, которые являются для человека данной культуры наиболее ценными [1, с. 4 – 5]. Вместе с тем необходимо учитывать и частотность вербализации того или иного концептуального признака, выражаемую количеством употреблений соответствующих репрезентантов концепта. Можно предположить, что чем чаще вербализируется тот или иной признак концепта, т. е. чем выше его коммуникативная востребованность, тем более значимым является этот признак для данного народа.

Тем не менее при анализе частотности следует учитывать, что высокая частотность тех или иных словосочетаний в корпусе может быть обусловлена высокой частотностью каждого отдельного компонента словосочетания независимо друг от друга. В данном случае важным показателем того, насколько случайным или неслучайным является сочетание двух слов, оказывается коэффициент взаимной информации (*mutual information score*), который автоматически рассчитывается в корпусе СОСА. Таким образом, коэффициент взаимной информации является показателем семантической связанности или ассоциации между компонентами словосочетания. При его расчете сравнивается вероятность совместной встречаемости двух слов с вероятностью их встречаемости независимо друг от друга. Чем выше коэффициент *MI*, тем менее случайной оказывается вероятность встречи двух слов в составе словосочетания. Исходя из того, что прилагательные, определяющие ключевой репрезентант концепта, объективируют соответствующие признаки данного концепта, можно использовать коэффициент взаимной информации для выявления наиболее значимых признаков концепта.

Результаты семантико-когнитивного анализа атрибутивных репрезентантов обоих концептов позволяют выделить следующие подгруппы признаков в группе социальных признаков:

- 1) этнические признаки, характеризующие принадлежность лица к той или иной этнической группе,
- 2) национальные признаки, идентифицирующие национальную принадлежность репрезентантов,
- 3) признаки социальной оценки,
- 4) признаки материального положения,
- 5) признаки социального успеха (статуса),
- 6) признаки социального класса,
- 7) функциональные признаки, характеризующие лицо по роду или сфере деятельности/занятости,
- 8) признаки семейного статуса,
- 9) признаки насилия, характеризующие лицо в качестве субъекта или объекта насилия,
- 10) этические признаки, характеризующие лицо с точки зрения соответствия/несоответствия нормам общепринятой морали,
- 11) репродуктивные признаки, характеризующие лицо с точки зрения функции продолжения рода.

Интересно отметить, что хотя количество проанализированных прилагательных, объективирующих социальные признаки концепта «woman», несколько превышает количество проанализированных прилагательных с лексемой *man* (193 и 167 соответственно), частотность употребления соответствующих словосочетаний с лексемой *man* значительно выше частотности употребления словосочетаний с лексемой *woman* (32627 и 26363 соответственно). Этот факт свидетельствует о большей номинативной плотности и более детализированной экспликации социальных признаков концепта «woman», с одной стороны, и о большей коммуникативной востребованности социальных признаков концепта «man», с другой.

Результаты количественного подсчета, проведенного с целью определения и сравнительного анализа

номинативной плотности и частотности вербализации социальных признаков концептов «man» и «woman», представлены в таблице 1.

Анализ статистических данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать следующие наблюдения. Почти треть социальных признаков концепта «woman» представлена национальными признаками (28,5 %), которые также характеризуются высокой частотностью вербализации (23,4 %). На втором месте по номинативной плотности находятся признаки социальной оценки, в которых преобладает положительная (14,5 % и 12,9 % соответственно). Далее следуют этнические признаки (12,4 %), у которых отмечается самая высокая частотность (32,4 %), и признаки высокого социального статуса (10,4 %). Наименее детализированно эксплицируются этические признаки концепта «woman» (3,6 %), которые при этом характеризуются самой низкой частотностью вербализации (1,1 %).

В группе социальных признаков концепта «man» наиболее подробно представлены признаки социальной оценки (в которых также доминирует положительная) и функциональные признаки (по 17,4 % каждая). Второе место разделяют национальные признаки и признаки социального статуса (14,9 % и 14,4 % соответственно). Достаточно высокой номинативной плотностью обладают и признаки насилия (10,2 %). По частотности вербализации абсолютным «лидером» оказались этнические признаки (34,8 %), в то время как наименее часто в проанализированном материале объективируются признаки социального класса (0,3 %).

Сравнительный анализ номинативной плотности и частотности вербализации социальных признаков концептов «man» и «woman» позволяет выявить следующие сходства и различия. Обращает на себя внимание то, что треть вербализованных признаков обоих концептов приходится на этнические признаки (34,8 % и 32,4 %), что свидетельствует об их высокой коммуникативной востребованности в современной американской лингвокультуре. Указание национальной принадлежности оказывается более релевантным для женщин как по разнообразию представленных признаков (28,5 %), так и по их частотности (23,4 %). У концепта «man» эти показатели равны 14,9 % и 7,5 % соответственно. Почти в два раза чаще указывается и семейный статус женщин (8,5 % по сравнению с 4,5 % у концепта «man»). Принадлежность к тому или иному социальному классу также оказывается более релевантным признаком для концепта «woman» (номинативная плотность 4,7 % по ср. с 1,8 % у концепта «man»). Остальные социальные признаки концепта «woman» объективируются либо менее разнообразно и часто, либо на одном уровне с признаками концепта «man».

Таблица 1

**Номинативная плотность и частотность вербализации социальных признаков
концептов «man» и «woman»**

№	Подгруппы признаков	Концепт «man»				Концепт «woman»			
		номинативная плотность		частотность		номинативная плотность		частотность	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1.	Этнические	16	9,6	11353	34,8	24	12,4	8538	32,4
2.	Национальные	25	14,9	2436	7,5	55	28,5	6168	23,4
3.	Социальная оценка, в т. ч.:	29	17,4	5867	17,9	28	14,5	1981	7,5
	положительная	22	13,2	5247	16,0	25	12,9	1872	7,1
	отрицательная	7	4,2	620	1,9	3	1,6	109	0,4
4.	Материальное положение	7	4,2	2832	8,7	8	4,1	1331	5,0
5.	Социальный статус, в т. ч.:	24	14,4	2564	7,9	20	10,4	1024	3,9
	высокий	21	12,6	2401	7,4	20	10,4	1024	3,9
	низкий	3	1,8	163	0,5	0	0	0	0
6.	Социальный класс	3	1,8	109	0,3	9	4,7	345	1,3
7.	Функциональные	29	17,4	2774	8,5	12	6,2	958	3,6
8.	Семейный статус	5	2,9	1453	4,5	8	4,2	2239	8,5
9.	Насилие	17	10,2	1415	4,3	11	5,7	1121	4,3
10.	Этические	12	7,2	1824	5,6	7	3,6	285	1,1
11.	Репродуктивные	0	0	0	0	11	5,7	2373	9,0
	Всего:	167	100	32627	100	193	100	26363	100

В репрезентации социальных признаков концепта «man» выделяется значительно более высокая частотность признаков социальной оценки (17,9 % по сравнению с 7,5 % у концепта «woman»), социального статуса (7,9 % и 3,9 % соответственно) и этических признаков (5,6 % и 1,1 % соответственно). Чаще и разнообразнее атрибутивными прилагательными выражаются и функциональные признаки концепта «man», обозначающие принадлежность к тому или иному роду деятельности (номинативная плотность 17,4 %, частотность 8,5 %; ср. 6,2 % и 3,6 % у концепта «woman»). Репродуктивные же признаки оказываются для данного концепта абсолютно нерелевантными, поскольку приписываются исключительно концепту «woman».

В таблице 2 представлены атрибутивные прилагательные, объективирующие социальные признаки концептов «man» и «woman». В первом столбце перечислены прилагательные, употребляемые только с лексемой *man*, в третьем – только с лексемой *woman*, а во втором – с обеими лексемами. При этом жирным шрифтом выделены прилагательные, которые образуют словосочетания с высоким коэффициентом взаимной информации (>5) с лексемой *man*, а подчеркиванием – с лексемой *woman*.

Данные таблицы 2 иллюстрируют выводы, сделанные на основе анализа статистических данных таблицы 1 в отношении номинативной плотности соответствующих признаков концептов «man» и «woman».

Анализ словарных дефиниций языковых репрезентантов концептов позволяет выявить культурно-национальные коннотации того или иного концептуального признака (термин «культурно-национальная

коннотация» был введен В. Н. Телия в рамках лингвокультурологического подхода для обозначения результатов интерпретации знаков языка со знаками «языка» культуры в соответствии с культурно-языковой компетенцией носителей языка) [3].

Дефиниционный анализ атрибутивных репрезентантов концептов проводился на материале следующих словарей: Oxford American Dictionary (OAD), Oxford Dictionary of English (ODE) и Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary (CCD).

Анализ словарных дефиниций языковых репрезентантов исследуемых концептов, в особенности тех прилагательных, которые встречаются в корпусе СОСА исключительно в сочетании с лексемой *woman* или *man* (в рамках используемой выборки) и, таким образом, объективируют специфические признаки соответствующих концептов, позволяет выявить следующие культурно-национальные коннотации.

Таблица 2

Атрибутивные репрезентанты социальных признаков концептов «man» и «woman»

	<i>Репрезентанты концепта «man»</i>	<i>Репрезентанты обоих концептов</i>	<i>Репрезентанты концепта «woman»</i>
Этнические признаки	<i>red, yellow, swarthy</i>	<i>black, white, African-American, Hispanic, Arab, Asian, African, European, Haitian, colored, dark, brown, <u>dark-skinned</u></i>	<i><u>Caucasian, Hawaiian, Tamil, Anglo, Ethiopian, Inca, Tibetan, Kurdish, Tutsi, Cheyenne, Cherokee</u></i>
Национальные признаки		<i>American, Chinese, Japanese, Indian, Iraqi, Palestinian, Mexican, Italian, Russian, British, German, Vietnamese, Irish, Kuwaiti, French, Turkish, Korean, Pakistani, Israeli, English, Filipino, Dominican, Afghan, Spanish, Soviet</i>	<i>Canadian, Iranian, Cuban, Polish, Saudi, <u>Swedish, Thai, Brazilian, Algerian, Egyptian, Portuguese, Kenyan, Nicaraguan, Indonesian, Australian, Jamaican, Chilean, Greek, Venezuelan, Ukrainian, Yemeni, Nigerian, Chechen, Lebanese, Hungarian, Danish, Peruvian, Taiwanese, Dutch, Colombian</u></i>
Социальная оценка	положительная		
	<i>imposing, impressive, likable</i>	<i>good, great, best, wonderful, fine, perfect, brilliant, remarkable, sweet, talented, extraordinary, interesting, greatest, ideal, <u>gifted</u>, dear, amazing, pleasant, fascinating</i>	<i>incredible, fabulous, cool, <u>admired</u>, exceptional, terrific</i>
	отрицательная		
	<i>condemned, awful, terrible, horrible, suspicious, <u>hated</u></i>	<i>bad</i>	<i><u>scorned</u></i>
Материальное положение	богатство		
		<i>rich, wealthy</i>	<i><u>Affluent</u></i>
	бедность		
	<i>desperate, broken, ragged</i>	<i>poor, <u>homeless</u></i>	<i><u>low-income, impoverished, uninsured</u></i>
Социальный ус- пех/статус	высокий		
	<i>honourable, main, mighty, respected, key, dignified, charismatic, distinguished-looking, trusted</i>	<i>powerful, successful, famous, leading, important, self-made, prominent, top, popular, respectable, influential, distinguished</i>	<i><u>highest-ranking, outstanding, eminent, notable, pioneering, top-ranked, high-profile, privileged</u></i>
	низкий		
	<i>lesser, humble, low</i>		
Соц. класс		<i><u>working-class, middle-class, noble</u></i>	<i>royal, <u>upper-class, elite, bourgeois, lower-class</u></i>
Функциональные признаки	общая занятость или способность (пригодность) к занятости		
	<i>fellow, hired, hard-working, able</i>	<i>working, professional, experienced, qualified, eligible, capable, unemployed, retired</i>	<i><u>employed, competent, lay</u></i>
	занятость в определенной сфере		
	<i>right-hand, front, uniformed, middle, medical, play-by-play, political, literary, mounted, song-and-dance, blue-collar, Olympic, small-business, public, moving</i>	<i>military</i>	
Семейный статус		<i>married, single, unmarried, divorced, lone</i>	<i><u>never-married, widowed, sole</u></i>
Насилие	<i>armed, wounded, wanted, masked, marked, unarmed, beaten, accused, hanged, hurt, scarred, tormented</i>	<i>injured, murdered, frightened, missing, <u>battered</u></i>	<i><u>abused, incarcerated, trafficked, terrified, raped, imprisoned</u></i>

Этические признаки	положительные		
	<i>fair, righteous, moral</i>	<i>right, innocent, decent, virtuous</i>	
Репродуктивные признаки	отрицательные		
	<i>guilty, wicked</i>	<i>wrong, evil, fallen</i>	<i>loose, adulterous</i>
			<i>pregnant, post-menopausal, menopausal, childless, infertile, fertile, nursing, pre-menopausal, non-pregnant, barren, menstruating</i>

Признаки социального успеха или статуса, приписываемые концепту «man», часто реализуются через признаки уважения, доверия, силы и влияния, например: *honourable* – ‘If you describe people or actions as honourable, you mean that they are good and deserve to be respected and admired’ (CCD), *dignified* – ‘having or showing a composed or serious manner that is worthy of respect’ (AOD), *charismatic* – ‘exercising a compelling charm which inspires devotion in others’ (ODE), *mighty* – ‘possessing great and impressive power or strength, esp. on account of size’ (OAD).

При экспликации успеха или высокого статуса женщины в обществе чаще подчеркивается ее (женщины) известность, популярность, высокие достижения, заслуживающие внимания, например: *outstanding* – ‘exceptionally good, clearly noticeable’ (OAD), *high-profile* – ‘A high-profile person ... attracts a lot of attention or publicity’ (CCD), *notable* – worthy of attention or notice; remarkable (OAD)

Интересным представляется то, что атрибутивными прилагательными не выражается занятость женщин в определенной сфере, а эксплицируется лишь факт занятости/незанятости или способности (пригодности) к занятости. Для концепта «man» функциональные признаки оказываются более релевантными – атрибутивными прилагательными вербализируется занятость в таких сферах, как спорт (*front, play-by-play, Olympic*), политика (*political*), бизнес (*small-business*), медицина (*medical*), литература (*literary*), рабочие профессии (*blue-collar*) и другие.

При выражении признаков насилия как мужчины, так и женщины представлены преимущественно как объекты насилия, при этом способы причинения насилия более детализированно вербализируются атрибутами репрезентанта концепта «man» (*beaten, hanged, scarred, tormented*). Насилие, совершаемое в отношении женщин, носит преимущественно сексуальный характер, что выражается лексемами *abused, trafficked, raped*, употребляющимися в данной выборке исключительно с репрезентантом концепта «woman». В семантике лексем *abused* и *battered*, которые образуют с лексемой *woman* словосочетания с высоким коэффициентом взаимной информации, подчеркивается повторяющийся (или регулярный) характер насилия в отношении женщин: *abuse* – ‘treat (a person or an animal) with cruelty or violence, esp. regularly or repeatedly’ (OAD), *batter* – ‘subject (one’s spouse, partner, or child) to repeated violence and assault’ (OAD).

В семантике прилагательных, объективирующих этические признаки и сочетающихся в анализируемой выборке исключительно с лексемой *woman*, акцентируется признак неверности, наличия внебрачных связей (*adulterous, loose* – ‘dated promiscuous’ (ODE)). Примечательно, что лексема *fallen*, которая употребляется с репрезентантами обоих концептов, имеет более высокий коэффициент взаимной информации (указывающий на более сильную семантическую связь) в сочетании с лексемой *woman*. Подтверждение того, что данная лексема вербализирует признак преимущественно концепта «woman», можно найти и в ее словарной дефиниции: *fallen* – ‘dated (of a woman) regarded as having lost her honour through engaging in a sexual relationship outside marriage’ (ODE).

Таким образом, семантико-когнитивный и дефиниционный анализ атрибутивных прилагательных, семантически ориентированных на объективацию социальных признаков и сочетающихся с лексемами *man* и *woman* в корпусе СОСА, позволяет сделать следующие выводы. Структура социальных признаков концептов «man» и «woman» представлена практически одинаковым набором признаков за исключением репродуктивных признаков (приписываются только концепту «woman») и признаков низкого социального статуса (приписываются только концепту «man»). Тем не менее номинативная плотность и частотность объективации данных признаков, свидетельствующие об их культурной значимости, у исследуемых концептов различаются. У концепта «woman» более детализированно эксплицируются признаки этнической и национальной принадлежности, социального класса и семейного статуса. Для концепта «man» более релевантными (по номинативной плотности) оказываются признаки, выражающие социальную оценку (преимущественно положительную), социальный статус (преимущественно высокий), принадлежность к определенному роду деятельности, этическую оценку, а также признаки насилия. Наибольшей частотностью объективации у обоих концептов обладают этические признаки. Значительно чаще вербализируются такие признаки концепта «woman» (по сравнению с признаками концепта «man»), как национальная принадлежность и семейный статус. У концепта «man» более частотными оказываются признаки социальной оценки, материального положения, социального статуса, а также функциональные и этические признаки.

Литература

1. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.
2. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Taylor, J. R. Cognitive Grammar / J. R. Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Информация об авторе:

Шишигина Оксана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, oxanashishigina@rambler.ru.

Oksana Y. Shishigina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 81-25

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕДАЧИ СООБЩЕНИЙ О ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Е. А. Шкуратова

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN STATEMENTS DESCRIBING MILITARY CONFLICT SITUATIONS

E. A. Shkuratova

В статье анализируются стратегии и тактики политического дискурса, широко применявшиеся в отражении событий, посвященных теме военного конфликта. Рассматривается речевое поведение политиков в ситуации военного конфликта на примере наиболее значимых событий в истории: Вьетнамская война, теракт 11 сентября, война в Ираке, грузино-югоосетинский конфликт.

The paper studies linguistic and communicative characteristics of contemporary political discourse. The author analyses politicians' communicative strategies and tactics in the speeches devoted to key military events: the events of September 11, Vietnam War, the Iraq War, the war between Georgia and South Ossetia.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегии и тактики, военный конфликт.

Keywords: political discourse, strategies and tactics, military conflict.

Изучением коммуникативных стратегий занимается множество научных направлений современной науки о языке. Исследование речевого поведения, в том числе стратегического, способствует развитию интеграции гуманитарных дисциплин, о чем свидетельствуют исследования конца XX-го – начала XXI века [6; 9, с. 87 – 92; 10]. Данное исследование посвящено выявлению специфики реализации стратегических линий коммуникативного поведения политиков в ситуации военного конфликта.

Несомненный интерес представляет рассмотрение стратегий и тактик в политическом дискурсе в ситуации военного конфликта в диахроническом аспекте. Материалом для данной работы послужили тексты высказываний американских, британских и французских политиков, размещенные на интернет-сайтах. В ходе исследования были проанализированы высказывания политиков в связи с военными конфликтами, произошедшие в разные периоды истории. Для удобства анализа были отобраны следующие события, которые являются одними из самых ярких в истории: Вьетнамская война, война в Афганистане, события

одиннадцатого сентября, война в Ираке, грузино-осетинский конфликт.

Актуальность темы исследования обусловливается ростом интереса ученых к процессу межкультурной коммуникации, поиском путей преодоления конфликтов как на уровне межличностных отношений, так и на международном уровне. Если в период мирного существования некоторые проблемы в обществе не видимы, то в период военного конфликта они ощущаются особенно остро. Изучение ситуации конфликта вообще, а военного конфликта в особенности, нам представляется особо актуальным, так как дискурсивная деятельность в рамках политического общения в ситуации военного конфликта предполагает использование определенных стратегий и тактик в освещении проблем этничности, в формировании массовых представлений людей в сфере межэтнических отношений, в манипуляции общественным сознанием. Выявление особенностей реализации коммуникативных стратегических линий поведения политиков в рамках военного конфликта дает возможность выявить этнокультурную специфику коммуникативного поведения, а также лингвистические средства ее реа-

лизации. Актуальность исследования также определяется тем, что проблемы культурно-обусловленных дифференциаций стратегического коммуникативного поведения в различных сферах речевой деятельности остаются недостаточно изученными. Сравнительный анализ коммуникативного поведения участников коммуникации в ситуации военного конфликта позволяет установить специфику использования коммуникативных стратегий и тактик с учетом различий, обусловленных этнокультурными традициями.

Термины «стратегия» и «тактика», первоначально употреблявшиеся по отношению к военному делу, достаточно точно отражают специфику деятельности коммуникантов в процессе коммуникации.

Важно отметить, что понятие стратегии, заимствованное из военного искусства, во главу угла ставит не поиск совместного решения, а победу, которая понимается как результативное воздействие на реципиента, трансформация его модели мира в желательном направлении [6, с. 70]. Таким образом, стратегия относится к планированию и подготовке действий, в то время как тактика занимает подчиненное по отношению к стратегии положение. Тактика представляет собой ряд способов и приемов, отобранных для решения конкретной поставленной задачи, а также непосредственную их реализацию на практике. Поскольку решение какой-то определенной задачи, как правило, представляется возможным несколькими способами, тактики всегда имеют отношение к выбору из множества альтернативных решений. Выбор коммуниканта основан на интерпретации вариантов с точки зрения их эффективности, т. е. эффективность является критерием для выбора речевой тактики. Достижение поставленной цели невозможно без планирования и прогнозирования своих действий и деятельности, т. е. без применения стратегий и соответствующих тактик.

Речевая стратегия представляет схему определенных действий в рамках отрезка коммуникации, определяющую выбор языковых средств и способов выражения, связанных с достижением цели [4].

Существует несколько трактовок стратегий и тактик поведения в коммуникации. Е. В. Ключев рассматривает стратегию в коммуникации как совокупность запланированных говорящим и реализуемых в ходе коммуникативного акта действий, а под тактикой понимает совокупность практических шагов в процессе реального общения [7, с. 18]. В. С. Третьякова под коммуникативной стратегией понимает принятое решение говорящего о последовательных речевых действиях, которые будут определять его ключевое поведение [12]. И. Н. Борисова определяет тактику общения как использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках определенной стратегии [1, с. 25].

Спецификой коммуникативных стратегий и тактик является комплексность использования языковых средств, способствующих достижению цели. В. С. Третьякова подчеркивает, что мотивация речевой стратегии, выбор путей достижения цели во многом определяется установкой личности, поэтому некоторые исследователи связывают смысл речевой стратегии с понятием установки, понимая под ней це-

левую установку, обуславливающую выбор языковых средств и способ организации речи [12]. И. Г. Брадецкая указывает, что под стратегией речевого общения обычно понимается процесс построения коммуникации, направленной на достижение долговременных результатов.

Тактика понимается как совокупность приемов ведения беседы и линия поведения на определенном этапе в рамках отдельного речевого жанра. При этом целью коммуникативной стратегии может являться завоевание авторитета, воздействие на мировоззрение, призыв к поступку, сотрудничеству или воздержанию от какого-либо действия, а тактика включает конкретные приемы, использованные и отобранные для привлечения внимания, установления и поддержания контакта с партнером и воздействия на него, убеждения и т. д. [2]. Очевидно, что набор тактик для реализации одной и той же стратегической линии может варьироваться в зависимости от условий коммуникации, внутреннего состояния интерактантов, а также от внешних условий. По большей мере, выбор стратегий и тактик происходит на сознательном уровне, однако смена и выбор тактик может совершаться и интуитивно и не быть осознанным, это в значительной степени будет определяться этнокультурными нормами. В данном исследовании вслед за О. С. Иссерс и В. С. Третьяковой под коммуникативной стратегией понимается план речевого и вербального поведения, способствующий достижению цели коммуникации, а под коммуникативными тактиками – практические способы достижения плана, выбираемые или комбинируемые в зависимости от используемой стратегии [6; 12].

По результатам анализа исследований возможных типологий коммуникативных стратегий в отечественных и зарубежных исследованиях с учетом полученных эмпирических данных [3; 5; 8; 13, с. 21; 14; 15] были выявлены основные коммуникативные стратегии с соответствующим набором тактических приемов реализации:

1) стратегия конфронтации: тактики дискредитации, угрозы, упрека, давления, провокации, иронии, навешивания ярлыков, критики;

2) стратегия позиционирования: тактика построения четкой оппозиции, установление авторитета, демонстрация ответственности, предупреждение, угроза, раскаяние, сожаление, отвод критики;

3) стратегия кооперации: тактики комплимента, интеграции, убеждения, апелляции к фактам, поддержки, сочувствия, обещания.

Стратегия конфронтации демонстрирует общую установку против партнера по коммуникации. Совершенно справедливо подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джоносон при анализе метафор спора, что спор видится, главным образом, в терминах войны, борьбы. «Мы атакуем и защищаем собственные позиции. Мы разрабатываем и используем стратегии. Если мы убеждены, что позицию нельзя защитить, мы можем ее оставить и выбрать новое направление наступления» [8, с. 127]. Необходимо отметить, что конфронтационная стратегия избирается коммуникантами, как правило, преднамеренно, таким образом, сознательно

создавая неблагоприятную ситуацию. Стратегия конфронтации представлена двумя основными подвидами: стратегией речевого манипулирования и стратегией речевой агрессии. Под агрессией понимается конфликтное речевое поведение, в основе которого лежит негативное воздействие на адресата (с применением тактик возмущения, упрёка, иронии, критики). Стратегия манипулирования – это всегда проявление власти говорящего. Отличительной чертой данной стратегии является то, что один из коммуникантов ставит себя на более высокую статусную ступень. Доминирующей установкой в речевом поведении является навязывание своего мнения, совета или запрета. Основными общими тактиками стратегии манипуляции будут являться тактики давления, угрозы, приказа, требования.

Коммуникативная стратегия позиционирования в большей степени характеризуется избеганием прямого столкновения. Избегание или уклонение характеризуется тем, что коммуникант неспособен или не хочет учитывать интересы партнера, однако добиваться своих целей тоже не намерен.

Стратегия кооперации отличается установкой на партнера по коммуникации и является возможной в случае, когда оба партнера стремятся решить конфликт мирным путем. Такая линия поведения нацелена на сохранение отношений. Превалирующими тактиками являются убеждение, апелляция к фактам, поддержка, сочувствие, обещание.

В политическом дискурсе военной тематики воздействующий потенциал коммуникативной стратегии оказался центральной точкой всей коммуникации, поскольку по поводу этих событий развернулась жесткая информационная война со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жесткость и непримиримость противоборствующих в этой идеологической войне позиций определила круг и специфику основных и вспомогательных стратегий, а также специфику тактик, направленных на реализацию этих стратегий.

Выбор коммуникативной стратегии во многом определяется особенностями коммуникативного поведения той или иной культурной общности. Культура «включена» в мир политики своими представлениями об идеалах и нравственных эталонах политических отношений. Политическая культура – это совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни общества, нации, социальной группы, индивидов.

Проанализировав материалы исследований [18; 19; 20, с. 102 – 116], следует отметить некоторые черты национального коммуникативного поведения, характерные для США, Франции. Для коммуникативного поведения **американцев** характерно представление об особой значимости американской демократии, ее истории и принципов, ее превосходстве по отношению к политическим системам других стран. Здесь сформировалась идея об особой миссии, «предназначении судьбы» США, т. е. идея о национальной исключительности американского народа как оплота свободы, хранителя демократических устоев. Инди-

видуализм выступает в качестве самой яркой, доминирующей черты американского национального менталитета. Именно индивид, а не общество, государство или семья рассматривается здесь как главная ценность. При этом политика понимается как разновидность бизнеса, род политического торга, в котором стороны имеют взаимные обязательства, но каждая действует, исходя из собственных интересов [16].

Французы же придерживаются политического и социального согласия, уважения прав меньшинства и оппозиции, противодействия политическому экстремизму. На первый план они выдвигают свободное самоопределение человека и идею качества жизни [17, с. 192 – 211].

Таким образом, рассмотренные особенности и ценности политической культуры разных стран обуславливают выбор и приоритет коммуникативных стратегий в речевом общении.

Представители американской нации сосредотачивают свое внимание не на восприятии ситуации, а ориентируются на практическое действие, в основе чего лежит субъективная точка зрения, что ведет к попытке изменить окружающий мир в соответствии со своим восприятием без учета специфики объективной реальности и национально-культурной ситуации. Подобное поведение прослеживается в высказывании политиков в связи с военным конфликтом в Южной Осетии и событий 11 сентября 2001 года. В высказываниях приоритет отдается стратегии манипуляции, реализуемой с помощью тактики создания положительного образа Грузии, дискредитации России за счёт приема описания нечестных действий «захватчика» и его преступного поведения.

Russia's actions are an illegitimate, unilateral attempt to change [Georgia's] borders by force that has been universally condemned by the free world [Vice President Dick Chene, 2008].

Действия России являются незаконной попыткой в одностороннем порядке изменить границы [Грузии] силой, что осуждается свободным мировым сообществом [Вице-президент Дик Чейни, 2008].

Secretary of State Condoleezza Rice will be sent to Tbilisi in order to convey America's unwavering support for Georgia's democratic government [Bush, 2008].

Государственный секретарь США Кондолиза Райс будет направлена в Тбилиси, чтобы выразить неизменную поддержку демократическому правительству Грузии [Буш, 2008].

Используя в данных высказываниях такие лексические единицы, как «*change [Georgia's] borders by force*», «*free world*», «*democratic*», оратор, используя тактику дискредитации (осуждения, описания преступного поведения захватчика), пытается закрепить в сознании аудитории мысль о важности свободы, независимости любого человека (государства), идею о готовности американцев взять на себя глобальную миссию по восстановлению порядка во всем мире, как и идею о сохранении демократических устоев американской нацией.

Russia's behavior over the past week has called into question the entire premise of that dialogue and has profound implications for our security relationship going

forward, both bilaterally and with NATO [United States Secretary of Defense Robert Gates, 2008].

Поведение России на прошлой неделе поставило под сомнение возможность найти пути диалога, что имеет серьезные последствия для развития отношений России как с Америкой, так и с НАТО [Министр обороны США Роберт Гейтс, 2008].

Дух соперничества и любовь к успеху характеризуется применением стратегии конфронтации, которая проявляется с помощью тактик моделирования образа врага в лице России как «aggressive», «aggression».

If Russia does not step back from its aggressive posture and actions in Georgia, the U.S.-Russian relationship could be adversely affected for years to come [Bush, 2008].

Если Россия не отступит от своей агрессивной позиции по отношению к Грузии, в будущем это может негативно сказаться на российско-американских отношениях [Буш, 2008].

Те же самые темы и стратегии прослеживаются в речах политиков по поводу событий 11 сентября.

If our country does not lead the cause of freedom, it will not be led [Bush, 2001].

Если наша страна не будет возглавлять борьбу за свободу, никто её не возглавит.

Дж. Буш, произнося данные слова в своей речи после теракта 11 сентября 2001 года, предстает в образе ставленника Господа, обладающего достаточной силой и наделенного правами возродить справедливость на земле, оперирует коммуникативной тактикой установления авторитета с помощью приема демонстрации ответственности.

We will defend our allies and our interests [Bush, 2001].

Мы будем защищать наших союзников и наши интересы.

В приведенном примере Дж. Буш использует тактику обещания защищать союзников и их интересы, тем самым принижая способности глав других государств защищать интересы своих стран.

Американцы используют и конструктивную модель поведения, в частности, стратегию компромисса, призывая две воюющие стороны сложить оружие:

It follows Russia to halt bombardment in the area of conflict in South Ossetia, and that both sides must immediately resort to international mediation [Bush, 2008].

России следует прекратить бомбардировки в зоне конфликта в Южной Осетии, обе стороны должны немедленно прибегнуть к международному посредничеству [Буш, 2008].

Особенности американской коммуникативной модели поведения политиков в своих высказываниях в ситуации военного конфликта можно охарактеризовать следующим образом: из 400 проанализированных высказываний 48 % основаны на применении конфронтационной стратегии; 33 % – стратегия позиционирования с применением тактики установления авторитета и предупреждения; 18 % высказываний содержат стратегию кооперации.

При анализе высказываний французских политиков в связи с военными конфликтами мы обнаружили,

что политическому обращению характерны стратегии дистанцирования и кооперации. Коммуникативная стратегия дискредитации выявляется лишь на уровне составляющих ее тактик и коммуникативных ходов. Данная стратегия хорошо просматривается в речи президента на десятую годовщину теракта 11 сентября в 2011 году:

Les barbares avaient choisi New York comme épice, mais cela aurait pu être Paris et nous nous sentions à ce moment-là, au même titre que vous, les cibles de ceux qui sont les ennemis de la démocratie [Sarcozy, 2011].

Варвары выбрали Нью-Йорк эпицентром взрыва, на его месте мог оказаться Париж, и сегодня мы чувствуем, что действия врагов демократии направлены против нас [Саркози, 2011].

Стратегия кооперации проявляется в отрывке дипломатической речи Н. Саркози, посвященной грузино-осетинскому конфликту. Апеллируя к фактам прошлого, он призывает стороны (Россию и Грузию) к компромиссу:

Nous appelons l'ensemble des parties à la retenue et au respect complet des accords du 12 août et du 8 septembre 2008 après le conflit militaire entre la Russie et la Géorgie [Sarcozy, 2008].

Мы призываем стороны к сдержанности и уважению соглашений, подписанных 12 августа и 8 сентября 2008 года [Саркози, 2008].

Количественный подсчет использованных стратегий и составляющих их тактик в официальных речах французских президентов на тему военных конфликтов показал, что самыми часто употребляемыми являются тактики убеждения, осуждения, апелляции к фактам, поддержки пострадавшего государства, обещания.

C'est avec une immense émotion que la France vient d'apprendre ces attentats monstrueux – il n'y a pas d'autre mot – qui viennent de frapper les États-Unis d'Amérique. Et dans ces circonstances effroyables, le peuple français tout entier – je tiens à le dire ici – est aux côtés du peuple américain. Il lui exprime son amitié et sa solidarité dans cette tragédie. J'assume naturellement le Président George Bush de mon soutien total. La France, vous le savez, a toujours condamné et condamne sans réserve le terrorisme, et considère qu'il faut lutter contre le terrorisme par tous les moyens [Jacques Chirac, 2001].

Францию потрясли чудовищные события, обрушившиеся на Америку. Хочу отметить, что в это сложное для Америки время французский народ находится рядом и выражает свою поддержку и солидарность в этой трагедии. Франция всегда осуждала и будет осуждать терроризм и считает необходимым бороться с ним всеми средствами [Жак Ширак, 2001].

Как видно из приведенного примера, принцип вежливости, свойственный французской политике, способствует реализации конструктивных моделей коммуникативного поведения, в частности, стратегии компромисса и сотрудничества.

Выявление приоритета коммуникативных стратегий в речи французских политиков в ситуации военного конфликта показал следующие результаты: из 400 проанализированных высказываний в 56 % высказываний политиков в связи со сложившейся военной ситуацией преобладает стратегия кооперации и компромисса; 34 % – конфронтационная стратегия с преимущественным применением тактики осуждения; 11 % – стратегия позиционирования. Политики продемонстрировали существенный процент использования коммуникативного конструктивного плана.

В исследуемом материале были выявлены основные тактики:

- дискредитация соперника;
- создание положительного образа;
- создание образа пострадавшей страны;
- тактика поддержки (пострадавшего государства);
- тактика осуждения (захватчика со стороны некоторых западных держав);

- тактика поиска выхода из военного конфликта;
- апелляция к фактам;
- тактика обещания.

Для реализации данных стратегий были использованы следующие приемы:

- описание нечестных действий захватчиков;
- описание преступного поведения глав государств;
- оправдание применения военной силы;
- демонстрация ответственности.

Проведенный анализ также показал, что одной из ключевых стратегий американского политического дискурса в ситуации военного конфликта является стратегия конфронтации, т. е. моделирование образа врага в лице России и моделирование фантомной угрозы.

Ключевыми стратегиями французского политического дискурса являются стратегии кооперации и компромисса, реализуемые с помощью тактик поддержки, сочувствия и апелляции к фактам.

Литература

1. Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996.
2. Брадецкая, И. Г. Обучение старшеклассников профильно-ориентированных классов этикетному речевому поведению в ситуации делового общения: автореф. ... канд. филол. наук / И. Г. Брадецкая. – М., 2007. – 23 с.
3. Гончаров, М. А. Основные стратегии поведения в конфликте / М. А. Гончаров. Центр дистанционного образования Elitarium-2006http. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2006/12/14/osnovnye_strategii_povedeniya_v_konflikte/html.
4. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. филол. наук / И. И. Гулакова. – Орел, 2004. – 152 с.
5. Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов / А. В. Дмитриев, В. П. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев // Юридическая конфликтология. – М., 1993. – Ч. 1. – 212 с.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ УРСС, 2008. – 284 с.
7. Ключев, Е. В. Риторика (Инвенция, Диспозиция, Элокуция) / Е. В. Ключев. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
9. Латынов, В. В. Конфликт: протекание, способы решения, поведение конфликтующих сторон. Обзор зарубежных исследований по психологии конфликта / В. В. Латынов // Иностранная психология. – 1993. – Т. 2. – № 2.
10. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.
11. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8 – 14.
12. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... д-ра филол. наук / В. С. Третьякова. – 2003. – 301 с.
13. Esser, J. K. Strategies for Oligopoly Negotiations Involving Multiple Issues / J. K. Esser, J. L. Walker, P. L. Kurtzweil // Journal of Applied Social Psychology. – 1991.
14. Maddux, R. Team Building (exercise in leadership) / R. Maddux, B. Wingfield. – 1992.
15. Buunk, B. P. Conflict Resolution Styles Attributed to Self and Partner in Premarital Relations / B. P. Buunk, C. Schaap, N. Prevoe // Journal of Social Psychology. – 1990. – P. 130, 821 – 824.
16. Мельников, А. П. Политическая культура: учебно-методическое пособие / А. П. Мельников, С. Ф. Сокол. – Мн.: БИП-С Плюс, 2006. – 65 с.
17. Салмин, А. М. Природа и роль базовых политических ориентаций (на примере Франции) / А. М. Салмин // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – № 3.
18. Очерк американского коммуникативного поведения: научное издание / под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. – Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. – 224 с.
19. Коммуникативное поведение. Русское и французское коммуникативное поведение / под ред. И. А. Стернина, Р. А. Ермаковой. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – 135 с.

20. Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнотипов / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 1995. – № 3. – С. 102 – 116.
21. Bush, G. W. Press Conference, March 16, 2005c // The American Presidency Project. – Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=63360&st=&st1=#axzz1Uo6TZSki>
22. Obama, B. H. Remarks by the President on Strengthening Intelligence and Aviation Security, January 07, 2010 // The White House. Washington. – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-strengthening-intelligence-and-aviation-security>
23. President Bush Discusses Situation in Georgia, Urges Russia to Cease Military Operations August 13, 2008 // The White House. Washington. – Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/08/20080813.html>
24. Defiant Cheney vows Georgia will join Nato, 5 September 2008 // The Guardian. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/sep/05/georgia.nato>
25. Bush Aides Say Russia Actions in Georgia Jeopardize Ties, August 14, 2008 // The New York Times. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2008/08/15/world/europe/15policy.html?_r=0
26. Pr sidence de la R publique // Ыlys e.fr. – Режим доступа: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours>
27. Il y a 10 ans, les attentats du 11-Septembre, Septembre 1, 2011 // Europe1.fr. – Режим доступа: <http://www.europe1.fr/International/Il-y-a-10-ans-les-attentats-du-11-Septembre-708293/>
28. Paris "pr occup " par les missiles russes en Abkhazie, Aout 2, 2010 // Le nouvel observateur. – Режим доступа: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20100812.OBS8429/paris-preoccupe-par-les-missiles-russes-en-abkhazie.html>
29. Sarkozy raconte son 11-Septembre, Septembre 9, 2011 // Le JDD. – Режим доступа: <http://www.lejdd.fr/International/Actualite/11-Septembre-Nicolas-Sarkozy-a-rendu-hommage-aux-victimes-386241>

Информация об авторе:

Шкуратова Евгения Анатольевна – аспирантка КемГУ, 8 923 499 32 86, vanessa1211@mail.ru.

Evgeniya A. Shkuratova – post-graduate student at the Department of Interpretation and Translation, Kemerovo State University.

УДК 81'272=111

ЭМОЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

К. Ю. Щербаков

VERBAL EXPRESSION OF EMOTIONS IN PHRASEOLOGY

K. Y. Shcherbakov

В статье исследуется эмотивная лексика современного английского языка, которая раскрывает универсальные свойства языковой способности человека, культурно-обусловленные различия в ее организации и функционировании, отражение в языке корреляции между эмоциями и психофизиологическим состоянием человеческого организма.

The article deals with emotive lexis of modern English, which discloses universal features of human verbal abilities, culturally determined differences in its organization and functioning, linguistic reflection of correlation of emotions and psycho-physiological condition of human body.

Ключевые слова: эмоции, фразеологизмы, психофизиологическое состояние организма, этнолингвистическая картина мира.

Keywords: emotions, phraseological units, psycho-physiological condition of human body, ethnolinguistic picture of the world.

Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.

Структура этнопсихологических характеристик – сложная динамическая многоуровневая система, эле-

менты которой логично связаны друг с другом. Безусловно, особенно важными среди них представляются ценностные ориентации, господствующие в образе жизни большинства представителей данной этноязыковой общности. Система ценностей, как правило, имеет наиболее осознанный характер и несет идеологическую нагрузку. Ее влияние на формирование психологических характеристик народа, в том числе на его восприятие мира, чрезвычайно велико. Эта струк-

тура представляет собой синтез вечного и исторически преходящего. Это многомерный, почти не поддающийся сколько-нибудь четкому определению комплекс представлений, убеждений, верований народа (отраженных в его религии, философии, культуре, языке), который определяет существование и восприятие действительности. Этническая принадлежность проявляет себя в самых разных формах и на самых разных уровнях: на уровне идей, политики, культуры, обыденного сознания.

Национальная идея, осознанная или неосознанная, во многом движет жизнью любого народа. Исторически осмысленному существованию народа сопутствует широко разделяемая органическая система ценностей, убеждений, верований. Проблемами сходства и различия в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам, и обусловленности психологических различий социально-культурными, экологическими и биологическими особенностями и т. п. занимается кросскультурная психология. Одно из основных понятий здесь – “культурный синдром” – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, всегда этнически обусловлено и сознание человека. Этнический и социокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования и формулирования мысли. Очевидно, процесс этот носит во многом неосознаваемый характер, поскольку сама система сознания, скорее всего, определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национального сообщества. Однако именно эта определенная системность сознания, или образ мира, влияет на поведение представителей того или иного сообщества и определяет его.

Языки различаются еще и тем, как в них осуществляется разграничение разных семантических сфер, а также сколькими и какими способами делят они соответствующие семантические пространства на категории. Жизнь общества и лексика языка, на котором оно говорит, всегда тесно связаны. Можно привести довольно длинный перечень культурно-специфичных концептов, таких как названия блюд, предметов обихода, обрядов и т. д. По-разному воспринимают представители разных культур и цветовой спектр.

Наше сознание хранит знания об окружающем мире во всем многообразии его проявлений, включая представления о различных предметах и связях между ними. Конечно, наборы знаний и представлений носят во многом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит обобщенный характер, ведь изолированный индивид – не более чем абстракция. И поскольку дух народа живет в индивидуальных личностях, закономерности его возникновения, расцвета и упадка могут быть познаны лишь тогда, когда главным объектом

психолингвистического изучения становится этнос как таковой [1].

Одной из главных причин расхождения в семантических системах разных языков является неодинаковое отражение объективной действительности в сознании соответствующих носителей языка в ходе познавательной деятельности. Окружающая нас действительность представляет собой некоторый непрерывный ряд или, как иногда говорят, континуум, т. е. в действительности мы не имеем четких переходов, здесь все взаимосвязано, и трудно сказать, где кончается одно явление и начинается другое. В то же время лексическая система языка состоит из конечного, пусть и чрезвычайно большого числа элементов. Таким образом, отражая в своем сознании явления действительности, человеку приходится устанавливать соответствие между непрерывным рядом действительности и конечным числом дискретных языковых единиц. В результате континуум, существующий в природе, оказывается сегментированным в языке. Таким образом, жизнь общества, восприятие окружающего мира не может не сказываться на национально-лингвальных комплексах [5]. Этническая принадлежность не может не сказываться и на коммуникативном аспекте общения. Этническое своеобразие проявляется, в частности, в манере излагать информацию.

В жизни человека практически нельзя выделить ни одного состояния, которое не переживалось бы субъективно. Эмоции пронизывают всю жизнь человека – от инстинктивных порывов до высших форм социальной деятельности. Мир эмоций разнообразен.

В психологии эмоции определяются как переживание человеком своего отношения к чему-либо (к настоящей или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т. д.). Все поступки человека связаны с ощущениями самого себя и своего отношения к окружающему миру. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу эмоций. Человек как субъект практической и теоретической деятельности, который познает и изменяет мир, не является ни бесстрастным созерцателем того, что происходит вокруг него, ни таким же бесстрастным автоматом, производящим те или иные действия наподобие хорошо слаженной машины. Как определил С. Л. Рубинштейн, эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту [2]. Они позволяют каждому живому существу надежно оценивать свое состояние и воздействие факторов окружающей среды, а также предвидеть эти воздействия.

Помимо этого узкого значения термин «эмоция» используется и в широком смысле, когда имеется в виду целостная эмоциональная реакция личности, включающая не только психический компонент – переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию. В этом случае можно говорить об эмоциональном состоянии человека. Эмоции имеются и у животных, однако у человека они приобретают особую глубину, имеют множество оттенков и сочетаний. Несмотря на то, что конкретные эмоции – это субъективные психологические состояния, эмоциональность как категория обусловлена этнопсихологией и является составной частью культурного синдро-

ма. Лишь надежно установленные языковые универсалии могут дать серьезную основу для анализа концептуальных систем, закрепленных в языке, и для объяснения значений, закодированных в языках.

Часть эмоций принято относить к группе основных (гнев, страх, печаль и др.). Противопоставляют также положительные эмоции (например, радость) и отрицательные (гнев, горе, страх). Изучение эмоций представляют собой исключительную важность для понимания самого широкого круга проблем индивидуального опыта и человеческой деятельности в целом. Фундаментальным исследованиям вербально-понятийного множества эмоций уделяется большое внимание и в современной лингвистике. Однако, несмотря на то, что проблема эмотивности (проявления эмоциональности в языке) рассматривается в лингвистике уже сравнительно долго, наука о языке еще не готова представить полное описание этой категории [3].

Эмотивная лексика весьма активно исследуется лингвистами [4]. Экспрессивность (выразительность) относится к функциональной категории воздействия. Нас интересует такая лексика, которая связана именно с конкретными эмоциями и позволяет пролить свет на природу этих эмоций, дополняя данные психологии, физиологии и других наук.

Предлагаемые классификации резко отличались характером выдвигаемых оснований, числом выделяемых категорий, числом привлекаемых эмоций и самим подходом к различению эмоций и чувств. Мы не будем сейчас вдаваться в сопоставительный анализ этих теорий, однако отметим, что во многих случаях авторы считают разумным разделять эмоции на «основные» и «второстепенные». Поскольку общее число называемых эмоций в разных работах весьма велико, для нас было важным сократить объем материала, ограничившись только группой основных эмоций. К сожалению, до сих пор четких принципов отнесения эмоций к этой группе не выработано, и нам приходится довольствоваться тем, что на неформальном уровне степень совпадения мнений разных авторов относительно ряда эмоций довольно высока.

Функционирование эмоций – это сложный процесс, имеющий наследственный и эволюционный аспекты. Все эмоции с их взаимодействием составляют эмоциональную систему – важнейшую определяющую систему личности. Основные эмоции и эмоциональная система в целом определяют систему мотиваций человека, придавая смысл его жизни. В числе эмоций, чаще других относимых к группе «основных», оказываются радость, горе (или грусть), гнев, страх, презрение и удивление. Эти эмоции не только существуют в реальных жизненных ситуациях, но и могут быть определены и использованы в качестве переменных в различных поведенческих построениях. Каждая из них включает ясно выраженные компоненты, взаимодействие которых и определяет эмоцию.

Каждая основная эмоция (в своем чистом виде) находит свое отражение во вполне определенном выражении лица. Последнее может быть как ответом на эмоцию, так и ее необходимым компонентом. Опыт зрительного восприятия мимики лица приводит к возникновению приобретенного компонента эмоций, ко-

торый со временем, в свою очередь, ассоциативно связывает ту или иную эмоцию с какими-то сигналами и вербальными ярлыками. Из сказанного вытекает, что эмоции могут быть операционально определены либо путем описания мимики, либо путем анализа соответствующих вербальных средств. Тем самым исследования в этой области могут вестись либо на материале слов, либо на материале изображений выражения лица (например, в виде фотографий). Основные эмоции имманентны человеку и, как показывают некоторые исследования, являются универсальными. Известно, что и сами основные эмоции и соответствующие им выражения лица суть результат эволюционных, генетических процессов, универсальных для большинства народов европейской цивилизации.

Как бы то ни было, приходится признать, что канонического перечня основных эмоций пока нет. Проанализировав имевшуюся в нашем распоряжении информацию, мы остановились на следующих шести основных эмоциях: *joy, grief, anger, contempt, fear, surprise*.

Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина. Описание внутренней жизни, в частности, ситуации борьбы элементов человеческой психики, требует определенного набора атрибутов – прилагательных и глаголов. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и описывают, и в то же время непосредственно создают его. Их изучение проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики.

При изучении любой лексико-семантической группы перед исследователем встает вопрос о выборе источника лексического материала. Определяя зону поиска слов, обозначающих эмоции, следует помнить, что, так как целью нашего исследования является изучение большой лексической группы, весьма значимыми факторами являются удобство расположения исходного материала и его полнота. Эмоции – это не только индивидуальная реакция на происходящие события, но и проекция идиоэтнических особенностей восприятия действительности, отражающая закрепленное в обществе и в языке членение картины мира. Таким образом, отобранная для исследования группа слов должна соответствовать действующей речевой практике, т. е. быть репрезентативной. Немаловажное значение здесь также имеет и отношение к норме, исключающее окказионализмы из числа изучаемых лексических единиц.

Что касается следующего такого вида источников, как словари, то их неоспоримым преимуществом является, прежде всего, удобное расположение материала. Анализ словарных дефиниций дает практически исчерпывающее компонентное описание лексических значений. Составители толковых словарей в своих определениях часто отмечают существенные семантические признаки, проводят принцип компонентного описания последовательно, и потому в толкованиях слов максимально часто можно обнаружить полный

набор смысловых элементов. Еще одним достоинством словарей является то, что они представляют собой своеобразные памятники языка, фиксируя то его состояние, которое было на момент создания словаря. Сопоставление словарей разных эпох или, например, сопоставление данных словаря одной эпохи с информацией от носителей языка, живущих в другую эпоху, служит ценнейшим источником материала для диахронических исследований.

Обращение к словарю нередко обусловлено тем, что словарная информация традиционно считается надежной, нормированность приводимых фактов подкрепляется авторитетным мнением составителей словаря. Данные словаря воспринимаются как истина в последней инстанции. Известны лишь единичные работы, в которых делается попытка «оспорить» отдельные факты, зафиксированные в словарях. Следовательно, доверие к данным словарей оправдано, так как эти данные объективны и полны.

Предполагается, что в словарь могут включаться лишь те факты, которые реально встречаются в языке (речи). Слово в данном значении включается в словарь, если оно было употреблено в каком-то реальном тексте, чаще всего в произведении писателя, считающегося классиком. Основным побудительным мотивом при отборе слов для словаря является стремление «очистить» его от нелитературных, «неправильных» форм. Тем самым словари играют роль некоего языкового фильтра.

Итак, главное достоинство словарей состоит в полноте материала. Более того, они обладают двумя дополнительными существенными достоинствами, а именно удобством поиска слов и отмеченной нормативностью лексического материала, что в особенности очень удобно для исследования английской эмоциональной лексики.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах. Мы сочли целесообразным

рассмотреть только те реакции, которые могут быть расценены однозначно. К числу таких реакций следует отнести слова, связанные с описанием состояния организма человека, переживающего соответствующую эмоцию. Если прямая связь между эмоцией и конкретными психофизиологическими показателями реальна, она не могла не отразиться в языке.

Итак, в соответствии с поставленной задачей из всего множества слов мы стали отбирать лишь те, которые были так или иначе связаны с функционированием организма. Такие ответы можно было свести в две группы. В одной группе оказались слова, прямо называющие те или иные внешние части тела. В другую группу вошли слова и словосочетания, которые характеризуют функциональное состояние организма, указывают на внутренние органы и их состояние.

Чтобы сделать обзримым имеющийся в нашем распоряжении материал, мы отобрали для дальнейшего анализа только те слова и словосочетания, которые могли быть однозначно отнесены к следующим категориям: 1) содержат упоминание головы, лица и их частей (глаза, лоб, уши, щеки, шея и т. п.); 2) содержат упоминание частей тела (руки, ноги, грудь, спина и т. д.); 3) связаны с деятельностью сердца и кровообращением; 4) называют разного рода выделения (слезы, пот); 5) указывают на изменения в температуре; 6) указывают на цвет; 7) указывают на функциональные изменения в организме.

Уточним содержание каждой категории. Во-первых, говоря о частях тела, мы одновременно имеем в виду и функции этих частей. Соответственно в категорию «глаза» попадают не только такие реакции, как *wide eyes, a feast for eyes*, и т. п., но и *surprised look, before you could blink*; в категорию «лицо» – как слова *a long face, show your teeth*, так и *my heart is in my mouth, it paralyzed my tongue, smile from ear to ear*; в категорию «тело» – наряду с *cry on sb's shoulder, stab sb in the back* помещены и *kick in the stomach, have your guts for garters* и т. д.

Теперь представим полученные результаты в виде сводной таблицы.

Сводная таблица эмоций, зафиксированных в английских фразеологизмах

Части тела / состояние организма	Эмоции						Всего
	<i>grief</i>	<i>joy</i>	<i>anger</i>	<i>contempt</i>	<i>fear</i>	<i>surprise</i>	
Голова (лицо, глаза, рот).	18	13	18	7	10	29	95
Части тела (конечности, грудь, спина).	10	6	6	13	7	7	49
Сердце и кровообращение.	10	-	9	1	8	4	32
Выделения организма (слезы, пот).	6	1	2	-	2	-	11
Температура организма.	3	1	15	1	6	-	26
Цвет кожи.	4	7	3	2	3	2	21
Функциональные изменения организма.	13	7	1	-	8	14	43
Всего:	64	35	54	24	44	56	

Таким образом, если рассматривать антропоморфные характеристики фразеологизмов, передающих эмоциональное значение, то на первом месте, почти с двукратным отрывом, находится категория «Голова (лицо, глаза, рот)». При рассмотрении шести

основных эмоций в плане их зафиксированности в пласте фразеологии современного английского языка на лидирующих местах находятся такие эмоции, как *grief* и *surprise*.

В итоге были получены обширные данные по лексическим способам вербализации эмоций. Из всего множества данных непосредственно к анализу были привлечены слова, так или иначе связанные с функционированием организма, включая упоминание частей тела, состояние организма и слова, связанные с температурой и цветом.

Если говорить о частях тела, то самым «выразительным» оказывается лицо. *Удивление* лучше всего передается глазами, а *страх* – туловищем и конечностями. Для передачи эмоции *презрения* у англоговорящих ведущей частью тела являются конечности. При описании состояния *гнева* существенно упоминание слез и пота. Особый интерес для нас представляли слова, которые связаны с изменением температуры тела и цвета кожи. Заметим, что оба показателя напрямую связаны с движением крови. Известно, что гнев вызывает прилив крови и, как следствие, резкое повышение температуры, а страх, напротив, отток крови, слабость и понижение температуры тела. Движение крови приводит не только к колебаниям температуры, но и к изменению цвета кожи. «Горячие» эмоции по преимуществу сочетаются с цветами, которые принято считать «теплыми». Человек, охваченный чувством гнева, имеет повышенную температуру тела, проявляющуюся в общем ощущении тепла.

Таким образом, анализ эмотивной лексики строился на рассмотрении объема и структуры фразеологии современного английского языка. Также мы попытались исследовать значение соответствующих

фразеологических единиц в плане передачи эмотивного значения. С этой целью была опробована методика, основанная на использовании анализа словарных дефиниций фразеологизмов, которые передают шесть основных человеческих эмоций.

Развитие эмоций неразрывно связано с развитием личности в целом. Роль эмоций часто оказывается дезорганизующей или даже шоковой, но иногда они могут быть также и мощным стимулом к деятельности, мобилизирующим нашу энергию. В целом они способствуют целенаправленной деятельности, а потому необходимы для нормальной жизнедеятельности. Обычно исследователи оставляют вне поля зрения важные экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на эмоциональную, в том числе и вербально оформленную сферу жизнедеятельности человека. Однако личность формируется в процессе социализации. Следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. Принадлежность к той или иной культуре предопределяет, в частности, уровень эмоциональности и ее интенсивность.

Описание вербальных знаков, выступающих в качестве носителей определенных концептов культуры, выявление универсальных свойств и этнических особенностей имеет большое теоретическое и прикладное значение для выявления сущности генерирования, развития и функционирования эмоциональной стороны языковой картины мира.

Литература

1. Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой / Е. В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2002.
3. Чернец, О. Я. Проблемы эмотивности и коннотации / О. Я. Чернец // Некоторые вопросы общего и частного языкознания: межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2001.
4. Шаховский, В. И. Эмоции и коммуникативное пространство языка / В. И. Шаховский // Массовая культура на рубеже XX – XXI вв.: человек и его дискурс; под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003.
5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев // Языки славянской культуры. – М., 2002.

Информация об авторе:

Шербakov Кирилл Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-905-968-25-57, sku2@yandex.ru.

Kirill Y. Shcherbakov – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English philology №1, Kemerovo State University.

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 378:316

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Е. Н. Борисенко

THE CONCEPTUAL MODEL OF THE EDUCATIONAL SUPPORT OF STUDENTS' SOCIAL COMPETENCE FORMATION

E. N. Borisenko

В статье рассматривается концептуальная модель педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов. Модель представляет собой теоретико-методологическое обоснование сопровождающей деятельности преподавателей. Обосновывается компонентный состав модели, раскрывается содержание каждого компонента.

The article deals with the conceptual model of the educational support of students' social competence formation. The model is considered to be the theoretical and methodological foundation of the educational support provided by the academic staff. The elements composition of the model is substantiated and the content of the elements is described.

Ключевые слова: цель, теория, методология, содержание, организация, технологии, результаты.

Keywords: aim, theory, methodology, content, organization, technologies, results.

Модернизация системы высшего профессионального образования связана с реализацией компетентного подхода. ФГОС ВПО, разработанные на основе компетентного подхода, предписывают вузам формирование общекультурных компетенций. Многие из общекультурных компетенций являются по сути социальными. Таким образом, ФГОС ВПО фактически ориентируют высшие учебные заведения на формирования социальной компетентности студентов и выпускников вузов.

В нашем понимании социальная компетентность студента – это интегративное качество личности, которое дает человеку возможность успешно выполнять социальную роль студента и осуществлять свою жизнедеятельность в социуме, гармонично и эффективно сочетая свои собственные позиции и интересы с позициями и интересами других членов общества. Социальная компетентность студента представляет собой сложноструктурированное комплементарное единство таких парциальных компетентностей, как компетентность в общении, гражданская компетентность, культурно-досуговая компетентность и социально-личностная компетентность.

Под формированием социальной компетентности понимается осуществляемая в специально созданных условиях самостоятельная деятельность студента, включающая принятие социально значимых ценностей, освоение системы социальных знаний, овладение социальными умениями, приобретение опыта просоциального поведения и развитие социально-личностных качеств. Условия, способствующие формированию социальной компетентности, создаются преподавателем, тем самым он осуществляет педагогическое сопровождение данного процесса.

Приступая к моделированию педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов мы руководствовались тем, что в педагогических исследованиях моделирование обозначает: выявление системных свойств моделируемого объекта; соотнесение собственного опыта с результатами педагогического моделирования; оценку полученного информационного приращения [7, с. 19].

В психолого-педагогической литературе встречаются различные представления о моделях, среди которых представление о модели как о концептуальном обосновании какого-либо процесса [2, с. 38], рассматривается множество видов моделей. Так, О. Л. Карпова выделяет одиннадцать разновидностей моделей, в том числе и концептуальную модель, которая определяется как модель, «основанная на информационной базе данных и программе действий» [1, с. 23].

В других источниках мы находим следующие определения концептуальной модели:

– «образы и представления, которые сыграют роль обобщенных схем поведения; система основных понятий и правил комбинирования классов понятий, не зависящих от языка и содержательной структуры некоторой предметной области» [3, с. 200];

– «(в инженерной психологии) совокупность представлений оператора о целях и задачах трудовой деятельности, состоянии предмета труда – технических средств и внешней среды, о собственных способах управляющих воздействий» [5, с. 92];

– «определенное множество понятий и связей между ними, являющихся смысловой структурой рассматриваемой предметной области. Концептуальная модель – модель предметной области, состоящей из перечня взаимосвязанных понятий, используемых для

описания этой области, вместе со свойствами и характеристиками, классификацией этих понятий по типам, ситуациям, признакам в данной области и законов протекания процессов в ней» [4];

– «стратегический план исследования, содержащий теоретико-методологические подходы, проблемы исследования, понятийный аппарат, гипотезы, методику сбора и обработки данных» [6].

Принимая во внимание выше приведенные определения и исходя из того, что в педагогических исследованиях концепция может трактоваться как теория, включающая совокупность концептуальных положений, принципов, факторов, условий, механизмов, процедур и т. д. (А. М. Новиков), мы пришли к следующему определению концептуальной модели педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов. Концептуальная модель педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов – это теоретико-методологическое обоснование педагогической деятельности преподавателя по созданию условий, способствующих формированию социальной компетентности студентов; совокупность представлений о целях, содержании, организации, способах, средствах и результатах этой деятельности.

При разработке концептуальной модели педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов мы ориентировались на требования к модели, изложенные в работах И. А. Колесниковой, А. М. Новикова, Г. Н. Серикова, В. А. Сластенина. Согласно этим требованиям модель должна:

- представлять и описывать систему, имеющую цель и результат;
- имитировать реальные процессы будущей деятельности;
- находиться в некотором соотношении сходства и различия с оригиналом;
- замещать оригинал в определенных отношениях в процессе исследования;
- быть согласована с образовательной средой, в которой ей предстоит функционировать;
- позволять проигрывать, сравнивать и оценивать возможные результаты;
- давать возможность сделать обоснованный выбор одного из вариантов решения проблемы;
- обеспечивать получение нового знания об оригинале в результате исследования.

Моделирование процесса педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов осуществлялось с опорой на системный подход (общенаучный уровень), личностно-деятельностный, субъектный, диалогический и компетентностный подходы (конкретно-методологический уровень).

Сконструированная концептуальная модель педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов представляет собой педагогическую систему и характеризуется целостным единством целевого, теоретико-методологического, содержательного, организационного, технологического и результативного компонентов.

Целевой компонент определяется в контексте социального заказа системе высшего профессиональ-

ного образования на подготовку социально компетентного выпускника вуза и исходя из понимания педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вуза как особого вида деятельности преподавателя, направленной на создание комплекса условий, способствующих успешному формированию социальной компетентности студента.

Таким образом, **целью** педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов является создание оптимальных условий, обеспечивающих достижение максимально возможного для каждого студента уровня сформированности социальной компетентности.

Теоретико-методологический компонент объединяет факторы, закономерности, принципы и функции педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов.

Факторами, положительно или отрицательно влияющими на процесс педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов, являются:

- социально-экономическая и политическая ситуации в стране;
- содержание и форма предоставления информации в СМИ и, что особенно важно для студенческой аудитории, в Интернете;
- степень доверия студентов профессорско-преподавательскому составу вуза;
- уровень подготовки преподавателей к осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов;
- норма часов по гуманитарному, социальному и экономическому циклу;
- мотивация и ценностное отношение студентов к обладанию социальной компетентностью;
- общекультурный уровень развития студентов.

В процессе педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов проявляются следующие **закономерности**, отражающиеся во взаимодействии преподавателей и студентов, содержании педагогического сопровождения формирования социальной компетентности и организации процесса педагогического сопровождения:

1. Успешность педагогического сопровождения формирования социальной компетентности зависит от проявления инициативы и активной позиции преподавателя и студентов в процессе педагогического сопровождения.

Эта закономерность реализуется через принцип **инициативности и активности**, предполагающий:

- осуществление педагогического сопровождения по инициативе преподавателя, а не в приказном порядке; активность и творческий подход сопровождающего в организации комплекса условий, способствующих эффективному формированию социальной компетентности студента; инициативу и активность преподавателя в применении инноваций в процессе педагогического сопровождения; постоянное профессиональное самосовершенствование преподавателя;
- активное и творческое использование студентом условий, создаваемых преподавателем в ходе педагогического сопровождения, сотрудничество с препода-

вателем в их создании, проявление инициативы в поиске собственных способов и средств формирования социальной компетентности.

2. Эффективность педагогического сопровождения формирования социальной компетентности обусловлена реализацией субъект-субъектного взаимодействия преподавателей и студентов.

Данная закономерность находит своё выражение в принципе *опоры на субъектность* студента, который предполагает:

- содействие развитию способности студента быть субъектом формирования социальной компетентности;

- демонстрацию уверенности сопровождающего в способности студента самостоятельно и ответственно осуществлять формирование социальной компетентности, т. е. ставить цели и определять задачи формирования социальной компетентности, осознавать мотивы её формирования, решать поставленные задачи, приближаясь к намеченной цели, оценивать и корректировать свою деятельность на основе рефлексии;

- постепенное ослабление роли сопровождающего и возрастание роли студента как субъекта формирования социальной компетентности.

3. Педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студентов протекает эффективно, если при создании условий, способствующих формированию социальной компетентности, учитываются социально-психологические особенности студентов.

Проявление данной закономерности связано с принципом *дифференциации и индивидуализации*, предполагающим осуществление педагогического сопровождения с учетом индивидуально-личностных особенностей, интересов и потребностей студентов в сферах формирования социальной компетентности и уровня сформированности их социальной компетентности.

4. Формирование социальной компетентности протекает эффективно, если студент вовлечен в деятельность, позволяющую ему почувствовать на практике значимость социальной компетентности в жизни современного человека.

Данная закономерность реализуется в принципе *реалистичности*, предполагающем:

- постановку реальных стратегических и тактических целей и задач педагогического сопровождения формирования социальной компетентности, исходя из возможностей вуза, уровня общекультурного развития студентов, исходного уровня сформированности социальной компетентности, уровня подготовленности преподавателей к осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности;

- обеспечение практической направленности формирования социальной компетентности, ориентацию на её скорейшее проявление в реальной жизни.

5. Успешность педагогического сопровождения формирования социальной компетентности зависит от его интегративного характера, с одной стороны, и открытости для взаимодействия с окружающей средой – с другой.

Эта закономерность отражена в принципе *интеграции и открытости*, означающем:

- интеграцию содержания образования, осуществляемую в рамках дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла, при этом содержание образования открыто для обогащения за счет других предметных областей, усвоение учебного материала, идей и понятий которых способствует формированию социальной компетентности;

- объединение усилий всех субъектов педагогического сопровождения с целью создания комплекса условий для формирования социальной компетентности студентов;

- открытость для расширения круга субъектов педагогического сопровождения; открытость для взаимодействия сопровождающий – сопровождаемый, сопровождающий – сопровождающий, сопровождаемый – сопровождаемый;

- открытость социально-образовательного пространства формирования социальной компетентности, выход за пределы вуза на межвузовский, городской, региональный и т. д. уровни.

6. Формирование социальной компетентности как непрерывный преемственный процесс осуществляется на протяжении всего периода обучения в вузе.

Проявление данной закономерности связано с принципом *непрерывности и преемственности*, обеспечивающем:

- преемственность в формировании социальной компетентности школьников и студентов и непрерывность процесса формирования социальной компетентности на протяжении всего периода обучения в вузе;

- аккумуляцию достигнутых результатов на всех этапах педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов;

- постепенность и плавность перехода от формирования социальной компетентности в условиях сопровождения и поддержки со стороны преподавателя к полностью самостоятельному формированию студентом своей социальной компетентности на старших курсах.

Выше рассмотренные принципы (инициативности и активности, опоры на субъектность студента, дифференциации и индивидуализации, реалистичности, интеграции и открытости, непрерывности и преемственности) определяются нами как *специальные принципы* педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов. Важно также учитывать тот факт, что педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студентов вуза как специально организованный целенаправленный процесс является элементом целостного педагогического процесса. Это означает, что педагогическое сопровождение базируется на *основных принципах* целостного педагогического процесса (гуманистическая направленность педагогического процесса, индивидуальный подход, научность, культуросообразность, сотрудничество, прочность, осознанность и действенность результатов, преемственность, систематичность и последовательность и др.).

Как элемент целостного педагогического процесса педагогическое сопровождение выполняет его *ос-*

новые функции: образовательную, воспитательную, развивающую и социализирующую.

Что касается **специальных функций** педагогического сопровождения формирования социальной компетентности, то мы пришли к выводу, что оно выполняет:

- диагностическую функцию, которая предполагает выявление уровня сформированности социальной компетентности студентов на момент поступления в вуз, их готовность к формированию и развитию социальной компетентности;

- проектировочную функцию, которая заключается в проектировании комплекса условий, способствующих формированию социальной компетентности студентов;

- техническую функцию, обеспечивающую создание условий для успешного формирования социальной компетентности студентов;

- аналитическую функцию, включающую всесторонний анализ промежуточных и конечных результатов педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов;

- фасилитационную функцию, заключающуюся в способствовании и стимулировании формирования социальной компетентности студентов путем создания ситуации успеха и благожелательной атмосферы доверия, проявления таких чувств, как уважение, чуткость, отзывчивость, дружелюбие и др.

Содержательный компонент представлен знаниями, способами деятельности, опытом просоциальной и творческой деятельности, опытом эмоционально-ценностного отношения к миру, приобретенными в ходе образовательной и самообразовательной, общественной и культурно-досуговой деятельности студентов. Данный компонент соотносится с содержанием структурных компонентов компетентности в общении, гражданской, культурно-досуговой и социально-личностной компетентностей студента.

Технологический компонент модели отражает формы, методы и средства обучения и воспитания, применение которых обеспечивает достижение цели и реализацию содержания педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов.

Формы как внешняя организация процесса педагогического сопровождения могут быть индивидуальными, групповыми и коллективными. Поскольку социальная компетентность формируется и проявляется в отношениях и взаимодействии с другими людьми, то логично преобладание групповых и коллективных форм педагогического сопровождения.

Формы педагогического сопровождения мы разделили на **непосредственные** и **опосредованные**. Непосредственные формы педагогического сопровождения – это консультации, тьюториалы, модерационные семинары, индивидуальная и коллективная супервизия, тренинги, специальные занятия, проводимые с непосредственной целью обучения студентов самостоятельному формированию социальной компетентности, обеспечивающие условия для анализа преподавателем деятельности студентов по формированию социальной компетентности и анализа студентами собственной деятельности.

Опосредованные формы педагогического сопровождения совпадают с основными, традиционными формами организации учебно-воспитательного процесса в вузе (лекции, практические занятия, конференции, конкурсы), обеспечивающими овладение содержанием образования, отвечающим цели и задачам формирования социальной компетентности. С другой стороны, задачи педагогического сопровождения формирования социальной компетентности решаются при помощи менее традиционных для вуза форм, таких как экскурсии, выставки, тематические вечера, встречи с интересными людьми, викторины и т. д.

Под **методами** педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов понимаются способы субъект-субъектного взаимодействия сопровождаемого и сопровождающего, обеспечивающие формирование данной компетентности. Мы выделили две группы методов: *методы собственно педагогического сопровождения* и *методы формирования социальной компетентности* студентов, использование которых является одним из условий её успешного формирования.

К первой группе относятся наблюдение, модерация, опрос, консультирование, тьюторство, супервизия, методы стимулирования и мотивации формирования социальной компетентности, методы контроля формирования социальной компетентности студентов. Вторая группа включает методы активного, интерактивного и продуктивного обучения, методы самоконтроля и самовоспитания, применение которых обеспечивает позицию студента как субъекта формирования социальной компетентности.

В нашем понимании и практическом применении средства педагогического сопровождения – это тесты, анкеты, опросники, методики; учебные пособия, стимульный материал, специальная литература, художественная литература, искусство, средства массовой информации и коммуникации.

Организационный компонент модели основан на понимании того, что педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студентов представляет собой сложный, многогранный, системный, личностно-ориентированный, непрерывный процесс, который обеспечивается последовательностью прохождения взаимосвязанных этапов, отражающих логику формирования социальной компетентности студентов.

Мы выделили три *этапа* в процессе педагогического сопровождения формирования социальной компетентности: *подготовительный* (ознакомительно-прогностический), *основной* (организационно-исполнительский) и *заключительный* (рефлексивно-оценочный).

На ознакомительно-прогностическом этапе осуществляется диагностика исходного уровня сформированности социальной компетентности студентов, анализ полученных результатов и дифференциация студентов в соответствии с уровнем сформированности социальной компетентности; прогнозирование перспектив успешного формирования социальной компетентности и предвидение возможности возникновения у студента проблем в процессе формирования; разработка программы и плана создания ком-

плекса условий, способствующих формированию социальной компетентности. Организационно-исполнительский этап включает создание благоприятных условий для формирования социальной компетентности студентов; мониторинг процесса формирования социальной компетентности и внесение корректив в процесс педагогического сопровождения на основе данных мониторинга; оказание помощи студентам в решении проблем, возникших в процессе формирования социальной компетентности. На рефлексивно-оценочном этапе происходит заключительная диагностика уровня сформированности социальной компетентности студентов; дается количественная и качественная оценка достигнутых результатов.

Результативный компонент модели представляет результаты педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов. **Результатами** педагогического сопровождения являются:

– наличие условий, необходимых для успешного формирования социальной компетентности студентов (непосредственные результаты); эти условия охватывают подготовленность преподавателей к педагогическому сопровождению формирования социальной

компетентности; отбор содержания образования, обеспечивающего формирование социальной компетентности; применение технологий, методов и средств обучения, гарантирующих формирование социальной компетентности; использование внутренних ресурсов вуза и внешних ресурсов (ресурсов города) в целях педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов; контроль и оценка формирования социальной компетентности студентов;

– позитивные изменения уровня сформированности социальной компетентности студентов, достигнутые благодаря созданию выше названных условий (опосредованные результаты). Уровни сформированности парциальных компетентностей включают: *репродуктивный* – низкий, *продуктивный* – средний и *креативный* – высокий.

Создание концептуальной модели педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов является важным шагом на пути к практическому осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вуза.

Таблица

Концептуальная модель педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вузов

Целевой компонент
Цель: создание оптимальных условий, обеспечивающих достижение максимально возможного для каждого студента уровня сформированности социальной компетентности
Теоретико – методологический компонент
Факторы: - социально-экономическая и политическая ситуации в стране; - содержание и форма предоставления информации в СМИ, в сети Интернет; - степень доверия студентов профессорско-преподавательскому составу и администрации вуза; - уровень подготовки преподавателей к осуществлению педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов; - норма часов по гуманитарному, социальному и экономическому циклу; - мотивация и ценностное отношение студентов к обладанию социальной компетентностью; - общекультурный уровень развития студентов
Закономерности: 1. Успешность ПСФСК зависит от проявления инициативы и активной позиции преподавателя и студентов в процессе ПСФСК. 2. Эффективность ПСФСК обусловлена реализацией субъект-субъектного взаимодействия преподавателей и студентов. 3. ПСФСК протекает эффективно, если при создании условий, способствующих формированию социальной компетентности, учитываются социально-психологические особенности студентов. 4. Формирование социальной компетентности протекает эффективно, если студент вовлечен в деятельность, позволяющую ему почувствовать на практике значимость социальной компетентности в жизни современного человека. 5. Успешность ПСФСК зависит от его интегративного характера, с одной стороны, и открытости для взаимодействия с окружающей средой – с другой. 6. Формирование социальной компетентности как непрерывный преемственный процесс осуществляется на протяжении всего периода обучения в вузе.

Принципы			
Основные: – гуманистическая направленность, – индивидуальный подход, – научность, – культуросообразность, – сотрудничество, – прочность, осознанность и действенность результатов, – преемственность, – систематичность и последовательность.		Специальные: – инициативность и активность, – опора на субъектность студента, – дифференциация и индивидуализация, – реалистичность, – интеграция и открытость, – непрерывность и преемственность.	
Функции			
Основные: – образовательная, – воспитательная, – развивающая, – социализирующая.		Специальные: – диагностическая, – проектировочная, – техническая, – аналитическая, – фасилитационная.	
Содержательный компонент			
– знания, – способы деятельности, – опыт просоциальной деятельности, – опыт творческой деятельности, – опыт эмоционально-ценностного отношение к социальной компетентности и просоциальной деятельности.			
Технологический компонент			
Формы			
Непосредственные: – консультации, – тьюториалы, – модерационные семинары, – супервизия, – тренинги, – специальные занятия.		Опосредованные: – лекции, – практические занятия, – конференции, – конкурсы, – экскурсии, – выставки, – тематические вечера, – встречи с интересными людьми, – викторины.	
Методы			
Методы собственно педагогического сопровождения: – наблюдение, – опрос, – консультирование, – тьюторство, – модерация, – супервизия, – методы стимулирования и мотивации, – методы контроля.		Методы формирования социальной компетентности: – методы активного, – интерактивного и продуктивного обучения, – методы самоконтроля и самовоспитания.	
Средства			
– тесты, – анкеты, – опросники, – методики,	– учебные пособия, – стимульный материал, – специальная литература,	– художественная литература, – искусство,	– средства массовой информации и коммуникации.
Организационный компонент			
Этапы			
подготовительный (ознакомительно-прогностический),	основной (организационно-исполнительский)		заключительный (рефлексивно-оценочный)

Результативный компонент		
– наличие условий необходимых для успешного формирования социальной компетентности студентов, – позитивные изменения уровня сформированности социальной компетентности студентов.		
Уровни сформированности парциальных компетентностей		
Низкий <i>репродуктивный</i>	Средний <i>продуктивный</i>	Высокий <i>креативный</i>

Примечание: ПСФСР – педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности.

Литература

1. Карпова, О. Л. Содержание прогностической модели развития самообразовательной деятельности студентов вуза / О. Л. Карпова // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 8.
2. Селевко, Г. К. Воспитательные технологии / Г. К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2005. – 320 с.
3. Современный словарь по общественным наукам / под общей ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панова. – М.: Эксмо, 2005. – 528 с.
4. Толковый словарь по искусственному интеллекту. – Режим доступа: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html>
5. Ширшов, Е. В. Информационно-педагогические технологии: ключевые понятия: словарь / Е. В. Ширшов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 256 с.
6. Энциклопедия социологии. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Model-Konceptualnaja-4233.-html>
7. Яковлев, Е. В. Педагогический эксперимент: квалитетический анализ: монография / Е. В. Яковлев. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. – 136 с.

Информация об авторе:

Борисенко Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 89050694838, iana995@yandex.ru.

Elena N. Borisenko – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

УДК 378.147

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Л. С. Зникина

LINGUODIDACTIC ASPECT OF THE PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

L. S. Znikina

В статье рассматриваются вопросы лингводидактического аспекта формирования профессионально-коммуникативной компетенции современного специалиста; анализируются структурные компоненты данной компетенции; дано её обоснование как инструмента эффективной профессиональной деятельности специалиста и определено место межкультурной коммуникации.

The issues of linguodidactic aspect of forming the professional communicative competence of a modern specialist are considered in the article; the structural and functional components of this competence are analyzed; the explanation of the professional communicative competence as the important instrument in the professional activities of the specialist is given; the role of the cross-cultural interaction is presented.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция как инструмент профессиональной деятельности; структурные и функциональные компоненты профессионально-коммуникативной компетенции; межкультурная коммуникация.

Keywords: professional communicative competence as the instrument of professional activity; structural and functional components of professional communicative competence; cross-cultural interaction.

Перспективы вхождения России не только в единое экономическое пространство, но и на уровень международного сотрудничества в области высшего образования требуют более глубокого осмысления проблем подготовки специалистов в соответствии с актуальными потребностями общества. Вполне логичным является и то, что в традиционной подготовке специалистов все более четко стали выделяться ключевые компетенции, которым придается особое значение в профессиональном образовании. Важным в деятельности специалистов становятся не только собственно специальные знания, но и общая способность коммуникативной организации профессиональной деятельности в различных социально-экономических условиях, с представителями профессиональных сообществ разных культур. Социальный контекст в профессиональной деятельности специалистов становится все более зримее, определяя в поле их подготовки место профессиональной межкультурной коммуникации.

Одним из требований к уровню сформированности профессиональной компетенции будущего специалиста является, как бы простым это не казалось, умение общаться. В процессе так называемой интернационализации экономики, общего процесса глобализации значительно возросли требования к уровню профессиональной компетенции специалиста в умении общаться, в межкультурной коммуникации.

С этих позиций одной из важных позиций стало понятие ключевых компетенций. Ключевые компетенции представляют собой межкультурные и межотраслевые знания и умения, общие способности специалиста к адаптации и продуктивной деятельности в различных профессиональных сообществах. К ним отнесены: социальная компетенция (способность взять на себя ответственность в принятии профессиональных решений, корпоративность; проявление толерантности к разным культурам); коммуникативная компетенция (владение технологиями общения, в том числе компьютерного); когнитивная компетенция (готовность и способность самостоятельно приобретать новые знания и умения, реализовывать свой личный потенциал); социально-информационная компетенция (владение информационными технологиями и способность воспринимать критику в источниках социальной информации); специальная компетенция (подготовленность к выполнению профессиональных функций).

Следует отметить, что концепции ключевых компетенций в отечественной профессиональной педагогике обсуждаются не столь широко, как в зарубежной. Более знакомым для нас является термин «ключевые квалификации» как общепрофессиональные знания, умения и навыки, а также качества личности, необходимые для выполнения работы по определенной группе профессий. В середине 1970-х гг. возникла необходимость пересмотра как у нас, так и за рубежом квалификационных требований к специалисту. Именно опросы менеджеров показали, что «наиболее востребованными и актуальными характеристиками специалистов являются самостоятельность, адаптивность, специальные знания, коммуникативные умения, оперативность, пунктуальность, творческие

способности». Так появилось обоснование необходимости формирования у специалистов надпрофессиональных знаний и умений, определяемых как самостоятельный блок качеств.

Об этом свидетельствуют и факторы, обуславливающие расширение понятия ключевых компетенций. К этим факторам относятся:

- академическая мобильность и глобализация образования;
- расширение профессиональной деятельности менеджера и выход на уровень общения с представителями других культур;
- необходимость знания иностранных языков и других средств коммуникативного воздействия;
- необходимость непрерывного повышения образования и квалификации для сохранения конкурентоспособности на мировом рынке специалистов;
- изменение акцента в ситуациях принятия решений в сторону децентрализации и самостоятельности в ответственных решениях;
- внедрение в профессиональную деятельность компьютерных информационных технологий.

Если рассматривать приведенное выше определение ключевых компетенций, то, не смотря на универсальность, особенностью, очевидно, является формирование несколько иного соотношения между ними в структуре профессиональной деятельности специалистов. На наш взгляд, в их подготовке важным является акцент, прежде всего, на коммуникативной и когнитивной составляющих в структуре ключевых компетенций. Это делает необходимым рассматривать профессионально-коммуникативную компетенцию как одну из ключевых компетенций в профессиональном становлении будущего специалиста.

Структурными элементами профессионально-коммуникативной компетенции (рис. 1) нами представлены: *профессиональная рефлексия, социальная перцепция и межкультурная перцепция* [1].

В профессиональной рефлексии центральное место занимает ориентировка в мире профессий, предполагающая развитие определённых свойств личности – и функции направленности личности, и исполнительные операции. Это формирование системы устойчивых личных качеств, создающих возможность успешного выполнения деятельности, то есть профессионально важных качеств или профессиональных способностей.

Социальная перцепция обеспечивает восприятие субъектов друг другом и исходящую от них информацию как динамический процесс, в котором происходит оценивание и изменение поведенческих характеристик субъектов, формирование представления о воспринимаемом через опыт и установку воспринимающего. Через социальную рецепцию происходит понимание субъективного и перенесение в сферу общения (мы говорим о профессиональном общении менеджеров) процедур, которые вырабатываются в процессе деятельности человека.

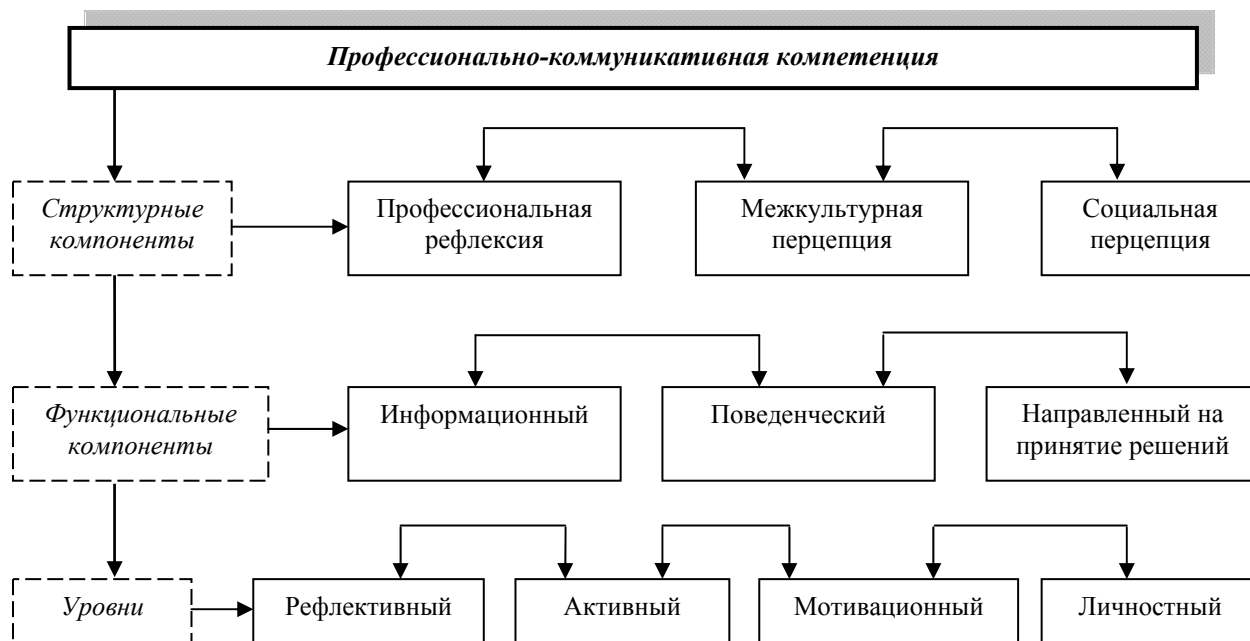

Рис. 1. Структура профессионально-коммуникативной компетенции

Межкультурная перцепция – восприятие субъектов друг другом на уровне разных культур и исходящей от них информации. Это восприятие представляет собой динамический процесс, в котором происходит оценивание и изменение поведенческих характеристик субъектов. Через межкультурную рецепцию происходит понимание субъективного и перенесение его в сферу профессионального общения. Межкультурная перцепция тесно связана с межкультурной коммуникацией. В данном контексте это понятие относится к случаям, когда коммуникативная компетенция столь различна, что отражается на исходе коммуникативного события. Поэтому изучение коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного профессионального общения является важным. Межкультурная коммуникация как любая коммуникация всегда носила прикладной характер. Это, прежде всего, обучение умениям и навыкам, которые необходимы в профессиональной сфере тех, чья деятельность связана с представителями других культур, когда коммуникативные неудачи могут привести к непониманию на переговорах, к социальной напряженности в коллективе.

Формирование межкультурной компетенции будущего специалиста – это, прежде всего, функция иностранного языка. Во-первых, это – достаточно глубокое изучение иноязычной культуры путем передачи практических знаний и умений. Убежденность в том, что приобщение к иноязычной коммуникации есть одновременно передача культуры носителей этого языка и активное присвоение этой культуры, стало теоретически общепризнанным и общеизвестным. При этом учебный процесс рассматривается как процесс анализа примеров иноязычной коммуникации, изучения практических потребностей представителей различных культур, в результате чего расширяется иноязычная культура, преодолеваются трудности в повседневном общении с людьми из другой культуры.

Другой важной функцией иноязычного образования является формирование основ общекультурных и ценностных мировоззрений. Нет необходимости убеждать, что иностранный язык является средством познания картины мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами. Одновременно язык – это ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур.

И третья функция обучения иноязычному общению – приобретение будущим специалистом иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности.

Интеллектуально-познавательный компонент профессионального становления в процессе изучения иностранного языка включает общепрофессиональные и специальные знания, знания иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации. Изучение иностранного языка формирует осознанность профессиональной причастности, расширяет их кругозор. Поэтому нельзя упускать из виду функцию иностранного языка как средства формирования интереса к будущей профессии и стремления получить знания по возможно большему количеству коммуникационных каналов, одним из которых становится владение иностранным языком.

Профессионально-ориентированное изучение иностранного языка открывает перед будущими специалистами большие перспективы не только общения с зарубежными коллегами, но и возможность прохождения повышения квалификации в странах изучаемого языка, обучения по специальности в зарубежных вузах, участие в мировых конференциях, позволяет в дальнейшем заниматься научной работой на основе иноязычных источников и многое другое. Квалификация таких специалистов намного выше, так как они находятся в курсе последних мировых разработок в своей отрасли. Практика показывает, что знания, по-

лученные в ходе обучения в вузе, позволяют студентам вести свободное общение на профессиональные темы, быстро реагировать на рабочую ситуацию, принимать участие в конференциях, а также посещать семинары по различным проблемам конкретной специализации.

Современная концепция языкового образования предполагает создание такой системы подготовки специалиста, которая позволит ему легко адаптироваться к динамично изменяющимся условиям профессиональной деятельности, то есть нацелена на профессионально-ориентированное обучения иностранному языку. Это означает, что в контексте проблемы формирования профессиональной компетентности будущего специалиста и с учетом новых социально-политических и экономических условий способность и готовность к профессиональной иноязычной коммуникации приобретает особый смысл и становится важной частью подготовки высококвалифицированных специалистов, которые, являясь активными членами общества в виду профиля и содержания своей деятельности, становятся участниками межкультурного общения. Другими словами, являясь средством приобретения коммуникативной компетентности студентов, деловой иностранный язык выполняет новую функцию: он является одним из инструментов эффективной профессиональной деятельности будущего специалиста.

Таким образом, лингводидактическим основанием формирования профессионально-коммуникативной компетенции является то, что обучение иноязычному общению должно рассматриваться как структурный компонент образования, определяющий профессиональную рефлексию будущего специалиста. Профессиональная рефлексия – это результат формирования системы представлений о профессии. Она обеспечивает формирование профессионально обусловленных структур личности, социально-профессиональной коммуникативной направленности, личностную значимость формирования профессионально-коммуникативной компетенции для специалиста как необходимого в социальном партнерстве инструмента организационного и личностного развития.

Конечно, приоритетом в профессиональном образовании по-прежнему должны оставаться профессиональные знания. Однако одним из факторов, определяющих общую профессиональную компетенцию специалистов и целостное адекватное современным условиям представление о профессии, является формирование межкультурной компетенции как компонента в структуре профессионального образования. Значимым аспектом в подготовке специалистов становятся знания межкультурной коммуникации и иностранного языка. На первый план выдвигается формирование не собственно знаний и умений, а развитие необходимых для реализации этих знаний качеств и компетенции личности. Очевидно, будущий специалист должен быть способным к социальным, экономическим и межкультурным формам деятельности, владея на достаточном уровне также иностранным языком. Известно, что деловой успех человека лишь на 15 % зависит от его знания дела и на 85 % от умения общаться с другими людьми. Можно только предположить, что деловые идеи никогда не будут

осуществлены в результате того, что не соблюдаются элементарные правила общения друг с другом. У менеджеров, которых готовят к работе с иностранными партнерами, наряду с требованиями к профессиональной квалификации, должны быть сформированы такие личностные качества, как умение общаться, знание особенностей (вербальных и невербальных) представителей других культур.

Функциональными компонентами профессионально-коммуникативной компетенции в профессиональной деятельности менеджера выступают: *информационный, поведенческий и мотивационный*.

Информационный компонент определяет средства общения как выбор возможности трансфера информации, преодоление возможных барьеров в общении при обмене информацией, коммуникационную реакцию как обратную связь. Он тесно связан с поведенческим компонентом.

Поведенческий компонент – это вербальное и невербальное выражение своей позиции в общении, эмпатия, отражение субъективного понимания внешней среды, выражение доминирующего эмоционального отношения, реализация стратегии поведения в профессионально значимых ситуациях.

Мотивационный функциональный компонент в системе профессионально-коммуникативной компетенции выражен в обосновании отношения к позиции собеседника к профессиональной проблеме и в эвристическом выборе решения в конкретной профессиональной ситуации.

Исследование профессионально-коммуникативной компетенции будущих специалистов потребовало конкретизации собственно *коммуникативной задачи* в деятельности специалиста. Как единица профессионального общения коммуникативная задача определена через структурные и функциональные компоненты с помощью выделения уровней профессионально-коммуникативной компетенции специалиста: *рефлексивного, активного и социокультурного*.

Рефлексивный уровень мы соотносим с представлением о профессии, профессиональной идентификацией. Поэтому коммуникативной задачей рефлексивного уровня является приобретение теоретических знаний и практических навыков профессиональной коммуникации, необходимых для разработки стратегии коммуникативного поведения в конкретных профессионально значимых ситуациях. *Активный уровень* представлен как способность выработки творческого стиля деятельности, использование знаний культурных традиций и толерантности для решения практических профессиональных задач. Коммуникативная задача этого уровня определяется личным опытом участников процесса коммуникации и выбором формы вербального и невербального отношения к полученной информации в процессе коммуникации с деловым партнером. Приобретение социокультурного опыта в обществе, развитие и совершенствование личности, субъективное признание духовных ценностей – *социокультурный уровень* профессионально-коммуникативной компетенции специалиста, коммуникационной задачей которого является обоснование отношения к позиции собеседника в профессиональ-

ной проблеме и процедур поведенческого характера в профессионально значимых ситуациях.

Качествами, которые, как нам представляется, наиболее адекватно отражают аспекты деятельности современного специалиста в условиях социально-экономической мобильности и расширения межкультурных контактов в их профессиональной сфере, являются:

- практическое владение средствами профессионального общения, через которые реализуются специальные знания;
- способность к адаптации, понимание стереотипов и толерантность к «чужой» культуре, знание иностранного языка;
- умение вести деловые переговоры и разрабатывать стратегию коммуникативного поведения, влияющую на принятие управленческого решения;
- логичность и динамичность поведения, выраженная в коммуникативных поступках;

– умение слушать и отстаивать свою позицию; конструктивно критиковать; владение эффективными стратегиями выхода из конфликтных ситуаций;

– наличие современных управленческих навыков, выраженных в умении обучать других, снимать коммуникативные барьеры;

– использовать для успешной коммуникации с деловым партнером особенности российского менталитета.

Учет именно этих факторов, на наш взгляд, повышает качество подготовки будущего специалиста в условиях академической мобильности и расширения экономического сотрудничества, развивает творческий потенциал специалиста, является важным фактором эффективности профессиональной деятельности, что, собственно, обеспечивает конкурентоспособность на рынке труда, делает возможным «интеграцию внутренних процессов, определяющих способность к «выживанию», адаптации к изменениям внешней среды» [2].

Литература

1. Зникина, Л. С. Профессионально-коммуникативная компетенция как фактор повышения качества образования менеджеров: дис. ... д-ра пед. наук / Л. С. Зникина. – Кемерово, 2005. – 406 с.
2. Малинин, Е. Д. Организационная культура: зарубежный опыт / Е. Д. Малинин // Всероссийский экономический журнал. – 2002. – № 10. – С. 87.

Информация об авторе:

Зникина Людмила Степановна – профессор, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры гуманитарного образования и иностранных языков Юргинского политехнического института Томского политехнического университета, г. Юрга, 8-905-969-9328, znikina@mail.ru.

Lyudmila S. Znikina – Professor, Candidate of Philology, Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of the Humanitarian Education and Foreign Languages, Yurga Polytechnical Institute of Tomsk Polytechnical University.

УДК 378.147:81.112.2'243

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н. А. Константинова

HOME READING AS A FORM OF SELF-STUDY OF GERMAN

N. A. Konstantinova

Домашнее чтение произведений художественной литературы на иностранном языке является одной из форм самостоятельной работы, которая направлена на совершенствование умений собственно чтения, знакомит с культурой страны изучаемого языка и способствует развитию навыков устной речи. Особое место при этом отводится отбору материалов для чтения и самой организации домашнего чтения.

Reading works of fiction in a foreign language at home is a form of students' self-study aimed at improving reading skills. It gives knowledge of the culture of the country of the studied language and promotes the development of speaking skills. Special attention is given to the selection of materials for reading and the organization of home reading.

Ключевые слова: чтение, самостоятельная работа, речевая деятельность, художественная литература.

Keywords: reading, self-study, speaking skills, works of fiction.

Известно, что в процессе обучения иностранному языку чтение является одним из источников языковой и социокультурной информации. Чтение оригинальной художественной литературы на иностранном языке знакомит читателя с культурой страны изучаемого

языка, способствует развитию его речевых умений и аналитического мышления. Читающий соприкасается с современным живым языком, обогащает свой лексический запас, совершенствует навыки устной речи. Домашнее чтение направлено также на вос-

питание культуры самостоятельной работы при изучении иностранного языка. Задача преподавателя состоит в том, чтобы отобрать подходящее содержание обучения и обеспечить рациональную организацию самостоятельной работы.

В новом словаре методических терминов и понятий самостоятельная работа определяется как «вид учебной деятельности, выполняемый учащимся без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый преподавателем опосредованно через специальные учебные материалы» [1]. Это обязательное звено процесса обучения, предусматривающее, прежде всего, индивидуальную работу учащихся в соответствии с установкой учебника и программы обучения.

Самостоятельная работа может осуществляться как во внеаудиторное время (дома), так и на аудиторных занятиях в письменной или устной форме. Она может быть индивидуальной, парной или коллективной [1]. Самостоятельная работа – это высшая форма учебной деятельности студента, форма его самообразования. Именно самостоятельная работа вырабатывает высокую культуру умственного труда, которая подразумевает не только технику чтения, ведение записей, но и потребность в самостоятельной деятельности. В процессе такого труда наиболее полно выявляются индивидуальные способности студентов, их интересы, умение анализировать факты и явления, выражать свою точку зрения средствами иностранного языка.

Домашнее чтение – это форма организации самостоятельной внеаудиторной учебной работы, когда студент читает рекомендованный или самостоятельно отобранный текст (тексты) дома с целью извлечения содержательной информации и дальнейшей её передачи. Контроль домашнего чтения осуществляется на занятии или во внеаудиторное время [1].

По характеру понимания домашнее чтение – это синтетическое чтение, так как языковая форма текстов не требует значительных мыслительно-волевых усилий для их понимания, поскольку основное внимание читающего направлено на извлечение информации, зашифрованной в тексте. По способу чтения – это чтение про себя. По месту и времени чтения – это внеаудиторное чтение [3].

Основная функция домашнего чтения состоит в следующем:

- в развитии коммуникативных умений чтения как особого вида человеческой деятельности и одного из видов речевой деятельности;

- в формировании умений так называемого «интеллектуального и коммуникативного чтения», которое предполагает интерпретацию прочитанного, соотношение содержания произведения со своим личным опытом и умение изложить своё понимание проблем, затронутых в художественном произведении.

В целях сохранения коммуникативного характера речевой деятельности на занятиях по домашнему чтению основной задачей преподавателя является научить студентов интерпретировать прочитанное. Качество речевого творчества студентов в рамках усвоенного материала может быть достигнуто посредством подготовки специального комплекса заданий,

направленных на обучение приемам смыслового свертывания и расширения текста.

Говоря об обучении иноязычному чтению как опосредованному способу общения, методисты говорят о развитии читательских потребностей, т. е. потребностей в чтении литературы на иностранном языке во внеурочное время.

Что касается цели в организации домашнего чтения, то в настоящее время существуют две точки зрения. Согласно первой точки зрения домашнее чтение – это чтение с целью понимания текста, т. е. собственно чтение, согласно второй – чтение как этап подготовки к беседе.

Некоторые методисты (Э. П. Шубин, А. А. Вейзе) указывают на то, что домашнее чтение должно быть упражнением именно в чтении и что его не следует усложнять другими видами языковой деятельности, например обсуждением прочитанного на иностранном языке. В данной работе мы считаем нецелесообразным отказ от домашнего чтения как источника развития устной речи. Именно во время беседы по тексту студенты получают возможность свободно выражать свои мысли и эмоции.

Важным моментом при организации домашнего чтения является содержательная сторона материалов, предназначенных для чтения, поскольку именно содержание таит в себе потенциальную возможность пробудить у читающих положительную мотивацию, вызвать потребность в чтении на иностранном языке. Тексты для чтения должны иметь занимательную фабулу, отличаться эмоциональностью и образностью изложения, должны быть тематически приближены к жизненному опыту и интересам читающих, служить поводом для дискуссии и иметь воспитательную ценность.

Главным принципом при отборе художественных произведений является их общеизвестность в среде носителей языка, обязательность (по терминологии Е. М. Верещагина и Г. М. Костомарова) [2]. Методически оправданным является чтение целых оригинальных художественных произведений, отличительной особенностью которых является их антропоцентричность (И. Я. Чернухина, А. И. Домашнев).

Следующим аргументом в пользу художественных произведений как основного материала для домашнего чтения является своеобразие их композиционного построения, которое обладает, с одной стороны, силой эмоционального воздействия на читателя, с другой стороны, способствует лучшему пониманию прочитанного. Особенностью художественного произведения считается его фабульность (событийность). Волнение, связанное с интригой произведения, заставляет читающего сосредоточить своё внимание на мотивировке поступков героев. Все компоненты сюжета художественного произведения способствуют правильному пониманию дальнейшего изложения и стимулируют языковую догадку.

Художественные тексты отличаются также своими внутриязыковыми признаками, а именно особенностями употребления языковых средств, большим лексическим и грамматическим своеобразием. В чисто рецептивном плане чтение целых художественных произведений обеспечивает достаточно частую по-

вторяемость лексических единиц в знакомых и новых комбинациях, повторяемость грамматических конструкций с новым лексическим наполнением, что создаст условия для их активного употребления в послетекстовых упражнениях. Лексика текстов художественных произведений тесно соприкасается с общеупотребительным словарем. Поэтому представляется возможным связать обучение чтению с говорением.

Чтение художественных текстов неотделимо от страноведческого аспекта преподавания иностранного языка, поскольку именно через текст читающий входит в мир культуры страны изучаемого языка, знакомится с её реалиями.

При отборе текстов для чтения необходимо учитывать следующие критерии [5, с. 11 – 18]:

- аутентичность текста, которому присуща информативность, если речь идет о текстах лингвострановедческого содержания. С точки зрения коммуникативной ценности информации, аутентичный текст отличается своей избыточностью, т. е. наличием в языке элементов, несущих повторную информацию. Избыточность обеспечивает передачу информации и способствует функционированию таких механизмов речи, как вероятностное прогнозирование и речевой слух;

- культурологическую аутентичность текста, предполагающую знакомство читателя с культурой страны изучаемого языка, с особенностями быта и менталитета людей. Читая такие тексты, студенты получают аутентичную надязыковую информацию. Изучение культуры другого народа посредством языка – это один из значимых аспектов диалога культур в современном мире;

- информационную аутентичность, поскольку всякий текст несет в себе новую информацию, которая, по мнению автора, должна заинтересовать читателя. Текст считается информативно-аутентичным, если он вызывает естественный интерес у читателя;

- ситуативную аутентичность, которая предполагает естественность изображаемой ситуации, интерес носителей языка к заявленной теме, естественность ее обсуждения. Ситуативно-аутентичные тексты вызывают интерес и естественную эмоциональную реакцию у читателя, поскольку они отражают целый спектр разнообразных аутентичных жизненных обстоятельств;

- лексико-фразеологическую аутентичность, так как любой подобный текст является прекрасным материалом для ознакомления с фразеологией изучаемого языка и работы над ней. При этом преподавателю важно продемонстрировать на конкретных примерах существующие межязыковые расхождения;

- грамматическую аутентичность, которая связана с использованием в устной и письменной речи грамматических структур, свойственных для данного языка. Грамматически-аутентичное оформление фразы не менее важно, чем аутентичное лексическое наполнение;

- реактивную аутентичность, т. е. способность текста вызывать у читателя эмоциональный, мыслительный и речевой отклик. В реальной жизни любой текст вызывает у нас ту или иную реакцию. Реактивная аутентичность достигается разнообразными сред-

ствами, например, наличием в тексте восклицательных предложений, риторических вопросов, эмоционально-оценочной лексики, что придает ему выразительность и вызывает интерес у читателя.

Помимо содержательной стороны в организации домашнего чтения важна его методическая составляющая. Материалы для домашнего чтения должны быть так методически организованы, чтобы они могли компенсировать отсутствие контакта с преподавателем. На них возлагается функция управления самостоятельной работой студентов.

Существуют разные точки зрения на то, какие этапы работы над текстом необходимо включать в учебный процесс, какие из них наиболее эффективны. Все выбранные виды работы зависят в первую очередь от целей, которые мы ставим перед чтением. В основном последовательность работы над текстом состоит из следующих этапов [3]:

- первый этап: предтекстовые упражнения, ориентированные на работу с лексическими единицами и грамматическими конструкциями, встречающимися в тексте, которые направлены на развитие навыков устной речи;

- второй этап: текстовый этап, предполагающий контроль понимания содержания текста;

- третий этап: послетекстовый этап, т. е. анализ, оценка, передача содержания текста;

- четвёртый этап: анализ литературно-стилевых особенностей текста.

Этапы работы с текстом зависят как мы уже упоминали ранее от цели, которую мы ставим перед чтением. Если это чтение ради чтения, то задания будут ориентированы только на контроль понимания содержания. Если мы хотим, чтобы у нас состоялась беседа по прочитанному, то, помимо заданий, упомянутых выше, добавляются еще задания на выражение мнения, переходя постепенно от подготовленной к неподготовленной речи.

Отдельные методисты не видят необходимости в выполнении предтекстовых упражнений, направленных на работу с лексическими и грамматическими структурами, встречающимися в тексте. В данной работе мы придерживаемся мнения, что такие упражнения обязательны, они должны предшествовать обсуждению самого текста, поскольку студенты обогащают, таким образом, свой словарный запас и готовят базу для дальнейшего говорения.

В качестве произведения для домашнего чтения на первом курсе факультета РГФ был выбран роман немецкого писателя Петера Хэртлинга (Peter Härtling) “Oma” (Бабушка) [7]. Роман состоит из 15 глав (90 страниц), каждая из которых представляет собой отдельную историю из жизни главных героев. Каждая глава заканчивается рассуждениями бабушки, как моралью главы. Композиция произведения такова, что после прочтения одной главы трудно предположить, о чём пойдёт речь в следующей главе, что стимулирует интерес дочитать роман до конца.

Выбор данного произведения для домашнего чтения явился неслучайным. Во-первых, привлекает язык произведения, который является общеупотребительным, живым, ярким, эмоциональным. Текст романа

изобилует диалогами, которые оживляют произведение, делают чтение быстрым и увлекательным.

Во-вторых, актуальной является тематика произведения, поскольку автор затрагивает актуальную проблему взаимоотношений между детьми и взрослыми, описывая сложные взаимоотношения между малолетним внуком и его бабушкой.

Для организации самостоятельной работы по чтению романа Петера Хэртлинга «Бабушка» было разработано учебное пособие «Практикум по домашнему чтению на немецком языке» [4]. Дидактический материал учебного пособия структурирован в соответствии с композиционным делением романа на главы и содержит задания разной степени сложности, которые располагаются в линейной последовательности: от слова к тексту. Данное пособие позволяет более детально отработать содержание текста и при этом не перегружать студентов, а также поддерживать высокий уровень мотивации к чтению.

Типология упражнений в учебном пособии выглядит следующим образом [4]:

1. Перед тем как приступить к чтению романа, студенты выполняют серию подготовительных упражнений, направленных на знакомство с жанром и структурой произведения, с автором, выполняют упражнения на интерпретацию заголовка и построение гипотез по содержанию романа.

2. Далее студенты читают произведение по главам и в процессе чтения выполняют предтекстовые, текстовые и послетекстовые упражнения.

Предтекстовые упражнения выполняются перед прочтением каждой главы и направлены на формирование мотивации чтения, текстового прогнозирования, на снятие языковых трудностей лексико-грамматического характера.

Типичные примеры предтекстовых упражнений:

– интерпретация заголовка главы: Lesen Sie den Titel des Kapitels „Wenn Oma erzählt“ und bilden Sie Hypothesen. Wovon ist hier die Rede?;

– описание иллюстраций к главе: Beschreiben Sie die Illustration zum Kapitel;

– заполнение ассоциограмм: Was fällt Ihnen zum Wort „gerecht“ ein? Füllen Sie das Assoziogramm aus;

– упражнения на тренировку употребления новых лексических единиц и закрепление грамматического материала: Prägen Sie sich die neuen Wörter ein./Ergänzen Sie die Präfixe/Präpositionen./Führen Sie die Synonyme/Antonyme an./Gebrauchen Sie die Verben im Perfekt.

Далее выполняются текстовые упражнения, которые решают коммуникативные задачи, направленные на выделение содержательной информации из текста.

Типичные примеры текстовых упражнений:

– заполнение таблицы по содержанию главы: Füllen Sie die Tabelle aus „Was an Oma anders ist“;

– определить, соответствуют ли указанные предположения содержанию текста главы: Bestimmen Sie: richtig oder falsch?;

– заполнение пропусков в тексте/восстановление текста главы: Füllen Sie die Lücken aus;

– составление плана ответа по главе: Stellen Sie den Plan zusammen.

В завершении выполняются послетекстовые упражнения, которые направлены на контроль понимания содержания прочитанной главы, на передачу и интерпретацию содержания.

Типичные примеры послетекстовых упражнений:

– ответить на вопросы: Beantworten Sie die Fragen;

– пересказать главу по составленному плану/по таблице: Erzählen Sie das Kapitel dem Plan/der Tabelle nach.

Поскольку домашнее чтение предполагает самостоятельную работу над текстом, то непосредственный контроль за процессом чтения осуществляется в устной форме на практических занятиях в аудитории и заключается в интерпретации полученной информации. Опосредованный контроль осуществляется дистанционно в письменной форме, либо в устной форме в on-line режиме.

Типичные упражнения:

– упражнения на развитие навыков письменной речи, например, написать короткий рассказ о своей бабушке, письмо главному герою романа, сочинение по прочитанному роману: Schreiben Sie eine kurze Erzählung über Ihre Oma. Schreiben Sie einen Brief an Kalle. Schreiben Sie einen Aufsatz zum Roman;

– инсценировка отдельных эпизодов романа: Inszenieren Sie eine Episode aus dem Kapitel;

– организация дискуссий по проблематике романа: Diskutieren Sie zum Thema „Probleme der Waisenkinder“.

Обучение естественному, живому иностранному языку возможно лишь при условии использования аутентичных материалов, взятых из жизни носителей языка с учетом особенностей их культуры и менталитета, в соответствии с принятыми речевыми нормами. Комплексный характер домашнего чтения (при условии правильной постановки задач, оптимальной организации учебной деятельности по их реализации и наличия соответствующего методического обеспечения) способен значительно повысить эффективность обучения иностранному языку. Контроль за процессом домашнего чтения должен носить систематический характер, представлять собой градуированную систему, где каждая новая стадия чтения осуществляется на новом, более совершенном уровне, опираясь на ранее усвоенные умения, развивая их и формируя новые.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 239 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1308 с.
3. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – М.: АРКТИ, 2000. – 192 с.

4. Константинова, Н. А. Практикум по домашнему чтению на немецком языке для студентов 1 курса факультета РГФ: учебное пособие / Н. А. Константинова. – Кемерово, 2009. – 86 с.
5. Носович, Е. В. Параметры аутентичного учебного текста / Е. В. Носович, Р. П. Мильруд // ИЯШ. – 1999. – № 1.
6. Bischof, M. Landeskunde und Literaturdidaktik / M. Bischof. – Berlin: Langenscheidt, 1999. – 163 s.
7. Härtling, P. Oma / P. Härtling. – Weinheim: Beltz Verlag, 1996. – 93 s.

Информация об авторе:

Константинова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8-950-273-81-96, konst-nina @yandex.ru.

Nina A. Konstantinova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 378.147

ДИСКУССИОННЫЙ МЕТОД КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Л. А. Коняева

PANEL METHOD AS WAY OF FORMING STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE

L. A. Koniaeva

В статье рассматриваются активные методы обучения иностранным языкам. Автор делает акцент на дискуссионном методе обучения в команде, способствующем формированию и развитию коммуникативной компетенции, оптимизации процесса обучения, реализации творческих межличностных отношений, критического мышления, инициативности, самостоятельности студентов.

The article deals with active methods of training in foreign languages. The author points out the importance of panel method in team work which helps form communicative competence, optimizes the process of training in foreign languages as well as promotes the realization of students' creative interpersonal relations, critical thinking, initiative and independence.

Ключевые слова: активные методы обучения, коммуникативная компетенция, обучение в команде, дискуссионный метод, коммуникативный подход, критическое мышление

Keywords: active methods of training in foreign languages, communicative competence, team work, panel method, communicative approach, critical thinking.

В последние десятилетия всё большее распространение получает ориентация на такой тип обучения, который стимулирует интеллектуальное и нравственное развитие личности обучаемого, активизирует его потенциальные возможности, формирует критическое мышление, умение вести дискуссию, аргументированно отстаивать свою точку зрения и уважительно относиться к другому мнению. Такому типу обучения соответствует личностно-деятельностный и коммуникативный подходы. При этом важной целью является формирование способностей использовать иностранный язык как инструмент общения в рамках диалога культур и цивилизаций современного мира. Данная цель предполагает владение коммуникативной и лингвосоциокультурной компетенциями – подготовку к межкультурному общению в социально значимых ситуациях, использование иностранного языка как средства самообразования и в качестве инструмента индивидуально-личностного проникновения в культуры других народов [4, с. 261].

Обучение иностранному языку как средству межкультурной коммуникации приобретает особую актуальность в современной методике. Значительно возрос интерес к активным методам группового обучения. Это связано с тем, что групповое обучение

или обучение в команде имеет ряд преимуществ перед индивидуальным: развивает культуру коллективного взаимодействия, учит грамотно формулировать мысли, не бояться задавать вопросы и отвечать на них, публично выступать, а также преодолевать стереотипы, уметь распределять обязанности в команде, принимать верное решение в ситуациях дефицита информации и времени. Эти дискуссии требуют непринужденной обстановки и помогают студентам без волнения общаться на иностранном языке. Такое простое общение снимает психологический страх и напряжение.

Дискуссионные методы широко используют для формирования и развития критического мышления студентов, стимулирования активности, инициативности, творчества, самостоятельности. Научить четкому и логичному устному и письменному общению, умению убеждать, аргументированно доказывать свою позицию, терпеливо слушать и понимать речь и эмоциональное состояние собеседника – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий, ситуаций и культуры общения, правил речевого этикета, речевого поведения, знания невербаль-

ных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний, реалий и многого другого. Процесс формирования коммуникативной компетенции можно эффективно актуализировать путем проблематизации процесса обучения с использованием информационных источников, т. е. проблемных по своему характеру методов. К ним относятся исследовательские, поисковые, дискуссионные методы, метод ролевых игр, кейс-метод, метод проектов, который включает в себя все перечисленные выше методы.

Среди проблемных по своему характеру методов подробнее остановимся на дискуссионном методе. В ходе дискуссии наиболее эффективно формируется социолингвистическая и прагматическая компетенции. В процессе обсуждения выявляются противоречия социокультурного плана, выдвигаются аргументы и контраргументы, выстраивается логика доказательности позиции выступающего. Вместе с тем студенты учатся рассматривать проблему со всех сторон, рассуждать, формулировать и отстаивать свою точку зрения. Причем студенты должны четко представлять то, что от них требуется, а именно выводы по проблемам изучения, а не перечисление фактов, аргументированность и лаконичность ответов, а не размытые рассуждения, где не видно сути. Эти требования к ведению дискуссии позволяют сформировать определенную культуру речи и поведения, например, выслушивать собеседника до конца не перебивая, задавать вопросы, опровергать суждения или, напротив, соглашаться с ним, развивая мысль. Дискуссионный метод позволяет также формировать сознательное отношение к рассмотрению выдвигаемых проблем, активность в их обсуждении, речевую культуру; выявлять причины возникающих разногласий и искать возможные пути их решения. При этом реализуется принцип формирования у студентов критического мышления. Язык, таким образом, является одновременно и целью и средством обучения.

Дискуссионный метод помогает обучающимся не только овладевать всеми четырьмя видами речевой деятельности, но посредством языковой ситуации на фоне проблемы в социокультурной сфере обнаружить причины возникших ситуаций и попробовать даже решить их. Интерес к самостоятельному решению проблемы является стимулом, движущей силой процесса познания. Таким образом, применение метода дискуссии позволяет активизировать познавательную деятельность учащихся, их самостоятельность, формирует культуру творческого оперативного мышления, создает условия для использования личного жизненного опыта и полученных ранее знаний для усвоения новых.

Дискуссионные методы – вид методов активного обучения в команде, основанных на групповой коммуникации в процессе решения учебно-профессиональных задач, могут быть организованы в виде групповой дискуссии или «круглого стола», «мозгового штурма», анализа конкретной ситуации, инцидента и др. Согласно Дж. Дьюи, педагог не должен давать материал готовым, а в ходе педагогического взаимодействия подводить обучаемых к противоречию и предлагать им самим найти решение, создавая тем самым проблемные ситуации [7]. Помимо этого,

необходимо побуждать студентов к изложению различных точек зрения на один и тот же вопрос, делать сравнения, обобщения, выводы. Эти методические приемы стали актуальными в связи с массовым развитием активных – проблемных и поисковых – методов и форм обучения, рассчитанных на развитие творческих способностей обучаемых, формирования «критического мышления», которое способствует активному и сознательному усвоению учебного материала. Основой учебного диалога является проблемный вопрос. Благодаря вопросам формируется альтернативное мышление студентов, их познавательные интересы, выдвигаются и формируются различные дидактические и познавательные цели, происходит осмысление учебной информации, выработка убеждений обучаемых, совершенствование организационных форм обучения.

В организации дискуссии можно выделить несколько этапов:

- подготовительный (мотивационный),
- содержательно-операционный,
- оценочно-рефлексивный.

Подготовительный этап представляется наиболее сложным. На этом этапе преподаватель формулирует дискуссионный вопрос, обозначает проблему, которая может заинтересовать студентов своим нетривиальным решением, предлагает список соответствующей литературы и Интернет-источников для подготовки к дискуссии. Если студент не знаком с материалом, то дискутировать будет не о чем. Можно в качестве домашнего задания предложить студентам прочитать несколько статей по теме дискуссии и сопоставить оценки авторов по одному и тому же явлению; сравнить собственную точку зрения с точкой зрения автора статьи или определить свою позицию по спорному вопросу. Групповая дискуссия на занятии предполагает столкновение мнений в процессе исследования, обсуждения проблемы. Чаще всего тематика дискуссии продумывается преподавателем заранее, намечаются соответствующие вопросы, примеры, высказывания. Иногда дискуссия возникает непроизвольно, стихийно, в результате того, что выступающий неточно или ошибочно сформулировал мысль, или у других студентов сложилась иная точка зрения на проблему.

Элементы дискуссии можно использовать, применяя метод «Если бы...»: студентам предлагается составить рассказ или описание того, что произойдет, если в мире что-то изменится, например, отменяют ЕГЭ или в английской грамматике исчезнут определенные грамматические правила. Сначала в группах студенты обсуждают свое решение, потом отстаивают его перед аудиторией. Выполнение подобных заданий развивает воображение и позволяет лучше понять взаимосвязь событий в мире.

Метод эвристических вопросов разработан древнеримским педагогом и оратором Квинтилианом. Для отыскания сведений о каком-либо событии или объекте задаются семь ключевых вопросов: Кто? Что? Зачем? Где? Чем? Как? Когда? Можно предложить студентам в группах придумать по семь вопросов на изучаемую тему и затем дать возможность другим ответить на них. Ответы на данные вопросы часто по-

рождают новые идеи и решения относительно исследуемого объекта или процесса.

Большой интерес для организации дискуссии представляет собой метод ситуационного анализа, который включает в себя ситуационные вопросы и упражнения, анализ конкретных ситуаций, метод инцидента и т. д. Диапазон способов предъявления ситуации достаточно широк: видеозапись реального события, эпизод художественного или документального фильма на изучаемую тему, запись интервью или беседы, фотодокументы.

Содержательно-операционный этап – это проведение дискуссии. Для педагога существует непреложное правило: как можно меньше говорить самому, как можно больше побуждать к этому студентов, поскольку на практических занятиях важно обеспечить высокий уровень коммуникативных навыков и создать увлекательную, творческую и доброжелательную атмосферу, чтобы каждый студент стал активным участником учебного процесса. Положительные эмоции могут улучшить работу памяти и способствовать долгосрочному пополнению иноязычного вокабуляра. Педагогу необходимо формировать культуру проведения дискуссий: уважительное и доброжелательное отношение друг к другу, толерантность к другой точке зрения. По своему характеру вопросы могут быть уточняющими, встречными, наводящими или казусными (содержащими кажущееся или явное противоречие). Другим способом активизации коммуникативной деятельности студентов является подбадривание, поощрение репликами: «интересная мысль», «оригинальный подход» и т. д.

Авторитарная позиция преподавателя не будет способствовать развитию диалога.

Оценочно-рефлексивный этап дискуссии состоит в подведении итогов, он включает анализ выводов дискуссии, аргументации, культурный уровень дискуссии, умение взаимодействовать друг с другом в командной работе.

Дискуссия может быть успешна только при условии владения преподавателем методикой и тщательной подготовки её проведения: особенно важно определить способы, приемы, условия, обеспечивающие успех там, где высказывания студентов строятся на иностранном языке. Использование дискуссии как упражнения, наиболее ярко и полно отражающего психологические особенности коммуникативной речи на изучаемом языке, должно отвечать ряду методических требований.

Дискуссия будет проходить успешно, если:

- перед студентами ставить адекватные мыслительные задачи;
- обсуждение не выходит за пределы иноязычных понятий и представлений, известных студенту;
- выработана автоматизация речевых навыков владения языковым материалом;
- имеется опыт ведения дискуссионных бесед (также на родном языке) [2, с. 83].

В структуре учебной дискуссии В. Л. Скалкин выделяет: тему, экспозицию, речевой стимул, направляющие вопросы, ключевые слова, речевую реакцию коммуникантов.

Следует рассмотреть каждый из выделенных компонентов более подробно.

Тема дискуссии. Тематика дискуссий чрезвычайно разнообразна. Для того чтобы побуждать студентов к речевой активности, следует выбирать наиболее интересные темы, касающиеся современных жизненных ситуаций общения. Эти темы становятся коммуникативным ядром последующей совместной речемыслительной деятельности. Коммуникативная методика практикует и дискуссионные игры. Суть этих игр состоит в том, чтобы обсуждать и анализировать актуальные темы, волнующие студентов. Каждый студент высказывает свою точку зрения относительно того или иного вопроса. Преподаватель направляет и развивает тему, задает наводящие вопросы, высказывает свое мнение. Темы дискуссий очень разнообразные, могут обсуждаться как любимые фильмы и музыкальные направления, так и проблемы экологии и безработицы среди молодежи.

Студентам интересно обсудить такие темы, как: «Университетская жизнь», «Основы тайм-менеджмента», «Образование, выбор профессии», «Роль иностранных языков в моей жизни», «Человек и его нравственные ценности», «Достоинства и недостатки глобальной сети Интернет», «Выдающиеся открытия XX века», «Искусство, новости культурной жизни нашего города» и др. Разбирая этапы ведения дискуссии, остановимся на теме «Университетская жизнь». Эта тема интересна, актуальна, многообразна, дает студентам возможность высказать и аргументировать свою точку зрения, формирует критическое мышление. Организуя дискуссию по другой теме, например «Легко ли быть студентом КемГУ?», следует разбить ее на микротемы и обсудить наиболее важные аспекты жизни современного студента, это – личная свобода, ценности, друзья, студенческие организации, времяпрепровождение, проблема отцов и детей и т. д. В процессе обсуждения таких тем у студентов формируются личностные позиции, жизненные ценности, точки зрения с аргументированным высказыванием. А для того, чтобы обсуждение было естественным и более эффективным, можно предложить студентам выбрать тематику обсуждения путём анкетирования, чтобы студенты охотнее участвовали в дискуссии, озвучивали, аргументировали и отстаивали свою точку зрения, опровергая или соглашаясь с мнениями собеседников по проблеме.

Экспозиция. Это тот фактический материал, та информация и связанная с ней проблематика, которые служат основой любого обсуждения. Основными составляющими экспозиции являются материал и формулировка проблемы. В зависимости от того, выражены ли в экспозиции указанные компоненты, выделяются следующие ее разновидности:

- экспозиция, являющаяся изложением как материала, так и проблематики обсуждения;
- экспозиция с невыраженной проблематикой;
- экспозиция с заданной проблематикой, но невыраженным материалом обсуждения.

Экспозиция с изложением и материала и проблемы обсуждения может быть предложена студентам в виде короткого сообщения, некоторого случая, эпизода, происшедшего с тем или иным лицом, афоризма,

известного изречения, в связи с которыми ставится проблема. Организуя дискуссию по теме «Мои друзья», можно предложить следующую экспозицию: “Nowadays having a close group of people to depend on seems more attractive and more secure than one exclusive relationship with one other person which can be devastating if it goes wrong. Do you have the same opinion or to have just one close friend is safer for you?”. Обсудив данную проблему, следует предложить еще несколько ситуаций для дискуссии, чтобы тема «Мои друзья» не получилась односторонней. Для этого можно предложить студентам экспозиции, содержащие следующие проблемы: «Возраст друзей», «Ссоры с друзьями», «Сильные и слабые качества друзей», «Каким должен быть настоящий друг?», «Какой я друг?», «Что значит дружить?», «Что дружба дает тебе?» и другие. Среди нескольких проблемных ситуаций каждый обязательно найдет для себя ту, которая больше волнует его, и с большим желанием будет вступать в дискуссию [6].

Когда преподаватель предлагает обсудить кинофильм, рассказ, театральную постановку, материалы прессы, случаи из жизни, речь идет об экспозиции с невыраженной проблематикой. Студентам предлагается некоторый материал для обсуждения, причем само его содержание таково, что освобождает преподавателя от необходимости специальной постановки проблемы. Такая экспозиция, естественно, предъявляет большие требования к мышлению студентов, поскольку они сами должны извлекать из проблемы предмет обсуждения. Иногда студенты испытывают затруднение при ведении дискуссии и часто начинают обсуждение с общей оценки увиденного или прочитанного без какой-либо аргументации (например, «Фильм мне (не) понравился»). Если такое происходит, преподаватель может предложить ряд наводящих вопросов. Например, показав фильм о молодежной субкультуре, инициировать аргументированное высказывание и порождать дальнейшее обсуждение можно следующими вопросами:

What are the main principles of this subculture?

What can you say about their style of clothing?

Does their music attract you?

How can you characterize their behavior?

What are your arguments for and against this subculture?

Would you like to join this subculture? Why (not)? и другие.

Экспозиция с заданной проблематикой, но невыраженным материалом обсуждения опирается на личностный жизненный опыт и знания студентов, их способности к творческому воображению. Например, обсуждая проблему «What things are most highly valued by modern students?», студенты будут опираться на личный жизненный опыт. А обсуждение проблемы «What makes students try and get addicted to such evils as drugs, drinking alcohol, smoking or gambling?» будет базироваться на знании событий, происходящих в общественной и социальной сферах жизни.

Стимул. Речевой стимул в аудиторной дискуссии всегда носит естественный характер, который обеспечивает реальное иноязычное высказывание. Стимул вызывает коммуникативную реакцию и зависит от качества экспозиции: чем интереснее поставленный во-

прос или проблема в экспозиции, тем легче происходит речепорождение, тем дольше удастся его поддерживать. Неинтересная экспозиция не вызывает никакого стимула для беседы. Порой стимул может быть чрезмерно сильным и вызвать большой эмоциональный отклик. Это может привести к обратному эффекту – пытаться выразить свое отношение к проблеме, студенты, несмотря на протесты преподавателя, порой переходят на родной язык.

Направляющие вопросы. Неудачно сформулированная экспозиция может не вызвать должного отклика у учащихся. Поэтому при подготовке учебной дискуссии преподавателю следует тщательно продумать, наряду с экспозицией, вопросы для инициирования дискуссии в нужном направлении, тем самым поддерживая речевой стимул студентов. Удачно поставленные направляющие вопросы, детализирующие проблематику дискуссии, могут оказаться плодотворными и вызвать живое обсуждение. Если экспозиция, сформулированная по теме «Границы личной свободы», не заинтересовала студентов, то можно предложить следующие направляющие вопросы:

What does personal freedom mean to you?

What and who can restrict your personal freedom?

Do you have personal freedom at home?

Can the Internet, if not restricted, be dangerous?

What restrictions at your school can you name?

What is your attitude to the school uniform?

Do any restrictions make you angry, unhappy and prevent to express your individuality?

Do you agree that sometimes it is necessary to restrict your personal freedom in order to live harmoniously and not to get into troubles?

Ключевые слова. Если дискуссия организована в менее подготовленной группе студентов, то умело составленный список ключевых слов может помочь студентам оформить адекватное высказывание на иностранном языке. Например, для обсуждения темы «Моя будущая профессия» можно предложить следующие лексические опоры:

- to take up a job;
- work experience;
- to realize a value of work;
- to help financially (a financial help);
- to save money;
- can (can't) concentrate on academic work;
- to be helpful for future career;
- a part-time job;
- to teach self-discipline;
- to work in a team;
- to budget one's time;
- to help to decide what to do in future;
- to distract somebody from studies and work;
- to make too tired to do something u др.

Речевая реакция. Речевая реакция в дискуссии имеет различные формы:

- 1) короткие реплики нескольких участников;
- 2) монологические высказывания различной длительности;
- 3) монолог одного студента, прерываемый отдельными репликами и вопросами других.

Речевая реакция невозможна без сопровождения специальной разговорной лексики, которая придает

дискуссии естественный характер. Поэтому, прежде чем приступить к дискуссии как совместному обсуждению проблемы в команде, преподавателю следует удостовериться в том, что студенты владеют разговорной лексикой, клишированными словосочетаниями, владеют правилами ведения беседы и умеют прервать своего собеседника, поинтересоваться о его мнении и правильно высказать свою точку зрения.

Вы выражаете мнение: *I think (that)... I guess (that)... I suppose (that)... I feel (that)... As I see it...*

My view is that... My opinion is that... If you ask me... I'd say that... In my view... In my opinion...

I'd rather not say anything about it... и др.

Вы согласны: *Just so... I quite agree here... Certainly. Sure. Exactly. I should think so. That's just what*

I was thinking... и др.

Вы не уверены: *Yes, but... On the other hand... I'm afraid I don't agree. I don't think you are right. I can't agree with you here. I'm not so sure и др.*

Вы не согласны: *On the contrary! Certainly not. Don't be so silly! Just the other way round и др.*

Преподаватель инициирует дискуссию и направляет её в требуемое русло, резюмирует ход дискуссии, тактично комментирует те идеи, которые были недостаточно исследованы в выступлениях студентов [1, с. 83 – 85]. Следует также отметить, что дискуссия возможна только при наличии определенного лексического и грамматического фона, наличия коммуникативной культуры. Чем богаче лексический запас,

тем больше возможность студентов для самореализации, раскрытия творческого потенциала средствами иностранного языка. Метод дискуссий предшествует методу проектов. Если студенты овладели умением высказывать критическое отношение, выбор метода зависит от содержания изучаемой темы, выдвигаемых проблем исследования и обсуждения. Главное в отборе этих методов – сосредоточить внимание на лингвистическом оформлении обсуждения. Совокупность методов отражает специфику формирования коммуникативной компетенции, межкультурного общения.

Таким образом, применение метода дискуссии позволяет формировать коммуникативную компетенцию, активизировать познавательную деятельность студентов, их самостоятельность, формирует культуру творческого оперативного мышления, создает условия для использования личного жизненного опыта и полученных ранее знаний для усвоения новых. В связи с этим в процессе поэтапного формирования критического мышления у студентов необходимо учитывать современные требования к уровню подготовки специалистов: сначала формируются базовые умения вести дискуссию, аргументировать, отстаивать личную точку зрения; затем на их основе – умение развивать активную позицию в реализации социальных ролей через ролевые игры и проектную деятельность с целью достижения полной автономности студента в организации своей будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Быков, А. К. Методы активного социально-психологического обучения: учебное пособие / А. К. Быков. – М.: Сфера, 2005.
2. Виноградова, О. С. Проблемные методы в обучении иностранным языкам / О. С. Виноградова. – Режим доступа: <http://distant.ioso.ru/library/publication/vinogradova1.htm>
3. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд., стер. – М.: – Академия, 2008.
4. Загрекова, Л. В. Теория и технология обучения: деятельностный подход / Л. В. Загрекова, В. В. Николина. – М.: Высшая школа, 2004.
5. Ковалевская, Е. В. Проблемное обучение: подход, метод, тип, система / Е. В. Ковалевская. – М.: Лингвас-тарт, 2000.
6. Скалкин, В. Л. Коммуникативные упражнения на английском языке: пособие для учителя / В. Л. Скалкин. – М.: Просвещение, 1983. – Режим доступа: <http://libc.omgpu.ru>
7. Смольская, В. Ю. Применение дискуссионных методов обучения в вузе. – Режим доступа: www.sgu.ru/files/nodes/63395/Smolskaia
8. Трухин, И. А. Джон Дьюи и сегодняшняя педагогика. – Режим доступа: www.edu.kiev.ua

Информация об авторе:

Коняева Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, loumillakoni@mail.ru.

Liudmila A. Konyayeva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК [37.03:81'243]:316.77

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ

Л. А. Николаева

INTERCULTURAL COMPETENCE AS A FACTOR OF STUDENTS' SUCCESSFUL INTERCULTURAL INTERACTION

L. A. Nikolaeva

В статье исследуется проблема межкультурного взаимодействия студентов в контексте академических обменов. В качестве фактора успешной академической адаптации студентов за рубежом и их межкультурного взаимодействия рассматривается межкультурная компетенция. На основе сравнительного анализа опыта формирования межкультурной компетенции в университете Пассау (Германия) и Кемеровском государственном университете излагаются рекомендации по формированию межкультурной компетенции студентов.

The paper deals with the problem of exchange students' intercultural interaction. Intercultural competence is considered as a factor of successful intercultural interaction and academic adaptation abroad. Some suggestions concerning students' intercultural competence formation are offered on the basis of the comparative analyses of the of intercultural competence formation experience at the university of Passau (Germany) and at Kemerovo State University.

Ключевые слова: ключевая компетенция, межкультурная компетенция, межкультурное взаимодействие, академическая адаптация, тьютор, интерактивные методы.

Keywords: key competence, intercultural competence, intercultural interaction, academic adaptation, tutor, interactive training methods.

Глобальные изменения во всём мире, затронувшие политическую, экономическую и социальную сферы жизнедеятельности, не могли не сказаться на рынке образования. Подписав Болонское соглашение, Россия присоединилась к созданию Европейского пространства высшего образования (ЕПВО). Одной из главных целей создания ЕПВО является повышение мобильности студентов, преподавателей, сотрудников и выпускников вузов. В Лондонском коммюнике, подписанном министрами образования стран-участниц Болонского процесса, говорится, что мобильность способствует личностному росту, развитию международного сотрудничества между людьми и учреждениями, повышению качества высшего образования и научных исследований и наполнению европейского измерения реальным содержанием.

Сегодня не только центральные, но и сибирские вузы устанавливают контакты с зарубежными партнёрами в образовательной и научной деятельности. Так, Ассоциация юридических вузов «Сибирь», в которую входят юридические факультеты вузов городов Иркутск, Кемерово, Красноярск, Барнаул, Томск, Омск, начиная с 2001/2002 учебного года осуществляет сотрудничество в рамках двухстороннего договора с университетом Пассау (ФРГ) по программе DSG (deutschsprachiger Studiengang – немецкоязычный курс обучения) для российских студентов. Координатором программы DSG между немецкими партнёрами и вузами, входящими в Ассоциацию юридических вузов «Сибирь», является Юридический институт СФУ.

DSG предназначен для студентов направления «юриспруденция», закончивших первый курс обучения в российском вузе. Принять участие могут все студенты Юридического института СФУ и юридических факультетов членов Ассоциации сибирских юридических вузов, владеющие немецким языком в

достаточном объёме. Обучение в рамках данной программы является бесплатным

Участвуя в программе, российские студенты имеют возможность приобретать знания по основам немецкого административного, конституционного, уголовного, гражданского, европейского права. Занятия, проводимые немецкими и российскими преподавателями на немецком языке, завершаются сдачей экзаменов по соответствующей правовой области, подтверждаемые сертификатами немецкого университета. По окончании программы DSG на базе юридического института СФУ происходит отбор студентов, показавших по результатам экзаменов хорошие и отличные знания немецкого права и языка, для дальнейшего обучения на юридическом факультете немецкого университета Пассау.

Как показала практика пребывания наших студентов за рубежом, а точнее обучение студентов – будущих юристов, в немецком университете возникает одна из проблем межкультурной коммуникации – адаптация к новым требованиям в образовательном процессе, к новым условиям жизни, к чужой культуре и к новым межличностным отношениям. Бесспорно, успешность учебной и внеучебной деятельности студентов, процесс их профессионального становления зависят от того, какими темпами и ценой каких затрат происходит их адаптация. Адаптация к обучению в вузе – многогранный и сложный процесс жизнедеятельности студента, в ходе которого вырабатываются навыки выполнения требований, предъявляемых в течение учебной деятельности, осваиваются новые социальные роли и позиции [4, с. 38].

Необходимо подчеркнуть, что международный немецкий университет Пассау по-«отечески» заботится о новичках – иностранных студентах. Студенческое представительство (Fachschaft Jura) юридического факультета университета Пассау организует в

начале семестра традиционную вводную неделю (Orientierungswoche), где студенты-первокурсники получают всю необходимую для учёбы информацию, знакомятся с перспективами профессионального будущего, с городом, где они будут жить и обучаться. Цель этой недели – «сделать так, чтобы университет и город стали родными для студентов, чтобы первокурсники, прибывшие из разных стран, как можно быстрее адаптировались к новым условиям, чтобы немецкий язык стал языком понимания и дружбы русских, итальянцев, испанцев, французов, китайцев, американцев, англичан, австрийцев» (из нашей беседы с руководителем DSG-программы профессором М. Финке в 2003 г.).

Но не только университет Пассау заботится о благополучии своих студентов. Администрация небольшого баварского города также принимает активное участие в решении этой проблемы. В 2006 г. она выпустила DVD «Passau – die drei Flüsse Stadt» (Пассау – город трёх рек), в котором знакомит новичков-студентов с городом, его достопримечательностями. Кроме того, иностранные студенты (не только российские), обучающиеся в университете Пассау, приглашаются ежегодно в начале учебного года в администрацию города, где в дружественной обстановке происходит встреча студентов с его мэром. С этого момента для иностранных студентов начинается погружение в «иную» культуру и, как следствие, межкультурное взаимодействие. Безусловно, для успешного или менее проблемного межкультурного взаимодействия необходимо формирование их **межкультурной компетенции**, являющейся одной из пяти ключевых компетенций, определённых Советом Европы, которыми должны обладать молодые европейцы. «Для того, чтобы контролировать проявление (возрождение – resurgence) расизма и ксенофобии и развития климата нетолерантности, образование должно «оснастить» молодых людей межкультурными компетенциями, такими как принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий» [1, с. 7].

Межкультурная компетенция, в нашем понимании, – «способность, расширяющая спектр интерпретации и деяния индивидуума в целях его успешного взаимодействия с представителями иной культуры. В процессе восприятия иной культуры и приобретения знаний о ней межкультурная компетенция позволяет познать логику других культурных систем и «проложить мосты» между собственными и чужими нравственными представлениями, способами мышления, чувствами и представлениями о поведении. Понимание различий в культуре, альтернативное мышление способствует продуктивному взаимодействию представителей различных культур» [3, с. 109].

Формированию и развитию ключевых компетенций будущих специалистов в зарубежных вузах уделяется большое внимание. В Германии этим процессом занимается центр ключевых квалификаций (ZfS). Подразделяя компетенции на *социальную, межкультурную, личностную и методическую* ZfS способствует развитию таких компетенций, которые согласно выводам, полученным на основе педагогических исследований немецких учёных, необходимы для разви-

тия профессиональной компетенции, делая возможным более гибкое и инновационное использование полученных в учебном процессе специальных знаний в общественной и профессиональной жизни.

Главным ориентиром работы курсов по формированию межкультурной компетенции являются следующие проблемы: толерантность, способность к восприятию перспектив иной культуры, конструктивное отношение к культурным различиям, специфика культурного пространства.

Студентам, посещающим выше названные курсы, предлагаются семинары, проводимые специалистами – носителями различных языков, от английского до китайского, в форме тренинга или консультаций, как на выбор, так и обязательные для определённых факультетов. Названия семинаров говорят сами за себя: «Базисный тренинг межкультурной коммуникации», «Мультикультура в аудитории», «Культурная компетенция в контексте международного пространства: Испания, Португалия», «Культурная компетенция в контексте международного пространства: Франция». В перечень стран входят также Англия, Америка, страны Восточной Европы, Южной Америки, Южной Азии.

Отметим, что, если в 2009 – 2010 учебных годах в зимнем семестре ZfS предлагал 3000 семинарских мест и 900 ИТ (информационные технологии)- мест, то 2011 – 2012 уже 3450 семинарских мест и 950 ИТ-мест. С 2010 года курсы по формированию межкультурной компетенции открыты для студентов всех факультетов университета Пассау, принимая во внимание специфику университета как международного, в стенах которого из 8758 студентов обучаются до 700 иностранцев, при этом из России около 100 студентов, что свидетельствует об академической мобильности обучающихся в европейском образовательном пространстве.

В информационной брошюре ZfS представляется информация по каждому из семинаров, включающая его тему, сведения о ведущем специалисте, цель семинара, содержание, методы работы, его академическую направленность. Кроме того обязательно указывается срок, время, место проведения и численность группы.

Рассмотрим один из примеров предлагаемого для зарубежных студентов семинара, носящего всем понятное название: «Германия – мультикультурное общество «made in Germany»», проводимого психологом – независимым тренером по межкультурной коммуникации и сенсibilизации. Целью семинара являются:

- развитие открытой установки к другим культурам;
- познание общего и отличного между собой и немцами;
- приобретение специфичных для культуры знаний;
- изучение эффективных межкультурных способов поведения и способностей.

Стоит отметить креативное представление содержания семинара, что напоминает, по нашему мнению, очень привлекательную рекламу (перевод с немецкого осуществлён автором статьи):

«Большинство людей представление о других культурах носят в себе. Этот образ создаётся на основе собственной культуры и дополняется посредством воспитания, личного опыта, опыта других, школой и обществом.

Этот семинар, главным образом, направлен на то, чтобы сблизить разные культуры. Мы будем заниматься культурами как барьером в коммуникации носителей ценностных представлений. Это значит:

Какие ценностные представления имеет немец, и какие носитель другой культуры?

Как можно согласовать эти представления друг с другом?

Какое влияние оказывают различные ценностные представления на интеракцию друг с другом?

Каким видит немец представителя другой культуры и наоборот?

Как можно успешно сотрудничать и работать?

Только сфокусировав внимание сначала на своей культуре, а затем на немецкой, можно создать основу для обоюдного понимания».

Методами, используемыми на семинаре, являются: небольшие доклады, примеры из жизни, ролевые игры, работа в группах, дискуссия, презентация. Оговаривается обязательно количество участников (не более 20 человек), которые после завершения курса получают свидетельства – сертификаты об успешном окончании курса с отметкой о количестве кредитов. Рабочим языком является немецкий.

В отличие от системы высшего образования ФРГ, где формирование и развитие ключевых компетенций будущих специалистов происходит в ZfS, в российских вузах этот процесс осуществляется в основном непосредственно на аудиторных занятиях.

Мы согласны с немецким учёным Ф. Ё. Майснером, что дисциплина «Иностранный язык» более всего способна содействовать формированию и развитию межкультурной компетенции, так как посредством иностранного языка студент может сформировать в себе «иную», «чужую» культурную идентичность, распознать ценности, нормы, стандарты поведения представителей другой страны и успешно контактировать с ними [2, с. 146 – 152].

Мы считаем, что процесс формирования межкультурной компетенции представляет собой преодоление негативного отношения к стереотипам чужой культуры; формирование позитивного отношения к стереотипам чужой культуры, в результате чего про-

исходит объективное восприятие носителей другого языка и культуры и, как следствие, соответствующее изменение системы ценностных представлений личности, развитие умений и навыков толерантного общения в поликультурном пространстве.

В ходе нашего исследования в 2007 г. на первом занятии по иностранному языку мы попросили студентов первого курса юридического факультета КемГУ ответить на вопрос: «Была ли у Вас когда-нибудь возможность личного общения с немцем, если, да, то, как долго длилось это общение?». В опросе участвовали 150 студентов, изучающих английский язык, 56 студентов, изучающих немецкий язык, 12 студентов – французский. Как показал результат опроса, 4 студентки немецкоязычной группы и 2 студента англоязычной группы дали утвердительный ответ. Таким образом, 97,2 % первокурсников не имели опыта живого общения с немцами, а те, кто дал положительный ответ, имели эту возможность в период обучения в гимназиях благодаря финансированию через различные фонды и программы ДААД (Немецкая служба академических обменов).

В связи с этим перед нами встала ещё одна сопутствующая задача в воспитательно-образовательном процессе – подготовка студентов первого курса к предстоящим встречам с представителями юридического факультета университета Пассау в рамках программы DSG, которые проходят, как правило, в течение всего учебного года. Для этого мы должны были:

а) иметь чёткую картину особенностей стереотипных образов немцев, какими они сложились у юристов-первокурсников;

б) в случае искажённого «социально-психологического портрета» типичного немца сформировать у студентов реальное представление о немецкой этнической группе.

В нашем исследовании мы использовали метод свободных описаний [5, с. 10]. Участникам опроса было предложено написать «словесный портрет» типичного немца. При этом мы предполагали, что составленные «портреты» студентами, изучающими немецкий язык, будут более адекватными реальной действительности, чем студентами, изучающими английский или французский языки, в силу того, что первые студенты получали страноведческие знания на занятиях по немецкому языку в рамках школьной программы (таблица 1).

Таблица 1

Социально-психологический портрет типичного немца, представленный студентами методом свободного описания (2007 г.)

<i>Изучаемый язык</i>	<i>Внешность</i>	<i>%</i>	<i>Черты характера</i>	<i>%</i>	<i>Отношение к труду</i>	<i>%</i>	<i>Образ жизни</i>	<i>%</i>
Немецкий язык	Полный.	90	Аккуратный.	100	Организованный, серьёзно относится к учёбе, работе	100	Пьёт много пива. Любит путешествовать.	80
	Высокий.	50	Пунктуальный.	100				
	Средний рост.	50	Экономный.	70				
	Блондин, голубоглазый.	90	Целеустремлённый.	60				
	Улыбчивый.	40						

<i>Изучаемый язык</i>	<i>Внешность</i>	<i>%</i>	<i>Черты характера</i>	<i>%</i>	<i>Отношение к труду</i>	<i>%</i>	<i>Образ жизни</i>	<i>%</i>
Английский язык	Полный.	50	Аккуратный.	100	Очень прилежный.	95	Пьёт много пива.	98
	Средний рост «маленький».	50	Пунктуальный.	100				
	Блондин, голубоглазый.	50	Расчётливый.	60				
	Темноволосый.	50	Целеустремленный.	50				
	Грубые черты лица.	50	Любознательный.	40				
			Чистоплотный.	40	Организованный.	95		
Французский язык	Полный.	100	Аккуратный.	100	Серьёзное отношение к учёбе, работе.	90	Пьёт много пива.	99
	Высокий.	80	Пунктуальный.	100				
	Средний рост.	20	Целеустремленный.	50				
	Блондин, голубоглазый.	100						

Как видно из таблицы 1 ответы студентов не выявили какой-либо существенной разницы в описаниях типичного немца в зависимости от изучаемого студентом языка. В них явно выделяются категории суждений, выступающие качественными единицами анализа: *внешность, черты характера, отношение к труду, образ жизни и привычки типичного немца*. Кроме того, мы учитывали также частоту упоминаний подкатегорий в процентном отношении. По таблице легко проследить, что в представлениях студентов типичный немец (социально-психологический портрет был представлен во всех текстах мужчиной) – это полный человек от высокого до низкого роста, блондин с голубыми глазами, аккуратный, пунктуальный, ему присущ холодный расчёт во всём, ставит перед собой выполнимую цель при серьёзном отношении как к работе, так и к учёбе. Немногие студенты знают, что немцы любят путешествовать, однако многие считают, что немцы отличаются пристрастием к пиву в особенности в дни проведения известного во всём мире праздника «Oktoberfest».

Как выяснилось из беседы со студентами, такое представление о немцах у них сложилось в результате просмотра рекламных роликов по телевидению, несмотря на то, что по этому же телевидению транслировались неоднократно встречи руководителей России с канцлером Германии, выступление нашего президента в Бундестаге на немецком языке, комментарии немецких политиков и простых граждан по этому поводу, демонстрировались передачи, затрагивающие различные стороны жизни немцев. Об этих событиях мы напомнили студентам, используя в качестве наглядности немецкие газетные и журнальные статьи.

Следует подчеркнуть, что после этого напоминания будущие юристы отметили, что бывший канцлер ФРГ-юрист по специальности, а в настоящее время занимающая пост федерального канцлера Ангела Меркель хорошо знает русский язык и культуру, что совершенно иначе выглядят немецкие спортсмены, особенно лыжники и биатлонисты, вспомнили стихи Генриха Гейне, которые изучали в школе.

Таким образом, беседа со студентами-первокурсниками ещё раз подтвердила наше предположение о необходимости формирования у них понимания иной

культуры, позитивного отношения к представителям других стран, принятия их такими, какие они есть в качестве важного элемента межкультурного взаимодействия, одним словом – межкультурной компетенции.

Некоторые приёмы и методы формирования межкультурной компетенции мы заимствовали у наших немецких коллег. Аналогично немецкому университету мы используем на своих занятиях также «вводные недели» и знакомим студентов-первокурсников с нашим университетом, организуя экскурсии по университету с последующей его презентацией на немецком языке. В компьютерных классах студенты имеют возможность работать на сайте университетов Германии, где знакомятся со структурой немецкого университета и его актуальными событиями. Особое внимание уделяется теме сравнительного анализа двух систем высшего образования – России и Германии, перехода на двухуровневую систему образования, возможностям обучения за рубежом. В рамках этой темы делается акцент на особенностях организации учебного процесса в вузах Германии, которые могут затруднить академическую адаптацию российских студентов: отсутствие общего для всех студентов расписания, учебных групп; разграничение всей учёбы на два этапа: базовое и углублённое; отсутствие понятия «сессия»; предварительная запись на консультацию к преподавателю; большая доля самостоятельной работы студентов; более старший возраст немецких студентов.

Итоговое занятие по теме «Учёба в вузе» на протяжении нескольких лет не является единообразным. Это могут быть (всё осуществляется на немецком языке) и проектные работы с последующей презентацией, и ролевая игра «Первый государственный экзамен», где студентами демонстрируется процесс обучения в немецком вузе на юридическом факультете с последующей сдачей первого государственного экзамена, и пресс-конференция студентов старших курсов, прошедших обучение на юридическом факультете университета Пассау. Естественно, что нами осуществляется помощь как в предоставлении дополнительного информационного материала, так и в корректировке диалогической речи. Таким образом, у студентов появляется заинтересованность в изучении

иностранный язык на новом уровне. Они с большим желанием участвуют в мероприятиях, осуществляемых в рамках предмета на различных уровнях: от внутривузовских до международных. Как следствие студенты постепенно отказываются от ложных стереотипов, которые у них сложились в силу незнаний или искажённых представлений о жизни немцев, у них исчезает страх перед общением с представителями иной культуры. Ежегодно студенты-первокурсники в рамках международной программы DSG встречаются с *тьютором международных* отношений. Примерно за две недели до встречи с немецким гостем мы совместно со студентами обсуждаем тематику вопросов, предназначенных для немецкого представителя, разрабатываем план мероприятий по организации встречи, соотносённый с пожеланиями тьютора. В такой подготовке участвуют не только студенты юридического факультета, но и все желающие студенты, для которых интересна эта встреча, возможность общения с представителем немецкой культуры на немецком языке. В результате мы снимаем напряжённость ожидания и страх перед общением со стороны студентов с носителем немецкого языка.

Необходимо отметить, что эту задачу решают и сами тьюторы, используя в начале встречи игру – знакомство на немецком языке, где в игровой форме представляют себя, и студенты, следуя их примеру, в непринуждённой форме представляют себя и своих друзей. Такие встречи, как это было не один раз, подобно снежному кому расширяют круг их участников. Так, на одной из ежегодных встреч, на которой присутствовали приглашённые из другого вуза студенты, тьютором Е. наряду с информированием студентов о программах ДААД, сотрудничестве юридических вузов Ассоциации «Сибирь» с университетом Пассау был проведён конкурс на лучшего знатока Германии, была разучена любимая песня немецких студентов.

В 2012 г. в рамках VII (XXXIX) Международной научной конференции студентов и молодых учёных: «ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ – вклад молодых исследователей» мы предложили студентам, изучающим немецкий язык, подготовить и выступить

с докладами, охватывающими различные сферы жизни немцев, начиная с политики и заканчивая темой спорта, на секции «Немецкий язык и культура». Студенты были при этом информированы о возможном участии в работе секции немецкого тьютора, что возлагало на них большую ответственность за информативность и достоверность излагаемого в докладах материала и его презентацию.

Так, студентки 2 курса социально-психологического факультета остановились на теме «Использование стереотипов в межкультурном общении». С большой серьёзностью и ответственностью они провели опрос студентов, обучающихся на своём и юридическом факультетах, идентичный нашему (таблица 1), и установили методом сравнительного анализа, что представления студентов о немцах за период 2007 – 2012 гг. претерпели изменения.

Как видно из таблицы 2 к предыдущим категориям суждений (см. таблицу 1), выступающим качественными единицами анализа: *внешность, черты характера, отношение к труду, образ жизни и привычки типичного немца*, добавилась категория *отношение к семье*. Актуальный социально-психологический портрет типичного немца стал намного шире за счёт наличия в нём, в отличие от предыдущего, представлений по гендерному признаку.

По таблице легко проследить, что в представлениях студентов типичный немец – это в основном стройный человек высокого роста, в основном брюнет, аккуратный, пунктуальный, ему присущ холодный расчёт во всём, ставит перед собой выполнимую цель при серьёзном отношении к работе, учёбе, семье, детям. Он любит путешествовать и обожает дорогие машины, а в выходные не забывает навестить своих родителей, при этом многие считают, что немецкий мужчина не гостеприимен. Очень критично отнеслись студенты к представительницам женского пола. В их представлениях немецкая женщина в основном высокая некрасивая брюнетка с характером бизнес-леди, ей присуще дружелюбие, и она очень заботливая мать, способная оформить красиво своё жилище.

Таблица 2

Социально-психологический портрет типичных немцев, представленный студентами методом свободного описания (2012 г.)

Пол	Внешность	%	Черты характера	%	Отношение к труду, семье	%	Образ жизни	%
Мужской	Полный.	30	Аккуратный.	90	Целеустремлённый.	90	Любит путешествовать.	90
	Стройный.	70	Пунктуальный.	95	Серьёзно относится к учёбе, работе. Любит детей и жену.	95	Любит дорогие машины.	90
	Высокий.	80	Экономный.	70			Посещает на выходных родителей.	65
	Блондин, голубоглазый.	25	Чистоплотный.	70			Не любит гостей.	68
	Брюнет.	70						
Женский	Полная.	20	Умная.	94	Прилежная.	90	Красиво оформляет дом, своё жилище.	80
	Стройная.	27	Дружелюбная.	48	Заботится о детях.	90		
	Высокая.	73	Бизнес-леди.	75				
	Брюнетка.	80						
	Грубые черты лица, некрасивая.	90						

Кроме этого, студенты представили в своём докладе стереотипные представления немцев о русских, что вызвало большой интерес и удивление как у студентов, так и у присутствующего тьютора, который всё же согласился с представленными портретами, сославшись на то, что немцы не так хорошо знакомы с русской культурой, её традициями, как хотелось бы, и высказал надежду на исправление этой ситуации, подчеркнув хорошую осведомлённость российских студентов о немецкой культуре, истории.

Высокая оценка тьютором выступлений наших студентов на конференции с докладами: «Воссоединение Германии – путь к демократическому будущему», «Академическое сотрудничество и диалог культур» – придала студентам большую уверенность в их самостоятельной работе и знаниях немецкого языка и культуры, в межкультурном общении.

Мы убеждены, что подобного рода встречи с носителями языка заменяют не только одновременно несколько занятий по иностранному языку, мотивируют его изучение, но и способствует развитию спо-

собности рефлексировать свою и чужую культуру, пополнению знаний о ней, адекватному восприятию различных культурных ценностей, что является основной составляющей межкультурной компетенции.

Таким образом, наше исследование показало, что успешность межкультурного взаимодействия студентов в основном зависит от уровня сформированности их межкультурной компетенции, их готовности и желания коммуницировать с представителями иной культуры на иностранном языке. В процессе формирования межкультурной компетенции на занятиях по иностранному языку необходимо использовать интерактивные методы обучения: проектные работы, ролевые игры, работу в группах и командах, дискуссии, презентации и встречи с иностранными представителями. Необходимо также активизировать работу по привлечению студентов к совместным с преподавателем научным исследованиям в контексте межкультурного пространства с последующим представлением результатов этих исследований на конференциях различного уровня.

Литература

1. Зимняя, Е. А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 20 с.
2. Meißner, Franz-Joseph. Kompetenzen, Interkulturalität, Inhalte: Gegensätze oder neue Chancen? / Fremdsprachenunterricht im Spannungsfeld von Inhaltsorientierung und Kompetenzbestimmung: Arbeitspapiere der 29. Frühjahrskonferenz zur Erforschung des Fremdsprachenunterrichts / Herausgegeben von Lothar Bredella, Eva Burwitz-Melzer, Wolfgang Hallet, Michael K. Legutke, Franz-Joseph Meißner und Dietmar Rösler; Gunter Narr Verlag Tübingen. – 2009.
3. Николаева, Л. А. Педагогическое сопровождение формирования межкультурной компетенции будущих специалистов // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2(45).
4. Система работы куратора вуза: теоретические основы направления деятельности: учебное пособие / В. А. Волчек, Н. А. Шмырёва, Т. Н. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 70 с.
5. Стефаненко, Т. Г. Методы этнопсихологического исследования / Т. Г. Стефаненко, Е. И. Шлягина, С. Н. Ениколопов. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 80 с.

Информация об авторе:

Николаева Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета РГФ КемГУ, lanickl@rambler.ru.

Lyudmila A. Nikolaeva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

УДК 371.13

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА. СТАТЬЯ 1. УТОЧНЕНИЕ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ УСТОЙЧИВОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

А. А. Перевалова

PROFESSIONAL STABILITY OF FUTURE TEACHERS. PAPER 1. DEFINING THE NOTION OF STABILITY/ CONSISTENCY: INTERDISCIPLINARY APPROACH

A. A. Perevalova

Статья является первой частью цикла публикаций автора, посвященных изучению вопроса профессиональной стабильности будущего педагога. В статье проводится анализ сущности понятия «устойчивость» с позиций разных наук: философии, механики, математики, кибернетики, физики, социологии, экологии, психологии. Устойчивость рассматривается как характеристика объектов, технических и природных систем и их состояний, как качество личности.

This paper is the first part of the author's publications cycle devoted to professional stability of future teachers. The article deals with analyzing the essence of the notion of stability/consistency from the position of various sciences: philosophy, mechanics, mathematics, cybernetics, physics, sociology, ecology, psychology. Stability/consistency is considered as a characteristic feature of objects, mechanical and natural systems and their conditions, as a personal characteristic.

Ключевые слова: стабильность, устойчивость, сложная система, сопротивляемость, саморегуляция, саморазвитие.

Keywords: stability, consistency, complex system, resistibility, self-direction, self-development.

Формирование творческого потенциала личности является основой ее профессиональной стабильности, обеспечивающей самостоятельную, творческую, продуктивную профессиональную деятельность, отчетливое видение перспектив профессионального роста, осознанную активизацию положительных личностных и профессиональных качеств, высокую сопротивляемость эмоциональному и профессиональному выгоранию, способность к самопознанию, совершенствованию, развитию и творческому проявлению. Как показывает анализ научной (психолого-педагогической, философской, социологической, экономической) литературы, понятия «стабильность» и «устойчивость» используются зачастую синонимично и подменяются в разных контекстах одно другим. Нашей задачей было определить сущность и характеристики устойчивости с дальнейшим установлением отличий ее от стабильности (и профессиональной в частности).

В философии понятие устойчивости рассматривается как постоянство, пребывание в одном состоянии. Оно может применяться для описания постоянства состояния системы, ее черт, последовательность состояний и т. п.

Рассматривая основные типы движения, одним из которых является движение, связанное с сохранением устойчивости предмета, его качества, философы сталкиваются с противопоставлением вещи и процесса, устойчивости и изменчивости. В рамках обыденного сознания действительность предстает как набор устойчивых вещей, взаимодействующих между собой. С философской точки зрения любая вещь является процессом, и при том, что она сохраняет свои свойства, в ней происходят многообразные изменения. Однако подобные изменения не препятствуют сохранению определенного набора признаков предмета, т. е. позволяют ему оставаться устойчивым [25, с. 374 – 376].

В области математики и механики этой проблемой занимались еще Ж. Л. Лагранж, Э. Д. Раус, В. Томсон и П. Тет, Н. Е. Жуковский, А. Пуанкаре и др. Первое строгое определение устойчивости было введено русским математиком и механиком А. М. Ляпуновым в конце XIX века. В его определении устойчивость невозмущенного движения рассматривается по отношению к возмущениям начальных условий, к мгновенно действующим возмущениям [17].

Кибернетика как наука об управлении сложными системами с обратной связью, возникшая на стыке математики, техники и нейрофизиологии, также изучала вопросы устойчивости. Рассматриваемые трактовки устойчивости несут в себе идею «инвариантности», заключающуюся в том, что, несмотря на

происходящие в системе изменения, некоторые ее свойства остаются неизменными. Устойчивость в большинстве случаев является желательной, поскольку позволяет сочетать некоторую гибкость и активность действия с некоторым постоянством и определяется как способность противостоять возмущениям (под возмущением понимается то, что перемещает систему из одного состояния в другое). В данном случае имеют в виду структурную, статическую устойчивость как сопротивляемость по отношению к внешним воздействиям способным вызвать нежелательные изменения либо уничтожение [28].

Работая над разработкой теории потенциальной эффективности сложных систем, Б. С. Флейшман рассматривает надежность как один из видов устойчивости сложной системы, являющуюся необходимым условием ее целостного функционирования. Устойчивость, в свою очередь, он подразделяет на вещественно-энергетическую, связанную с постоянством вещественного состава и энергетического баланса системы, и структурно-функциональную, связанную с постоянством структуры системы и постоянством реакций на одинаковые внешние воздействия [29].

Любая сложная система нацелена на непрерывное функционирование и достижение некоторой внешней цели. Следовательно, по мнению В. Ф. Крапивина, при построении такого рода систем необходимо учитывать такие их характеристики, как надежность, помехоустойчивость, управляемость и самоорганизация. Под надежностью он понимает устойчивость или стабильность (используя эти понятия как синонимичные) и отождествляет ее (устойчивость) с понятием живучести сложных систем. Под живучестью понимается «свойство системы сохранять способность выполнять свои функции, определяемое некоторым заданным уровнем ценности функционирующих элементов» [15, с. 135].

Применительно к различным техническим системам исследователи рассматривают живучесть как свойство системы приспосабливаться к непривычным условиям и противодействовать негативным внешним воздействиям при выполнении своей целевой функции, изменяя структуру и поведение системы даже в случае неисправности ее компонентов (А. Г. Додонов, М. Г. Кузнецова, Е. С. Горбачик, 1990; Б. Г. Волик, 1984, 1985).

В физике устойчивость означает свойство упругих систем возвращаться к состоянию равновесия после незначительных внешних воздействий, вызывающих их отклонение. Поскольку устойчивость является необходимым условием для любого инженерного объекта, ее потеря может привести к разрушению данного объекта, либо его отдельных элементов.

В работах по социологии понятие «устойчивость системы» имеет подобную трактовку и означает свойство системы возвращаться к исходному состоянию после прекращения воздействия, которое вывело ее из этого состояния. Кроме того, некоторые авторы подчеркивают способность системы сохранять равновесие и поддерживать намеченный режим функционирования, несмотря не только на внешние, но и внутренние воздействия [3; 11; 23].

Исследователи приходят к выводу, что устойчивость, характеризуя состояние объекта по отношению к оказываемым на него воздействиям извне, является относительной характеристикой. Является ли объект более или менее устойчивым, можно определить только при воздействии на него с одной и той же силой. Чем менее в таком случае подвержен объект изменениям, тем более устойчивым он является. Поскольку устойчивость – это внешнее проявление внутренней структуры объекта, повысить ее по отношению к различным внешним воздействиям можно путем его внутренней модернизации, развития и усовершенствования [12; 21, с. 12 – 13].

Представленные подходы отражают устойчивость как характеристику объектов, конструкций, систем и их состояний. Кроме того, исследователи активно занимаются изучением устойчивости природных систем. Отличие устойчивости систем неживой природы от устойчивости природных систем в том, что первая является пассивной. Устойчивость живого организма является результатом его активной жизнедеятельности.

Устойчивость экосистемы рассматривается как способность ее отдельных частей противостоять колебаниям внешних факторов и сохранять свою структуру и функциональные особенности [8, с. 327]; и представляет собой наивысшую точку всех экологических взаимосвязей, совокупность компонентов, взаимодействий и свойств, проявляющихся на разных уровнях сообщества [19].

М. Д. Гродзинский определяет четыре основные общие формы устойчивости природной системы:

- 1) инертность (как способность системы удерживать свою структуру константной в течение определенного промежутка времени);
- 2) восстанавливаемость (как способность экосистемы возвращаться в исходное состояние после некоего воздействия, возмущения);
- 3) пластичность (как способность переходить из одного состояния в другое в случае необходимости);
- 4) смена инвариантной структуры (или устойчивость развития) [5, с. 5 – 15].

Устойчивость как качество личности рассматривается с разных позиций: как способность отстаивать собственные установки вопреки внешним воздействиям в случае их противоречия и как способность самореализации, самоорганизации с корректировкой своего поведения при возникновении такой необходимости. В основе устойчивости как способности человека сохранять и реализовывать в различных ситуациях свои личностные позиции лежит определенный уровень самоорганизации [27].

В психологии исследователями выделяется психологическая, эмоциональная, нравственная устойчивость.

Психологическая устойчивость определяется как интегративное качество, объединяющее совокупность способностей личности, в которой выделяются три основных аспекта: стойкость и стабильность; уравновешенность и соразмерность; сопротивляемость (или резистентность) (Л. В. Куликов, 2004); способность человека управлять своим эмоциональным состоянием, способность к самоорганизации, саморегуляции, коррекции собственного поведения в сложных ситуациях профессионального взаимодействия (О. Б. Дарвиш, 2011; Р. А. Тагирова, 2009); комплексное свойство личности, способствующее успешной адаптации к воздействию психосоциальных нагрузок и факторов среды обитания, исключая негативные последствия для психического и физического здоровья человека (И. Ю. Стахнева, 2009).

Психологическая устойчивость выражается в способности личности как системы распознавать и противодействовать не только внешним, но и внутренним неблагоприятным, критическим воздействиям [6, с. 47 – 51; 7; 9].

Что касается психологической устойчивости профессиональной педагогической деятельности, то некоторые исследователи определяют ее как единство свойств и качеств педагога, позволяющее уверенно и самостоятельно в различных эмоциональных условиях выполнять свою профессиональную деятельность (З. Н. Курлянд, Р. И. Хмелюк, Н. А. Шевченко) [7].

Принимая идею о целесообразной динамике психических процессов (Н. Винер, У. Росс, Н. А. Бернштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев и др.), Р. А. Тагирова рассматривает устойчивость с двух позиций: как равновесное состояние системы, сохраняемое путем ее противодействия внешним и внутренним факторам, и в то же время как целенаправленное нарушение этого равновесия, согласованного с задачами, возникающими в процессе взаимодействия системы со средой. По мнению автора, индивидуальное сознание, которое является главным условием психологической устойчивости, включает три основных изменяющихся компонента: ценностно-смысловой, когнитивный, интуитивный [24, с. 21 – 25]. Развитие самосознания способствует формированию стойкого представления личности о своей «самости», собственной ценности. Несмотря на то, что сознание личности, как и она сама, развивается, изменяется благодаря разным условиям жизнедеятельности, разнообразным сложившимся обстоятельствам и ситуациям, остается инвариативное содержание, что позволяет человеку сохранять свою индивидуальность и уникальность (К. А. Абульханова-Славская, 1981; Б. Г. Ананьев, 2001; Р. А. Тагирова, 2009; И. И. Чеснокова, 1977). Таким образом, философская проблема устойчивости и изменчивости получила свое отражение и в психологии.

Исследуя психологическую устойчивость индивидуального стиля общения, Е. П. Крупник рассматривает ее как творческий процесс, в котором личность проявляет свою способность корректировать способы и приемы педагогического общения в соответствии с

определенной ситуацией. Применительно к профессиональной педагогической деятельности это выражается в психологической способности учителя рассмотреть ситуацию с позиции другого человека, быть открытым к инновациям, многомерно воспринимать окружающий мир, что зависит как от сложности конструктивной системы человека (Дж. Келли, Д. Бири и др.), так и от степени схожести системы представлений о себе с той системой ценностных ориентаций, к которой стремится субъект (К. Роджерс) [16].

Взяв за основу своих исследований теорию психологических систем, О. Б. Дарвиш утверждает, что основанием устойчивости человека является самореализация и саморегуляция. По мнению автора, обладать психологической устойчивостью в профессиональной педагогической деятельности означает «уметь быстро ориентироваться в измененных условиях школьной жизни, находить оптимальные решения в сложных нестандартных психолого-педагогических ситуациях и сохранять при этом выдержку, самообладание» [7]. Изучая механизмы формирования профессиональной устойчивости будущих педагогов, автор приходит к выводу, что психологическая устойчивость невозможна без социально-психологической готовности специалиста к инновациям в профессиональной деятельности, без знания приемов психологической саморегуляции, без умения при возникновении конфликтных ситуаций преобразовывать непроизвольные эмоциональные реакции в сознательно регулируемые, без умения активизировать положительные мотивы поведения и проводить анализ собственного поведения.

Педагогическая деятельность изобилует разнообразными напряженными, зачастую конфликтными ситуациями и факторами, которые несут в себе потенциальную возможность повышенного эмоционального реагирования, что влечет за собой снижение уровня работоспособности, активности, творчества, появлению нехарактерных ошибок и т. п. В процессе осуществления педагогической деятельности наличие такого профессионально значимого качества, как эмоциональная устойчивость, снижает негативное влияние сильных эмоциональных воздействий, предупреждает крайний стресс, способствует успешному разрешению различных педагогических конфликтных ситуаций. Педагогу необходимо владеть умениями и навыками саморегуляции эмоционального состояния с целью профилактики и преодоления состояния эмоциональной напряженности [20; 22].

Эмоциональная устойчивость рассматривается исследователями как кумулятивное качество психики преодолевать чрезмерное эмоциональное возбуждение в процессе осуществления сложной деятельности (Т. А. Савина, 2009); способность регулировать собственные эмоции при сильных внешних раздражителях и воздействиях, сохраняя при этом высокую работоспособность (В. Л. Маришук, В. И. Евдокимов, 2001; Я. Рейковский, 1979; П. Фресс, 1975); интегративное качество личности, объединяющее эмоциональный опыт преодоления негативных влияний экстремальных ситуаций, мотивационный, волевой, интеллектуальный компоненты с одной стороны и психическое состояние с другой стороны, что обеспе-

чивает целесообразное поведение в экстремальных ситуациях и сложной эмоциональной обстановке (Б. Х. Варданян, 1983; М. И. Дьяченко, 1989; П. Б. Зильберман, 1974).

В то же время эмоциональная устойчивость или «фрустрационная толерантность», являясь профессионально важным качеством педагога и выступая одним из критериев эффективности педагогической деятельности, определяется как способность преодолевать профессиональные трудности, не теряя психологического баланса, адекватно оценивая реальную ситуацию и предвосхищая оптимальный выход из нее (Г. Ф. Заремба, 1982; Л. М. Митина, 2001; Н. Б. Москвина, 2004; В. А. Сластенин, Н. Г. Руденко, А. А. Черникова, 2009).

В рамках одного из подходов к изучению эмоциональной устойчивости исследователи занимаются определением эмоциональных характеристик данного типа устойчивости. О. А. Черникова рассматривает эмоциональную устойчивость как релятивную устойчивость оптимального уровня интенсивности эмоциональных реакций, с одной стороны, и как устойчивость качественных признаков эмоциональных состояний, с другой стороны [26, с. 506 – 507]. А. Е. Олшанникова считает, что доминирование положительных эмоций является признаком эмоциональной устойчивости [18].

Занимаясь исследованием вопросов повышения эмоциональной устойчивости спортсменов, под эмоциональной устойчивостью Л. М. Аболин понимает способность человека регулировать эмоциональное состояние в напряженных условиях продуктивной деятельности. Исследователь рассматривает данное понятие с двух сторон, а именно – как «результат целостной функциональной системы эмоциональной саморегуляции напряженной и одновременно продуктивной деятельности», с одной стороны, и как «системное качество личности, приобретаемое индивидом и проявляющееся у него в единстве эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других отношений, в которые он вовлекается в условиях напряженной деятельности» – с другой [2, с. 148]. Эмоциональный опыт является приоритетным условием процесса эмоциональной саморегуляции, который реализуется благодаря механизмам, формирующимся в результате анализа реальных напряженных обстоятельств. Данный опыт приобретается человеком в процессе включения его в «живую» пристрастную деятельность.

Л. М. Аболин полагает, что основным показателем, определяющим эмоциональную устойчивость, являются знак и интенсивность эмоций. Преобладание положительных интенсивных эмоций, по мнению автора, указывает на способность спортсмена справиться с негативными эмоциями, переживаниями, которые неминуемо появляются в условиях спортивных состязаний, и является одним из решающих моментов эмоциональной устойчивости [1, с. 104 – 115].

М. И. Дьяченко и В. А. Пономаренко под эмоциональной устойчивостью понимают качество личности, представляющее собой комплекс основных компонентов: 1) мотивационного; 2) эмоционального опыта личности, полученного в процессе преодоления негативных воздействий чрезвычайных ситуаций; 3) воле-

вого, выраженного в осознанной регуляции действий; 4) интеллектуального, заключающегося в анализе ситуации, прогнозировании ее допустимой трансформации, планировании вероятных способов действий [10, с. 106 – 112].

Анализируя проблему нравственной устойчивости личности, В. Э. Чудновский выделяет отдаленную ориентацию поведения человека или зависимость поведения от отдаленной цели как один из факторов, обуславливающий ее. Он определяет нравственную устойчивость как «способность человека сохранять и реализовывать в различных условиях личностные позиции, обладать определенным иммунитетом к воздействиям, противоречащим его личностным установкам, взглядам и убеждениям» [27, с. 4], и тем самым отождествляет ее с общим понятием «устойчивости личности», объясняя тем, что нравственность является основой сущности личности. Проведенные автором исследования позволили выделить такие уровни сформированности отдаленной ориентации, которая, собственно, и определяет проявление устойчивости личности:

- эгоистическая ориентация поведения, направленная исключительно на собственные интересы;
- групповая направленность, направленная в некоторой степени на интересы других людей;
- коллективистическая мотивация, направленная в большей мере на интересы общества [27].

Занимаясь изучением условий формирования нравственной устойчивости подростков, А. Н. Копыл приходит к выводу, что основу ее составляют четыре основных компонента: содержательный, эмоционально-волевой, праксеологический и коммуникативный. Нравственная устойчивость отражает нравственные ценности личности, ее критичность и самокритичность, опыт нравственного поведения, умение оказывать сопротивление негативным влияниям, способность к моральному взаимодействию. По мнению исследователя, критериями нравственной устойчивости в подростковом возрасте являются сформированность таких личностных качеств, как гуманистичность, честность, трудолюбие, ответственность, способность к взаимодействию, готовность к преодолению трудностей, ориентация на добро, а также способность быть креативным и лабильным в поведении [14, с. 162 – 167].

Когда выбор определенной жизненной позиции определяется общественно одобряемыми целями, это характеризует нравственную устойчивость личности, которая обуславливается социальными условиями и характером воспитания. Исследуя условия повышения нравственной устойчивости младших школьников к отрицательным влияниям, Е. В. Головкин заключает,

что их нравственная устойчивость возрастает при увеличении положительных влияний, даже когда одновременно с ними увеличивается независящее от воли педагога количество отрицательных воздействий. Однако следует учитывать, что первоначально положительных влияний на ребенка было гораздо меньше, чем отрицательных. Исследователь утверждает, что развивать нравственную устойчивость младшего школьника к отрицательным влияниям микросреды следует, не изолируя его от жизни, а наоборот, необходимо показывать все стороны окружающей его действительности, чтобы дать ему возможность сравнивать, анализировать, принимать самостоятельные решения и выбирать, к чему стремиться, а чего избегать [4, с. 105 – 109].

Вопросы воспитания нравственной устойчивости у студенческой молодежи находят свое отражение в исследованиях Т. В. Кононенко, которую автор характеризует не просто как способность противостоять негативным воздействиям, а как достаточно высокий уровень духовного развития нравственной сознательности личности, самоорганизацию ее в педагогической деятельности и повседневном поведении. О наличии нравственной устойчивости можно говорить, когда человек способен не только оказать сопротивление неблагоприятному влиянию, но и активно воздействовать на обстоятельства, преобразовывая как свой внутренний мир, так и внешний; способен корректировать и осуществлять выбор поведения в соответствии с позитивными общечеловеческими и профессиональными ценностями.

Раскрывая сущность и структуру нравственной устойчивости будущего педагога, Т. В. Кононенко разрабатывает ее модель, которая включает такие элементы как:

- а) нравственная Я-позиция (я как ценность; я как гражданин; я как профессионал; я как создатель и хранитель культуры);
- б) устойчивость к мотивационным влияниям, побуждающим к выходу за нравственные позиции:
 - сопротивление асоциальным явлениям (псевдокультуре, национализму);
 - невосприимчивость к отрицательным явлениям (алкоголизм, наркотики, курение);
 - неподатливость соблазнам легкой жизни (авантюры, мошенничество, взяточничество);
 - противодействие аморальности и злу (клевета, зависть, распущенность, насилие и т. д.) [13].

Для нашего исследования более целесообразным и значимым представляется анализ подходов определения сущности профессиональной устойчивости, который будет представлен в последующих статьях цикла.

Литература

1. Аболин, Л. М. Соотношение психологических и физиологических коррелятов эмоциональной устойчивости спортсменов / Л. М. Аболин // Вопросы психологии. – 1974. – № 1.
2. Аболин, Л. М. Эмоциональная устойчивость и пути ее повышения / Л. М. Аболин // Вопросы психологии. – 1989. – № 4.
3. Большой электронный словарь по социологии. – Режим доступа: www.rusword.com.ua
4. Головкин, Е. В. Создание в воспитательном пространстве «Микросреды второго уровня – важнейшее условие повышения нравственной устойчивости младшего школьника к отрицательным влияниям» / Е. В. Головкин

- ко // Воспитательное пространство: проблемы, поиски, решения (15 января – 15 февраля 2009 г.): материалы Интернет-конференции. – Белгород: БелГУ, 2009. – Режим доступа: <http://edu.znate.ru/docs/index-36805393.html>
5. Гродзинский, М. Д. Устойчивость геосистем: теоретический подход к анализу и методы количественной оценки / М. Д. Гродзинский // Изв. АН СССР. Серия: География. – 1987. – № 6.
6. Дарвиш, О. Б. Обеспечение психологической устойчивости личности как открытой самоорганизующейся системы / О. Б. Дарвиш // Известия АГУ. – 2011. – № 2-2(70).
7. Дарвиш, О. Б. Психологическая устойчивость в профессиональной педагогической деятельности / О. Б. Дарвиш // Всероссийские педагогические чтения «Педагогическое наследие Степана Павловича Титова»: сб. материалов – Режим доступа: www.uni-altai.ru/engine/download.php?id=3925
8. Дедю, И. И. Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю; предисл. В. Д. Федорова. – Кишинев: Молд. сов. энцикл., 1990. – 406 с.
9. Дикая, Л. Г. Методики моделирования и дифференцирования состояний психической напряженности в интеллектуальной деятельности (методика диагностики психических состояний и анализа деятельности человека) / Л. Г. Дикая, Е. А. Черникова, В. В. Суходьев; отв. ред. Л. Г. Дикая. – М., 1994. – 206 с.
10. Дьяченко, М. И. О подходах к изучению эмоциональной устойчивости / М. И. Дьяченко, В. А. Пономаренко // Военно-медицинский журнал. – 1989. – № 5.
11. Зборовский, Г. Е. Общая социология: учебник для вузов / Г. Е. Зборовский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – 592 с.
12. Ключникова, И. А. Формирование профессиональной устойчивости студентов к педагогической деятельности (на материале подготовки специалиста с квалификацией "учитель безопасности жизнедеятельности"): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / И. А. Ключникова. – Ставрополь, 2005. – 193 с.
13. Кононенко, Т. В. Воспитание нравственной устойчивости у студентов педагогических вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т. В. Кононенко. – Майкоп, 2004. – 171 с.
14. Копыл, А. Н. Личностный потенциал подростка в саморазвитии нравственной устойчивости / А. Н. Копыл // Известия Южного отделения Российской академии образования. – Ростов н/Д., 2000. – Вып. 2.
15. Крапивин, В. Ф. Теоретико-игровые методы синтеза сложных систем в конфликтных ситуациях / В. Ф. Крапивин. – М.: Советское радио, 1972. – 192 с.
16. Крупник, Е. П. Теоретические аспекты психологической культуры межличностных взаимодействий / Е. П. Крупник // Формирование психологической культуры в системе дополнительного образования детей; под ред. А. В. Егоровой, И. М. Каманова, М. В. Поповой. – М.: Просвещение, 2006. – 94 с.
17. Ляпунов, А. М. Общая задача об устойчивости движения / А. М. Ляпунов. – М.: Меркурий-Пресс, 2000. – 386 с.
18. Олышанникова, А. Е. К проблеме диагностики психологического развития / А. Е. Олышанникова // Тезисы докладов на симпозиуме. – Таллинн, 1974. – 116 с.
19. Риклефс, Р. Основы общей экологии / Р. Риклефс. – М.: Мир, 1979. – 424 с.
20. Савина, Т. А. Устойчивость как фактор стабильности профессиональной деятельности педагога / Т. А. Савина // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'09: сб. научных трудов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 1(09). – Режим доступа: <http://www.info-alt.ru/2009-08-05-14-32-40>
21. Сафин, Ф. М. Сущность и факторы экономической устойчивости (постановка проблемы) / Ф. М. Сафин // Вестник ТИБСИ. – 2000. – № 2.
22. Семёнова, Е. М. Тренинг эмоциональной устойчивости педагога: учебное пособие / Е. М. Семенова. – 3-е изд. – М.: Психотерапия, 2006. – 256 с.
23. Социология: словарь / сост. Т. Е. Зерчанинова. – Екатеринбург: УрАГС, 2006. – 64 с.
24. Тагирова, Р. А. Психологическая устойчивость самосознания личности / Р. А. Тагирова // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. – 2009. – № 4.
25. Фролов, И. Т. Введение в философию: учебное пособие для вузов / авт. кол.: Фролов И. Т. [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2003. – 623 с.
26. Черникова, О. А. Исследование эмоциональной устойчивости в условиях напряженной деятельности / О. А. Черникова // Тезисы сообщений на XVIII Международном психологическом конгрессе. – М., 1966. – Т. II.
27. Чудновский, В. Э. Нравственная устойчивость личности: психологическое исследование / В. Э. Чудновский. – М.: Педагогика, 1981. – 208 с.
28. Ashby, W. R. An Introduction to Cybernetics / W. R. Ashby. – London: Chapman and Hall Ltd., 1957. – 295 p.
29. Fleishman, B. S. The state of theory of potential efficiency of complex systems / B. S. Fleishman // Cybernetica. – 1970. – № 4.

Информация об авторе:

Перевалова Алена Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков КемГУ, 8-905-960-41-07, aljena_04@mail.ru.

Alena A. Perevalova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.
Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-38-85
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150.

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 29.04.2013 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 31,24. Уч.- изд. л. – 30,75.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.